

А А М Т А Қ Э А

Атҗурых-культура тэ альманах

№ 1–2

Аредактор хада Аѡзба А. Ф.

Аредакция тэ коллегия: Агрба И. В. (атакзың. амазаныкэгаѡ),
Анчабазе Иу. Д., Аѡзба В. В., Бҗажэба О. Хэ., Габелаиа А.С.,
Дбар А. Иа., Лакоба С. З., Салакаиа С. Ш.

УДК 93/94(059)
ББК 63.3(5Абх)я56
В 81

ААМҢАҚӘА

В 81 Аҗоурых-культура тә альманах №1-2 / Аред. хада А. Ф. Аәзба.
Ақәа: АУН «Ақьыпцхь афны», 2024. – 352 д.

Г/р 978-5-111-98-11023

*Аҗоурых-культура тә альманах «Аамҗақәа» раңхьатәи аҗыжьымҗа ада-
кьақәа рґы ихадоу аҗың аанырклоит еиуеиңшым арубрикақәа рыла ицәыр-
гоу зызбахә ҳәоу ахьхарҗақәа (аҗоурыхи акультуреи) ирызку аңсуа җарауаа
рыҗаамҗақәеи, рматериалқәеи.*

*Аҗыжьымҗа рзынархоуп айарауааи, астудентцәеи, иара убас Аңсни, уи
акәша-мыкәша аҗың змаз, иахьагьы измоу «аҗоурыхтә аамҗа аныкәара» ап-
роцесс аинтерес змоу зегьы.*

Иҗыҗуеит 2023 ш. раахыс. Иҗыҗуеит шыкәсык ахьтә знык еитҗамкәа.

Аҗҗафы – Ахьынҗқарратә тҗаарадырратә усхәарҗа «Аҗҗаара-дырратә центр
«Аңсуа енциклопедиа».

Иахькьыпцхьуа аматериалқәа аредакциатә еилазаара ргәаанагара иақәымшәар-
гьы калоит.

ISBN 978-5-94201-699-9

УДК 93/94(059)
ББК 63.3(5Абх)я56

© Аҗҗаара-дырратә центр
«Аңсуа енциклопедиа», 2024
© Аңсуа җоурыхтә еилазаара, 2024
© Аред. хада А. Ф. Аәзба, 2024

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«АБХАЗСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
АБХАЗСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ВРЕМЕНА

Историко-культурный альманах

№ 1–2

Главный редактор **Авидзба А. Ф.**
Редколлегия: **Авидзба В.В., Агрба И. В. (отв. секретарь),**
Анчабадзе Ю. Д., Бгажба О. Х., Габелая А.С.,
Дбар А. Я., Лакоба С. З., Салакая С. Ш.

Сухум
2024

УДК 93/94(059)
ББК 63.3(5Абх)я56
В 81

В 81 ВРЕМЕНА
Историко-культурный альманах №1-2 / Гл. ред. А. Ф. Авидзба.
Сухум: Дом печати, 2024. – 352 с.

Г/р 978-5-111-98-11023

В первых номерах историко-культурного альманаха «Времена» собраны, как правило, научные работы абхазских исследователей и материалы по заявленным направлениям (история и культура) под соответствующими рубриками.

Издание рассчитано на специалистов, студентов и на всех интересующихся «движением исторического времени» в Абхазии и вокруг нее.

Издается с 2023 г. Выходит не реже одного раза в год.

Учредитель: Государственное научное учреждение Научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия»

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения редколлегии.

ISBN 978-5-94201-699-9

УДК 93/94(059)
ББК 63.3(5Абх)я56

© Научно-исследовательский центр
«Абхазская энциклопедия», 2024
© Абхазское историческое общество, 2024
© Гл. ред. А. Ф. Авидзба, 2024

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Совместным решением научно-исследовательского центра «Абхазская энциклопедия» и Абхазского исторического общества мы приступаем к изданию историко-культурного альманаха «Времена».

Решение представить читателю новое печатное издание гуманитарного профиля было продиктовано рядом обстоятельств. Завершившаяся некоторое время назад работа большого авторского коллектива над двухтомником «Абхазия. Краткая Энциклопедия» (Сухум-СПб, 2022), а ранее над «Абхазским биографическим словарем» (Сухум-М., 2015), привлекла внимание ко многим страницам и персоналиям абхазской истории, которые ранее находились вне поля исследовательского интереса. Стал вполне очевидным факт, что событийное пространство истории Абхазии гораздо шире, чем это представлялось ранее, а сонм ее деятелей включает представителей самых разных слоев общества, в том числе не находившихся в передних рядах социальной активности, но внесших существенный вклад в движение исторического времени.

Соответственно, возросли возможности и перспективы абхазоведческих исследований, обозначились пути расширения их тематических и объектных рамок, включение в поле зрения исследователей новых направлений, формулирование новых целевых задач во всей полноте дисциплинарных направлений современного абхазоведения – археологии, этнографии, социологии, демографии, культурологии и др. Эти тренды были актуализированы в работе НИЦ «Абхазская энциклопедия» при подготовке над вышеуказанными изданиями, они же сохранятся и в дальнейшей научно-издательской деятельности Центра.

Обозначенный энциклопедический подход будет аккумулирован и в редакционной стратегии альманаха «Времена». Альманах задуман в широких предметно-тематических и хронологическо-временных рамках, охватывающих весь исторический континуум существования абхазского народа. В этих направлениях, естественно, большое внимание будет уделяться проблемам политической истории Абхазии, социально-экономическим механизмам исторического процесса, вопросам культурного строительства, этнокультурного развития с древнейших времен до наиновейшей современности. В качестве приоритетных тем выдвигаются: изучение Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг., история национально-освободительного движения, построение независимого государства и др.

В то же время альманах заинтересован в расширении исследовательского пространства абхазоведения. Мы будем поощрять появление на страницах нашего издания исследований, освещающих новые аспекты исторического прошлого, связанные, например, с коммуникациями общества и государ-

ственных структур на протяжении господствовавших в Абхазии политических и экономических систем, эволюции за этот период социальных институтов и общественных институций; представляются важными вопросы, освещающие проблемы локальной истории нашей страны, истории народов и этнических групп, проживающих в Абхазии; актуализируются вопросы, связанные с интеллектуальной историей Абхазии, историей идей и социально-гуманитарной мысли как важнейшего сегмента национального наследия духовной культуры; назрела необходимость в продолжении и интенсификации исследований по гендерной проблематике, биографистике и генеалогии и т.д. Мы заинтересованы в расширении источниковой базы абхазоведческих исследований, поэтому в альманахе будут печататься новонайденные источники и документы, комментарии к которым определяют их значимость и информативные возможности. Важно, чтобы каждая статья и публикация, выходящая на страницах издания, служила приращению наших знаний и представлений об исторических процессах в Абхазии.

В каждом номере альманаха будет представлен критико-библиографический раздел. Мы намерены рецензировать по возможности все значимые книги и публикации по Абхазии и смежным областям кавказоведения, считая, что корректная академическая дискуссия и полемика всегда идет на пользу научному знанию. Единственное, что не будет допускаться в альманахе – это политизация исторического знания, обращения его на службу предвзятых концепций и идей, конъюнктурное подстраивание выводов и доказательств под сиюминутные веяния политических доктрин и диктата «общественного» мнения. Единственными критериями для появления материалов на страницах альманаха будут их научная фундированность, исследовательская новизна, соответствие общепринятому академическому уровню.

Времена меняются, но процессы исторического движения неостановимы. «Времена» попытаются зафиксировать и реконструировать их конкретные реалии в адекватных приемах и методах исторической наррации.

Надеемся, что материалы альманаха «Времена» будут интересны, как специалистам, так и всем интересующимся отечественной историей, вопросами историко-культурного развития абхазского народа, широким спектром проблем абхазской гуманитаристики.

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дорогой читатель! Цели и задачи историко-культурного альманаха «Времена» изложены в тексте, озаглавленном «От редколлегии»; под названной же рубрикой будет речь идти о материалах, как правило, нуждающихся, по мнению главного редактора, в некоторых дополнительных комментариях и пояснениях.

30 сентября 2023 г. исполнилось 30 лет победе Абхазии в войне против Грузии. Это важное событие в жизни нашей страны, в силу чего мы посчитали не правильным пройти мимо этой темы: издание открывается публикацией доклада «Отечественная война в Абхазии 1992–1993 гг.», который был озвучен на Международной научной конференции «Проблемы истории и современности Черноморско-Кавказского региона», посвящённой 30-летию Победы в Отечественной войне народа Абхазии 1992–1993 гг. и 15-летию Международного признания государственной независимости Республики Абхазия, проведенной в АБИГИ 2-4 октября 2023 г.

Далее публикуются две работы под рубрикой «Проблемы энциклопедистики»: статьи Ю. Д. Анчабадзе «Из истории развития энциклопедистики в Республике Абхазия» и В. Ш. Авидзба «Абхазия в «Большой Советской энциклопедии». Нужно отметить, что ранее другая работа Ю. Д. Анчабадзе под таким же названием была опубликована в материалах Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в г. Уфе¹. В ней автор говорит о том, что «уже в начале прошлого века зародилась идея подготовки некоего издания, в котором были бы аккумулированы разнообразные сведения энциклопедического характера об Абхазии». Причем, по его мнению, «кадровые возможности для выполнения данной задачи имелись, «научные силы концентрировались в ряде исследовательских центров». Однако, констатирует исследователь, «намеченные планы не были осуществлены, что во многом явилось следствием негативных процессов, которые получили развитие в Абхазии начиная с 1930-х гг.»².

Наверное, небезынтересен и следующий факт. Второй номер журнала «Вопросы энциклопедистики» (Уфа, 2019) открывался рубрикой «Хроника событий», где сообщалось «о конференции энциклопедистов», проходившей 21–22 ноября 2019 года в г. Уфе, отмечалось, что «в работе конференции приняли участие сотрудники Научного издательства «Большая Российская энциклопедия», Российской национальной библиотеки, а также энциклопедисты из 10

¹ Современная российская региональная энциклопедистика: место и роль в обществе, перспективы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Уфа, 21–22 ноября 2019 г.). Уфа. 2019. С. 25-30.

² Там же. С. 26.

регионов РФ (Москва, Республика Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Коми, Якутия, Тыва, Тамбовская, Тульская, Челябинская области), 4 зарубежных стран (США, Азербайджан, Казахстан, Абхазия)¹. Далее сообщалось: «Впервые на энциклопедическом форуме выступил представитель недавно созданного Научно-исследовательского центра «Абхазская энциклопедия» доктор исторических наук Юрий Дмитриевич Анчабадзе с докладом «Из истории развития энциклопедистики в Республике Абхазия», в котором он рассмотрел историю создания энциклопедии, начиная с 40-х гг., когда начались сборы материалов для историко-экономических справочников. Сведения об Абхазии были напечатаны в 12-томной «Грузинской советской энциклопедии», но они не были полными. Политические события препятствовали началу работы над энциклопедией. Лишь в 2018 году был создан Научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия», который приступает к работе над энциклопедическим словарем «Абхазия»².

Думаю, это было немаловажным событием для абхазской энциклопедистики, находящейся в стадии становления. Считаю правильным уточнить, что названия рассматриваемых выше статей Ю. Д. Анчабадзе звучат одинаково, но по содержанию они отличаются, из чего следует вывод, что представленная здесь публикация является оригинальной работой, подготовленной специально для нашего издания.

В альманахе вошла и уже названная статья В. Ш. Авидзба (тогда директора НИЦ «Абхазская энциклопедия») «Абхазия в «Большой Советской энциклопедии», ранее опубликованная в научном журнале Государственного автономного учреждения науки Республики Башкортостан «Башкирская энциклопедия» – «Вопросы энциклопедистики»³. Ее републикация, на наш взгляд, оправдана тем, что она не получила широкого распространения среди читательской аудитории Абхазии, а вопрос, поднятый в ней, вызывает неподдельный интерес. В аннотации к рассматриваемой публикации говорилось: «В статье на основе контент-анализа автор раскрыл тему «Абхазия и абхазы» в 3 изданиях Большой Советской энциклопедии (БСЭ). Им выявлены противоречивые данные (в фактах, оценках исторических событий и личностей, статистических данных и т.д.) не только из издания в издание, но и в рамках одного издания, что объясняется также и политической конъюнктурой того времени»⁴. Тем не менее, В. Ш. Авидзба завершает свою статью обоснованным, на мой взгляд, выводом о том, что «при всех отмеченных недостатках, БСЭ, конечно же, является уникальным изданием, в котором содержится огромное количество нужной и полезной информации, а то, что «устарело, представляет непреходящий исторический интерес»⁵.

Далее остановлюсь немного на работе аспиранта АБИГИ АНА Д.К. Гопия «Топонимика региона Сухум-Акуа по средневековым нарративным и кар-

¹ Журн. «Вопросы энциклопедистики». №2 (2), 2019. Уфа. С. 6.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 53-59.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Там же. С. 58.

тографическим источникам», опубликованной под рубрикой «Историческая география». В статье автор с помощью средневековых европейских карт XIV–XVIII вв. идентифицирует древние названия Сухума и высказывает свое мнение о их локализации. Поскольку, по справедливому замечанию академика АНА О. Х. Бгажба, «фактически город олицетворяет историю страны», данная публикация весьма актуальна. Сам автор также полагает, что «по одним топонимическим названиям города в нашем случае вполне можно судить о всей истории страны», так как считает он: «топонимика того или иного региона неразрывно связана с историей народа, его изначально населявшего». Особый интерес вызывают средневековые карты, которые в количестве 12 приложены к статье. Безусловно, они нуждаются в дополнительном изучении с привлечением приведенных и дополнительных источников. Бесспорно, что карты, в большинстве своем впервые публикующиеся в контексте истории Абхазии, представляют самостоятельный источниковедческий интерес.

Следует упомянуть, что 28 июня 2023 г. на первом заседании фонда «Абхазское историческое общество»¹ было заслушано сообщение Д. Гопия (научный руководитель академик Олег Бгажба) на тему «Абхазское княжество во 2-й половине XIII–XVIII вв. по средневековым картам». Тогда учитывая востребованность исследований по исторической географии было принято решение изыскать средства и оказать содействие молодому специалисту в издании его работы отдельной книгой².

Бесспорно, некоторые интерпретации, предположения и выводы автора рассматриваемой статьи могут быть восприняты критически или не вполне обоснованными и гипотетическими, но появление самой подобной работы уже является положительным моментом для нашей историографии и источниковедения средневекового периода истории и важным стимулом для дальнейших исследований по исторической картографии Абхазии. Думается, небезынтересен и основной вывод Д. Гопия о том, что все древние топонимы на территории Сухума, «имеют местный древнеабхазский субстрат иногда с вторичными инородными (картвельскими, итальянскими, турецкими) наслонениями, что нашло свое отражение в самых различных исторических наименованиях города».

Следующей публикацией, на которой, на мой взгляд, следует акцентировать внимание является рецензия на труд «Армяне Причерноморья. Энциклопедия. Т.1. М., 2020» под названием «Ценное энциклопедическое издание». Издание познавательное, но там есть моменты, вызывающие серьезные критические замечания, однако, по мнению автора публикуемой рецензии Ю. Д. Анчабадзе, в данной ситуации мы должны выступать с более достойной и «спокойной» позицией. Думаю, что мнение ученого обоснованное, но считаю возможным напомнить о следующем: в издании «Абхазия. Краткая эн-

¹ Фонд «Абхазское историческое общество» зарегистрирован в Министерстве юстиции 10 мая 2023 г., а в начале июня произошло его организационное заседание, на котором председателем Фонда был избран Станислав Лакоба.

² Электронный ресурс. Режим доступа: apsnypress.info/ru/home/novosti/item/6088-sostoyalos-pervoe-zasedanie-abkhazskogo-istoricheskogo-obshchestva (дата обращения – 12.10.2023).

циклопедия» содержатся несколько статей об армянах Абхазии – «Амшенцы» (О.В. Маан)¹, «Армяне» (Н. В. Багапш)², «Армянская евангелистская церковь в Сухуме» (Г.И. Григориадис)³, «Армянская община Республики Абхазия» (А.Я. Дбар)⁴, «Армянский сектор при гостеатре Абхазии» (Г.И. Григориадис)⁵ (перечислять персоналии соответствующей этнической принадлежности, представленные в названном издании, а также в «Абхазском биографическом словаре»⁶ считаю здесь излишним). Никаких цитат, дефиниций и оценок, унижающие достоинство народа или персоналий в названных статьях нет и быть не могло. Найти таковые в отношении каждого народа, если поставить своей целью, безусловно, можно, но, как мне представляется, это не достойно для таких солидных, претендующих, и, как правило, оправдывающих эти претензии, на справочный характер изданий, каковым является рассматриваемый том «Армяне Причерноморья. Энциклопедия». Однако именно это продемонстрировано здесь, в частности, в статье «Абаза», справедливо названной Ю. Д. Анчабадзе «примером крайне неудачных текстов», и в которой «содержатся вздорные этимологические «изыскания», резко снижающие «научный и познавательный потенциал Энциклопедии».

Здесь же, не вдаваясь в более детальное обсуждение проблемы, также отмечу: формулировка о том, что «Крунк» в начавшейся абхазо-грузинской войне сыграло «немалую роль в привлечении армян на абх[азскую] сторону», приводимая в рассматриваемом издании, мне представляется поверхностной и не совсем корректной.

Что же касается статьи «Армения», то она отсутствует в энциклопедии «Абхазия...» по следующим причинам: во-первых, Армения непосредственно не граничит с Абхазией; во-вторых, Армения не является страной, признавшей государственную независимость Абхазии; в-третьих, Армения не является страной проживания абхазской диаспоры.

Под рубрикой «Научное наследие» публикуются письмо А. А. Салтыкова Ю.Н. Воронову от 10 марта 1982 г., в котором приводятся размышления ее автора о Цебельдинской плите – «иконе с клеймами», о датировке артефакта и статья самого Юрия Николаевича «Каменные иконы из вороновского храма». Введение и комментарии к названным публикациям, обнаруженным уже в процессе работы над данным изданием в архиве Ю. Н. Воронова, подготовил его друг и коллега О.Х. Бгажба.

К Цебельдинским плитам обращались почти все исследователи раннехристианских кавказских древностей и соответственно разброс мнений о их датировке колеблется от VII в. до XII–XIII вв. О. Х. Бгажба во вступлении пишет: «Ю. Воронов принимает датировку А. Салтыкова (втор. пол. VI – перв. пол. VII в. до начала иконоборчества), подкрепляя ее датировкой строительства раннего

¹ Абхазия. Краткая энциклопедия / Гл. ред. В. Ш. Авидзба. В 2 т. Т. I: А–К. Сухум-СПб., 2022. С. 152.

² Там же. С. 186–187.

³ Там же. С. 187.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Абхазский биографический словарь / Под. ред. В. Ш. Авидзба. М.–Сухум., 2015.

яруса VI в..., Цебельдинскими (апсильскими) кувшинами VI-VII веков, изображенными в библейских сюжетах рельефов каменных местных плит». При этом Ю. Воронов в своей статье отмечает, что орнамент, сопровождающий ряд изображений на первой Цебельдинской плите «характерен для сасанидского искусства значительно более раннего времени» и приводит в пример сасанидское блюдо V века из Британского музея «со сценой Бахрама V на львиной охоте».

Наличие названного тезиса в статье Ю. Н. Воронова в какой-то мере оправдывает чуть более подробное рассмотрение «сасанидского» «следа» в истории искусства Абхазии. Нужно вспомнить, прежде всего, что еще в 1947 г. Абхазский государственный музей приобрел металлическое блюдо, найденное в 1942 г. в селе Красная Поляна Адлерского района Краснодарского края¹, что К.В. Тревер, наряду с находкой в Армази (около Мцхеты) в Грузии серебряного блюда II—III вв., назвал «большим событием»². Этой находке был посвящен труд «Новое серебряное блюдо из Красной Поляны» и вопрос о «Сасанидском» искусстве на Кавказе»³. Его автор – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник АбНИИ и сотрудник АГМ А. Н. Мелихов датировал названный артефакт III веком н.э. и назвал его «высокохудожественным произведением Кавказского искусства», за что был подвергнут резкой критике, гонениям и даже изгнанию.

Причем, как показано чуть выше, А. Н. Мелихов сообщает о приобретении названного артефакта Абхазским музеем, а К.В. Тревер отмечает, что самому А. Н. Мелихову «удалось отыскать его у одного из находчиков и передать его в музей в Сухуми»⁴. При этом небезынтересен также следующее факт: сессия в АбНИИ, на котором был представлен названный доклад А. Н. Мелихова, состоялась 4 января, а через несколько дней, 16 января 1949 г. тогдашний директор Сухумского педагогического института Р. Цуликидзе уже с трибуны XVIII Абхазской областной партконференции «постарался облить грязью» Г. А. Дзидзария и А.Н. Мелихова⁵. Академик АНА А. Э. Куправа также свидетельствует, что А.Н. Мелихов «на XVIII Абхазской областной партконференции был подвергнут необоснованной критике за доклад «Новое серебряное блюдо из Красной Поляны» и вопрос о «Сасанидском» искусстве на Кавказе», прочитанный им на очередной научной сессии»⁶. В ответ это абхазские историки обратились в обком партии с заявлениями о несправедливости нападок на них. Своих сотрудников поддержал директор АбНИИ Ивардава, который назвал критику Цуликидзе «непартийными действиями».

Что касается доклада А. Н. Мелихова, то он был в мае 1949 г. заслушан в Тбилиси на расширенном заседании Отдела археологии Института истории

¹ А. Н. Мелихов. Серебряное блюдо из Красной Поляны // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. XLIII. 1952. С. 74.

² К.В. Тревер. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках // Советская археология. т. XVI. М.-Л. 1952. С. 284.

³ Тезисы Абгосмузея. Сухуми. 1947.

⁴ К.В. Тревер. Указ. соч. С. 284.

⁵ Г. А. Дзидзария. Труды. III. Сухум. 2006. С. 487.

⁶ А.Э. Куправа. Люди: Время и Жизнь. Сухум. 2010. С. 298.

им. акад. И.А. Джавахишвили АН Грузинской ССР, с участием научных сотрудников Института истории грузинского искусства и музея искусств «Метехи», «где он получил, в основном, положительную оценку»¹ и был опубликован в «Тезисах конференции Абгосмузея»². Но это для организаторов травли не могло иметь какого-либо значения, ибо все озвученное осуществлялось, по мнению Г. А. Дзидзария, в рамках «националистического плана Мгеладзе по «разгрому» Абхазского института»³.

Мгеладзе поручил второму и третьему секретарям Абхазского обкома Тускадзе и Гетия проверить «дело Мелихова, Дзидзария и Ивардава». Подготовив докладную записку по этому вопросу 25 июня 1949 г., они сделали «нужный» вывод о том, что «тов. Ивардава находится в плену у отдельных научных работников АбНИИ, действуя вместе с ними, защищая немарксистские антинаучные и ошибочные положения в их научных трудах», и наконец: «Совершенно недопустимым и непартийным поведением является безответственный клеветнический упрек т. Ивардава в адрес руководства областной партийной конференции»⁴. В качестве же одной из главных непростительных ошибок А. Н. Мелихова в названной докладной записке был приведен следующий вывод его работы: «Роль этих стран (Ближний Восток, Средняя Азия и Кавказ) в формировании Сасанидского искусства огромная. В отношении этих стран мало говорит о влиянии. Эти страны, собственно, можно считать важнейшими очагами формирования Сасанидского искусства». И это в то время как, по мнению авторов докладной записки, «иранское искусство и культура никогда не были большой культурой», «Иранская (Сасанидская) культура всегда стояла ниже грузинской культуры и искусства», а «тов. Ивардава», «выступив в защиту антинаучного космополитического тезиса, проявил политическую слепоту»⁵.

В результате Ивардава освободили с работы, а А. Н. Мелихов «был изгнан из института и вообще из Абхазии по совершенно надуманному обвинению его в антимарксизме, космополитизме»⁶ и с 1949 г. до конца жизни (25 февраля 1964 г.) работал зав. кафедрой истории СССР в Одесском университете⁷. Тем временем, в 1952 г. статья Мелихова о блюде из Красной Поляны была опубликована⁸ в 43 выпуске «Кратких сообщений Института истории материальной

¹ Г. А. Дзидзария. Труды. III. Сухум. 2006. С. 487.

² А. Н. Мелихов. Археологические находки в Красной Поляне и вопрос о «сасанидском» искусстве на Кавказе. Тезисы конференции Абгосмузея, Сухуми. 1947.

³ Г. А. Дзидзария. Труды. III. Сухум. 2006. С. 478.

⁴ Докладная записка секретарей Абхазского обкома КП Грузии Ш. Гетия и И. Тускадзе на имя А. Мгеладзе. Рукопись // Домашний архив А. Т. Отырба.

⁵ Там же.

⁶ Г. А. Дзидзария. Труды. III. Сухум. 2006. С. 487.

⁷ А.Э. Куправа. Мелихов Алексей Николаевич // Абхазский биографический словарь. Сухум. 2015. С. 514.

⁸ Г. А. Дзидзария в вышеназванном письме сообщает о том, что работа А.Н. Мелихова получила «благоприятный отзыв со стороны члена-корреспондента АН СССР К.В. Тревера («Советская археология». т. XVI)» (Г. А. Дзидзария. Труды. III. Сухум. 2006. С. 488). Речь идет о статье К.В. Тревера «К вопросу о так называемых сасанидских памятниках». В ней рассматривается названная научная проблема в целом, а интересующей нас работе посвящен лишь следующий пассаж: «А. Н. Мелихов приводит это блюдо в связь с целым рядом предметов,

культуры»¹. В названном сборнике публикация А. Н. Мелихова была размещена в разделе «Статьи и доклады» с указанием в сноске, что «статья имеет характер предварительного сообщения». В ней автор отходит от тезиса о «сасанидском» происхождении блюда из Красной Поляны и отмечает: «Изучение подобных памятников дало возможность поставить вопрос о выделении их среди предметов восточного искусства, получившего в литературе название «сасанидского» лишь в силу неправильной интерпретации вопроса и недостаточной его изученности»².

Здесь не лишнее напомнить о том, что в начале июля 2020 г. Абхазскому Государственному музею было передано сасанидское серебряное блюдо, обнаруженное в селе Шубара в Сухумском районе и которое предположительно датируется V-VI веками³.

Думаю, также следует упомянуть публикацию Д. К. Гопия под названием «Ответы на некоторые измышления «историка» из Парижа Бадри Гогия», которая размещена под рубрикой «Полемика». Б. Гогия давно известен своими «историческими изысканиями» по истории Абхазии, которую он считает «неотъемлемой частью Грузии». Здесь речь идет об очередном его «творении» - «Заметки о присвоении мегрельских этнонимов (АБХА и ПСУА) абазинскими колонистами и появлении народа апсуа». Это с позволения сказать статья еще 13 сентября 2020 г. была размещена на странице названного автора в социальной сети Facebook с целью очередного возрождения антинаучной гипотезы грузинского литературоведа Павле Ингороква.

Д. Гопия в своей работе, с помощью оригинальных источников, убедительно показывает не только тенденциозность и предвзятость вышеназванного автора, но и его некорректность в работе с источниками и всякое пренебрежение им канонами научной этики.

Выше отмечены восемь публикаций, представленных в наших «Времен»; а в целом их двадцать девять. Они разноплановы и относятся к различным жанрам и по объему также далеко не одинаковы; как и вышеупомянутые публикуются под соответствующими рубриками: Проблемы хронологии и периодизации истории Абхазии (2), История в лицах (2); Локальная история (2), Этнология (2), Духовная культура (2), ССР Абхазия (1), Историография (1), Демография (1), Генологические исследования (1), Новейшая история Абхазии (2), Источники и документы (3), Рецензии (1).

Аслан Авидзба

найденных в Закавказье и на Северном Кавказе (которые до сих пор принято было считать импортом из сасанидского Ирана), и датирует блюдо началом III в.» (К.В. Тревер. *К вопросу о так называемых сасанидских памятниках // Советская археология. т. XVI. М.-Л. 1952. С. 282-286. С. 284*).

¹ А. Н. Мелихов. Серебряное блюдо из Красной Поляны // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. XLIII. 1952. С. 74-79.

² Там же. С. 79.

³ <https://sputnik-abkhazia.ru/20200704/Sluchaynaya-nakhodka-kolleksiya-Abkhazskogo-muzeya-popolnilas-novymi-artefaktami-1030469129.html>

А.Ф. Авидзба

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В АБХАЗИИ 1992–1993 гг.¹

25 августа 1990 г. ВС РА принял Декларацию о государственном суверенитете и Постановление «О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии». Началась т. н. «Война законов» – состояние, характерное для взаимоотношений Абхазии и Грузии, когда законы и постановления, принимавшиеся одной стороной, объявлялись незаконными и не имеющими юридической силы на территории другой. Она продолжалась без малого два года – до 14 августа 1992 г. Назначенная на этот день сессия ВС РА, на которой должны были обсуждать проект Договора между Абхазией и Грузией, так и не состоялась. Возможно, намеченная сессия и определила окончательную дату начала агрессии.

Главный фактор войны в Абхазии – геополитический. Именно, чтобы соответствовать геополитическому фону в Тбилиси в качестве официального повода войны выдвигали причины в диапазоне от необходимости охраны железной дороги до борьбы с мусульманским фундаментализмом абхазов. При этом тогда решались совсем иные задачи, а именно: ликвидация государственности Абхазии с целью превращения ее в одну из провинций Грузии. О том, что политика Грузии после вторжения в Абхазию соответствовала определению геноцида свидетельствуют следующее:

25 августа 1992 г. командующий грузинскими войсками в Абхазии Каркарашвили заявил, что не пожалеет жизни 100 тысяч грузин для уничтожения всех 97 тысяч абхазов;

22 октября грузинскими оккупационными властями был совершен акт культурного геноцида – целенаправленно сожжены здания АБИЯЛИ и Государственного архива, в результате чего полностью были уничтожены уникальные документы и материалы по истории и культуре Абхазии;

Позже Государственный министр Грузии по делам Абхазии Г. Хаиндрава в интервью французскому журналу «Ле монд дипломатик» заявил, что сломить сопротивление Абхазии можно «уничтожив 15 тыс. абхазов – всех молодых мужчин».

Несмотря на это международные организации, в лице ООН и СБСЕ оказывали одностороннюю поддержку Грузии и лично Э. Шеварднадзе. За время войны в Абхазии побывало несколько миссий ООН и СБСЕ. Решения об их направлении являлись откликом на соответствующие просьбы-приглашения исключительно грузинской стороны, в то время как неоднократные обращения Абхазии оставались без какого-либо реагирования. Из этого ряда выби-

¹ Доклад на Международной научной конференции «Проблемы истории и современности Черноморско-Кавказского региона», посвящённой 30-летию Победы в Отечественной войне народа Абхазии 1992-1993 гг. и 15-летию Международного признания государственной независимости Республики Абхазия. (Сухум. 3 октября 2023 года).

вается Организация Непредставленных Наций и Народов, Генсек которой заявил, что абхазский народ воюет не только за свою землю, но и за сохранение себя как этноса.

В первый период войны – 14 августа – 2 октября 1992 г. – Абхазия сумела пробить информационную блокаду. В военной столице – Гудауте были налажены издание газеты «Республика Абхазия» и вещание Абхазского телевидения и радио. Здесь также нужно отметить особую роль депутата ВС Абхазии Ю. Н. Воронова.

Одной из самых значительных политических событий этого периода стала Московская встреча 3 сентября 1992 г., Итоговый документ которой предусматривал обеспечение территориальной целостности Республики Грузия и не предусматривал вывод грузинских войск из Абхазии. Это было следствием сговора руководства Грузии и России, в результате чего участники переговоров «выкручивали руки» В. Ардзинба, чтоб он подписал не выгодный Абхазии в целом документ.

25 сентября 1992 Э. Шеварднадзе с трибуны ООН обратился за помощью ко всему международному сообществу, обвинив Россию в агрессии против Грузии. В тот же день ВС России принял Постановление «Об обстановке на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии». Следует отметить, что все дальнейшие документы, принимавшиеся ВС РФ были со ссылкой на постановление 25 сентября 1992 года.

Второй период войны начался с Гагрской операции абхазского ополчения (кодовое название «Буря»), в ходе которой 2 октября была освобождена Гагра, а в 6 часов 40 минут 6 октября 1992 г. – вся северо-западная Абхазия.

Гагрская операция имела важнейшее военное значение, но она не привела и не могла привести к коренному перелому в ходе всей войны. После Гагры за противником оставался большой перевес в вооружении и боевой технике, под его контролем также оставалась значительная территория Абхазии. После Гагрской операции, до начала июля 1993, наступила относительная стабилизация фронтов. Все это время на фронтах происходили постоянные позиционные бои и предпринимались наступательные операции как со стороны грузин, так и со стороны абхазов. Следует отметить военные операции абхазов на Гумистинском фронте – первая Шромская (ноябрь 1992), Январская и Мартовская (1993), на Восточном фронте – Очамчирская (26 октября 1992), Кочарская (ноябрь 1992), Лабрская (март 1993). Военные операции грузин на Восточном фронте – декабрьская (1992) и февральская (1993), а также многочисленные наступательные операции, предпринимавшиеся ими на различных участках Восточного фронта. Однако все эти операции в смысле их исходов носили локальный характер и не привели к стратегическому изменению положения на фронтах Отечественной войны.

11 октября 1992 г. были созданы Министерство обороны, Вооруженные Силы и Генеральный штаб Вооруженных Сил РА, а 17 мая 1993 г. – Министерство иностранных дел Абхазии.

В ночь с 1 на 2 июля 1993 г. высадкой Тамышского десанта на Восточном фронте, и «отвлекающим маневром» – на Гумистинском, началась Июльская

операция Абхазской Армии. В ходе нее наступавшими были освобождены населенные пункты и заняты господствовавшие над Сухумом высоты, что вынудило грузинскую сторону согласиться на подписание 27 июля в Сочи документа, предусматривавшего вывод с территории Абхазии грузинских войск. Однако, ни деятельность Объединенной комиссии, которая приступила к работе 6 августа в Сухуме, ни встречи Б. Ельцина с Э. Шеварднадзе (23 августа) и В. Ардзинба (24 августа) не смогли предотвратить эскалации военных действий: рано утром 16 сентября началась Сентябрьская операция. В ходе нее 27 сентября в 15.30 был взят абхазами Дом правительства – последний очаг сопротивления оккупантов в Сухуме. 30 сентября, в результате развития наступления, в 20.00 абхазская армия вышла к р. Ингур – Государственной границе между Абхазией и Грузией, где был водружен Государственный флаг РА.

Во время войны в Абхазии боевые действия происходили в трех стратегических направлениях:

Гагрский фронт – существовал с 15 августа по 6 октября 1992; территория – от берега Черного моря до Главного Кавказского хребта, протяженность фронта около 50 км. Фронт перестал существовать после Гагрской операции народного ополчения Абхазии.

Гумистинский фронт – линия фронта проходила по р. Гумиста; существовал с 18 августа 1992 г. до 29 сентября 1993 г.; протяженность до Июльской операции 85 км., после Июльской операции – 60 км. Формирование фронта началось после отступления абхазского ополчения с Красного моста в Сухуме. 29 сентября 1993 г. бойцы Гумистинского и Восточного фронтов встретились на р. Кодор, после чего Гумистинский фронт перестал существовать.

Восточный фронт – существовал с 14 августа 1992 по 30 сентября 1993; протяженность более 200 км; боевые действия происходили на территории Очамчирского (90%), Гулрыпшского и Галского районов, на высотах от горы Ходжал, Кодорского хребта до берега Черного моря.

Среди полководцев, внесших большой вклад в становление Абхазской Армии и ее победу над грузинскими агрессорами нужно назвать Султана Сосналиева, Сергея Дбар, Владимира Аршба, Мушни Хварцкия, Аслана и Астана Зантария, Гиви Агрба, Владимира Анцупова и др. В Отечественной войне с абхазской стороны принимало участие 18150 человек. Из них непосредственных участников боевых действий – 13 970 чел., служащие тыловых служб – 4 180. Раненых на войне – 7 тыс. чел., безвозвратные потери до 2-х тысяч.

Добровольческое движение в поддержку Абхазии подвергалось систематическим нападениям. Добровольцев называли наемниками. В разгар боевых действий, 7 июля 1993, Президиум ВС РА утвердил Положение о добровольцах. Для Абхазии невозможно переоценить значимость Добровольческого движения; память о добровольцах является одной из самых дорогих реликвий абхазского народа. 15 августа – в день прибытия в Гудауту первых добровольцев – в Абхазии отмечается День добровольца (8 августа 2013).

Среди организаторов и руководителей добровольческого движения следует выделить Юрия Калмыкова, Мусу Шанибова и Юсупа Сосламбекова.

Волею судеб ученому Владиславу Ардзинба было предопределено стать политиком; проводником курса, направленного на реализацию права абхазского народа на самоопределение: депутат Верховного Совета Абхазии (1988-1990); народный депутат СССР и ВС СССР, Председатель подкомиссии по государственному и правовому статусу автономных образований ВС СССР, член Президиума ВС СССР (1989-1991). По его инициативе и при непосредственном участии был выработан и принят ряд законов, а также поправок к Конституции СССР, закреплявших суверенный государственный статус бывших автономных республик.

24 декабря 1990 года Владислав Ардзинба был избран Председателем ВС Абхазии 11 созыва, а 6 января 1992 года – Председателем ВС Абхазии 12 созыва. 14 августа 1992 г., в день вооруженной агрессии Грузии против Абхазии, он обратился к гражданам с призывом встать на защиту Родины и возглавил абхазское сопротивление: Председатель Государственного комитета обороны (18.08.1992), Главнокомандующий Вооруженными Силами Абхазии (8.01.1993).

В. Г. Ардзинба – Первый Президент Республики Абхазия (26.11.1994–12.02.2005) (избирался дважды – 26.11.1994 и 3.10.1999). В эпоху Ардзинба был заложен фундамент Абхазского государства и основы для его международного признания... Чтобы оценить вклад того или иного человека в историю недостаточно знать и перечислить то, что он сделал, но еще необходимо понять, как и в каких условиях ему приходилось работать. То, что иной раз можно добиться только ценой собственной жизни, в других обстоятельствах не требует никаких усилий...

После поражения в Абхазии, Грузия вынуждена была вернуться в фарватер российской политики и отказаться от западной ориентации, что свидетельствует о глобальных геополитических последствиях победы абхазской армии в сентябре 1993 г. Итоги войны были закреплены в Конституции РА, принятой 26 ноября 1994 г.

14 августа – день начала войны в Абхазии объявлен Днем памяти защитников Отечества (29.12.1995); 30 сентября – день изгнания агрессоров с территории Абхазии – государственным праздником – Днем Победы и Независимости (26.09.2002).

Геополитический фактор, бывший основным детонатором процессов, запустивших механизм войны в Абхазии, и так никогда и не исчезавший с главной сцены, сегодня, спустя 30 лет после рассматриваемых событий, снова актуализируется и получает новое измерение. Республика Абхазия, как и весь регион, как и весь мир уже находится в зоне турбулентности, что ставит перед ней новые глобальные вызовы и, судя по всему, ее ждут новые испытания; хочется верить, что она пройдет их достойно, не потеряв лица и своих завоеваний.

Ю.Д. Анчабадзе

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЭНЦИКЛОПЕДИСТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ АБХАЗИЯ

Энциклопедистика как отрасль научно-исследовательской мысли и издательской практики прошла достаточно большой и длительный путь развития. На этом пути был выработан общемировой, в известном смысле интегральный интеллектуальный, практический и издательский опыт, обусловленный сущностной природой энциклопедии как феномена человеческой культуры.

Национальная энциклопедия – это важнейший маркер достигнутого социумом культурного и интеллектуального развития, одна из граней национальной идентичности и осмысления обществом своего места в глобальном цивилизационном пространстве. Появление национальной энциклопедии свидетельствует, что в обществе накоплен значительный объем знаний об историческом пути, пройденном народом и государством, о механизмах и детерминантах их политического, экономического и социокультурного развития, о персоналиях, внесших позитивный, равно как и негативный вклад в динамику общественного развития. Одновременно выход в свет издания фиксирует, что общество обладает как научным потенциалом, так и соответствующими исследовательскими силами, которые оказались готовы ответить на общественный запрос, и, выработав концептуальные, содержательные и эдиционные принципы, смогли обеспечить написание и выход в свет томов национальной энциклопедии. Отталкиваясь от глубокой по своей сути фразы Варлама Шаламова: «Энциклопедии продлевают нашу жизнь», можно сказать, что они, фиксируя определенный срез знаний, оставляют их в вечности.

В основе любого энциклопедического издания лежит объем накопленных фактологических сведений и теоретических знаний об объектах, процессах и явлениях, лежащих в пределах тематического и сюжетного дискурса энциклопедии. В то же время история каждого энциклопедического издания – от зарождения идеи до ее воплощения – во многом индивидуальна, и данный локальный опыт обусловлен прежде всего местной спецификой, будь то национальной, региональной, этнической и т.д., которые в свою очередь тесно связаны с соответствующими историческими, социокультурными и идеологическими реалиями соответствующих эпох.

Накопление разносторонних научных знаний об Абхазии имеет более чем полуторавековую историю. Последняя тесно связана с развитием российского кавказоведения, вклад в который, помимо российских исследователей, был внесен и местными научными силами. В целом уже до революции был накоплен значительный объем научных сведений о регионе, его истории, природной, экономической и социальной специфике.

Формирование в Абхазии туристско-рекреационного кластера привело к тому, что первые попытки представить обзорную информацию о регионе со-

держались во всякого рода путеводителях и в другой специальной туристической литературе. Более фундированная попытка была предпринята известным абхазским историком, краеведом и педагогом С.П. Басария, который, создавая свой труд «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении», безусловно, опирался на опыт региональных энциклопедических справочников¹.

Между тем, уже в начале прошлого века зародилась идея подготовки некоего издания, в котором были бы аккумулированы разнообразные сведения энциклопедического характера об Абхазии. Дополнительный импульс эта идея получила после установления в марте 1921 г. в крае советской власти. Обретение национальной государственности в виде советской социалистической республики возродило историческое и национально-этническое самосознание абхазского народа. Транслировавшиеся большевиками привлекательные идеи строительства нового общества, подъема экономики, расцвета национальных культур, равенства, интернациональной дружбы и сотрудничества народов советской державы, а также первые практические шаги новой власти требовали осмысления текущего этапа развития, что в наглядном виде можно было представить в соответствующих изданиях справочно-энциклопедического характера.

На протяжении 1920-х гг. руководством Абхазии неоднократно ставился вопрос о начале работы над энциклопедической литературой, принимались решения о выпусках специальных справочников широкого содержания, призванных аккумулировать имевшиеся знания об историческом прошлом и социалистическом настоящем республики. Кадровые возможности для выполнения данной задачи имелись. Наличные научные силы концентрировались в ряде исследовательских центрах, которые в эти годы функционировали в республике. Это Абхазское научное общество (1922-1931) и учрежденная в 1925 г. Академия абхазского языка и литературы, которая после ряда реорганизаций и переименований с 1950 г. стала Абхазским институтом языка, литературы и истории (ныне – Абхазский институт гуманитарных исследований АН Абхазии).

Между тем намеченные планы не были осуществлены, что во многом явилось следствием негативных процессов, которые начались в Абхазии с началом 1930-х гг. В 1931 г. государственный статус Абхазии в рамках советской федерации был понижен – из ассоциированной с Грузией социалистической республики она превратилась в автономию в составе Грузинской ССР. Это резко сузило политические возможности абхазских властей, а также их компетенции в административной, финансовой, социальной и культурной сферах. Сама абхазская культура переживала немалые потрясения, связанные с неоднократными реформами письменности, которая в 1938 г. была переведена на грузинскую графическую основу (в 1954 г. заменена кириллицей). Сталинские репрессии конца 1930-х, продолжившиеся в Абхазии и в 1940-е гг., выкосили генерацию абхазской интеллигенции, после чего в республике не осталось по-настоящему подготовленных кадров для организации исследовательской и издательской работы в области энциклопедистики.

¹ Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923.

Одновременно нанесен удар по национальному самосознанию абхазского народа, когда в ходе начавшейся кампании по тотальной грузинизации, наряду с упомянутой выше реформой абхазской письменности, была ликвидирована абхазская школа, изуродована топонимика переименованием исконных названий в грузинские неологизмы, подавлялось свободное развитие абхазской культуры, дискриминировались национальные кадры, а главное, стала активно внедряться директивно заданная идеологическая схема, согласно которой абхазы объявлялись подразделением грузинского народа, а абхазская история трактовалась как составная часть истории Грузии. Историческая и этническая самостоятельность абхазского этноса полностью отрицалась.

В этих крайне неблагоприятных условиях в Абхазии все же была предпринята попытка начать работу над изданиями справочно-энциклопедического характера. В апреле 1944 г. к читателям газеты «Советская Абхазия» обратился А.М. Чочуа, сообщив, что «в текущем году Абхазский НИИ им. акад. Н.Я. Марра АН Грузинской ССР приступает к составлению историко-экономических справочников Абхазии». Далее в статье раскрывались некоторые принципы, которые должны быть положены в основу предстоявшей работы. Так, в «справочниках предполагается дать сведения по истории и экономике отдельных городов и населённых пунктов Абхазской АССР, о происхождении их названий, об исторических событиях, происходивших вблизи их и т.д. Необходимо также осветить происхождение исторических памятников, столь многочисленных на территории Абхазской АССР. Остатки отдельных древних строений, церквей, развалины крепостей и замков являются ценнейшими свидетельствами прошлого и наш долг возможно полнее использовать эти материальные документы нашей эпохи».

Значительное внимание предполагалось уделить памятникам устного народного творчества. «О многих славных событиях прошлого почти не сохранилось никаких письменных свидетельств, но они живут в памяти народной, находя отражение в народных сказаниях, песнях, легендах. Необходимо поэтому тщательно собрать все эти бытующие в отдельных местностях Абхазии фольклорные материалы и увязать изучение их с общим изучением истории районов Абхазской АССР».

Другим важным тематическим наполнением должны были стать «возможно полные данные об естественных, производительных силах отдельных районов. Мы должны знать наши природные богатства, чтобы полностью поставить их на службу нашей доблестной Красной Армии и народному хозяйству». Кроме того, «представляют большой интерес и общие данные об экономике отдельных населенных пунктов – о работе колхозов, отдельных промышленных предприятий, о кустарных ремёслах и т.п.»

Инициаторы изданий рассчитывали, что в ходе подготовительной работы, они смогут задействовать не только научные силы. Важным условием оговаривалось, что «все эти материалы и сведения, столь необходимые для предполагаемых к изданию справочников м.б. созданы лишь в том случае, если в этом деле примет живейшее участие городской и сельский учительский актив». Сообщалось также, что Абхазский НИИ и Наркомпрос Абхазской АССР «обратились к директорам школ Абхазии с просьбой принять активное уча-

стие в сборе материалов по разосланным в школы специальным вопросам», к сбору сведений предполагалось «привлечь учителей истории, географии, естествознания и других предметов, а также других жителей сельсовета, хорошо знающих свою местность».

Завершая статью, А.М. Чочуа резюмировал, что «предполагаемые к изданию справочники предназначены для использования их в практических целях. Они будут иметь огромную ценность в деле изучения Родины и, кроме того, будут представлять значительный интерес для всей нашей советской общественности»¹.

Однако и эти планы не были осуществлены, хотя в условиях того времени вряд ли приходилось надеяться на объективный и строго научный характер содержания справочников.

Постсталинские изменения в стране благотворно сказались и на обстановке в Абхазии, где постепенно началось возрождение институтов национальной культуры. Одновременно стали актуализироваться общественные настроения, связанные с потребностью осмыслить трагический этап истории народа и республики в годы тоталитарного произвола, а также понять перспективы дальнейшего развития абхазского социума, оптимальным вариантом которого представлялся выход Абхазии из состава и юрисдикции Грузинской ССР. Не менее значительной была общественная потребность в утверждении объективной и строго научной точки зрения на историческое прошлое Абхазии и ее культуры, свободной от недавних искажений и фальсификаций. Между тем рецидивы подобных построений продолжали проявляться в трудах ряда грузинских историков, что неоднократно вызывало протесты со стороны абхазской общественности. Столь же искаженные сведения и трактовки появлялись и в посвященных Абхазии статьях в выходившей в 1975-1987 гг. 12-томной «Грузинской советской энциклопедии».

В конце 1980-х гг. руководством Абхазского института языка, литературы и истории было принято решение о разработке концепции Абхазской энциклопедии. Однако удачно начатая работа была прервана трагическими событиями, связанными с грузино-абхазской войной 1992-1993 гг., в ходе которой абхазский народ понес жесточайшую культурную потерю – 22 октября 1992 г. грузинские военные подожгли здания Государственного архива Абхазии и Абхазского института языка, литературы и истории. В пламени пожара погибли десятки тысяч ценнейших исторических документов, в том числе вся документация, связанная с Абхазской энциклопедией².

Новый этап в организационном развитии абхазской энциклопедистики начался после того, как были преодолены основные социально-экономические трудности восстановительного периода. 4 марта 1999 г., в соответствии с указом президента Абхазии В.Г. Ардзинба был учрежден «Научный центр “Абхазская энциклопедия”». К сожалению, центр просуществовал недолго, был расформирован, но вместо него в структуре Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа был создан специализированный отдел.

¹ Чочуа А.М. Знание Родины – долг каждого советского гражданина // Газ. «Советская Абхазия». 1944. 28.04.

² Аджинджал Е. Хатынь абхазской науки // Газ. «Республика Абхазия». 1993.10.12

Наряду с организационным, происходило практическое становление абхазской энциклопедистики. В этом отношении научное сообщество Абхазии приобрело большой и ценный опыт в рамках работы над фундаментальным изданием – «Абхазский биографический словарь»¹. Дискуссии, столкновения мнений и споры о концепции словаря и принципах работы над проектом² помогли выработать соответствующие критерии для отбора персоналий, определения параметров статейных текстов, систематизации справочно-библиографического аппарата и т.д. «Словарь», содержащий статьи о более 2600 персоналиях, стал заметным событием в общественной и интеллектуальной жизни Абхазии³. В те же дни в ходе общественных дискуссий высказывались идеи о создании универсального энциклопедического издания, посвященного Абхазии.

Между тем становилось очевидным, что дальнейшее решение исследовательских и публикаторских задач в сфере энциклопедистики возможно только в рамках деятельности специализированного научного центра. Инициатором выступил В.Ш. Авидзба, который обратился с письмом к президенту Республики Абхазия Р. Дж. Хаджимба. В письме говорилось о необходимости интенсификации работ по энциклопедистике, указывалось на важность изданий энциклопедического характера, «всесторонне раскрывающих исторические и культурные достижения страны. Это нужно как самой Абхазии, так и для других стран, которые будут через эти энциклопедии открывать для себя нашу страну»⁴.

30 марта 2017 г. президент Р.Дж. Хаджимба издал распоряжение, которым поручил Кабинету министров «создать государственное учреждение «Научно-исследовательский центр “Абхазская энциклопедия”, утвердить его устав и структуру». 29 марта 2018 г. распоряжением Кабинета министров РА был создан Научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия». Директором назначен В.Ш. Авидзба, работавший в этой должности до 2021 г. В настоящее время директором является С.Ш. Салакая.

Основной проект, над которым работал Центр – это подготовка и издание энциклопедии «Абхазия». В качестве научной и методологической основы будущей работы был положен опыт, накопленный советской энциклопедистикой, воплощенный прежде всего в трех изданиях «Большой советской энциклопедии», а также в других специализированных и отраслевых универсальных изданиях. Впрочем, этот опыт был перенят не механически, а в результате тщательного анализа материала, исходя из эвристических задач, стоявших перед созданием первого энциклопедического издания, посвященного Абхазии⁵.

В настоящее время энциклопедия «Абхазия» увидела свет (Абхазия 2022). В двух томах издания содержится 3482 (в том числе статей по различным от-

¹ Абхазский биографический словарь / Под редакцией В.Ш. Авидзба. М.-Сухум, 2015.

² Анчабадзе Ю.Д. Абхазский биографический словарь. Концепция. Структура. Методология. М., 2002.

³ Аргун С., Гожба А., Агухава А. Вышел в свет «Абхазский биографический словарь» под редакцией Василия Авидзба // <http://apsny.ru/news/?ID=19100>; Шария В. Шаг к Абхазской энциклопедии // <https://www.ekhokavkaza.com/a/27403310.html>

⁴ Архив НИЦ «Абхазская энциклопедия». Ф. 1. Д. 12. Л. 1.

⁵ См. статью В.Ш. Авидзба в настоящем выпуске.

раслям и сферам – 2106, биографических статей – 536, отсылочных слов – 840), расположенных в алфавитном порядке статей, в которых представлена универсальная информация о республике, о пройденном ею историческом пути, о культурной, социальной, государственной и экономической сферах жизни, внешних связях, природно-климатических ресурсах, современной инфраструктуре. В словаре впервые предпринята попытка представить энциклопедический «портрет» абхазского этноса в многовековом историко-культурном континууме его существования; аналогичные сведения приведены по всем этническим общинам, проживающим в стране.

Работа над энциклопедией сплотила большой авторский коллектив. В его состав вошли ученые Абхазии, представлявшие основные научные центры страны – «Научно-исследовательский центр “Абхазская энциклопедия”», Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, Абхазский государственный университет, Абхазский государственный музей, Ботанический институт им. Г.Г. Айба АНА, Институт экспериментальной патологии и терапии АНА и др. Среди авторов также российские ученые, которые по просьбе редколлегии представили свои тексты по ряду общих проблем, входивших в предметное поле энциклопедии.

Двухтомная энциклопедия «Абхазия» уже вышла из печати и в настоящее время доступна заинтересованному читателю.

Организационный, интеллектуальный и эдиционный опыт работы над двухтомным изданием стали основой для подготовки других проектов, которые намечены НИЦ «Абхазская энциклопедия». Так, в перспективных планах – подготовка и издание энциклопедических справочников по всем городам Республики Абхазия. Одной из первых в этом научно-издательском направлении должна стать энциклопедия «Новый Афон».

Новый Афон сыграл важную роль в историческом, социокультурном и духовном развитии страны. Уникальные природно-климатические условия и особенности географического расположения сделали город и его окрестности одним из красивейших мест на Черноморском побережье. Сегодня Новый Афон достаточно динамично развивающийся урбанистический центр. В силу этих и ряда других причин город является одним из самых известных и популярных мест далеко за пределами Абхазии, занимая первые позиции по рекреационной привлекательности и туристической посещаемости.

Все это актуализирует необходимость подготовки специализированного энциклопедического издания, в котором будет аккумулирована разносторонняя информация о городе и его окрестностях. Именно этой цели будет служить новая энциклопедия. В ее основание закладывается концепция универсального справочного издания, на страницах которого любой читатель сможет найти сведения по большинству интересующих его вопросов, связанных с прошлым и настоящим этого города.

Эти и другие проекты, безусловно, потребуют дальнейших усилий и более прочной консолидации исследовательских сил Абхазии. Однако заложенные традиции, накопленный опыт и имеющийся потенциал вселяют уверенность в успешное развитие энциклопедистики в Республике Абхазия.

В.Ш. Авидзба

АБХАЗИЯ В «БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

Известно, что издание в СССР «Большой Советской энциклопедии» (БСЭ) было делом государственной важности. За время существования Советского Союза БСЭ выдержала три издания. Первое издание вышло в 1926–1947 гг., в 65 томах и одном дополнительном томе. Второе увидело свет в 1950–1958 гг., в 49 «основных» томах (были также добавлены 50-й том «СССР» и 51-й – дополнительный). Третье издание было выпущено в 1969–1978 гг., в 30 томах (31 книге; том 24-й был в двух книгах – вторая, дополнительная книга целиком была посвящена СССР). Решение об издании БСЭ принималось высшими государственными и партийными структурами. Все три издания были универсальными и отражали достигнутые к тому времени научные знания.

Во всех изданиях БСЭ, в числе прочей разносторонней информации, имеются также сведения о народах, населявших страну, о союзных и автономных республиках, областях, округах. Не является исключением и Абхазия. До настоящего времени не предпринималась попытка сопоставительного изучения размещенных в изданиях БСЭ статей, посвященных Абхазии. Не подвергая сомнению научную, культурную и общественную значимость изданий БСЭ, в которых, по словам А. Горкина, «удалось сосредоточить поистине все богатство знаний, накопленных человечеством за тысячелетия» [5], в данной статье наше внимание будет сосредоточено, главным образом, на противоречиях, содержащихся в публикациях об Абхазии.

В первом издании БСЭ об Абхазии 22 словарные статьи: «Абхазская советская социалистическая республика, Абхазия» (во 2 и 3 изданиях – «Абхазская автономная советская социалистическая республика»), «Абхазцы» (во 2 и 3 изданиях – «Абхазы»), «Абхазский язык», «Абхазская литература», «Бзыбь», «Гагры» (во 2 и 3 изданиях – «Гагра»), «Гали», «Гудауты» (во 2 и 3 изданиях – «Гудаута»), «Гулиа Д.И.», «Гульрипш» (во 2 и 3 изданиях – «Гульрипши»), «Диоскурия», «Ингур» (в третьем издании – «Ингури»), «Кераз», «Кодор» (во 2 и 3 изданиях – «Кодори»), «Кодорский перевал», «Марух», «Новый Афон», «Очемчири» (во 2 и 3 изданиях соответственно – «Очамчире», «Очамчира»), «Псырцха», «Смыр Гудиса», «Сухуми», «Ткварчели». Во второе издание БСЭ вошла 31 статья об Абхазии; к названным добавились: «Абазги», «Абрскил», «Апхерца», «Бзыбский (Чедынский) хребет», «Гагринский хребет», «Гулиа Г.Д.», «Дранда», «Клухорский перевал», «Мокви», «Сабчота Абхазети», «Советская Абхазия», «Сухумский ботанический сад», «Сухумский педагогический институт», «Яштух». Третье издание насчитывает 48 статей об Абхазии. Оно дополнилось следующими статьями: «Абхазо-адыгские языки», «Абхазское восстание», «Абхазское царство», «Агрба А.Р.», «Алашара», «Апсилы», «Апсны капш», «Грузинский институт субтропического хозяйства», «Званба С.Т.»

«Квициния Л.Б.», «Когониа И.А.», «Лакербай М.А.», «Лакоба Н.А.», «Папаскири И.Г.», «Рица», «Рица-Ауадхара», «Рицинский заповедник», «Санеев В.Д.», «Сухумский драматический театр», «Тарба И.К.», «Чанба С.Я.», «Шинкуба Б.В.».

В число «абхазских» статей мы не включаем те, в которых упоминается Абхазия, но они непосредственно ей не посвящены (например, «Генуэзские колонии», «Субтропики» и т.д.), или статьи, отражающие общие с другими народами явления (например, «Кавказские языки», «Нартский эпос», «Аталычество» и т.п.). В статистическом плане, налицо приверженность издателей БСЭ к увеличению словарных понятий, имевших отношение к Абхазии. Но при этом, необязательно, чтобы статья из первого издания повторялась в последующих. Так, например, такие статьи, как «Кераз», «Псырцха», «Смыр Гудиса», опубликованные в первом, так называемом «зеленом» издании, в последующих были опущены; включенные во второе издание статьи об абхазском музыкальном инструменте «Апхерца» и населенном пункте «Дранда» не вошли в третье издание.

Более существенной стороной различий является изменение географических названий Абхазии. Причем расхождения эти имеют место не только в выпусках БСЭ, но встречаются и внутри одного издания. К примеру, в томах до 1936 года выпуска, столица Абхазии в статье «Абхазская советская социалистическая республика» [2. Т. 1. С. 101, 104] и на многих картах, отражающих территорию Абхазии [2. Т. 1. С. 106] обозначена как «Сухум», в то время как статья, непосредственно посвященная самому городу, называется «Сухуми» [2. Т. 53. С. 250]; второе издание содержит статью о «приморском климатическом курорте» «Новый Афон», в скобках указано «ныне Ахали Афони» [3. Т. 30. С. 113]. Исключительно второй вариант названия этого населенного пункта встречаем во всех картах, содержащихся в этом издании. В некоторых случаях название того или иного топонима, в более поздних изданиях, приводится в соответствии с исконными названиями, как это имеет место в случае с городами Гудаута (в первом издании обозначена как «Гудауты») и Очамчира (в первом «Очемчири», во втором «Очамчире»); поселком городского типа, позже ставшем городом, Гагра (в первом издании «Гагры»). Но имеются примеры и обратного порядка, когда исконные топонимические названия получают искаженное оформление. Так, верно написанные в первом издании топонимы «Гульрипш» (поселок, районный центр), «Кодор» (река), Ингур (река), в двух последующих выпусках БСЭ были обозначены соответственно, как «Гульрипши», «Кодори», «Ингури». А название шахтерского города Ткуарчал, во всех трех изданиях неверно значит как «Ткварчели». Отмеченные разночтения нельзя ставить в вину редакциям изданий, поскольку они в силу своих обязанностей должны были опираться исключительно на официальные данные. Вопрос же ответственности авторов статей за подобные упущения нужно рассматривать в каждом случае отдельно, в зависимости от мотива выбора того или иного варианта. В подавляющем большинстве статей, посвященных Абхазии, во всех трех изданиях, авторы не указаны. Скорее всего, и авторы, и редколлегия исходили из решений, принимаемых государственно-партийными структурами по изменению географических названий. Переименова-

ния географических названий городов, областей, горных вершин, заливов и т.д. в ту пору имели широкий размах. Имена партийных вождей, советских государственных деятелей, еще при их жизни увековечивались путем переименований. В этом отношении любопытным фактом является количество статей в «Энциклопедическом словаре», связанных с именем Сталина. В ней только географических названий, именованных в его честь – 18 [8. Т. 3. С. 313–314.]. Зачастую решения о переименовании носили волюнтаристский, насильно внедряемый в административном порядке характер. В Абхазии же переименования топонимов имело еще и национальную окраску, стремление закрепить за ними грузинские названия, или же дать соответствующую грузинскому языку транскрипционную форму, часто посредством наращивания в конце слова буквы «и». Беспрецедентными были, по своей сути, масштабы изменений географических названий в Абхазии, усиленно проводившиеся в 1943–1952 гг. В этот период различного рода переименованиям подверглись свыше 180 населенных пунктов [1. С. 499–512].

Имеются нестыковки и иного характера. Так, в статье «Кераз», опубликованной в первом издании БСЭ, написано: «Организация красных партизан в Абхазии, возникшая осенью 1917 в Гудаутах по инициативе руководителя абхазских большевиков Нестора Лакоба (см.) и сыгравшая большую роль в период гражданской войны» [1. Т. 32. С. 203]. Как видно, в тексте имеется даже двойная отсылка – в виде выделения курсивом имени Н. Лакобы и указанием в скобках на то, что статья о нем будет размещена в соответствующем томе. Однако в 36 томе, вышедшем в 1938 г., статья о Н. Лакобе отсутствует; он к тому времени ушел из жизни и был объявлен «врагом народа». Сведений о нем нет и во втором издании БСЭ. Мы встречаем его имя только в третьем издании, вышедшем уже после его реабилитации. Обзорная статья об Абхазии, как уже говорилось, имеет в БСЭ разные заглавия: «Абхазская советская социалистическая республика, Абхазия» в первом издании, и «Абхазская автономная советская социалистическая республика» – в двух последующих, что вызвано изменением ее статуса в 1931 г. [7. С. 89]. Эта статья является самой крупной «абхазской» статьей во всех трех изданиях; в ней даны сведения, содержащие всестороннюю информацию о республике. В структурном отношении тексты обзорных статей о республике различаются. Так, в первом и третьем изданиях статьи имеют больше подзаголовков, чем во втором. В первом издании таких 20, во втором – 7, в третьем – 14. Это связано с объединением и включением нескольких разделов в один – более крупный. Если в статье первого издания отдельно выделены такие понятия, как «рельеф», «горные богатства», «климат», «растительность», «почва», то во втором издании информация о них включена в раздел «физико-географический очерк», а в третьем – в разделы «природа» и «народное хозяйство». Единственным разделом, название которого полностью совпадает во все трех изданиях, является «исторический очерк». Как раз в нем и обнаруживаются различные концепции исторического прошлого абхазского народа. Наиболее существенные несоответствия и разночтения обнаруживаются по средневековому периоду и, как ни странно, Новому времени (особенно по XX в.). Отметим некоторые из них. В первом

издании БСЭ о событиях Первой русской революции 1905–1907 гг. написано: «События 1905 почти не коснулись Абхазии. Политической работы не велось ни в Сухуме, ни, тем более, в абхазской деревне. Общественной жизни не было. На манифест 17/X Сухум откликнулся всего одним митингом, из предосторожности созданным за городом, и собравшим не более 300 чел.» [2. Т. 1. С. 113]. Во втором издании изложенная картина о событиях тех лет имеет кардинальное отличие: «Во время первой русской буржуазно-демократической революции широко развернулось революционное движение под руководством Кавказского Союзного комитета РСДРП, во главе которого стоял И.В. Сталин. Осенью 1905, по поручению большевистской партии, в А. для подготовки вооруженного восстания прибыл Г.К. (Серго) Орджоникидзе. Возглавив в сентябре 1905 партийную организацию в Гудаутах, Орджоникидзе налаживает крепкую связь с рабочими и одновременно проводит агитационную работу среди крестьян. Под руководством большевиков в октябре-ноябре 1905 власть в Абхазии фактически переходит в руки трудящихся масс» [3. Т. 1. С. 50]. Примерно в том же ключе подан материал об этом историческом сюжете и в третьем издании [4. Т. 1. С. 42]. Примечательно, что авторы статей всех трех изданий не обмолвились о весьма важном событии для Абхазии того периода, а именно, о том, что в 1907 г. царь Николай II подписал Указ об уравнивании прав земледелия жителей Сухумского округа, по которому отменялось «ограничение прав... лиц абхазского населения», введенное в 1880 г. [6. 278].

В некоторых случаях, большую близость в изложении исторического материала обнаруживают тексты первого и третьего изданий. Так, например, события, связанные с установлением Советской власти в Абхазии, в этих изданиях изложены более достоверно, чем во втором издании. В частности, в нем говорится о том, что в 1918 г. в Абхазии была установлена Советская власть, продержавшаяся 42 дня, когда власть находилась в руках Военно-революционного комитета, но не названы имена руководящих лиц. А об окончательном установлении Советской власти сказано так: «Большевистские организации Абхазии, под руководством ЦК КП(б) Грузии провели нелегальную подготовку к новому вооруженному восстанию. Во всех районах были созданы большевистские отряды, снаряженные оружием; был тщательно разработан план и срок выступления. В феврале 1921 г. трудящиеся Абхазии, вместе с трудящимися всей Грузии, с помощью великого русского народа и героической Красной Армии установили Советскую власть. 4 марта 1921 г. Абхазия была провозглашена Советской социалистической республикой. В этот же день Абхазский ревком по радио сообщил В.И. Ленину и И.В. Сталину» [Т. 1. С. 51] о свершившемся. Далее приводится цитата из телефонограммы, но без указания имен, подписавших ее. А ими были – Е. Эшба, Н. Лакоба, Н. Акиртава, которые ко времени выхода тома были объявлены врагами народа и репрессированы. Пафосный тон изложения не передает реальной картины исторических событий тех лет. В действительности же не приходится говорить о некой руководящей роли ЦК КП(б) Грузии и о помощи русского народа. Конкретно Советская власть в Абхазии была установлена усилиями абхазских повстанче-

ских отрядов, во главе с вооруженным отрядом «Кяраз» и реальной военной помощи частей IX Красной Армии.

В разделе «Социалистическое строительство Абхазии в 1921–1941 гг.» все перечисляемые достижения республики в экономической, культурной и других сферах ставятся в заслугу исключительно И.В. Сталину и его «верному соратнику» Л.П. Берия. Личности же, реально стоявшие за положительными изменениями, почти поголовно подвергшиеся репрессиям, не упоминаются вовсе. Более того, эти репрессивные действия оправдываются следующим образом: «В 1937 и 1938 гг. органы советской разведки беспощадно разгромили врагов народа, остатки троцкистско-бухаринских, буржуазно-националистических шпионов, вредителей, изменников родины, проводивших в Абхазии вредительскую и диверсионную работу по заданию иностранных разведок. Свою беззаветную преданность делу Ленина – Сталина трудящиеся Абхазии ярко продемонстрировали на выборах депутатов в Верховный Совет СССР и в Верховные Советы Грузинской ССР и Абхазской АССР. Явка на выборы и голосование за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных достигли почти 100%» [3. Т. 1. С. 52]. Незазванные, но подразумеваемые личности не имели ничего общего с теми преступлениями, в чем их обвиняли, а являлись борцами за установление Советской власти и проводниками строительства новой, как им казалось, справедливой жизни. Обращает на себя внимание принятый за правило подход в советских энциклопедиях, когда имена политически неудобных личностей старались не упоминать, предавая их забвению. Эта практика, помимо своей тенденциозности, была еще и малоэффективной. Можно привести много примеров, когда стремление обойти молчанием имя того или иного известного лица, приводило к казусам. Например, в первом издании БСЭ имеется статья о Г.Е. Зиновьеве, но отсутствует статья о Л.Б. Каменеве, поскольку, к моменту выхода тома на букву «К», последний был репрессирован и расстрелян (Зиновьев тоже был расстрелян одновременно с ним, но «успел попасть» в энциклопедию, в более раннем томе). Это касается и статей, имеющих отношение к Абхазии.

В некоторых случаях вызывают вопросы, статистические данные, в частности, касающиеся численности абхазов, приводимые в обозреваемых выпусках БСЭ. В первом издании написано, что абхазов 83.794 чел. [2. Т.1. С. 104], во втором – 58.969 [3. С. 58], в третьем – 65 тыс. [4. Т. 1. С. 41]. Примечательно, что в третьем издании приводится и другая цифра о количестве абхазов. В разделе «Население» обзорной статьи о республике, число абхазов определено в 61,2 тыс. чел. [4. Т. 1. С. 41], т.е. еще меньше, чем в статье «Абхазы» [4. Т. 1. С. 45]. Это при том, что тексты об Абхазии полны сведений о неуклонном демографическом росте населения республики. В первом издании приведена цифра общего количества населения Абхазии – 174.126 чел. [2. Т. 1. С. 101], в третьем – 481 тыс. чел. [4. Т. 1. С. 41]. Таким образом, получается, что в течение 44-х лет, прошедших между первым и третьим изданиями БСЭ, население Абхазии увеличилось примерно в 2,5 раза, в то же время численность коренного населения – абхазов, не только не увеличилась, но и уменьшилась. Эти данные могут говорить об имевшем место искусственном занижении количе-

ства абхазов, в русле проводимой в те годы в Абхазии целенаправленной ассимиляционной политики и, соответственно, недостоверности приводимых статистических данных.

Причины указанных выше несоответствий, неточностей и ошибок могли быть разными. Однако, несомненно одно: главная из них - это иерархический подход по отношению к союзным и автономным республикам, связанный с усилением авторитаризма, насаждаемым особенно рьяно со второй половины 1930-х годов. Это видно и по участию в БСЭ авторов из регионов, где представительство автономных республик весьма скромно. Как уже отмечалось, во всех трех изданиях БСЭ далеко не всегда указывались авторы статей. В каждом томе первого и второго изданий обозначены авторы только крупных статей. В третьем издании гораздо чаще указываются фамилии авторов. И только в нем мы встречаем фамилии тех, кто написал некоторые главы основной статьи об Абхазии. Это: А.А. Минц (разделы «государственный строй», «народное хозяйство»), Г.А. Дзидзария («исторический очерк»), И.К. Тарба («литература»), З.С. Аршба и А.К. Кацья («архитектура и изобразительное искусство»), С.П. Кецба и И.Е. Кортуга («музыка»). Авторы же разделов «население», «здравоохранение», «народное образование и культурно-просветительные учреждения», «научные учреждения», «печать и радиовещание», «театр», - не указаны.

В рассматриваемых изданиях БСЭ противоречий в фактах, оценках исторических событий и личностей, статистических данных и т.д. достаточно много и не исчерпываются приведенными примерами. Поэтому дальнейший скрупулезный сравнительный анализ является актуальной научной задачей.

При всех отмеченных недостатках, БСЭ, конечно же, является уникальным изданием, в котором содержится огромное количество нужной и полезной информации, а то, что «устарело, представляет непреходящий исторический интерес» [5].

Список литературы

1. Абхазия: Документы свидетельствуют. 1937–1953 гг. Сборник материалов. Сухум: «Алашара», 1992.
2. Большая Советская Энциклопедия. Издание первое. В 66 т. М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия» (Тт. 1–20); Словарно-энциклопедическое издательство «Советская энциклопедия» (Тт. 21, 23–27, 60–65); Государственный институт «Советская энциклопедия» (Тт. 22, 28–49, 56–58, 63); Государственный научный институт «Советская энциклопедия» (Тт. 50–55), 1926–1947. (Главный редактор О.Ю. Шмидт).
3. Большая Советская Энциклопедия. Издание второе. В 50 т. М.: Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1950–1958. (Главные редакторы С.И. Вавилов (Тт. 1–7), Б.А. Введенский (Тт. 8–50)).
4. Большая Советская Энциклопедия. Третье издание. В 30 т. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1970–1978. С. 41–45. (Главный редактор А.М. Прохоров).

5. Горкин А. О Большой Советской Энциклопедии // http://www.rubricom.com/about_bse_1.asp (Дата обращения: 25.09.2019.)
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XXVII. 1907. От № 23754 – 29943 и добавления. СПб., 1910.
7. Чирикба В.А. Советская Абхазия в 1921 – начале 1991 г. // Абхазы. Издание второе, исправленное. М.: «Наука», 2012.
8. Энциклопедический словарь. В 3 тт. //Главный редактор Б.А. Введенский/ Т. 3. М.: Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1955.

References

1. Abxaziya: Dokumenty svidetel'stvuyut. 1937–1953 gg. Sbornik materialov. Suxum: «Alashara», 1992.
2. Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya. Izdanie pervoe. V 66 t. M.: Akcionernoe obshchestvo «Sovetskaya e`nciklopediya» (Tt. 1–20); Slovarno-enciklopedicheskoe izdatel'stvo «Sovetskaya e`nciklopediya» (Tt. 21, 23–27, 60–65); Gosudarstvennyj institut «Sovetskaya e`nciklopediya» (Tt. 22, 28–49, 56–58, 63); Gosudarstvennyj nauchnyj institut «Sovetskaya e`nciklopediya» (Tt. 50–55), 1926–1947. (Glavnyj redaktor O.Yu. Shmidt).
3. Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya. Izdanie vtoroe. V 50 t. M.: Gosudarstvennoe nauchnoe izdatel'stvo «Bol'shaya sovetskaya e`nciklopediya», 1950–1958. (Glavny`e redaktory` S.I. Vavilov (Tt. 1–7), B.A. Vvedenskij (Tt. 8–50).
4. Bol'shaya Sovetskaya E`nciklopediya. Tret'e izdanie. V 30 t. M.: Izdatel'stvo «Sovetskaya e`nciklopediya», 1970–1978. S. 41–45. (Glavny`j redaktor A.M. Proxorov).
5. Gorkin A. O Bol'shoj Sovetskoj Enciklopedii // www.Rubkicom.com. (Data obrashheniya: 25.09.2019.)
6. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. Tom XXVII. 1907. Ot № 23754 – 29943 i dobavleniya. SPb., 1910.
7. Chirikba V.A. Sovetskaya Abxaziya v 1921 – nachale 1991 g. // Abxazy`. Izdanie vtoroe, ispravlennoe. M.: «Nauka», 2012.
8. Enciklopedicheskij slovar`. V 3 tt. T. 3. M.: Gosudarstvennoe nauchnoe izdatel'stvo «Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya», 1955. (Glavny`j redaktor B.A. Vvedenskij)

Вопросы Энциклопедистики, №2 (2) Уфа. 2019. С. 53-59

О. Х. Бгажба

ОТ ВОЖДЕСТВА К ЦАРСТВУ

Из истории абхазской государственности в I тыс. н.э.

Данная проблематика не нова и, естественно, тесно связана с внутренней (социально-экономической) и внешней (политической – взаимоотношением с Римской, а затем с Византийской империями) ситуациями во II–VII вв. Уже более семи десятков лет благодаря нашему соотечественнику, основоположнику грузинской советской исторической школы С.Н. Джанашия считалось, что в древней Колхиде феодальные отношения начали складываться в III–IV вв., а установились в VI в.¹ Данный тезис получил поддержку и развитие в трудах многих историков-кавказоведов (З.В. Анчабадзе, М.М. Гунба, Н.Ю. Ломоури и др.). Между тем, Г.А. Меликишвили позже обосновал более реалистичную точку зрения, по которой автохтонное население древней Колхиды (лазы и, особенно, апсилы, абасги и др.) стояло на более низком (по отношению к Иберии – Картли) уровне социально-экономического развития и у него еще в VI–VIII вв. господствовали своеобразные формы раннеклассовых отношений². Со ссылкой на данные Прокопия, Агафия и Менандра им делается вывод, что у лазов в VI в. основная масса общинников еще пользовалась личной свободой, а власть находилась в руках военно-родовой аристократии, в то время, как процесс формирования феодальных отношений и феодальной знати происходил очень медленно³. У северо-западных соседей лазов (апсиров, абасгов и др.) во II–VII вв. «вожди – цари» на должности типа архонтов, ограниченные в своих правах⁴. Подобная точка зрения нашла развитие в работах А.П. Новосельцева, который считал, что феодальные отношения в Западном Закавказье в VIII–IX вв. только стали проявляться⁵. С учетом этих двух последних посылов и составлена Ю.Н. Вороновым и О.Х. Бгажба соответствующая периодизация истории Абхазии в учебном пособии 1991, 1992 гг. и учебнике для старших классов 2006, 2015 гг., в которых за родовым строем наступил феодальный в VIII в., минуя рабовладельческий (у нас в стране он был на уровне патриархального рабства).

Казалось, основные проблемы по данной тематике были решены в Сухуме в 2015 г. на международной научной конференции археологов по теме: «Социальная стратификация населения Кавказа в конце Античности и начале

¹ Джанашия С.Н. Труды. Т. I. Тб., 1949. С. 67–75.

² Меликишвили Г.А. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. Тб., 1973. С. 35–52.

³ Там же. С. 141–145.

⁴ Там же. С. 143.

⁵ Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980. С. 247.

Средневековья»¹, когда многие общества Европы и Азии того времени соответственно находились в основном на том же уровне вожеств и управлялись «царями» или «королями». Но в 2022 г. вышла книга - историко-политологический справочник филолога Вячеслава Чирикба, где дается схема абхазских царских династий II–VI вв., а апсильские патрикии (один из высших статусов византийского чиновника, назначаемого императором, или же третий по сану в священстве, может быть и епископ) Марин и его убиенный арабами сын, ставший святым, Евстафий величаются царями². Это обстоятельство и сподвигло меня вновь вернуться к данной проблематике.

Приходится вновь напомнить пассаж из известного перипла легата императора Адриана Флавия Арриана, который в начале 30-х г. II в. н.э. побывал с инспекционной поездкой вдоль морского побережья древней Колхиды (в том числе Абхазии), в котором читаем следующее: «Рядом с зидритами лазы; царем у лазов Маласс, получивший свою власть от тебя (Адриана – **О.Б.**). За лазами следуют апсилы; у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца (Траяна – **О.Б.**). С апсилами граничат абасги, у абасгов царь Ресмаг, получил царство от тебя. Рядом с абазгами саниги, в земле которых лежит Себастополис (территория Сухумской крепости – **О.Б.**); царь санигов Спадаг получил царство от тебя»³.

Слово «базилевс» в данном пассаже Арриана обычно большинством абхазоведов воспринимается прямолинейно как «царь», но не надо забывать и его иного значения – «вождь» – «правитель» племени или союза племен, который являлся «первым среди равных» (*primus inter pares*) из родоплеменной верхушки (т.е. «военной аристократии»), да еще утверждался или, скорее всего, назначался римским императором по существу «базилевсом». Причем династическая преемственность в данном случае обычно не велась, как это стало после VI в. с абхазской династией Аносидов. Подобную картину, как видим, нарисовал Флавий Арриан в начале II в. (131–137 гг.). О том, что же знали о нашем регионе еще Прокопий, Агафий, Феофан, до образования независимого Абхазского царства династии Леонидов в VIII в. (к 786 г.), постараюсь напомнить и подкрепить имеющимися археологическими данными, с которыми я так же, как и М.М. Трапш, Г.К. Шамба и, особенно, Ю.Н. Воронов был тесно связан. Археологически ныне наиболее полно изучена жизнь апсилов: более двух десятков поселений «крепостей», а также могильники (всего более 500 захоронений)⁴. В могильниках Апсильи⁵, представлявших собой родовой поселок, объединявший пять-десять, а порой и несколько десятков больших

¹ Материалы международной научной конференции: «Социальная стратификация населения Кавказа в конце Античности и начале Средневековья». М., 2015; КСИА, Вып. 244. 2016.

² Чирикба В.А. Независимость Республики Абхазия в свете международного права. Сухум, 2022. С. 216. Эта книга (в 2023 г.) получила вместе с другой научно-популярной работой Госпремию им. Г.А. Дзидзария неожиданно по номинации «История» при наличии других достойных трудов по профилю.

³ Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ. I. 1949. – С. 270.

⁴ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.

⁵ Воронов Ю.Н. Могилы апсилов. Пушино: Объединение научно-технического издательства Пушинского центра; РАН, 2003.

семей, в свою очередь, вступивших в полосу распада на малые семьи, не отмечено имущественной дифференциации вплоть до VII в., что вполне можно объяснить правовым регулированием, характерным для родовой организации. Вместе с тем, на территории Апсилии отмечена определенная специализация родов в рамках племени – население большинства поселений занималось земледелием, скотоводством, гончарным и кузнечным ремеслом, в то время, как один род, например Шапки, по-видимому, освобождался от этих обязанностей. Этот род являлся главным потребителем большего числа импортных изделий – стекла, золота, украшений и т.д.¹

Обращает на себя внимание воинственный облик апсильского социума – каждый мужчина был воином. Даже в погребении кузнеца был воинский набор. Значит, кузнец и воин был одним лицом и еще не произошло второго крупного разделения труда². Воинский набор в основном был одинаков, но на самом высоком европейском уровне, даже использовались «дамасские мечи» и цебельдинские топоры, похожие на метательные «франциски». В «потусторонний мир» древнеабхазский воин уходил в полном боевом обличии вместе с конем вплоть до середины VII в. Словом, историки и археологи пока подтверждают на территории Апсилии существование следующей иерархии: вождь (базилевсы II в., патрикии – но не цари), старейшины, «самые разумные люди из апсильцев», начальники крепостей, послы, участвовавшие в разборке византийцев и мисимиан, а у мисимиан – знатные и уважаемые люди Хада и Туана, имена, которые и ныне встречаются у абхазов. В социально-политическом отношении все это соответствует «военной демократии». Аналогичное можно сказать и об Абасгии, где правили в VI в. два царя: один над западной, другой над восточной частью. Важно отметить, что они избирались и свергались самим народом, видимо, на народном собрании (сходе). Интересно, что византийские источники упоминают только «царей» (причем под различными названиями: «царьки», «властители», «правители», «начальники» – об одних и тех же лицах) и ничего не говорят о знати³. И низвержение своих царей нельзя считать переходом абасгов к феодализму, скорее всего, это был протест рядовых общинников против зарождающегося классового строя⁴. К сожалению, археологических материалов из поселений и могильников того времени от абасгов мы не имеем пока в наличии.

Больше сведений от византийских историков мы имеем о соседних древнекартвельских лазов. Данное обстоятельство связано с тем, что через них Византия проводила в Колхиде свою хитросплетенную политику, создавая у более многочисленных лазов иллюзорное представление главенства, среди своих древнеабхазских соседей – абасгов и особенно апсильцев, ибо они ни в

¹ Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже Средневековья. Научные труды. Том I. Сухум. 2006. – С. 216.

² Бгажба О.Х. По следам кузнеца Аинара. Из истории кузнечного ремесла древней и средневековой Абхазии (VIII в. до н.э. – XV в. н.э.). Сухуми.1982; Избранные труды. Сухум, 2023. С. 131; Социально-экономическая характеристика кузнечного ремесла в Абхазии II–VII вв. КСИА. Вып. 244. 2016. С. 275–281.

³ Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1950.

⁴ Меликишвили Г.А. Политическое объединение феодальной Грузии... Тб., 1973. С. 143.

одних усмирительных акциях против них не принимали участие – заменял их общий сюзерен Византия, благодаря чему, апсилы «снова стали подданными лазов»¹. Сработала система «матрешки»: «вассал моего вассала – мой вассал». Словом, говорить о том, что здесь в это время было мощное Лазское царство, под властью которого находилась, например Апсилия, много не приходится. В источниках упоминается: «один из знатных людей лазов, по имени Тердет, который носил у этого народа название «магистр»² (византийская должность выше патрикия), один из лазов очень знатный в этом племени и обитавший в Археополе»³, «один из наиболее значительных людей среди них» Аэт⁴, «пользующийся у колхов исключительным авторитетом, разумный и умеренный, очень популярный» Фартаз⁵, благодаря которому, его убеждающим речам на тайном народном собрании (народном сходе) победили сторонники византийцев и выбрали там царем Цате – брата вместо убиенного Губаза, хотя у последнего были сыновья. Если проследить, то видно, что «царская» власть переходила у лазов от брата к брату. Эти знатные люди пользовались правом первого голоса на народных собраниях, они были свободны в выборе своей политической ориентации. Из их среды, видимо, формировались будущая царская дружина и свита.

Более ускоренное выделение у лазов и их соседей (апсилы, санигов) знати подтверждается наличием богатых захоронений II–IV вв. Колхиды, но в то время драгоценности были еще не столько средством власти, сколько его атрибутом, поэтому зарывались в землю вместе с усопшим⁶.

Власть царя лазов еще довольно демократична, так как сохраняла многие черты, свойственные племенным вождям. Цари проявляли себя как военачальники, смелые воины. Источники молчат, археологи пока не находят их дворцы, атрибуты царской власти эпохи феодализма. Они запросто общались со своим народом на пирушках. Достаточно было не попадать на глаза разгневанному царю – и можно было чувствовать себя в относительной безопасности.

В отношении внешней политики лазские цари были зависимы от Византии, как ранее от Рима. Их послы жаловались Хосрову: «Но если мы были римлянам друзьями только по имени, в самом же деле были только верными рабами их... Они оставили царю нашему только вид царского достоинства, а сами присвоили себе власть во всех делах. Царь, подчинившись участи служителя, страшится повелевающему ему воеводе»⁷. Затем лазы просили Юстиниана, чтобы он «царем не назначил им какого-нибудь чужеземца и иностранца».

Даже в выборе жен или парадной одежды лазские цари не были самостоятельными. Жены должны быть дочерьми византийских чиновников, а по поводу одежды Агафий сообщает, что «пурпурную же хламиду носить лазским

¹ Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1950.

² Там же. С.40.

³ Там же. С. 421.

⁴ Агафий. О царствовании Юстиниана. М., 1953. С.77.

⁵ Там же. С. 81.

⁶ Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже Средневековья. Научные труды. Т. I. Сухум, 2006. С. 217.

⁷ Прокопий Кесарийский. История войн римлян... С. 115.

царям не положено. Но разрешается только белая»¹. Поэтому особо подчеркивалось Прокопием, что у начальника апсильской крепости Тцибила была жена апсилька, не византийка, как раритетный случай, т.е. это являлось исключением. Интересно отметить, что лазский царь просил Юстиниана заплатить зарплату за 10 лет за должность селентиария.

Бурные и драматические события VIII в. внесли существенные коррективы в ход исторических процессов в Колхиде. Уже в VII в. – нач. VIII в. Абасгия представляла собой единое политическое объединение, во главе которого стояли цари из династии Аносидов (из «Дивана абхазских царей»), но они были зависимы от Византии. В Апсилье в это время правителями были патрикии, которые по византийской табели о рангах были ниже магистра, но выше селентиария. Одному из абасгских царей Константину принадлежала свинцовая вислая печать «Константин Абасгский» на греческом языке из Пицунды. Подобные печати обычно имели лишь высокие византийские чиновники и духовные, входившие в административный аппарат империи.

Именно Абасгия, тогда еще практически ничем не выделявшаяся на фоне других этнополитических образований Колхиды, присоединила их, тем самым объединив в целостные административные рамки, создала на той территории после смерти Леона I первое раннефеодальное государство к 786 г. – независимое Абхазское царство с династией Леонидов с царем Леоном II, которому способствовали, как внутренняя экономическая база – отгонное скотоводство (наличие «ацангуар»), так и внешний фактор – нашествие арабов, разрушивших полностью Лазику, частично Апсилью и, конечно, победа над арабами у стен Анакопии, значительно поднявшая престиж Абасгии, стала триггером присоединения, а главное объединения вокруг себя всего региона Западного Закавказья, т.е. Колхиды. Фундаментальной основой данного государства явилось завершение создания к этому времени единой абхазской феодальной народности, старт которой начался еще с официальным принятием там христианской религии (в VI в.).

К концу X в. власть в Абхазском царстве постепенно начинает переходить от династии Леонидов к династии Багратидов, процесс которого завершился в 80-е годы XI в., просуществовавшей до конца XIII в., когда оно распалось. Но это уже отдельная история.

¹ Агафий. О царствовании.... С. 86.

С. Ш. Салакая

О ПЕРИОДИЗАЦИИ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ АБХАЗИИ

Проблема периодизации истории Абхазии, в том числе новой и новейшей истории, нуждается в серьезном переосмыслении. В советской исторической науке, а абхазская историческая наука формировалась и развивалась в ее рамках, новая история увязывалась с капиталистической общественно-экономической формацией. Исходя из этого, капитализм, а, следовательно, новая история в России начиналась со второй половины XIX века, а точнее с крестьянской реформы 1861 г. По аналогии с российской историей, эпоха капитализма в Абхазии традиционно начинается с проведения в Сухумском отделе крестьянской реформы в 1870 г. Эта периодизация во многом сохранилась и до сегодняшнего дня. В частности, в современном школьном учебнике «История Абхазии» новая история начинается с 1870 г., хотя там же говорится, что «крестьянская реформа лишь пошатнула традиционный ритм абхазской жизни..., патриархальный облик абхазской общины почти не изменился и в пореформенный период»¹.

Вопрос периодизации новой истории Абхазии до сих относится к дискуссионным. Есть исследователи, которые начинают ее с окончания Кавказской войны и упразднения Абхазского княжества (1864 г.), другие считают, что средневековый период истории Абхазии не следует доводить до XIX века и, следовательно, новую историю надо начинать раньше.

Наиболее логичным, на мой взгляд, представляется начать отсчет новой истории от присоединения Абхазского княжества к Российской империи. Причем, если брать конкретную дату, то, наверно, правильнее говорить о 1810 г. (17 февраля), чем о более ранних годах, когда Келешбей Чачба начал переговоры о вступлении Абхазии под российское покровительство. Именно опираясь на грамоту Александра I, русские войска провели военную операцию по изгнанию Асланбея и утверждению в Абхазии Сафарбея (География). И хотя еще значительное время военное присутствие России в Абхазии было минимальным, всякие попытки освободиться от ее власти приводили к жестким карательным мероприятиям (например, восстания 1821 и 1824 гг.). Поэтому, на мой взгляд, правомерно начинать новую историю Абхазии с начала XIX в., а если более конкретно с 1810 г.²

Исходя из сказанного, предлагается под новой историей Абхазии понимать историю периода XIX – нач. XX в. (1810 – 1917 гг.), поскольку присоединение к Российской империи имело определяющее значение для всей последующей истории Абхазии и абхазского народа. В 1917 г. Абхазия фактически выходит

¹ Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. Учебник для 10–11 классов. Сухум. 2015. С. 264.

² Салакая С.Ш. О некоторых вопросах хронологии новой истории Абхазии. История и историография Абхазии XIX – нач. XX века. Сб. статей. [Б.м.], 2018. С. 148.

из политических рамок российской государственности. На мой взгляд, новую историю Абхазии можно разбить на два относительно крупных этапа: 1) Существование Абхазского полуавтономного княжества (1810–1864) и 2) Время нахождения в рамках российской государственности (1864–1917). Это, конечно, не исключает более тщательной детализации, что является предметом дальнейших обсуждений и дискуссий.

Так же, по традиции, заложенной советской марксистской историографией, началом новейшей истории считалась Великая Октябрьская социалистическая революция. Такая периодизация утвердилась и в Абхазии, что было неизбежно в рамках Советского государства и господства марксистско-ленинской идеологии, определявшей существовавшую тогда концепцию исторического развития. В том или ином виде эта периодизация сохраняется до сих пор. В частности, в готовящейся академической «Истории Абхазии», 4-й том, посвященный новейшей истории, начинается с 1917 г. Действительно, период 1917–1921 гг., является одним из самых насыщенных событиями, когда шла борьба за выбор политического пути Абхазии, восстановления абхазской государственности и т.д. Еще одним весомым аргументом в пользу начала новейшей истории Абхазии с 1917 г., как упоминалось выше, является то, что с этого года политически Абхазия вышла из рамок общероссийской государственности, войдя в состав Горской республики (СОГК) или будучи оккупирована меньшевистской Грузией.

Новейшую историю, наверно, правильно разделить на три этапа: 1) Борьба за восстановление абхазской государственности (1917–1921); 2) Советская Абхазия, с включением в нее предвоенного периода с декабря 1991 г. по июнь 1992 г. (1921–1992); 3) Современный период – независимая Абхазия (с 1992 г.), что не исключает (скорее подразумевает) наличие нескольких подэтапов.

Н. В. Касландзия

ОБРАЗ ЦАРИЦЫ РУСУДАН В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ

«...непреклонная воля и лучезарное очарование женщины»

Кристиан Жак

Превращение Абхазского царства в начале XII в. в панкавказскую державу произошло во многом благодаря успешной военно-дипломатической деятельности представителей династии Абхазских Багратидов. «Политическая репутация» правящего дома формировалась не только на поле брани, но и зачастую в тиши церковных келий, где под пером летописцев и агиографов «образ власти» находил свое яркое воплощение. Тенденция глорификации династии Абхазских Багратидов, наметившаяся со времени Давида Возобновителя достигла апогея в период царствования Тамар. Женщина-монарх стала воплощением идеального правителя. Ее образ был исключительно позитивен: благочестивая христианка, мудрая, справедливая и щедрая повелительница, соблюдающая и охраняющая законы, стремящаяся к процветанию своих подданных. При преемниках Тамар наметилась смена приемов построения образа власти. Георгий Лаши и Русудан, в течение своего правления, вынуждены были в запутанной геополитической ситуации решать сложные задачи: борьба с грозными внешними врагами, регулярно вторгавшимися на территорию царства, поиск компромисса с усиливающейся аристократией, отчаянное сопротивление центробежным тенденциям, как снежный ком нараставшим на фоне агрессии хорезмийцев и монголов, стали главными направлениями их деятельности. Суровые реалии первой половины XIII в. лишили интеллектуалов возможности создавать хвалебные жизнеописания монархов. Исчезают биографии и панегирики, являвшиеся основными источниками сведений по исследуемой проблематике, для периода конца XI-XII вв. В этих условиях единственными свидетелями деяний Абхазских Багратидов становятся летописцы. Образ царицы Русудан не получил воплощения в композиционно целостных трудах, подобно образу ее матери Тамар. Его очертания проступают сквозь призму конкретных действий женщины-монарха, описания определенных ситуаций, оценок, даваемых ее поступкам летописцами.

Заметим, что царствование Русудан освещено историческими источниками заметно лучше, чем правление иных монархов-мужчин из династии Абхазских Багратидов. Более других сведения о царице сохранила «Столетняя летопись» («Анонимный хронограф XIV в.») – эпическое полотно, запечатлевшее важнейшие события беспокойного XIII столетия. Изложение анонимного автора динамично, насыщено множеством конкретных, подчас уникальных сведений, фактов, характеристик представителей властной эли-

ты. «Столетняя летопись», выразительно передающая накал политических страстей и военных перипетий целой эпохи, является ценнейшим историко-культурным источником, возможности которого как объекта гуманитарного изучения использованы далеко не полностью. В пестрой палитре сообщений о царице Русудан разновременных средневековых мусульманских авторов, особый интерес представляют данные, касающиеся обстоятельств личной жизни правительницы. Армянские исторические сочинения, прежде всего, труд Киракоса Гандзакеци (XIII в.), привносят в панораму свидетельств о царице свои штрихи.

Русудан появилась на свет около 1193 г. Об этом событии сообщает второй историк царицы Тамар: «Спустя год (после рождения Георгия Лаши – Авт.) ... родила дочь, подобие свое, Русудан, по поводу чего снова еще большая радость охватила всех».¹ Согласно сложившейся традиции, царевна была отдана на попечение тетки: «Дочь царя Георгия и сестра Тамар – царевна Русудан была ... воспитательницей младенцев и сирот, достойные из коих оставались при ней с царскими детьми».² Сведения о юных годах Русудан в источниках отсутствуют. Ширваншах Ахситан сватал еще малолетнюю дочь царицы за ильдегизиду Эмир Эмираана Умара, но получил отказ. Позже, уже во время правления Георгия VI Лаши, на руку царевны претендовал представитель династии Айюбидов. «В то время как страна благоденствовала и преуспевала, его сестру Русудан просил в жены великий султан Мелик, владетель Персии от Египта до Хлата, дабы возвести её на трон Хлата. Однако, благодаря божьему промыслу, этому не дано было осуществиться».³ По какой причине указанные брачные предложения были отвергнуты сказать сложно. Русудан пребывала при дворе своего брата, вступившего на престол после смерти матери около 1213 г. Георгий VI Лаши не состоял в браке, о чем сетует летописец: «не сумели убедить его вступить в супружество, ... «пребывая в этакой беспечности, он не желал вступления в брак».⁴ Монарх имел многолетнюю, незаконную связь, от которой прижил сына Давида. Настойчивые увещевания духовенства, в том числе обоих католикосов, возымели действие лишь отчасти: «Удалили женщину ту, мать Давида, и вернули ее мужу».⁵ Воспитательницей незаконнорожденного царского сына становится Русудан.

В период правления Георгия Лаши привычный миропорядок стремительно рушился под ударами монголов. В условиях сложной международной ситуации, связанной с появлением на авансцене грозных завоевателей, которые дважды нарушали границы царства, монарх озаботился устройством брака своей сестры с традиционным союзником – ширваншахом. «В Ширван отправили эристава Картли, а сам царь Георгий прибыл в Багаван, чтобы подготовить свадьбу сестры своей. Пробыл там десять дней и решил уже возвращаться, но воздал Господь за грехи наши: скончался царь Георгий в Багаване 18

¹ Картлис Цховреба (История Грузии) / Под ред. акад. Р. Метревели. Тб., 2008. С. 308.

² Там же. С. 216.

³ Там же. С. 217.

⁴ Там же. С. 332.

⁵ Там же. С. 333.

января, в среду, в хроникон 442 (1223 г. – *Авт.*)».¹ Ранний уход царя из жизни был связан с ранением, полученным в одном из сражений с монголами.

По сообщению анонимного автора «Столетней летописи», находясь на смертном одре, царь назвал своей преемницей сестру. Коронация Русудан произошла с согласия знати и духовенства обеих частей царства Абхазских Багратидов: «По преставлении царя собрались все именитые царства его, имеры и амеры, оба католикоса и епископы, от Никопсии до Дарубанда, все пребывавшие в подданстве его, и признали государыней Русудан, возвели ее на престол государевый и по чину поздравили ее с воцарением».² Приход к власти женщины-монарха представляется анонимом событием вполне обычным. Очевидные успехи царствования Тамар и её прочное положение на троне в последние десятилетия правления вряд ли могли дать возможность для каких бы то ни было сомнений в «естественном» праве на престол женщины. Прецедент женского правления обеспечил беспрепятственный переход власти в руки Русудан, при том, что, скорее всего, она не являлась при жизни Георгия Лаши его сопрестольницей. Отсутствие законных наследников мужского пола у покойного монарха только укрепляло позиции царицы.

На момент коронации Русудан было около тридцати лет. Уже взойдя на престол, в 1224 г., она сочеталась браком с младшим сыном правителя Эрзерума Абдул-Хариджа Мухаммада Мугис ад-Дина Тогрул-шаха, Мухаммадом Мугиса ад-дином Тюркан-шахом.³ Согласно «Столетней летописи», он прибывал при дворе Русудан в качестве заложника, что свидетельствует о зависимости Эрзерума от Абхазских Багратидов. «Был он ладно скроен, в возрасте зрелом, совершенен статью, отважен и многосилен. Приглянулся он (Мухаммад Мугиса ад-дин Тюркан-шах – *Авт.*) царице Русудан, и явила желание женить его на себе, что и исполнила».⁴ По свидетельству анонима, решение о вступлении в брак со знатным Сельджукидом, венценосица принимает самостоятельно, не совещаясь со своим окружением. Ибн ал-Асир сообщает, что инициатива заключения брака исходила от правителя Эрзерума. Последний, узнав, что царица Русудан, озабочена поиском достойного супруга и желала бы сочетаться браком с представителем правящего дома, направил к ней посольство, которое предложило ей в мужья сына Тогрул-шаха. Царский двор отверг предложение о сватовстве принца из рода Сельджукидов, сославшись на то, что тот принадлежит к мусульманской вере. Тогда, по словам Ибн ал-Асира, произошло невиданное для исламского мира событие, правитель Эрзерума повелел сыну принять христианство ради совершения брака с царицей.⁵ По некоторым данным, в крещении муж Русудан получил имя Дмитрий. Таким образом, выбор в супруги царицы сына правителя Эрзерума, помимо, личной симпа-

¹ Картлис Цховреба (История Грузии) / Под ред. акад. Р. Метревели. Тб., 2008. С. 217.

² Там же. С. 338.

³ Historical dictionary of Georgia / Alexander Mikaberidze. Historical Dictionaries of Europe, No. 50. Lanham, Md.: Scarecrow Press, 2007. С. 560.

⁴ Картлис Цховреба (История Грузии) / Под ред. акад. Р. Метревели. Тб., 2008. С. 340.

⁵ The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kâmilfi'l-ta'rikh Part 3 The Years 589-629/1193-1231 The Ayyübidis after Saladin and the Mongol Menace / Translated by D.S. Richards. London and New York, 2008. P. 244.

тии царицы, был обусловлен его благородным происхождением, принадлежностью к могущественному, влиятельному дому, что позволяло сообщить будущему потомству достаточную степень знатности. Кроме того, родственные отношения с Сельджукидами по линии отца благоприятно сказались бы на отношениях с мусульманскими династиями Малой Азии. Предполагалось, что супруг станет соправителем царицы Русудан.¹ Однако после сообщения о заключении брака, автор «Столетней летописи» более не упоминает о Мухаммаде Мугиса ад-дине Тюркан-шахе. Между тем, став мужем венценосной особы, он должен был быть удостоен царского титула, но ни один из средневековых авторов не называет его «царем». Имя супруга венценосицы не фигурирует на монетах, отчеканенных от имени Русудан. Похоже, что Мухаммад Мугис ад-дин Тюркан-шах не был допущен к участию в государственных делах и командованию войсками. Ни грузинские, ни армянские источники не содержат сведений о его деятельности на военном или административном поприще, он явно не был наделен теми статусом и полномочиями, которыми пользовался Давид Сослан, супруг царицы Тамар. О том, что вся полнота власти была сосредоточена в руках Русудан, а муж ее «был слабым» убедительно свидетельствует Ибн ал-Асир.² Брак царицы с Мухаммадом Мугис ад-дином Тюркан-шахом продлился около трех лет. У них родились двое детей.

Автор «Столетней летописи» старательно умалчивает об обстоятельствах личной жизни правительницы, о которой довольно подробно сообщают мусульманские авторы. Как видно из источников, царица была мало склонна к супружеской верности. Когда муж позволил упрекнуть ее в недостойном поведении, она приказала ему покинуть царский двор. По данным Ибн ал-Асира, супруг Русудан лишился свободы передвижения и постоянно пребывал под надзором верных царице лиц. После захвата в 1226 г. Тбилиси Джелал ад-Дином, Мухаммад Мугис ад-дин Тюркан-шах был освобожден, возвратился к вере предков и получил от хорезмийцев гарантии безопасности. Но как только султан покинул город, по словам ан-Насави, «сын правителя Арзан ар-Рума, вернулся в яму безбожия», он попытался возвратиться к бывшей супруге, но «царица вышла замуж за другого, объявив о разводе с ним».³

Второй брак Русудан заключила с персоной явно неравного с ней положения. Царица послала в земли алан за двумя мужчинами, которые были описаны ей как очень красивые, за одного из них она пожелала выйти замуж, но впоследствии развелась.⁴ Затем она захотела женить на себе некоего мусульманина из Гянджи, но тот отказался сменить веру. Против ее неразборчивости

¹ The Chronicle of Ibn al-Athîr for the Crusading Period from al-Kâmilfi'l-ta'rikh Part 3 The Years 589-629/1193-1231 The Ayyûbids after Saladin and the Mongol Menace / Translated by D.S. Richards. London and New York, 2008. P. 244.

² Там же.

³ Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны: (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Критич. текст, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указатели З. М. Буниятова. М., 1996. С. 215.

⁴ The Chronicle of Ibn al-Athîr for the Crusading Period from al-Kâmilfi'l-ta'rikh Part 3 The Years 589-629/1193-1231 The Ayyûbids after Saladin and the Mongol Menace / Translated by D.S. Richards. London and New York, 2008. P. 244.

в выборе мужей выступили придворные во главе с Иване Мхаргрдзели.¹ Знать воспротивилась возможному браку царицы с аллодоксом. Не сумев заключить законный союз с иноверцем, Русудан тем не менее продолжила сожительство с ним.

Сообщения источников позволяют утверждать о гораздо большей свободе царицы Русудан в вопросах заключения брака, по сравнению с Тамар. Кандидатуры претендентов на руку последней рассматривались на совете представителей знати и мнение самой царицы зачастую не являлось решающим. Русудан же многократно вступала в отношения руководствуясь своими симпатиями, и только желание вступить в брак с мусульманином из Гянджи вызвало негативную реакцию ее окружения. Судя по всему, ни один из мужей царицы не являлся значимой политической фигурой, полностью пребывая в тени женщины-монарха.

Царствование Русудан совпало с серьезным ухудшением международной обстановки. Нашествие хорезмийцев стало тяжелым испытанием для царства Абхазских Багратидов. В повествовании о борьбе с хорезмийской агрессией Русудан предстает полновластной правительницей, умным политиком, пытающимся в сложной обстановке сохранить целостность и независимость государства. По ее приказу созываются войска, командовать которыми она поручает Иване Мхаргрдзели. Русудан собственноручно вверяет ему царское знамя. Вынужденная покинуть Тбилиси, она поручает его оборону военачальникам Боцо и Мемне, только по повелению царицы защитники города оставляют его. Анонимный автор отмечает: «С трудом царица Русудан убедила Боцо покинуть (Исани), потому как многократно отсылала им грамоты с разрешением того, как пишет о том Старец Мгвимели».² Утверждение инока Магакии (Григора Акнерци), о том, что Русудан правила государством при содействии Иване, имевшего звание атабека,³ верно лишь отчасти. Действительно супруг (или супруги) царицы не были допущены к исполнению функции военачальника, она была возложена на представителя знатного рода Мхаргрдзели. Однако поражение в битве при Гарни 1225 г. серьезно пошатнуло позиции атабека. Вину за проигранное сражение царица возложила на Иване Мхаргрдзели. В очередной раз отправляя войска против Джелал ад-Дина, Русудан «царский стяг не сопровождала им из-из дела атабага Иване».⁴ Царица проявила твердость и решительность в противостоянии с хорезмшахом. Попытки Джелал ад-Дина начать переговоры с Русудан, его предложение заключить брачный союз отвергаются со всей категоричностью: «Как только достигли (царицы и визирей ее) то предложение и прочие послания, диву далась царица, необычным было для нее дело сие. Сообщили Авагу не внимать делам его и напрочь их отклонить».⁵ Покинувшая Кутаиси, в период нашествия хорезмийцев, ца-

¹ The Chronicle of Ibn al-Athîr for the Crusading Period from al-Kâmilî'l-ta'rikh Part 3 The Years 589-629/1193-1231 The Ayyûbids after Saladin and the Mongol Menace / Translated by D.S. Richards. London and New York, 2008. P. 244.

² Картлис Цховреба (История Грузии) / Под ред. акад. Р. Метревели. Тб., 2008. С. 342.

³ История монголов инока Магакии, XIII века / Перевод К. П. Патканова. М., 1871. С. 6.

⁴ Картлис Цховреба (История Грузии) / Под ред. акад. Р. Метревели. Тб., 2008. С. 344.

⁵ Там же. С. 341.

рица приняла решение короновать пятилетнего сына в качестве соправителя: «созвала воинство свое абхазское, Дадриан-Бедианов, эристава Рачинского и католикоса Абхазии. Посадили царем Давида, сына Русудан, благословили в Кутатиси и возложили ему венец; возвели на царский престол и по обычаю поздравили с воцарением, а католикос исполнил чин миропомазания».¹ В ходе военных действий на Южном Кавказе Джелал ад-Дин неоднократно предпринимал попытки перейти Лихский хребет. Скорее всего, он не терял надежд лишить Русудан ее домена, захватить саму царицу. По сообщению Ибн ал-Асира, Джелал ад-Дин дважды из Тифлиса направлял экспедиции «в страну абхазов»,² но, судя по всему, не имел успеха. В «нижних землях» Русудан находилась в относительной безопасности. В 1230 г. хорезмшах получил известие, что монголы подступили к Иранскому Азербайджану. Он не смог собрать сколько-нибудь значительных сил, способных противостоять врагу и, лишенный свиты и войск, погиб во время бегства. С уходом хорезмийцев царица вернула под свой контроль «верхние земли».

Продолжавшееся в течение пяти лет военное присутствие хорезмийцев подорвало силы стран Ближнего Востока и Закавказья и способствовало военному и политическому успеху монголов. Мирная передышка длилась пять лет. В 1236 г. свои захватнические экспедиции возобновили монголы. К 1240 г. часть территории царства Абхазских Багратидов была оккупирована степняками, в ряде крепостей разместились их гарнизоны. Царица отдала приказ, в случае подхода монголов придать Тбилиси огню, что и было сделано. Русудан и ее окружение вновь сочли за благо удалиться в Кутаиси. Принятие такого решения, судя по всему, было обусловлено осведомленностью о настроениях элиты «верхних земель». При появлении монголов в пределах страны, представители высшей знати, либо с готовностью изъявляли полную покорность завоевателям, либо отъезжали в свои наследственные владения. Таким образом, царство Абхазских Багратидов оказалось разделенным на независимую западную и зависимую от монголов восточную части. Американский исследователь Т. Мэй пишет, что Русудан была единственным правителем, не покорившимся монголам, в ходе военной кампании на Кавказе и в Малой Азии в 30-х гг. XIII в.³

Закавказье, оккупированное монголами во время правления Угэдэя, фактически оказалось под властью военачальников (нойонов), Чормакана, а затем Байджу, которые всячески отстаивали свою самостоятельность, демонстрируя подчинение воле исключительно великого хана. Однако права на территорию предъявлял и Бату-хан. «На юге владычество Бату простиралось до Крыма и Северного Кавказа. ... из всех чингисидов Бату ближе всех географически располагался к арене событий, и был старшим по отношению к остальным. При

¹ Картлис Цховреба (История Грузии) / Под ред. акад. Р. Метревели. Тб., 2008. С. С. 343.

² Ибн ал-Асир, Ал-каmil фи-т-та'рих («Полный свод истории»). Избранные отрывки / Перевод с араб. яз., прим. и комм. П.Г. Булгакова. Доп. к перев., прим. и комм., введение и указатели Ш.С. Камолиддина. Ташкент – Цюрих, 2005. С. 400.

³ May Timothy, The Conquest and Rule of Transcaucasia: The Era of Chormaqan / Caucasus during the Mongol Period - Der Kaukasus in der Mongolenzeit Edited by Jurgen Tubach, Sophia G. Vashalomidze and Manfred Zimmer Reichert Verlag Wiesbaden, 2012. P. 137.

таких обстоятельствах можно было ожидать от него, что он проявит некоторый интерес к этим недавно завоеванным землям...».¹

Аваг Мхаргрдзели, сын покойного атабека Иване, настойчиво уговаривал царицу покориться монголам. Царица и ее окружение, вероятно осведомленные о противоречиях между нойонами и главой улуса Джучи, сделали ставку на последнего. По приказу венценосицы, для ведения переговоров к хану Бату было направлено посольство во главе с Арсеном Чкондидским. По их результатам: царица Русудан признала верховную власть монголов над восточной частью государства; т. е. над территорией, завоеванной степняками силой оружия. Над «нижними землями», куда монголы не смогли проникнуть, полностью сохранялся суверенитет абхазской короны. Царица Русудан и её сын Давид, около 1242 г. получили возможность прибыть в Тбилиси. Киракос Гандзакечи отмечает: «Русудан ... послала послов к ... Бату ... предлагая признать свою зависимость от него, поскольку тот был вторым после хана лицом. И Бату велел ей воссесть в Тифлисе, и татары не стали противодействовать этому, так как в эти дни умер хан».² Царица неизменно отвечала отказом на призывы лично прибыть в ставку хана или монгольского наместника на Кавказе. Армянский автор Киракос Гандзакечи объясняет нежелание Русудан покидать пределы своего государства тем, что «будучи женщиной красивой, не решалась поехать ни к кому из них, дабы не быть опозоренной».³ На самом деле, царица боялась быть принужденной к браку, который позволил бы монголам завладеть не только восточной, но и западной частью царства Абхазских Багратидов, доменом Русудан. Царица «вознамерилась возвести на трон своего сына Давида, и Байджу вызвал ее к себе для принятия официального решения по этому вопросу»,⁴ но она предпочла отправить своего сына, в сопровождении знатных вельмож, для утверждения на царство, в ставку хана Бату, откуда Давид был переправлен в Монголию, в Каракорум, к великому хану Мэнгу. Принесение присяги великому хану могло обеспечить ему беспрепятственное возвращение в Тбилиси и соединение в его руках власти над обеими частями государства.

Грузинские и армянские источники единодушно обвиняют царицу в желании обеспечить права на престол своему сыну в обход племянника. Согласно «Столетней летописи», перед кончиной Георгий Лаша не только поручил сестре воспитать его сына, но и «когда ему будет посылно править и станет воином, ... поставить его государем и наследником царства...».⁵ Это сообщение противоречит данным «Летописи времен Георгия Лаши». Его автор утверждает, что у покойного царя «не осталось венценосного наследника от жены его», продолжательницей династии он называет сестру монарха: «Бог, великий милостью своей не оставил царство, пощадив его от гибели: по воле Божьей

¹ Вернадский В. Г. Монголы и Русь / Перевод с англ. Е. П. Беренштейн, Б. Л. Гумбана, О. В. Строговой. М., - Тверь, 1997. С. 148.

² Киракос Гандзакечи. История Армении / Перев. с древнеармянского, предис., прим. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 181.

³ Там же. С. 195.

⁴ Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. СПб., 2007. С. 181.

⁵ Картлис Цховреба (История Грузии) / Под ред. акад. Р. Метревели. Тб., 2008. С. 337.

оставшуюся с нами Русудан в том же году посадили на престол».¹ Более того, аноним заключает свое сочинение молитвой, обращенной к Спасителю, с просьбой даровать правительнице потомство: «...защити царство сие и царицу нашу, венценосную Русудан, сотвори плод ее нам в радость от рода к роду, даруй ей многие лета, ...».²

Племянник Русудан Давид был рожден не просто царской наложницей, Георгий Лаша прижил сына от женщины, состоявшей в законном браке с другим мужчиной. Это обстоятельство делало положение Давида весьма двусмысленным.

Только установление опеки со стороны Русудан (тетки по отцу), сообщало ему некоторую степень легитимности. Немаловажен и тот факт, что связь Георгия Лаши с незнатной замужней женщиной была резко осуждена церковью. В случае бездетности Русудан, Давид, возможно смог бы претендовать на престол, но с появлением у царицы наследников, рожденных в законном браке, чье знатное происхождение и по отцу, и по матери не вызывало сомнений, шансы отпрыска Георгия Лаши были минимальны. Объявление сына Русудан, тоже Давида, сопредстольником матери, не встретило противодействия знати, правда, на церемонии присутствовали только представители властной элиты западной части царства. Автор «Столетней летописи» отмечает, что незадолго до этого события племянник царицы, по ее приказу был удален от двора и отправлен к зятю Русудан, в Румский султанат. Данное сообщение анонима вызывает сомнение, провозглашение сына царицы соправителем произошло в 1230 г., а брак ее дочери с Гийас ад-Дином Кей-Хосровом II был заключен около 1240 г. Согласно сведениям Киракоса Гандзакеци, племянник царицы находился в свите царевны Тамар, которая прибыла в Кайсери, по случаю бракосочетания с султаном Рума.³ Кстати, последний факт подтверждает и грузинский летописец, сообщающий, что Давид в течении ряда лет прибывал при дворе сельджукского правителя, в большом почете. Вместе с тем, он обвиняет царицу в том, что она отослала Давида к своему зятю султану Рума, «дабы погубить племянника и оставить царство своему сыну в безопасности и безраздельно».⁴ Аналогичные данные находим у Киракоса Гандзакеци.⁵

Отрывок «Столетней летописи», посвященный злоключениям сына Георгия Лаши, преследуемого сельджукским правителем по наущению царицы, явно носит легендарный характер и, судя по всему, является поздней вставкой. В указанном пассаже, Русудан представлена хитрой, коварной, тщеславной правительницей. Аноним отмечает: «хотя и не пристало говорить о царях что-либо непристойное, ибо глаголет Моисей, лицезревший Господа: «О возглавившем народ твой не говори дурного». Однако, поскольку книга сия является посредницей между добродетями и злодеями, да будут позволительны

¹ Картлис Цховреба (История Грузии) / Под ред. акад. Р. Метревели. Тб., 2008. С. 217.

² Там же.

³ Киракос Гандзакеци. История Армении / Перев. с древнеармянского, предис., прим. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 180.

⁴ Картлис Цховреба (История Грузии) / Под ред. акад. Р. Метревели. Тб., 2008. С. 343.

⁵ Киракос Гандзакеци. История Армении / Перев. с древнеармянского, предис., прим. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 180.

слова мои, ибо хронография есть православие, но не повязывание чьих-либо глаз. Ибо в ту пору запаматовала она страх Божий, завет брата своего и присягу, которые заповедал царице Русудан брат ее; вынесла она решение чуждое – утвердить царство сыну своему Давиду».¹ Однако изложение последующих событий летописцем не позволяет усомниться в законности прав на престол сына царицы. Элита как западной, так и восточной части царства безусловно признавала его наследником и сопрестольником Русудан. После поражения от монголов, царский двор пребывал в Кутаиси. Дабы восстановить контроль над «верхними землями», царица пошла на переговоры с ханом Бату, которые обещали утвердить за ней и ее сыном и наследником утраченные ранее территории, при условии признания верховной власти хана. Прибывший в Тбилиси, в сопровождении представителей знати «нижних земель», Давид был горячо приветствуем аристократией восточной части царства и всецело поддержан ею. Вскоре туда приезжает и царица: «и встречала ее вся знать царства ее. И отправила сына своего Давида к казнам, ... вновь оказалось царство под властью царицы Русудан».² Таким образом, даже в период длительного нахождения женщины-монарха и ее соправителя в западной части царства Абхазских Багратидов их политический авторитет и легитимность не ставились под сомнение. Все усилия царицы были направлены на сохранение целостности государства, которое, в силу неблагоприятной внешнеполитической конъюнктуры, балансировало на грани раскола.

По информации Киракоса Гандзакеци, несмотря на прибытие Давида – сына Русудан в ставку великого хана, в Каракорум, монгольские власти «посылали одного за другим гонцов к царице Русудан, [предписывая] ей явиться к ним, хочет она этого или не хочет. То же самое и Бату – он отослал ее сына к хану, а сам звал Русудан явиться к нему».³ Таким образом, монголы намеревались удерживать Давида до прибытия его матери. Беспокойство за судьбу сына сократили дни Русудан, «она, притесняемая с обеих сторон, приняла смертоносное зелье и покончила с жизнью».⁴ Грузинские источники говорят о смерти царицы по естественным причинам. Царица была погребена в Гелати в 1245 г.

Образ царицы Русудан, сконструированный средневековой историографической традицией, находился в прямой зависимости от тех глобальных политических изменений, которые претерпевал окружающий мир, в период ее правления. Вполне закономерно, что в критический для династии период, к женщине-монарху не мог быть приложен образ идеального государя. Политическое фиаско царской власти делало невозможным ее апологию и, вообще, какое-либо концептуальное обоснование универалистских притязаний династии Абхазских Багратидов. К Русудан, как и к Тамар неизменно прилагались мужские титулы «царь» и «царь царей», но в отличие от матери она не

¹ Картлис Цховреба (История Грузии) / Под ред. акад. Р. Метревели. Тб., 2008. С. 350.

² Там же.

³ Киракос Гандзакеци. История Армении / Перев. с древнеармянского, предис., прим. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 195.

⁴ Там же.

удостоилась сравнения с Давидом, Соломоном, Александром Македонским, или Константином Великим – т. е. положительной оценки для женщины-правителя. Лучшей похвалой в устах хронистов женщине-монарху становилось указание на то, что она осуществляет свои функции подобно мужчине. Женщина могла управлять и, в частности, управлять государством, «по-мужски» хорошо или «по-женски» плохо.¹ В репрезентации Русудан отсутствует опора на авторитет мужских представителей династии, в частности, брата или деда по матери, тогда как образ Тамар неразрывно связан с ее предшественником Георгием V, ее отцом. Вместе с тем, пространство, отведенное царице в тексте источника, несравнимо с объемом внимания, которое анонимный автор уделяет мужчинам из ее окружения.

Разочарование, вызванное последствиями вражеских вторжений, а затем и распадом единого государства придало образу царицы Русудан очертания реальной исторической персоны. В средневековой историографии крайне сложно найти неидеализированное описание монарха. Существовала некая предзаданность облика правителя, связанный с ним определенный набор представлений, конвенциональных норм. Поэтому, оценки успешных властителей, как правило, достаточно стереотипны. Гораздо больше материала для анализа дают описания монархов, в деятельности которых авторы средневековых нарративов видели и положительные, и отрицательные стороны. Киракос Гандзакечи именует царицу «сладострастной Шамирам (Семирамидой – *Авт.*)»,² а Ибн Биби считает Русудан «выдающимся правителем».³ Живописуя царицу, автор «Столетней летописи» обыгрывает сразу несколько аспектов ее образа: внешняя красота, доброта, христианская добродетель, хорошие манеры: «Была Русудан обличьем благозданна, как и блаженная мать ее, незлоблива, щедра, человеколюбива, почитательница людей благонравных».⁴ В то же время, согласно автору, ей присущи женское коварство, распущенность и праздность. Русудан в изображении анонима отличает жажда власти и благополучия, умение проявить решительность, в том числе и в военных вопросах, принимать взвешенные, обдуманые решения. В таком описании очевиден симбиоз подлинных черт личности и качеств сугубо конвенциональных, упоминание которых определялось самим замыслом и задачами сочинения. Средневековые нарративы были направлены на фактографирование власти, давали описание деяний правителя. Поступкам царицы дается оценка сквозь призму общечеловеческих моральных ценностей, в то же время, в осмыслении связанных с ней событий присутствует и религиозная семантика. Бурная политическая реальность первой половины XIII в. позволила рельефно отразить специфику и стратегии женского правления, «не золотого века» царицы Русудан.

¹ Тогоева О. И. Женщина у власти в Средние века и Новое время: о понятии «virago». / Диалог со временем. № 31., М., 2010. С. 19.

² Киракос Гандзакечи. История Армении / Перев. с древнеармянского, предис., прим. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 155.

³ Öztürk Mürsel, El-Evamiru'l-Alaiyye fi'l-Umuri'l-Alaiyye: Selçuk name. С.1., Ankara, 1996. S. 420-421.

⁴ Картелис Цховреба (История Грузии) / Под ред. акад. Р. Метревели. Тб., 2008. С. 338.

И.Х. Дамения

К. Г. ЧАЧБА (ШЕРВАШИДЗЕ) И ЗАГОВОР В ГРУЗИИ 1832 ГОДА

Политические события, имевшие место в начале XIX столетия в Российской империи, оставили глубокий след в духовной жизни кавказского общества. С этими событиями был связан и заговор грузинских дворян 1832 года. Этот исторический факт для нас важен в первую очередь в связи с участием в нем Константина Георгиевича Чачба (Шервашидзе), младшего сына владельца Абхазии Георгия Келешбеевича Чачба.

Важнейшие материалы о заговоре в Грузии 1832 г. сосредоточены в Актах Кавказской Археографической комиссии,¹ Российском Государственном историческом архиве, Государственном историческом архиве Грузии.² Источники по проблематике изучения рассматриваемого события содержатся также в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки.³ Большую ценность для изучения проблемы представляют местные периодические издания, важны и личные воспоминания участников событий и их современников.⁴ Это относится и к воспоминаниям Константина Георгиевича Чачба (Шервашидзе), в письмах к родным и близким которого данные сведения не нашли отражение.

История грузинского заговора 1832 г. и участие в нем многих известных исторических деятелей Кавказа остается недостаточно изученной. Данную проблему отражали авторы XIX – начала XX столетия, считавшие главной целью заговора освобождение Грузии от русского владычества.⁵ Подробно вопрос о заговоре грузинских дворян рассматривался в трудах В. Шадури, Г.В. Хачапуридзе и других.⁶ Названные авторы отмечали недовольство дворян

¹ Акты Кавказской Археографической Комиссии. Тифлис, 1881. Т.VIII.

² Государственный исторический архив Грузии. Ф. 1457. Дело о грузинском заговоре. В 28 томах.

³ РНБ. ОР. Ф. 859 (Шильдер) К 4. №16. С. 112-115; ОР РНБ. Ф. 1000 /СОЦ/. Оп.3, Д.162. Военно-судная комиссия. Решение по делу о тайном обществе в Грузии. 1830-1832 гг.

⁴ Воспоминания грузинского царевича Баграта о восстании декабристов // Чтения Императорского Общества истории и древностей при Московском Университете; Орбелиани Г. Д. Мое путешествие из Тифлиса в Петербург. — Полн. собр. соч., со вступ. статьей и замечаниями А. Гацерелия и Дж. Чумбуридзе. Тбилиси, 1959, С. 174; Гангелов А.С. Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангелова. М., 1888. 282 с.; Додашвили С. Письма. Полн. собр. соч. Тб., 1961, С. 271; Кипиани Д. Записки // Русская Старина, 1886, кн. 3, 5, 7- 9; Кипиани К.Д. Из давно минувшего Грузии //Кавказский вестник, №11, 1900. С. 95-116.

⁵ Потто В. История 44-го Драгунского Нижегородского полка. Т.IV. СПб., 1894; Розен А. Декабристы на Кавказе (1826-1850) // Русская старина, т. 41. 02. 1884; Хаханов А.С. Очерки по истории грузинской словестности //Литература XIX в. СПб., 1906; Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и рода кн. Шервашидзе // Исторический вестник. Т.VII. Тб., С. 284.

⁶ Гозалишвили Г.К. Заговор 1832 года и либеральное движение в России. Заговор 1832 года. Введение, материалы, комментарии, Т. III, 1970, С. 9, 16-24; Хачапуридзе Г.В. К истории Грузии первой половины XIX века. Тб., 1950; Его же. Дворянское движение в Грузии в 30-х годах XIX века //Вопросы истории. 1950. №7. С. 45-60; Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность. Тб., 1958.

введением ограничений на наиболее важнейшие проявления крепостничества – работорговлю и продажу крестьян.

В то же время участие представителя первой абхазской интеллигенции К.Г. Чачба (Шервашидзе) не было отражено и вовсе. Об этом частично упоминается в работе Г.А. Дзидзария.¹ Зарубежные исследователи отмечали «поддержку абхазской династии Шервашидзе, правившей Абхазией».² Однако источниковедческая база не содержит сведений об участии правителя Абхазии Михаила Чачба (Шервашидзе), других представителей княжеского рода в данном действии.

Исследователями отмечено влияние декабристских идей на передовых лиц Кавказа, отражено творческое наследие декабристов в отношении национального вопроса. Авторы писали о влиянии декабристов и польского восстания 1830 г., отмечая при этом, что кавказская «...молодежь, проживавшая в столичных городах России, попала под влияние идей, характерных для передовой общественности того времени. И это влияние не прошло безрезультатно».³

В то же время явно преувеличивалась роль декабристского движения, а также причастность декабристов, служивших на Кавказе, к заговору. Отмечая, что роль «участников заговора в историческом развитии Грузии тождественна со значением декабристов в России», следует признать, что эти события явились причиной для оформления в Грузии тайного общества и перехода к активным действиям. Однако идеология декабристов была чужда грузинским дворянам, которые, в отличие от декабристских идей, ставили главной целью сохранение и возврат своих привилегий.

Современные исследователи, отмечая рост национально-освободительного движения начала XIX в., считают факт заговора «логическим продолжением национального движения».⁴ Однако, следует отметить, что в программах и уставе тайного общества не ставились вопросы крестьянского населения.

В начале XIX в. грузинская феодальная интеллигенция, выражавшая интересы своего класса, неоднозначно восприняла присоединение Грузии к России и не сразу проявила свое отношение к этому факту. В этот период вспыхнули восстания в различных областях Грузии — Мтиулети в 1804 г., Кахетии в 1812 г., Имерети в 1819-1820 гг. Часть грузинского дворянства поддержала эти выступления с целью использовать их для восстановления своих былых привилегий. Другая часть дворян стояла на нейтральных позициях и предпочитала наблюдать за ходом событий. И, конечно же, была и часть дворянства, примкнувшая к властям и принявшая активное участие в подавлении антиправительственных выступлений.

¹ Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979. С. 28.

² Lang David Marschall. A modern history of Georgia. 1st ed. — L.: Weidwnfeld and Nicolson. 1962. 298 p.

³ Гозалишвили Г. Заговор 1832 г. и либеральное движение в Грузии //Мнатоби, №8, 1965. С. 95 (на груз. яз.); Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. II. М., 1955. С. 448.

⁴ Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М. История Грузии с древнейших времен до наших дней. Тб., 2008. http://www.nplg.gov.ge/ic/DGL/work/History_of_Georgia/index.htm

Как известно, после вхождения Абхазского княжества в Российскую империю в Санкт-Петербурге и Москве проходили обучение представители княжеских родов, представлявшие дворянскую интеллигенцию Абхазии. Константин Георгиевич Чачба — внук правителя Абхазского княжества Келешбея, младший брат последнего владетельного князя Абхазии Михаила, родился в 1811 г.¹ В 1826-1831 гг. он был зачислен в Пажеский корпус на казённый счёт по ходатайству генерала А.П. Ермолова. В Петербурге он оказался после восстания декабристов 1825 г. и пребывание здесь оказало большое влияние на формирование его общественно-политических воззрений. Идеями декабристов были проникнуты многие выходцы с Кавказа, получившие образование в Санкт-Петербурге, среди которых, в то же время, были и недовольные отношением правительства к кавказским народам.²

В этот период в столице Российской империи расширился круг грузинской интеллигенции во главе с упраздненной после присоединения Грузии к России династии Багратидов. Постепенно общение в столичных городах увлекло их в планы свободного национального развития Грузии. В домах грузинских дворян и царской семьи шли дискуссии о злободневных вопросах политики, культуры, современных политических идеях.³ Многие участники дискуссий, являясь свидетелями событий декабря 1825 г., продолжали обсуждение таких тем, как отношение декабристов к Грузии и Кавказу, национальный вопрос политики Российской империи и его специфики на Кавказе. В их кругу воспитывались и многие участники заговора 1832 года.

После окончания учебы в 1831 г. К.Г. Чачба (Шервашидзе), вобрав и осмыслив все основные идеи общественно-политической мысли, полученные в Санкт-Петербурге, стал развивать идеи переустройства Абхазии. С тех пор, как в 1822 г. скоропостижно скончался владетель Абхазии князь Дмитрий Георгиевич Чачба, царское правительство стало усиленно преследовать тех, кто шел против политики Российской империи в Абхазии. Предводителем таких тогда был Хасанбей Чачба. Как яркого противника крепостничества Хасанбей был сослан на каторгу в Сибирь в 1828 г., где был доведен до чина майора с назначением большой пенсии в надежде, что это усмирит его, но слежка за ним все-таки продолжалась до конца его жизни. По оценкам современников, «К. Чачба только и виноват в том, что пользовался особой любовью и привязанностью своего дяди, известного Гассан-бея, боровшегося против русских, и это обстоятельство дало повод к самым превратным истолкованиям его поступков».⁴

Программа тайного общества выдвигала главное требование — «Грузия для грузин». Планы заговорщиков были разработаны в документах «Акти гониური» и «Любовь к Отечеству» Ф. Кикнадзе. Им была составлена и особая азбука, по которой велась переписка. Однако у участников не было единого мнения

¹ Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. С.60.

² Аджинджал Б.М. Художник Александр Чачба. Рукопись.

³ РНБ. ОР. Ф. 859 (Шильдер) К 4. №16. С. 112-115.

⁴ РНБ. ОР. Ф. 1000/СОЦ/. Оп.3, Д. 162. Военно-ссудная комиссия. Решение по делу о тайном обществе в Грузии. 1830-1832 гг.

о будущем устройстве Грузии. Часть участников считала, что не раньше, чем по истечении ста лет может быть поставлен данный вопрос. Другая часть считала возможным организацию восстания против России.¹ Третья часть отказывалась от военного участия и считала, что следовало убедить российского императора в закономерности и целесообразности вхождения Грузии в состав России на правах автономного царства.

Осуществление своих планов участники заговора видели в вовлечении в борьбу против России всех кавказских народов. Однако это желание не получило поддержки по причине амбициозных планов грузинского царского дома в восстановлении монархии в Грузии. Г.А. Дзидзария отмечал: «Как известно, если часть дворянской интеллигенции Грузии стремилась к восстановлению грузинского царского престола, то представители демократического направления, идейно связанные с декабристами, ратовали за создание здесь республики или конституционной монархии». К нему примыкал и К.Г. Шервашидзе, ... «то есть левому крылу заговорщиков, проложившему основу национально-освободительного движения в Грузии».²

Заговор был раскрыт. Идея создания «Грузии для грузин» провалилась.

Всего в заговоре участвовало до 175 человек. Все обвиняемые подразделялись на 10 разрядов по степени участия в заговоре. По отчетам следственной комиссии обвинение в заговоре было предъявлено 67 лицам. До окончания следственных действий и суда под следствием находились еще 32 участника. Из всех обвиняемых были переданы на рассмотрение специальной комиссии 13 человек, из которых окончательным приговором от 10 февраля 1834 г. 3 человека были оставлены в подозрении, 10 подлежали четвертованию. Однако эта окончательная мера наказания была заменена Российским императором Николаем I разжалованием участников и переводом во внутренние губернии Российской империи.³

Константин Георгиевич Чачба (Шервашидзе) входил в восьмую группу, куда были включены участники, поддерживавшие идеи демократического направления, связанные с декабристами. Он был арестован в Тифлисе в 1833 г. по «приписываемой ему неблагонадежности».⁴ В записке военного министра от 27.06.1833 г. и Докладе от 30.10.1833 г. с предоставлением списка лиц, с назначением меры наказания указывается: «Прапорщик Нижегородского Драгунского полка Князь Константин Шервашидзе. По приписываемой ему неблагонадежности и по привязанности к нему известного строптивостью своею дяди его родного Князя Гассан Бея Шервашидзе, полезно было бы перевести на службу в Россию, определив ему в уважение матери его благочестивой Княгини Тамары Шервашидзе на содержание, сверх жалованья, ежегодно по 1500 рублей, с тем, чтобы без сношения с Грузинским главным начальством не дозволять ему возвращения в Кавказский край».⁵

¹ РНБ. ОР. Ф. 859 (Шильдер) К 4. №16. С. 112-115.

² Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. С. 28.

³ РНБ. ОР. Ф. 859 (Шильдер) К 4. №16. С. 112-115.

⁴ 281. Отношение бар. Розена от 2 октября 1833 г. гр. Чернышеву. Потто В.А. История 44 Драгунского Нижегородского полка. Т. 4. С. 25-26 //АКАК. Т. VIII, Ч. I. С. 410.

⁵ Там же.

В делах следственной комиссии нет данных о связях грузинских заговорщиков с абхазской феодальной знатью и о возможности поднять в Абхазском княжестве восстание. Показания были даны только В. Орбелиани, указавшем на обещание Константина Чачба поднять восстание абхазских крестьян.¹

По итогам следствия К.Г. Чачба (Шервашидзе) был направлен в Витенбергский гусарский полк в Твери, не имея права на возвращение на родину. Долгие годы он жил в Ярославле. Только в 1858 г. ему было позволено возвратиться в Абхазию, где он становится управляющим Сухумским округом. В связи с длительной болезнью пожилого владетельного князя Михаила Чачба Константину поручается управление княжеством. С 1865 по 1867 гг. К.Г. Чачба направляется в распоряжение Кутаисского генерал-губернатора. После восстания 1866 г. ему был вновь запрещен въезд в Абхазию. Иногда бывало, не позволяя посещать Абхазию, Константину разрешалось пребывать на Кавказе.

К. Г. Чачба принимал активное участие в составлении Абхазского букваря. Вот что писала по этому поводу газета «Кавказ»: «В этом деле большую помощь оказал находящийся в г. Тбилиси К.Г. Чачба. В таком важном деле, присутствие грамотного, талантливого, знающего кроме собственного языка и другие, абхаза, бесценно. Дворянин с большим удовольствием включился в работу комиссии. Он внимательно исправил статьи абхазского алфавита. Вложил в них характерные абхазскому языку множество словосочетаний».²

В середине 60-х гг. XIX в. К.Г. Чачба, дослужившись до чина майора, женился на дочери французского профессора Матвея Данлуа Натали и обосновался в Феодосии. Там 24 (12) декабря 1867 г. родился будущий знаменитый художник Александр Чачба (Шервашидзе).

После своей отставки в 1867 г. К.Г. Чачба постоянно жил в Крыму, а в последние годы жизни - в подмосковных Филях. Умер 18 ноября 1883 г.

Таким образом, первые представители абхазской интеллигенции, в числе которых был Константин Георгиевич Чачба (Шервашидзе), оказавшись в Санкт-Петербурге после восстания декабристов, восприняли многие прогрессивные для того времени идеи и мысли. Формирование взглядов К.Г. Чачба продолжалось в столице в кругу студенческой молодежи, в том числе и организации грузинского дворянства. Однако его нельзя назвать активным участником Тифлисского заговора, имевшего целью свержение власти, тем более, в поддержке тезиса заговорщиков - «Грузия для грузин».

¹ РНБ. ОР. Ф. 859 (Шильдер) К 4. №16. С. 112-115.

² Аджинджал Б.М. Художник Александр Чачба. Рукопись.

Д.К. Гопия

ТОПОНИМИКА РЕГИОНА СУХУМ-АКУА ПО СРЕДНЕВЕКОВЫМ НАРРАТИВНЫМ И КАРТОГРАФИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Вместо предисловия

Сухум, столица Республики Абхазия, имеет глубокую историю (около 2700 лет, по последним данным). Фактически город олицетворяет историю страны. Поэтому корректная идентификация и локализация всех его различных названий и, конечно, время и условия основания приобретают в современной жизни существенное значение. Многие известные исследователи более чем полутора веков занимались данными проблемами (Ф. Дюбуа де Монперэ, Д.И. Гулиа, Л.Н. Соловьев, М.М. Трапиш, Ю.Н. Воронов, Г.К. Шамба, Г.А. Лордкипанидзе и др.). В данной брошюре эти интересные изыскания продолжил молодой историк Денис Гопия с помощью выявленных им средневековых европейских карт XIV–XVIII вв. Он является аспирантом АБИГИ им. Д.И. Гулиа АНА.

С наименованиями и локализацией города в античное и раннесредневековое время исследователи более или менее разобрались, хотя и здесь, в результате последних раскопок А.Б. Белинского и И.И. Цвинария в с. Адзюбже, возникает полемика. Сложнее обстоит дело со средневековыми наименованиями города: Цхум – Сухум и «porto megrelo» – «Келасур».

Автор верно, на мой взгляд, показал, что все топонимические средневековые наименования (речки, холмы, поселения), расположенные в черте и окрестностях нынешнего г. Сухум, носят субстратный древнеабхазский характер («couleur locale») со вторичными картвельскими, итальянскими и турецкими напластованиями. Одним словом, топоним Акуа связан с замком Баграта, Цхум – с между-речьем Басла – Келасур, «porto megrelo» – с устьем р. Келасур.

О.Х. Бгажба

Диоскуриада – эпоха греческой колонизации

Столице Абхазии - городу Акуа (Сухум) посвящено немало работ многих известных ученых: историков, этнографов, археологов, лингвистов, географов-исследователей. К ним, в частности, относятся: Дюбуа Де Монперэ¹, Н.Е. Андриевский², Л.Н. Соловьев³, Ю.Н. Воронов⁴, О.Х. Бгажба, С.З. Лакоба⁵, В.А. Чирикба⁶ и многие другие.

¹ Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми. 1937.

² Н.Е. Андриевский. Сухум-Кале, его данные и возможная будущность. СПб., 1895.

³ Л.Н. Соловьев. Диоскуриа – Севастополис – Цхум. ТАГМ. Том. I. Сухуми. 1947.

⁴ Ю.Н. Воронов. Научные труды. Т. IV. Сухум. 2014.

⁵ О.Х. Бгажба. Лакоба С.З. История Абхазии. Сухум. 2015.

⁶ В.А. Чирикба. Абхазия и итальянские города-государства XIII-XV вв. СПб., 2020.

Топонимика Абхазии отражена во многих письменных и картографических источниках, однако не во всех из них топонимы обозначены так, как они звучали на языке коренного абхазского населения, чему имеется множество причин. Известно, что топонимика того или иного региона неразрывно связана с историей народа, его изначально населявшего. Поэтому по одним топонимическим названиям города в нашем случае вполне можно судить об истории страны. Будучи коренным народом Абхазии, абхазы дали географическим объектам и населенным пунктам свои исконно абхазские названия, которые дошли до нас через глубину веков. Многие из них подверглись трансформации, что было связано с различными политическими и этническими процессами, имевшими место за многие прошедшие века. Эти процессы в большинстве своем были естественными.

Самое раннее и известное название столицы Абхазии - «Диоскуриада» (греч. Διοσκουρία) появляется в древнегреческих письменных источниках. Такое название связано с освоением древними греками, выходцами из города Милета, побережья Сухумской бухты, у которых морскими покровителями были братья близнецы Диоскуры, сыновья Зевса Кастор и Полидевк. Их культ был широко распространен в разных частях Древней Греции, а также на Апеннинском пол-ве¹. Диоскуры были и участниками мифического похода аргонавтов, и покровителями моряков². К абхазам легенда о братьях Диоскурах дошла, скорее всего, в форме рассказа про «Хулцыйетцәа» и «Шарпыиетцәа».

Себастополис – эпоха Римской империи

Уже в первом веке н.э. Сухум стал частью «Рах Romana», т.е. римского мира, и город был назван «Себастополис» (греч. Σεβαστοπόλη).³ Такое название он получил в честь первого Римского императора, основателя Римской империи Октавиана, «после того, как Октавиан объявил о сложении своих триумвирских полномочий, он получил много различных почестей, среди которых почетное прозвище Augustus (греч. Σεβαστός), которое с I в. н. э. вошло в состав официального имени римского императора и сыграло определенную роль в формировании идеологии эпохи раннего принципата»⁴.

Цхум – эпоха расцвета Абхазского царства

Цхум – так именовали грузинские источники современную столицу Абхазии – Сухум в XI в. Но где находилось его месторасположение? Имеет ли он отношение к современному Сухуму?

Впервые название Цхум, возможно, появляется у грузинского летописца X-XI вв. Эвктиме Атонели в его сочинении о странствиях святых апостолов

¹ Nancy Thomson de Grummond, Erika Simon. The Religion of the Etruscans. University of Texas Press. 2009.

² Мифологический словарь. М., 1990. С.190.

³ Ed. C. Muller. Geographi Graeci minores. Vol. II. Parisiis, 1855. P. 378.

⁴ А.Н.Токарев. Augustus и Σεβαστός: о семантике терминов. Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2005. С.165.

Андрея Первозванного и Симона Кананита. Он писал следующее: «Андрей вместе с Симоном вступил в страну Осетию... Отправились оттуда и вступили в страну Абхазию и прибыли в город Севаста...».¹ Г.А. Амичба, переводчик грузинских летописных источников, делает важное примечание, что «некоторые рукописи сочинения здесь добавляют: который нынче именуется Цхуми».²

Это название мы встречаем и у другого летописца XI в. Леонти Мровели. Описывая хождение святых апостолов Андрея и Симона Кананита из Осетии в Абхазию, он сообщал: «...а великий Андрей совместно со Свимоном вошли в земли Овсетские, достигли города, который называется Фостафор, где содеяли множество чудес, обратили и просветили множество народа; оттуда ушли в земли Абхазские и пришли в город Севаст, ныне именуемый Цхуми».³ Возможно, Леонтий Мровели просто повторяет Эвкtime Атонели.

Другой летописец XI в. Джуаншер Джуаншериани упоминает Цхум в связи с якобы имевшим место походом арабского полководца на Абхазию: «...и когда Глухой (Мурван) вступил в Клисур, которая в то время являлась границей между Грецией и Грузией, разорил город Абшилии Цхум»⁴, но во времена Мурвана город еще назывался Севастополисом, а не Цхумом. Здесь мы встречаем два топонима – Цхум и Клисур (греч. Κλεισούρας). Вместе с Цхумом упоминался одновременно и топоним Клисур, некая преграда, которую якобы преодолел Мурван Кру, пытаясь покорить северо-западную часть современной Абхазии. По мнению ряда исследователей, Клисур связана с современным названием реки и местности на востоке от Сухума – Келасур. Этот топоним мы, отдельно рассмотрим ниже.

В начале XIII в. мы вновь встречаем названия Цхум, так летописец писал: «...царица же Тамара зимой жила в Двине, летом в Коле и Цедис-дба, иногда же переходила в Абхазию – в Гегути и Цхуми».⁵ Этот же город указан как владение рода Шервашидзе (Чачба): «эриставами в то время были: в Имерии, за Лихскими горами: Барам Варданисдзе – в Сванети, Кахабер – в Раче и Таквери, Дотагод Шарвашидзе – в Цхуми»⁶. Летописец, рассказывая о царе Абхазского царства Георгии (Лаша), указывал: «...с радостными устами являлись в царство его за достойными делами. Спускался вниз в Аджамети, охотился в Цхуми и Абхазии».⁷ Таким образом, топоним Цхум встречался только в грузинских источниках.

Происхождение названия Цхум впервые попытался объяснить исследователь, переводчик и комментатор «Географии Грузии» Вахушти Багратиони

¹ Эвкtime Атонели. Поминовение о странствии и проповедовании апостола Андрея. // Амичба Г.А. Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сухуми. 1986 г. (III. 42-43)

² Там же... (III. 42-43)

³ Жизнь картлийских царей. (Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана). Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая. М., 1979. С. 33.

⁴ Джуаншер Джуаншериани. Житие и деяния Вахтанга Горгасала. // Амичба Г.А. Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Тб., 1988. С. 49.

⁵ История и восхождение венценосцев. Картлис Цховреба. Тб., 2008. С. 290.

⁶ Там же... С. 257.

⁷ Столетняя летопись. Картлис Цховреба. Тб., 2008. С. 333.

М.Г. Джанашвили. По его мнению: «Цхоми или Цхомиси = Чхомиси – рыбное место»¹. Такое объяснение исследователь счел правильным, исходя из раннего толкования им топонима Лечхуми, как «рыбное место», которое упоминает Вахушти в своей «Географии...». Однако сам Вахушти, объясняя топоним Лечхум, указывал: «Лечхум назван так от скалы Хомли, это есть Лечхоми».² М.Г. Джанашвили при этом счел такое толкование Вахушти ошибочным: «Никакого слова «леч» не знает грузинский язык. Лечхоми есть герундивная форма мингрельского слова Чхоми – рыба, а значит «место рыбное»».³

Однако мы должны заметить, что М.Г. Джанашвили автоматически перенес такое толкование термина Лечхуми на Цхум; кроме того, как указывал П.Н. Макалатия «в грузинской лингвистической литературе отмечалось, что при присоединении определенных аффиксов к основам фамилий людей могут быть образованы названия населенных пунктов (ойконимы). Такими аффиксами считают в мегрельской топонимике префикс ле- (сванского происхождения)... Ле-кобал-е, Ле-кекел-е, Ле-сичин-е... Топонимы, образованные от фамилий с помощью аффиксов ле-е... обычно указывают на место, территорию, на которой живут (или жили) люди той или иной фамилии».⁴ Сегодня на месте проживания сванов можно встретить множество таких топонимов, например, таких как «Ланаши», «Лахили», «Лешгуани», «Ланхври», «Лезгара» и т.д. Потому Вахушти прав, когда указывал, что Лечхуми переводится как «места Хомли», тем более сванский этнос когда-то был распространен в местности Лечхуми. Таким образом М.Г. Джанашвили неверно толковал как топоним Лечхуми, так и Цхуми.

Иного мнения придерживался исследователь И.А. Орбели. По его мнению, «в грузинском есть слово tkurі, в мингрельском представлено как заимствование в виде tkurі, а в чанском в виде tkubi и tubi... слово это, согласно этимологии, установленной Н. Я. Марром, восходит к общезфетической форме tsum`i с трехгласным корнем tkm. Из этого-то корня при различной ассимиляции и получился указанный выше tkum; интересно при этом отметить, что во всех семитических соответствиях этого слова первый коренной не t, а ch, что приближается к нашей исходной форме. Слово tkubi, tkurі, как в грузинском, так и в мингрельском, и чанском означает близнецы, вообще двойни, а в грузинском еще и двойной орешек, или плод».⁵ Таким образом И.А. Орбели считал, что греки просто перевели местное грузинское название Цхум – близнецы, как Диоскуриа, что с греческого переводится как «два близнеца». Такое утверждение, вряд ли возможно принять, так как: во-первых, до появления греческих купцов и переселенцев в VI в. до н.э. местное «грузинское» население (по мнению И.А. Орбели якобы жившее на территории Сухума), вряд ли

¹ Царевич Вахушти. География Грузии. Введение, перевод и примечания Джанашвили М.Г. Тифлис. 1904. С. 230.

² Там же. С. 200.

³ Там же.

⁴ П.Н. Макалатия. К вопросу о топонимической аффиксации (на материале картвельских языков). Вопросы ономастики. Свердловск. 1975. № 10. С. 132.

⁵ И.А. Орбели. Город близнецов Διοσκουριάς и племя возниц Ἠνίοχοι ЖМНП. Ч. XXXIII. СПб. 1911. С. 207.

могло почитать греческих героев, сыновей Зевса, участников похода Аргонавтов братьев-близнецов Кастора и Полидевка, культ которых был распространен у греков, и с их колонизацией всего Средиземноморского и Черноморского бассейна их стали почитать в городах-государствах греков, как на берегах этих морей; во-вторых, исследователь игнорирует факт присутствия предков абхазов на побережье современной Абхазии в древние времена, что не подвергается сомнению наукой, древнейшее название этого места по-абхазски звучит как Акуа; в-третьих, игнорирует абхазский язык для возможного объяснения появления топонима Цхум.

Грузинский исследователь А.С. Хаханов считал, что название Сухум «от мингрельского корня (цхуми – ცხუმი, грузинского ცხელი, что значит жаркий)»,¹ при этом мы должны заметить, что по-грузински слово «жаркий» звучит как «цхьени», а по-мегрельски – «чхье».

Уже в постсоветский период историк З.В. Папаскири стал утверждать, что «...древнейшее грузинское название Диоскурии – Себастополиса (т.е. – современного Сухума) – «Цхуми» на сванском языке означает «граб», а появление сванского топонима в окрестностях Сухуми-Диоскурии возможно было лишь тогда, когда в этих краях обитали именно сванские племена». Далее, немного модернизировав или плохо зная шаткую гипотезу И.А. Орбели, названный исследователь утверждал: «...вместе с тем, нельзя исключить также возможность объяснения топонима «Цхуми» и при помощи мегрело-занского языка (по-мегрельски «цхимури», «тхуму» – также породы деревьев... со всей ответственностью можно утверждать, что сванское название г. Сухуми могло появиться еще до I в. до н.э., когда, по словам известного древнегреческого географа Страбона (64 г. до н.э.–20 г. н.э.), над вершинами вокруг Сухуми-Диоскурии «господствовали сваны».²

Сванская гипотеза о происхождении топонима Цхум вряд ли соответствует исторической действительности, так как предки сванов никогда не проживали в окрестностях современного Сухума. При внимательном чтении Страбона, ничего подобного из того, что утверждает З.В. Папаскири, там нет. Сам же Страбон писал следующее: «...к числу народов, собирающихся в Диоскурии, принадлежат Фтирофаги получившие такое имя от своей нечистоплотности и грязи. Недалеко живут и Соаны... превосходящие силою, пожалуй, даже первые по силе и могуществу. По крайней мере, они господствуют над окрестными народами занимая вершины Кавказа возвышающиеся над Диоскуриадой».³ Здесь у Страбона речь идет, вообще, о Кавказских горах, а не о вершинах над современным Сухумом, как это пытается представить З.В. Папаскири. Сам же Страбон немного раньше своих слов о сванах писал: «...но историки Митрадатовских деяний, которым следует придавать больше значение, первыми называют Ахеян, за ними Зигов, затем Иниохов, далее

¹ А.С. Хаханов. Древнейшие пределы расселения грузин. Весь Кавказ. №.1. Часть I. Исторический отдел II. Тифлис. 1903. С.6.

² З.В. Папаскири. Абхазия. История без фальсификации. Изд. 2. Тб., 2010. С.19.

³ В.В. Лагышев. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том 1. Греческие писатели. СПб. 1890. С.138.

Керкетов, Мосхов, Колхов, живущих над ними Вшиедов, Соанов и другие мелкие народцы у Кавказа».¹

Как верно указывал Ю.Н. Воронов, «что касается собственно сванов, то соответствующие источники помещают их главным образом в северо-восточных районах Колхиды, в верховьях Риона. Прокопий Кесарийский свидетельствует, что путь к сванам из Лазики вел через Кутаис (Мохересис) и Уфимерей (Ухимерион).²

Прокопий действительно писал, что в «Кутаисе находится весьма сильное укрепление, называвшееся Уфимерей; его охраняли своим гарнизоном лазы со всей тщательностью... Итак, здесь сидел (в лагере) со всем своим войском Мермероес, занимая лучшие места Колхиды и мешая неприятелям доставлять провиант в укрепление Уфимерей или пойти в область, так называемую Сванетию или Скимнию, хотя она была им подчиненной. Обычно если враги занимают Мохересис, то для римлян и лазов отрезан путь в этой местности».³

Агафий также подтверждает, что сваны жили рядом с иверами и указывал: «...но тотчас же гонцы, отправляемые им, объявляли об этом в Иверии, среди племени сванов, варварам, живущим по ту сторону Кавказского хребта, живущим дальше этих и еще дальше».⁴

Другие источники и топонимические данные также свидетельствуют о проживании сванов в указанном районе, попытка переместить предков современных сванов на территорию современной Абхазии, исходя из современной политической конъюнктуры, не имеет никаких перспектив, ибо сваны еще до начала XX в. не жили даже в верховьях Кодорского ущелья Абхазии до выселения абхазов из этого региона в XIX в., что зафиксировано многими источниками того времени.

В изданной книге по истории Абхазии грузинскими историками и вовсе утверждается, что «г. Сухуми является одним из самых древних и знаменитых городов Грузии. Топоним «Сухуми» происходит от грузинского «Цхومي/Цхуми», что означает бук».⁵ Таким образом, можно сказать, что в грузинской историографии нет единого мнения о происхождении и значении топонима Цхум. Одни пытаются сделать перевод со сванского языка, другие с грузинского или с мингрельского. Также, по утверждению грузинских исследователей, современное название Сухум напрямую связано с «грузинским» Цхуми, так как в турецком языке нет твердого согласного звука «ц», который они заменили на согласный звук «с» и получилось Схум → Сухум → Сухум-Кале.

¹ В.В. Латышев. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том 1. Греческие писатели. СПб. 1890. С. 135.

² Ю.Н. Воронов. Сваноколхи, Ашхарацуйц и убиенные апостолы. Ответ доценту Т. Мибчунани. Путь к Истине тоже должен быть Истинным. Страницы грузино-абхазской информационной войны. Т.І. Сухум. 2015. С. 401.

³ Прокопий Кесарийский. Война с готами. Пер. с греческого С.П. Кондратьева. М., 1950. С. 424.

⁴ Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. Пер. Левченко М.В. М., 1953. С.111,112.

⁵ Коллектив авторов. Абхазия с древнейших времен до наших дней: Очерки из истории Грузии. Тб., 2009. С.5.

Вопрос о происхождении Цхума практически не затрагивался в абхазской историографии. По мнению К.Ф. Ганна, «...Сухум может быть исковеркано из абхазского Са-гум – страна, лежащая на реке Гум (Гумиста), менее вероятное объяснение из турецкого Су-кум – вода в песке. У путешественника Рейнегса называется Сокумъ-кала; у мингрельцев Кулеси исковеркано из «кала», у грузин Цхоми, у абхазцев Аку – каменистый берег».¹ К.Д. Мачавариани, рассматривал этот топоним как турецкий: «название Сухум взято из турецкого лексикона «су» – значит вода, а «хум» – песок. Абхазцы же называют Сухум Аку».² Ю.Н. Воронов писал: «Загадочна история происхождения «Цхум», от которого ведет свое начало название нынешней столицы Абхазии Сухум»,³ тем самым соглашаясь, что современное название столицы Сухум происходит от Цхума, а не от турецкого Су-хум. Но в другой своей работе, касаясь вопроса турецкого владычества в Абхазии и собственно в городе Сухум, указывал, что «...таким образом, в XVIII в., помимо окончательно укрепившегося здесь наименования Сухум-кале, осмысленного турками как трехсоставное: «су» – вода, «хум» – песок, «кале» – крепость, город носил более древнее, но, несомненно, лежавшее в основе турецкого, название Цхом – Цхум – Сагуми, к которому добавилось еще одно – Акуа».⁴ Абхазские исследователи в советское время стали склоняться к турецкой версии происхождения Сухума, в противовес грузинской версии от Цхум. Все это было связано с научным противостоянием грузинских и абхазских ученых.

Несмотря на утверждения о появлении топонима Сухум в связи с завоеванием территории Абхазии Османской империей, впервые это название зафиксировано еще задолго до появления на побережье Абхазии турок-османов. Название города «Сухум»,⁵ мы встречаем в труде сирийского эмира, историка и географа Абу-ль-Фида (1273-1331) «Таквим ал булдан», написанного в 1321 году. При этом надо заметить, что в своем труде автор так же использовал работу ранее жившего арабского географа Ибн Саид ал-Магриби (1214-1286), хотя последний называет город Сухум «ал-Анджаз»,⁶ т.е. город абхазов.

Таким образом, с уверенностью можно сказать, что топоним «Сухум» действительно происходит от ранее известного с XI в. топонима «Цхум». Арабские географы называли город уже с XIV в. «Сухум», позже этот топоним был использован турками как «Сухум – Кале» т.е. Крепость Сухум. Где же находился сам Цхум? Грузинские источники связывают это название с современным городом Сухум. Но, возможно, это было название местности и реки на востоке от Сухума, ныне известное как Келасур. Таким образом, мы должны рассматривать эти оба топонима как обозначение одного и того же места.

¹ К.Ф. Ганн. Опыт объяснения кавказских географических названий. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.40. Тифлис.1909. С.132.

² К.Д. Мачавариани. Описательный путеводитель по городу Сухум и Сухумскому округу. Сухум. 1913. С. 224.

³ Ю.Н. Воронов. Научные труды. Том. III. Сухум. 2015. С. 215.

⁴ Ю.Н. Воронов. Научные труды. Том. IV. Сухум. 2014. С. 267.

⁵ И.Г. Коновалова. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII-XIV вв.: Текст, перевод, комментарий. М.: Вост. лит. 2009. С.109.

⁶ Там же... С.15.

Келасур – эпоха Османской империи

Ранее мы упоминали топоним Клисур (греч. Κλεισοῦρας) в связи с якобы имевшем место походом Мурвана Кру в Абхазию. Топонимы Клисур и современный Келасур ранее некоторыми исследователями отождествлялись в связи с созвучием этих двух слов. Впервые название Клисур мы встречаем у летописца XI в. Джуаншер Джуаншериани, где граница между Грецией и Грузией в V в. помещалась в местности Клисур, в связи с якобы произошедшей женитьбой Вахтанга Горгасала на Елене, дочери византийского императора Льва I. Как убедительно показали Ю.Н. Воронов¹ и О.Х. Бгажба², Клисур грузинских источников не имеет отношения к современному названию местности Келасур, ибо находилась вне Абхазии, да и такой дочери, как Елена, у императора Льва I не было. Так откуда же появился топоним Келасур? Скорее всего, он связан с появлением турок-османов у берегов Абхазии. Эволюцию названий этой местности можно проследить по имевшимся политическим событиям и по средневековым картам. В результате распада Абхазского царства эпохи Багратидов и междоусобицы между феодалами, Георгий Дадиани, правитель Мингрелии вторгся в Цхумское эриставство и захватил город Цхум. Множество других исследователей XIX-XX вв., соглашались с фактом захвата Дадиани современной территории Восточной Абхазии, опираясь на сообщение Вахушти.

Так, Д.З. Бакрадзе писал: «...Георгий Дадиан завладевает цхомским (сухумским) эриставством и присваивает своему роду Одиш до Анакопии».³ Об этом же писал и З.В. Анчабадзе: «...Возникшей междоусобицей воспользовались бывшие эриставы, ныне уже мтавары, чтобы еще более упрочить свою власть в захваченных ими владениях. Один из них, Георгий Дадиани, занял, по сведениям Вахушти, всю Мегрелию и Цхумское эриставство до Анакопии включительно. Прежние цхумские эриставы Шервашидзе вынуждены были ограничиться территорией бывшего эриставства «Абхазия» к северо-западу от Анакопии».⁴ Эти события, скорее всего, надо датировать не ранее 1295 г. и не позже 1300 года. По мнению Т.Н. Берадзе, «...в начале XIV века одишский князь Георгий I Дадиани воспользовался развернувшейся после смерти Давида Нарина борьбой за царский престол Западной Грузии и захватил Цхумское княжество».⁵

Мы же со своей стороны должны заметить, что «Цхумское эриставство» с городом Цхом, которое было захвачено Дадиани и объединено с остальной Мингрелией (иногда называемая Одиши) – территория проживания одного из абхазских субэтнотипов, известного еще с позднеантичного времени как

¹ Ю.Н. Воронов. Труды. Т. III. Сухум. 2010. С.210-214.

² О.Х. Бгажба. Где проходила «Клисур» Джуаншера? // Абхазоведение: История, Археология, Этнология. Вып. II. Сухум. 2003. С. 62-68.

³ Д.З. Бакрадзе., Н.Г. Берзенов. Тифлис в историческом и этнографическом отношении. СПб., 1870. С.49.

⁴ З.В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.) Сухуми. 1959. С. 235-236.

⁵ Т.Н. Берадзе. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. Тб., 1989. С.50.

апс`илы¹ (апс`уа). Там же располагалось древнее абхазское политическое образование Апсилия I-VII вв., которое в первых веках охватывало не только современную территорию восточной Абхазии, но и часть современной Западной Грузии.

Таким образом, территория современной местности Келасур стала частью Мингрельского княжества, что отразилось на средневековых картах. Она впервые была обозначена как «megroli» на карте Дульсера Ангелино 1325-1330 гг. Наиболее устойчивая форма «р. mengrelo» впервые встречается на карте Бенинказы Грациозо... Однако на некоторых картах указано одновременно два порта: «порт Менгрелов» и «порт Малфитан».² Исследователь И.К. Фоменко верно указывает, что «...среди многочисленной картографической продукции Средневековья только два этнопонима в Причерноморье говорят о присутствии в регионе граждан определенных итальянских городов-комунн – Амальфи и Пизы... «porto de malfitan». Последний топоним встретился единственный раз – на морской карте Винченцо де Маджоло 1519 г. Он расположен южнее кавказского Севастополя. Название, связанное с торговой активностью горожан Амальфи в Причерноморье... Данный этнопоним может являться свидетельством того, что Порт де Малфитан был одним из первых (вероятно, XI в.) фундако или якорной стоянкой итальянцев в этом регионе.³

Однако, начиная с XV в. политическая ситуация меняется в связи с появлением на Черноморском побережье Османской империи и усилившейся борьбой между Абхазией и Мингрельским княжеством, которое окончательно потеряло территорию современного Келасура к XVII веку. Турки предпринимают ряд соответствующих мер по вовлечению абхазов в экономическую жизнь империи. На картах XVI в. на побережье Абхазии появляются указания различных турецких торговых пунктов такие как: Dervent (Гагра – Д. Г.), рядом с Сухумом Kalen Sui (Келасур – Д. Г.), Empor Navis Turcicis (Кындыг? – Д. Г.), Port ou les Turcs trafique (Очамчыра – Д. Г.) Вместе с тем, мы наблюдаем изменения топонимики и на месте «Порто де Амалфитан», «Порто Мингрелло» появляется «Kalensui»,⁴ где «kale – крепость» и «sur – большая стена», т.е. «крепость большой стены», искаженная местным абхазским населением как Кылашэыр, а русскими переселенцами XIX в. как «Келасурь»⁵ и «Келашюры»,⁶ а мегрелы называли «Кулеси».⁷ Такое название вполне себя оправдывает, так как турецкий порт находился у левого берега р. Келасур, там где возвышается башня со стеной, которая является началом Великой Абхазской стены.

¹ Ed. C. Mullerus. Geographi Graeci minores. Vol. II. Parisii, 1855. P. 379

² А.Ю. Гордеев. Топонимия побережья Чёрного и Азовского морей на картах-портоланах XIV-XVII веков. Киев. 2014. С.137.

³ И.К. Фоменко. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье, конец XIII–XVII вв. М., 2011. С.135.

⁴ Witsen Nicolaes Pontus Euxinus of nieuwe en naaukeurige paskaart van de zwarte zee uyt verscheydene stucken van die gewelten toegesonden, ontworpen door. 1700-1799.

URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b5964212f/f1.item.zoom>

⁵ Генеральная Карта Кавказского края. Издана при военном сборнике. 1858.

⁶ Карта Кавказского края. 1869 г. Издание картографического заведения А. Ильина.

⁷ К.Ф. Ганн. Опыт объяснения кавказских географических названий. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.40. Тифлис.1909. С.132.

Это название встречается и в последующих веках, окончательно закрепляется в начале XVIII в., что можно проследить, например, по картам Германа Молла как «Kalen Sui»,¹ или на карте Джорджа Маттеуса как «Calen Sui»² и т.д. Тем более, что именно к XVII в. турки-османы окончательно укрепляются на территории современного Сухума, а позже: «...в 1727 г. на развалинах римской крепости турками была построена крепость бастионного типа (по системе знаменитого французского фортификатора 2-й половины XVII в. Вобана). Архитектором крепости был Юсуф-ага. Крепость и город стали именоваться Сухум-Кале».³

Где же находился Цхум?

Во второй половине XVIII в. крепость Сухум-Кале стала резиденцией «... выдающегося политического деятеля того времени, владельца Абхазии Келешбея Чачба и его потомков».⁴ Иного мнения о дате постройки крепости придерживается археолог А.Н. Габелия. По его мнению, «...в 1578 г. на остатках Себастополиса турки построили мощное укрепление под названием Сухум-Кале (Сухумская крепость)».⁵

Скорее всего, древний Цхум находился на месте современного Келасура, и на это указывает сообщение историка, географа Вахушти; так в своей «Географии Грузии» он писал: «а к западу от Кодори течет река Цхоми, вытекающая из Кавказа и изливающаяся в море с севера. На этой реке на горе находится Цхоми и река эта получила название от него. Цхоми был городом и эриставством, теперь он селение».⁶ Археолог В.И. Сизов писал про крепость Акуа (иногда называемую замком Баграта. – *Д. Г.*), «к этому же замку, по моему мнению, необходимо приурочить и грузинское названия Сухума – Цхум. Для доказательства можно сопоставить, описание Акуа у Рейнеггса с описанием Цхума у грузинского географа царевича Вахушти».⁷ Однако, подобное утверждение В.И. Сизова, противоречит словам Вахушти.

Исследователь Л.Н. Соловьев, считал, что Цхум находится на берегах р. Келасур и вместе с тем указывал, что «...очень любопытно, что в это время существовало довольно значительное поселение у берега моря, на левом берегу р. Келасури. Начинаясь у приморской башни Келасурской стены, оно было про-

¹ Moll Herman. To His Most Serene and August Majesty Peter Alexovitz absolute lord of Russia &c. this map of Moscovy, Poland, Little Tartary, and ye Black Sea &c. is most humbly dedicated. 1730.

URL: <https://www.digitalcommonwealth.org/search/commonwealth:cj82ks89p>

² George Matthäus Seutter: Nova Mappa Maris Nigri et Freti Constantinopolitani. 1730.

URL: <https://www.vintage-maps.com/en/antique-maps/asia/russia/seutter-russia-black-sea-constantinople-1741::95>

³ А.С. Агумава. Старый Сухум. Сухум. 2016. С.12.

⁴ Там же... С.12.

⁵ А.Н. Габелия. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, АГУ, 2014. С.365.

⁶ Царевич Вахушти. География Грузии. Введение, перевод и примечания Джанашвили М.Г. Тифлис. 1904. С.230.

⁷ В.И. Сизов. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Вып. II. М., 1889. С.45.

слежено на расстоянии около 800 метров далее, узкой полосой вытягиваясь вдоль берега моря. По рассказам старожилов, здесь происходил ярмарочный торг, с которого князья Шервашидзе – владельцы земли – получали солидный доход. Это место: называлось ранее у абхазцев Тхубун».¹

Перечисляя населенные пункты Абхазии, Семёнов-Тян-Шанский так же упоминает: «...из поселения Абхазии, замечательны: Сухум-Кале, торговый порт в Абхазском округе Келасур, резиденция князей Ширвашидзе».² Адольф Берже, рассказывая о торговых колониях на побережье Абхазии, писал: «Пицунда, Илори, Бедии (Эгриси), а также г. Зуфу, нынешнее Лихне, близ моря, построенный в 1012 году Багратором III и Цхомиси, на реке того-же имени, впадающей в Черное море, основанный еще до Р. Х. – вся эта часть Кавказа изобилует развалинами храмов, частью описанных Дюбуа и Броссе, частью же никем еще неисследованных».³

Берже здесь под рекой и местностью Цхомиси имеет в виду Келасур, так как на это указывают перечисленные им места, там находятся значимые храмы, такой храм немного выше от устья р. Келасур. Вот что о нем писала П.С. Уварова: «Дюбуа придает этой церкви наименование «Охваме», считая, как видно, название это за собственное; но это ошибка: Охваме ничто иное у Абхазцев как нарицательное имя всякой церкви».⁴ Этот храм Ю.Н. Воронов описывал так: «Здесь на уютной прибрежной террасе сквозь буйные заросли проглядывает кладка древних стен, в которых на месте былых окон и дверей зияют большие проломы. Это развалины Келасурского монастыря – очень интересного памятника местной архитектуры эпохи Средневековья».⁵ Кроме этого на изданной в Берлине карте 1846 г. на этом месте указано «Kelassur (A.Zchomi)»,⁶ т.е. Келасур (А.Цхуми).

Еще одним доказательством нахождения Цхума на месте нынешнего района Келасур является труд мингрельского летописца Нико Дадиани, который описывая наступление отряда князя Горчакова на Сухум в 1821 г., писал: «...но как только наступило утро, мы выступили. Абхазцы снова постарались преградить путь, но, когда наши лечхумцы заметили, что есть место для действия конницы, напали на них и после непродолжительной перестрелки обратили в бегство, преследовали много и совершенно их рассеяли. Мы прибыли в Тубунь, т.-е. в Цхом, совершенно сожгли и опустошили город и окрестные его деревни, а равно и дворец Шарвашидзевых; оттуда прибыли в крепость Аку, где отдыхали в продолжении четырех или пяти дней».⁷ Еще один источник, свидетельствующий о месторасположении Цхума, – Брульенная карта Абха-

¹ Л.Н. Соловьев. Диоскурия – Севастополis – Цхум ТАГМ. Вып. I. Сухуми. 1947. С.141.

² П.П. Семёнов-Тян-Шанский. Географическо-статистический словарь Российской Империи. СПб., Том. I. С. 8.

³ А.П. Берже. Кавказ в археологическом отношении. Тифлис. 1874. С. 17.

⁴ П.С. Уварова. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия. Путевые заметки. Ч. 2. М., 1891. С.93.

⁵ Ю.Н. Воронов. В мире архитектурных памятников Абхазии. М., 1978. С.28.

⁶ Heinrich Mahlmann. Karte des Kaukasus, nach den neuesten Aufnahmen des Kaiserlich russischen Generalstabes entworfen. Berlin. 1846.

⁷ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 31. Тифлис. 1902. С.101.

зии 1813 г., где указаны Согум в междуречье Гумисты и Келасури и отдельно Цхом (с пометой, что там живет Ребия-Ханум - мать владетельного князя) на левом берегу реки Келасури. На карте 1845 г. (изд. в Тифлисе) также отмечено «Тубун -древний Цхоми».¹

Карла Серена, путешествовавшая по Абхазии во второй половине XIX в., писала, что «месторасположение Келасурской крепости, называемой Тубуни, очень живописно».² Побывавший в начале XIX в. в местности Келасур французский путешественник Дюбуа де Монперэ видел на правом берегу реки некий замок, «...вершина холма, которого поднималась... на правом берегу Келасури, венчала руины, покрытые плющом, напоминая мне наши швейцарские замки; это было начало той великой стены, о которой я скажу позже».³ Можно подумать, что здесь он говорит о некоей стене и, возможно, речь идет о Великой Абхазской стене, но он говорит о замке, который, по-видимому, был частью некогда существовавшего здесь города Цхум.

И еще о местности Келасур: «В XVI – начале XIX века большой известностью пользовался келасурский базар, на который приезжали не только жители побережья, но и многочисленные горцы. Здесь же бойко шла и купля-продажа невольников. В начале XIX века с. Келасури было собственностью князя Гасан-бея Шервашидзе (Чачба), двоюродного брата владетельного князя Абхазии... К концу XIX в. Келасури окончательно утрачивает свое значение военно-стратегического и торгового центра. Часть торгово-ремесленного населения перебралась в Сухум, в селе остались только крестьяне-арендаторы и княжеская челядь».⁴

Проанализировав все имеющиеся письменные и картографические источники, можно сделать следующие выводы: во-первых, средневековый город Цхум располагался на востоке от центральной части современного города Сухум, и охватывал большую территорию между реками Басла и Келасур; во-вторых, в картографических источниках XIV-XVI вв., эта местность значится под названием «порт Амальфитан», а позже «порто Мингрелло»; в-третьих, с появлением турок-османов эта же местность получила название Кале-Сур, где располагался рынок, в том числе, и по продаже невольников, этот рынок существовал еще в XIX в.; в-четвертых, Цхум был не только названием города, но и реки, ныне называемой по-турецки Келасур; в-пятых, местность на левом берегу Келасур, вдоль побережья, абхазы называют Тхубын (абх. Тхэыбын) «в переводе с абхазского языка означает «прогалина», т. е. поляна посередине леса. Так называлась территория, находящаяся у устья левобережья р. Келасури, где в средневековое время существовало поселение городского типа. Культурные остатки этого поселения, состоящие из фрагментов средневековых стен, значительного количества обломков поливной посуды, больших красноглиняных пифосов, зарытых в земле»⁵, были обнаружены абхазским археологом М.М. Трапш в 1954 г. во время строительства магистрали Тбилисского шоссе.

¹ В.Е. Кварчия. Историческая и современная топонимия Абхазии. Сухум. 2006. С. 243.

² Карла Серена. Путешествие по Абхазии. М., 1999. С. 119.

³ Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми. 1937. С. 140.

⁴ В.П. Пачулия. Абхазия. Историко-культурный очерк. Сухуми. 1976. С.115-116.

⁵ М.М. Трапш. Труды. Т. II. Сухум. 2019. С.241.

О топониме Цхум

Выяснив происхождение и месторасположение Келасур и Тхубын, нам остается разобраться в происхождении топонима Цхум. В первую очередь, в источниках, топоним Цхум встречается в двух вариантах – «Цхуми» и «Цхоми», это, по-видимому, зависело от того, как тот или иной летописец услышал этот топоним.

Как указывает Г.К. Шамба, «...знаток древних наименований Кавказско-Причерноморья Г.З. Шакирбай считал, что название Цхум восходит к топониму «Цкыбын – Цкэбын – Ткэбын, что находится на восточной окраине нынешнего Сухума».¹ Такого же мнения придерживается и сам Г.К. Шамба. Однако, как было показано выше, на востоке от Сухума находится не Цкыбын (абх. Цкыбын), а Тхубын (абх. Тхэыбын), собственно Цкыбын – нынешнее с. Дранда.

Это название фиксировалось различными картографами еще в позднем Средневековье. Так на карте Месия де Веладестеса 1413 г. за Кодором фиксируется топоним «Сисба»;² на карте Фредуче как «Icaba»;³ испанский картограф Диего Хомем на своей карте 1559 г. рядом с названием Goto, которым обозначали р. Кодор, фиксирует топоним «Zicaba».⁴ Это название сохранялось вплоть до конца XIX в. Так К.Ф. Ганн, объясняя топоним Дранда, указывал: «Дранды в древности Дандара, название лежащего у Кодора монастыря. По-абхазски Цхэбен».⁵ В статистическом сведении Нордман фиксировал Тхубен (Келасуры), как село, принадлежавшее правителям Шервашидзе, а «Цкабынь или Дранды дворянам Званба».⁶ Таким образом, по нашему мнению, вряд ли топоним Цхум происходит от Цкыбын.

В.Е. Кварчия верно указывал, что название р. Келасур «Зыхэа «Белая река» – от азы «вода» и хэа «белый», но скорее всего ошибочно перевел название реки, вместе с тем предполагая, что и Тхубын из Зыхэпны, означает «место у р. Зыхэа» или «пред Зыхуский». Окончательно выводит Цхом, Цхум из Зыхэгум «Зыхуский гум», где Зыхэа – название совр. р. Келасур и Гум – название центральной части Абхазии: Зыхэгэым усеченно Зыхэым > Зхум> Цхом // Цхум // Сухум».⁷

По нашему же мнению, определенную подсказку о происхождении топонима Цхум даст название р. Келасур. Вспомним слова Вахушти, что «к западу от Кодори течет река Цхоми, вытекающая из Кавказа и изливающаяся в море

¹ Г.К. Шамба. Древний Сухум. Сухум. 2005. С.94.

² Mecia de Viladestes. Carte marine de l'océan Atlantique Nord-Est, de la mer Méditerranée, de la mer Noire, de la mer Rouge, d'une partie de la mer Caspienne, du golfe Persique et de la mer Baltique. 1413.

URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55007074s/f1.item.zoom>

³ Карта Фредуче из Анконы. Археолого-нумизматического сборника. М. 1850.

⁴ Homem Diogo. Atlas nautique de la Mer Méditerranée, de la Mer Noire et de l'Océan Atlantique nord-est. Venezia. 1559. P.5.

⁵ К.Ф. Ганн. Опыт объяснения кавказских географических названий. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.40. Отдел III. Тифлис.1909. С.55.

⁶ Путешествие Нордмана по Закавказскому краю. ЖМНП. СПб., 1838. С.422.

⁷ В.Е. Кварчия. Историческая и современная топонимия Абхазии. Сухум. 2006. С. 246-247.

с севера. На этой реке на горе находится Цхоми и река эта получила название от него».¹ Таким образом река Келасур называлась Цхум, что зафиксировано и на карте Трескота как «Цхомиск»,² или в атласе Российской империи 1807 г. как «Сукумъ»,³ но, скорее всего, местность Цхом получила название от р. Цхом, а не наоборот. На территории Абхазии немало топонимов, которые происходят от названия рек, например таких как: Псырдзха (абх. Псырзха), Цкуара (абх. Ацэкэара), Арасадзыхь (абх. Арасазыхь), Алахадзы (абх. Алахазы), Мачара (абх. Амач) и т.д. По нашему мнению, загадка в названии реки и города Цхум кроется в названии горы Зыхэа / Зхэы, на русском языке зафиксированной на карте 1871 г. как «Дзыхва»,⁴ где абхазский «зы» в русском передается как «дзы» и «хэы» как «хв». Рядом с этой горой и находится исток ныне р. Келасур и древнее поселение абхазов городского типа, остатки которого можно увидеть и сегодня, а правый приток р. Келасур до сих пор носит название Дзыхва, переименованное в советское время в грузинское Майси цкари. Такое же название носит и другая река, вытекающая с западной стороны горы Дзыхва, которая является притоком р. Цимур. Абхазское название горы Зыхэы – зы – вода, хэы – возвышенность, т.е. водная возвышенность, водная вершина.

Такое название горы себя оправдывает, так как на ее вершине располагаются четыре живописных озера, названия трех из них: Гуригадза (абх. Гэыригэ изы), Кот Кот (абх. Кот Кот) и Дзыху (абх. Зыхэы), описывал в свое время на горе Дзыхуа и К.И. Подозерский: «В одном из скалистых ущелий этого склона футов на триста ниже видны были два небольших круглых озера. Поднимаясь выше по снежному гребню на том же склоне Дзыхвы, но восточнее, мы заметили еще два небольших озерца. Голубоватый цвет воды очень красиво выделялся на фоне окружающего снега... С Дзыхвы открывается обширный кругозор, к востоку видно все верховье реки Келасури».⁵ Скорее всего, абхазское Зыхэы и есть искаженное Цхум, где абхазское «зы» стоит близко по звуку к «ц» и хэы «хум» с добавлением грузинского именительного падежа «и», характерного для картлийской топонимики (например, превращения латинского Bathys в грузинское Патони → Батони → Батуми. – *Д. Г.*). Учитывая, что в указанном месте издревле проживал один из абхазских субэтносос – апсилы (апсуаа), то корень топонима Цхум надо искать именно в абхазском языке. Таким образом из абхазского Зыхэы (водная вершина), мы и имеем искаженное в грузинском (картлийском) языке Цхуми.

¹ Царевич Вахушти. География Грузии. Введение, перевод и примечания Джанашвили М.Г. Тифлис. 1904. С.230.

² И. Трескот. Карта, представляющая Кубань. 1783.

³ Атлас Российской Империи по новейшему разделению на губернии и области. Россия, 1807.

⁴ И.А. Стрельбицкий. Специальная Карта Европейской России. 1871.

⁵ К.И. Подозерский. Следы и остатки ледников в верховье рр. Бзыбь, Гумисты и Амткел. Известия Кавказского отдела Русского географического общества. Т. 15. Тифлис, 1902. С.184,185.

Город Акуа на средневековых картах

Разобравшись с происхождением названия столицы Абхазии – Сухум, перейдем к вопросу об исконном абхазском наименовании этого города – Акуа. О происхождении и древности этого топонима нет единого мнения среди исследователей. По мнению М.М. Трапш, «по-видимому, Акуа очень древнее название. Об этом свидетельствуют находки двух золотых статеров колхидской чеканки с подписью «Аку», относящихся к III в. до н. э. Д. Г. Капанадзе, транскрибируя греческую надпись этих статеров, как надпись: «Аки», опустил лабиализованный звук «О», тогда как на статерах, в действительности, греческой транскрипцией запечатлено «Ако» (в родительном падеже). Г. З. Шакирбай, обративший «впервые на это внимание, указывает, что греческое начертание надписи: «Ако» на статерах Лисимаха, должно быть передано не как «Аки», а как «Аку». Эти монеты древнее известных в настоящее время монет, выпускавшихся Диоскурией, ибо последние относятся к рубежу II–I вв. до н. э.»¹ Также М.М.Трапш, опираясь на мнение Г.З. Шакирбай, писал: «Минеральный серный источник», или по-абхазски азы-куа, т. е. тухлая (в смысле «серная») вода. Действительно, в ближайшем соседстве от города имеются два таких источника — минеральные серные источники в районе Сухума были, очевидно, известны и в древнее время».²

В.Е. Кварчия связывает название города Акуа с р. Хакьыпта (Хәақьцста), и указывает «Ха-қәа букв. «сложенные камни», т. е. «крепость». В дальнейшем Хәақәа в результате закономерной ассимиляции «х» перед «а» приобрело современную форму Ақәа».³ В.А. Чирикба также убедительно указывает, что «топоним Ақәа (Ақ'а) 'Сухум' вполне надежно этимологизируется на абхазской почве как производное (с утратой начального х-) из *хә-қәа (һә-қ'а) 'сложенные друг на друга камни'; так, возможно, обозначалась сложенная из камней крепость или форт...».⁴ Это мнение подтверждается картографическими данными: так рядом с р. Кудры на карте из книги Арк. Ламберти зафиксирована крепость «Агу»;⁵ на карте С.М. Броневского крепость Нарджхьоу указана как «Аку»;⁶ местность, где располагается Бзыпская крепость, называется «Акуара ахабла»,⁷ (апс. Ақәара ахабла), где корень слова «Акуа» и т.д.

В абхазской историографии устоялось мнение, будто абхазское название города Сухум – Акуа не упоминается в истории до 1770 г., когда капитан-поручик Языков «сообщает о крепости Аку, ее начальнике, жителях, гарнизо-

¹ М.М. Трапш. Труды. Т.2. Сухуми. 1969. С.217.

² Там же. С. 216.

³ В.Е. Кварчия. Историческая и современная топонимия Абхазии. Сухум. 2006. С.86

⁴ В.А. Чирикба. Абхазия и итальянские города-государства XIII-XV вв. Спб., 2020. С.135.

⁵ Melchisédech Thévenot. Carte de la Colchide appelée maintenant Mengrelie, et par ceux du pays, Odisci. 1660.

⁶ Карта Кавказских земель с частью Великой Армении, изданная Семеном Броневским, к описанию Кавказа. Составлена А. Максимовичем. 1823.

⁷ В.Е. Кварчия. Топонимика Абхазии. Т.III. 2019. С.179.

не».¹ Однако топоним Асуа² (Акуа) можем встретить на карте средневекового картографа Баттиста Аньеза 1540 г.³, и на карте известного венецианского картографа Джакома Гастальди 1561 г. При внимательном изучении этих карт не трудно заметить, что Абхазия, как и сам город Акуа смещен картографами далеко от побережья в сторону Северного Кавказа, а на месте Абхазии указана Мегрелия, что дало повод некоторым исследователям (в основном грузинским) использовать это в качестве доказательства якобы пришлости абхазов на своей исторической родине – Абхазии, что уже само по себе является научно несостоятельной гипотезой.

Так, в одной из работ, изданной по истории Абхазии грузинскими исследователями, размещен фрагмент карты Гастальди с комментарием: «На Северном Кавказе, в частности, в среднем течении р. Кубань зафиксирован *Absvas regi* с главным населенным пунктом Асуа. Совершенно ясно, что современные абхазы (абсуа/апсуа) в то время еще жили на Северном Кавказе. По той же карте, Мегрелия охватывает и всю территорию современной Абхазии. После заселения северо-западной Мегрелии апсуйцами г. Цхуми / Сухуми новоселы назвали привезенным из Северного Кавказа, из *Avsuas regi* именем Асуа».⁴ Грузинские исследователи, во-первых, неверно пишут название Абхазии на карте, а также, по-видимому, не обратили внимания на собственную ошибку. Если бы современные абхазы (апсуа) были бы пришлыми на территории Абхазии, прибыв сюда присвоили себе в виде экзонима название «абхаз», тогда каким образом название Абхазия фигурирует на Северном Кавказе вместе с городом Акуа? Ведь, по утверждению авторов, Абхазия – это грузинский регион, который всегда находился на побережье Черного моря. По такой логике, и название Абхазия «пришлый» народ принес с собой на территорию современной Абхазии, что уже не состыковывается с логикой этих авторов. Однако, если отойти от несостоятельной гипотезы некоторых грузинских исследователей, и обратиться к полной карте Баттиста Аньеза 1540 г. и Джакома Гастальди, размещенной в атласе Антонио Лафрери, изданном в 1561 г., то мы заметим, что картографами допущены серьезные ошибки, что и объясняет нахождение Абхазии и стольного города Акуа на северном склоне Кавказа. Сам Баттиста Аньеза, а вслед за ним Джакома Гастальди, использовали при составлении карт несколько разновременных письменных и картографических источников, что, возможно, привело к многочисленным ошибкам в их картах.

Об этом говорят следующие факты:

1. Между рр. Кубань и Дон располагается «*Circassi Regi*» – Черкессия. На самом деле Черкессию в XVI в. картографические и письменные источники называют в основном между побережьем Черного моря и р. Кубань.

¹ К.Д. Кудрявцев. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум. 1922. С.151.

² *La descrizione della prima parte dell' Asia con i nomi antichi & moderni / Di G. Gastaldi ... Restituita da A. Lafreri. J. Bossius ... incidebat. Venice. 1561.* Национальная библиотека Израиля.

³ *Portolan Chart of Europe Showing the British Isles f. 7v. 1540.* // Британская Библиотека / <https://www.bl.uk/onlinegallery/onlineex/unvbrit/p/001add000021592u000070v0.html>

⁴ Коллектив авторов. Очерки из истории Грузии. Абхазия. Тб., 2009. Карта №14.

2. На карте соседней страной на западе от Мегрелии указана «Caitachi Regi», и в ней города «Zichia» и «Anagosia». Указанные «caitachi», это печенегы, обитавшие между Кубанью и Доном в X в., но в XVI в. их там не могло быть, это говорит о том, что картограф использовал старые источники, которые не отражали реальную политическую ситуацию в XVI в. Тем более они указаны в земле Садзов и Убыхов, чего никогда не было в истории. Указанные города «Zichia» и «Anagosia» должны читаться как страна Зихия и Абхазия. Примерная граница между ними проходила в районе Сочи-Хоста.

3. Город «Vati» на карте располагается на территории Абхазии, на самом деле «Vati»¹ называли Батуми, а он, как известно, находится в Аджарии.

4. Имеретинское царство (Iberi Regi), которое располагалось на западе от Картли (Грузия), оказалось на севере от нее и в ней располагается город Кремух; однако, как известно, «территориально и хронологически область Кремух полностью совмещается с широко известным в археологии Кавказа Белореченским курганным адыгским могильником XIV-XV вв. у г. Белореченск северо-западнее Майкопа. Могильник исследован в 1896-1907 гг. Н.И. Веселовским и опубликован В.П. Левашовой в 1953 г., приписавшей курганы черкесскому племени абадзехов».²

5. На юге от Имерети смещенной на территорию современной Армении оказалась «Giorgiani Regi» (Грузия), а вот город «Tiflis» (Тбилиси) располагается южнее некоего озера, это должно быть Севан, так как на это указывает река «Arais» (Аракс) выше Тбилиси, что также является ошибкой, так как Аракс находится на юге от Тбилиси.

6. На карте на территории примерно выше Дагестана неверно указана «Zviria», это, должно быть, древнее название Картли (Грузия) – Иверия.

Изучив эти карты, исследователь С.Х. Хотко отмечал: «Абхазия, указанная как AVACVAS REGI, смещена на северный склон, и это может породить иллюзию того, что перед нами первое картографическое свидетельство присутствия абазинского населения в Черкесии. Таковое, в виде абазин-тапанта, уже находилось на территории горного сектора Восточного Закубанья, но вряд ли сведения об этом могли быть столь быстро запечатлены на современных картах. Свет проливает надпись aqua, которая представлена как главный населенный пункт «абакуасской области». Акуа – это абхазское наименование Сухума. Соответственно, картограф, видимо, вполне уверенный в том, что между Мегрелией и Черкесией должна быть еще и Абхазия, нашел для нее место, но сместил далеко от побережья».³

Позже и другие именитые картографы просто повторяли ошибку Баттиста Аньеза, пользуясь его материалами. С чем могли быть связаны такие грубые ошибки? Сами они не путешествовали и имели информацию из разных

¹ А.Ю. Гордеев. Топонимия побережья Чёрного и Азовского морей на картах-портоланах XIV-XVII веков. Киев. 2014. С. 109.

² В.А. Кузнецов. Адыгское феодальное владение Кремух. Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь. 2001. С.129.

³ С.Х. Хотко. Черкесия Генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII-XVI вв.). Майкоп. 2017. С.62.

источников. Вместе с тем, известно, что одним из информаторов был русский посол в Риме Дмитрий Герасимов (1465-1536), который помогал им в составлении карты и предоставил информацию; «...который сам их собрал от многих людей, поскольку, как признался, не объезжал территории всей страны».¹ В этом легко убедиться, если обратить внимание на другую карту Баттиста Аньеза, опубликованную в работе В.Ф. Старкова. Страна Мегрелия на ней располагается на Северном Кавказе, а «...на месте Литвы ошибочно указана Ливония»² и т.д.

Подобные ошибки были не редкими для средневековой картографии. Так на карте Исаака Масса,³ опубликованной историком и основоположником исторической картографии Украины В.А. Кордтом, регион «Sonscha» (Сванетия) располагается на Северном Кавказе над Абхазией. Такую же картину дает в своей карте Витсен Николаас⁴. Вызывает интерес и другая карта Германа Молла, где в центре Южного Кавказа на месте Грузии указан топоним «Surgasia»⁵ т.е. Черкесия, а город Тифлис (Tiflis) указан выше Дагестана и т.д.

Собственно, название Сухум на абхазском – «Акуа» связано с крепостью «Акуа», располагавшейся недалеко от левого берега р. Басла. И о ней упоминал в своей работе Якоб Рейнеггс, когда писал о событиях 1771 г. Тогда он сообщал, что абхазы освободили крепость Сухум-Кале от турецких янычар, но в итоге она была им обратно сдана Леваном Чачба (Шервашидзе) и «если бы этого не произошло, крепость могла бы рассматриваться как ключ к Западному Кавказу, особенно с учетом того, что она находится под защитой Агуа или Аку – сильно укрепленного поста на пологом гребне скалы, в которой выбиты ступени».⁶

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что абхазское название города Сухум – Акуа было известно еще в Средневековье, по крайней мере, в начале XVI в., и он был как стольный город Абхазии, находящийся в пределах современного Сухума.

Другие названия Сухума

Город Сухум был известен и под другими названиями. В эпоху генуэзцев город назывался Сауастополи. Об этом говорят все картографические данные. На карте Петра Висконти 1313 г. город указан как Sauastopoli⁷ (Сауастополи), а в более позднее время как Savatoroli⁸, (Саватополи).

¹ В.Ф. Старков. Описание карты 1525 г. Отечественные архивы. М., 1994, №4. С.9.

² Там же. С.9.

³ Isaaco Massa. Novissima Russiae Tabula. London. 1635. Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Киев. 1910. XLIV.

⁴ Exactissima Asiae delineatio in praecipuas regiones... divisa... / Extracta ex authenticis tabulis D. Nicolai Witsen <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b530890447/f1.item.r=Nicolaes%20Witsen.zoom> Национальная библиотека Франции.

⁵ Herman Moll - Atlas geographus or, a compleat system of geography, ancient and modern. London.Tab.39. 1711.

⁶ Jacob Reineggs. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha. 1795. P.8.

⁷ Vesconte Petrus. Atlas nautique de la mer Méditerranée et de la mer Noire. 1313. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b5901108m/f4.item.zoom>

⁸ Sanson Nicolas. L'Europe. Tvrqvie en Asie. 1669.

В работе Ивана Шильтбергера¹ XIV в. Сухум указан столицей Абхазии и назван как «Зучтум».

В 2016 г. в альманахе «Диалог времен» была опубликована статья Ц.А. Чичибая, где автор утверждает, что в анонимном испанском источнике XIV в., Сухум назван «Сан Себастиан»², при этом надо указать, что в оригинале город указан как «Сант Эстополь».³

В атласе королевского картографа Франции Гийона де Лиля город указан как «Port de Sahoum».⁴

В работе Якоба Рейнеггса Сухум указан как «Дордуп».⁵ В картографических и письменных источниках периода XVIII-XIX вв. город уже практически всегда называли «Shakhom»,⁶ Soukhom-Kaleh,⁷ М.Сухумъ,⁸ Сухумъ-Кале,⁹ Сухумъ.¹⁰

В советском атласе 1928 г. город указан как «Сухум».¹¹

В августе 1936 г. был переименован на грузинский лад и на картах уже указан как «Сухуми».¹²

4 декабря 1992 г. постановлением Верховного Совета Республики Абхазия столице Абхазии вернули прежнее название «Сухум».¹³

Итак, все использованные нами топонимы (названия рек, холмов, поселений), находящиеся в пределах современной столицы Абхазии – г. Сухум и его окрестностей за исключением заимствованных часто имеют местный древнеабхазский субстрат иногда с вторичными инородными (картвельскими, итальянскими, турецкими) наслоениями, что нашло свое отражение в самых различных исторических наименованиях города.

Использованные атласы и карты

1. Атлас Российской Империи по новейшему разделению на губернии и области. Россия, 1807.
2. Атлас Черного моря, Капитан 1-го ранга Е. Манганари. 1841.
3. Атлас Союза Советских Социалистических Республик. М., 1928.
4. Генеральная Карта Кавказского края. Издана при военном сборнике. 1858 г.
5. Атлас Грузинской ССР. Тбилиси-Москва. 1964.

¹ The bondage and travels of Johann Schiltberger. 1396-1427. London. 1879. P.43.

² Ц.А. Чичибая. Сан Себастиан 1350 г. // Диалог времен. №1. Сухум. 2016 г. С.85.

³ Marino, Nancy F. El libro del conocimiento de todos los reinos. The book of knowledge of all kingdoms. Tempe Arizona. 1999. P.96.

⁴ Guillaume de Lisle. Carte des Pays voisins de la Mer Caspiene. Atlas nouveau. Amsterdam. 1742.

⁵ Jacob Reineggs. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. 1795. P.7.

⁶ Dunn Samuel, Sayer, Robert. A new atlas of the mundane system or, of geography and cosmography. London. 1774. P.20.

⁷ Schrader Franz, Anthoine Edouard, Prudent Ferdinand. Atlas de géographie modern. Paris. 1889.

⁸ Атлас Черного моря, Капитан 1-го ранга Е. Манганари. 1841. Л. 1.

⁹ Генеральная карта Европы, составленная Л. Лангером. СПб. 1860.

¹⁰ Дорожная карта Кавказского края. Тифлис. 1903.

¹¹ Атлас Союза Советских Социалистических Республик. М., 1928 г.

¹² Атлас Грузинской ССР. Тбилиси-Москва. 1964. С.2.

¹³ Сборник законодательных актов Республики Абхазия. Вып. III. Сухум. 1995 г. С.94.

6. Генеральная карта Европы, составленная Л. Лангером. СПб.1860.
7. Дорожная карта Кавказского края. Тифлис. 1903.
8. Карта Кавказского края. 1869 г. Издание картографического заведения А.Ильина.
9. Карта Кавказских земель с частью Великой Армении, изданная Семеном Броневским, к описанию Кавказа. Составлена А. Максимовичем. 1823.
10. Карта Фредуче из Анконы. Археолого-нумизматического сборника. М., 1850.
11. Стрельбицкий И.А. Специальная Карта Европейской России. 1871 г.
12. Трескот И. Карта представляющая Кубань. 1783 г.
13. Dunn Samuel, Sayer, Robert. A new atlas of the mundane system or, of geography and cosmography. London. 1774
14. George Matthäus Seutter: Nova Mappa Maris Nigri et Freti Constantinopolitani. 1730. URL:<https://www.vintage-maps.com/en/antique-maps/asia/russia/seutter-russia-black-sea-constantinople-1741::95>
15. Guillaume de Lisle. Carte des Pays voisins de la Mer Caspiene. Atlas nouveau. Amsterdam. 1742.
16. Heinrich Mahlmann. Karte des Kaukasus, nach den neuesten Aufnahmen des Kaiserlich russischen Generalstabes entworfen. Berlin. 1846.
17. Herman Moll - Atlas geographus or, a compleat system of geography, ancient and modern. London. 1711.
18. Herman Moll. To His Most Serene and August Majesty Peter Alexovitz absolute lord of Russia &c. this map of Moscovy, Poland, Little Tartary, and ye Black Sea &c. is most humbly dedicated. 1730. URL:<https://www.digitalcommonwealth.org/search/commonwealth:cj82ks89p>
19. Homem Diogo. Atlas nautique de la Mer Méditerranée, de la Mer Noire et de l'Océan Atlantique nordest. Venezia. 1559.
20. Isaaco Massa. Novissima Russiae Tabula. London. 1635. Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Киев. 1910.
21. La descrizione della prima parte dell' Asia con i nomi antichi & moderni / Di G. Gastaldi ... Restituita da A. Lafreri. J. Bossius ... incidebat. Venice. 1561.
22. Melchisédech Thévenot. Carte de la Colchide appelée maintenant Mengrelie, et par ceux du pays, Odisci. 1660.
23. Mecia de Viladestes. Carte marine de l'océan Atlantique Nord-Est, de la mer Méditerranée, de la mer Noire, de la mer Rouge, d'une partie de la mer Caspienne, du golfe Persique et de la mer Baltique. 1413. URL:<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55007074s/f1.item.zoom>
24. Nicolai Witsen Exactissima Asiae delineatio in praecipuas regiones... divisa.../Extracta ex authenticis tabulis. 16..
Portolan Chart of Europe Showing the British Isles f. 7v. 1540. URL:<https://www.bl.uk/onlinegallery/onlineex/unvbrit/p/001add000021592u000070v0.html>
25. Sanson Nicolas. L'Europe. Tvrqvie en Asie. 1669.
26. Schrader Franz, Anthoine Edouard, Prudent Ferdinand. Atlas de géographie modern. Paris. 1889.
27. Vesconte Petrus. Atlas nautique de la mer Méditerranée et de la mer Noire. 1313. URL:<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b5901108m/f4.item.zoom>
28. Witsen Nicolaes Pontus Euxinus of nieuwe en naaukeurige paskaart van de zwarte zee uyt verscheydene stucken van die gewelten toegesonden, ontworpen door. 1700-1799. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b5964212f/f1.item.zoom>

1. Фрагмент карты Николааса Витсена «Pontus Euxinus of nieuwe en naaukeurige paskaart van de zwarte zee uyt verscheydene stucken van die gewelten toegesonden, ontworpen door» XVIII века. На карте топоним «Kalensui».
2. Фрагмент «Генеральной карты Кавказского края издана при Военном сборнике» 1858 года. Рядом с г. Сухум топоним «Келасурь».
3. Фрагмент карты Кавказского края. Издание картографического заведения А.И-льина 1869 года. Топоним «Келашюры».
4. Фрагмент карты Германа Молла «To His Most Serene and August Majesty Peter Alexovitz absolute lord of Russia &c. this map of Moscovy, Poland, Little Tartary, and ye Black Sea &c. is most humbly dedicated». 1730 г. Топоним Kalen Sui.
5. Фрагмент карты Генриха Мальмана «Karte des Kaukasus, nach den neuesten Aufnahmen des Kaiserlich Russischen Generalstabes entworfen». 1846 г. На карте «Kelassur (A.Zchomi)» т.е. Келасур (Цхоми).
6. Фрагмент карты Дж. Трускота. Карта представляющая Кубань. 1783 г. На карте гидроним «Цхомиск» и местность «Цхомъ».
7. Фрагмент карты И.А.Стрельбицкого. Специальная Карта Европейской России. 1871 г. Над г. Сухумь-Кале гора «Дзыхва».
8. Фрагмент карты Тевено Мельхиседека. «Carte de la Colchide appelée maintenant Mengrelie, et par seux du pays, Odisci». 1660 г. Крепость «Агу» на возвышенностях Панаюского хребта.
9. Фрагмент карты «Кавказских земель с частью Великой Армении, изданная 1838 г. Семеном Броневским, к описанию Кавказа». Составлена А. Максимовичем. 1823 г. Крепость «Аку» на севере от с. Бедия.
10. Фрагмент карты Дж.Гастальди. «La descrizione della prima parte dell' Asia con i nomi antichi & moderni Di G. Gastaldi ... Restituuta da A. Lafreri». 1561 г. Город Акуа смещенный на Северный Кавказ.
11. Фрагмент карты Гийом Делиль. «Carte des Pays voisins de la Mer Caspiene. Atlas nouveau». 1742 г. На карте указан «Порт Сухум» и страна «Abassa Independans» – Независимая Абаза т.е. Абхазия.
12. Фрагмент карты Исаака Масса «Novissima Russiae Tabula». 1635 г. На Северном Кавказе надпись «Регион Сванетия».

Рис. 1. Фрагмент карты Николааса Витсена «Pontus Euxinus of nieuwe en naaukeurige paskaart van de zwarte zee zuyt verscheydene stucken van die gewelten toegesonden, ontworpen door» XVIII века. На карте – мононим «Kalensui»

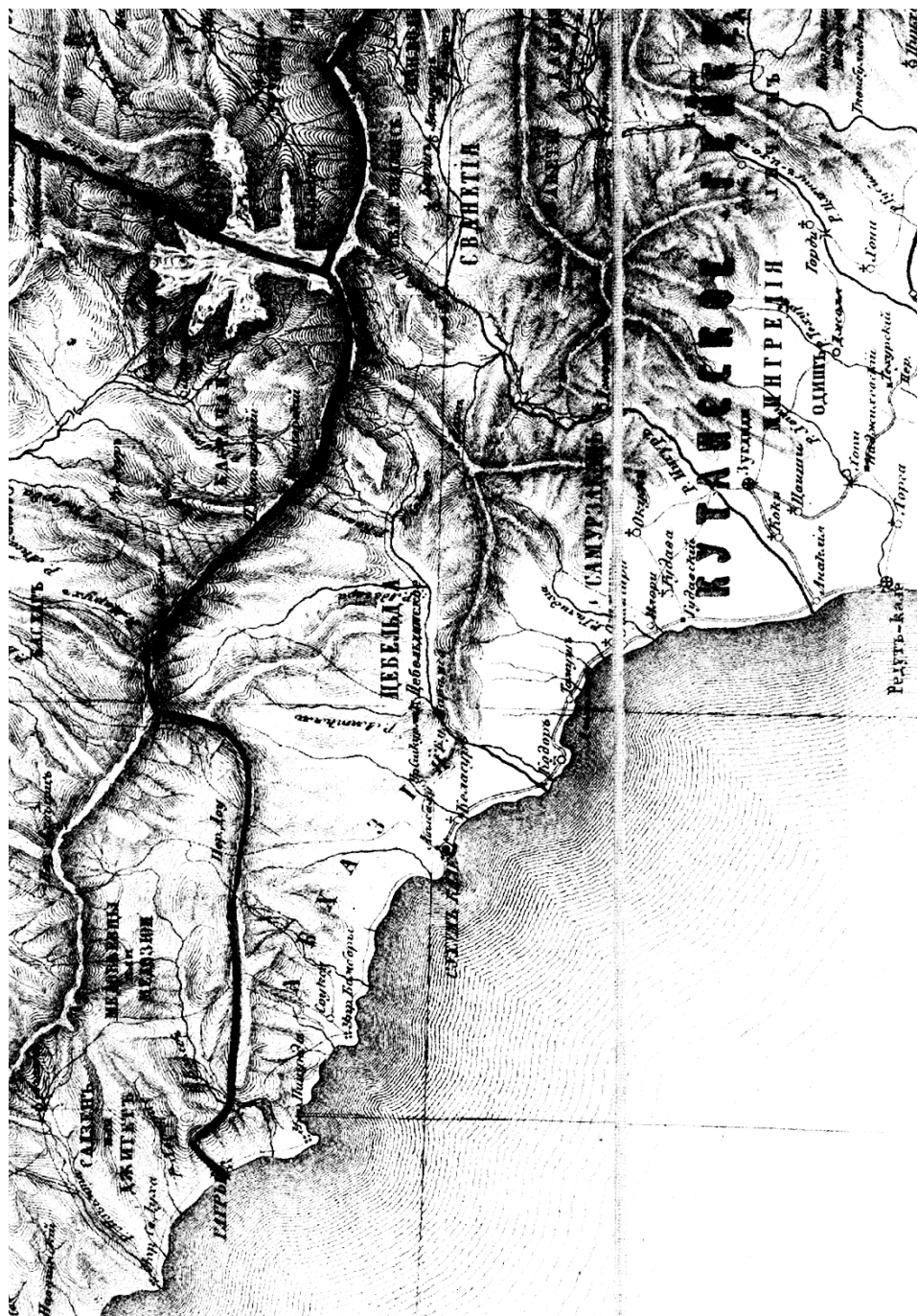

Рис. 2. Фрагмент «Генеральной карты Кавказского края издана при Военном собрнике» 1858 года.
Рядом с г. Сухум – топоним «Келасуръ»

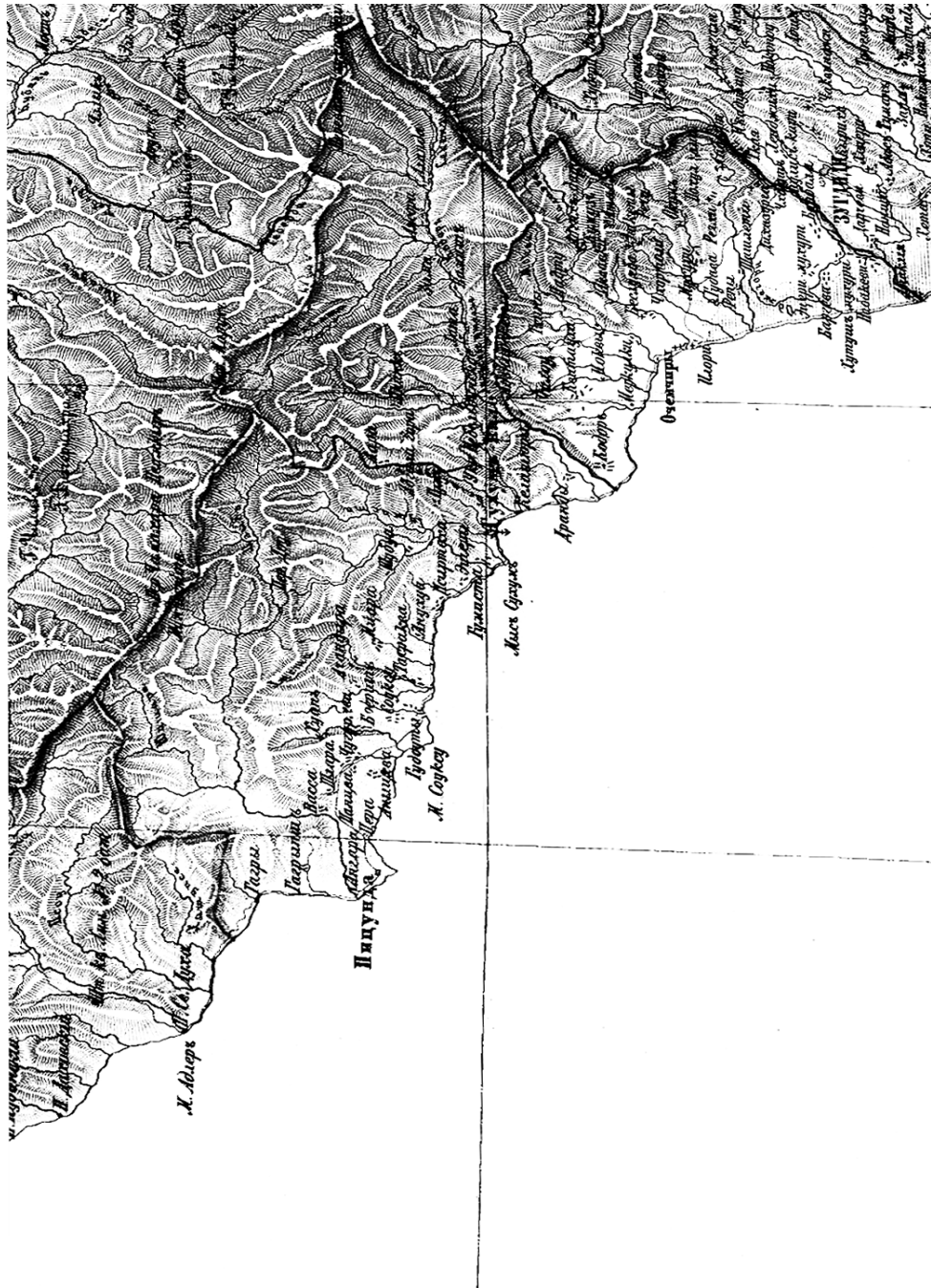

Рис. 3. Фрагмент карты Кавказского края. Издание картографического заведения А.Ильина 1869 года. Топоним «Келашюры»

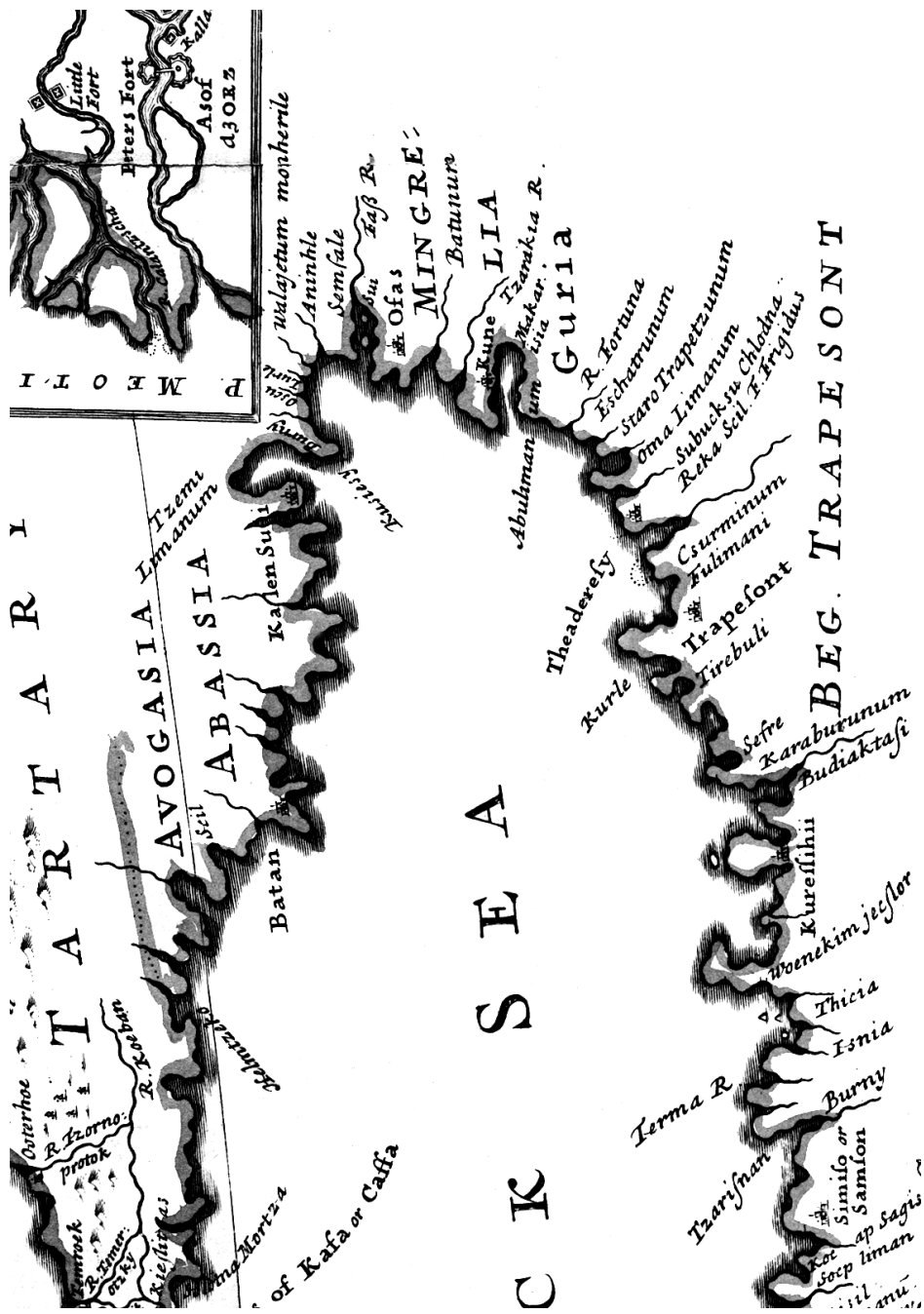

Рис. 4. Фрагмент карты Германа Молла «To His Most Serene and August Majesty Peter Alexovitz absolute lord of Russia &c. this map of Moscow, Poland, Little Tartary, and ye Black Sea &c. is most humbly dedicated». 1730 г. Топоним Kalen Sui

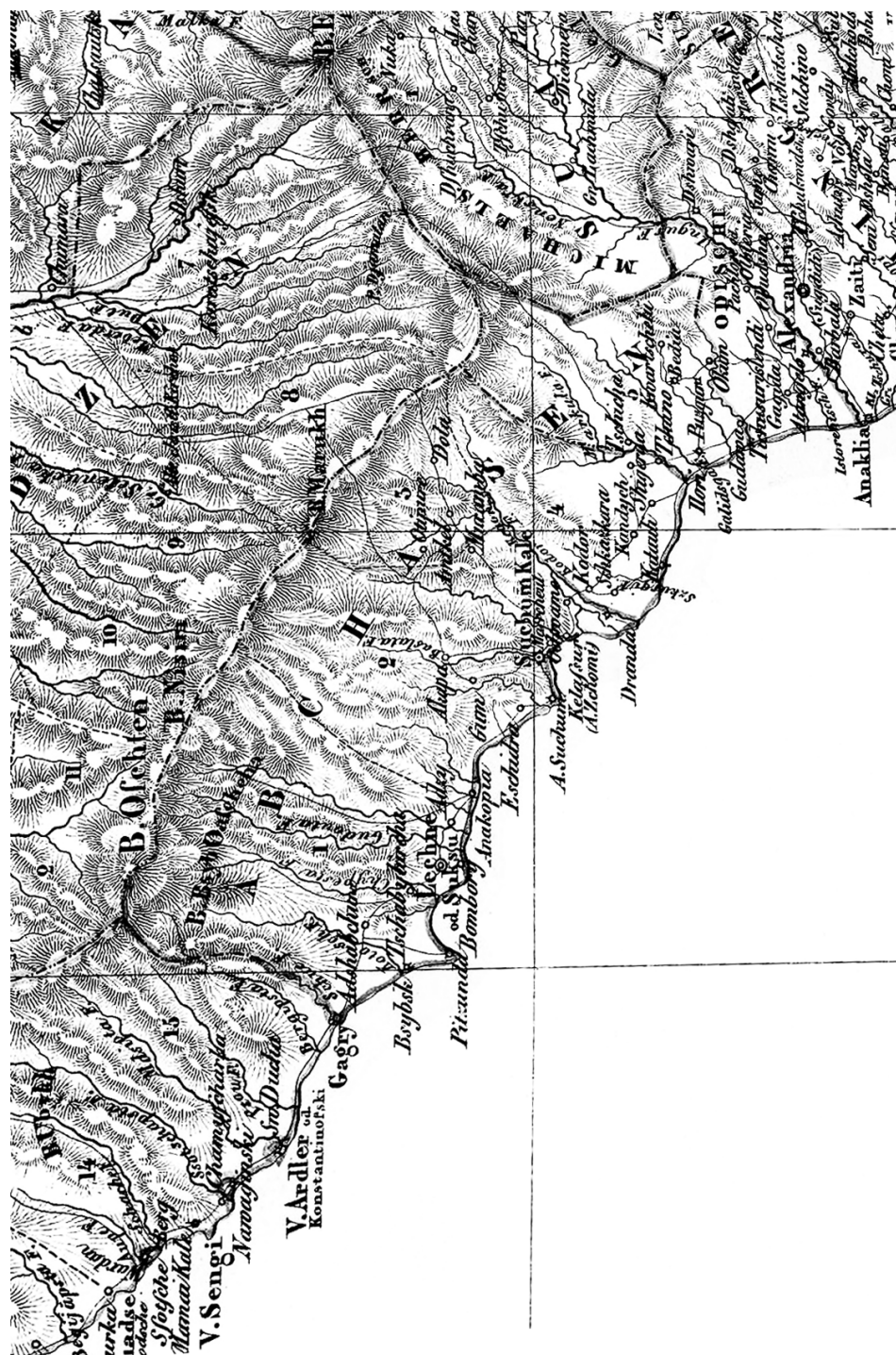

Рис. 5. Фрагмент карты Генриха Мальмана «Карте des Kaukasus, nach den neuesten Aufnahmen des Kaiserlich Russischen Generalstabes entworfen». 1846 г. На карте – «Келасур (A.Zchomi)», т. е. Келасур (Цхоми)

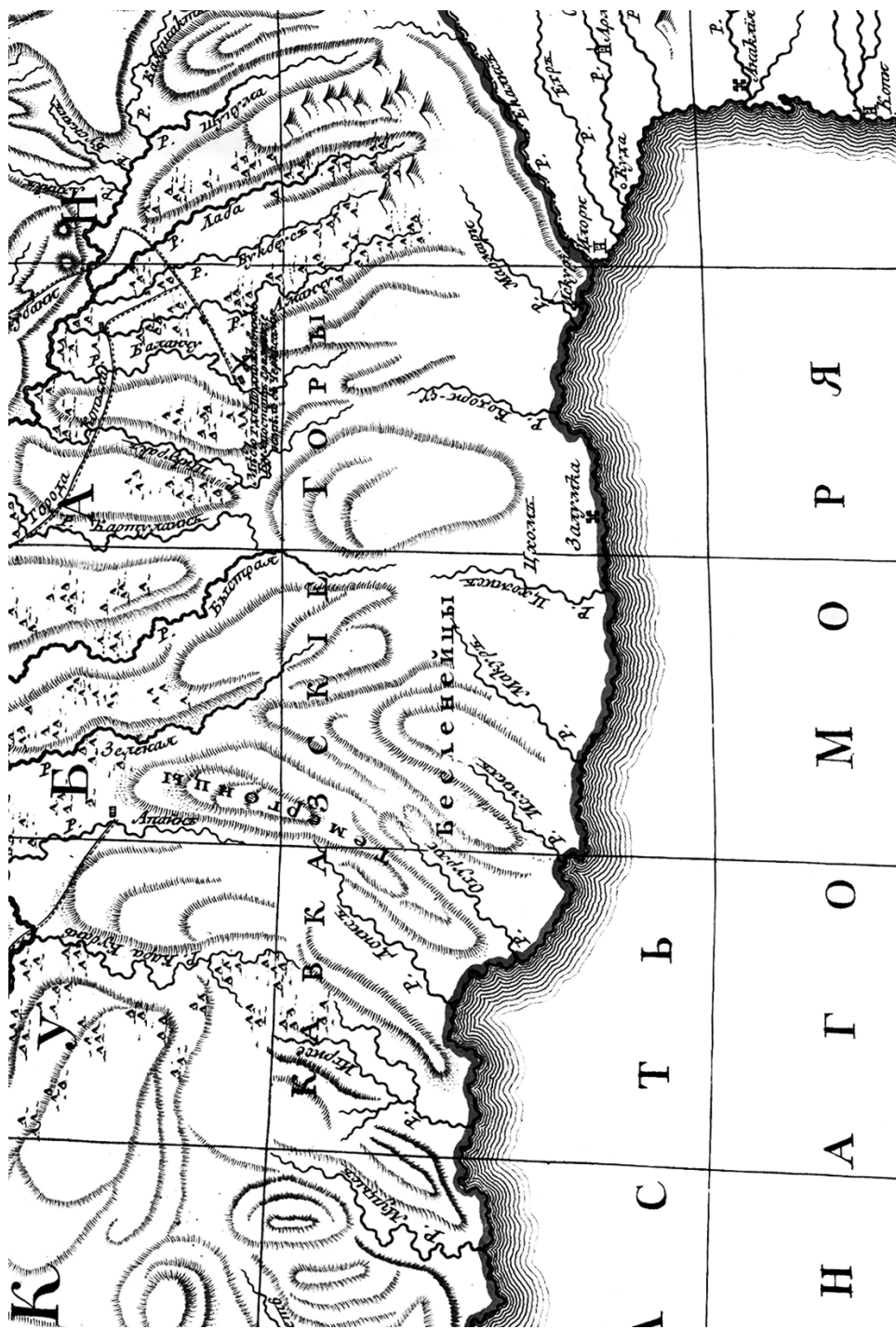

Рис. 6. Фрагмент карты Дж. Трускота. Карта представляющая Кубань. 1783 г.
 На карте – гидроним «Цхомиск» и местность «Цхомь»

Рис. 7. Фрагмент карты И.А. Стрельбицкого. Специальная Карта Европейской России. 1871 г. Над г. Сухумь-Кале – гора «Дзыхеа»

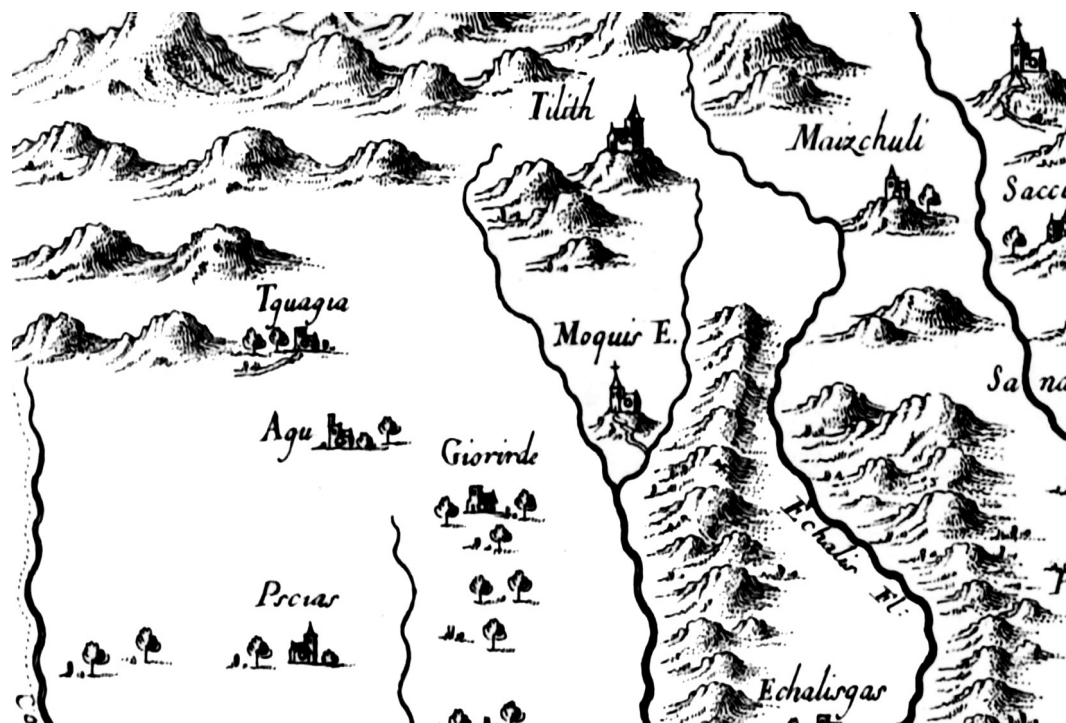

Рис. 8. Фрагмент карты Тевено Мельхиседека. «Carte de la Colchide appelée maintenant Mengrelie, et par ceux du pays, Odisci». 1660 г. Крепость «Азу» на возвышенностях Панаюского хребта

Рис. 9. Фрагмент карты «Кавказских земель с частью Великой Армении, изданная 1858 г. Семенов Броневским, к описанию Кавказа». Составлена А. Максимовичем. 1823 г. Крепость «Аку» на севере от с. Бедиа

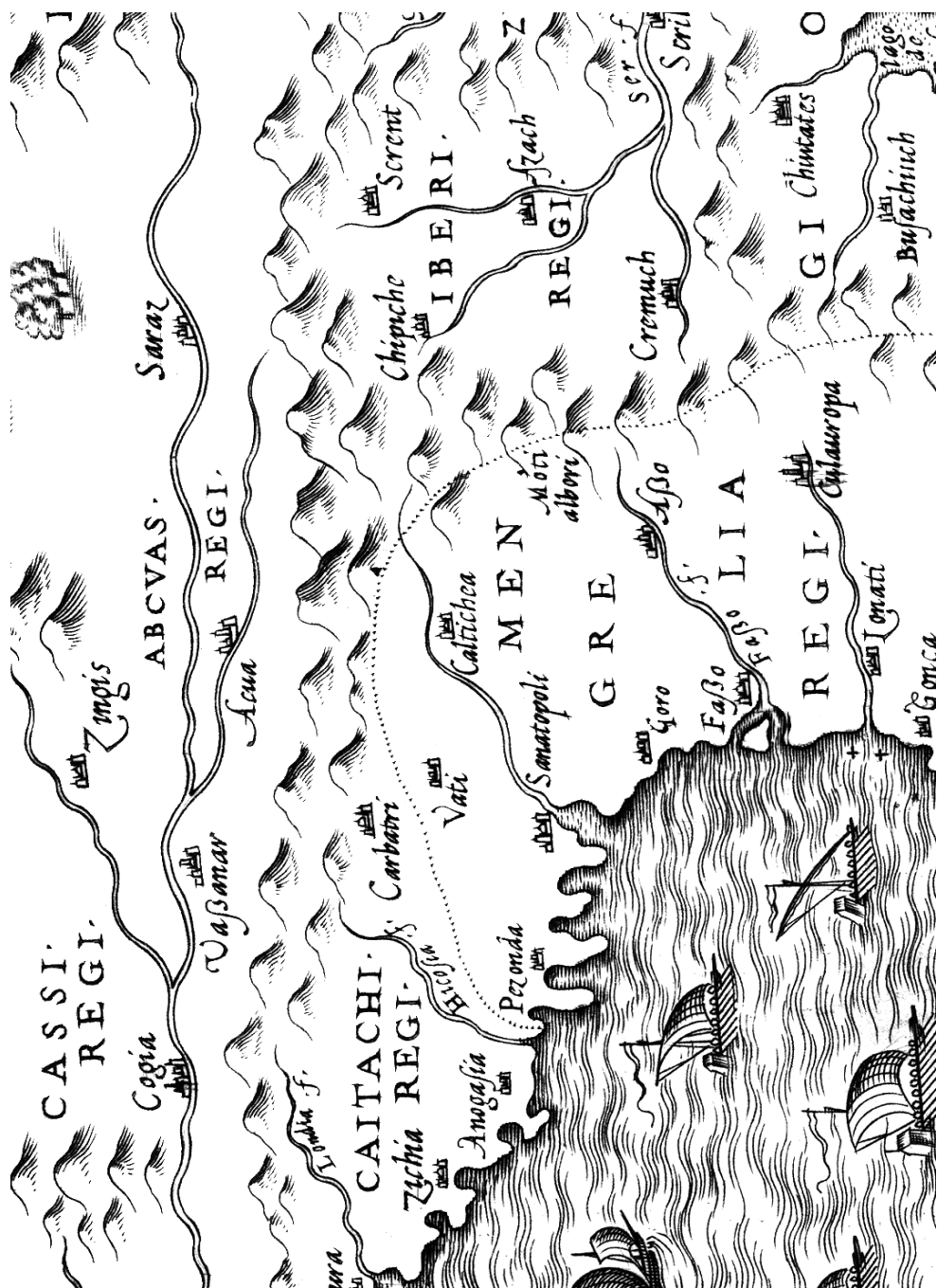

Рис. 10. Фрагмент карты Дж. Гастальди. «La descrizione della prima parte dell'Asia con i nomi antichi & moderni Di G. Gastaldi ... Restituuta da A. Lafregi». 1561 г. На карте – город Акуа смещен на Северный Кавказ

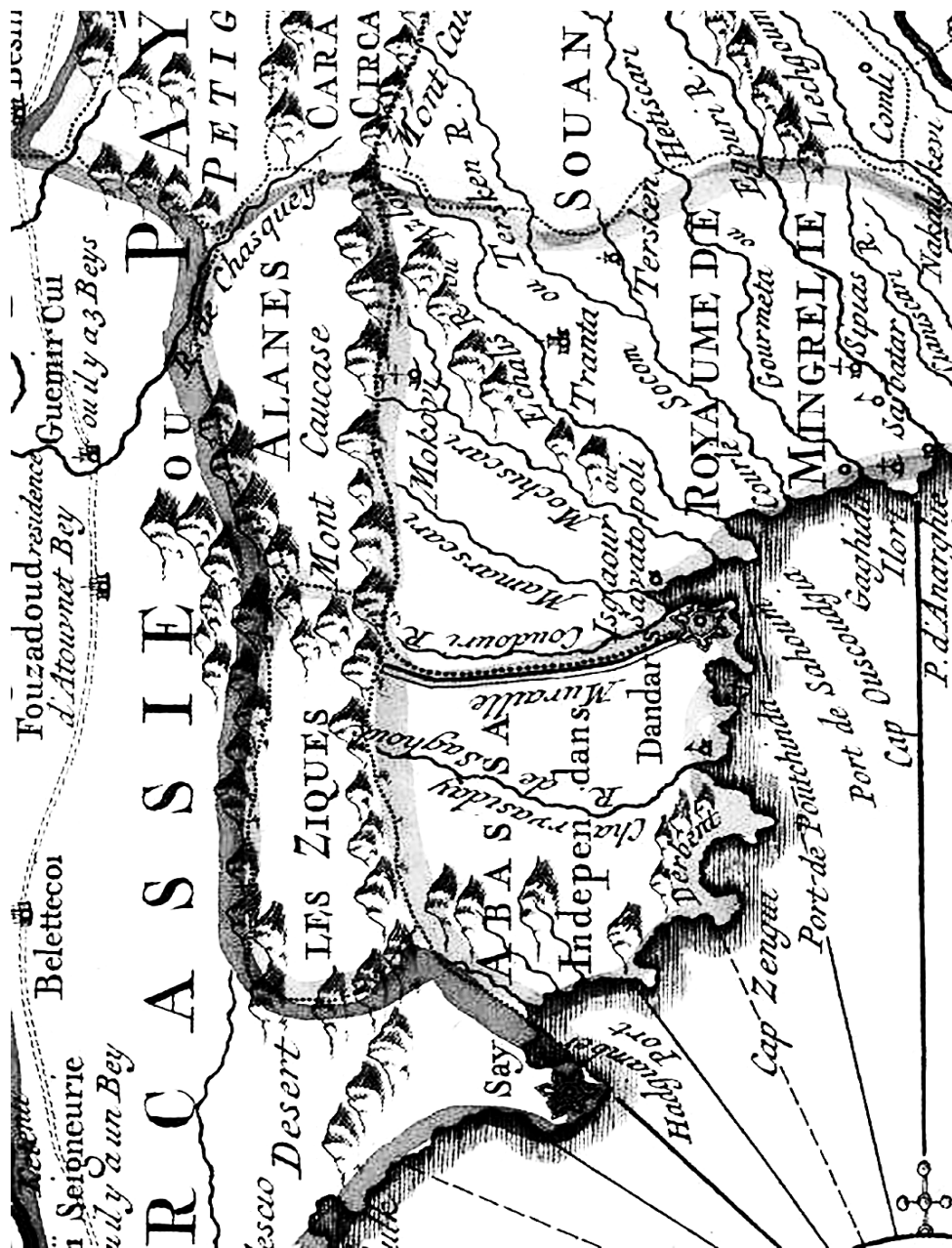

Рис. 11. Фрагмент карты Гийом Делиль. «Carte des Pays voisins de la Mer Caspiene. Atlas nouveau». 1742 г. На карте указаны «Порт Сухум» и страна «Абасса Индепенданы» – «Независимая Абазия», т.е. Абхазия

Архимандрит Дорофей (Дбар)

ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС БЖИЛЮА (БЖЬЫЛҘА-НЫХА)

В С. АНХУА:

ТОПОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ

ТОПОГРАФИЯ

Руины храмового (церковного) комплекса (абх. *БжьылҘа-ныха*)¹ расположены в центре пос. Бжилюа² (абх. *БжьылҘа ацутә/аҳабла*, в советский период — пос. *Веселовка*³) с. Анхуа (абх. *Анхәа қытә*)⁴ Гудаутского района Республики Абхазия. Комплекс находится на высоте 360 м над уровнем моря, в 10 км к северо-западу от г. Новый Афон (GPS N 43°08.278', E 040°48.481) [Кәарчиа, 2002, Ад. 227–229; Чирикба, 2022, С. 69]⁵.

Исторически территория с. Анхуа (с вышеуказанным поселком) являлась частью средневековой столицы Абхазии — Анакопии (абх. *Анкаәпйа*, греч.

¹ Храмовый комплекс Бжилюа с. Анхуа в 2022 г. был включен в дополнительный список вновь выявленных объектов историко-культурного наследия Республики Абхазия. Наименование БжьылҘа-ныха применительно к рассматриваемой постройке введено архимандритом Дорофеем (Дбар). Переводится как «церковь Бжилюа».

² Здесь и далее русскую транскрипцию географических названий Абхазии мы будем давать по «Словарю географических названий Абхазии и других стран», составленному В. Чирикба [Чирикба, 2022]. Кроме того, при обозначении места расположения храмового комплекса Бжилюа нами, помимо самого названия села — Анхуа, указывается и название поселка — Бжилюа. Это необходимо, чтобы не допустить путаницы, поскольку на территории современного с. Анхуа (в разных его частях или поселках) расположены руины четырех (известных нам на сегодня) средневековых христианских храмов.

³ В 1930 г. в Сухуме отдельным изданием вышла работа проф. С. А. Захарова «Почвенно-географический очерк Абхазии. Отчет о маршруте исследования летом 1925 г.» (ранее данная работа была опубликована в Трудах Абхазского научного общества. Т. 2. Вып. 1). В ней названный исследователь, в описании своего маршрута в с. Баклановка-Мцара и обратно, сообщает следующее: «В долине р. Баклановка (Аапста — о. *Дорофей*) с севера и севера-востока спускается ряд (семь) левобережных возвышенностей в виде узких гряд, разделенных потоками; они начинаются слабо покатыми юго-западными склонами, которые постепенно увеличивают свою крутизну, местами становятся крутыми. На востоке виден ряд возвышенностей, расположенных выше Афонских гор (речь идет о горах, возвышающихся над Новым Афоном — о. *Дорофей*), на которых помещается с. Веселая и хутор Афонского совхоза (бывшего монастыря — о. *Дорофей*). Пологий склон в верхней части маршрута является шлейфом хребта Заширбара и несет на себе следы пролювиальных процессов» [Захаров, 1930, с. 65].

⁴ Подробнее об ойкониме Анхуа (абх. *Анхәа*) см.: [Дорофей Дбар, Сангулия, 2023 (3)]. Г. Дзидзария (1914–1988) в одной из работ по поводу административного деления Абхазии (до присоединения Абхазского княжества к Российской империи) отмечал, что с понятием ақыта (село) «почти всегда совпадала община, состоявшая, как правило, из нескольких поселков — ацута (ацута) или ахабла (ахабла)» [Дзидзария. 1958. С. 17].

⁵ Рядом с руинами храмового комплекса Бжилюа расположены: с южной стороны — здание бывшего сельского магазина, с северной стороны — двухэтажный частный дом Руслана Гулария, с восточной стороны — лесопильня.

Анакоуφία / Ανακοῦπια, совр. Н. Афон). Как резонно заметил В. Пачулиа¹, крепостные сооружения, расположенные в районе пос. Бжилюа, «контролировали ущелье реки Цквара (Цукуара — о. *Дорофей*) и Мцара, преграждая противнику путь с северо-запада к городу-крепости Анакопия» [Пачулиа, 1964, С. 37].

Топонимия данной местности была зафиксирована только во второй половине XX в. Материалы, относящиеся к более раннему периоду, не дают нам необходимой информации. Так, например, в рукописном плане земельного владения Ново-Афонского монастыря, составленного новоафонским монахом (имя не установлено) в конце XIX в., обозначено только название горы Абаарук — *Абарох* [Рукописный план, 2015]. Гора расположена в пос. Бжилюа с. Анхуа. Сведения, приведенные в работах различных авторов второй половине XX в. тоже противоречивы, и это усложняет работу исследователей.

Вианор Пачулиа (1929–1988), который одним из первых обследовал интересующую нас местность (в 1962 г.), дает следующую топографическую картину: в 3 км от руин церкви в Ачануа² находится поселок *Бжилва* (*Бжьылџа аџабла*). Здесь расположена гора *Абаарук* (*Абаарықә*). На ее вершине, куда можно попасть с северо-западной стороны пос. Бжилюа, стоит разрушенная крепость *Абаарук* (*Абаарықәтәи абаа*)³. У самой подошвы горы Абаарук, на территории одного из кладбищ с. Анхуа, заметны следы какого-то сооружения, напоминающего акардама (склеп)⁴. В самом Бжилюа, в 2 км от крепости Абаарук, находятся руины мощного оборонительного сооружения, которое называют крепостью Бжилюа (*Бжьылџатәи абаа*)⁵. С нее просматриваются с. Мцара (*Мцара ақытә*) и ущелье р. *Цкуара* (*Цәкуара зтәысуа аңстә*), а на востоке возвышенность — *Михалху*⁶. Непосредственно само место расположения храмового комплекса Бжилюа автор называет — *Ахикуара* (абх. *Ахьикә́бра*) [Пачулиа, 1962, Ад. 79–80].

В последующих работах В. Пачулиа вносит ряд уточнений к вышеприведенному описанию рассматриваемой нами местности. В частности, пос. Бжилюа он называет еще и *Нижней Анухвой*. У самой подошвы горы Абаарук находится *Нижне-Анухвинское кладбище*. Месторасположение храмового комплекса в пос. Бжилюа он указывает как пос. *Веселовка*, расположенный на северной окраине с. Анхуа. При этом топоним *Ахикуара* указан как еще одно название пос. Веселовка. Кроме того, одноименные названия горы и крепости Абаарук

¹ Здесь и далее отчества абхазских и грузинских авторов опущены нами сознательно.

² До 60-х гг. XX в. местность, где расположен храм Ачануа, входила в состав с. Анхуа. Сегодня она является административной частью с. Приморское. К сожалению, нам не удалось обнаружить руины церкви в Ачануа. Описание руин храма Ачануа и проведенных в нем археологических изысканий дается в статье А. Кация «Памятники архитектуры в долине Цкуара» [Кация, 1967, С. 72–77].

³ Установить локализацию данной крепости пока не удалось.

⁴ Данный объект был повторно зафиксирован нами в декабре 2019 г.

⁵ Установить локализацию данной крепости пока не удалось.

⁶ Мы полагаем, что речь идет о возвышенности, отделяющей пос. Бжилюа от пос. Агца (центральная часть с. Анхуа), где проходит самая короткая проселочная дорога, соединяющая указанные населенные пункты. В Кварчия в работе «Топонимика Абхазии» название данной возвышенности на абхазском языке указывает как Мхалххэ || Лымхххэ || [Кварчия, 2002. Ад. 227–229].

В. Пачулиа пишет уже с одной буквой *a* — *Абарук* [Пачулиа, 1964, С. 36–37; Пачулиа, 1973, С. 59–60].

Относительно последней поправки заметим, что название горы Абаарук в рукописном плане земельного владения Ново-Афонского монастыря, составленного в конце XIX в., обозначено также с одной буквой *a* — *Абарох* (см. выше). Если топография В. Пачулиа верна, *Ахикуара*, судя по всему, — это не название поселка, а название конкретного места в пос. Бжилюа. Что касается таких географических названий, как *Нижняя* и *Верхняя Анухва* (*Анхуа*), то в советское время их использовали в разных значениях. В работах самого В. Пачулиа *Нижней Анухвой* названа территория поселков Бжилюа (Веселовка) и Акаламра/Галамут, расположенная у подошвы горы Абаарук с северной, западной и отчасти южной сторон. Под *Верхней Анухвой* подразумевается территория поселков Агца́ (абх. *Агцá*), Адзх́апш (абх. *Азх́апш*, в советский период — *Анухва Армянская*)¹, Аба́ахуда (абх. *Аба́ахуда*; *Сушка*), Аку́ача (абх. *Ақа́ча*), расположенных в центральной и восточной частях с. Анхуа.

Если смотреть на Анхуа с верхней башни Анакопийской крепости, очевидно, что предгорья, на которых расположены поселки Абаахуда, Адзх́апш, Агца́ и Акуача, действительно явно возвышаются над местом расположения пос. Бжилюа.

Названия *Нижняя* и *Верхняя Анухва* (*Анхуа*) использовались в советский период и в другом значении. *Нижняя* — применительно к пос. Агца́ с. Анхуа, а *Верхняя* — в отношении поселков Абаахуда (*Сушка*) и Акуача с. Анхуа, хотя письменных подтверждений тому у нас нет. Судя по всему, это было обусловлено особенностями рельефа рассматриваемой местности. Поселки Абаахуда и Акуача расположены по левой стороне каньона р. *Мсы́ра* (или *Мысра́*)², на предгорье, тянущимся за Анакопийской горой к северо-востоку и примыкающим к горе Аку́й/Акую́й (абх. *Ақа́й/Ақа́о́й*). Плато, на котором расположились поселки Абаахуда (*Сушка*) и Акуача, действительно возвышается над местом расположения пос. Агца́ (центр с. Анхуа). Последний раскинулся в низовье по правой стороне каньона р. Мсы́ра (или Мысра), на предгорье, тянущемся к северо-востоку от горы Аныхамца (расположен рядом с Анакопийской горой). Что же касается пос. Бжилюа, то он расположен за холмом (возвышенность), отделяющим названный поселок от поселков Агца́ и Акуача.

Здесь же отметим, что В. Кварчия в работе «Топонимика Абхазии» говорит о десяти поселках, которые входили в состав с. Анхуа: 1) *Аба́ахуда* || *Қа́чуқә*

¹ В. Кварчия в работе «Топонимика Абхазии» сообщает, что поселок получил низовье название *Азх́апш* (*Адзх́апш*) из-за отсутствия в нем воды [Кварчия, 2002, Ад. 227, прим. 1]. В работах В. Пачулиа данный топоним указан как *Зх́апшь* (*Дзх́апш*), и локализован названным автором недалеко от руин церкви Ачануа, на левом берегу р. Цукуара (Цэкэара) [Пачулиа, 1962, ад. 79; Пачулиа, 1964, С. 36]. В нескольких работах Ю. Н. Воронова мы встречаем еще один топоним — *поселок Чобанлук* [Воронов, 1969, С. 25–26; Воронов, 1972, С. 471; Воронов, 1980, С. 79]. По описаниям, которые дает последний автор, пос. Чобанлук локализуется на месте пос. Адзх́апш [Воронов, 1980, С. 79]. В. Кварчия указывает, что название «Чубан лук» позднее наименование пос. Адзх́апш, которое он административно относит к с. Арсаул (Приморское) [Кварчия, 2002, Ад. 230]. При этом, этот же автор упоминает пос. Адзх́апш и как административную часть с. Анхуа [Кварчия, 2002, Ад. 227].

² Подробнее о гидрониме *Мсы́ра* (или *Мысра́*) см.: [Дорофей Дбар, Сангулия, 2023 (3)].

Стампу́л (Сушка); 2) *Агџа́* (центральная часть с. Анхуа); 3) *Азхџи* (Анхуа-Армянская); 4) *Акалџра* || *Галаму́т* (по дороге в с. Приморское); 5) *Ақаџча*; 6) *Ақџџи/Ақџџы*; 7) *Ау́зха* (склон горы перед перевалом в Гума); 8) *Ацџматџара*; 9) *Бџы́лџа* (Веселовка); 10) *Лаи́тсард* (к. 5) [Кџарџиа, 2002, Ад. 227–229].

Являются ли все вышеуказанные топонимы названиями исключительно поселков, сказать сложно. Поскольку нет никаких письменных фиксаций, по крайней мере, нам они не известны. Скорее всего, какая-то часть вышеприведенных топонимов — это названия тех или иных местностей, входивших в состав поселков.

В фондах Абхазского государственного музея хранится рисунок с условно-схематичной картой Нового Афона и его окрестностей, на котором обозначены и различные памятники культуры с. Анхуа, а также топонимия местности. На этом документе подробнее мы остановимся ниже. Здесь же отметим, что в нем указан топоним *Бџы́лџа*, который как раз локализован на месте современного пос. Бжилюа (Веселовка), а также географическое определение *Верхняя Анухва*, охватывающее территорию центральной и восточной частей с. Анхуа.

Ю. Н. Воронов (1941–1995) в работе «В мире архитектурных памятников Абхазии» (М., 1978) дает следующую топографию интересующей нас местности: «Севернее и западнее Нового Афона, за Иверской (Анакопийской — *о. Дорофей*) горой, тянутся живописные предгорья, на которых раскинулись уголья старинного абхазского селения Анухва (Анхуа — *о. Дорофей*). На северной его окраине вблизи полузаброшенного монастырского подворья (скит св. Иоанна Крестителя — *о. Дорофей*) в скале из красного известняка на высоте около 30 метров чернеет отверстие грота, известного под именем «Агца» (абх. — «обрыв») <...>. Западнее, на вершинах холмов у поселков Средняя Анухва, Бжилва и Веселовка, расположились циклопические постройки-крепости <...>. Немного южнее, у проселочной дороги, ведущей из Средней Анухвы в Нижнюю, исследованы две небольшие раннесредневековые церкви (речь идет о храмах в Ачануа и Мсыгхуа — *о. Дорофей*). Особенно интересен крестово-купольный Мсыгхвский храм <...>» [Воронов, 1978, с. 61].

В данном сообщении, во-первых, мы встречаем еще одно географическое название — *Средняя Анухва (Анхуа)*. Под ним автор подразумевает территорию пос. Адзхапш (*Анухва Армянская*). Поселок расположен на предгорье, которое тянется к северо-востоку от горы Аныхамца (расположена слева от Анакопийской горы, если смотреть со стороны моря). При таком подходе место расположения поселков Абаахуда (Сушка), Акуача, Аудзха и Акуи/Акуюы, т. е. восточное предгорье, — это Верхняя Анхуа. Поселки Адзхапш (Анхуа-Армянская) и Агца (центральная часть с. Анхуа), т. е. центральное предгорье, — это Средняя Анхуа. И, наконец, поселки Акаламра/Галамут и Бжилюа (Веселовка), т. е. западное предгорье, — это Нижняя Анхуа.

Во-вторых, вышеприведенное описание дает понять, что автор следовал из *Средней Анухвы (Адзхапш/Анхуа-Армянская)* в *Нижнюю (Бжилюа/Веселовка)*. Если следовать по этому маршруту, то с южной стороны действительно были расположены руины церквей в Ачануа и Мсыгхуа/Мсыгуа (абх. *Мсыгхџа/Мсы-*

гаха) [Кация, 1967, С. 65–77]. Однако непонятно почему Ю. Н. Воронов *Бжилва* и *Веселовку* указывает как два разных поселка. Возможно, что часть территории пос. Бжилюа, которая расположена с западной стороны, могла быть определена им как *поселок Бжилва*, а часть, расположенная с северной стороны, по направлению к центру с. Анхуа (район скита св. Иоанна Крестителя), — как *поселок Веселовка*.

К храмовому комплексу Бжилюа ведут несколько проселочных дорог. Первая — по правой стороне каньона р. Мсыра (или Мысра), проходит через пос. Адзхаш (Анхуа-Армянская). Она и является основной. Расстояние от Нового Афона (от поворота в Анхуа) до храмового комплекса Бжилюа по этой дороге составляет 10 км (около часа езды на внедорожнике). В пос. Адзхаш функционирует домовая церковь в честь иконы Анакопийской Богоматери. Она была открыта в 2011 г. От этой церкви до храмового комплекса в Бжилюа — 6 км.

Вторая дорога, построенная монахами Ново-Афонского монастыря в начале XX в., идет по левой стороне каньона р. Мсыра (или Мысра) через центр с. Анхуа. Данный маршрут сначала проходит от Н. Афона до центра с. Анхуа (пос. Агца), далее по бетонированной дороге до места проживания нескольких семей фамилии (рода) Харабуа. Затем по проселочной дороге через пос. Адзхаш до развилки, причем дорога направо ведет в пос. Бжилюа, а налево — в пос. Акаламра/Галамут и далее в с. Приморское. Путь от скита св. Иоанна Крестителя до этой развилки составляет 5,8 км. От Нового Афона до храмового комплекса Бжилюа по этой дороге — 16 км (более полутора часа езды на внедорожнике). Расстояние от скита св. Иоанна Крестителя, расположенного в самом центре Анхуа, до церковного комплекса Бжилюа по второй дороге составляет 9,4 км (около часа езды на внедорожнике). От руин храма св. Георгия в пос. Агца с. Анхуа¹ до храмового комплекса в пос. Бжилюа — 8 км.

Третья проселочная дорога (сложной проходимости, проехать по ней можно только в хорошую погоду) к храмовому комплексу Бжилюа пролегает через холм в центре с. Анхуа. Она имеет два направления. Первое — через дорогу, ведущую к руинам храма св. Георгия в пос. Агца. Расстояние от скита св. Иоанна Крестителя до храмового комплекса Бжилюа по этой дороге составляет 3,3 км (около 15 минут езды на внедорожнике). Данное направление лучше подходит для пешеходного маршрута. Второе направление — через центр с. Анхуа. Оно лучше для проезда на автотранспорте. Расстояние от скита св. Иоанна Крестителя до храмового комплекса Бжилюа по второму направлению составляет 4,2 км (около 25 минут езды на внедорожнике). По этому же маршруту расположена отвесная скала (*аѣкьара*), на которой находится известный археологический объект — грот Агца (абх. *аѣцѣаара Агѣа*). Расстояние от грота Агца до храмового комплекса Бжилюа составляет 2,5 км.

К храмовому комплексу Бжилюа с. Анхуа можно попасть и через соседние села, в частности, через села Аацы (абх. *Аацы*) и Мцара (абх. *Мѣара*), а также через с. Приморское (абх. *Цѣкѣара*). Расстояние от поворота в с. Аацы на республиканской трассе (через с. Мцара) до храмового комплекса Бжилюа составляет ровно 15 км (около 45 минут езды). Первые 11 км дорога с твер-

¹ Об истории и археологии этого храма см.: [Дорофей Дбар, Сангулия, 2023 (3)].

дым асфальтобетонным покрытием, затем 4 км по грунтовой проселочной дороге. В этом же направлении в 9 км от храмового комплекса Бжилюа находится церковь в центре с. Аацы. От центра с. Мцара до храмового комплекса Бжилюа 5 км.

Маршрут через с. Приморское начинается с поворота у поста ГАИ на республиканской трассе. У развилки, ведущей к целебным термальным источникам, берет начало проселочная дорога, идущая с правой стороны от известнякового карьера и бывшего военного склада. На территории, которую занимает тот самый военный склад, в древности располагался уже упомянутый нами крестово-купольный храм Мсыгхуа/Мсыгуха. По этой дороге — через заброшенный комплекс животноводческой фермы — въезд в пос. Акаламра/Галамут с. Анхуа. Далее попадаем на развилку двух дорог, одна из которых (с левой стороны) ведет в пос. Бжилюа, вторая (с правой стороны) — в пос. Адзахаш (Анхуа-Армянская). Расстояние от поворота в с. Приморское на республиканской трассе до этой развилки составляет 5,8 км (около 40 минут езды). Недалеко от этой развилки (на расстоянии около 1 км) в сторону с. Приморское находится источник воды. Накопитель воды этого источника выложен из известняковых камней, взятых из руин одного из культурно-исторических памятников с. Анхуа, возможно, и церкви¹. Рядом с источником живет многодетная семья Валеры Тванба. Расстояние от поворота в с. Приморское на республиканской трассе до храмового комплекса Бжилюа составляет 9,4 км (около часа езды). Эта проселочная дорога — одна из сложнейших для преодоления (даже на внедорожнике).

Наше пристальное внимание к маршрутам, ведущим к пос. Бжилюа с. Анхуа, обусловлено необходимостью, чтобы пути доступа к древней столице Абхазии — Анакопии были хорошо представлены. От этого зависит не только понимание событий, связанных с историей Анакопии (например, военных походов против нашей страны), но и логика строительства оборонительных, церковных и иных сооружений вокруг древней столицы Абхазии.

НАСЕЛЕНИЕ

По словам долгожителя и сказателя из с. Анхуа Кансоу Таркил (абх. *Кансоу Таркьыл*), местность Бжилюа была густо населена абхазами. До середины 60-х гг. XIX в. здесь проживали абхазы из рода (фамилии) Смыр, Трапш, Мканба, Таркил, Аргун, Харабуа (абх. *Смыраа, Трапшыаа, Мқанаа, Таркылаа, Аргэнаа, Харабуаа*) и др. Все они потом были насильственно увезены на территорию Османской Турции. В конце XIX в. эти плодородные места постепенно начали заселяться переселенцами-армянами [Пачалиа, 1962, Ад. 79–80; Пачулиа, 1973, С. 59].

Насколько достоверна информация о проживании представителей вышеперечисленных абхазских родов (за исключением Мканба) на территории Анхуа до 60-х гг. XIX в., сказать трудно. К сожалению, мы пока не располагаем

¹ По сообщению В. Пачулиа, облицовочные камни из руин церкви в Ачануа были, к сожалению, разобраны и употреблены на строительство водохранилища в Нижней Анхуа [Пачалиа, 1962, Ад. 79; Пачулиа, 1964, С. 35–36; Пачулиа, 1973, С. 57].

документально зафиксированными данными, представители каких именно абхазских родов и фамилий проживали в исторических границах с. Анхуа.

Во время депортации и вынужденной эмиграции абхазов на территорию Османской империи, имевших место в ходе продолжительной Русско-Кавказской войны в XIX в., Анхуа было одним из тех абхазских сел, население которого было выселено в Турцию полностью. Современный исследователь демографических процессов в Абхазии Нури Багапш в статье «Демографическая колонизация Гудаутского участка Сухумского округа (1878–1918 гг.)» со ссылкой на «Кавказский календарь» за 1878 г. сообщает, что «в Гудаутском участке, полностью или практически полностью обезлюдевшими к 1878 г., оказались сельские общины Анхуа, Гагрыпш, Куланьрхуа, Арюта, Дурипш, Аацы и Ачандара» [Багапш, 2021, С. 119–120]. Согласно статистическим данным, приводимым тем же автором, население Анхуа до 1877 г. составляло 1817 человек. Число исповадавших ислам — 99,2 %. В 1877 г. было депортировано 100 % все население [Багапш, 2021, С. 121].

Демографическая картина сельской общины Анхуа с 1868 по 1926 гг., согласно Н. Багапш, выглядела следующим образом: «По данным на 1868 г., за девять лет до депортации коренного населения в с. Анхуа проживали 1563 абхаза, из которых 1550 (99,2 %) были мусульманами, 13 (0,8 %) — православными христианами <...>. Согласно данным переписи 1886 г., здесь проживали исключительно армяне — 316 человек. В дальнейшем Анхуа становится полиэтничным селом благодаря расселению в нем абхазов, сумевших возвратиться из Турции. В начале XX в. здесь оседают также греки, а позже — русские. Полиэтничность села, однако, сопровождалась выраженной чересполосицей гомогенных этнических ареалов, что позволит в 1925 г. выделить два отдельных сельсовета — Анухва-Абхазская (с включением греческого населения) (речь идет о поселках Агца, Акуача, Аудзха, Акуи/Акуюи и Лашпсард. — *о. Дорофей*) и Анухва-Армянская (это о поселках Адзхапш, Акаламра/Галамут и Бжилюа. — *о. Дорофей*) — в соответствии с получившей распространение в раннесоветскую эпоху практикой использования этнического критерия при проведении границ низовых административно-территориальных единиц. По данным переписи 1926 г., совокупная численность населения двух сельсоветов, на которые было разделено с. Анхуа, составляла 2275 человек, в том числе 400 (17,6%) с родным языком абхазским, 1453 (63,9%) — с армянским, 286 (12,6%) — с греческим, 89 (3,9%) — с русским, 19 (0,8%) — с мингрельским, 13 (0,6%) — с грузинским, 12 (0,5%) — с турецко-османским, 1 (0,1%) — с украинским и 2 (0,1%) — с прочими языками» [Багапш, 2021, С. 125–126]¹.

¹ В фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии хранятся «Государственные акты на вечное пользование землей колхозами» с. Анухва и Анухва-Армянская Гудаутского района Абхазской АССР. Всего три акта, сшитых, скрепленных печатью, собранных в единый твердый переплет с заголовком «Государственные акты на вечное пользование землей колхозами» на грузинском и абхазском (латинским письмом) языках. Документы хранились в семейном архиве Рауля Харабуа. Из первых двух актов, выданных 1 февраля 1974 г. (№№ 588614, 588667), следует, что к указанному времени территория с. Анхуа была поделена между двумя колхозами: сельскохозяйственной артелью им. Чавчавадзе с. Анухва Гудаутского района Абхазской АССР (1104.39 гектаров) и сельскохозяйственной

По сообщению архимандрита Леонида (Кавелина), посетившего Ново-Афонский монастырь летом 1884 г., от первой угловой башни Анакопийской крепости «разделенная дорога ведет к северу в глубь горной части монастырских владений, разделяясь на две ветви, из которых одна идет по течению упомянутого потока (р. Мсыра или Мысра — *о. Дорофей*) к северо-восточному углу монастырского участка, к тому месту, где предполагается устроить уединенный скит (речь идет о ските св. Иоанна Крестителя — *о. Дорофей*) <...>. Другая ветвь ведет через опустевшее в последнюю войну (имеется в виду Русско-турецкая война 1876–1877 гг. — *о. Дорофей*) абхазское селение Ануха (автор имеет в виду дорогу в сторону пос. Акуача. — *о. Дорофей*) с сохранившимися фруктовыми садами, мимо монастырской пасеки и живописного холма, на вершине которого, среди дикой растительности, виднеются развалины древнего храма (церкви Акуача — *о. Дорофей*). Эта дорога приводит к стоящему между горами в юго-восточном углу горной части монастырских владений монастырскому хутору (пос. Акуи/Акуюны — *о. Дорофей*)» [Леонид Кавелин, 1885, С. 52–53; И. Н., 1899, С. 117–118].

Согласно материалам первой половины XIX в., т. е. до вынужденного массового переселения абхазов, единственная фамилия (род), проживание которой на территории Анхуа зафиксировано письменно — это *Мкánба* (абх. *Мқánба*). Они были дворянами и управляли названным селом¹. Самое раннее сообщение об этом дает нам русский офицер-разведчик барон Ф. Торнау (1810–1890). Он описывает в мемуарах свое прибытие по горным тропам из Сухума в Анхуа (очевидно, через Гума) и пребывание в доме Соломона Мканба. Событие происходит в 1835 г. Поскольку данное описание очень важно для понимания уклада жизни населения с. Анхуа в первой половине XIX в., и к тому же оно единственно известное на сегодня, мы приведем его целиком ниже.

«В Анхуву (*Анхуа — о. Дорофей*), — сообщает Ф. Торнау, — лежавшую в горах против Анакопии, верст пятнадцать (16 км — *о. Дорофей*) от морского берега, мы приехали поздно ночью. Микамбай (Миканбей, Мканба — *о. Дорофей*) ожи-

артелью им. Октябрьской революции с. Анухва Гудаутского района Абхазской АССР (1706.39 гектаров) [Государственные акты, 2022]. В первом случае речь идет о территории Верхней Анхуа или Анхуа-Абхазская, во втором — о территории Нижней Анхуа или Анхуа-Армянская. В третьем акте, выданном 15 декабря 1936 г. (№ 301344), речь идет о сельскохозяйственной артели села Анухва-Армянская Гудаутского района Абхазской АССР, в ведении которой находилось 249.26 гектаров земли [Государственные акты, 2022]. Во всех трех документах приведены чертежи с планами и описанием границ вышеуказанных сельскохозяйственных артелей с. Анхуа, правда, без указания какой-либо топонимии [Государственные акты, 2022].

¹ Г. Дзидзария в одной из работ, говоря об административном делении Абхазии до присоединения Абхазского княжества к Российской империи, отмечал, что во главе *ақыта* (села-общины) «стоял ахылапшо (ахылапшо — *о. Дорофей*) “патрон”, “покровитель” (по толкованию Сухумской сословно-поземельной комиссии), который данное село в целом рассматривал как свое наследственное владение. В тех случаях, когда речь шла об общепризнанных “частных” или “родовых” имениях, например, “удельных” князей и других крупных феодалов, их возглавляли просто управляющие, которые с течением времени приобретали права обыкновенных ахылапшо» [Дзидзария, 1958, С. 18]. В «Объяснительной записке» управляющего имениями Г. Чачба-Шервашидзе губернского секретаря А. В. Пахомова в Сухумскую сословно-поземельную комиссию (1868) сообщается, что «аамиста (дворяне — *о. Дорофей*) Мканба» были управляющими с. Анхуа от имени владетельного князя [Материалы, 2012, С. 512–513].

дал нас каждый час, и наши постели были уже приготовлены в *кунахской*, как называют дом, назначенный для гостей. Абхазцы, равно как и черкесы, живут обыкновенно в хижинах, крытых соломой или камышом, которых плетневые стены плотно замазаны глиной, перемешанную с рубленой соломой. В каждой хижине по одной комнате, получающей свет через двери, растворенные настежь летом и зимою. Около стены, возле дверей, сделано полукруглое или четырехугольное углубление в земле для огня, над которым привешена высокая труба из плетня же, обмазанного глиною. По другую сторону очага, в почетном углу, находится небольшое окно без стекла, плотно запираемое ставнею и служащее более для наблюдения за тем, что происходит на дворе, чем для освещения внутренности хижины. У горцев каждый имеет свою особую хижину: хозяин, его жены, взрослые дети; но посторонний человек никогда не проникнет в эти помещения, посвященные исключительно семейной жизни. Для гостей определена *кунахская*, совершенно пустая комната, убранная только по стенам рядом деревянных гвоздей для развешивания оружия и конской сбруи. Сидят и спят в ней на земле, на камышовых циновках, на коврах, подушках и тюфяках, составляющих у гостеприимного черкеса (и абхаза – *о. Дорофей*) самую значительную и самую роскошную часть его домашних принадлежностей. В *кунахской* всегда есть, кроме того, медный кувшин с тазом для умывания и намазлык, шкурка от дикой козы или небольшой коврик для совершения молитвы. Кушанье подают на низких круглых столиках. Весьма немногие знатные и богатые горцы строят рубленые деревянные дома. Микамбай (Мканба – *о. Дорофей*) имел такой дом, и по этой причине слыл очень богатым человеком. Дом этот, занятый его семейством, был в два этажа, с окнами, затянутыми пузырем, между которыми кое-где проглядывало небольшое стеклышко, добытое от русских. Кроме того, Микамбай (Мканба – *о. Дорофей*) пользовался уважением народа еще по другой причине: его меховая шапка была постоянно обвита белой кисейною чалмой, доставлявшую ему вид и титул хаджия (совершителя паломничества в Мекку. – *о. Дорофей*), хотя он никогда не бывал в Мекке <...>.

Весь следующий день хаджи Соломон (Мканба – *о. Дорофей*) посвятил на обсуждение вопросов, касавшихся до нашего путешествия. Горцы не начинают никакого дела, не собрав для совета всех в нем участвующих. Переговоры бывают в этих случаях очень продолжительны, так как старики, излагающие обыкновенно содержание дела, любят говорить много и медленно и, в свою очередь, также терпеливо и внимательно выслушивают чужие речи. По черкесским (и абхазским – *о. Дорофей*) понятиям, опрометчивость и нетерпеливость простительны только детям и женщинам, а мужчина должен обдумывать и обсуждать каждое предприятие зрелым образом, и если есть у него товарищи, то подчинять их своему мнению не силою, но словом и убеждением, так как каждый имеет свою свободную волю. Мне нельзя было уклониться от этого обыкновения, и я провел весь день в переговорах и рассуждениях, выслушивая поочередно мнение всех моих будущих путевых товарищей, знавших, что я русский и еду за горы для свидания с князьями Лов. Всего нас готовилось в дорогу семь человек, трое верхом: Микамбай (Соломон Мканба – *о.*

Дорофей), я и Муты Шакрилов (Шакрыл – *о. Дорофей*) и четверо пеших: Хатхуа, двое слуг Соломоновых (т. е. двое крестьян Соломона Мканба – *о. Дорофей*), да Багры, абазин из Псоу или Псхё (Псху – *о. Дорофей*), для того чтобы он служил проводником при проезде через места, принадлежащие этому обществу <...>.

Совет, на которой мы были созданы, начался торжественной присягой хранить все дело в совершенной тайне, не обманывать и не выдавать друг друга ни в каком случае, даже если бы это стоило жизни. Шакрилов (Шакрыл – *о. Дорофей*) и я клялись крестом, абхазцы – Кораном, а Багры – могилой отца и матери <...>.

По окончании путешествия, если проводники исполнят добросовестно свое дело, я обязался заплатить: хаджи Соломону (Мканба – *о. Дорофей*) – триста целковых, Хатхуа – пятьдесят, двум крестьянам Микамбай (Мканба – *о. Дорофей*) – по двадцати пяти; Багры выпросил у меня оседланную лошадь и двух коров с телятами; Шакрилов (Шакрыл – *о. Дорофей*) желал офицерского чина. Владелец (Абхазии – *о. Дорофей*), сделавший кроме того подарка Микамбаю (Соломону Мканба – *о. Дорофей*), вперед поручился за меня в точном исполнении всего, что стану обещать: следственно, сомнений тут не могло существовать, и совет заключился решением выехать на другой день перед рассветом. Шакрилов (Шакрыл – *о. Дорофей*) занялся чисткой нашего оружия и приведением в исправность конской сбруи, я лежал на ковре в самом темном и прохладном углу кунахской и от нечего делать курил и думал, довольный тем, что нас оставили одних.

В абхазских селениях дома раскиданы на большом пространстве небольшими группами, означаящими число отдельных семейств. Жители сходятся довольно редко и только издали наблюдают одни за другими, стараясь, из чувства приличия, победить свое любопытство и недоверчивость, побуждающие их мешаться в дела соседей. Хаджи Соломон (Мканба – *о. Дорофей*) не мог скрыть ни от кого, что у него гостит чужой человек, но почтение, которое он внушал крестьянам Анухвы (Анхуа – *о. Дорофей*), оберегало нас от нескромности и любопытных, и никто из них не решился допытываться, кого именно хаджи принял под своею кровлей. Перед самым вечером наше спокойствие было нарушено неожиданным конским топотом возле кунахской. Люди засуетились, Микамбай (Соломон Мканба – *о. Дорофей*) вышел на встречу гостям и через несколько времени вернулся с тремя чужими горцами. На лице его была заметна скрытая досада: гости приехали, видимо, некстати; но ничего не оставалось, как принять их, а наше путешествие отложить до их отъезда. Приезжих расположили довольно далеко от нас, на другом конце кунахской, которая, к нашему счастью, была очень велика и темна. Микамбай (Мканба – *о. Дорофей*), как водится, сам снял с них оружие и вместо того чтобы повесить его в кунахской, приказал отнести к себе в дом. Это могло иметь, по черкесским (абхазским – *о. Дорофей*) обычаям, двоякое значение: или что хозяин берет на себя, из дружбы, всю ответственность за безопасность гостей под его кровлею, или что не знал их, не очень им доверяет <...>. Приезжие были из Псхё (Псху – *о. Дорофей*). После ужина мы легли спать на тех же местах, где прежде сидели, и провели ночь, как и весь другой день, возле гостей из Псхё

(Псху – о. *Дорофей*) с видом невозмутимого равнодушия, будто не замечали друг друга и нисколько не заботились о соседях, которых нам Бог послал. Между тем, я уверен, они пересчитали все пряжки на наших ремнях и знали, сколько у нас патронов на груди; да и мы, со своей стороны, старались по их одежде, вооружению и приемам заключить, чего можно было от них надеяться и чего должно было опасаться. Перед вечером они отправились к морю, объявив, что едут повидаться с родственниками в Абживском (Абжуйском – о. *Дорофей*) округе. Могло быть, что они действительно имели в Абживе (Абжуйе – о. *Дорофей*) родню или, может быть, ехали туда с весьма обыкновенными намерениями перехватить на дороге, что ловко попадет под руку <...>. Интересно нас только узнать, расходятся ли наши дороги, действительно ли они едут к морю, когда нам самим надо ехать в горы, и можем ли мы быть уверены, что не столкнемся с ними в Псхё (Псху – о. *Дорофей*). Долго мы глядели им вслед и с удовольствием видели, как они удалялись от нас на запад.

Было еще совершенно темно, когда хаджи Соломон (Мканба – о. *Дорофей*) поднял нас на ноги, уговаривая скорее сесть на лошадей, чтобы выехать из Анухвы (Анхуа – о. *Дорофей*) до рассвета» [Торнау, 1999, С. 130–136].

Д. Чачхалиа в работе, посвященной средневековой церкви в пос. Акуача с. Анхуа (или *Куач-ныха*, по версии названного автора), отмечает, что название этого храма происходит от названия поселка и его прежних владельцев – абхазского рода *Аку́ача* (Варианты – *Куач*, *Куачраа*. Ответвление фамилии Адзинба. – Прим. Д. Чачхалиа).

«Носители патронимической фамилии Акуача, – продолжает названный автор, – известны, особенно, в абхазской диаспоре, проживающей в современной Турции, к примеру, в селении Бычка-дерё (Фекри Акуача)» [Чачхалиа, 2018, С. 3].

Какими-либо письменными данными, подтверждающими проживание фамилии (рода) Акуача на территории с. Анхуа, мы не располагаем.

Анхуа на востоке граничило с селами одной из «провинций феодальной Абхазии» — Гумá (абх. *Гэ́ымá*). Этот регион занимал центральную часть Абхазии (совр. Сухумский и прибрежная часть Гулрыпшского района). Его территория простиралась от современного Нового Афона до р. Кодор. Жители Гума говорили на особом наречии абхазского языка. В 70-х и 80-х гг. XIX в. небольшая часть гумцев сумела вернуться из эмиграции на родину. Но представители российской царской администрации в Абхазии не позволили им занять прежние места проживания, и они расселились в таких селах, как Анхуа, Агца (центральная часть с. Анхуа), Ачандара, Абгархыку и др. [Бгажба, 1964. С. 24; Чирикба, 2021, С. 11–12]¹.

¹ В «Объяснительной записке» управляющего имениями Г. Чачба-Шервашидзе губернского секретаря А. В. Пахомова в Сухумскую сословно-поземельную комиссию (1868 г.) говорится следующее: «Селение Гумм. Имение это граничит: с севера Псху (гора Доу), с востока селениями Амхял и Акапа, с юга селениями Бырц, Яштуха и Эшира и с запада частью Эшира и Анухва. Об этом имении мною была подана в комиссию особая записка, в которой я указал данные, на которых можно обосновать принадлежность Гумма князю Георгию Дмитриевичу. Здесь я ограничусь только несколькими замечаниями в дополнение к тому, что имею прежде написанное. Тавады Анчабадзе (князя Ачба – о. *Дорофей*), живущие в Гумме считаются

Очевидно, что (к примеру) предки нынешних представителей фамилии (рода) *Агумаа*, проживающих на территории Анхуа, как раз из гумских абхазов. Они в первой половине XX в. жили в пос. Аудзха с. Анхуа, расположенном на склоне горы у перевала в Гума, а затем расселились по другим поселкам с. Анхуа.

С другой стороны, нужно помнить, что представители фамилии (рода) *Агумаа*, равно как и другие вышеперечисленные абхазские фамилии (рода) – *Аргун*, *Мканба*, *Смыр*, *Таркил*, *Трапш*, *Харабуа* и др., стали расселяться на территории Анхуа только с начала экспроприации земель Ново-Афонского монастыря Советской властью Абхазии¹. Данный процесс начался с 1921 г. Названный монастырь, в свою очередь, получил во владение практически всю территорию Анакопии (Новый Афон) и Анхуа после того как они полностью опустели от автохтонного абхазского населения в 1878 г.² Любопытны сведения, которые приводит А. А. Олонекский в статье «Колонизация Абхазии во второй половине XIX столетия», о том, что Пицундское окружное управление 1 мая 1878 г. объявило, что «виноградные и фруктовые сады, находящиеся в с. Анухва и оставшиеся после выселения анухвинских жителей в Турцию, будут продаваться в настоящем году в арендное содержание на один год» (цит. по: [Багапш, 2021, С. 125]).

В настоящее время в пос. Бжилюа по дороге, идущей от холма, разделяющего его от пос. Агца, расположенного в центре с. Анхуа (район скита св. Иоанна Крестителя), к храмовому комплексу, видны 14 домов различной сохранности с приусадебными участками. На одном из них указана дата строительства — 1960 г. Три из них жилые. В них проживают армянские семьи. По дороге же, ведущей от храмового комплекса Бжилюа по направлению к пос. Адзхапш (Анхуа-Армянская) видны еще шесть домов различной сохранности с приусадебными участками. В двух из них тоже живут люди, армянские семьи. Практически все дома однотипные, очевидно, все они были построены в 60-х гг. XX в.

В центре пос. Бжилюа (на повороте в сторону с. Мцара) сохранилось здание сельского магазина, который функционировал в советское время. Там же имеется источник родниковой воды.

коренными жителями этого селения. Прадед Мурзакана Анчабадзе (*Ачба — о. Дорофей*) живущего теперь в Гумме, был там поселен не в качестве помещика, а только в качестве владетельного моурава (управляющего от имени владетельного князя – *о. Дорофей*), подобно тому как в Анухве – аамиста (дворяне – *о. Дорофей*) Мканба. Главною обязанностью тавада Анчабадзе (*Ачба — о. Дорофей*) было защищать край от вторжений партий горцев, приходивших грабить Абхазию» [Материалы, 2012, С. 512–513].

¹ П. Квициния в своей работе «Ажьрацәарақәа. Аиуарақәа. Ахылтцшьтрақәа. Апсуаа рбио-социалтә еилазаашьа атцаара апышәа» (Сухум, 2022 г.) со ссылкой на данные главы администрации с. Анхуа, сообщает: «Анхәатәи ақытсовет аҕы “аканиаҕа” ианын 203 таацәара, милитла урт рахьтә 103-тзы апсыуаан, 82 – ерманцәан, 18-тзы аурысцәан. Аибашьра (1992–1993 шш.) калаанза арака инхон: Миқанба, Аргәын, Смыр, Харабуа, Агәмаа, Ажьйба, Лазба, Трапшь, Андарбуа, Аҕхәба, Бытәба зьжәлаз апсуаа. Аибашьра ашьтахьтәи аамта (1993–2001 шш.) иа-лагзаны арантәи ицаз атаацәарақәа рацәоуп. Уажәы (2001 ш. рзы) арака 40-тзы рҕы ауаа ахуп, урт реихарафык быргцәоуп» [Кәытцниа, 2022, Ад. 362]. В этой же работе приведены генеалогические древа фамилии (рода) *Харабуа*, *Жьйба* и *Трапш*, проживающих в наше время в с. Анхуа [Кәытцниа, 2022, Ад. 332–334].

² Как мы уже отметили выше, сохранился рукописный план земельного владения Ново-Афонского монастыря, составленного в конце XIX в. [Рукописный план, 2015].

Территорию пос. Бжилюа охватывает немалое количество плодородных земельных угодий, большая часть которых в настоящее время поросла ольхой.

На расстоянии 1 км от руин храмового комплекса в пос. Бжилюа ниже уровня поверхности земли находится большой грот, в котором, предположительно, в советское время укрывались монахи Ново-Афонского монастыря. И в наше время там можно увидеть несколько бумажных икон.

ИСТОРИЯ

Каких-либо исторических сведений о храмовом (церковном) комплексе Бжилюа в с. Анхуа в настоящее время не выявлено. Не обнаружено и документально подтвержденных свидетельств о его посвящении.

Странным образом этот объект не был зафиксирован монахами Ново-Афонского монастыря, которым в последней четверти XIX в. была передана вся территория с. Анхуа. В 1905 г. новоафонские монахи недалеко от места расположения руин храмового комплекса Бжилюа (в 3 км) построили большой скит св. Иоанна Крестителя [Дорофей Дбар, 2019]. По крайней мере, нам неизвестно, есть ли какие-либо документы, свидетельствующие, что монахи знали о храмовом комплексе Бжилюа. В уже не раз упомянутом рукописном плане земельных владений Ново-Афонского монастыря, составленном в конце XIX в., также нет никаких указаний относительно руин храмового комплекса в пос. Бжилюа с. Анхуа, хотя там обозначена «древняя церковь» в пос. Акуача с. Анхуа [Рукописный план, 2015].

С другой стороны, мы располагаем несколькими фактами, свидетельствующими, что монахи Ново-Афонского монастыря все-таки знали о руинах храмового комплекса Бжилюа, и, более того, использовали его остатки в качестве материала для постройки большого здания скита св. Иоанна Крестителя. Так, В. Пачулиа в своих научно-популярных работах, упоминая развалины средневековой церкви в пос. Веселовка (Бжилюа), сообщает, что «в конце XIX в. новоафонские монахи сняли с храма (извлекли из руин храма – *о. Дорофей*) и увезли интересные архитектурные детали с надписями; теперь эти детали экспонируются в Абхазском государственном музее» [Пачалиа, 1962, Ад. 80; Пачулиа, 1964, С. 37; Пачулиа, 1973, С. 59].

Речь идет о церковных архитектурных деталях из Анхуа, часть которых представлена в Абхазском государственном музее (далее АГМ), часть хранится в фондах названного музея [Дорофей Дбар, 2023 (2)]. На этом сообщении В. Пачулиа мы подробно остановимся ниже. Здесь же отметим, что, к сожалению, об источнике данной информации автор ничего не говорит.

В сентябре 2021 г. в ходе расчистки от строительного мусора цокольного этажа здания скита св. Иоанна Крестителя в Анхуа в подвальном помещении монастырской кухни была обнаружена архитектурная деталь: фрагмент известнякового столбика алтарной преграды с витой полуколонкой. Мы сравнили эту находку с выставленными в АГМ фрагментами алтарной преграды из Анхуа и пришли к заключению (и в этом нет никакого сомнения!), что данный артефакт действительно является еще одним фрагментом вышеуказанной алтарной преграды из Анхуа [Дорофей Дбар, 2023 (1)]. Обнаруженный фрагмент

был использован в качестве строительного материала для основания большой кухонной печи скита. Печь была разобрана в советское время, когда помещенные монастырской кухни решили использовать под продуктовый магазин.

В сентябре-октябре 2022 г. в ходе археологических раскопок храмового комплекса Бжилюа был обнаружен фрагмент архитектурной детали. На нем просматривается орнамент, напоминающий т. н. сельджукскую цепь: лента плетения в две полосы, орнамент составлен из кружков небольшого диаметра с высверленным центром. Сравнив эту находку с фрагментом, обнаруженным в ските св. Иоанна Крестителя, и выставленными в АГМ фрагментами алтарной преграды из Анхуа, мы еще более утвердились в мысли, что данный артефакт, судя по всему, также является фрагментом алтарной преграды из Анхуа.

Таким образом, новые находки свидетельствуют, что строительные камни и различные ценные архитектурные детали из руин средневековых церквей, равно как и других исторических памятников Анхуа, к сожалению, были использованы монахами Ново-Афонского монастыря в конце XIX и начале XX в. для возведения новых монастырских построек, включая и здание скита св. Иоанна Крестителя.

В 1962 г. В. Пачулиа посетил пос. Бжилюа с. Анхуа как раз с целью изучения памятников историко-культурного наследия. В итоговом отчете, где дает краткое описание осмотренных им памятников культуры¹, он сообщает и о развалинах средневекового храма в местности под названием Ахикуара (абх. *Ахыкэара*).

«Анхэа акыта акалтқэа руакаҕы, — пишет В. Пачулиа, — Ахыкэара хэа иахьашытоугы икоуп абжьаратэи ашэышықэсақэа рхаантэи даеа уахэамак. Уи ахабла (Бжьылџа — о. *Дорофей*) агэанытцэҕыа иҕан. Уажэазы инхаз аладатэи амрагыларахьтэи атзамцқэа ракэзоуп. Афрескақэа рцэынха-мынхақэа рыла уаҕы еиликааратэ икоуп уи ыыралеи сахьалеи казарыла ишырхиаз. Азеижэтэи ашэышықэса антэамтазы Ново-Афонтэи аберцэа ауахуама итганы иргеит аинтерес зцаны иҕаз аҕырақэа зныз архитектуратэ детальқэа зегы. Урт уажэы Ацснйтэи ахэынтқарратэ музеи аҕы ицэырган икэтцоуп. Ахыкэара акынтэ аладеи-амрагылареи рыла Анхэа агэахы игоуп амџаду маншэала. Абри, акыта агэаны, акытсовет ааигэара уаҕацшуеит аҕьара Агца» [Пачалиа, 1962, Ад. 80]².

¹ О древних сооружениях, главным образом, крепостях Абаарук и Бжилюа, и других археологических находках на территории пос. Бжилюа с. Анхуа см.: [Пачалиа, 1962, Ад. 79–80; Пачулиа, 1968, с. 146, рис. 9–10; Пачулиа, 1973, С. 58–59; Воронов, 1969, С. 47–48; Воронов, 1978, С. 61].

² Это же описание на русском языке, приведенное в двух последующих работах В. Пачулиа: 1. «На северной окраине села Анухва, в поселке Веселовка, находятся развалины средневекового храма. Сейчас от него остались только южная и восточная стены. Остатки фресок в алтарной части свидетельствуют, что некогда храм был украшен прекрасной стеной росписью. В конце XIX века ново-афонские монахи сняли с храма (извлекли из руин храма – о. *Дорофей*) и увезли интересные архитектурные детали с надписями; теперь эти детали экспонируются в Абхазском государственном музее» [Пачулиа, 1964, С. 37]. 2. «На северной окраине с. Анухва, в поселке Ахикуара (Веселовка), экспедиция обследовала развалины средневекового храма, от которого остались только южная и восточная стены. Некогда он был украшен прекрасной стеной росписью — в алтарной части еще заметны остатки фресок. В конце XIX в. хозяйничавшие здесь новоафонские монахи сняли с храма (извлекли из руин храма – о. *Дорофей*) интересные

Судя по описанию, речь идет (и в этом нет никаких сомнений!) о руинах церкви в пос. Бжилюа с. Анхуа. Остатки южной и восточной стен, о которых сообщает В. Пачулиа, сохранились и до нашего времени. Они были повторно зафиксированы в ходе расчистки руин названной церкви от дикой растительности в 2018 г. [Расчистка храма в Бжилюа, 2018] и проведения археологических раскопок в 2022 г. Что касается остатков фресок в алтарной части, которые видел В. Пачулиа, то в наше время они уже находились под слоем земли и были вновь раскрыты в ходе археологических раскопок 2022 г.

Таким образом, мы можем утверждать, что руины церкви в пос. Бжилюа с. Анхуа впервые были зафиксированы в 1962 г. В. Пачулиа. Вызывает некоторое удивление, что исследователь ничего не говорит в своих работах о наличии в пос. Бжилюа с. Анхуа храмового (церковного) комплекса. Очевидно, что обозреть объект должным образом автору не позволила дикая растительность, проросшая на месте расположения названного комплекса.

Особое внимание обращает на себя сообщение В. Пачулиа о том, что монахи Ново-Афонского монастыря в конце XIX в. вывезли из храма в Ахикура (Бжилюа) все архитектурные детали с надписями. Эти детали выставлены в Абхазском государственном музее [Пачалиа, 1962, Ад. 80; Пачулиа, 1964, С. 37; Пачулиа, 1973, С. 59].

Как мы уже отметили выше, речь идет о различных фрагментах алтарной преграды, предалтарного креста и иных архитектурных деталях с надписями на греческом и картлийском (письмом асомтаврули)¹ языках из Анхуа, одна часть которых экспонируется в АГМ, а другая хранится в фондах названного музея. Они датированы рубежом X–XI вв. [Дорофей Дбар, 2023 (2)].

Происхождение вышеупомянутой информации В. Пачулиа не уточняет. Впоследствии эта версия нашла отражение в работах А. Ю. Виноградова, Д. В. Белецкого и Е. Ю. Ендольцевой [Виноградов, Белецкий, 2015, 96–97; Ендольцева, 2019, 17–22].

Выяснению происхождения церковных архитектурных деталей из Анхуа, т. е. какому из четырех известных сегодня средневековых христианских храмов названного села они принадлежали, посвящена специальная наша работа [Дорофей Дбар, 2023 (2)].

Проблема в том, что на инвентарных карточках этих церковных архитектурных деталей не указано, из какой именно церкви с. Анхуа они поступили в АГМ.

архитектурные детали с надписями; теперь эти детали экспонируются в Абхазском государственном музее» [Пачулиа, 1973, С. 59].

¹ Определение «картлийский» в отношении языка, официально использовавшегося с XI в. в рамках средневекового царства абхазов и картвелов, в наше время часто встречается в работах Дениса Чачхалиа, в том числе и в работе по истории храма Акуача (или Куач-ныха, по версии названного автора) в с. Анхуа [Чачхалиа, 2018, С. 22]. Мы согласны с данным уточняющим определением, поскольку, когда мы говорим о средневековом объединенном государстве абазгов (абхазов) и картвелов (грузин), речь может идти о языке одной из составных частей этого государства – Картли. Понятие «Грузия» и «грузинский язык» корректнее применять для более позднего исторического периода. Асомтаврули – это древнегрузинское письмо заглавными буквами.

Наши выводы, представленные в вышеуказанной работе, следующие: церковные архитектурные детали из Анхуа, частично выставленные сегодня в АГМ, не могли (вопреки сообщениям В. Пачулиа) происходить из храма св. Георгия в пос. Агца (такая версия также имела место), равно как и не могли они быть из храма в пос. Бжилюа с. Анхуа. Хотя чтобы окончательно удостовериться, что архитектурные детали из Анхуа действительно происходят не из храма в Бжилюа, необходимо провести на территории, где сохраняются руины названной церкви, археологические раскопки. Что же касается руин храма св. Георгия в пос. Агца, то в ходе археологических раскопок 2019 г. не было обнаружено каких-либо фрагментов архитектурных деталей, близких по стилю к уже известным нам архитектурным находкам из Анхуа. Интересующие нас церковные архитектурные детали принадлежали, скорее всего, храму Акуача в с. Анхуа. Для окончательного подтверждения последней версии также требуется проведение археологических раскопок на месте расположения руин церкви Акуача [Дорофей Дбар, 2023 (2)].

Отметим, что в ходе первого сезона проведенных в 2022 г. археологических раскопок руин храмового комплекса Бжилюа с. Анхуа был обнаружен фрагмент архитектурной детали. Как уже отмечалось выше, сравнив эту находку с фрагментом, обнаруженным в ските св. Иоанна Крестителя, и выставленными в АГМ фрагментами алтарной преграды из Анхуа, мы пришли к заключению, что данный артефакт, судя по всему, также является еще одним фрагментом вышеуказанной алтарной преграды из Анхуа. Следовательно, версия происхождения церковных архитектурных деталей из коллекции АГМ из руин храмового комплекса Бжилюа, о которой писал В. Пачулиа, находит первое подтверждение. Разумеется, что для окончательных выводов требуется завершение археологических раскопок на руинах храмового комплекса Бжилюа, а также проведение в дальнейшем раскопок на руинах церкви Акуача.

В случае окончательного подтверждения происхождения церковных архитектурных деталей из коллекции Абхазского государственного музея именно из руин храмового комплекса Бжилюа с. Анхуа, мы будем иметь очень важный датирующий материал и некоторые основания для определения – кому был посвящен храм. Как мы уже отметили выше, церковные архитектурные детали из Анхуа датируются X–XI вв. А наличие среди них плиты алтарной преграды с изображением св. Георгия Победоносца и постамента предалтарного креста с надписью на картлийском языке (письмом асомтаврули), где речь идет о ктиторе по имени Георгий, позволяют предположить, что церковь могла быть посвящена великомученику Георгию Победоносцу. Кроме того, под ктиторской надписью в поле креста включены буквы, которые прочтываются как «Святой Василий». Над надписью же, на поле расцветшего креста, – «Святой Георгий», справа на узкой грани – «Святой Феодор», слева на узкой грани – «Святой Кирилл», и, наконец, позади, на широкой грани, – «Святой Дмитрий». Л. Шервашидзе считает совершенно точным, что «ктитор (Георгий, сын Василия) помещает ниже большой надписи, как бы у основания столба, имя святого патрона (покровителя – *о. Дорофей*) своего отца, над надписью

– имя своего святого, а на двух боковых гранях – имена святых своих двух остальных упомянутых в надписи братьев».

«Имя на четвертой задней грани памятника (т. е. «Святой Дмитрий» – *о. Дорофей*), – продолжает названный исследователь, – нам неизвестно. Мы можем только в виде предположения допустить, что здесь сам художник поместил имя своего святого» [Шервашидзе, 1974, Сс. 183–184].

От себя добавим, что под «Святым Василием», очевидно, подразумевается св. Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской († 379 г.), под «Святым Георгием» – св. Георгий Победоносец († 303 г.), под «Святым Феодором» – св. Феодор Тирон († 307 г.) или св. Феодор Стратилат († 319 г.), под «Святым Кириллом» – св. Кирилл, архиепископ Александрийский († 444 г.), и под «Святым Дмитрием» – св. великомученик Димитрий Фессалоникийский († 307 г.).

В ходе первого сезона археологических раскопок руин храмового комплекса Бжилюа с. Анхуа, проведенных в 2022 г., в алтарной части были обнаружены фрески с изображениями святых. К сожалению, из-за сильных разрушений церкви сохранились только нижние части этих изображений (от пояса и ниже), поэтому идентифицировать святых невозможно. Утеряны сопроводительные надписи, которые обычно размещаются в районе изображения лиц (ликов) святых. Однако в случае окончательного подтверждения, что церковные архитектурные детали из коллекции АГМ происходят из руин храмового комплекса Бжилюа с. Анхуа, мы можем полагать, что на открытых фресках церкви Бжилюа могли быть изображены вышеперечисленные святые (либо некоторые из них), упомянутые в ктиторской надписи на постаменте предалтарного креста из Анхуа.

Любопытно, что в надписях на постаменте предалтарного креста из Анхуа, сделанных на картлийском (грузинском) языке и датирующихся XI в., мы имеем имена исключительно греческого происхождения, и они связаны с древнехристианскими святыми, в большинстве своем выходцами из Малой Азии (если быть точнее, Каппадокии и Понта) – св. Василием Великим, св. Георгием Победоносцем, св. Феодором Тироном или св. Феодором Стратилатом. Только св. Кирилл – представитель Египта, а св. Димитрий – из г. Фессалоники (на территории современной Северной Греции).

Интересно, что в другой работе В. Пачулиа – «Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана», изданной в 1968 г., руины церкви в пос. Бжилюа (сам автор данный объект называет «церковь XI–XII вв. в с. Веселовка») датирует XI–XII вв. [Пачулиа, 1968, С. 68].

В фондах Абхазского государственного музея хранится рисунок с условно-схематичной картой Нового Афона и его окрестностей, на котором обозначены различные памятники культуры с. Анхуа, а также топонимия местности. Данный рисунок является важным фактографическим рабочим документом и представляет большой интерес с точки зрения идентификации памятников культуры г. Нового Афона и с. Анхуа. Проблемы авторства рассматриваемого рисунка, времени его составления, а также подробный разбор его содержания был сделан нами в работе, посвященной истории и археологии руин церкви

св. Георгия в пос. Агнца с. Анхуа [Дорофей Дбар, Сангулия, 2023 (3)]. Здесь же отметим, что на рисунке обозначены четыре христианские церкви Анхуа. Одна из них церковь Ацкуара (*Ацкэара – о. Дорофей*). Судя по всему, это храмовый комплекс в пос. Бжилюа.

В 2002 г. Ю. Н. Воронов (1941–1995) опубликовал в сборнике «Проблемы истории, филологии и культуры» (Москва-Магнитогорск) большую статью «Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.)» [Воронов. 2002. С. 334–362]. В статье даны и тринадцать рисунков с соответствующими пояснениями. На рисунке № 11 под названием «Христианские храмы Абхазии VIII–XV вв.» исследователем представлены планы 37 храмов. Среди них (под № 15) опубликован и план храма «Анухва» [Воронов, 2002. С. 353–354; Воронов, 2016. С. 290–291, 301, рис. 11].

К сожалению, Ю. Н. Воронов не уточняет, план какого именно храма из с. Анхуа он привел в этой своей публикации.

А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий в работе «Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X вв.» (М., 2015) рассматривают три храма с. Анхуа: 1) храм в Веселовке, 2) храм в Ачануа и 3) храм в Мсыгхуа [Виноградов, Белецкий, 2015. С. 96–97, 108–109, 178–180]. В отношении храма в Веселовке (Бжилюа) авторы сообщают, что это «разрушенный зальный храм с выраженной полукруглой апсидой на северной окраине села Анухва, в поселке Веселовка, который был введен в научный оборот В. П. Пачулиа, а его план опубликован Ю. Н. Вороновым, отнесшим его к памятникам VII–X вв.» [Виноградов, Белецкий, 2015. С. 96–97].

Таким образом, А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий соотнесли храм «Анухва», указанный в вышеназванной статье Ю. Н. Воронова, с храмом в пос. Бжилюа с. Анхуа [Виноградов, Белецкий, 2015. С. 96–97].

Мы специально остановились на этом вопросе в работе, посвященной истории и археологии руин церкви св. Георгия в пос. Агнца с. Анхуа, и пришли к следующему выводу: опубликованный Ю. Н. Вороновым план храма «Анухва» практически идентичен плану храма св. Георгия в пос. Агнца с. Анхуа [Дорофей Дбар, Сангулия, 2023 (1)]. Следовательно, к церковному комплексу Бжилюа он не имеет никакого отношения.

А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий, говоря о датировке храма в Веселовке (Бжилюа), отмечают, что «в отсутствии других признаков для точной датировки, представляется существенной датировка такой важной детали его убранства, как постамент для креста XI в., взятый из этого храма новоафонскими монахами и переданный в Сухумский музей» [Виноградов, Белецкий, 2015. С. 97].

Информацию о происхождении постамента для креста XI в. из коллекции АГМ из церкви в пос. Бжилюа с. Анхуа вышеназванные авторы очевидно заимствовали у В. Пачулиа (см. выше).

В 2017 г. были изданы материалы докладов и сообщений Нумизматических чтений Государственного исторического музея, посвященные памяти Т. Ю. Стукаловой (1958–2017). Чтения состоялись 23–24 ноября 2017 г. в Москве. Среди этих материалов был опубликован и доклад В. Чхаидзе под названием «Грузинская печать византийского типа XI в.» [Чхаидзе, 2017. С. 61–66]. Ав-

тор рассматривает вислюю печать с надписью на картлийском (грузинском) языке, выполненную письмом асомтаврули. Печать стала известной в 2015 г. В. Чхаидзе выдвинул версию о происхождении рассматриваемой свинцовой печати из с. Анхуа [Чхаидзе, 2017. С. 64].

По сообщению В. Чхаидзе, на лицевой стороне печати в точечном ободке имеется изображение св. Георгия: он изображен по грудь, с точечным нимбом, безбородый, с пышными волнистыми волосами. С обеих сторон от святого — надпись на картлийском языке (письмом асомтаврули) с сокращениями — $\text{ՐԾ} \parallel \text{ՂԴ}$, которая переводится как *Святой Гиорги*. На оборотной стороне печати четырехстрочная надпись в ободке также на картлийском языке (письмом асомтаврули) и сокращениями, которая прочитана В. Чхаидзе как — $\text{ՐԾՂԴԾ} \mid \text{Օ.ԽԵՂԽԾ} \mid \text{ՇԾԽԾԾԾ} \mid \text{ԽԾՇԾ}$ (*Святой Гиорги монастыря Айнахвийского*) [Чхаидзе, 2017. С. 63, рис. 3].

«Слово “монастырь”, — поясняет исследователь, — (явный грецизм) передано через глоттальный *t'ar* (ჭ), древнегрузинский генитив на *sa* (в настоящее время *s* (ბ)). Топоним достаточно очевиден. Последняя буква в третьей строке, которая плохо читается, вероятно *z* (дифтонг *wi*, который может обозначать и *y*) — “Айнахвиисай”. Развалины зального храма с полукруглой апсидой XI в., посвященного св. Георгию, известны в Абхазии, в селе Анухва (Анхуа), в 3 км к северу от Анакопии (Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В., 2015. С. 96–97, рис. 2, 9). Из храма происходит постамент для креста XI в. с ктиторской надписью асомтаврули — Георгия, сына Василия, вероятно, местного феодала или представителя духовенства (Бгажба Х. С., 1967. С. 15–16, рис. 7; Шервашидзе Л. А., 1974. С. 176–185). Таким образом, можно полагать, что помимо храма, посвященного св. Георгию в Анахви/Анухви, в XI в. здесь располагался и грузинский монастырь, откуда происходит рассматриваемая уникальная печать» [Чхаидзе, 2017. С. 63–64].

Судя по примечанию, приведенному В. Чхаидзе к прочтению надписи на рассматриваемой нами печати [Чхаидзе, 2017, С. 63. Прим. 1], трактовка «монастыря Айнахвийского» как монастыря в Анхуа в Абхазии, очевидно, была предложена А. Ю. Виноградовым и Ш. Гугушвили. Последние авторы занимаются изучением и истории Абхазского Католикосата. Однако по поводу такой трактовки надписи на рассматриваемой печати XI в. я высказал ряд существенных замечаний; все они изложены в статье «Грузинская печать византийского типа XI века: происходит ли она из села Анхуа (Абхазия)?» [Дорофей Дбар, 2022, С. 133–145]. В частности, в статье отмечено и следующее: нет никаких данных, что в древности на территории Анхуа существовал монастырь, тем более грузинский, как это полагает В. Чхаидзе. Использование на вислой печати (которая, по мнению В. Чхаидзе, происходит из Анхуа) либо на нескольких церковных архитектурных деталях из с. Анхуа картлийского (грузинского) языка не обязательно означает, что их создатели — этнические грузины, а церкви и монастыри, к которым они могли иметь отношение, были грузинскими. XI век — это время существования единого государства абазгов (абхазов) и картвелов (грузин) под названием «Абхазское царство», когда на территории самой Абхазии наравне с греческой письменностью начинает ис-

пользоваться и картлийский (грузинский) язык. Яркий пример тому – плита алтарной преграды из Анхуа со сценой Распятия Христа, на которой приведены надписи как на греческом, так и на картлийском (письмом асомтаврули) языках [Дорофей Дбар, 2022 (2)]. Если и был монастырь в Анхуа, то он, судя по всему, мог находиться на территории нынешнего пос. Бжилюа (Веселовка), где сохранились руины двух церквей различных типов, причем расположенных рядом. Обе церкви могли быть частью монастырского комплекса. К сожалению, археологические раскопки на месте расположения названных церквей не проводились, поэтому данными о наличии других возможных монастырских зданий на этой территории мы не располагаем. Однако одно можем сказать точно – у нас вообще нет данных, что руины двух храмов в Бжилюа могли быть посвящены св. Георгию Победоносцу, равно как не существует никаких свидетельств, что какая-либо из известных нам средневековых церквей в Анхуа была посвящена св. Георгию. Единственное, что мы имеем, так это плиту алтарной преграды с изображением св. Георгия, которая происходит, скорее всего, из храма в пос. Акуача [Дорофей Дбар, 2023 (2)]. Посвящение же храма в пос. Агца с. Анхуа св. Георгию, как нами было установлено, произошло уже в первой четверти XX в. [Дорофей Дбар, Сангулия, 2020].

В октябре 2018 г. руководитель Священной Митрополии Абхазии, с.н.с. отдела истории АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА, архимандрит Дорофей (Дбар) и сотрудник СМА Дмитрий Бебия в ходе экспедиционной поездки в пос. Бжилюа с. Анхуа, с помощью семидесятилетнего местного жителя Карпо Мумджана, повторно зафиксировали место локализации руин церкви Бжилюа. Среди непроходимой дикой растительности были едва заметны небольшие фрагменты восточной и южной стен храма.

5 ноября 2018 г. архимандрит Дорофей (Дбар) написал прошение на имя директора АБИГИ им. Д. Гулиа АНА Арды Ашуба с просьбой поручить отделу археологии института предоставить разрешение на проведения расчистки (исключительно от дикой растительности) руин храма в пос. Бжилюа с. Анхуа и прошение было одобрено отделом археологии.

26 ноября 2018 г. силами сотрудников и прихожан СМА под руководством архимандрита Дорофея (Дбар) была произведена расчистка руин церкви в пос. Бжилюа с. Анхуа. Ранее заросшие крупной растительностью руины и фрагменты сохранившихся стен стали полностью доступны после расчистки храма от деревьев, кустарников и т. д. [Расчистка храма в Бжилюа, 2018]¹.

По результатам этих работ предварительно было зафиксировано, что церковь Бжилюа представляла собой храм коробового типа без выступающей наружу апсиды, с черепичным покрытием и приделом на северной стороне (возможно, имелся придел и на южной стороне). Общие размеры храма составили 10 × 14 м (включая завалы вокруг церкви). От церкви сохранились только два незначительных фрагмента стен. Кроме того, мною был составлен и предварительный (условно-схематичный) план церкви.

¹ Расчистка руин малоизвестного храма в пос. Бжилюа с. Анхуа. 26.11.2018 // Канал СМА – AnyhaTV в YouTube. [Электронный ресурс]. 28.11.2018 (дата публикации). Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=DXH19S1K_bU

Отсутствие высоких завалов внутри основного зала церкви Бжилюа и северного притвора свидетельствует о варварских раскопках, производимых т. н. «черными копателями». В десяти метрах от западной стороны храма среди дикой растительности были зафиксированы и другие завалы из известняковых камней [Расчистка храма в Бжилюа, 2018].

В ходе расчистки руин церкви Бжилюа на поверхности земли был обнаружен следующий подъемный материал:

1) десять фрагментов красноглиняной черепичной кровли;

2) четыре фрагмента конька кровли из тесаного известняка; находка представляет собой археологическую редкость, поскольку аналогичные кровельные элементы ранее (по имеющейся информации) на территории Республики Абхазия не обнаруживались;

3) образец облицовочного известнякового камня (31 × 52 см).

Все эти находки хранятся в фондах Церковно-археологического музея СМА при Ново-Афонском монастыре. Соответствующая информация о них и фотоматериалы выложены на официальном сайте СМА (раздел «Музей») [Обломки керамики, 2019; Фрагменты конька, 2019].

Последовавшие после расчистки церкви Бжилюа проливные дожди обнажили верхний слой почвы, что позволило обнаружить еще несколько важных артефактов. Так, 10 августа 2019 г. мы во время посещения руин названной церкви обнаружили строительный блок из ракушечника с фрагментами фресок (L – 29, H – 32, W – 18 см). Блок был найден на поверхности земли у восточной стены. К сожалению, плохая сохранность фресок не позволяет разглядеть какие-либо изображения. Однако данная находка стала очень важной. Как мы уже отметили выше, В. Пачулиа, посетивший руины храма в поселке Бжилюа в 1962 г., в отчетах отмечал, что в алтарной части им были замечены остатки фресок. Таким образом, обнаруженный артефакт свидетельствует, что речь идет о руинах одной и той же церкви [Камень с фрагментом фресок, 2019].

В тот же день, 10 августа 2019 г., мы обнаружили на поверхности земли в пределах руин церкви Бжилюа еще 15 фрагментов керамической кровли и посуды. Все эти находки также хранятся в фондах Церковно-археологического музея СМА при Ново-Афонском монастыре. Соответствующая информация о них и фотоматериалы выложены на официальном сайте СМА (раздел «Музей») [Обломки керамики, 2019].

В 2020 г. в Москве вышла большая монография Е. Ю. Ендольцевой «Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.)», в которой рассматриваются и церковные архитектурные детали из Анхуа [Ендольцева, 2020. С. 205–211]. Е. Ю. Ендольцева, в частности, сообщает следующее: «В с. Анухва, находящемся неподалеку от горы Анакопия, зафиксировано несколько церквей, которые можно отнести к исследуемому периоду (VIII–XI вв. – о. *Дорофей*). В Абхазском государственном музее хранятся интересные фрагменты архитектурной декорации, поступившие единовременно (судя по инвентарным карточкам 1938 г.) от краеведа И. Е. Адзинбы (кат. муз. № 8, 9, 11, 12, 13). Скорее всего, они происходят из одной церкви, но какой именно, определенно установить сложно. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий

ошибочно связывают один из этих фрагментов – постамент предалтарного креста с надписью – с церковью в поселке Веселовка (северная окраина села Анхуа). Но поскольку точное происхождение находок установить не удалось, данный фрагмент никак не может быть датирующим признаком для веселовской церкви» [Ендольцева, 2020, С. 189–190].

Как мы уже отметили выше, А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий под церковью в пос. Веселовка с. Анхуа имеют в виду храм, план которого был опубликован Ю. Н. Вороновым (см. выше). Последний не имеет никакого отношения к вновь открытому храму в пос. Бжилюа (Веселовка) в с. Анхуа.

В мае 2021 г. в АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА прошла успешная защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук директора Национального Ново-Афонского историко-культурного заповедника «Анакопия» Алхаса Аргун. Тема диссертации – «Историко-культурное исследование Анакопийского архитектурного комплекса в контексте истории Абхазии II–XV вв.». В работе названный автор относительно храма Бжилюа пишет следующее: «На севере села Анхуа, в поселке Бжилва (Веселовка), на высоте 357 м расположен зальный христианский храм с полукруглой изнутри абсидой, снаружи абсида прямоугольная, как и в храме Акую. Его ориентация также близка и составляет 121°. Данный храм в Средневековье был посвящен св. Георгию и также был расписан. Основной объем храма имеет пристройку прямоугольной формы с севера» [Аргун, 2020, С. 75].

Как мы уже отметили выше, пока мы не располагаем точными сведениями относительно посвящения церкви Бжилюа в честь св. Георгия Победоносца. Только в случае окончательного подтверждения, что церковные архитектурные детали из коллекции Абхазского государственного музея происходят именно из руин храмового комплекса Бжилюа с. Анхуа, мы будем иметь некоторые основания для определения посвящения храма. Т. е. наличие среди церковных архитектурных деталей из Анхуа плиты алтарной преграды с изображением св. Георгия Победоносца и постамента предалтарного креста с надписью на картлийском языке (письмом асомтаврули), где речь идет о ктиторе по имени Георгий, позволяют нам предположить, что церковь могла быть посвящена великомученику Георгию Победоносцу.

В работе А. Аргун сообщается и о руинах другого храма (предположительно с полукруглой абсидой) в пос. Бжилюа с. Анхуа, расположенного в нескольких метрах западнее входа в храм Бжилюа.

«Данный комплекс, — продолжает названный автор, — не располагается на доминирующем ландшафте. Наличие в одном месте двух церквей, также остатки каменной ограды, прослеживаемой местами, дают возможность предположить, что в данном месте располагался средневековый монастырь» [Аргун, 2020, С. 75].

Далее А. Аргун со ссылкой на работу Л. Шервашидзе пишет: «На основании посвячительной надписи и изобразительного мотива на плите алтарной преграды, считается, что храм был посвящен св. Георгию Победоносцу. Исследователь Л. Шервашидзе относит эту постройку к XI в., опираясь на искусствоведческий анализ резных деталей алтаря и надписи (Шервашидзе 1974). Со-

временные исследования при помощи рентгенофазового анализа растворов из кладки основного объема постройки дают возможность датировать объект началом IX в.» [Аргун, 2020, С. 75].

Во-первых, Л. Шервашидзе в вышеуказанной работе ничего не говорит о постройке, из которой происходили две части предалтарного креста (или, как писал он сам, «четырёхгранного столба»), украшенные орнаментированной резьбой и имеющие надписи на асомтаврули. В работе приводится искусствоведческий анализ исключительно указанной архитектурной детали, датируемой названным исследователем XI в. [Шервашидзе, 1974, С. 176–185].

Во-вторых, еще не завершена разработка метода датировки архитектурных памятников культуры с помощью рентгенофазового анализа растворов. При существующей стадии он не может заменить такие методы, как типологический, собственно хронологический, сравнительно-исторический, стадийно-трансформационный, да и просто богатейший опыт профессиональных исследователей. Ведь первые достоверные научные данные о храмовом комплексе в пос. Бжилюа с. Анхуа с верификацией и фиксированной стратиграфической позицией в положении *in situ* будут получены и обработаны полностью впервые в ходе начатого в 2022 г. археологического исследования названного объекта. В результате полевых исследований невидимые и потому недоступные фактологические вещественные источники будут открыты, а использование атрибутированного метода комплексного анализа исключит одностороннее визуальное наблюдение и тем самым мы получим точно выверенную, а не сомнительную базу данных.

В-третьих, А. Аргун — первый автор, который фиксирует наличие в храмовом (возможно монастырском) комплексе двух церквей с разными архитектурными особенностями. В приложении к диссертации он также публикует планы обеих церквей на основе обмеров, сделанных совместно с В. Пищулиной [Аргун, 2020, таб. 13]. Данная информация нашла отражение и в нескольких работах архимандрита Дорофея (Дбар) [Дорофей Дбар, 2022 (1), С. 136; Дорофей Дбар, 2023 (2)].

Однако следует оговорить особо, что фиксация плана большей по размерам церкви с прямой по внешней стороне абсидой была сделана А. Аргун и В. Пищулиной после того, как объект был расчищен от дикой растительности в 2018 г. В то время как фиксация плана меньшей по размерам церкви с полукруглой абсидой была сделана теми же авторами до какой-либо расчистки указанной церкви. Последний объект визуально стал обозреваем только после расчистки от растительности, сделанной в ходе археологических раскопок в 2022 г. Поэтому насколько окажутся точны планы церквей Бжилюа, опубликованные А. Аргун, можно будет выяснить только по завершении археологических раскопок храмового комплекса Бжилюа.

Автор предлагаемой работы, который является и соруководителем археологической экспедиции в пос. Бжилюа с. Анхуа, по завершении первого сезона археологического исследования руин храмового комплекса в 2022 г. отказался от фиксации объектов в пос. Бжилюа как церкви № 1 и церкви № 2, как это было решено изначально под влиянием вышеуказанной работы А. Аргун.

Мы полагаем (и это подтвердят последующие исследования), что предмет нашего изучения – храмовый комплекс, включающий в себя церковь, колокольню (или еще одну церковь?) и ограду.

Библиография

1. **Кэарциа, 2002** – Кэарциа В. Ацсны атопонимика. Ақәа, 2002.
2. **Кэыцниа, 2022** – Кэыцниа П. Ажьрацэарақәа. Аиуарақәа. Ахылтцшьтрақәа. Ацсуаа рбиосоциалтэ еилазаашьа атцаара апышәа. Ақәа: Апсуатцааратэ институт, 2022.
3. **Пачалиа, 1962** – Пачалиа В. Анхуа ақытантәи абақәа // Алашара, 6 (1962), ад. 78–80.
4. **Багапш, 2021** – Багапш Н. Демографическая колонизация Гудаутского участка Сухумского округа (1878–1918 гг.) // Вестник Академии наук Абхазии (Серия: Гуманитарные науки), 11 (2021), с. 119–135.
5. **Бгажба, 1964** – Бгажба Х. Бзыбский диалект абхазского языка (исследования и тексты). Тбилиси: Изд. АН Грузинской ССР, 1964.
6. **Виноградов, Белецкий, 2015** – Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X вв. М.: «Индрик», 2015.
7. **Воронов, 1969** – Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухум: «Алашара», 1969.
8. **Воронов, 1972** – Воронов Ю. Н. Разведочные работы в Абхазской АССР // Археологические открытия 1971 года. М., 1972.
9. **Воронов, 1978** – Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М.: «Искусство», 1978.
10. **Воронов, 1980** – Воронова Ю. Н. О средневековых абхазских домовищах из села Анхуа Гудаутского района // Труды Абхазского государственного музей, 5 (1980), с. 79–83.
11. **Воронов, 2016** – Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. 5. Сухум, 2016.
12. **Государственные акты, 2022** – Государственные акты на вечное пользование земель колхозами сел Анухва и Анухва-Армянская // Официальный сайт СМА — Anyha.org. [Электронный ресурс]. 21.12.2022 (дата публикации). Режим доступа: <https://anyha.org/bzhylwa-stone/>
13. **Дзидзария, 1958** – Дзидзария Г. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.). Сухум: Абхазское государственное издательство, 1958.
14. **Дорофей Дбар, 2019** – Дорофей (Дбар), архимандрит. Скит св. Иоанна Крестителя в с. Анхуа. Н. Афон (Анакопия): Изд. СМА, 2019. (Храмы и монастыри Абхазии, 1).
15. **Дорофей Дбар, Сангулия, 2020** – Дорофей (Дбар), архимандрит, Сангулия Г. Средневековый храм св. Георгия в селе Анхуа: предварительные результаты археологических раскопок 2019 г. // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20–25 апреля 2020 г. / отв. ред. М. С. Гаджиев. Махачкала: МавраевЪ, 2020. С. 329–332.

16. *Дорофей Дбар, 2022 (1)* – Дорофей (Дбар), архимандрит. Грузинская печать византийского типа XI века: происходит ли она из села Анхуа (Абхазия)? // Вестник Академии наук Абхазии (Серия: Гуманитарные науки), 12 (2022), С. 133–145.
17. *Дорофей Дбар, 2022 (2)* – Дорофей (Дбар), архимандрит. Греческая надпись из архитектурной детали из церкви с. Анхуа. Доклад на Международной научной конференции «Северо-Западный Кавказ и Причерноморье в древности и средневековье», посвященной 80-летию Олега Бгажба. Сухум, АБИГИ им. Д. Гулиа АНА, 10–11 августа 2021 г. // Абхазоведение (Серия: Археология, история и этнология), 12 (2022), с. 220.
18. *Дорофей Дбар, 2023 (1)* – Дорофей (Дбар), архимандрит. Средневековая алтарная преграда из с. Анхуа: находка нового фрагмента. Доклад на Международной научной конференции «Кавказ и Причерноморье с эпохи древности до позднего средневековья в свете новых данных археологии и истории», посвященной 80-летию Ю. Н. Воронова. Сухум, 19–20 октября 2021 г. (Материалы конференции готовятся к печати).
19. *Дорофей Дбар, 2023 (2)* – Дорофей (Дбар), архимандрит. Церковные архитектурные детали из с. Анхуа (X–XI вв.) в коллекции Абхазского государственного музея. (Готовится к печати в сборнике «Труды Абхазского государственного музея»).
20. *Дорофей Дбар, Сангулия, 2023 (3)* – Дорофей (Дбар), архимандрит, Сангулия Г. Храм св. Георгия (Аиергь-ныха) в с. Анхуа (VIII–X вв.). Новый Афон (Анакопия): Изд. СМА, 2023. (Храмы и монастыри Абхазии, 2). (Готовится к печати).
21. *Ендольцева, 2019* – Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазского царства (VIII–XI вв.). Из коллекции Абхазского государственного музея (г. Сухум, РА) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного института (Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства), 33 (2019), с. 9–30.
22. *Ендольцева, 2020* – Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.). Отв. ред. А. Ю. Скаков. М.: ИВ РАН, 2020.
23. *Захаров, 1930* – Захаров С. А. Почвенно-географический очерк Абхазии. Сухум, 1930.
24. *И. Н., 1899* – Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Новое, значительно измененное и дополненное издание. Сост. И. Н. М., 1899.
25. *Камень с фрагм. фресок, 2019* – Камень с фрагментами фресок из руин храма в пос. Бжилюа (с. Анхуа Гудаутского района) // Официальный сайт СМА – Anyha.org. [Электронный ресурс]. 23.09.2019 (дата публикации). Режим доступа: <https://anyha.org/bzhylwa-stone/>
26. *Кация, 1967* – Кация А. Памятники архитектуры в долине Цкуара // Материалы по археологии Абхазии. Тб., 1967. С. 65–89.
27. *Леонид Кавелин, 1885* – Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Сост. А. Л. [Архимандрит Леонид]. М., 1885.
28. *Материалы, 2012* – Материалы по истории Абхазии XIX в. (1863–1874). Сборник документальных материалов. Т. 3. Сост.: А. Куправа, С. Салакая, А. Авидзба. Сухум, 2012.
29. *Обломки керамики, 2019* – Обломки керамики из руин храма в пос. Бжилюа (с. Анхуа Гудаутского района) // Официальный сайт СМА – Anyha.org. [Электронный ресурс]. 23.09.2019 (дата публикации). Режим доступа: <https://anyha.org/fragments-of-ceramics-bzhylua/>
30. *Пачулия, 1964* – Пачулия В. Новый Афон. Путеводитель. Тбилиси, 1964.

31. *Пачулиа, 1968* – Пачулиа В. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.: «Наука», 1968.
32. *Пачулиа, 1973* – Пачулиа В. Новый Афон. Историко-культурный очерк. Сухум: «Алашара», 1973.
33. *Расчистка храма в Бжилюа, 2018* – Расчистка руин малоизвестного храма в Бжилюа (Анхуа) // Официальный сайт СМА – Anyha.org. [Электронный ресурс]. 28.11.2018 (дата публикации). Режим доступа: <https://anyha.org/bjilwa-nyha-adrytskyara/>
34. *Расчистка церквей в Бжилюа, 2022* – Расчистка территории руин двух средневековых церквей в поселке Бжылуа села Анхуа // Официальный сайт СМА – Anyha.org. [Электронный ресурс]. 06.09.2022 (дата публикации). Режим доступа: <https://anyha.org/bjilwa-nyha-adrytskyara-2022/>
35. *Рукописный план, 2015* – Рукописный план земельного владения Ново-Афонского св. ап. Симона Кананита монастыря (кон. XIX в.) // Официальный сайт СМА – Anyha.org. [Электронный ресурс]. 11.06.2015 (дата публикации). Режим доступа: <https://anyha.org/amonastyr-adgilkua-ahsaala/>
36. *Торнау, 1999* – Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау. Нальчик: Изд. «Эль-Фа», 1999. (Серия: Кавказский литературно-исторический Олимп (раздел «История»), Вып. 7).
37. *Фрагменты конька, 2019* – Фрагменты конька кровли из руин храма в пос. Бжилюа (с. Анхуа Гудаутского района) // Официальный сайт СМА – Anyha.org. [Электронный ресурс]. 25.09.2019 (дата публикации). Режим доступа: <https://anyha.org/bzhylua-roof-ridge/>
38. *Чачхалиа, 2018* – Чачхалиа Д. К. Храм Куач-ныха близ Нового Афона (Абхазия). М.: АКВА-Абаза, 2018.
39. *Чирикба, 2021* – Чирикба В. Гумское наречие Абхазского языка // Вестник Академии наук Абхазии (Серия: Гуманитарные науки), 11 (2021), С. 11–19.
40. *Чирикба, 2022* – Чирикба В. Словарь географических названий Абхазии и других стран. Сухум – М., 2022.
41. *Чхаидзе, 2017* – Чхаидзе В. Грузинская печать византийского типа XI в. // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2017 г. Москва, 23 и 24 ноября 2017 г. Материалы докладов и сообщений памяти Т. Ю. Стукаловой (17.12.1958 – 16.01.2017). М.: РИА Внешторгиздат, 2017. С. 61–66.
42. *Шервашидзе, 1974* – Шервашидзе Л. Столб из села Анухва // Труды абхазского государственного музея, 4 (1974), С. 176–185.

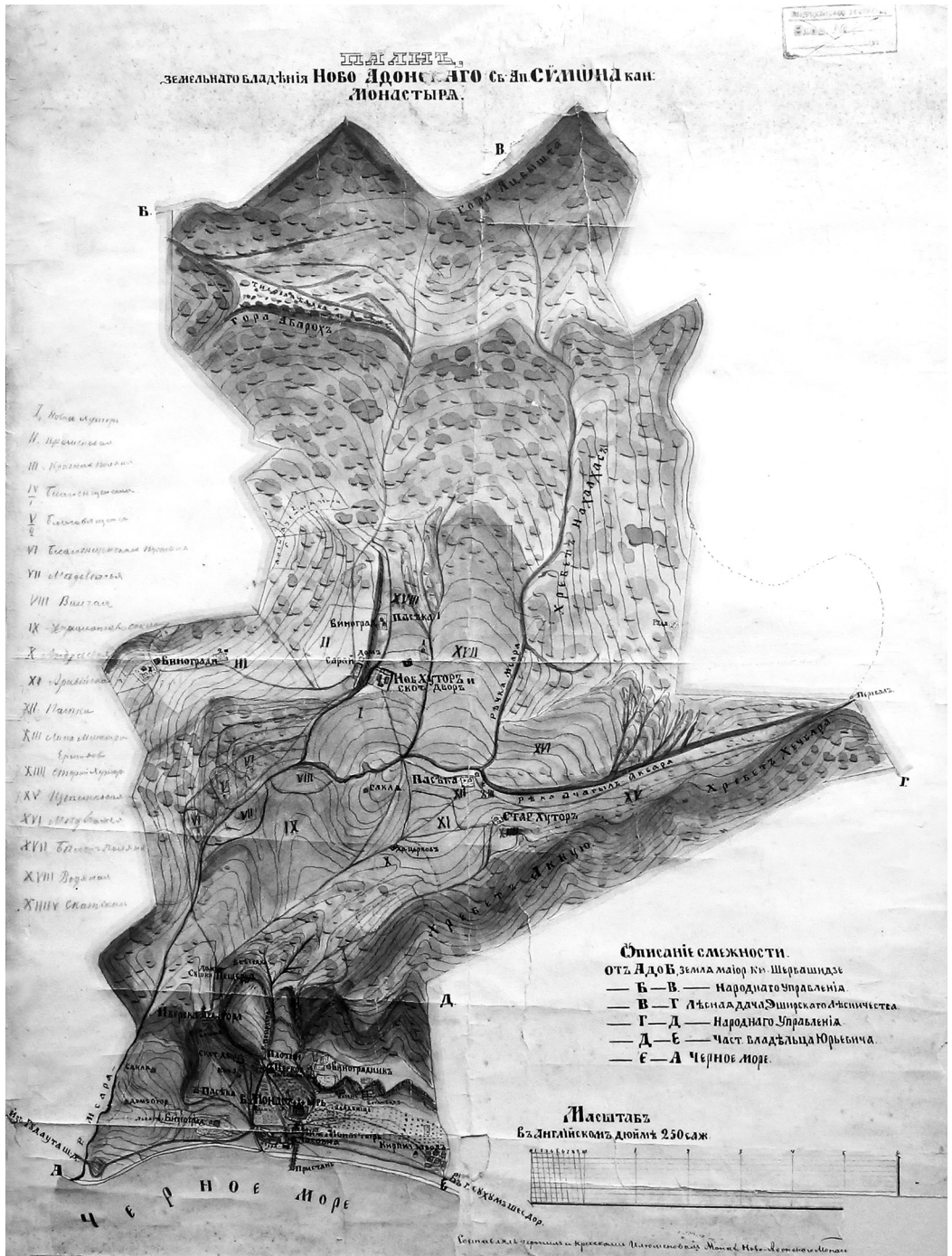

Рис. 1. Рукописный план земельного владения Ново-Афонского монастыря. Кон. XIX в. ЦАМ СМА

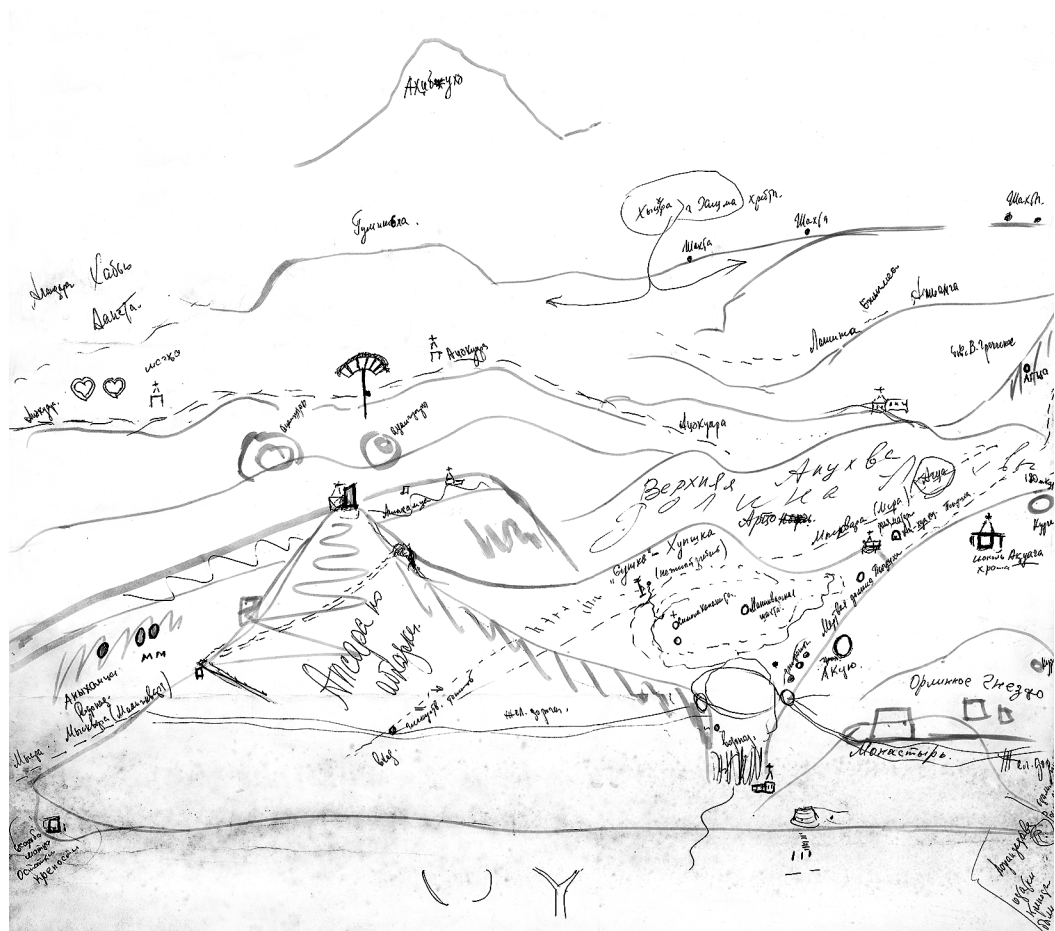

Рис. 2. Рисунок с условно-схематичной картой Нового Афона и его окрестностей (с пометками архимандрита Дорофея (Дбар). Втор. пол. XX в. АГМ

Рис. 3. Руины храма Бжиллоа в с. Анжуа. Общий вид. Сентябрь 2023 г.

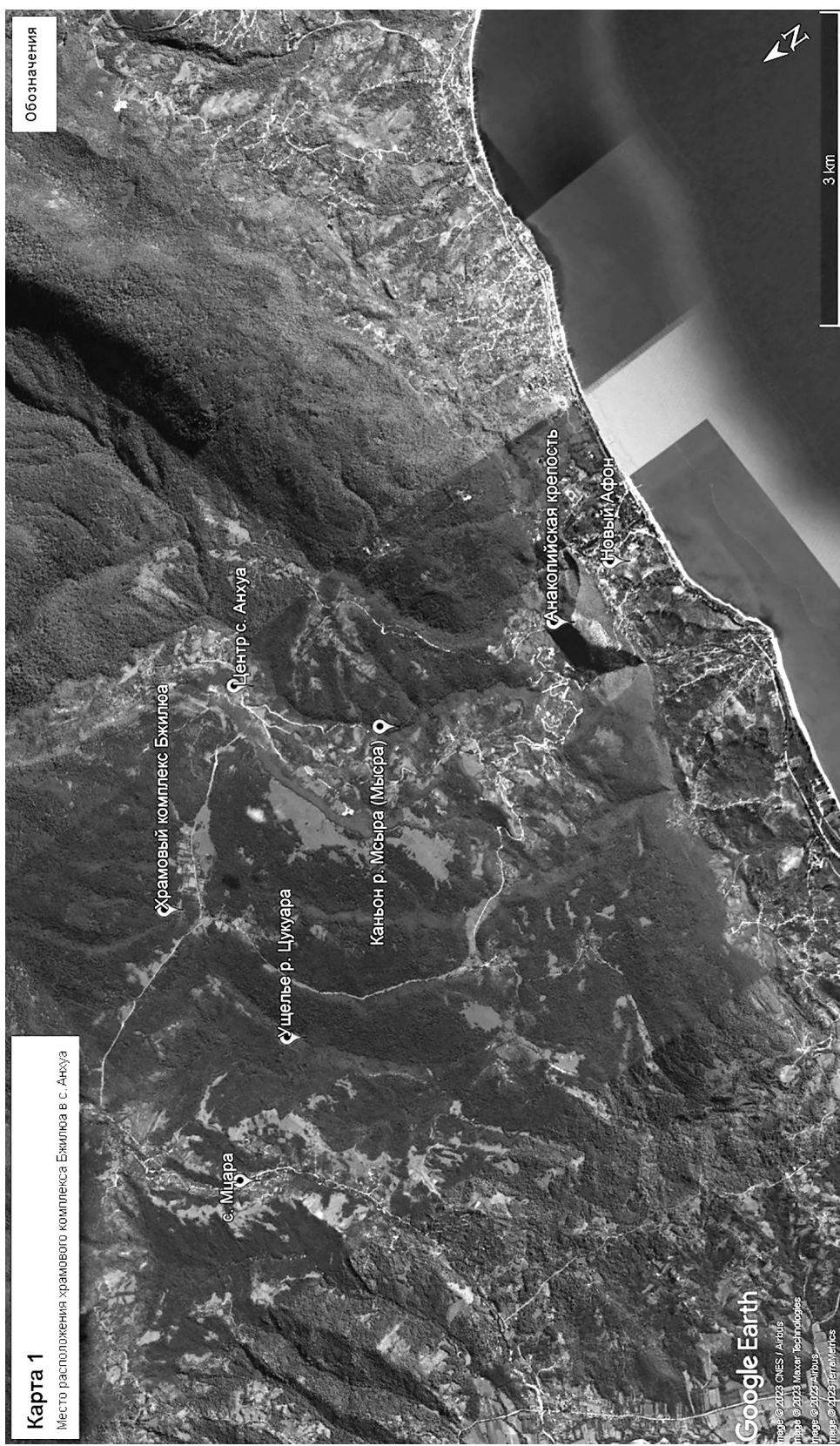

Рис. 4. Место расположения храмового комплекса Бжילה в с. Анхуа. Google Earth.

А.В. Аргун

СЕЛО АНХУА

Историко-культурологический очерк

Предисловие

Мысль написать очерк про историю села Анхуа посещала меня неоднократно, но полагал, что пока не время. Подспудно, при изучении объектов истории и архитектуры Анакопийской крепости и ее окружи мне приходилось не раз затрагивать различные аспекты древней истории этого замечательного исторического поселения. С течением времени усиливалось осознание важности исследовательской работы по истории села Анхуа, так как все четче прослеживалось его большое значение в разных периодах истории Абхазии, рассматриваемой нами как исторический процесс, движущей силой которого являются люди.

К сожалению, за прошедшие годы становления исторической науки роль и судьбы людей, социальных и национальных групп в целом оставались на втором плане.

С другой стороны, носители вербальной истории в первом и втором поколениях ушли из жизни, а их потомки уже не полагаются на свою память, в которой образовались большие бреши. Этим объясняется выбор тем (слабость охвата), освещаемых в рамках работы, а также мое стремление опубликовать материалы, имеющие теперь, на мой взгляд, особую ценность. Я приступил к работе с чувством тревоги, что через некоторое время писать на эти темы будет нечего и некому: не останется носителей вербальной истории хотя бы собственного рода. Так, к примеру, археологические и архитектурные памятники с. Анхуа, упоминаемые известными авторами XX в., приходится разыскивать заново и не всегда успешно. Увы, преемственность поколений прервалась не только в краеведении, но и в нормах этикета, обычаях и ритуалах. Даже в научных кругах стало нормой упрощенное отношение к религиозным ритуалам абхазов, которые ныне приписываются некоему традиционному монотеизму, которого не было. Многие «специалисты» стыдятся знать и говорить правду о традиционной религии абхазов, сводя ее к явлению провинциального, заблудшего христианства. Они же пропагандируют подмену главных лиц из пантеона богов именем Анцва, которого понимают как Бога Отца и Бога Сына, либо Божьей Матерью. Наши предки не были сильны в вопросах религиоведения и культурологии, они чистосердечно осуществляли ритуалы, которые передавались из поколения в поколение, не замечая, насколько трансформировалось их духовное развитие. По-видимому, это неизбежный процесс для бесписьменной религии, судьба которой зависела от способности к выживанию и меры ответственности касты жрецов. Для устойчивой переда-

чи традиционной веры необходимо более углубленное понимание места человека, окружающего его мира и высших сил; философское оформление учения и умение его транслировать в массы. По-видимому, институт жрецов не прошел испытание временем. Этим, скорее всего, объясняется легкость, с которой в XIX-XX вв. абхазы переходили в мусульманство, или в христианство; внуки мулл (ахэаца) переходят в христианство, а наследники аныхацааоцэа могут не следовать правилам собственных отцов. Чему же удивляться, когда в наше время становится массовым подмена в Священной кузне бога Щащвы на Анцва; на Ацуныхэа вместо Афы обращаются к Анцва и т.д.

Налицо распад прежних социальных систем, внутри этнических связей, духовных скрепов. Атомизация общества – явление, прослеживаемое далеко за рамками абхазского общества, имеющее свои объективные причины. Характеристика современных явлений и их глубинных причин, как отдельные темы, останутся за рамками нынешней работы. Читателю представится возможность самостоятельно подметить для себя штрихи многих нераскрытых направлений.

Причины формирования поселения Анхуа

В археологических памятниках древности с. Анхуа фиксируются прекрасные произведения из бронзы, есть здесь и памятники более древних эпох: палеолита, неолита и энеолита. Хорошо прослеживаются материалы Античности с V в. до н.э. – вплоть до позднего Средневековья. Очевидно, что географическое положение и природно-климатические факторы предопределили зарождение здесь крупного поселения еще в древности. В поздней Античности и раннем Средневековье в крупной исторической области с центром в Анхуа начинают формироваться и выкристаллизовываться центры отправления светской власти. В этой связи мы рассматриваем возникновение первого укрепленного пункта на вершине Анакопийской горы, призванного защитить пути сообщения анухвского поселения с побережьем. Топография местности, на которой формировалось оно, связано с особенностями пересеченного ландшафта, окаймленного со всех сторон более высокими хребтами, которые естественным образом обеспечивали благоприятный микроклимат и естественную преграду от враждебных намерений. Через эти хребты были проложены древние тропы, позже дороги и тракты, связывавшие его с побережьем, на котором происходил обмен товарами, а также с подгорной дорогой, протянувшейся в широтном направлении с запада на восток. Село связано кратчайшими дорогами и с перевалами Кавказского хребта, через которые с незапамятных времен осуществлялась связь (торговля, обмен людьми, знаниями, ремеслами). Довольно неровная долина, зажата хребтами со всех сторон, была обширной, здешний воздух был здоров, а почва достаточно плодородной для земледелия. Мы полагаем, что пахотных земель на этом холмистом пространстве, изрезанном многочисленными ручьями и оврагами, было недостаточно. В то же время неудобство земледелия компенсиро-

валось благоприятными условиями для самообороны. Кроме того, близость леса и наличие источников питьевой воды (карстовые), а также гористых склонов, вполне пригодных для животноводства, предопределили формирование здесь крупного поселения. Анхуа – одно из древнейших поселений предгорной зоны Абхазии. Близость моря с его теплыми воздушными массами, которые прорываются по ущельям вверх, делают климат здесь намного мягче, нежели в более удаленных местах. В рамках данной работы я не привожу обзор библиографии по заданной теме, читатель может найти нужные ему сведения в ссылках.

Рассмотрим этимологию топонима Анхуа. По мнению большинства исследователей, в основе его лежат два слова Ан и Хуы. В первом слове легко распознать имя матери – по-абхазски Ан (сравнить: верховный бог неба Ану из шумеро-аккадского пантеона), второе слово означает вершина – возвышенность – холм. В нашем случае следует полагать, что в селе располагалась древнейшая святыня, связанная с божественной праматерью Ан, вокруг которой формировались связанные с ней культы. Об этом могут свидетельствовать соседствующие с ней топонимы, сохранившиеся до наших дней.

Ан-а-кѳаца, Ан-ыха-ху, Ан-ыха-мѳа – эти топонимы соседствуют и свидетельствуют о сложении религиозной системы матриархата в указанном регионе. Скорее всего, данный религиозный центр возглавлялся жрицей¹ и объединял население, расположенное на периферии. При отсутствии угроз со стороны, на определенной территории, как правило, очерченной природно-географическими рубежами, оформляется главенствующий род и подчиненная ему периферия. Подобные доминирующие центры появляются чаще всего там, где расположена душа народа – его главная святыня, связывающая сакральными смыслами отдельные разрозненные, конкурирующие, а иногда и враждебные на бытовом уровне общины. На этом этапе в формировании элементов прагосударства, сложение единых религиозных представлений и установление главенствующего религиозного центра является результатом развития, играет роль катализатора в процессе централизации власти. Иерархия религиозных центров и почитаемых божеств отражает общественное состояние эпохи энеолита и ранней бронзы, главными из которых является символ **Матери–Ан** – родоначальницы и продолжательницы жизни. В целом родовое общество этого времени на исследуемой территории можно охарактеризовать устоявшейся многосложной системой, подразумевающей существование этноса.

Наряду с главным тотемом в древнем обществе существовало множество культов, среди которых традиционным оставался культ предков, вера в их оживление, с присущим ему ритуалу почитания костей и кожи (шкуры), как вместилища души и оболочки плоти². На этом историческом отрезке религия

¹ Акаба Л. Х. У истоков религии абхазов. Сухуми. 1979. Фиксирует, что вплоть до середины 20 века в Абхазии существовал общественный институт ворожей женского пола, которые прорицали и исцеляли магическими ритуалами, что свидетельствует о пережиточных формах первобытного женского жречества.

² На примере сохранившихся у абхазов архаичных ритуалов исследователь Акаба Л. Х. в монографии «У истоков религии абхазов» (Сухуми, 1979.) дает аргументированную интер-

не могла обладать достаточно развитыми формами, в то же время характеризуется вполне устоявшимися воззрениями на основе тотемизма, анимизма и магического культа и, надо полагать, вполне установившимися ритуалами, которые, скорее всего, были многочисленными. Красноречиво свидетельствует об устойчивости матриархального культа упоминание в мифе об аргонавтах главной святыни колхов¹ – «золотом руне», которое хранилось в Священной роще, о роли Медеи – дочери Аэта в его похищении.

По нашему мнению, сакральное значение вышеописанных культов не было утрачено вплоть до усиления эллинистического культурного влияния. Но и в этот период не было окончательно потеряно, лишь трансформировались смыслы. Новые божества привязывались к почитаемым местам и традиционным молениям. Препрежнему хорошо известным богам присваивались новые образы, которые так и не смогли окончательно вытеснить традиционные. В данном случае мы можем говорить о трансформациях в религиозном сознании населения страны, которые, надо полагать, происходили не однажды. И как часто бывает, воплощение новых религиозных идей не в состоянии разрушить силу традиции. Чаще всего происходит приспособление привычных традиций к новой философии.

Появление мегалитической культуры в непосредственной близости от Анхуа: с запада (с. Ачандара, Отхара), с востока (с. Эшера), безусловно, заставляло переосмыслить систему устоявшихся культов. В основе мегалитической культуры лежала новая религиозная философия, признававшая три стихии священными, потому и не подлежащими осквернению. Это стихии огня, воды и земли. Ее генезис происходил южнее современной Абхазии, скорее всего, в пределах Малой Азии и является, как считают некоторые исследователи, главным признаком возникновения патрилокальных родов. Новая религиозная тенденция, возможно, была привнесена на территорию Западного Кавказа. Считается, что в 3 тыс. до н. э. в регионе Малой Азии проживали родственные по языку племена хаттов. Новая религия прижилась в Абхазии, в частности, благодаря тому, что не противоречила представлениям прежней веры о святости костных останков и об их последующем воскрешении.

В то же время эпоха патриархальной родовой общины не смогла убедительно аргументировать постулаты новой религии, о чем мы можем говорить исходя из лингвистического материала. Так сложившиеся еще в эпоху матриархата тотемы: **Ан-цэа (Бог), Ан-(л)-хэы (вершина матери), Ан-ыха (голова матери), Ан-а-кэаца (вершина матери), Ан-(л)-харта (место жительства либо упокоения), Ан-шьа-н (идол)**, а также ритуалы: **ан-(л)-ыхэара (моление)** сохранились в языке в неизменной форме. К ним присоюдились новые почитаемые места: каменные дома для усопших «адам-

претацию древних верований, особая роль в которых отведена шкуре самки, черепу и костям жертвенных животных.

¹ Колхида в широком географическом смысле включала в себя и территорию расселения древнеабхазских племен. Золотое руно – это выделанная баранья шкура, с песчинками природного золота, застрявших в густой бараньей шерсти. Золото как не тускнеющий желтый металл почитался древними в связи с культом солнца.

ра», *седалища* бога Афы (аналог Зевса, созвучно с Афиной) надо полагать, еще ранее почитались Солнце¹ (Амра, сравнить с Амон Ра) и Луна (Амза), священные рощи и деревья, камни, карстовые источники, являя собой черты натуралистической религии, сохранившиеся в пережиточной форме до сегодняшнего дня. В этом факте мы усматриваем эволюционные преобразования в духовно-религиозной системе, которые не поспевали за новым общественным устройством.

В древние времена, надо полагать, поселение Анхуа формировалось под влиянием своего стратегического положения, востребованного в связи с возрасставшим значением обмена и торговли. Как известно, морская навигация сильно зависела от погодных условий и наличия безопасных стоянок для судов. Этот фактор важно учитывать при освещении истории Абхазии периода от Античности до Новейшего времени. В нашем случае природа позаботилась обо всем самостоятельно. Две реки, протекающие через село, формируют удобное русло в пойменной части, которое люди еще с тех времен могли использовать для стоянок небольших галер. Устье реки Псырдзха, ныне поделенной на два рукава, в прежние времена имело глубокий канал перед тем, как смешаться с морскими волнами. Сохранившееся фото 1864 г. показывает ее расположение; на других фото видно, что его берега были укреплены камнем (скорее всего, в раннем Средневековье), тогда же здесь появилась прибрежная крепость, форпост на подступах к Анакопии. К западу протекает река Мысра², в нижнем течении спокойная и не многоводная, однако у впадения в море образуется более-менее широкая и глубокая заводь, прикрываемая выступающим в море хребтом от штормовых ветров с востока. Не удивительно, что в акватории Нового Афона чаще, чем где-либо встречаются остовы античных галер, груженных амфорами.

О географическом положении села В.П. Пачулиа сообщает: «С юго-востока к селу подступает Афонская гора, высота которой доходит до 800 м над уровнем моря; левее, если смотреть в сторону гор, видна возвышенность Хичшара, у подошвы ее лежит низина, в которой протекает горная река Мысра, берущая начало на склонах горы Лашрыпсарт. Северо-западнее возвышенности Хичшара тянутся небольшие хребты Михалху и Абарук, покрытые густым лесом. С юга село окаймляется горами Апсара, Ашанхуа, Ацангвараху и Мсыгхва. На северо-западе от него протекает река Цквара, являющаяся естественным рубежом между селами Ацы и Анухва».³

Данное описание нуждается в уточнениях. Село Анхуа располагается на склонах хребтов и в холмистой долине, изрезанной многочисленными ущельями, главными из которых являются ущелья р. Мысра и р. Псырдзха с впадающими в них потоками. Село (от 200 до 500 м. над у.м.) окружено со всех

¹ Следует в целях исследования сопоставить ряд древнейших слов с корнем Ам. Вот некоторые из них: Ам-ра, Ам-за, Ам-шын, Ам-ца. Надо полагать, что частица Ам связана со светом (свечением) и была общей для многих древних народов Евразии и Африки.

² Часто в источниках 20 в. р. Мысра называется Псырдзха. Объяснений этой повторяющейся ошибки найти не могу.

³ В.П. Пачулиа. Новый Афон. Тб., 1964. С.33.

сторон хребтами. С востока и юга к нему подступает гора Акэфы (Афонская) (682 м.), которая составляет хребет Ажэамгуа с наивысшей точкой 1303 м. На этой горе сформировался поселок Акэфы. У подножия Акэфы с запада расположен поселок Акуача, с севера же от него – поселок Иахэтыбжъя. С северо-востока от него протянут хребет Бугристый¹ (1282 м.), у подножия которого лежит местность Ачагылара, на севере – гора Лашрыпсарт², западнее Ацэтэараху находится гора и гребень Мхалху, на южном склоне которого располагается поселок Аузха. Далее на западе возвышается скалистый гребень Агца со знаменитым гротом. К нему с юга и запада примыкает поселок Бжьылџа, а с севера лежит местечко Аджматэара. Западнее гребня Агца протянут лесистый гребень Абаарыку (945 м.) с одноименным поселком, у подножия этого гребня на западе расположен поселок Веселовка³. Затем с северо-запада цепью протягиваются лесистые возвышенности вдоль левого берега р. Цэкуара (414 м.), которая является границей сел Анхуа и Аацы. Далее если смотреть по кругу с юга возвышается гора Мсыгэхэа. Восточнее нее протянут высокий хребет Ацангуараху⁴ (325), затем Абаахуда с вершиной Аныхаху⁵ (312) и далее Анакопийской горой (345), на южных склонах которой и в пойме реки Псырдзха расположен современный Новый Афон.

На западе современное село Анхуа граничит с с. Аацы, на северо-западе – с с. Мцара, на юго-востоке – с с. Псырдзха, на юге – с г. Новый Афон и с. Приморским.

Анхуа подразделяется на ряд внутренних поселков – ахабла.

По левой стороне р. Мысра против часовой стрелки следуют г. Анаџэапия, за ней на север Сушка-кучук Стамбул (Ахэпшқа)⁶, затем Акуача, Ачагылара, Аузха, Ацматэара, Ацангэара.

С правой стороны р. Мысра располагаются поселки (ахабла): Агца под хребтом Абаарыкэ, по часовой стрелке южнее и западнее Бжьылџа, южнее Чабалныку, западнее него – Азхапш⁷, за ним, южнее Чабалныкуа – хребет Абаахэда⁸. Через поселки Азхапш и Чабалныку ведут дороги к побережью, первая через поселок Акаламра (ферма) к местечку Мсыгэхэа, вторая – восточнее к прибрежным холмам под названием Ачырха⁹. На северо-западе от Анхуа протекает река Цэкэара, являющаяся естественным рубежом между селами Аацы, Мцара и Анхуа. Мсыгэхэа, Ачануа¹⁰, Ачырха ранее входили в границы села Анхуа.

¹ Название приведено по топокартам. В.П. Пачулия называет его Хичшара, житель села А.Г. Пачулия этого названия не знает, называет его Ацэтэараху.

² Приведен по В. Пачулия.

³ Исконное название утрачено.

⁴ Приведен по В. Пачулия.

⁵ Приведен по В. Пачулия.

⁶ Названия 19-20 вв. Есть сведения, что ранее называлось Ахэпшқа.

⁷ Источник – В.А. Смыр. Сведения, получаемые от местных жителей, не всегда коррелируют с данными карты Генштаба СССР 1972 г.

⁸ Встречаются разные названия для одной и той же местности. Абаахуда у Пачулия обозначена Ашанхуа. Также встречается название Аныхаху, и у его подножия Аныхамца.

⁹ Сообщение В.А. Смыр.

¹⁰ Данный микропоним никому не известен.

Древние памятники с. Анхуа

Историко-культурное значение с. Анхуа можно оценить по многочисленным сооружениям из камня, исходя из материалов погребального инвентаря Античности и раннего Средневековья.

К сожалению, здесь не проводились масштабные археологические работы, погребальные комплексы выявлялись случайно в результате земляных работ по всему селу и свидетельствуют о высоко милитаризированном характере его населения, а также о широких связях с античным миром.

Уровень развития древнего общества и его социальной стратиграфии определяется по наличию остатков оборонительных сооружений в с. Анхуа: каменных оград, башен и других сооружений, предназначение которых окончательно не установлено. Поисковые работы осложняются тем, что сведения информаторов¹ о местоположении и характере объектов часто разнятся, упомянутые в источниках локальные топонимы не известны местным жителям, которых осталось в селе мало. За последнее время (30-40 лет) в связи с оттоком населения, огромные территории села заросли лесом, многие незначительные дороги и тропы стали непроходимыми, а названия поселков запутаны. Тем не менее, в рамках деятельности Анакопийского Национального заповедника² мы с 2013 г. проводим регулярные экспедиции по выявлению и фиксации объектов историко-культурного наследия на территории села; выявляем и исправляем названия различных поселков и достопримечательных мест, фиксируем пути подхода к объектам. В результате, нами установлен расширенный список объектов, часть из которых согласуется с данными источников.

1. Бжилвинская крепость. Расположена в поселке Бжилва на продолговатой возвышенности, протянутой с севера на юг, с востока ограничена обрывом, над которым проглядывается кладка из мощных квадров известняка, выложенных без раствора. К этому месту можно подъехать по дороге, идущей через местечко Импруд, ориентиром будет служить высокий железный столб с раскосами высоковольтной линии передач (рис. 3.) Качество отделки блоков сближает их с кладкой цитадели Анакопийской крепости. Бжилвинская крепость по времени, скорее всего, относится к поздней античности. Она расположена таким образом, что хорошо видна вершина Анакопийской горы с ее верхними строениями, а также окружающие ее хребты с их сооружениями, существовавшими в древности.

2. Крепость Абаарук. На стыке дорог, ведущих из с. Приморское (Цэкэара) в Анхуа, и из поселка Чабалныку в Веселовку располагается бетонная цистерна – родник, обустроенный в советское время. Эта местность носит название Азхапш³. За ним узкой полосой протянуты поля под кукурузу и расположено армянское кладбище. Над этой узкой долиной возвышается с севера ле-

¹ К основным информаторам мы относим историков В.П. Пачулиа и Ю.Н. Воронова.

² Полное название: Национальный Новоафонский историко-культурный заповедник «Анакопия»

³ Информатор В.А. Смыр.

систая гора, неприступная, на первый взгляд. Она является началом длинного гребня, протянутого на север села. Почему-то у В.П. Пачулиа эта гора названа Абарук. На ее вершину можно попасть с северо-западной стороны селения, свернув направо, если двигаться в сторону Веселовки. К объекту ведет едва заметная дорога, по которой еще недавно поднимались машины для заготовки дров. На вершине возвышенности среди густых зарослей видны остатки стен без растворной кладки, протяженностью около 25 м., повсюду в зарослях кустарника и колючек, обвивших деревья, разбросаны грубо обработанные камни из кладки стен. Согласно сведениям местного жителя, вершина горы распахивалась под кукурузу в советское время. Террасой ниже, с восточной стороны горы бьет ключ, из которого древние обитатели брали воду. Характер кладки говорит о раннем происхождении крепости, однако для научного вывода необходимо проводить изыскательные работы.

3. У подножия этой горы с юга, западнее – кладбище, в земле проглядываются остатки сооружения из тесаного камня на известковом растворе прямоугольной формы. Однажды на памятнике произошел провал грунта и мной было зафиксировано основание арки свода, что может свидетельствовать о неплохой сохранности памятника. Объект имеет ориентацию по оси запад-восток, что дает нам возможность отнести его ко времени расцвета христианского зодчества в Абхазском царстве.

4. На северо-западной окраине села Анхуа, на лесистом гребне, протянутом вдоль дороги из поселка Веселовка, возвышающемся с востока над руслом реки Цквара, был найден ряд интересных объектов: древний карьер, из которого добывался камень на строительство.

5. Южнее на этом же гребне остатки безрастворной кладки стен, еще южнее – крупное оборонительное(?) сооружение округлой формы из ломаного камня, выложенного без раствора, к которому примыкают несколько круглых в плане сооружений меньшего диаметра. Толщина и высота стен были столь значительны, что завал камней из стен ныне достигает до 20 м. в ширину, а сохранившаяся часть – в высоту до 2 м. (рис.8.).

6. Еще южнее, у места пересечения трех дорог, о которых говорилось выше на выровненной вершине гребня, возвышающемся над ущельем р. Цэкэара, обнаружено поселение, обнесенное оградой из камня, с жилищами, план которых можно прочесть по остаткам стен из сухой кладки. Название местечка Азхапш можно понять как пункт наблюдения за водой (источником).

7. У дороги, ведущей из поселка (Чабалныку) в центр Анхуа, слева от нее, обнаружено каменистое плато, вытянутое с юга на север площадью прим. 2 га. С востока защищено рвом, вырубленным в известковых пластах на ширину до трех метров. Ныне его глубина составляет не менее 2 м. Надо полагать, что камень, извлеченный при устройстве рва, пошел на стены и жилые постройки, следы которых едва читаются на сильно заросшей местности. Данное укрепленное поселение напоминает позднеантичные поселения апсиров¹ (рис.9.).

¹ Ю. Н. Воронов. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.

8. На горе Ақәсы в местечке «Ақәрта» располагается курган, сооруженный на вершине холма у древней тропы, ведущей из восточной окраины села Анхуа к с. Псырзха. (рис.7.).

Зодчество Раннего Средневековья запечатлено в с. Анхуа остатками шести церквей, выстроенных на живописных и, скорее всего, почитаемых ранее местах.

1. Наиболее ярким памятником является средневековый храм Мсыгхва¹ крестовокупольное сооружение, находящееся в близком сходстве с Анакопийским храмом Симона Кананита. Этот памятник был расположен на западном склоне горы Мсыгәхәа, в начале живописного ущелья реки Цәкәара. «Под многовековыми наслоениями грунта полностью сохранились нижняя часть стен храма и многочисленные архитектурные фрагменты. При расчистке храма экспедицией были обнаружены остатки кровельной черепицы и искусно выполненные архитектурные детали, целые и обломанные калиптеры, многочисленные антефиксы с рельефными знаками и надписями, а также разноцветные осколки рельефного оконного стекла»². Декор храма Мсыгхва имеет много общего с резьбой на плитах, установленных в Анакопийском храме цитадели, антефиксы имеют аналогию храмам с. Лыхны и с. Мрамба.

При прокладке асфальтированной дороги, ведущей к части Гражданской Обороны еще в советское время, храм был уничтожен. Сохранилась лишь часть южной стены, высотой кладки не более 1 м. После взрыва 2 августа 2017 г. боеприпасов, хранившихся там, и работ по расчистке завалов, и она была засыпана (уничтожена?).

2. «В двух километрах севернее храма Мсыгхва, в местечке Ачануа, сохранились остатки храма богатой архитектуры. Судя по сохранившимся деталям и кровельной черепице, храм Ачануа был сооружен около 1000 лет назад. Лет 30 назад облицовочные камни храма были, к сожалению, разобраны и употреблены на строительство водохранилища в Нижней Анухве», – пишет В. Пачулиа³. В настоящее время храм значительно разрушен. Название Ачануа ныне утрачено, а понятие «Нижняя Анухва» не известно никому, кроме названного автора.

3. «На северной окраине села Анухва, в поселке Веселовка, находятся развалины средневекового храма. Сейчас от него остались только южная и восточная стены. Остатки фресок в алтарной части свидетельствуют, что некогда храм был украшен прекрасной стеной росписью. В конце XIX века ново-афонские монахи сняли с храма и увезли интересные архитектурные детали с надписями; теперь эти детали экспонируются в Абхазском государственном музее»⁴. Считается, что храм был посвящен св. Георгию Победоносцу. Он представлял из себя зальное сооружение с вытянутой по-

¹ А. К. Кацья. Памятники архитектуры в долине Цкуара. МАИ. Тб., Мицниереба. 1967.

² В. П. Пачулиа. Новый Афон. Тб., 1964. С. 35.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же С. 37.

лукруглой абсидой, вписанной в прямоугольник. Абсида снабжена с двух сторон абсидиолами такой же формы (рис.4.). К основному нефу примыкает с севера еще один зал. Данное строение имело коробовый свод и было покрыто кровельными плитами, вытесанными из известняка наподобие солена и калиптера. На территории вокруг церкви нами обнаружены остатки каменной ограды и руины еще одного объекта с полукруглой абсидой. Вполне возможно, что в период расцвета здесь располагался монастырский комплекс. Рядом с остатками построек фиксируется исконный топоним Ахьакуара.

4. Неплохо сохранился храм в местечке Аквача, расположенном в восточной части села, на возвышенности (400 м. над у. м.), уходящей на востоке в глубокое ущелье р. Псырдзха. Здесь также абсида снаружи вписана в прямоугольник, а изнутри имеет полуциркульную форму. На левой щеке абсиды устроена абсидиола, а над ней ниша, в которой, наверняка, хранились предметы культа (рис.5,6.). Ныне его стены местами сохранились до начала свода, свод обрушен, перед южным и западным входами в храм ранее существовали приделы. Когда-то он был окружен каменной оградой, следы которой местами проглядываются и ныне. Немного южнее храма Аквача, на хребте, возвышающемся над ущельем реки Псырдзха, существует природная цистерна карстового происхождения с удобным входом внутрь. Скорее всего, в древности был расширен проход и сама цистерна, в которой скапливается несколько тонн дождевой воды, дренирующей сквозь толщу известкового свода. Вполне вероятно, что данное «природное» чудо является результатом труда древних каменщиков, выбиравших отсюда камень для строительства храма. Общеизвестно, что камень, добытый из глубины, легче обрабатывается, а высота слоев плитняка из пещеры Ахапдзы в целом соответствует высоте камней в кладке храма.

5. На противоположной от храма Акуача возвышенности, через р. Мысра, у подножия современного карьера располагаются остатки церкви, согласно традиции XX в., посвященной св. Георгию. Это небольшое вытянутое строение, с полукруглой абсидой имело деревянное перекрытие. Ныне кладка абсиды полностью разрушена поздними захоронениями. Эта церковь, на наш взгляд, наиболее раннее христианское сооружение с. Анхуа. Данное сооружение В.П. Пачулия называет Аныхамца. Согласно информатору А.Г. Пачулия, прилегающее к храму местечко Чабалныку им понимается как Чаабал-рныха. А Аныхамца, согласно сообщению Г.Ш. Смыр, располагалось на западном склоне хребта Абаахуда, там, где святилище рода Смыр.

6. На горе Акую, над ущельем р. Псырдзха был выявлен еще один небольшой храм зальной постройки. Как и предыдущие памятники, этот объект является на сегодняшний день памятником археологии.

Предварительные выводы, основанные на натурном обследовании памятников с. Анхуа, выстроенных в эллинистической строительной традиции, говорят о высокой концентрации населения, по крайней мере, с эпохи ранней античности до позднего Средневековья и указывают на развитые политиче-

ские и экономические отношения, лежащие в основе формирования поселения-городища. Ранние сооружения располагаются на возвышенных местах, позволяющих производить визуальную связь между ними и контроль над путями сообщения. Поблизости от обнаруженных строений, как правило, существуют природные источники воды, изобилующие на левобережье р. Мысра. Эти сооружения чаще всего носят оборонительный характер, что свидетельствует о концентрации власти и богатств, всегда стремящихся под защиту. Все сооружения раннего периода гармонично вписаны в рельеф, учитывают окружающий ландшафт, изменения, привнесенные человеком, незначительны. Большая концентрация каменных сооружений свидетельствует об умении использовать камень в качестве строительного материала, наличествующего здесь в изобилии. В то же время напрашивается вывод, что привычные для нашего взгляда зеленые кулисы из буйной растительности не существовали в то отдаленное время, когда древесина массово истреблялась на бытовые нужды. Следовательно, ущелье и возвышенности в древности были оголенными и застроенными многочисленными жилыми строениями, связанными сетью дорог и троп внутри поселения, а также несколькими основными коммуникациями, связывавшими его с внешним миром. Коммуникации, ведущие с побережья, а также на перевалы Кавказа, охранялись укрепленными сторожевыми постами, обеспечивавшими безопасность царскому селу с его многочисленными жителями. Пастбищные и пахотные угодья, очевидно, располагались вне поселения, на его периферии.

В процессе исследовательской работы мы обратили внимание, что раннехристианские объекты с. Анхуа были расположены на доминирующих высотах и имели визуальную связь между собой. Данное явление имело целью охватить системой «оберегов» большую территорию этой области. К примеру, Анакопийский храм Богородицы, – первый в этой системе, визуально и сакрально связан с храмами Аныхамца, Акуача, Акую, Мсыгухва. Оставшиеся храмы Ачануа и св. Георгия в Веселовке (Бжилва?) находятся вне визуальных связей, и, скорее всего, строились в другую эпоху под конкретные цели.

Импульсом для смены религиозных представлений послужили события середины VI в., а именно: противостояние царей абазгов византийскому владычеству, окончившееся трагично для последних в результате карательной экспедиции византийцев в 550 г. н.э. Трахейское сражение, проигранное абазгами, привело к ликвидации позднеантичного царства абазгов: прежней политической и религиозной системы, уничтожению населения, защищавшего Трахею, а также к появлению колонистов из различных легионов (народов). Придворный летописец Прокопий из Кесарии в одном эпизоде сообщает, что среди абазгов во многих местах императором были поселены ромеи. Для достоверности выводов исследования необходимо сопоставление различных категорий источников. Мы будем обращаться к топонимии и гидронимии, данным вербальной истории. Согласно сведениям сказителя из с. Анхуа Кансоу Таркил, Анхуа опустошалась трижды. О первом случае сохранилось немного сведений, лишь то, что люди были насильно изгнаны

в результате побоища, в котором спаслись немногие. Когда абхазы решили вновь заселить эти места, то нашли здесь чужеродных поселенцев. Как известно, император Юстиниан переселял на одни окраины легионы из других окраин империи для того, чтобы перемешать население и сделать его управляемым. Согласно последним авторским данным, к концу VI в. на Анакопийской горе по заказу византийских императоров начинается строительство второй линии обороны и христианский храм на его вершине, внутри каменной ограды, выстроенной еще несколькими веками ранее. Данный факт косвенно подтверждает наличие лояльного населения вблизи от форпоста, задуманного в качестве мощной военной базы империи на территории Восточного Причерноморья. Появление в исследуемой области гидронима Мысра (Мсракуара), а также топонима Мсыгухэа попытаемся объяснить, используя две версии.

Первая: появление в с. Анхуа пришлого населения можно связать с поселенцами сирийского или египетского региона (Мысра, Шьамтэыла – понимается как Египет).

Вторая, авторская, версия опирается на сведения Агафия Миринейского о карательной экспедиции византийцев против горного общества миссимийцев (Мсаа, Мсымаа, Мзымаа) в 555 г., итогом которого стало их покорение, которое оказалось неимоверно трудным ввиду труднодоступности их местобитания. Возможно, после победы византийцы переселили подчинившихся им миссимийцев на ранее опустошенные земли в окрестностях Трахеи, чтобы обезопасить себя от будущих волнений. В этом случае Мсыгухэа (Мсы-гу-хэа) понимается нами как центральный холм рода Мсы-маа, а топоним Мхалхэы (М-пха-л-хэы), расположенный у истоков реки Мысра можно истолковать как холм дочери рода «Мы»¹.

Спустя немного времени Анакопия становится местом для отправления власти архонтов Абзгии, и вскоре ее царей, воспользовавшихся наследием империи в своих целях. Эти процессы, безусловно, отразились на с. Анхуа. Мы полагаем, что одна из царских резиденций располагалась здесь: неслучайно сын первого абхазского царя Леона именовался Георгием Агцепским, по местности Агтца, расположенной на севере села Анхуа.

Возникновение раннесредневекового Абхазского царства, за короткие сроки расширившегося как на запад, так и на восток, создало предпосылки для безопасности населения Абхазии, в том числе и с. Анхуа. В это время разрастается Анакопия, как первая столица Абхазского царства. Анхуа превращается в крупное поселение – царское село.

Согласно сообщению сказителя Кансоу Таркил, второе опустошение села произошло по причине экологической катастрофы. Так, жители села оказались в затруднительном положении в связи с полным истреблением лесов в округе, из-за длительной интенсивной их эксплуатации в бытовых нуждах. Случилось, что начался голод, из-за того, что нечем было поддерживать огонь в очагах. Как известно, истребление лесов приводит к обезвоживанию земли,

¹ Можно привлечь для сравнения другие формы этого родового имени: М-дафеи; М-шэаа.

исчезновению родников, засухам. Надо полагать, что интенсивное земледелие также истощило пахотные угодья, что в комплексе поставило население Абхазии перед необходимостью миграции, в поисках более благоприятных условий для жизни. По словам информатора к.и.н. Валико Пачулия, сообщение сказителя записывалось на пленку во время одной из экспедиций Абхазского института языка и литературы им. Д. И. Гулиа. Группу специалистов возглавлял Ш.Д. Инал-ипа. Однако в своих трудах Ш. Инал-ипа не отразил данный эпизод, возможно, посчитав сведения не подтвержденными. К сожалению, Абхазский институт был сожжен грузинскими гвардейцами и полевые записи, скорее всего, пропали безвозвратно. Мы же со своей стороны полагаем, что сведения вербальной истории достойны упоминания. В результате поиска подтверждения миграции анухвцев, нами был изучен массив данных по топонимии и гидронимии сопредельных с Абхазией территорий. Поиски увенчались успехом. В известной монографии А. Цагаевой «Топонимия Северной Осетии» автор выделила десяток топонимов, не подвергшихся этимологизации с помощью языков проживавших там народов¹. Среди них в Дигорском ущелье она указывает на топоним Анухва – неоспоримое доказательство миграции из Абхазии.

Вот как описывает процесс переселения анухвцев сказитель Кансоу: «По Абхазии разнеслась молва об освобождении земель на Северном Кавказе. Царь Алоу² собрал всех жителей с. Анхуа на сход, на котором было решено отправить разведчиков-добровольцев за Главный хребет для выбора подходящего для переселения места (согласно обычному праву на землю у абхазов – А.А.). Группа молодых парней отправилась в путь, они отсутствовали несколько месяцев, но вернулись с хорошим известием. В короткие сроки были организованы сборы. Царь Алоу во главе своего народа (жителей Анхуа – А.А.) со всем своим имуществом снялись из родной Анухвы и перешли жить на север».

Какой маршрут выбрали эмигранты? Как долго они находились в пути и когда могло произойти переселение? Я склоняюсь к мнению, что переселенцы, скорее всего, воспользовались Абхазской подгорной дорогой, которая соединяла Абхазию с другими частями Абхазского царства и, прежде всего, с его второй столицей Кутешь (Кутаиси). Отсюда дорога вела к Дарьяльскому перевалу, более удобному для перехода людей разного возраста и пола, отягощенных собственным имуществом, груженным на арбы. Вместе с собой они гнали свой скот.

А вот временные рамки события, скорее всего, надо связывать с походами Тамерлана в конце XIV в. Еще какое-то время потребовалось бы на восстановление природного потенциала опустошенных им земель. Поэтому массовое переселение абхазов в Северную Осетию мы связываем с началом XV в. Данный процесс не мог происходить стихийно, так как покоренные земли Северного Кавказа вошли в состав Золотой орды. Скорее всего, переселение абхазов было санкционировано ханами. К примеру, на стороне Тамерлана

¹ А. Дз. Цагаева. Топонимия Северной Осетии. Владикавказ, 2010. С. 41, 42, 79, 80.

² Информатор Валико Маджитович Пачулия.

воевали абхазы в Каппадокии¹. Миграционные процессы продолжались и позднее, вплоть до конца XIX в. Параллельно миграции из Абхазии, надо полагать, что происходила инфильтрация аланского населения (беженцев) на юг, в Абхазию. Об этом могут свидетельствовать ряд топонимов и гидронимов аланского облика в горных районах Абхазии, а также сведения об убыхах, состоявших из двух колен, одно из которых называлось Алань. Следует упомянуть предание абазин о том, что они первыми пришли на Северный Кавказ. Кабардинцы – также союзники Золотой орды – застали на этих землях абазин, которых подчинили в изнурительной войне. В результате смешения этносов значительная часть абазин была ассимилирована в кабардинской среде, многие княжеские и дворянские роды Кабарды ведут свое начало из Абхазии. Надо полагать, что жившие в среде дигорцев абхазы также подверглись ассимиляции.

Прошло много времени, прежде чем Анхуа заселили новые жители. Тогда, как говорил Кансоу, здесь появились основные фамилии, чьи потомки заселяли эти места вплоть до последнего выселения в 1877 г.

Топонимия с. Анхуа сохранила патронимику Зрелого Средневековья («Ахикуара», «Лоуиахъара» «Хэагынаа рдэы»), что может свидетельствовать о наличии крепких феодальных отношений на определенном отрезке времени. «Ахикуара» – царский родник. «Лоуиахъара» – каштановый лес в большом урочище, по-видимому, отчужденный представителями царского рода Алоу для создания своего рода заповедника – территории, на которой запрещалась хозяйственная деятельность и охота общинников.

Царский род Алоу, оставивший след в топонимии и фольклоре большой Абхазии, почти полностью выродился. Скорее всего, этому способствовали и внутривнутриполитические процессы в Абхазском царстве. Еще в конце X в. Леониды потеряли Абхазский трон, а затем, в силу оппозиционности, и привилегированное положение в Абхазии. Уже в начале XI в. в источниках упоминается начальник войска Квабулел Чачас-дзе отаго² – один из родоначальников новой династии правителей Абхазии, которых на абхазском языке называют Ачачба. Приведу следующее сведение Ю. Чиковани: «Представитель фамилии Шервашис-дзе упоминается впервые в начале XII в. на должности Цхумского эристава. Дардин жил в XIII в. и правил какой-то частью Абхазии при царице Тамаре. Если первого Шервашидзе правителем Абхазии действительно назначил Давид I, как думает большинство авторов, то это событие, скорее всего, могло иметь место или в начале 1121 г., когда после набега на Ширван царь отправился в Абхазию и, дойдя до Пицунды, по сообщению летописца: «управился делами тамошними: достойных милости – наградил, а провинившихся – захватил и наказал»; или же в 1124 г., после занятия Давидом всего Ширвана»³.

¹ Об этом сообщает император Емануил Палеолог. См. И.Г. Штриттер. «Авасгика, Апсилика Мисимианика», С. М. А. Новый Афон. 2011. С.32.

² Летопись Картли. Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. Тб., 1982. С.121

³ Ю. Чиковани. Род абхазских князей Шервашидзе. Тб., 2007. С.9.

История Хэатынаа рдэы также должна иметь свою разгадку. Но прежде я приведу предание, услышанное когда-то в молодости Смыр В.А. от стариков из поселка Акуача¹. Кто такие Хэатынаа никто уже не помнил, но рассказывали, что семья была многочисленной, парни были с гонором и любили повздорить с соседями, что в прежние времена очень строго возбранялось. Как-то раз после очередного конфликта, устроенного Хэатын-ипацэа, собрались старики на совет, чтобы не допустить развития конфликта. По итогам разбирательства, мировой судья – почтенный, неприкасаемый человек, чье слово было свято, отругал заносчивых парней за совершенный ими проступок. Двое из задир приняли назидание, а другие двое оскорбились. Они выследили его по пути домой (когда он был один), схватили старика за бороду и потребовали, чтобы он принес им извинения. Старик-молельщик поднял голос, на него сбежались жители села. Говорят, он поднял глаза к небу и прошептал губами какие-то слова. Соседи отбили старика у наглецов, но после этого Хэатынаа исчезли из Анхуа. Рассказчики приписывали это событие проклятью, которое промолвил старец. И когда кто-то из подростков позволял себе лишнее, старшие припугивали озорников напоминанием того, что произошло с Хэатынаа. Я задался целью выяснить кто такие Хэатынаа и что с ними приключилось на самом деле. Поиски такой фамилии в Абхазии, либо в диаспоре ни к чему не привели. Изучая «Историю Абхазских князей Шервашидзе» я встретил троих представителей этой фамилии с именем Хутуни (Хэатын)². Старший из них был сыном правителя Абхазии Ростомы, после смерти которого стал править в Лыхны, после смерти Хутуни (1737-1753) правил Тоулах, но из-за слабости характера был свергнут своим дядей Джигешь³. Его потомки проживали в с. Отхара. Еще один Хутун был сыном правителя Мурзакана и правил после его смерти в середине XVIII в.; у этого Хутуна был внук – третий в списке Хутуниа (1780-1847). Он, согласно сведениям Мачавариани, был обвинен в содействии убийства правителя Самурзакана Манучара – его двоюродного брата. Согласно источнику, Манучар был убит крестьянином Маджи Кварацхелиа за то, что обесчестил его жену. Убийца был оправдан народным судом, а вот Хутуни вынужден был скрываться от многочисленного отряда мстителей⁴. Ему удалось бежать из осажденной Бедийской крепости и найти защиту сперва у цабальских князей, а затем, скорее всего, у владетеля Абхазии. К примеру, Маджи Кварацхелиа прибегает к покровительству владетеля и переезжает с семьей в с. Дурипш. Иначе не истолковать того факта, что и в дальнейшем Хутун избежал преследования властей и сыновей Манучара. Мы полагаем, что какое-то время находившийся в опале Хутун со своей семьей мог проживать в с. Анхуа. Это могло произойти после 1813 г. У Хутуна было двое сыновей. У старшего Константина в свою очередь их было шестеро... Судя по описаниям характера конфликтов в с. Анхуа, связанных с членами семьи Хэатына, можно предположить об их чужеродности в этой среде, что и могло послужить одной из при-

¹ Смыр Вячеслав Алексеевич, уроженец с. Анхуа.

² А.Ю. Непрошин, Т.М. Шамба. История Абхазских князей Шервашидзе. М., 2013.

³ Там же. С. 287.

⁴ Там же. С. 364.

чин того, что Хәатынаа безвозвратно покинули с. Анхуа. География перемещения Хәатына и его наследников плохо проглядывается по источникам. Уже в середине XIX в. французский востоковед Мари Броссе, путешествовавший по Мегрелии и Абхазии, посетил Окум, «главный город Самурзакано» и «Бедию, резиденцию князя Хутуны Шервашидзе»¹. Данная версия имеет предположительный характер, но в ее пользу свидетельствует обычай, характерный для XIX-XX вв., когда княжеские имена были запретными для представителей низших сословий.

Постараюсь объяснить значения некоторых микротопонимов села Анхуа, часть из которых имеет древний облик. Вот их перечисление с востока на запад: Ақәфы, Иахәтыбжьа, Ақәача, Аузха, Аегылара, Абаарықә, Агца, Бжьылџа, Аныхамтца. Вершину Ақәфы следует понимать, как сухая (безводная), несмотря на некоторый соблазн связать это слово с Ақәырта (место приношения клятвы). Местечко с таким названием все же имеется на северо-восточном уступе этой горы. Название Иахәтыбжьа связано с изготовлением аиахәа. Анухвцы традиционно на этом склоне предпочитали выдалбливать из стволов деревьев большие корыта для давления винограда. Ачануа и Ақәача следует связывать с родовыми именами, ныне не сохранившимися в Абхазии. В доказательство может быть приведен список семей, выселенных в 1867 г. из с. Псырдзха, прилегающего к Анухве с юго-востока. В этом списке значится 13 семей рода Куач-ипа, которые, по всей видимости, уже компактно проживали в с. Псырдзха в середине XIX в.² Аузха располагается между двух источников, питающих р. Мысра. Вторая частица слова (зха) связана, несомненно, с водой. Название Аегылара (Аеагылара), по мнению жителей села, связано с благородным оленем, который остановился в этом месте. Хребет, окаймляющий Анхуа с севера, и его подножие называется Абаарықә, что следует переводить, как каменистые вершины.

Агца (ага-ицо – понимается как древний путь сообщения с побережьем). Река Агацо, отмеченная на карте царевича Вахушти западнее Анакопии, скорее всего, второе название реки Мсракәара, хотя некоторые исследователи видят в ней село Аацы и реку Аапста, что, на наш взгляд, неверно. Бжьылџа – семь дымов, Аныхамтца – подножие святилища, Цәкәара – бычий ручей.

Из нового времени

Третье опустошение села сказитель Кансоу Таркил связывал с событиями последней Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг., приведшей к выселению его жителей, по большей части насильственным способом. Данные события отражены в различных источниках. Прежде чем мы приступим к описанию этой полной трагизма истории, следует остановиться на событиях 1866 г., не менее сложных по накалу страстей. Причины и последствия, как и ход событий Лых-

¹ inal-ipa_sh_stupeni_k_istoricheskoi_deistvitelnosti.html; стр.120.

² Бежан Хорава. Махаджирство абхазов 1867. Артануджи. Тб., 2013. С.118-124.

ненского восстания 1866 г. освещены в научной литературе исчерпывающе. Однако есть ряд эпизодов, важных для полной реконструкции событий, но не освещенных в достаточной степени. Спустя 156 лет по прошествии времени, нам будет намного сложнее восстановить полную картину произошедшего, однако важность задачи толкает нас в этом направлении¹. Историк Г.А. Дзидзария ограничивается воспоминаниями 107-ми летнего Кансоу Таркил, назвавшего анухвского крестьянина Шпагу Дзган-ипа и лыхненского крестьянина Кайнагу Мачич-ипа, подавших выстрелами сигнал к борьбе². В то же время сказитель, как и все население Абхазии, был осведомлен о событии в лицах, спровоцировавших убийство непростых лиц, прикомандированных в Бзыбскую Абхазию. Но обо все по порядку. Г.А. Дзидзария пишет: «10 июля 1866 г. в Абхазию прибыла новая комиссия в составе: майора кн. Сулхана Баратова (председатель), капитан-лейтенанта Корганова и титулярного советника Черепова. В задачу этой комиссии входил сбор сведений «о порядках землевладения», об отношениях между лицами разных сословий... комиссии предлагалось «объявлять подведомственным крепостным, чтобы они не надеялись при освобождении на пособие правительства для выкупа своих повинностей»³. И далее: «Черепову был поручен сбор сведений по Бзыбскому округу... в помощь Черепову были назначены и. д. начальника Бзыбского округа Измайлов и «народные судьи» дворянин Титу Маргания и анхаю Камхаз Хагба»⁴. Черепов и ранее состоял в комиссии и хорошо был знаком жителям Бзыбского округа. Вот, что сообщает об этом князь Г.М. Шервашидзе: «Насколько чиновники не только не изучали обычаев старины, но и не руководствовались даже общечеловеческой этикой, сейчас вам доложу. Однажды, отдавая приказание сельскому старшине, чиновник Черепов сказал: «Значит, завтра, к вечеру я у вас буду, – собери кого нужно, чтоб встретили. – Да, мне придется у вас переночевать, прикажите там дивчатам хорошенько вымыться, да и старых рож чтоб там не было!». У старшины блеснул в глазах зловещий огонь, но он удержался и только ответил: «У нас всегда все хорошо умыты, только вас не ждут». С этими словами он ушел. Так как разговор происходил при мне, то я заметил г. Черепову, что таким языком говорить с ними не следует, и что напрасно он это делает. «Ничего», – ответил он, смеясь, – «надо их понемножку цивилизовать». На следующий день, когда г. Черепов поехал в деревню, то ни в один дом его не впустили, и сход к нему не собрался. Ему пришлось возвращаться в 10 часов ночи верхом с одним чапаром. Раздеваясь спать, возмущенный, он ругался: «погодите, подлецы, я вам покажу как над русским чиновником издеваться»⁵.

¹ В 1992 г. грузинскими оккупантами были сожжены Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа и Государственный архив, главные учреждения, в которых хранились архивные документы.

² А.Г. Дзидзария. Лыхненское восстание 1866 г. Сухум. 1955. С.13.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Так ли пишется история // Газ. «Закавказье», 6 июня 1910 г. // Г.А. Дзидзария. Указ. соч. С.112.

Согласно моему источнику¹, описываемые события происходили в с. Псырдзха (пос. Гуандра), чиновник Черепов вышел на балкон дома, в котором проходил прием жителей, и, увидев среди собравшихся старшину с. Анхуа дворянина Миканба (имя не помнит), крикнул во всеуслышание фразы, о которых упоминает князь Г.М. Шервашидзе. Оскорбленный старшина выхватил шашку и бросился к балкону, но конвой чиновника и в основном местные князья, смогли удержать старшину, который затем спешно покинул это место. Молва о нанесенном оскорблении быстро разошлась по Бзыбской Абхазии.

Работа поземельной комиссии была остановлена, жители сел бойкотировали работу комиссии, по всему округу проводились сходы возмущенных абхазов, которые только и говорили об убийстве царских чиновников. Судьба Черепова была предрешена. В едином порыве смыть с себя позор объединились князья, дворяне, крестьяне и их близкие, те, кто поневоле оказались свидетелями оскорбления со стороны чиновника. В дальнейшем при исследовании событий будет заметно выделяться роль анухвцев, их побратимов и соседей гумцев, а также жителей сел Псырдзха и Эшеры. Движение, охватившее всю Бзыбскую Абхазию, преследовало несколько целей. Мечь со стороны абхазов была бессмысленной развязкой. Это не могли не понимать организаторы схода. Более умеренное крыло стремилось использовать крестьянское движение, чтобы выдвинуть требования царским властям, среди которых, как показало время, было стремление возродить автономию Абхазского княжества, чтобы оградить свои права от притеснений царских чиновников. Однако империя более не нуждалась в услугах владетельного дома, а услуги привилегированного сословия Абхазии обходились ей дорого. Это понимали князья и дворяне Абхазии, и, конечно, беспокоились о сохранении своего прежнего положения.

Приведем описание событий из следственного дела: «Делегаты от абхазских сел стекались в с. Лыхны, судя по тому, что они запасались провизией, можно сказать, что готовилась длительная акция. Коньяр 26 июля послал корнета кн. Толупара Анчабадзе с требованием, чтобы собравшиеся прибыли в с. Лыхны. Анчабадзе встретил группы крестьян, уже направлявшихся в с. Лыхны. По его словам, люди вообще были чем-то очень недовольны; каждый из них имел при себе мешочек с провизией на несколько дней и, наконец, некоторые из группы анухвцев, псырцхинцев и ешерцев (в числе которых был и молодой кн. Заурбек Дзапш-ипа) говорили: «Полковник все-таки не исполнит наших требований, между тем на объяснение с ним потребуется много времени; не лучше ли, когда подойдем к дому владетеля, прямо напасть на него?»².

«Повстанцы оказались правы в своих ожиданиях. Красноречивое выступление абхазского оратора Османа Шамба не возымело действия. Коньяр заявил, что среди населения находятся заговорщики, и что их для спокойствия необходимо выселить из края. Это заявление не оставило шансов на мирный

¹ Записано со слов В.М. Пачулия, который подростком присутствовал при полевых записях (беседах) Ш.Д. Инал-ипа со сказителем К. Таркил.

² Г.А. Дзидзария. Указ. соч. С. 143.

исход ... царские чиновники Черепов, Коньяр, Измайлов вместе со своими помощниками были убиты в доме владетеля. Среди убийц Коньяра упоминаются крестьянин Ханашв Калги, дворяне Таго Мканба, Тыч Маргания, князь Татал Инал-ипа»¹. Многие из присутствовавших стремились лично участвовать в казни чиновников, что можно объяснить личными обидами на последних. В то же время упоминаются в следственном деле имена многих князей, старавшихся защитить чиновников от жаждавших мести.

Заявление Коньяра не было новым в имперской политике в Абхазии. Царские администраторы непрестанно создавали напряжение в обществе для того, чтобы выдавливать население из Абхазии. Для острастки периодически проводились высылки в Сибирь, что в среде местного населения становилось сигналом для отбытия в Турцию, которое чиновниками поощрялось. Возможно, что под именем Таго Мканба² скрывается старшина с. Анхуа, который был прилюдно оскорблен в с. Псырдзха. После расправы над чиновниками в с. Лыхны, повстанцы, собравшись в боевые дружины устремились к Сухуму, чтобы уничтожить русский гарнизон, занимавший Сухумскую крепость. «26 июля часть повстанческих отрядов, состоявшая из жителей Аацы, Анухва, Псырцха, Яштхуа и Гума, двинулась к Сухуму. Однако движение повстанцев было задержано разлившейся рекой Гумиста в результате сильного дождя. Всадники переправились через бурную реку, пешие же ушли с нижнего течения реки и направились вверх, к с. Гума. Но туда они успели только 27 июля»³. Крестьянское знамя было у гумца Джигра Аюдзба, дворянское знамя у Беслангура Мканба⁴. В штурме Сухума принимали участие жители 31 селения⁵. Однако уже 2 августа русскими войсками была занята Баалоуская поляна. 3 августа старшины ряда абхазских селений приняли ультиматум Святополк-Мирского о дальнейшем несопротивлении российским войскам.

«Наместник Кавказа в письме Александру II от 5 августа 1866 г. писал: «Все-го грустнее мне, что твои, Саша (Александр II – Г.Д.) опасения оказываются основательными: Мы сами виноваты в случившемся! Но только не ради злоупотреблений низших властей, а ради их ошибок и бестактности. Князь Мирский пишет, что, повидимому, главная причина восстания заключалась в неосторожных действиях чиновника (убитого!), посланного собирать сведения о холопах и подвластных, и в недостаточном умении окружного начальника (Измайлов – А.А.) направлять его деятельность»⁶.

В качестве репрессивных мер по отношению к населению Абхазии впервые на Кавказе было осуществлено решение о поголовном разоружении. Понятное дело, что ультиматум российских генералов был подкреплён колон-

¹ Г.А. Дзидзария. Указ. соч. С.148.

² Родовое древо фамилии Миканба, полученной мной от А.Р. Миканба, начинается с Соломона и не содержит имен Таго и Беслангура Мканба, что можно объяснить как неполнотой списка, так и часто встречающемся у абхазов обычаем иметь два имени.

³ Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 150

⁴ Там же. С.158

⁵ Там же. С. 159.

⁶ Там же. С.110

нами войск, окружавших населенные пункты. Только в виду прямой угрозы карательных действий абхазы принялись сдавать оружие. 21 августа началась сдача оружия в с. Лыхны. «26 августа был отдан приказ об одновременном выдвижении трех колонн: одной – от Гудаут в с. Анухва под командой полк. Разумихина, другой – от позиции Левашева под его же командой в с. Псырцха; третьей – от р. Гумиста на с. Ешера под командованием полк. Мачавариани. Все эти колонны должны были, охватывая названные селения, войти между собой в связь. Таким образом Мирский надеялся захватить не только пустые дома, но и жителей, или часть из них, тем более что появление ген. Геймана затрудняло их отступление в горы. Ген. Левашову, находящемуся на центральной позиции и пункте, назначенном для сдачи оружия, было приказано остановить движение колонн, если население исполнит требование о сдаче оружия. 26 августа жители Анухва, Псырцха и Ешера начали сдавать свое оружие...»¹. Похожее продвижение войск было организовано и по отношению к другим селениям Бзыбского округа.

По итогам репрессивных мер со стороны царской администрации полевому суду были преданы и повешены 15 человек, 30 человек были сосланы². При содействии царских властей³ 22 июня 1867 г. выселилось в Турцию всего из Пицундского и Дранского округов 855 семейств в числе 4602 душ обоего пола⁴. Всего из Цебельдинского округа было выселено 14740⁵

Список жителей Пицундского и Драндсакого округов, переселившихся в Турцию⁶ составлен 22 июня 1867 года

число домов	Имена и фамилии	число душ мужск.	число душ женск.
	Пицундского Округа Из селения Псырцха ⁷		
1.	Сосран Кикинадзе	3.	5.
	Квач Ипа-Сиди	1.	2.
	Квач Ипа-Алабия	2.	1.
	Агерва Пита	2.	1.
	Агерва Кимсис	2.	2.
	Квач Ипа Чигатан	1.	2.
	Агузба Эбхам	2.	-
	Дахма Шашурхва	3.	3.
	Шаниуя Дахма	2.	3.
10.	Бажи Киана-Ипа	1.	2.

¹ Дзидзария Г.А. Указ. С. 174, 175.

² Там же. С. 183.

³ Выселение происходило упорядоченно, при полном контроле российских чиновников, составлявших списки и контролировавших процесс погрузки беженцев на корабли.

⁴ Хорава Б. Махаджирство абхазов 1867 года. Тб. 2013., С. 142.

⁵ Там же. С. 209.

⁶ В таблицах приводится текст в соответствии с оригиналом, в котором встречаются грубые ошибки в написании фамилий и имен депортантов.

⁷ Б. Хорава. Указ. соч. С.119.

	Киана Охма	5.	3.
	Квачи Беслан	2.	2.
	Квачи Фат	1.	1.
	Квачи Камс	2.	-
	Хвачи Кина	3.	2.
	Хвачи Ипа-Алаби	3.	2.
	Шахус Ипа Квач	2.	1.
	Диджаж Квач-Ипа	4.	3.
	Мохмут Квач-Ипа	1.	1.
20.	Чил-Ипа Пача	2.	2.
	Чим Пиш	2.	
	Квач-Ипа Шахан	1.	3.
	Квач-Ипа Гумжара	1.	3.
	Ажиба Хунча	2.	2.

Из селения Анухва¹

	Гурдзан Осман	1.	4.
	Реджат-Ипа Хусеин	1.	2.
	Кяго Папаа	3.	3.
	Холубат Хусраб	1.	2.
	Сагум Агерва	3.	1.
220.	умершаго Лаза Оргун дочери		7.
	Ходжибей Тхуаз	1.	
	Жена умершаго князя Ахмета Чабалрхва с крестьянами и детьми	4.	2.

Из селения Эшира²

	Хасан Аргун	3.	8.
	Раджа Баргун	4.	2.
	Седок Аргун	4.	4.
	Тлобган Аргун	5.	5.
	Эберхан Лейбег	6.	2.
100.	Седок Тванба	3.	5.
	Князь Джамлат Дзяпш-Ипа	2.	3.
	Гаджали Гасан	5.	4.
	Мозлоу Лейба	6.	5.
	Жигва Тванба	4.	1.
	Князь Месоуст Дзяпш-Ипа	6.	4.
	Хапач Габния	1.	4.
	Чиж Тванба	7.	6.
	Мусса Анхвуа	2.	5.
	Хасан Курик	5.	9.

¹ Б. Хорава. Указ. соч. С. 124.

² Там же. С.121.

110.	Чугва Тванба	2.	5.
	Седок Тванба	4.	5.
	Хасан Тванба	2.	4.
	Князь Тито Дзяпш Ипа	4.	2.
	Князь Казельбек Дзяпш-Ипа	2.	2.
	Князь Дато Дзяпш-Ипа	4.	2.
	Полав Читанау	2.	3.
	Князь Халыбей Маршани	4.	5.

Из селения Гумм

	Князь Маджара Анчабадзе	2.	2.
	Фадгирей	4.	3.
120.	Еслам Джударипа	6.	10.
	Албастуква Абидзба	4.	6.
	Себида Абухва	3.	1.
	Карач Абухва	6.	9.
	Гасан Тарбай	4.	2.
	Беданухва Абухва	4.	2.
	Гедлач Тито-Ипа	2.	2.

В политике царизма впервые на Кавказе был применен новый метод наказания – поголовное разоружение населения, явление немислимое ранее для этого региона. Самохвальство и гордость царских чиновников, сумевших практически бескровно разоружить абхазов, имело краткосрочный положительный эффект для Российской империи. Начавшаяся в 1877 г. Русско-Турецкая война одним из фронтов развернулась на территории Абхазии и соседнего с ней Черноморского округа.

В апреле 1877 г. турецкое командование отправило броненосцы с десантом, сформированным из махаджиров, которые должны были высадиться на территории Абхазии и спровоцировать местное население к восстанию против русских властей. Также на броненосцах было доставлено оружие для восставших абхазов. Вследствие боевых действий в мае 1877 г. территорию Абхазии покинули русские войска, оставив казенное имущество и все население без защиты. Понимая, что безоружное население не сможет противостоять турецким войскам, представители народа обращались к российским чиновникам с просьбой о выдаче оружия для самозащиты, однако царское командование не выполнило их настойчивую просьбу. В итоге, большинство абхазов вынужденно проявляло лояльность к туркам, часть из них открыто примкнула к ним и, получив оружие от командующего десантом, активно участвовала в боевых действиях на Сочи-Адлерском и других участках. Конечно же, сказались обиды за репрессивные действия царской администрации по отношению к абхазам в период 1864-1877 гг.

Жители сел Псырдзха и Анхуа, не забывшие притеснения и обиды, разрушили постройки покинутого монахами Новоафонского монастыря, как уч-

реждения, олицетворявшего колониальную политику царизма, в том числе и в земельном вопросе¹.

Но уже 10 июля 1877 г. высшее турецкое командование вынуждено было перебросить войска с второстепенных фронтов на Дунай. 15 июля 1877 г. от имени турецкого паши абхазскому населению было объявлено о поголовном их переселении в Турцию². «Большая территория Абхазии, еще недавно заселенная и полная жизни, была опустошена. Турки увезли с собой почти половину населения Абхазии, кроме этого, они сжигали русские, болгарские, греческие поселки и аулы не покорившихся абхазов»³.

Военное положение в Кубанской области, Черноморском округе и на других территориях Закавказья было отменено 1 сентября 1878 г., т.е. через год после очищения Абхазии от турок и махаджиров. Так из с. Анхуа были выселены все 405 семей, общей численностью 1817⁴. Для сравнения – в 1831 г. в Анхуа значилось 180 дворов⁵. Однако есть сведения, что часть семей анухвцев оказалась разделенными, некоторые из них скрывались в других частях Абхазии. Российская администрация, объявившая абхазов виновным населением, не пустила их в родные места. Их земли были переданы переселенцам и Ново-Афонскому монастырю, а в самом селе были расквартированы казаки, осуществлявшие функции жандармов. Стремилась вернуться в Абхазию и те, кто был вывезен насильно в Турцию в 1877 г. К примеру, «в 1880 году Батумская администрация вернула обратно в Турцию более 600 абхазов, бывших жителей села Анхуа». «В начале августа того же года из Батумского порта было возвращено обратно в Турцию греческое судно «Агиос-Петрос», на борту которого находились более тысячи абхазов-христиан, следовавших из Турции в Абхазию. В ожидании разрешения на возвращение в Абхазию треть из них «унесли голод, жажда и болезни»⁶. Российские власти всячески препятствовали возвращению абхазов на родину. Наместник Кавказа М. Н. Романов не скрывал о «неудобстве» «обратного вселения в Россию абхазцев». Поэтому фактически остались на бумаге и условия Стамбульского договора от 27 января 1879 г., на основании которого были амнистированы лица, принимавшие участие в событиях 1877 – 1878 гг. VIII статья данного межгосударственного документа официально допускала репатриацию абхазов с условием, что в течение трёхлетнего срока со дня заключения договора необходимо было определиться со своим гражданством⁷. Поэтому не случайно, что посол России в Стамбуле Е. А. Новиков скрыл данный важнейший договор от абхазских из-

¹ Монастырь претендовал на земельные угодья, находившиеся по обычному праву абхазов в их общинной собственности, а часть земель принадлежала абхазским князьям и дворянам.

² Г.А. Дзидзария. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми. 1982. С. 342-345.

³ Описание боевой жизни 76-го пехотного Кубанского полка в минувшую войну 1877–1878 годов. Тифлис, 1884. С. 107-108.

⁴ ЦГАК, Ф. 231, Ед. Архив № 451. По кн.: М.Л. Хашба. Наследие. Составление, вступительная статья и комментарий В.Ш. Авидзба. Сухум. 2015. С. 327-328.

⁵ Л. С. Цвижба. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX в. Сухум. 2000. С. 120.

⁶ Т.А. Ачугба. История Абхазии в датах. Справочник. Сухум. 2016. С.120.

⁷ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. М., 1952. С. 209.

гнанников, ибо, как подтверждают документы, «подобное сообщение повело бы к поголовному вселению абхазцев обратно в Россию»¹.

Наконец, Правительство России было вынуждено в 1881 г. отменить принятое два года назад Распоряжение, которое запрещало абхазам вернуться в Абхазию. Однако этот долгожданный документ российское посольство в Турции также скрыло от абхазов. Со временем количество желающих вернуться в Абхазию постепенно стало уменьшаться. Изгнанники основали с. Анхуа в районе Синопа. А спустя время по разрешению султана, часть жителей села обосновалась в районе Сакария, где также основали село Анхуа. Тем, кому удалось добраться до Родины, запрещалось селиться в опустевшей центральной части страны, включая Сухум, и в целом в приморской и горной частях Абхазии. По данным «Кавказского календаря» на 1881 г., с большим трудом удалось вернуться на родину 13258 абхазам-депортантам².

Иная ситуация складывалась для армян и греков, желавших переселиться из Турции в Абхазию. В 1881 г. было Высочайшее пожалование земли села Мцара, прилегающей к Анхуа с запада, лицам нетуземного происхождения (армяне) – 128 семей.

История Ново-Афонской обители началась 6 сентября 1875 г., когда с разрешения наместника Кавказа Великого князя Михаила Николаевича был проведен осмотр и выбор места на развалинах древней Анакопии. Уже 27 ноября последовало утверждение земельного надела в 327 десятин под усадьбу и 1000 десятин под угодья создаваемой монахами из русского Афонского Пантелеймоновского монастыря новой монашеской обители на Кавказе. 23 ноября 1875 г. прибыл с греческого Афона на Псырдзху иеромонах Иерон (позже архимандрит, настоятель Ново-Афонской Симоно-Кананитской обители) в качестве эконома и архитектора. Монахи расположились на временное жилище в древней прибрежной башне, позже переделанной в гостиницу для почетных гостей. В марте и апреле 1876 г. о. Иерон заложил четыре каменных здания у развалин прибрежной крепости и церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. К 1 октября 1876 г. все заложенные здания были построены, что объясняется использованием камня из стен сооружений прибрежной средневековой крепости, которую монахи разобрали на строительный материал. Церковь была украшена резным, золоченым иконостасом, богатой церковной утварью. 17 октября состоялось освящение храма и открытие школы на 20 человек для абхазских мальчиков сирот.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. приостановила деятельность монахов, на время боевых действий они скрылись в Гелатском монастыре. В Анакопии же возмущенные царской колониальной политикой местные жители сожгли все монашеские постройки. Абхазцы хорошо помнили карательные действия 1866–1867 гг., когда в с. Псырдзха (Анакопия) были сожжены дома абхазов. Их земли высочайшими указами передавались под монастырь. Русско-турецкая война закончилась поражением Турции и ее союзников. Немногим ранее

¹ ЦГИАГ, Ф. 545, Оп.1, 1880 г., Д. 2069, Лл. 196 – 197

² Т. А. Ачугба. Абхазия: депортация абхазов (XIX век). Майкоп. 2018. С.309.

произошла депортация абхазов. Тайно возвращавшиеся на родину люди были объявлены виновными и бесправными. Их земли вокруг Анакопии (с. Псырд-зха, Анхуа) были дарованы Ново-Афонскому монастырю.

8 декабря 1879 г. императором Александром II был утвержден «Устав Ново-Афонского монастыря», который предоставлял ему широкие права не только в миссионерской, но и в хозяйственной деятельности. За ним закреплялось 525 десятин лучшей пахотной земли, принадлежавшей ранее абхазским крестьянам. Всего монастырю на первых порах было отведено 1300 десятин земли. Строительство монастыря еще не было доведено до конца, а он уже превратился в богатое хозяйство с огромными земельными угодьями, площадь которых вместе с дополнительно отведенной ему в 1898 г. землей выросла до 3.898 десятин¹. С конца XIX в. лесные массивы к северу от Афонской горы (Акую) эксплуатировались монахами посредством устроенной ими узкоколейной дороги к урочищу Лашипса. С Афонской горы лес спускался по канатно-железнодорожной дороге, откуда дрова развозились к складам, деловой лес – на лесопилку или к пристани для продажи. В конце 1890-х гг. в с. Анхуа был организован монахами скит. После пожара 1903 г., в с. Анхуа был построен каменный корпус с домовою церковью во имя Иоанна Предтечи. И на этот раз для возведения грандиозного каменного сооружения использовался камень из древних построек с. Анхуа, в том числе средневековых церквей. В результате хозяйственной деятельности монахов были разрушены средневековые церкви в пос. Акую, Аныхамца, с. Веселовка, а резные алтарные плиты с посвящением св. Георгию были перенесены в монастырь. В то же время ими была пробита и обустроена дорога вдоль русла реки Мысра к Анухвскому скиту, организовано водоснабжение отдельных поселков. «В монастыре в 1913 г. было 700 монахов и послушников. Он имел каменоломни, водяную мельницу, кирпичный завод, чугунно-литейную, механическую, столярную, токарную, сапожную и портяжную мастерские; конский, кожевенный и алебастровый заводы; небольшие электростанцию и пристань; узкоколейную дорогу, шедшую вокруг всего монастыря; пасеки; оливковые и мандариновые рощи. Виноградники давали ежегодно свыше 30 тыс. ведер вина. В 1911 г. монастырь стал продавать оливковое масло; в 1912 г. были устроены печи для сушки чернослива»².

Новоафонский монастырь в 1917 г. владел вместе с Пицундским подворьем 4079 десятин земли³. Имел он также склад с оружием. По постановлению Сухумского Совета солдатских депутатов в мае 1917 г. были обезоружены 400 Ново-Афонских монахов (отобраны австрийские винтовки)⁴.

¹ В.П. Пачулиа. Новый Афон. Тб., 1964. С.11.

² К.Д. Мачавариани. Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум. 1913. С.189-190.

³ Г.А. Дзидзария. Очерки истории Абхазии 1910-1921. Тб., 1963. С.100.

⁴ Там же. С. 106.

Из истории репатриантов с. Анхуа

Как было выше отмечено, незначительное число жителей с. Анхуа сумели избежать депортации в Турцию, а часть из депортированных – вернуться в Абхазию. Однако оказаться на родных пепелищах им не было позволено.

Впечатляет история молодого репатрианта Аргун Фазли. Он и многие другие анухвцы нашли временный приют в с. Ачандара и Абгархук. Однажды он решил тайно навестить родную усадьбу в с. Анхуа. Однако ему повстречался казацкий патруль. Всадники догнали пешего Фазли и один из них ударил его шашкой, полоснув от живота до головы. Юноша, поняв, что его убьют, раненый и истекающий кровью, бросился в обрыв реки Мысра. Казаки решили, что раненый не выживет, и не стали его дальше разыскивать. Однако, ему удалось выбраться под покровом ночи из Анухвы и выжить. Грубый шрам через все лицо был доказательством произошедшего насилия.

По рассказу уроженца с. Анхуа Пачулия (Пачлиа) Валеры Маджитовича, семья его деда Дадына оказалась в Турции в 1875-1876 гг., причины их выселения не известны, тогда все село было опустошено. Исходя из сопоставления данных, я пришел к выводу, что в подсчетах информатора закралась ошибка. Расчеты проводились относительно возраста Дадына Пачулия, путем обратного отсчета: каких-либо письменных данных о дате его рождения не существовало. В возрасте примерно 12 лет (в 1878 г.) он вернулся в Абхазию со своей матерью из рода Тванба. Скорее всего, вернулись они в Абхазию в 1879-1880-х гг. В Турции продали старшую сестру Дадына, на вырученные деньги наняли турецкую кочерму и тайно вернулись в Абхазию. Уже в дороге родилась девочка. В Анхуа вернуться не удалось, село охраняли жандармы. Посему временно поселились у однофамильца в с. Аацы. Затем, когда Дадын подрос, переселился в с. Ачандара, где он построил капитальный дом (акуаскья), но оставил его другу, а сам переехал жить в Анхуа в 1918 г. на старое место в поселок Ачгылара, сыну Маджиту был один год. Мканбовцы уже были в селе. Также в Анухву вернулись Джинджаловцы. Они не попали под депортацию, проживали в других селах Гудаутского района.

О возвращении братьев Аргун из колена Куап-ипацѳа рассказал информатор Аргун Руслан Бадрович. Его дед Чсып (Цьсып) Аргун с братьями оказался в депортации, возвращались в Абхазию пешком через Батум. Такая возможность выпала в 1880-1881 гг., они также не смогли вернуться в родное село и разместились в с. Ачандара. У Чсыпа в Турции родился сын Щрын (даты рождения и смерти не известны). Уже в Абхазии в с. Ачандара родился в 1886-1887 гг. Шахан, а в 1903 г. от второй жены – Бадра – отец Руслана. Цьсыпа называли цаттамса, потому что он, в пример хаджиям, не брил бороду. Он не переправлялся вброд через р. Аапста, указывая, что река осквернена неверными.

По воспоминаниям Аргун Хазарата Шахановича 1919 г. рождения, жили они в с. Ачандара, когда прошел слух, что можно возвращаться в родное село Анхуа. Отец с братьями собрали все хозяйство на арбы, скот гнали с собой. Он был ребенком, сидел на дышле арбы, в чем можно усомниться. Однако

в 1921 г. они уже были в Анхуа (Акуача), что коррелируется по другим источникам. В это же время в с. Анхуа вернулась семья моего деда Шамаха Аргун. Из рассказа его старшего брата Хаки (1900-1902 г.р.), его семья вернулась из Турции в составе матери Ладария Шамсиа, трех старших сестер и младенца брата. Их отец Мас умер по болезни (воспаление легких) и похоронен в Турции. После смерти мужа у Шамсиа родился пятый ребенок – мой дед, в отчаянии вдова сообщила своему брату о случившемся бедствии и попросила, чтобы ей помогли вернуться в Абхазию, так как с пятью малолетними детьми на руках им всем грозила гибель. Брат ее в то время служил при царской администрации и получал жалование. Каким-то образом он передал в Турцию золотые монеты, на которые женщина наняла турецкую кочерму и вернулась на родину. Какое-то время они задержались у брата в с. Абгархыку, где им подарили дойную корову по кличке Бида¹. Самому информатору на тот момент было 5-6 лет. Исходя из этой информации, я попытался восстановить год их возвращения из Турции. Существует несколько версий о дате рождения Хаки: 1898, 1900 и 1902 г. Сам он говорил, что когда выпал большой снег в 1911 г. он был в состоянии вытряхивать снег с деревьев, через дымоход он вылез из дома и прошел в коровник, разобрав дранку в коровнике, спустился к скотине, чтобы ее напоить и накормить. Подросток 9-11 лет мог бы проделать такой труд, если учитывать, что он был старшим мужчиной в семье (сирота). Исходя из сопоставления данных, можно предположить, что из Турции семья Хаки вернулась в 1905-1907 гг., а вернуться в родное село им удалось на отрезке времени 1918-1921 гг., и это связано с крупными политическими событиями, о которых мы сообщим позже.

Информатор Смыр Зураб Георгиевич: «В 1866 г. родовой дом моего прапрадеда Быджа Асмыр у Анакопии был сожжен царскими властями за участие в Лыхненском восстании. Он тайком пришел на пепелища, забрал ахнышьра (очажную цепь) и акуаб (котел) на гору Смыраа рху, где находилось наше родовое святилище. Два года он жил как абрек в пещерах. Затем женился на абхазской дворянке из Анхуа из рода Маан (Маргания) и даже хорошие отношения ее семьи с русской администрацией не дали возможности ему вернуться на прежнее место жительства. Ему разрешили поселиться в поселке Алра (с. Аацы). Избежал депортации в Турцию. Его внук Етыр – мой дед, первый из братьев в 1914 г. вернулся на родовые земли. В 1918 г. воевал против грузинских меньшевиков в Новом Афоне. В 1924 г. вернулись в Новый Афон Шьяабан, Шьяадат и Миктат, а самый старший из братьев Еснат остался в Алре. Шьяабан был женат на Жене Гурамга из с. Ешера».

По сообщению информатора Смыр Вячеслава Алексеевича, колено Башил ипацаа (прадед Вячеслава) проживало в поселке Абаарыку с. Анхуа, оказались в Турции, скорее всего, в 1877 г. Его супруга при депортации была на сносях, после родов, как только женщина восстановилась (прошло несколько месяцев), все колено собралось вернуться в Абхазию. Но так как у них не было денег, оставили в залог хозяину кочермы подростка лет 13, с условием, что выку-

¹ Воспоминания Аргун Хаки Масовича.

пят его при первой возможности. Турок согласился и доставил Башил ипацэа к берегу в Пицунде в 1878 г. Уже на берегу родился мальчик – дед Вячеслава Алексеевича – Киагуса, однако его мать (из аацинских Авидзба) умерла при родах. Немного времени они оставались на побережье в Пицунде, затем перешли в с. Отхара, пос. Бача, там жили несколько лет, затем перешли в Ачандару, где похоронен прадед – отец Киагусы. В 1918 г. в Ачандаре родился старший сын в семье Киагусы, отец Вячеслава – Алексей родился уже в с. Анхуа в 1922 г. Киагуса со своей семьей вернулся в Анхуа в 1920 г., его двоюродные братья уже здесь обосновались. Как считает информатор, они вернулись более чем 10 годами ранее (факт сомнительный, требует уточнения).

По сообщению Харабуа Беслана Арзаметовича со слов сестры его отца Дзабы Сеитовны Харабуа 1908 г. рождения, ей было 12-13 лет, когда они переехали из с. Аацы на постоянное место жительства в с. Анхуа. Несколькими годами ранее, в 1918 г., ее отец Сеит Харабуа, узнав о «раздаче» земель, в Анхуа застолбил за собой участок. Ранее в Анхуа Харабуа не проживали. Однако в стране свирепствовала эпидемия испанки, забравшей жизни Сеита и двоих его малолетних детей, что на время задержало переезд его семьи. В Анхуа (Бжилва) одними из первых возвратившихся семей были Таркил, Смыр и старший брат Сеита – Качуг Харабуа, до того в селе абхазов не было, семья Хакыбея Мканба жила в Акуача. Кто-то из бывших жителей села навсегда остался в Турции, другие вынужденно были рассеяны по окрестным поселениям. Были греческие семьи в Анхуа, в поселке Бжилва. Абхазы селились за границами их владений.

По сообщению Авидзба Фазлыбея Арзаметовича, его деду Щаабану в 1861 г. было 9 лет, когда он вместе с матерью выехал из с. Аацы в Турцию. Вскоре там она скончалась. В возрасте 12 лет в 1864 г. он вернулся в Абхазию, возвращались втроем, один из спутников скончался в дороге. Его приняли в с. Аацы родственники. Затем уже взрослым мужчиной он переехал жить в Новый Афон, но когда город начал заселяться монахами и выпаса для скота стало мало, переселился на г. Акую (Афонская). Арзамет родился в 1911 г., где именно сын не помнит. В 1925 г. переселились в Анхуа (пос. Бжилва). В качестве примечания, согласно источнику, дед Шьяабан родился в 1852 г. и умер в 1970 г., что составляет 118 лет. Весьма почтенный возраст. Согласно родовому древу, у него в 1927 г. родился последний ребенок в семье, ему на тот период уже было 75 лет. Но с учетом той ситуации, что свой возраст в XIX в. наши старшие знали примерно, на мой взгляд, здесь необходима серьезная поправка.

Как решался крестьянский вопрос...

Проведение крестьянской реформы в Абхазии было отсрочено до 1871 г. 8 ноября 1870 г. императором Александром II было утверждено «Положение о прекращении личной зависимости и поземельного устройства населения в Сухумском отделе». Согласно «Инструкции, учреждениям сухумского отдела по делам прекращения личной зависимости», изданной 8 февраля 1871 г.,

зависимые, феодальные абхазские крестьяне превращались в «свободных поселян». Крестьяне наделялись землей от 3 до 7 десятин на семью. Надел князей и дворян был доведен до 250 десятин. Но на деле крестьяне в среднем владели до 2, 5 га пахотной земли на семью. За освобождение свое от личной зависимости крестьяне должны были заплатить помещикам выкуп. Его размеры колебались от 50 до 180 руб. Выкуп разрешалось заменить отбыванием всех положенных повинностей в течение 4 лет. В то же время по «положению» крестьянин оставался на неопределенное время «во временно обязанных отношениях». Официально они были отменены царским правительством в 1912 г., но на деле дожили до революции 1917 г. Кроме того, леса и пастбища передали казне и за пользование ими крестьяне должны были платить сборы либо государству, либо посреднику, в виде арендатора. За пользование переданной крестьянину в надел землей он был обязан платить «оборотную подать», осуществлять «мирские повинности», вносить другие сборы. Абхазские крестьяне были лишены политических прав, так как после восстания 1877 г. их объявили «виновным населением»¹, лишили права собственности на землю, участки были отнесены к казенным землям, они же получили статус пользователей. Но данное решение не распространялось на князей и дворян, которые получили крупные наделы. В с. Аацы в 1889 г. проживали 180 семей, вернувшихся из Турции, в среднем одна семья владела 9 десятинами земли².

Надо полагать, что проживавшие в с. Анхуа колонисты-переселенцы обладали не меньшими наделами. В посемейной переписи 1886 г. в с. Анухва числится 66 армянских семей (316 чел), живущих на казенной земле³. Для сравнения – по данным на 1868 г., в селе Анхуа проживали 1563 абхаза. В 1874 г. в с. Анхуа проживало уже 1737 чел. В 1877 г. жители села были депортированы в Турцию. Пицундское окружное управление 1 мая 1878 г. объявило, что «виноградные и фруктовые сады, находящиеся в селе Анухва и оставшиеся после выселения анухвинских жителей в Турцию, будут продаваться в настоящем году в арендное содержание на один год». Данный проект не получил успеха и большую часть земель села вместе с лесными угодьями передали монастырю в 1898 г. В начале XX в. здесь осели греки, а позже – русские.

В 1925 г. было выделено два отдельных сельсовета – Анухва-Абхазская (с включением греческого населения) и Анухва-Армянская. Согласно переписи 1926 г., в Анухва-Армянское проживало 207 семей, численностью 1267, а в Анухва Абхазское 171 семья, численность 1009 чел.⁴ Прибрежная часть Анухвы была выделена в поселок Петропавловское. После окончания Первой мировой войны в селе оседают понтийские греки, переселившиеся из Турции. По данным переписи 1923 г., в Анухвской волости Гудаутского уезда располагались поселки Петропавловка и Греческая Петропавловка, суммарное на-

¹ А.В. Фадеев. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум. 1932. С. 34-37.

² Л.И. Цвижба. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX в. Сухум. 2000. С. 87.

³ Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлечённых из посемейных списков 1886 г., Л.14. Тифлис 1893.

⁴ Статистический справочник 1927 г. Сухум 1928. С.7.

селение которых составляло 507 человек. Перепись 1926 г. зафиксировала в Петропавловском, теперь уже выделенном в отдельный сельсовет, 546 жителей. Русских насчитывалось 255 человек, украинцев – 155 человек, греков с советским гражданством 17, 12 грузин, 2 армянина и 52 человека, отнесенных к графе «остальные». В числе последних оказались и все иностранцы, большинство которых было представлено этническими греками¹.

Сведения по соседним селам являют собой схожую картину. Первое компактное армянское поселение в Абхазии – Мцара – возникло в 1879 г. на месте прежнего абхазского села, все жители которого были депортированы в Османскую империю в 1877 г. В 1868 г. абхазское население Мцары составляло 383 человека. В 1880 и 1887 гг. армянское население села пополняется новыми выходцами из Турции. В течение 1880-х гг. армяне закрепляются в соседних селах Анхуа и Псырдзха, также покинутых коренными жителями². В 1868 г. абхазское население села Псырдзха составляло 954 человека. По данным посемейной переписи 1886 г., армянское население Псырдзхи, сформированное выходцами из Самсуна, составляло 221 человек. В начале прошлого века в селе оседают мингрельские переселенцы, сформировав поселок *Псырдзха Мингрельская*. После окончания Первой мировой войны здесь оседают греческие беженцы из Турции, образуя поселок *Псырдзха Греческая*. После установления советской власти в Псырцха начинают заселяться абхазы.

Основная масса переселенцев-колонизаторов Абхазии получила по 10 десятин на дым, сообщает Р.К. Чанба³. «Тот факт, что по указу с 31 мая 1880 г. по 1907 г (до снятия статуса виновного народа с абхазов – А.А.) крестьянство владело землей не на праве собственности, а на праве пользования у казны, способствовал захвату и без того небольших общинных казенных земель, находившихся в пользовании у крестьян»⁴. 21 марта 1885 г. была принята инструкция «О порядке владения землей в Сухумском округе», рассчитанная на окончательное решение сословно-поземельного вопроса в Абхазии⁵. Но осуществление данного вопроса так и не было завершено, положения инструкции утонули в нерасторопности исполнителей, отсутствии планов местностей, внутренних противоречий между жителями общины. За сухими сведениями отчетов проглядывается высокий уровень коррупции заказчиков и исполнителей положений «инструкции». В отчете начальника Сухумского округа за 1904 г. отмечается, что «неопределенность границ, отсутствие межвых знаков в натуре и разграничения и определения нормы подворных участков ставят население и администрацию в затруднительное положение, служат

¹ Н.В. Багапш. Демографическая колонизация Гудаутского участка Сухумского округа (1878–1918 гг.). // Вестник АНА. №11//. 2021. С. 131.

² Там же. С. 125-126.

³ Р. К. Чанба. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. Сухуми. 1977. С.119.

⁴ Там же. С.127

⁵ В.Д. Авидзба. Проведение в жизнь Крестьянской реформы в Абхазии. Сухуми. 1985. С. 102.

предметом постоянных споров, ссор, жалоб, остающихся обыкновенно неудовлетворенными и вызывающих нескончаемую жалобу». Далее он подчеркивает, что «общинные земельные наделы хотя и были определены по числу дымов, водворенных в крае после войны 1877-1878 гг. абхазцев, но границы в натуре не были указаны, равно как и порядок и норма подворного пользования землей. Каждый селился, где хотел и захватывал земли, сколько мог, причем самые сильные и влиятельные члены общества, а особенно лица привилегированного сословия, бесконтрольно воспользовались своею силою и влиянием в явный ущерб остальным. Скорейшее упорядочение поземельного устройства как пришлого, так и коренного населения округа, таким образом, является существенною необходимостью»¹.

«В докладе начальника Сухумского округа за 1909 год» отмечено, что в «округе имеется много абхазских крестьян из числа выселившихся в Турцию, не имеющих вовсе земли и живущих на арендном праве». В другом отчете сказано о состоянии арендного пользования как на частновладельческих, так и на казенных землях. Отмечено, что Анухвское и Псырцхинское сельские общества образованы в основном из арендаторов – турецкоподданных армян»². (Об этом свидетельствуют и данные посемейной переписи 1886 г.).

Однако еще в 1907 г. Российским императором Николаем II был снят с абхазов статус виновного народа, в связи с чем было принято положение об уравнивании прав населения Абхазии и предоставлено право собственности на подворные участки, которыми они владели на момент принятия решения. Это положение было утверждено императором 27 апреля 1907 г. и было осуществлено лишь частично.

С 1917 по 1921 гг., во время правления в Абхазии меньшевиков, под давлением крестьянского движения была сделана попытка решения земельного вопроса. В 1919 г. было принято решение грузинского меньшевистского правительства о проведении аграрной реформы. Высшей нормой надела земли была признана 7 десятин на дым, включая выгоны для скота, что на деле было меньше высшей нормы, установленной «положением 1870 г.», согласно которому выпасы для скота в норму не включались³. И это решение не было претворено в жизнь.

Процесс распределения земель в с. Анхуа проходил под влиянием большевистского движения, возглавляемого Н.А. Лакоба. В частности, упоминаемые в источниках Михаил Миканба, Кансоу Таркил, Куруа Щрыф были его соратниками. Как свидетельствуют источники, Лакоба обратился к населению Абхазии с призывом поддержать большевиков, обещая всем решение крестьянского вопроса. Г. Д. Дзидзария писал: «Наместник Ново-Афонского монастыря архимандрит Илларион в своем докладе Сухумскому епископу Сергию 16 февраля 1918 года сообщал, что, как давно доносят иноки, обслуживающие монастырские хутора, абхазские крестьяне из Аацы и других сел, приходя

¹ ЦГИАГ. Ф. 229, Оп. 2, Д. 2640, Лл. 7-7 об., В.Д. Авидзба Указ. соч. С. 183-184.

² Там же. С. 115.

³ Р.К. Чанба. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. Сухуми. 1977. С. 131.

иногда партиями, «распланировывают монастырскую землю; говорят о том, где кто из их предков когда-то жил», 12 февраля «обход монастырской земли» у хуторов и дальней пасеки делала группа крестьян в 50 человек из того же Аацы. Крестьяне требовали, чтобы, «во избежание погрома», всю монастырскую землю «добровольно передали в распоряжение их, абхазцев». Вместе с тем, было заявлено, что среди населения три течения: «Более или менее степенного возраста – пожилые, хотят мирного, а некоторые элементы ждут решения земельного вопроса Учредительным собранием, а молодежь в большинстве торопится и готова даже решить дело путем захватным и порядком хоть бы погромным». Поэтому «предупреждают нас, что медлить с решением этого вопроса нельзя и небезопасно, что монастырю надо идти навстречу желанию поселян абхазцев; что молодежь бумагам разным не придает никакого значения и самим поземельным комитетам не верит, считая их сторонниками одних богатых людей»¹.

Об этом же свидетельствует телеграмма архимандрита Иллариона «Из Афона Тифлис Краевому Комиссариату», в которой сообщалось: «Абхазцы, руководимые уполномоченным Лыхненского земельного комитета Сухумского Округа Михаилом Микамба, занимают землю Ново-Афонского монастыря, строят сакли, пашут покосы, выгон для скота, грозят реквизируют, продать аукционом скот и хозяйственный инвентарь, отобрать всю землю нашу, рубить культурные насаждения, лишить скотоводства, разорить монастырское хозяйство. Прошу убедительно защитить обитель, сохранить культуру, оградить шестьсот трудолюбцев, беззащитных иноков»².

Надо сказать и о том, что крестьянское движение в Абхазии, в частности в с. Анхуа, было подкреплено директивами. 16 декабря 1917 г. Закавказский комиссариат издал декрет о земле – «Положение о передаче земельным комитетам земель казенных, бывших удельных, церковных, монастырских и крупных частновладельческих»³. Абхазский Народный Совет совместно с крестьянскими представителями общин на заседаниях 25-го, 26-го и 27-го ноября 1917 г. постановил: «Все земли на территории Абхазии от реки Мзымты до реки Ингура, от Черноморской береговой линии до Кавказских хребтов, земли казенные, кабинетские, удельные, монастырские, церковные и крупные частновладельческие, леса, горы со всеми их естественными богатствами передать в неотъемлемое распоряжение Абхазского народа и народов других национальностей, живущих в Абхазии и имеющих наравне с абхазцами общинную собственность. Перечисленные земли передаются в ведение организованного и состоящего при Абхазском Народном Совете земельного комитета с участием в нем представителей всех национальностей, живущих в Абхазии на общинных началах. Земельному комитету вменяется в обязанность безусловно запрещать всякие земельные захваты и дележи, охранять леса от вырубки»⁴.

¹ Г.А. Дзидзария. Очерки истории Абхазии 1910-1921. Тб., 1963. С.115

² ЦГИАГ. Ф.1472, Д.56, Л. 32.

³ Г.А. Дзидзария. Очерки истории Абхазии 1910-1921. Тб., 1963. С.98.

⁴ Газ. «Кавказ», Вестник Закавказского Комиссариата, № 38, 22 декабря 1917 г.

При занятии земель в с. Анхуа проявлялось стремление бывших его жителей вернуться на родовые земли. Но так как земля являлась для крестьянства основным жизненным ресурсом, то и стремление к захвату наиболее удобных земель и в большом количестве, скорее всего, не просто было регулировать. Наиболее древним способом приобретения земли у абхазов оставался метод освоения залежных земель. Мужчины большой родовой семьи приходили на приглянувшийся ничейный участок, расчищали его, ставили изгороди. При этом максимально использовались естественные рубежи, такие как овраги, ручьи, дороги. Но земельные споры, согласно сообщениям, были нередкими в среде репатриантов.

После выселения из с. Анхуа в 1877 г. до возвращения в 1918 г. прошел 41 год. Естественно, что за это время не сохранилось ни усадеб, ни заборов, старые могилы стали неузнаваемы. Монахи хозяйничали, происходила перепланировка земель. Так называемый монастырский хутор (поселок Бжилва) был заселен греками, Чабалныку – армянами, а поселок Веселовка – русскими. Из рассказов старшего поколения известно, что абхазская детвора тайком ходила наблюдать за жителями Веселовки, которые в выходные дни нарядные собирались на широкой улице, рассаживались у придворовых лавок, веселились, играли в гармонию. Их необычный внешний вид – полосатые косоворотки и фуражки, кожаные сапоги – вызывали удивление¹. Также греки в воскресенье собирались на улицах, шумно веселились, играя на национальных струнных инструментах. Есть свидетельства, что при возвращении абхазов в Бжилва греки не подпускали их к своим угодьям, указывая на свои обширные границы. Абхазы не вступали в земельные конфликты с проживавшими там «инородцами»².

Старшее поколение, вернувшееся из депортации, как правило, ушло из жизни: кто погиб в войнах, кто ушел по болезням, кто по возрасту, в связи с чем начали возникать споры по старым границам. Одним из первых в с. Анхуа вернулся Хакыбей (Михаил) Мканба – представитель революционного движения в Абхазии. Согласно сообщению В. Пачулия, Хакыбей пригласил в Анхуа пожилую женщину из рода Джудар, видимо, когда-то жившую в Анхуа, которая показала репатриантам их старые границы. Все источники свидетельствуют в пользу того, что Хакыбей Мканба был инициатором раздела земель в селе Анхуа. Нередкими были примеры, когда репатрианты выбирали для поселения не старые земли, а более удобные участки. Так Аргун Чсып и его племянники – сыновья Маса не стали селиться на родовых землях в поселке Иахэтыбжьа, предпочтя угодья в поселке Ақэача. Кроме репатриантов в село устремились жители соседних деревень: Аацы, Ачандара, Абгархыку и др. Как на деле осуществлялось распределение земель, в каком количестве выделялись наделы нам доподлинно не известно. Прилегающие к селу лесные угодья считались достоянием общины, и если кто-то из поселенцев огораживал лесные участки, то общинное самоуправление вмешивалось и

¹ Информатор Б.Ч. Смыр.

² Информатор Х.С. Мгдасян.

предотвращало такие поползновения. Процесс заселения с. Анхуа, начавшийся в 1918 г., продолжался вплоть до начала коллективизации в Абхазии. Он происходил вопреки политике меньшевистского правительства. К примеру, 29 марта 1919 г. председатель Гудаутской земельной управы И. Мушба с тревогой сообщал Абхазскому народному совету, что крестьяне захватили 600 десятин земель Ново-Афонского монастыря, построили на этой земле до 80 домов и собирались уже выбрать своего сельского комиссара»¹. Исходя из этой информации, можно предположить, что на семью в среднем приходилось до 7,5 десятин земли.

Крестьянское движение проходило на фоне борьбы большевиков за власть в Абхазии. Еще в конце 1917 г. в Бзыбской Абхазии были созданы вооруженные дружины «Киараз». Его ряды росли по мере того, как проводилась экспроприация и передача земель в руки малоземельных или безземельных крестьян. Популярность крестьянской дружины росла. Движение становилось интернациональным. Также был организован Лазский партизанский отряд, с весны 1918 г. ставший боевой единицей «Киараза». С 1 мая началось вооруженное восстание большевиков, продвигавшееся из Гагры в сторону Сухума. 8 апреля меньшевики покинули Сухум и на большей части Абхазии была провозглашена победа Советской власти (кроме Кодорского участка). Однако новую власть еще предстояло отстоять от реваншистских намерений меньшевистского Закавказского Сейма. С 11 мая начались кровопролитные бои против соединенных сил грузинских меньшевиков и части абхазского дворянства, сконцентрировавших по р. Кодор значительные силы.

В итоге многократных боестолкновений к 23 мая 1918 г. власть большевиков на большей территории Абхазии пала, Военно-революционный комитет Абхазии ушел в подполье. Однако победа меньшевиков была непрочной. Им пришлось перебросить свои войска из Абхазии в Грузию, а 26 мая Закавказский Сейм распался и было объявлено о возникновении независимых государств – Грузия, Азербайджан и Армения. 4 июня 1918 г. было подписано мирное соглашение между Турцией и новыми государствами Закавказья, по условиям, выдвинутым Турцией. Германия оккупировала Грузию и диктовала ее правительству внутреннюю и внешнюю политику. Меньшевистская Грузия под предлогом борьбы с большевиками, оккупировала Абхазию и часть Черноморской губернии. Она активно сотрудничала с белоказаками, Добровольческой армией. В Абхазии получали поддержку со стороны меньшевистских генералов отряды разбитых Красной Армией белых частей. Однако после отступления Красной Армии, возникли противоречия между генералом Деникиным и грузинским правительством. Они также претендовали на Сочинский округ и Абхазию и только опасения конфликта с Германией удерживали их от выступления за овладение Абхазией.

Вновь активизировались большевики и, воспользовавшись отбытием значительных сил меньшевиков из Абхазии, попытались взять власть в свои руки. На этот раз «напуганный» Абхазский Народный Совет обратился к пра-

¹ ЦГАА. Ф. 339, Д.17, Л.2.

вительству Грузии с просьбой о водворении порядка в стране. Сюда были присланы значительные регулярные войска под командованием генерала Мазниева. По просьбе Е. Эшба и Н. Лакоба в Абхазию были отправлены 2 полка из Майкопа. Один из них в критический момент перешел на сторону меньшевиков. В такой неравной борьбе проходило вооруженное столкновение на границе Нового Афона, где река Мысра (упоминаемая в источниках как Псырдзха) использовалась в качестве природного рубежа. «Упорные бои происходили 19-22 июня. С Гудаутской стороны и из-за Иверской горы большевиками было брошено множество снарядов. Одна пушка на 6 волах была поднята на гору Анухва (скорее всего, Аныхамца – А.А.). Население Анухва-Армянское пришло на помощь к ним. С моря, с парохода «Михаил» били истребители и пулеметы меньшевиков, а с колоколен монастыря – их пулеметчики»¹. После подавления вооруженных отрядов, воспользовавшись затишьем, меньшевики устроили карательные акции против участников вооруженного движения большевиков. Репрессиям подвергались как отдельные семьи, так и целые абхазские села. Незавидна роль Абхазского Народного Совета, в котором большинство принадлежало князьям и дворянам. Разумеется, члены Совета стремились сохранить свою власть и привилегированные имущественные права, а их расхождения в политических взглядах касались внешнеполитической ориентации. Часть депутатов стремилась к тесному сотрудничеству с правительством меньшевистской Грузии (и ее патроном – Германией) при условии собственной автономии; большая группа депутатов, уstraшенная насилием генералов меньшевистской Грузии и ее националистической риторикой, переориентировалась на Добровольческую армию Деникина, полагая, что они смогут обеспечить больше прав автономии; третья группа князей ориентировалась на союз с горцами Северного Кавказа (Горская республика), признанной Турцией, в связи с чем призвала турецкие войска для освобождения Абхазии от большевизма, а по сути – грузинской оккупации.

Политика ВРК Абхазии была направлена на освобождение Абхазии и Закавказья от меньшевиков и установление прочных связей с Советской Россией. Это движение в большей степени поддерживало крестьянство. В целом ситуацию в Абхазии можно обрисовать выдержкой из ноты Правительства Советской России от 1 июня 1920 г. министру иностранных дел Грузии Е. Гегечкори: «Опираясь на германские штыки, правительство Ноя Жордания посылало карательные отряды против сухумских рабочих и крестьян, против Абхазии, топил в крови народное движение в Грузии...»². После победы над контрреволюцией в России, Грузия стремится наладить отношения с Советской Россией, в связи с чем между сторонами 7 мая 1920 г. был подписан мирный договор, что позволило большевистским организациям Закавказья, в том числе Абхазии, выйти на легальное положение. Уже в июне 1920 г. в Гудаутском уезде были организованы 14 боевых партизанских отрядов числом в 560 чел. В их

¹ Г.А. Дзидзария. Указ. соч. С.188.

² Г.А. Дзидзария. Очерки истории Абхазии 1910-1921. Тб., 1963. С.204

числе состоял отряд из анухвцев в 50 чел.¹. Накануне вооруженного восстания 1921 г. в Грузии сложилась ситуация, когда власти США, Англии и Франции, потерявшие влияние в Азербайджане и Армении, всеми силами старались сформировать здесь плацдарм против Советской России. К антисоветскому блоку они всячески старались подключить Турцию². Общее восстание в Грузии началось в ночь с 11 на 12 февраля 1921 г.

Активные боевые действия абхазских отрядов были начаты 19 февраля против меньшевистских сил в районе р. Псоу³. На помощь восставшим в Абхазию и Аджарию была отправлена 31 дивизия IX Красной Армии, которая должна была помешать англо-французским боевым кораблям поддерживать меньшевиков с моря. Оборонительные рубежи грузинских меньшевиков по рекам Псоу, Мехадыр и Бзыбь были прорваны. Решающее сражение меньшевики намеревались дать в районе Нового Афона. В с. Анхуа действовал партизанский отряд, который сообщал о действиях меньшевиков по организации обороны и держал связь с Гудаутским ревкомом. Он должен был нанести удар в тыл при наступлении объединенных сил на позиции меньшевиков в районе Нового Афона, чья линия обороны тянулась от берега моря до с. Анхуа, здесь были сконцентрированы до 2000 штыков, полностью укомплектованных. С моря их поддерживали корабли Антанты⁴. С 1 по 3 марта шли бои на позициях у Нового Афона. Абхазский партизанский отряд под командой Шрыфа Куруа совместно с батальоном 271 полка осуществили операцию по обходу правого фланга позиции меньшевиков в с. Анхуа. Из воспоминаний жителей с. Анхуа следует, что в районе пос. Бжилва грузинские меньшевики установили орудия, также на прилегающих возвышенностях ими были оборудованы боевые точки. Из воспоминаний Аргун Хаки следует, что как только началась артиллерийская стрельба, ему поручили собрать всех подростков поселка Акуача и спрятаться с ними в каньоне р. Псырдзха. Там они укрывались до тех пор, пока ружейная и пулеметная стрельба не стихла. Также старики села рассказывали, что Куруа Шрыф и Смыр Хусин провели отряд по тропе на Афонскую гору (Акую) в тыл противника. Как только началась атака на позиции меньшевиков с двух сторон, они дрогнули и бежали через Шубару в сторону Гумисты и Сухума. Аргун Хаки рассказывал, что с бойцами Красной Армии в село пришли двое изголодавшихся подростков, родом со Ставрополя. Голодомор унес жизни всех их близких, и они прибились к полку, чтобы выжить. Хаки привел подростков к себе в дом и накормил мамалыгой с квашенным молоком. Голодные ребята жадно проглотили пищу и один из них в ту же ночь умер от несварения желудка, другой долго мучился, но выжил. Он остался в селе, когда подрос, ему выделили землю в общине и женили. От него пошла новая фамилия, выходцы из которой проживают в Новом Афоне.

¹ ЦГИАГ. Ф. 114, Оп. 3. Д.31. Лл. 19-24.

² Г.А. Дзидзария Очерки истории Абхазии 1910-1921. Тб., 1963. С.337-338.

³ Там же. С. 350

⁴ ЦГАА. Ф. 65. Д. 120. Л. 101 об.

Как решался земельный вопрос?

Победа большевиков ознаменовала возникновение новых политических образований и государственных структур в Закавказье. Совнарком Абхазии первым делом принялся за решение крестьянского вопроса. Земли помещиков были переданы крестьянству. Однако внутренняя политика в Советской Абхазии была напрямую связана с политикой центра в Москве. Абхазия избежала продразверстку, проводившуюся в России в 1918-1921 г. и связанный с ней голодомор 1921 г., однако годы грузинской оккупации не прошли бесследно для населения. Многократно ограбленные, лишенные защиты и так необходимых для выживания земель, крестьяне владели очень бедное существование. После распределения монастырских и помещичьих земель, ситуация заметно улучшилась. Под давлением тяжелейших обстоятельств в России, в 1921 г. была принята Новая Экономическая политика, улучшившая положение крестьян и частично решившая продовольственный кризис в стране. В Абхазии, в частности в с. Анхуа, более-менее успешно развивается табаководство, способствовавшее притоку денежных средств в село и увеличению пахотных земель. В село заселяются новые выходцы из Турции (армяне), обостряется земельный вопрос. На этом фоне кажется оправданным очередное перераспределение земель.

В 1923 г. в Абхазии у частных владельцев было отобрано и передано безземельным крестьянам 4288 десятин земли¹. За этой сухой фразой стоят людские судьбы. Попробуем разобраться с последствиями данной реформы.

Согласно сведениям жителя поселка Бжилва Мгдасян Хачика Самвеловича (1940 г.р.), в поселке Бжилва до прихода армян проживали греки, которые, скорее всего, были поселены здесь монахами в начале XX в. (прим. – А.А.). Однако новые поселенцы в течение трехлетнего срока и последующего времени оставались иностранно подданными. Это послужило официальным поводом для сокращения земельных наделов греческих семей до 1 га. Уже к 1924 г. их Анхуа большинство греческих семей, уехало в Грецию. Остались те, кто не имел средств для переезда. Эти семьи, стесненные безземельем, переселились в местечко Лашпсард, севернее с. Анхуа и там продолжали проживать до их выселения в 1949 г. в Казахстан. На места, оставленные греками, пришли армяне в 1924 г., родители Хачика приехали сюда в 1927 г.: отец родом из Адлера, мать из Турции. Проживали в усадьбе Миканба в пос. Акуача пару лет, заработав там немного денег, поселились в Бжилва среди армян. По сообщению Х.С., в 1924 г. в связи с усложнившимся экономическим положением, в Турцию уехало и немало армян, сумевших заработать на табаководстве в течение нескольких стабильных лет.

К концу 1920-х гг. Советская власть, так и не осуществив крестьянскую реформу 1861 г., переходит к коллективизации сельского хозяйства. Лозунг «Землю крестьянам», ставший движущей силой коммунистической революции, был забыт за ненадобностью. В целом в течение одной пятилетки все земли должны были принадлежать колхозам. Мелкие крестьянские хозяйства

¹ Г.А. Дзидзария. Указ. соч. С. 382.

подлежали ликвидации. Это следовало из Постановления ЦК ВКПб от 5 января 1930 г. Коллективизация проводилась насильственными методами. Крестьян обязали сдать скот и орудия труда в колхозы, куда они должны были вступить. Себе разрешалось оставить необходимый для прокорма минимум. Эта идея нашла поддержку только у бедняков, вступая в колхоз, они ничего не теряли, зато получали хоть какую-то гарантию, что не погибнут от голода. Крепкий же хозяйственник терял все, что было нажито трудом поколений, все, что позволяло ему быть уверенным в завтрашнем дне, кормить и воспитывать детей. Взамен он не получал ничего. В итоге многие зажиточные крестьяне оказывали сопротивление. Конфискация имущества у них производилась насильственными методами, а самих кулаков вместе с семьями ссылали в далекие, не приспособленные для жизни регионы. В итоге на земле сформировался класс людей, совершенно не заинтересованных в результатах своего труда.

Проблемы, вызванные коллективизацией в России, были хорошо известны в Абхазии. Вполне естественно, что крестьяне, не получившие достойного разрешения крестьянского вопроса, были возмущены политикой изъятия земель, что вызвало мощное антиколхозное выступление абхазских крестьян – Дурипшский сход.

Работа по организации и проведению схода началась 14 февраля 1931 г. в с. Лыхны. Были выделены специальные ходоки по селам. В назначенное время, 18 февраля, в с. Дурипш собрался сход. Присутствовало около 500 человек из разных сел Гудаутского района Абхазии. Ораторы коснулись злободневных вопросов жизни деревни. 19 февраля на сход в Дурипш явились до 1000 человек. Представителям правительства республики было отказано присутствовать на нем. Мотивировалось это тем, что принципиальные вопросы не подготовлены, и ораторы не выделены. 24 февраля и последующие несколько дней в священном месте с. Ачандара присягали поочередно представители сельских общин Бзыбской Абхазии. Они, согласно рассказам стариков, они поклялись, что ни при каких обстоятельствах не будут вступать в колхозы. Мой дед Аргун Шамах Масович был среди тех, кто принес присягу в Дыдрыпшь-ныха.

26 февраля 1931 г. – девятый и последний день схода крестьян Бзыбской Абхазии состоялся в Дурипше. На сходе присутствовали до 4000 человек, в том числе около 300 женщин, а также председатель ЦИК Абхазии Н. Лакоба, члены правительства Абхазии, первый секретарь ЦК КП(б) Грузии С. Мамулия и председатель ОГПУ Закавказья Л. Берия. Сход проходил под руководством его организаторов. Первым выступил Сит Ебжноу. «Мы, – сказал он, – против деления крестьян на кулаков, середняков и бедняков; когда боролись за эту власть, нас так не делили. Коллективизация для нас губительна, ибо колхозы уничтожают традиционный уклад и обычаи нашей народности. Контрактация табаков, винограда и других сельхозпродуктов абсолютно неприемлемы для крестьян. Мы категорически против скотозаготовок. Отбирают скот, нас же самих заставляют гнать его в город и там встречают с музыкой, возлагая на нас же фураж. Комсомольцы предоставлены самим себе, они безобразничают, делая все, что угодно. Держат крестьян под террором. Печально, что женщины

наши в ночное время ходят на учебу в школу ликбеза, бросая своих грудных детей. Непосещение занятий означает, что надо уплатить от 100 до 300 руб. штрафа». Оратор просил избавить крестьян от всех этих мероприятий. Другие ораторы развили и конкретизировали эти основные положения. На сходе Н. Лакоба дважды выступил с речью. Он хорошо знал характер своего народа, уклад крестьянской жизни, традиции и психологию крестьян. По словам С. Данилова, свидетеля этих событий, Н. Лакоба «всемерно успокаивал взволнованный народ». Большое значение имело понимание проблем и ситуации, которые проявил секретарь Компартии Грузии С. Мамулия. Конфликтная ситуация в Дурипше была урегулирована мирными средствами. На второй же день, 27 февраля 1931 г., в с. Лыхны состоялось совместное заседание членов правительства и делегатов от дурипшского схода. Представители крестьян обстоятельно рассказали о положении в деревне в связи с коллективизацией, об администрировании, грубости коммунистов и комсомольцев. Было заявлено: «В России крестьян обобрали, разорили и они молчат, теперь нас хотят стричь, но мы не овечки и поэтому закричали». Крестьяне четко сформулировали свои требования. Делегаты схода были выслушаны внимательно. Н. Лакоба изложил отношение правительства к поставленным вопросам. «За самочинный, незаконный сход, – заявил Н. Лакоба, – мы не будем карать никого, так как здесь собралось крестьянство, а власть является рабоче-крестьянской, т.е. сама власть принадлежит самим крестьянам... Это стихийный сход крестьян, вызванный целым рядом наболевших вопросов, благодаря нашим недостаткам и ошибкам, которых у нас имеется в изрядном количестве... Не только не наказывать таких людей – активистов этого схода, но их нужно хвалить за то, что они своим умелым подходом и руководством таким огромным сходом дали хороший исход».

События в с. Дурипше и с. Ачандара получили широкий резонанс в республике. На сход реагировала и Москва. Были приняты партийные и правительственные постановления, проведены мероприятия, вытекающие из уроков выступления крестьян. Коллективизация в Абхазии получила ряд особенностей. Во-первых, она была растянута во времени, отличалась постепенностью, завершилась во второй пятилетке относительно мирным путем. Во-вторых, в Абхазии, в отличие от других районов Союза, широко были использованы низшие формы кооперации, в частности поселковые товарищества, а также первичные формы коллективного хозяйствования – товарищества по общественной обработке земли. В-третьих, своеобразием отличался в Абхазии и вопрос о кулаке. Здесь вообще не проводился лозунг ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. К зажиточным хозяйствам репрессивные меры не применялись. Они вытеснялись ограничительными экономическими мерами и путем индивидуального налогового обложения. В Абхазии коллективизация завершилась более или менее мирно, что, безусловно, явилось результатом учета уроков крестьянского движения в Бзыбской Абхазии¹. Однако

¹ Комментарий был подготовлен академиком Академии наук Республики Абхазия, доктором исторических наук, главным научным сотрудником Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа профессором А.Э. Куправа. 20.02.2012 г.

после убийства Н. Лакоба в 1936 г. и объявления его врагом народа, многие участники Дурипшского схода подверглись суровым репрессиям. Отложенная на время месть была организована тщательно и планомерно, в результате чего свободомысле на время было изжито из жизни общества.

Из воспоминаний жителей с. Анхуа, столкнувшихся с коллективизацией.

К Аргун Хаки пришли члены комиссии и потребовали, чтобы он передал в колхоз одного из двух волов. Хаки пререкался, объясняя, что один вол не может пахать, ему нужна пара. Но активисты были неумолимы и принялись выводить быка из стойла. На шум собрались соседи и братья Хаки. Один из них по имени Шяхан обратился к односельчанину бедняку – активисту колхоза со словами, что они берут никудышного, ленивого вола. Бедняк-активист повел Шяхану и забрал другого вола, старого и ленивого. Забирали у крестьян скотину по всему селу. Отобранных животных поместили в общий колхозный загон, но кормить скот и поить его было некому и нечем. Активисты были заняты «более важными» делами. В итоге, весь отобранный скот, измученный сдох на скотном дворе. Также были отрезаны земли у крестьян в пользу колхоза. Мало кому удалось сохранить за собой даже 2 га земли несмотря на то, что семьи в это время были многодетными (от 5 до 9 детей). Крестьяне по-прежнему обрабатывали свои бывшие участки, но это теперь был колхозный урожай. Запрещалось иметь более 3 коров, но при этом подворья облагались налогом на мясо, на птицу, яйца. Колхозный урожай хранился в общем бригадном амбаре и когда в семьях заканчивалась кукуруза, а это случалось довольно часто, то соседи по очереди ходили по ночам воровать из него собственноручно выращенный урожай. Только благодаря этому им удавалось уберечь от голода свои многочисленные семейства. Бедность в селе доходила до такой степени, что подростки не были знакомы с фабричной одеждой или обувью. поголовно люди ходили в сыромятных чувяках. И если кому-то надо было поехать в город, то брали на время самодельные ботинки под названием «Сухум-Сочи», которые умельцы изготавливали из голенищ изношенных военных сапог, пришитых к подошве, сделанной из старых автомобильных покрышек. От передовика Аргун Хаки слышал высказывание, что «колхоз то, что лягается и вперед, и назад».

Тяжелее пришлось тем, кто не изменил своей клятве не вступать в колхозы и не покинул села. Для начала у них отрезали земли, оставив по 1 га, затем и эту норму сократили наполовину. Мой дед Шамах Масович не изменил клятве и, чтобы избежать репрессий, устраивался на различные работы служащего по селу (разносил почту, был участковым и т.д.); в кругу доверенных людей он часто говорил, что это государство, что «зайца арбой загоняет», долго не протянет.

В 1932-1933 г. в Советской России начался очередной голодомор, связанный с насильственной коллективизацией. Люди устремились в Закавказье, в частности в Абхазию. Многие умирали по дороге, их тела, не убранные валялись на побережье вдоль трассы. Те, кто дошли до абхазских семей, остались в живых. В частности, в семью Меджита Пачулия пришли 16 человек, 14 жен-

щин и двое мужчин, которые готовы были за кров и пропитание выполнять крестьянскую работу. Первое время они жили в усадьбе. Затем появилась возможность устроиться на лесозаготовку, некоторые нашли себе работу в Новом Афоне. Таким образом все они выжили и обустроились в Абхазии.

В 1932 г. в СССР началась паспортизация населения, однако крестьяне (колхозники) были лишены этого права. Они не могли менять место жительства, подобно крепостным крестьянам царской России. Они были приравнены к людям, ведущим аморальный образ жизни: классовых врагов; преступников, после отбытия наказания; людей, не имеющих постоянное место жительства. Столь бесправными абхазские крестьяне ранее никогда не были. По данным источников, жители села более-менее беспрепятственно начали получать паспорта в 60-х гг. XX в., во времена хрущевской оттепели. А процесс паспортизации колхозников в СССР официально стартовал в 1976 г.

Из воспоминаний Аргун Валико Шамаховича 1941 г.р., потерявшего отца в 13 лет: «По окончании средней школы принял решение поступать в Сухумский пединститут (конец 50-х гг.). В это время в пос. Акуача еще не было электричества. Остался на год в селе в надежде вырастить табак и на вырученные деньги купить себе костюм. По окончании сезона сдал в колхоз 300 кг. сушеного табачного листа, но вместо заработка остался в долгу перед колхозом. После этого принял решение покинуть село, в котором своим трудом невозможно было встать на ноги».

На эти годы приходится первая волна оттока молодежи из с. Анхуа, что в итоге привело к краху колхоза и постепенному вымиранию села. В 60-е же годы село было очень плотно заселено, пахотные земли были истощены, не хватало места для выпаса скота, везде стояли заборы. Летом весь скот отправляли вместе с колхозными стадами на высокогорные пастбища.

Неочевидное, невероятное...

В 1834 г. русский офицер барон Ф. Торнау находился довольно длительное время в Абхазии, в частности в с. Анхуа. Интересные сведения о быте и обычаях мы встречаем в его записках: «От винограда, растущего в изобилии на этих лозах, получается очень порядочное вино, добываемое в Абхазии самым первобытным способом. Жители делают для этого яму в земле, обкладывая ее глиною и потом обжигают сколько можно, разложив в ней огонь. Вытоптав виноград ногами в этой яме, из нее вычерпывают вино, когда сок перебродил, и хранят его в глиняных кувшинах, зарытых в земле. Лозы стоят в поле без ограды; каждый хозяин знает свое фруктовое дерево и употребляет весьма дешевый способ для сбережения его от воров. Для этого привешивают к лозе, к скотине или к каждому другому предмету, который желают уберечь от воровских рук, кусок железного шлака. Не каждый горец осмелится тронуть вещь, отданную под покровительство этого талисмана, угрожающего, как полагают, насильственной смертью чужим рукам, которые позволят себе коснуться его. Впрочем, и кавказские горы имеют своих вольнодумцев, пренебрегающих подобного рода угрозами. От них уберегает одно ружье, исправляющее у

черкесов главную полицейскую должность»¹. Безусловно, в первой половине XIX в. виноград давили также в корытах, выдолбленных из толстых цельных стволов. Далее Торнау сообщает: «В Анухву, лежавшую в горах, против Анакопии, верст пятнадцать от морского берега, мы приехали поздно ночью. Микамбай ожидал нас каждый час, и наши постели были уже приготовлены в кунахской, как называют дом, назначенный для гостей. Абхазцы, равно как и черкесы, живут обыкновенно в хижинах, крытых соломой или камышом, которых плетневые стены плотно замазаны глиной, перемешанной с рубленой соломой. В каждой хижине по одной комнате, получающей свет через двери, растворенные настежь летом и зимою. Около стены возле дверей сделано полукруглое или четвероугольное углубление в земле для огня, над которым привешена высокая труба из плетня же, обмазанного глиною. По другую сторону очага, в почетном углу, находится небольшое окно, без стекла, плотно запираемое ставнею и служащее более для наблюдения за тем, что происходит на дворе, чем для освещения внутренности хижины. У горцев каждый имеет свою особую хижину: хозяин, его жены, взрослые дети; но посторонний человек никогда не проникает в эти помещения, посвященные исключительно семейной жизни. Для гостей определена кунахская, совершенно пустая комната, убранная только по стенам рядом деревянных гвоздей для развешивания оружия и конской сбруи. Сидят и спят в ней на земле, на камышовых циновках, на коврах, подушках и тюфяках, составляющих у гостеприимного черкеса самую значительную и самую роскошную часть его домашних принадлежностей. В кунахской всегда есть, кроме того, медный кувшин с тазом для умыванья и намазлык, шкурка от дикой козы или небольшой коврик, для совершения молитвы. Кушанье подают на низких круглых столиках. Весьма немногие знатные и богатые горцы строят рубленые деревянные дома. Микамбай имел такой дом, и по этой причине слыл очень богатым человеком. Дом этот, занятый его семейством, был в два этажа, с окнами, затянутыми пузырем, между которым кое-где проглядывало небольшое стеклышко, добытое от русских. Кроме того, Микамбай пользовался уважением народа еще по другой причине: его меховая шапка была постоянно обвита белою кисейною чалмой, доставлявшею ему вид и титул хаджия, хотя он никогда не бывал в Мекке»².

Из юношеских воспоминаний Аргун Валико Шамаховича и его ровесников наиболее интересным будет рассказ о традиционной абхазской свадьбе, обычай, не встречающийся в наше время. В день привода невесты в дом стекались родственники из других уголков страны. Гостей распределяли по соседям, там им устраивали угощение и ночлег. Обычно это происходило в субботний день. После захода солнца отдохнувшие с дороги гости стекались в усадьбу хозяина торжества. Там заранее силами соседей сооружались из ольховых веток шатры, подставки под дощатые лавки и столы (раньше использовались бревна и пеньки). Соседи варили мясо и мамалыгу в котлах, соседские женщины приносили с собой по курице и баночку аджики. И только с темнотою во двор приезжали всадники с невестой. Привод невесты сопровождался стрельбой из

¹ Ф.Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера. М., 2008. С.200.

² Там же. С.239.

ружей, игрой на маленькой гармонии и танцами. После этого гостей рассаживали за столы под шатрами, соседи обслуживали их. Мамалыгу клали прямо на стол, специально назначенный человек разносил и клал на мамалыгу по куску мяса. Это задание было самым ответственным, так как надо было по достоинству гостя подать ему кусок мяса. Иначе возникали ссоры, доходившие до кровной вражды. Также полагалось соседям стоять над гостями и выполнять их пожелания. Специальные ахатцгыла из подростков разливали вино по стаканам и следили, чтобы тосты по случайности, либо намеренно не были перепутаны. И так как застолье продолжалось до рассвета, порой и дольше, то и ахатцгыла должны были выстоять все это время на ногах, не отходя от гостей. Когда солнце подымалось высоко, гости вставали и расходились по соседским домам для отдыха. К вечеру этого же дня (воскресенье) они собирались вновь на месте торжества. К этому времени соседи должны были приготовить мясо вновь освежеванного быка и горячую мамалыгу. Второе ночное застолье проходило по тому же сценарию, только с меньшим напором. Мясо и мамалыга варились в больших котлах (медных, чугунных, дюралевых). Для этого в земле выкапывалось круглое углубление, края лунки уплотнялись. Кямке прирезали удлиненную канавку для закладки дров и разжигали костер, который пропекал землю, делая ее твердой настолько, что котлы объемом 50-100 литров не проваливались в яму. Костер горел под землей, потерь тепла почти не было, что позволяло экономично расходовать дрова, которые в XX в. доставались крестьянам с большими трудностями¹.

Траурные церемонии также проходили с некоторыми особенностями. По смерти сельчанина отправлялись специальные гонцы (ашэацхэафы) к тем, кому положено быть на траурной церемонии. (Я еще застал этот обычай). Во дворе умершего не готовили пищу. Соседи приносили холодную мамалыгу и аджику для самых близких родственников (адсымшътга ачгъахэ). Если кто-то прибывал издалека, то их забирали к себе домой на ночлег соседи. Родственники, стекавшиеся к телу покойного, несмотря на время года и непогоду, шли босиком и громко причитали. Мужчины били себя кулаком по голове и в грудь, женщины рвали волосы и раздирали щеки до крови. Сочувствовавшие люди наносили себе увечья со словами «почему я не умер».

В то время было модным делать коллективные фото в день похорон. Адышшылацэа (родня) становились вокруг гроба во дворе и скрещивали руки на груди, мужчины могли быть в башлыках с распущенными концами, женщины с распущенными волосами и расцарапанным в кровь лицом. Если умер мужчина – приводили его коня в сбруе и накрывали черной тканью. По истечению года, после годовщины раздавали вещи умершего друзьям и родственникам. Семейное оружие оставалось в семье. Траур по умершему в течение года соблюдали семья и вся община. Основную нагрузку в ритуальных мероприятиях и торжествах брали на себя соседи.

¹ Лесные угодья относились к колхозу, либо лесхозу. Заготовка дров производилась упорядоченно, по специальному билету. Лесничий метил деревья, непригодные для деловой древесины, согласно количеству предъявленного билета. Помимо оплаты билета, крестьянин своими силами должен был заготовить и доставить дрова к себе домой.

Огромная рептилия

В возрасте 18 лет я услышал историю от абхазского этнографа к.и.н. Ю.Г. Аргун. В 1980-х гг. он и археолог И.И. Цвинария были отправлены от Абхазского института языка, литературы и истории, в котором работали, в с. Анхуа в экспедицию по сбору полевого материала. Однажды они вдвоем поднялись на гору, что напротив Анакопии (Аныхамца) и шли по тропе в сторону восточного ее края. Были увлечены беседой, и не заметили, как подошли к огромному животному (агулшьап) на расстояние 20-25 метров. Это была рептилия, стоявшая на задних лапах с огромным чешуйчатым хвостом и головой на длинной шее. Дракон пристально посмотрел на них, повернув голову. Путники замерли от страха и переглянулись, рептилия со страшным грохотом бросилась наутек в грабовый лесок. Как только чудище скрылось, исследователи пришли в себя и побежали в другую сторону. Эта история вызвала мое удивление, спорящее с сомнениями. Однако Ю.Г. Аргун отличался правдивостью, при пересказе этой истории в его глазах можно было уловить пережитые им мгновения.

Я тогда не был знаком с И. И. Цвинария. История потихоньку забылась. Но как-то раз спустя более 10 лет об этом случае мне рассказал И.И. Цвинария, в то время заведующий отделом археологии АБИГИ. Я вспомнил, пусть и не в деталях, рассказ Юрия Гудисовича и в очередной раз удивился. В 2020 г. Игорь Иванович приехал в Афон по приглашению о. Дорофея, чтобы показать нам известные ему памятники на территории села. Мы вместе поднялись на гору Аныхамца, он много рассказывал про грот, обращенный к подножию Анакопии, вспоминал экспедицию и ее участников по обследованию грота. Мы шли по тропе к восточному склону. Вдруг он остановился и сказал: «Это было здесь, я этой встречи никогда не забуду». Далее он вновь описал дракона, его взгляд и то, с каким грохотом он удрал в чащу, а они с Юрием Гудисовичем – в обратную сторону. «Дракон в рост был не менее 12 м., огромная голова, как у крокодила, длинная шея около 8 м., горбатая спина, огромные передние лапы и подкошенные задние лапы, огромный хвост в длину». Я несколько раз просил Игоря Ивановича зарисовать дракона по памяти, но тщетно, затем рекомендовал съемочной группе, приехавшей на Анакопию, записать беседу с ним, чтобы сей факт был хоть как-то задокументирован¹.

Будучи подростком, я неоднократно приезжал с отцом в с. Анхуа, где оказывался очевидцем рассказов сельчан о встрече с огромным змеем, который, по их мнению, обитал в каньоне р. Мысра, между поселками Акуача и Агца. Мой отец, еще в юности покинувший село, не верил этим рассказам, я тоже долгое время находился под его влиянием. Уже в зрелом возрасте я занялся сбором сведений о змее. Опрашивал стариков, которых почти не осталось. Из услышанных мной рассказов я передам один, так как рассказчик отличался правдивостью. Информатор Аргун Виктор Кщищ-ипа, житель пос. Акуача. Он рассказал, что как-то вечером ему понадобилось выехать в центр села, путь

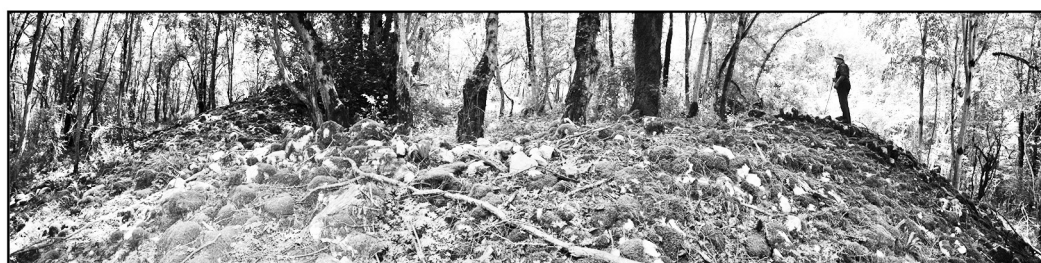
¹ <https://www.youtube.com/watch?v=WhqVHS37Wqo>

проходил по железному монашескому мосту через Мысракуара. Аробная дорога, в связи с особенностями рельефа сужалась вблизи каньона, ехал верхом, о чем-то думая. Конь неожиданно остановился, чем вывел путника из раздумий. Но и этого мало, он, не подчинился хозяину и фыркая попятился назад. Виктор присмотрелся к дороге и увидел в сумеречном свете бревно, перекрывшее аробную дорогу. Откуда появилось бревно поперек дороги? Что с моим конем? – занервничал он, – и пригляделся. «Бревно» медленно переползало дорогу. Испуганный Виктор повернул коня назад, ни головы, ни хвоста чудовища он не видел, так как предпочел ретироваться с места. Старики говорили, что змей пожирает мелкий рогатый скот селян.

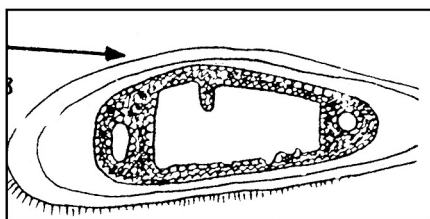
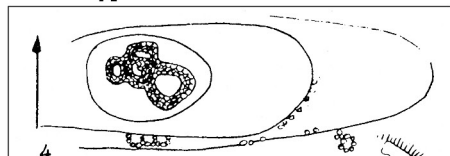
В подтверждение тому, что в Абхазии водились крупные змеи, приведу находку, найденную при рытье экскаватором траншеи в заболоченной местности в с. Колхида. Как-то раз в отделе археологии АБИГИ встретил археолога Барцыц Р.М, который показал череп змеи (удава), очень похожий на череп крупной собаки. Он обратил внимание на строение черепа, у которого отсутствовала нижняя челюсть, что присуще только змеям. Это отчасти заставило меня написать об анухвском чудовище, подавляя собственный скептицизм.

В послесловии я хотел бы упомянуть, что многие научные работники, а также руководители канувшего в прошлое Советского Союза с большими зарубежными гостями посещали с. Анхуа. В 60-е годы в селе было много почтенных стариков, очевидцев и участников значимых исторических событий, носителей народной мудрости и знаний. Они дополняли своими содержательными рассказами живописное убранство из буйной растительности, производившее неизгладимое впечатление на тех, кто оказывался здесь впервые. В с. Анхуа многократно направлялись научные экспедиции, проводились археологические раскопки, записи на пленку, собирались предметы старинного быта. Полевые отчеты, обязательные для научных работников, хранились в соответствующих научных учреждениях страны. Проводилась систематическая работа по накоплению данных. Но незаметно подошла смена эпох. Архивы были сожжены, либо утеряны, как не очень нужные. Молодежь оставила село в поисках лучшей жизни, колхозные изгороди попадали, старики ушли в мир иной, зарастают бывшие поля и уголья, покинутые усадьбы, старые могилы. Но теперь причина вековых споров – земля отдыхает. А все потому, что так и не решен крестьянский вопрос. Земля есть, но крестьянским трудом по-прежнему не встать на ноги.

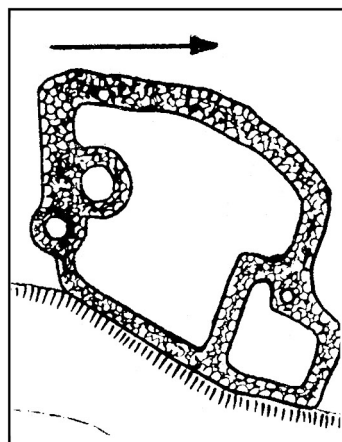
С 2015 г. несколько лет в Абхазии свирепствовал самшитовый мотылек. Некогда сказочные ущелья с. Анхуа обнажились до неприличия. Грибковые болезни почти уничтожили каштановые леса, на очереди буковые. Меняется растительный покров, появляются новые виды животных, видоизменяются ландшафты. Будем надеяться, что зародится новая жизнь после смерти. Данный очерк про с. Анхуа призван оживить то, что еще не умерло. Доброй памяти тебе – читатель.

1.

2.

3.

Рис. 4. Наиболее выразительные памятники с. Анхуа периода античности:

1. – сооружение (крепость?, святилище?) в Бжилва (Веселовка);

2. – крепость Абаарук (по В.П. Пачулиа);

3. – Бжилвинская крепость.

(Схематичные планы представлены из Археологической карты Абхазии Ю.Н. Воронова)

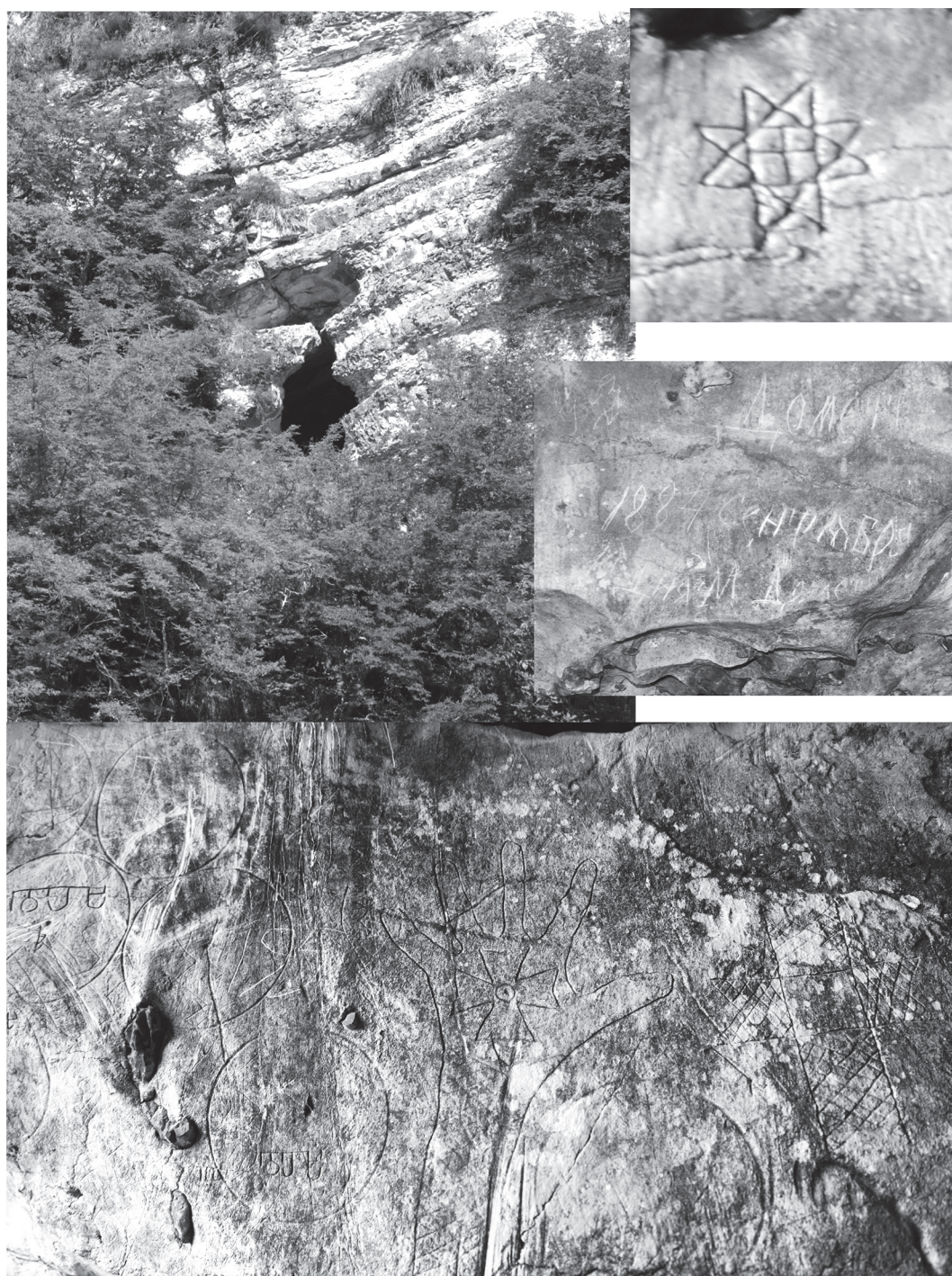
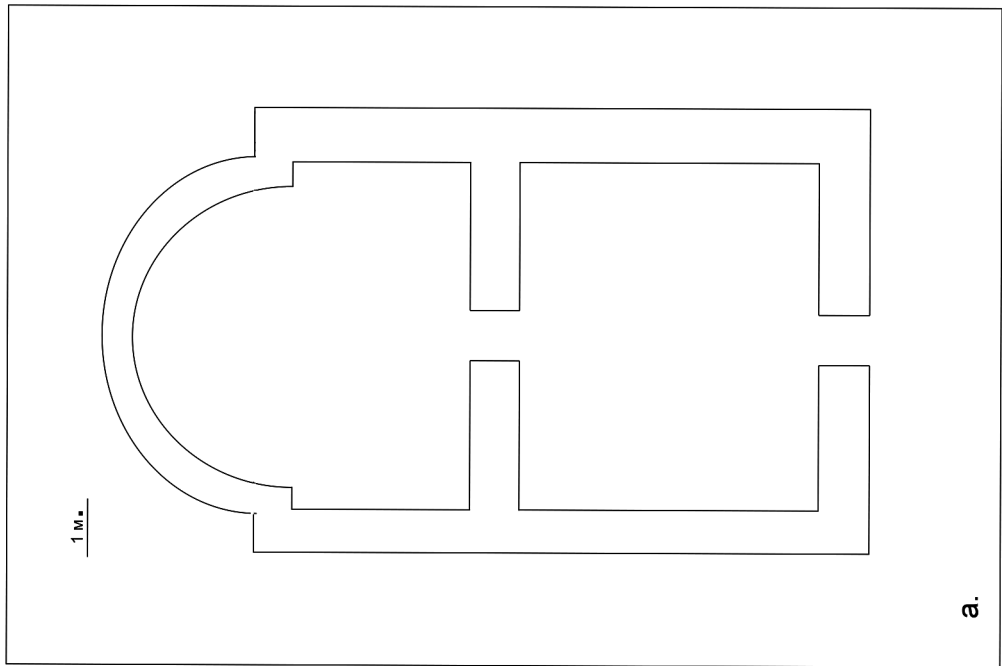
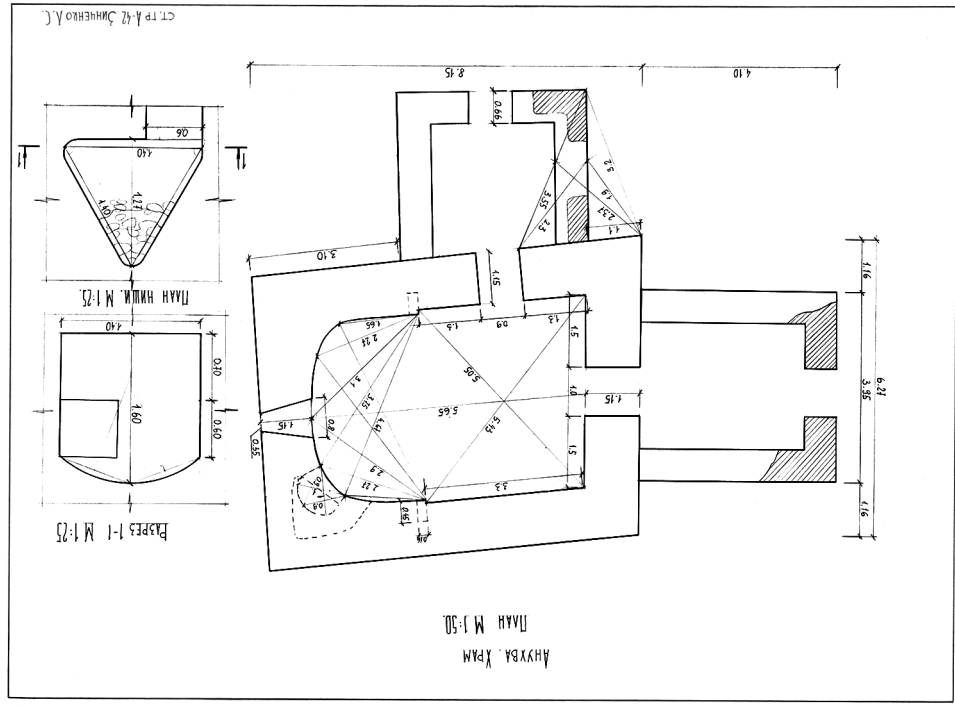

Рис. 5. Грот Агца с его изображениями.
(Из прочитанных дат самая ранняя – 1884 г.)

а.

б.

Рис. 6. Схематичные планы храмов с. Анхува: (а) – на горе Акуо, (б) – в поселке Акуауча. (Из архива НИИКЗ «Анакопия»)

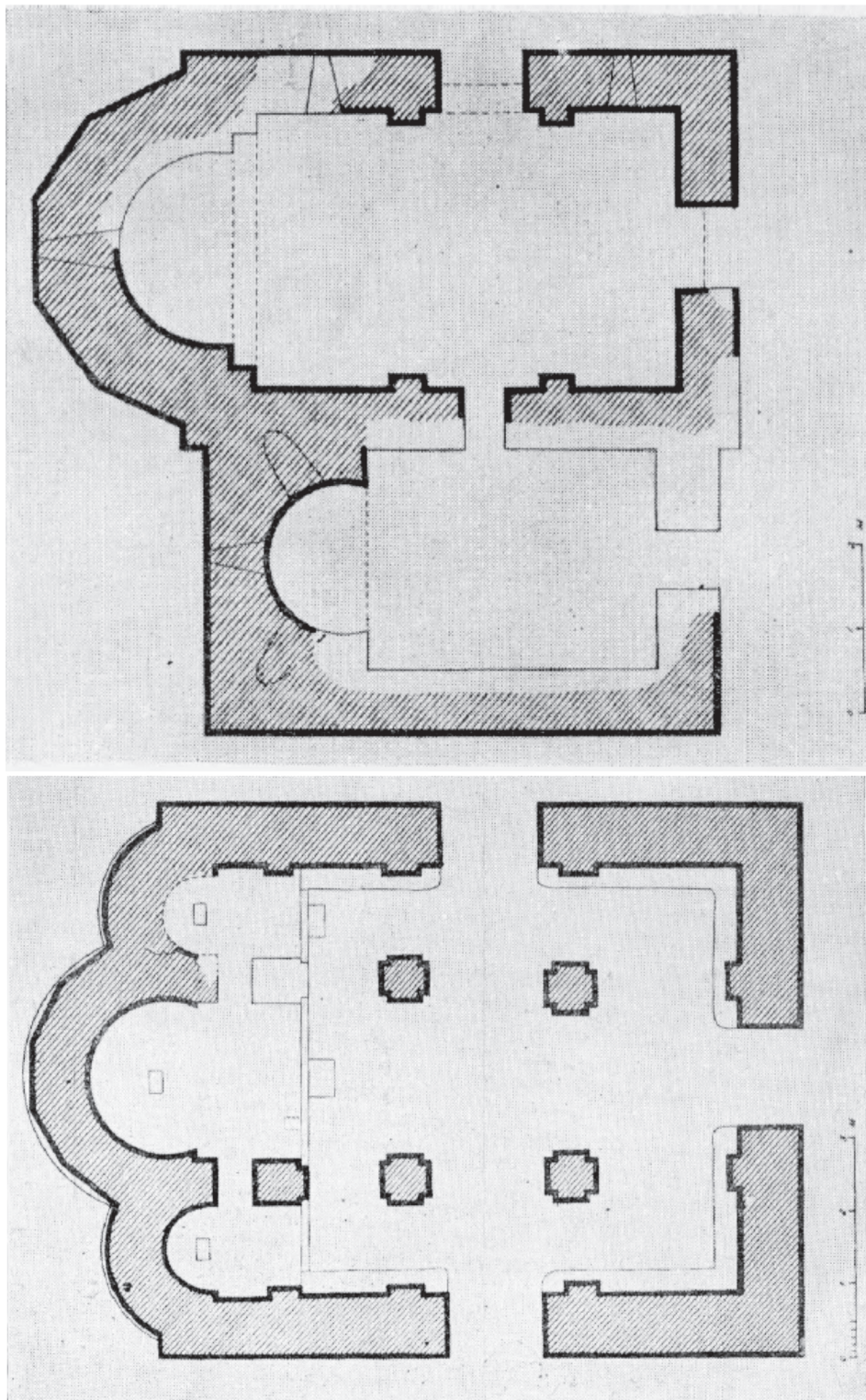

Рис. 7. Планы храмов из поселка Мсыгухва и Ачана (по А.К. Кацця)

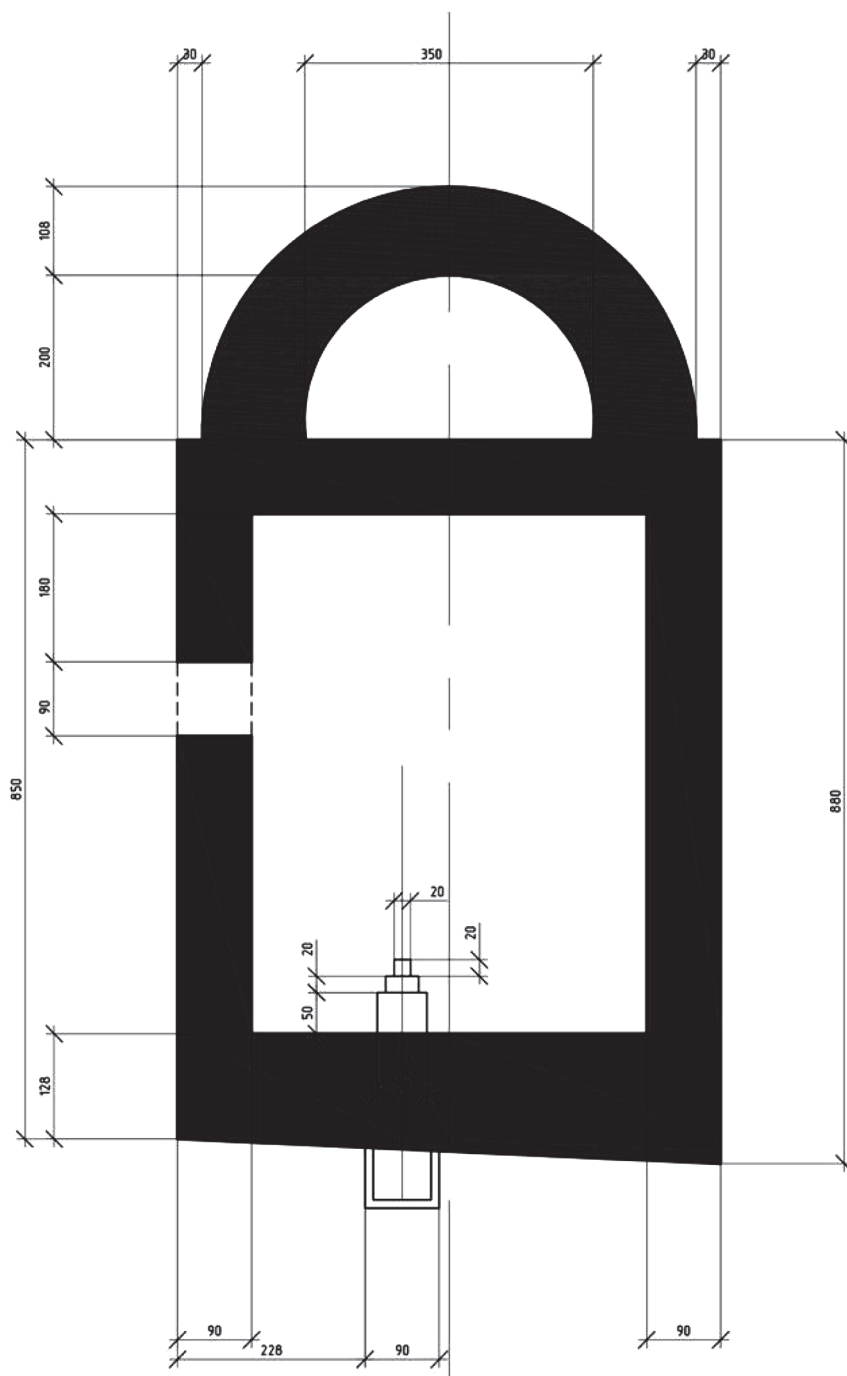

Рис. 8. Храм (Георгия?) в пос. Бжилва (Аныхамца).
 (Обмеры – Аргун А.В., Пицулина В.В. 2018 г.)

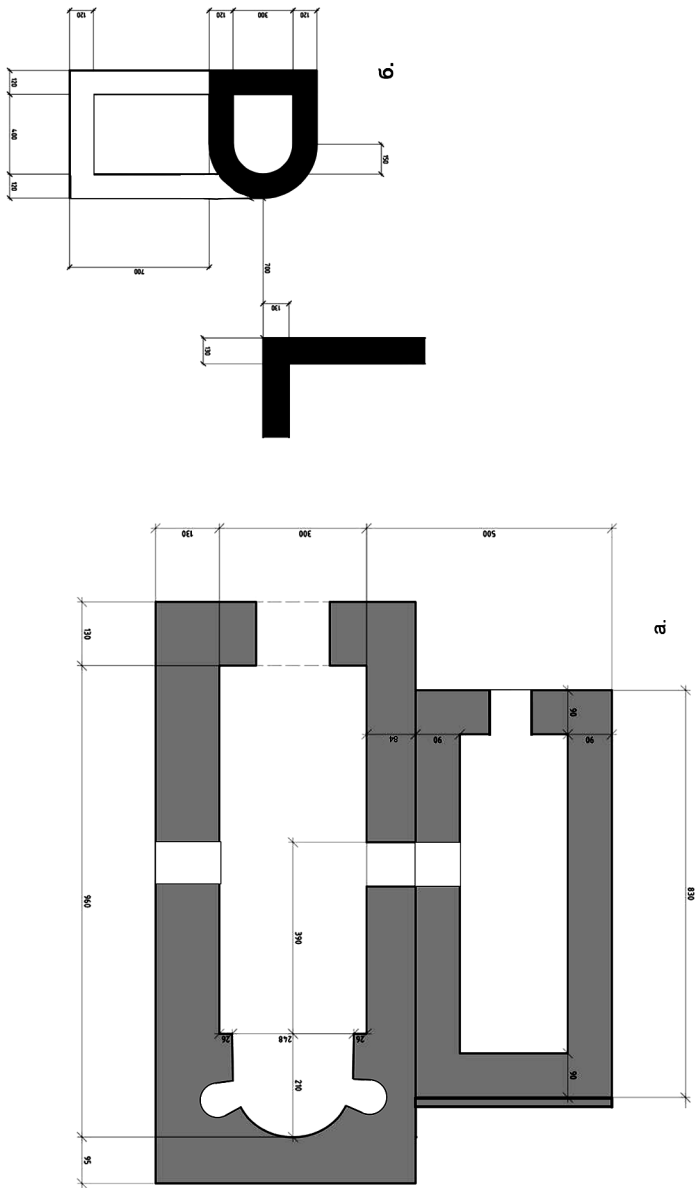

Рис. 9. Храмы (а, б) из монастырского комплекса поселка Веселовка (Бжילהа?).
 (Обмеры – А. Аргун, В. Пищулина, с уточнениями 2023 г.)

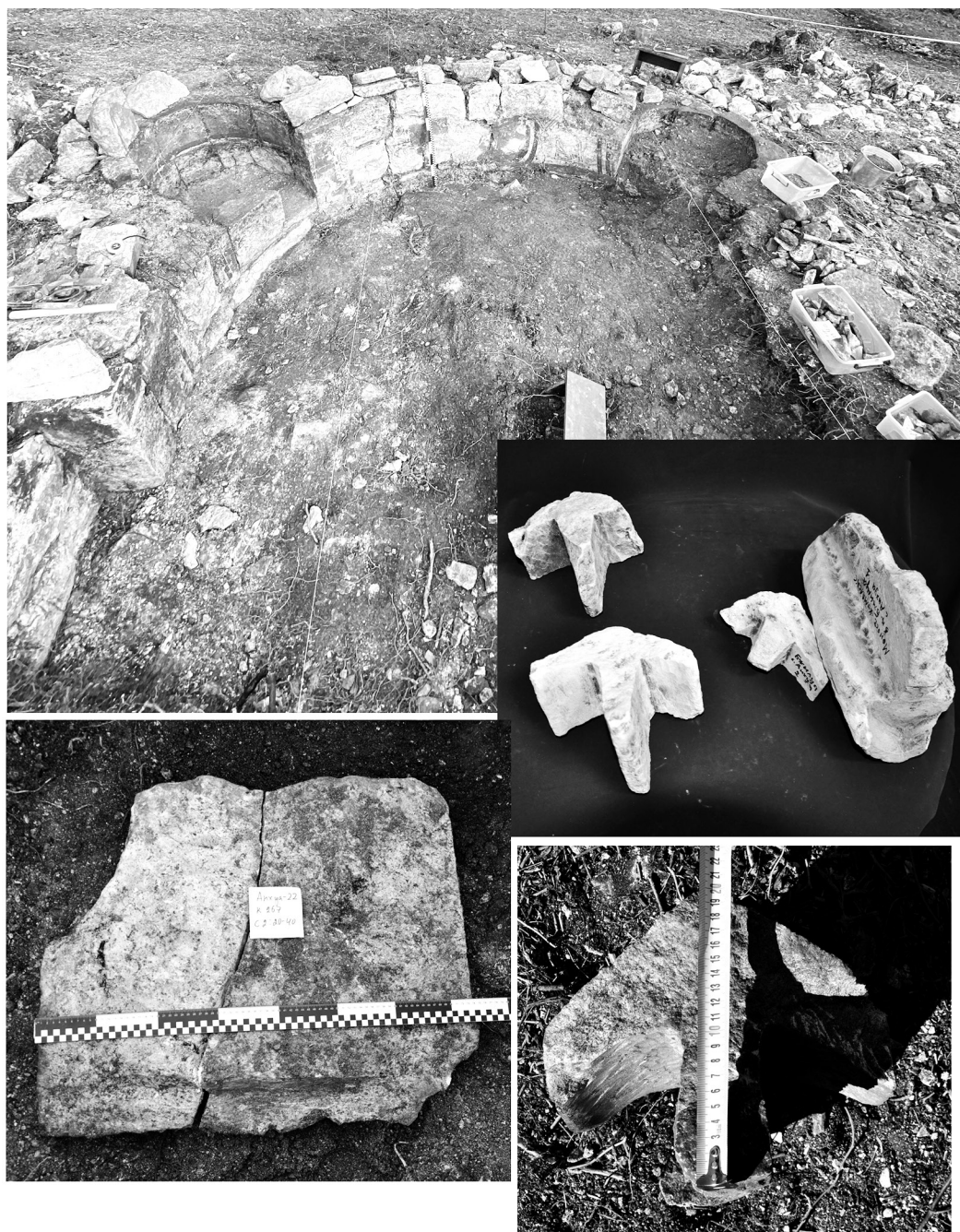

Рис. 10. Храм Георгия в монастырском комплексе пос. Веселовка (Бжилва) в процессе археологических работ 2022 г.

(Вид на абсиду изнутри; выделанные из известняка кровельные изделия: калиптер (Д-64; Ш-74 см.), коньковые элементы с ножкой: мелкие накрывали калиптеры, крупные – скаты (В-21 см.) Стыковочные стороны кровельных изделий сделаны под соединение внахлест)

Рис. 11. Анухвинцы возле своей апацхи на празднике «Лыхнашта», 1984 г.

Рис. 12. Пачулиа Киаамын, Аргун Шамахь. (Фото 1930 г.)

О. В. Маан

ТРАДИЦИОННОЕ САДОВОДСТВО АБХАЗОВ

Появление первых садов на территории Абхазии можно отнести к периоду неолита, когда древние предки абхазов при родовых поселках стали культивировать некоторые растения и фруктовые деревья. Согласно абхазской легенде, все фруктовые деревья были получены людьми от двух нартских богатырей – Сасрыквы и Цвицва. С помощью грома и молнии нарты сумели проникнуть в неприступную крепость великанов, где росли всевозможные растения, которые были полюбовно поделены между братьями, за исключением виноградной лозы, доставшейся в конце концов Сасрыкве¹. По одним этнографическим материалам, божество плодоводства – Нар (оно же божество виноградарства)², формирование которого фактически восходит к периоду «собирабельского» хозяйства. По другим данным, божествами деревьев являются два брата – Хыдзыр и Алиашв (Хызыри Алиашэи). Из них первый – защитник фруктовых деревьев, «который желает, чтобы плодовые деревья ежегодно давали хороший урожай»³.

С периода новокаменного века многие полезные растения естественной флоры Абхазии не только использовались абхазами, но и в результате многовековой народной селекции, вводились ими в культуру. По утверждению М. Т. Бгажба, многообразие видов и сортов культурных растений, произрастающих в нашей стране, показывает, что с самого возникновения здесь земледелия, Абхазия являлась областью садоводства и виноградарства, где другие отрасли растениеводства – полеводство, овощеводство, возделывание технических культур, «всегда имели второстепенное экономическое значение»⁴. Исключение из этого составляет просо, которое выращивалось абхазами как экономически важнейшее растение в течение тысячелетий до введения в XVII в. новой для Абхазии более урожайной культуры кукурузы.

Об абхазском садоводстве в течение античной эпохи, а также раннего и зрелого Средневековья, ввиду отсутствия письменных сообщений, свидетельствуют археологические находки из различных регионов Абхазии в виде серповидных ножей, цалд и цалдеобразных орудий⁵. Все фруктовые деревья в Абхазии были высокоствольными, и для срезания их веток требовались

¹ См.: Инал-Ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. Сухуми. 1977. С. 23.

² См.: Бигуаа В. Л. Ритуальный мир традиционной религии абхазов. М., 2018. С. 45.

³ См.: Зухба С. Л. Абхазская мифология. – Сухум. 2012. С. 602 (на абх. яз.). Акаба Л. Х. Избранные труды. В двух томах. Том I. Сухум. 2021. С.17. Другое божество – Алиашэ, приносит вред и «является защитником плохих деревьев» – ивы, тополя, кизильника, многорядника щетинистого и др. (Габниа Ц. С. Миф и ритуал. Статьи и фольклорные записи. Сухум. 2012. 144–146 (на абх. яз.).

⁴ Бгажба М. Т. Растениеводческие основы сельского хозяйства Абхазии. Тб., 1963. С. 18.

⁵ Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. Сухуми. 1989. С. 57.

специальные орудия с длинными рукоятями. Именно такими являются цалды с раскрытыми втулками, найденные на Сухумской горе и в Новом Афоне (Анакопии). Если афонский материал относится к более позднему времени, т. е. к раннему Средневековью, то сухумский материал датируется античной эпохой. Иными словами, названные садоводческие орудия, по обоснованному мнению М. М. Гунба, бытовали непрерывно более полутора тысяч лет¹. Согласно М. М. Трапш, «подобные цалды и серповидные орудия, использовавшиеся в том числе для срезания виноградной лозы, сохранились у абхазов почти до современности»².

Судя по многочисленным историко-этнографическим материалам, под садами, виноградниками, огородами, бахчами были заняты значительные площади сельскохозяйственных земель жителей Западного Закавказья и предгорий Северо-Западного Кавказа³. По свидетельству Ю. Н. Воронова, культурное садоводство занимало видное место в сельском хозяйстве позднеантичных и раннесредневековых цебельдинцев⁴. И это несмотря на то, что под сельскохозяйственные культуры цебельдинцы использовали небольшую площадь земель вокруг поселений⁵. В письменных источниках более поздних времен имеются указания на наличие плодовых садов, по сути, при каждом абхазском дворе⁶. Из этого можно сделать вывод о том, что для традиционной абхазской усадьбы были обязательны не только виноград, но и фруктовые деревья. Эти факты, несомненно, не только свидетельствуют о том, что сады были неотъемлемым признаком хозяйств абхазов, но и доказывают наличие у них большой и длительной «садовой» практики. Этнографические материалы говорят о том, что в отличие от посадок ровными рядами, т. е. прямоугольной симметрии сада, фруктовые деревья в усадьбах абхазов росли особыми группами или рассеянно. При этом, рядом высаживали разные сорта плодовых деревьев для их взаимного опыления (процесс посадки растений и бережное отношение к деревьям рассматривался абхазами как один из факторов воспитания личности). Важной причиной того, что фруктовые деревья абхазы сажали вперемешку с другими, было суеверное представление о том, что место, засаженное большим числом яблоневых деревьев (хотя яблоня считалась у абхазов «рай-

¹ Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. Сухуми. 1989. С. 57–58.

² Трапш М. М. Труды. Т. 2. Сухуми. 1969. С. 233.

³ См. подборку источников, напр., в кн.: Земледелие и скотоводство у абхазов. Тб., 1986. С. 41.

⁴ Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975. С. 57.

⁵ Там же. С. 54. Наиболее удобные для земледелия участки цебельдинцами, согласно Ю.Н. Воронову, были заняты под кладбища. Данное обстоятельство он объясняет следующим образом: «Тесные политические и культурные связи с Римом, а затем его преемницей Византией, вызвали некоторую однобокость внутреннего развития страны, что выразилось, в частности, в невнимании к своей экономике – все лучшие для обработки земли ушли под кладбища» (Воронов Ю. Н. Указ. раб. С. 104).

⁶ См.: Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ // ЗКОИРГО. Кн. XXV. Вып. 8. Тифлис. 1906. С. 44; Городищев А. (А. Ф. Селиванов). Абхазия // Русская беседа. С.-Петербург. Июнь 1895. С. 70; Анисимов С. Абхазские Альпы. Москва-Ленинград. 1930. С. 22; Дзидзария Г. А. Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976. С. 105; Дзидзария Г. А. Труды. I. Сухуми. 1988. С. 102; Мустафа Бутба. Кавказские воспоминания. Сухум. 2021. С. 198.

ским деревом»), со временем пустеет и станет вымершим¹. Вместе с тем, как отмечалось в газ. «Черноморский селянин», «правильными рядами, как груши или персики в хорошем саду»² абхазы около своих усадеб сажали ольховые и тутовые деревья, по которым пускали виноградную лозу. Ольха считалась священным деревом, тогда как шелковица, – приносящим несчастье, поэтому абхазы чаще пускали виноградную лозу на грабовое дерево (граб не вырубался и на участке, предназначавшемся для посадки фруктовых деревьев). По этому поводу А. Городищев заметил, что стоящие в усадьбе «грабовые деревья служат подпорками для виноградных лоз, достигающих громадных размеров»³. Если у абхазов фруктовые деревья свободно размещались по всей усадьбе и стояли около проезжих дорог⁴ (ибо по представлениям народа, «фрукты являются достоянием всех»)⁵, а также могли размещаться и за пределами усадьбы на огороженной территории, то о мегрельских садах Арк. Ламберти писал, что мегрельские крестьяне «устраивают только маленькие сады, ибо, как только какой-нибудь крепостной устроит большой сад, помещик забирает решительно все, что ему понравится. Но есть и такие, которые, уверенные в доброжелательном к ним отношении своего господина, устраивают очень красивые сады»⁶. Другой автор, отмечая, что мингрельцы и гурийцы «кормятся садоводством и полевым хозяйством», в то же время подчеркивал, что они «на сады кладут тоже не слишком много заботы. Их сады скорее похожи на рощи, на половину поросшие фруктовыми деревьями и кустами. По их стволам и ветвям пускают виться виноградную лозу»⁷.

Одним из способов увеличения урожайности садов абхазы считали прореживание загущенной кроны и удаление сушняка. Для восстановления плодородия старых садов, широко практиковали их омолаживание путем сильного укорачивания веток, отчего дерево вновь приобретало силу и начинало плодоносить⁸.

В различных пунктах Абхазии зафиксирован древний термин для обозначения виноградного и фруктового сада – «ақәатца»⁹ (фруктовый сад у абхазов обозначается и словом «абахча», от перс. **باغچه** – «сад», «огород»; производным от него является слово ашәырбахча, что значит «плодовый», «фруктовый» сад). Сам характер планировки абхазских поселений, их рассредоточенный характер производил на путешественников и бытописателей Абхазии впечатлительные большие озелененные территории со своим ландшафтом. Например, Н. Н.

¹ См.: Акаба Л. Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухуми. 1984. С. 14.

² Газ. «Черноморский селянин». №15. 1-го августа 1912 г. С. 226.

³ Городищев А. (А. Ф. Селиванов). Абхазия // Русская беседа...С. 79–80.

⁴ Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-кале. 1923. С. 114.

⁵ Там же.

⁶ Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией // СММПК. Вып. 43. Тифлис. 1913. С. 60.

⁷ Анисимов С. С. Кавказский край. Сухум. 2022. С. 421.

⁸ Чанба Р. К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. Сухуми. 1977. С. 57.

⁹ Кварчия В. Е. Топонимика Абхазии. Сухум. 2002. С. 241, 261, 369, 399, 411, 432, 448, 463 (на абх. яз.).

Дубровин отмечал: «Деревня, несмотря на то, что абхазцы живут небольшими группами, от пяти до десяти семейств, рассыпается по холмам и косогорам, на значительное расстояние и оттого местность принимает вид огромного и великолепно парка»¹. «Вся береговая Абхазия, Цебельда и верхние долины рр. Бзыби и Кодора представляют собой как-бы один сплошной сад», – сообщал А. Городищев². Графиня П. С. Уварова сравнивала окружающий ландшафт в районе р. Мачара с «роскошнейшими английскими парками»³. Согласно представлениям абхазов, природа связана с человеком незримой прочной нитью, и поэтому неудивительно, что они старались создать вокруг себя среду, близкую окружающей их природе. Наряду с этим, «живописные роскоши пейзажей Абхазии», на которые обращал внимание, например, Дюбуа де Монперэ⁴, отчасти являлись следствием трудов абхазов.

Письменные источники раннего Средневековья сохранили единственное в своем роде сообщение о благоустройстве города С Sebastopolis (совр. Сухум), которое принадлежит Прокопию Кесарийскому. По его словам, при императоре Юстиниане С Sebastopolis по красоте и по величине сделался «одним из самых замечательных городов»⁵. Следовательно, речь должна идти о возведении в городе жилых построек, культовых и общественных зданий, восстановлении крепостных стен, развитии ремесла и т. д. В этих мероприятиях не последнее место занимало и развитие жизни в земледельческих округах города (по косвенным данным в окрестностях С Sebastopolis было больше всего садов), продукция которых участвовала в торговом обмене. Об этом может свидетельствовать тот факт, что в VI–VII вв. фрукты из Абхазии вывозились в Византию⁶.

Подъемы и спады в развитии садоводства абхазов находились в прямой зависимости от исторических обстоятельств и экономических условий. Создание и укрепление Абхазского царства с VIII в. означало создание условий для развития всех видов народного хозяйства⁷, постепенного расширения строительной деятельности, большого развития, в частности, виноделия, о чем свидетельствует продукция атарского керамического производства⁸. И для развития садоводства во времена Абхазского царства, должны были создаваться благоприятные условия. По косвенным данным можно судить о том, что абхазские цари и правители осуществляли благоустройство и озеленение своих городов и территории общественного значения. Так, по свидетельству источника, во втором стольном городе Абхазского царства – Кутаисе, абхаз-

¹ Дубровин Н. Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 2. Закавказье. СПб., 1871. С. 37.

² Городищев А. (А. Ф. Селиванов). Абхазия // Русская беседа...С. 59–60. То же пишут Ф. П. Доброхотов др. в книге «Черноморское побережье Кавказа: Справочная книга. Абхазия (географо-исторический очерк)». М., 1916, М., 2009. С. 402–410.

³ Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. Ч. 2. М., 1891. С. 95.

⁴ Дюбуа де Монперэ Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми. 1937. С. 116.

⁵ Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ. Т. 4. М., 1939. С. 249.

⁶ См.: Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 87.

⁷ См.: Гунба М. М. Атарские гончарные печи. Тб., 1985. С. 47–48.

⁸ Там же.

скими властями были проведены благоустроительные работы¹. Именно вокруг Кутаиса располагалась известная область Мохериси, описание которой приводит Прокопий Кесарийский. По его словам, в названной области имелось множество «многолюдных поселков»². «Из всех земель Колхиды, – подчеркивает Прокопий, – эта самая лучшая. Тут... растет много хороших плодов, чего нет нигде в остальной Лазике»³. Таким образом, включенная после VIII в. в состав Абхазского царства территория, располагавшаяся в основном в долинах рр. Риони и Цхенисцкали, являлась богатым земледельческим краем и наиболее развитым районом Эгриси. При всем при этом, из сообщения Прокопия следует, что, собственно, Абхазия по сравнению с Лазикой, была более плодородной⁴. Авторы более позднего периода также замечали, что хурмы, каштанов, яблонь, персиков⁵ в Абхазии больше, чем в Картли⁶.

При планировке средневековых городов, и особенно таких крупных, как Цхум, Никопсия, Пицунда, других крепостей, всегда находились, очевидно, места для посадки плодовых деревьев и кустов. «Цхум грузинских летописей и Акуа – абхазцев»⁷, в своем культурном развитии не отстававший от крупных городских центров Закавказья, в XII–XIII вв. являлся, как известно, одной из летних резиденций царицы Тамар⁸. В нем, как и в царских резиденциях других государств закладывался, очевидно, и регулярный увеселительный сад, созданный абхазскими садовыми мастерами. Некоторые письменные источники Нового времени свидетельствуют о том, что в прошлом сады являлись частью домов и имений абхазской знати. Так, М. Селезнев о саде владетельного князя Абхазии Михаила Чачба (Шервашидзе) писал: «Каменный и деревянный дворец владетеля Абхазии построены на высоте, командующей над Соуксами (Лыхны. – *О. М.*), имеют перед собой зеленый луг, по сторонам которого идут отдельные сакли его служителей, также храм... С боку дворца прилегает сад»⁹. М. Селезнев приводит описание и другого сада, который в середине XIX в. сохранялся в Кутоле, где находился владетельский дом: «В селении Катаул в резиденции Абживского округа, местами еще существует древний сад, имеющий высокие ореховые деревья, черешни и другие плодовые растения, которые

¹ См. напр.: Джаошвили В. Ш. Население Грузии. Тб., 1968. С. 205.

² Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 423.

³ Там же.

⁴ Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 423.

⁵ О выращивании персика («персидское яблоко») на территории Абхазии еще в IV–II вв. до н. э. говорят археологические материалы (Воронов Ю. Н. Научные труды. Том IV. Сухум. 2014. С. 222.).

⁶ Цит. по: Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии... С. 57. При этом сама Картли в рассматриваемое время являлась высокоразвитой в экономическом отношении страной, о чем сообщает, например, византийский историк VI в. Менандр Протиктор. Он особо отмечал, что земли Иберии были весьма плодородны и давали шахской казне большой доход (Цит. по: Очерки истории Грузии. Т. 2. Гл. IV–VII. § 1).

⁷ Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. II. М., 1889. С. 19.

⁸ История и восхваление венценосцев. Тб., 1954. С. 87.

⁹ Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. II // Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум. 2011. С. 278.

обвиваются до верха виноградными лозами, диаметром в 5 вершков»¹. Большим любителем садов был удельный князь Гасанбей Чачба (Шервашидзе), который во многих своих имениях разводил большие сады и огороды². Кроме практических целей, фруктовый сад в жаркое лето давал тень и прохладу и являлся обычным местом отдыха семьи и приема гостей.

Наряду с обычными светскими, на территории Абхазии существовали храмовые плодовые сады. Если в Западной Европе в эпоху феодализма храмовые сады развивались в основном в монастырях, на защищенной и укрепленной территории, то сады абхазских храмов, не ограничиваясь стенами церквей, располагались как в пределах монастырей, так и на прилегающих к ним территориях. М. Селезнев, характеризуя сад при Пицундском храме, приводит следующее его описание: «Внутри каменных стен Пицундского монастыря, как и за стенами его, на большое пространство простираются садовые фруктовые растения, посаженные в древности монахами или колонистами»³ (в этой связи нужно отметить, что существовал исконно абхазский сорт яблока под названием «абертцџа», что означает «яблоня монаха», которое росло при монастырях). Другой автор, А. Леонид в 80-х гг. XIX в. о ландшафте вокруг Пицундского храма сообщал: «Перед восточной (со входа) стеной (храма. – *О. М.*) растут ряды стройных итальянских тополей, под их сенью приютились гранатовые деревья, а между ними заметил я (в мае) дерево цветущих Китайских роз. Подходя к самому монастырю вправо (на север) расстилается великолепная долина, покрытая по местам купами фруктовых и других деревьев»⁴. Известно также о том, что на территории Симоно-Кананитского монастыря в Анакопии монахами были разведены цветы и кустарники, фруктовый сад, масличная плантация, огород⁵. Можно при этом полагать, что свои сады имелись практически при всех храмах Абхазии, а число таких храмов и церквей на территории страны, крупных и менее значительных, насчитывалось, как известно, большое количество. Вместе с тем, подобно тому, как архитектурные каноны христианских памятников Абхазии сложились под византийским влиянием, церковные сады как элемент планировки абхазских храмов, очевидно, также были привнесены из Византии и распространились вместе со строительством монастырей.

Поскольку в Средние века, – после распада Абхазского царства, имели место несущие беды простому народу бесконечные межфеодалные столкновения, а в дальнейшем (в позднем Средневековье) абхазы вели в большинстве случаев оборонительные войны, их земли были основным театром военных действий со всеми вытекающими отсюда последствиями. По мнению З. В. Анчабадзе, в течение всего XVI в. Абхазия «продолжала оставаться в непосредственной вассальной зависимости от Мегрельского княжества»⁶ (в действи-

¹ Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. III. СПб., 1850. С. 152.

² Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе // Исторический вестник. Т. 7. Тб., 1957. С. 248, 268, 279.

³ Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. III. С. 111.

⁴ Абхазия и ее христианские древности. – М., 1887. С. 31.

⁵ Там же. С. 51.

⁶ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI – XVII вв.). Сухуми. 1959. С. 258.

тельности, Чачба-Шервашидзе подчинялся и приносил присягу имеретинскому царю). Основанием для таких выводов послужили церковные грамоты, в которых говорится о пожертвовании владельцем Мегрелии Маmia III Дадиани Пицундскому храму сел «Айтарне, Аруха и Рабица, расположенные вокруг Пицунды, и гору Айтарне с маслинами»¹. Однако села возле Пицунды вряд ли могли быть подарены, так как они находились на территории абхазских владений. Тем более, что ни в одном источнике XVI в., не говорится о каком-либо влиянии Дадиани за р. Кодор. В данном случае нас больше интересует то, что в упомянутой грамоте мегрельского владельца сказано о возвышенности (горе), с произраставшими на ней маслинами (абх. амасхэа, азеитын). Еще в IV в. до н. э. оливковое масло и маслины в большом количестве привозились из Синопы в Диоскурию (совр. Сухум)². По некоторым данным, маслина «введена в культуру в 3–2-м тыс. до н. э. в странах Ближнего Востока, откуда распространилась по всему Средиземноморью, затем и в др. районы мира»³. В «Сборе сведений по культурам ценных растений» за 1895 г. дается перечень «пунктов, где масличные деревья разведены... в отдаленные времена греческими колонистами, представляют [собой город] Гагры... [и территорию в Новом Афоне]». В настоящее время плантация оливковых деревьев, заключающаяся до 7000 экз., по словам монахов, занимает только в Новом Афоне пространство около 50 десят[ин]. По другим сведениям, Ново-Афонские плантации маслин начали закладывать в 1879 г. Следует привести более раннее сообщение «...комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря между реками Туапсе и Бзыбью» в 1867 г. о произрастании вдоль морского берега в районе Гагр «довольно больших и сильных оливковых деревьев, приносящие в некоторые годы хорошие плоды»⁴. Та же комиссия писала об оливковых деревьях, росших «в некоторых пунктах по склону хребта» в «диком состоянии и в смеси с разными лесными породами». Как отмечала названная комиссия, «явление это весьма редкое на Кавказе»⁵. В настоящее время, по данным Б. Г. Аргуна, в районе Гагры в ущелье Жоквары встречаются одиночные деревья маслины на известковых скалах⁶. Они являются живыми свидетелями широкого распространения культурного дерева маслины на территории Абхазии.

Систематические набеги исключали в ряде районов Абхазии вообще ведение правильного хозяйства, в том числе и, несомненно, садоводства. Весьма пагубно действовали на состояние сельского хозяйства абхазов «частые нашествия турецких агрессоров»⁷. По данным Э. Челеби, плодовые культуры и

¹ Цит. по: История Абхазии. Сухум. 1991. С. 108.

² См.: Трапш М. М. Труды. В четырех томах. Том второй. Древний Сухум. Сухуми. 1969. С. 238, 239.

³ Большая Российская энциклопедия. 2005–2019.

⁴ См.: Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря между реками Туапсе и Бзыбью». Тифлис. 1867. С. 4. По сообщению, например, С. С. Анисимова, местность от Туапсе до Сухума была «похожа на огромный, роскошный природный сад» (Анисимов С. С. Кавказский край...С. 80).

⁵ Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря между реками Туапсе и Бзыбью. Там же.

⁶ См.: Аргун Б. Г. Культура маслины в Абхазии. Сухуми. 1962. 122 с.

⁷ Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII – XVIII веков. Сухуми. 1949. С. 99.

виноград абхазов входил в уплату налога в пользу Османского государства. Но, как отмечает по этому поводу Э. Челеби, турки-османы не могли заставить абхазов выплачивать дань и платить налог с урожая виноградников и садов¹ (это свидетельствует о том, что Абхазия в XVII в. не была завоевана турками). Большой урон сельскому хозяйству абхазов наносили и карательные экспедиции царских войск. Так, в результате нападения полковника Н. Н. Муравьев на Дал (с. Лата) в декабре 1840 – январе 1841 г., жилища и зимний запас продовольствия абхазов были «преданы огню»² (в том числе и традиционно заготавливавшийся абхазскими женщинами в большом количестве сушеные яблоки, каштан, инжир, дикая хурма и др., которые были естественной заменой продукции земледелия, например, в неурожайные годы). Полному разорению и разрушению сельское хозяйство абхазов подверглось в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Один из авторов того времени информировал о том, что в Абхазии «прекрасные сады и виноградники были или уничтожены, или не находилось более рук для уборки их»³. Подводя печальный итог, газ. «Голос» констатировала: «Поля, сады, виноградники – все это истоптано, уничтожено и не скоро уже может быть приведено в прежнее состояние»⁴.

Негативное воздействие на плодоводство оказывали и холодные зимы, какими были, в частности, зимы 1878, 1892 и 1895 гг. Наиболее пагубное влияние на садовые культуры Абхазии оказала зима 1911 г. В газетах того времени сообщалось, что под тяжестью снега обламывались деревья и «гибли разные южные растения»⁵, и что снег «даже выворачивает с корнем деревья». «Большой снег» нанес немалый урон крестьянским хозяйствам, так как, помимо гибели скота, погибли многие фруктовые деревья⁶. Несмотря на все это, в последующие годы плодоводство возобновлялось и абхазы собирали со своих приусадебных садов хорошие урожаи яблок и других плодовых⁷.

Разные авторы, бывавшие в Абхазии, подчеркивали, что кроме садов, в Абхазии было много лесосадов, в которых произрастало множество диких фруктов (это развивало у абхазов привычку пользоваться лесными плодами). В отношении растительных пищевых ресурсов Абхазии интересно сообщение Страбона о том, что «склоны гор в Колхиде производят такое изобилие диких древесных плодов, как, например, яблоки, груши, разные сорта орехов, что люди, отправляясь в лес за ними, находят там большие запасы плодов во всякое время года»⁸. Предположим даже, что ряд плодовых сортов представляет

¹ Челеби Эвл. Книга путешествия. Вып. 3. М., 1983. С. 108.

² История Абхазии. – Сухум. 1991. С. 173.

³ Лебедев Л. Е. Война 1877 – 1878 гг. Т. III. СПб., 1882. Вып. II. С. 227.

⁴ Газ. «Голос». №154. 5 июня 1878 г.

⁵ Цит. по: Агумаа А. С. «Ас-ду» или «Большой снег» в 1911 году. Сухум. 2009. С. 10.

⁶ Там же. С. 28.

⁷ Отрицательное воздействие на плодоводство и вообще сельское хозяйство Абхазии оказывали также сельскохозяйственные вредители, в том числе «из царства пернатых и хищных животных», о чем в 1894 г. писал работавший в Абхазии агроном Г. А. Рыбинский (См.: Рыбинский Г. А. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Тифлис 1894. С. 26).

⁸ Цит. по: Соловьев Л. Н. Первобытное общество на территории Абхазии. Природа и человек нижнего и среднего палеолита Абхазии. Сухуми. 1971. С. 12.

результат интродукции в историческое время, но основными ресурсами питания здесь всегда были дуб, каштан съедобный, бук, лещина, грецкий орех, павой, тисс, шелковица, кизил, дикие груши и яблони, боярышник, мушмула, ежевика, алыча, черешня, облепиха, дикая хурма (эти плодовые растения зимой, когда запасы пищи иссякали, спасали «самые бедные семьи абхазов от голода»)¹. Всего в современной флоре Абхазии насчитывается 68 видов плодовых деревьев и кустарников, т. е. около 1/2 всех деревьев и 1/3 всех кустарников, произрастающих в Абхазии². К этому списку можно прибавить много видов плодовых, исчезнувших во время оледенения, и недревесные плодовые.

Наличие лесосадов из диких и одичалых фруктовых деревьев, несомненно, являлось показателем большого развития садоводства у абхазов еще в древности. У них, как у адыгов, была традиция прививать в лесу черенки плодовых деревьев. Окультуренные сорта фруктов мог есть любой путник, а места их произрастания назывались «аккара», т. е. «рощи» или уже отмеченным термином «ақэатца». В народе хранится память о тех людях, которые и вне своего дома бережно, по-хозяйски относились к природе, растениям и животным. По взглядам носителей традиционной абхазской культуры, деятельность человека должна не только сберечь данную природой, но и улучшать ее как среду обитания человека³.

Среди большого разнообразия плодовых культур в абхазских садах, по мнению Н. В. Фон-Дервиза, проявлявшего интерес к традиционному садоводству абхазов, преобладали яблоки и черешни⁴. В Чернявский насчитывал у абхазов до пяти сортов черешни. Лучшие их сорта разводили в горных и предгорных местностях Абхазии, преимущественно путем прививки садовых черешен к диким. Э. Спенсер описывает вишневые деревья в районе Пицунды, которые превосходили по величине то, что он «когда-либо видел раньше»⁵. Своими размерами и вкусом отличалась также и вишня, встречающаяся и сегодня преимущественно с коричневыми и черными плодами. А. Н. Дьячков-Тарасов указывал, что спускаясь с перевала в прибрежье, он проходил буквально аллеями садов белой черешни⁶.

Очень распространенными из фруктов были наиболее древние плодовые культуры – инжир и виноград. Инжир (считавшийся у абхазов «первым и любимым пророком фруктовым деревом»), благодаря высокому содержанию сахара, обладает свойством утолять голод. Поэтому абхазы, уходя в дальнюю дорогу в инжировый сезон, не брали с собой еды, обходились плодами инжира,

¹ Сведения французского коммерсанта Поля Гибалы об экономическом положении и социальных отношениях в Абхазском княжестве. 21 мая – 24 декабря 1820 г. // Материалы по истории Абхазии XIX века (1803 – 1839). Т. I. Сухум. 2008. С. 141.

² Васильев А. В. Дикорастущие плодовые и пищевые древесные породы Абхазии. – Сухуми. 1938. С. 13.

³ См.: Чеснов Я. В. Ценность жизни и экофильные ориентации в традиционной абхазской культуре // Экологический сборник. М., 1991.

⁴ Н. В. Фон-Дервиз. Сухумский округ // ЗКОИРГО. Кн. XXV. Вып. 8. С. 44.

⁵ Цит. по: Р. К. Чанба. Земледелие и земельные отношения... С. 60.

⁶ А. Н. Дьячков-Тарасов. Через перевал Псеашхо к Черному морю // СМОМПК. Вып. XXXI. Тифлис. 1902. С. 31.

росшего вокруг в изобилии. В. Чернявский перечислял четыре сорта инжира: «ацыс лаха, атапарцан лаха, алахаш, алаха шкуакуа»¹.

По сообщению Л. И. Лаврова, у убыхов одни фрукты отличались сочностью и величиной, а другие – продолжительной сохранностью. В последнем случае, как считает Ш. Д. Инал-Ипа, имелось в виду знаменитое «абхазское зимнее железное яблоко», наверняка культивировавшееся и у них². На вопрос корр. газ. «Одесский вестник» удельному князю Гасанбею Чачба (Шервашидзе) о том, почему абхазы не делают запаса фруктов на зиму, он отвечал: «Плоды сохраняются свежими до глубокой осени и даже до зимы, и в январе еще можно находить хорошо сохранившиеся свежие яблоки»³ (при всем при этом, как уже было сказано, абхазы занимались и заготовкой на зиму запасов сушеных фруктов). «Зимнее яблоко» у абхазов сохранялось почти до марта месяца. С. П. Басария в 1923 г. отмечал, что по настоящее время славится местный сорт яблок, так называемое, «железное» или «абхазское яблоко»⁴. Кроме «зимнего железного яблока» особенно выделялись сорта «атцәахахақацшь», «ацхынтцәа», «атцәаөежь», «абымбатцәа», «ағбатцәа», «ашьақартцәа»⁵.

Показателем высокой оценки абхазской яблони является тот факт, что в больших и малых садах, которые стали разводить в 1893–1894 гг. колонисты в лице эстонцев, немцев, русских и др., по данным Н. В. Фон-Дервиза, «преобладающее количество яблок – абхазские»⁶.

Наряду с местными аборигенными сортами, в садах абхазов произрастали и некоторые завезенные яблони. По словам В. И. Чернявского, в немногих садах княжеских и дворянских хозяйств, «особенно же в саду Хасана Маргани в Псырдзхе, самом замечательном в Абхазии» разводились турецкие хорошие сорта яблонь⁷ (то же самое относилось и к садзам, привилегированное сословие которых выписывало лучшие сорта яблок и других плодовых из Анатолии)⁸. Особой известностью в XIX в. пользовались крупные и хорошие яблоки из горной общины Анхуа, а также цебельдинские яблоки и айва⁹. По подсчетам А. Н. Дьячкова-Тарасова, в Цебельде в 60-х гг. XIX в. имелось до 700 яблонь и айвы, персиков и других плодовых деревьев¹⁰. Популярным был

¹ Цит. по: Р. К. Чанба. Земледелие и земельные отношения...С. 59.

² См.: Ш. Д. Инал-Ипа. Убыхи. Историко-этнографические очерки. Сухум. 2015. С. 328.

³ И. И. Согум-кале (из путевых записок о Кавказе // Газ. «Одесский вестник». 1839. № 31.

⁴ С. П. Басария. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении... С. 113–114.

⁵ См. напр.: Абхазы // Народы и культуры. М., 2012. С. 141. По сообщению научных сотрудников Института ботаники АН Абхазии, абхазские сорта яблок в научном плане, к сожалению, пока еще остаются не до конца изученными.

⁶ Н. В. Фон-Дервиз. Сухумский округ // ЗКОИРГО. Кн. XXV. Вып. 8. С. 45.

⁷ См.: В. И. Чернявский. Плоды Абхазии, Джигетии и Мингрелии // Вестник Императорского Российского общества садоводов. № 2. 1877. С. 132.

⁸ Следует в этой связи привести указание П. М. Жуковского о том, что «яблоня в Анатолии, вероятно, занесенная культура, вряд ли возникшая самостоятельно в этой области» (Цит. по: Ханаху Р. А. Адыгская (черкесская) философия и культура. Энциклопедия. Майкоп. 2022. С. 78).

⁹ Цит. по: Р. К. Чанба. Земледелие и земельные отношения...С. 11.

¹⁰ А. Н. Дьячков-Тарасов. Несколько слов о заселении Цебельды // Газ. «Кавказ». 1868. г. № 129.

также местный сорт груши под названием «Щебельдинское красное»¹. Наиболее же распространенными из многочисленных сортов груш являлись «ахаш», «ақәыпсха», алуҳа», «ахэызха», «алагэанха»².

Сведений о хозяйстве других горных обществ – Псху, Ахчипсы, Аибга не так много, но, можно полагать, что они не уступали Далу и Щебельде. По словам одного наблюдателя XIX в., в обществе Псху он видел «богачейшие остатки одичалых заросших садов»³. Там же, по свидетельству С. П. Басария, до сих пор сохранялись «великолепные сады, – гигантские плодовые и ореховые деревья, – свидетели совершенства этой отрасли хозяйства»⁴. «Много фруктов», по сообщению Клапрота, произрастало у садзов⁵. Кстати, Ф. Ф. Торнау представлял дело таким образом, будто садзы не занимались садоводством и, что «природа сама заботится о снабжении их плодами всякого рода»⁶. Однако, помимо цитированного Клапрота, и другие авторы приводили немало фактов трудовой деятельности садзов. Еще Э. Челеби обратил внимание на то, что территория района совр. Гагр и нижнего течения р. Псоу была покрыта виноградниками и сплошными садами жителей Геч⁷. «Ущелья этих рек, – отмечал А. Н. Дьячков-Тарасов, – сохранили следы пребывания трудолюбивого населения: всюду группы грецкого ореха, различные фруктовые деревья»⁸. В сплошных садах садзов, состоявших в том числе из небольших участков возле каждого дома, обязательно выращивали яблоню, грушу, вишню.

Значение садов в экономической жизни абхазов, особенно в условиях товарно-денежных отношений и хозяйственного развития страны в 70-х гг. XIX в., можно проследить по материалам Сухумской сословно-поземельной комиссии (утверждена 16 мая 1867 г.). Из них следует, что в пореформенный период не только крестьяне анхаю, но и ахою (крепостные крестьяне), а в данном случае зажиточные крепостные, сосредотачивали в своих руках значительное количество земли. Среди этих земельных участков обязательно присутствовали сады, в ряде случаев и по несколько таких садов⁹. Многие из-за бедственного положения, сами продавали свои земли и сады. Так, кулань-рхуский житель Даут Гыцба «продал свой сад дворянину К. Лакрба ввиду того, что он задолжал как-то много, не имел возможности заплатить»¹⁰.

Интерес абхазов к этой отрасли промышленности объяснялся, очевидно, не только тем, что продукция садоводства в полной мере обеспечивала потребности семей, но и тем, что она являлась выгодной статьёй экспорта и была

¹ М. Т. Бгажба. Растениеводческие основы сельского хозяйства...С. 37.

² См.: Абхазы // Народы и культуры. М., 2012. С. 141.

³ Газ. «Черноморский вестник». № 45, 24 августа 1895 г.

⁴ С. П. Басария. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении...С. 113.

⁵ Цит. по: Ю. Д. Анчабадзе. Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. VIII. М., 1984. С. 156.

⁶ Г. А. Дзидзария. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы...С. 103.

⁷ Эвл. Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 3. М., 1983. С. 103.

⁸ А. Н. Дьячков-Тарасов. Гагры и их окрестности // ЗКОРГО. Кн. XXIV. Тифлис. 1903. С. 85.

⁹ См.: Г. А. Дзидзария. Труды. I. Сухуми. 1866. С. 359 – 360.

¹⁰ Там же. С. 360.

интегрирована в другие отрасли хозяйства. А. Н. Дьячков-Тарасов в этой связи отмечал, что «главный доход... цебельдинцев был от продажи в Сухуме фрукт»¹. Агроном Г. А. Рыбинский считал, что «за 40 лет нашего влияния на склад их (абхазов. – **О. М.**) жизни, они примирились лишь с необходимостью продавать только кукурузу и фрукты»². Но особенно в большом количестве в Москву и другие города России прекрасные яблоки, персики, груши и проч. ранних и поздних сортов вывозили в начале XX в.³. О количестве отправлявшихся на экспорт фруктов, есть указание К. Кудрявцева: «Вывоз «из страны сушеных и свежих фрукт», на много «превышал сто тысяч пудов в год»⁴ (отметим еще раз, что абхазские женщины издавна занимались сушкой яблок и некоторых других фруктов и ягод: инжира, дикой хурмы и др.). С началом Первой мировой войны 1914 г. ситуация с продажей абхазских фруктов поменялась. Как отмечалось в одном из источников, многие в Абхазии не знают куда сбывать плоды и продают их за бесценок на местных рынках, или «не заводят вовсе садов»⁵.

Множеством фруктовых деревьев изобиловали и соседние с Абхазией территории, и в частности, регионы Западной Грузии – Имерети и Мегрелия⁶. Но Имерети и Мегрелия больше славились разными сортами инжира, тогда как Абхазия, по утверждению Г. С. Читая, – черносливами и т. д.⁷. Вахушти в числе многих фруктов и ягод, распространенных в Грузии и Абхазии в XVIII в., перечисляет и сливы многих сортов⁸. Как считает П. М. Жуковский, слива была одомашнена древними земледельцами Кавказа из естественных гибридов терна и алычи⁹. Но Абхазия была известна не одними черносливами¹⁰. Об этом (в отличие от Н. В. Фон-Дервиза, который считал, что в садах абхазов преобладали яблоки и черешни), еще в 60-х гг. XIX в. Е. Ковалевский писал: Абхазия была особенно богата грушами, сливами и персиками¹¹ (разновид-

¹ Газ. «Кавказ». 1868 г. №129.

² Г. А. Рыбинский. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении...С. 14. На самом деле, еще раньше по данным Р. де Скасси и П. Гибалы (1818 г.), Ф. Торнау (1835–1838 гг.), М. Ольшевского (1839 г.) и др., абхазы приносили на продажу «все местные товары», в том числе сыр, молоко, яйца, кур и т. д. (Цит. по: Г. А. Дзидзария. Труды. I. Сухуми. 1988. С. 197, 198, 199, 200 и сл.).

³ Газ. «Сухумский вестник». 30 октября 1912 г.

⁴ К. Кудрявцев. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум. 1922. С. 22.

⁵ Известия Сухумской садовой и сельскохозяйственной опытной станции. №14. Сухум. 1914. С. 7.

⁶ Смоленский С. Воспоминания кавказца // Военный сборник. 1872. №10. С. 336, 354. Еще ранее о богатстве Абхазии (берега моря в районе Псырчи и в глубину страны, а также в Сухумской крепости) разными фруктами сообщал М. Селезнев (Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. III...С. 146, 149).

⁷ Народы Кавказа. Этнографические очерки...С. 247. Собственно «слива» на мегрельском языке называется «дамази», что переводится как «слива из окрестностей гор. Дамаска» (Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматиею и словарем. – М.-Петербург. 1914. С. 222).

⁸ Грузины. Народы и культуры. М., 2015. С. 306.

⁹ Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи. Л., 1964. С. 313– 314, 317–318.

¹⁰ См.: Г. А. Дзидзария. Труды. Т. I. С. 103.

¹¹ Ковалевский Евграф. Очерки этнографии Кавказа. Вестник Европы. СПб., 1867. Сент. Т. 5. Дек. Т. 4. // Кавказ. Черкесия. Нальчик. 2014. С. 131.

ности произрастающих у абхазов персиков были с мякотью белой, желтой и розовой, с косточкой, отделяющейся и не отделяющейся от мякоти)¹. Это были крупные плоды высокого качества. Ф. Ф. Торнау, попав к абхазам горной общины Чужгуча на р. Чужипсы (Цвидзипсы), неожиданно увидел там изобилие персиков, груш и яблок, «превосходящих величиной и сочностью все подобные плоды, какие можно встретить в других местах по берегу Черного моря»². О количестве персиков и других фруктов сообщал В. Аскоченский: «Персики и другие плоды собираются возами»³.

Многие другие авторы также писали об уровне развития садоводства у абхазов до их насильственного выселения в Турцию. Н. М. Альбов на основе неоднократно виденных им в Абхазии «превосходных сортов яблок и груш»⁴ «даже в самых диких горных ущельях», был убежден в том, что до изгнания абхазов в Турцию, садоводство у них процветало⁵. Колонисты, например, в Цебельде и Дальском ущелье обеспечили себя «превосходными фруктами» коренных жителей, о чем свидетельствовал К. Д. Мачавариани: «Новые поселенцы» «прекрасно пользуются» «стоящими целыми на покинутых абхазцами, выселившимися в Турцию, усадебных местах разного рода фруктовыми деревьями»⁶.

Все приведенные выше сообщения источников являются доказательством того, что садоводство абхазами «в старину велось в обширных размерах»⁷, которое было основано на многовековом опыте их деятельности по выращиванию растений. Исходя из наличного материала о садоводстве у абхазов, можно сделать вывод о том, что плодовые культуры играли существенную роль в питании населения (из них готовили также вина, консервы, варенья, сухофрукты, которые брали с собой и в походы и экспедиции), в том числе и лечебном питании, велико было значение плодовых в экологической системе. Большое количество фруктовых насаждений на приусадебных участках способствует очистке атмосферы, уменьшению силы ветра, оказывает благотворное эстетическое воздействие на человека. Они являлись и являются медоносными растениями для пчел и имели большое значение в экономике сельского хозяйства абхазов.

¹ А. Пахомов. Абхазия в сельскохозяйственном отношении // ЗКОСХ. 1868. №1–2. С. 54.

² Ф. Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера. Черкесск. 1994. С. 141.

³ В. Аскоченский. Абхазцы и Пицунда // «Домашняя беседа». СПб., 1877. Вып. 33. С. 931.

⁴ Среди сортов яблонь у абхазов были известны азынтцәа, апхынтцәа, ашьақартцәа, атцәас са и др. Среди сортов груш в Абхазии были распространены аҳаш, аҳацеә, акуцсҟа, аеадҟа, алуҟа, аҳасса, атырқәҟа и др.

⁵ Н. М. Альбов. Состояние садоводства в Абхазии // Записки императорского общества сельского хозяйства Южной России. Одесса. 1892 // Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова. Сухум. 2018. С. 93.

⁶ К. Д. Мачавариани. Семь дней в горах Абхазии. Батум. 1900. С. 9.

⁷ С. П. Басария. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. С. 113.

В.В. Аѳзба

АХЪЗИ-АХЪЫМЗГИ ИРЫДХӘАЛОУ ЗТЦААРАҚӘАК АЦСУАА РТРАДИЦИАТӘ КУЛЬТУРАҒЫ

Абхазы в процессе многовекового исторического развития, выработали определенные механизмы, обеспечивавшие не только физическое выживание в экстремальных условиях, но и обретения высокого звания - «ахъз», т.е. слава, добытая героическими и другими ратными поступками, в соответствии и рамках традиционного правосознания.

Антиподом-данного-понимания в абхазской среде, как в прошлом, так и сегодня является - «ахъымзг» (позор), т.е. недостойное, несоответствующее абхазскому менталитету поведение. Соотношение данных понятий и превалирование одной из них, становилось определяющим фактором в жизни и судьбе абхазов.

Қәылареи-қәйтреи згымыз ацсуа жәлар, шықәсырацәала рыпстәзаара ирыднатәз апышәарақәа ирыбзоураны идырґеиеит, аекстремалтә тагылазашьақәа раан, аеакы иаламѳашьо рхатәы, рмилаттә хдырра иакәшәо аилкааи уи иадхәалоу ахымѳацгашьеи.

Арақа лымкаала иазгәатәтәуп, ацсуаа рмилаттә хдырреи, рхымѳацгашьеи анаххәо, зегь рацхья иргыланы зызбахә ҳамоу, ҳажәлар ашәышықәсақәа иргәылыргаз рхаґера зырызго иреиґу, аказшьақәа шракәу. Ари аилкаа иабзоураны ишьақәгылт, ацсуаа ахъзи-ахъымзги ҳәа ирдыруа, иагъзықәныкәо рзинтә еизыкәзаашьақәа ҳәаакәызтцо амеханизм¹.

«Ахъзи ахъымзги рзоуп ауаѳы адунеи дзыкәу», – рхәоит ацсуаа. Ацсуа дани инаркны ипсы ахьынзатоу иацсуара дықәныкәозар, хъымзгык идхаларангы дықам, дахьыкәзаалакгы, дызґызаалакгы дзырцхашьаша пынгылак иауам, итеитцш еипш, ихымѳацгашьялаггы шәѳыуаа дрылазаргы даарылукааратәы дқалоит. Убри ақынтә гәеижьарада иухәар алшоит, – ацсуа изы ихадоу иацсуароуп ҳәа. Ацсуа дацсыуоуп – иацсуара ацсы ахьынзатоу, иахьынзаныкәиго.

Ацсуаа хдунеиеихәапшра иаґагыло ахымѳацгашьазы иахьягы икоутцо закәызеи – «уацсыуазамы» ҳәа аецныхәа ирґоит. Ари азхәыцра инартцауланы уазнеир, хараза укылнагоит, иаанагогы уацсыуазам амацара акәзам, – ууаѳзам, ауаѳра улазам ҳәа ауп.

Ахъзи-ахъымзги ирыдхәалоу аилкаакәа, аґоурых еипш имачымкәа аинформация ханатәит афольклоргы, зегь рацхья иргыланы ацсуаа рфырхатцаратә хәамтақәа.

Ацсуаа рґоурыхи рфольклори уаныргәылацшуа иумбар залшом, нацънатә аахысеижьти ҳауаажәлар рыпстәзаараґы хьызрацареи уи иадхәалоу атра-

¹ Бигуаа В.Л. Ацсуаа ртрадициатә дини рыбзатаратә культури рызцаарақәа. Акәа, 2012. Ад. 10.

дициақәеи атыц ду шааныркылоз. Хьызрацара уи нькәароуп, қәылароуп, еибашьроуп, аиҳаразакгы уи иалахәу реиланхарта инацәыхараны имџапысуа хтысуп. «...у абхазов существует специальный термин – *хьызрацара*, что понимается как «далекий поход за добываемой ратной славой»¹ хәа иазгәеитон Иу.Гә. Аргәын ари азцаара дазаатгыланы. Хьызрацара ахымџапысуа дгылтцакырала шака ихароу еипштәкьа, изџагылоу рхыпхьазара арацәарагы, акырза еизнархауан, ахьз атыгара иазку аусгы.

Итцегь атоурых хнагәылалар, иумбар залшом, антика аамтазгы иаидкыланы гениохаа хәа ззырхәоз апсуа еимшьтракәа, хьызрацаракәа ирзаџызаз ақәыларакәа амшын аџыгы ишеиџыркауаз. Ахытхыртакәа ишаарыцхауа ала, гениохаа, камариткәа хәа изышьтаз рнышьа хәыцкәа рыла, амшын ихыз атәым апракәа ирыхьзаны ирхәны, иахьца-иахьбаа хәа акгы умбо, изхытны рыбнакәа рџы рнышьақәеи дарей рџыцхьаркуан. Шь.Д. Инал-ипа, азәырџы антикатәи авторцәа дрыкәгәыңны ишааицхауа ала, гениохаа рыпшахәа акәша-мыкәша ирымаз апшәмара анаџсангы, ирылшон Кавказ апшахәа зеггы ахьынзаназаазозгы ирхыцхыцны акра².

Гениохаа ианраамтаз, ргәымшәарей амшын аџыгы ирымаз рахрей роуп иалзыршаз, урт х.п. 69 шықәсазы, Азия Мац иаду аџада-мрагыларатәи амшын апшахәа инапахы аагара иазықәпоз, Понттәи амшынмчкәа рхада Аникет идгыланы, Римтәи империя аџагыларагы³.

Хьызрацара – ахьз архара ишазкугы, ачыдаракәа аныцшуеит. Иаххәап, апсуаа хьызрацара анырхәо зегь рацхьа иргыланы рхаџы иааиуа агацәа ирџагыланы апсадгьыл ахьчарей, рыцсы ақәыртцозаргы ажәлар рус ахатгыларей роуп. Хтоурых аџыгы имачым ахтысқәа, еиуеипшым амзыккәа ирыхьканы, зегь рацхьа иргыланы зыцсадгьыл ахақәитра иазықәпоз апсуаа рееибаркны, Апсны итәаз аурымцәеи, гемуааи, атыркәцәеи анаџ аурысцәеи рхыргәғәартакәа ианрыжәлалозгы⁴. Аха иара убри аамтазгы, хажәлар ирдыруеит хьызрацара иадхәалоу даеа традициақәакгы. Иаххәап ақәыларей архәрей ирыдхәалоу аныкәарақәагы, хьызрацара хәа аназырхәогы.

Арака ицәыртцәеит азцаара, избан нас апсуаа ртрадициатә культураџы, апсадгьыли, ауаажәлари рхақәитра ахьчара анаџсангы, ақәыларей архәрей ирыдхәалоу ахымџапгашьақәагы хьызрацара хәа изашьтаз?

Ари азцаара атак ақатцаразы, еицакрада еилахкаауазароуп хауаажәлар рхәыцшьа, рдунеиеилкаашьа, амилац ирцәаџоу аказшьа чыдарақәа.

Иахьа архәра, ақәыларә иахымџапысуазаалакгы, инымџапысуазаалакгы – қәыларуп, рхәроуп. Хауаажәларгы хатала иара ажәа ишахәо еипштәкьа, иееим хәпсуара иатцанамкуа, хьызрацара апқарақәа ирџагыло хымзгы узырго усны иахәапшоит. Аха хауаажәлар рыџнутцка ари аџыза азхәыцшьа тоурыхла ианышьақәгыла аакыскыоуп хәа ухәар мцхарым, хымцада уи асовет аамта иадхәалахоит.

¹ Аргун Ю.Г. Работорговля и военное отходничество у абхазов. Акәа – Сухум, 2011. Ад. 243.

² Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Том III. Сухум, 2011. Ад. 332.

³ Иара уа. Ад. 328.

⁴ Аргун Ю.Г. Иарбоу аусумта. Ад. 238.

Тоурыхла ацсуа хатца инахароу тәым дгьылк аҕы дқәыланы рырахә рыхцаны изаацар, ажәлар уи аеакала иахәапшуан, аеакала ирыдыркылон, ажәакала уи хатцараны ирыпхьазон.

Арт аныкәарақәа, рацхьа уахьынрыхәапшуа, малырхарак ацыхәала имҕапырго усқәоушәа ишубогы (уигы атыц амамкәа икамызт), ииашатқәкьаны рцакытқәкьа хазын.

Ацсуаа ақәылара, архәра усда-хәысда рхы иааташәаны имҕапыргоз усмызт, уи хьызрацарак ирзафызан, еибашьрак, цышәарак еипш иахәапшуан. Арт рҕыза аныкәарақәа – ацсуа хатца изы идыррей, ихшыҕ аилгарей, игәагьрей, илшарей раарпшра ахьалиршоз тагылазаашьақәан. Убри ақынтә арт ақәыларакәа, ацсуаа рдунеихәапшра иаҕамгыло, хьызрацара ацқарақәа инарықәыршәаны амҕацгара аналыршаха, усқан ажәлар уи узырпхашьо, хьымзгы узырго усны иахәапшуамызт.

Ишаххәахьоу еипш хьзын, хатцаран тәым дгьылк аҕы еибашьрала арахә рыхцара ма урт рырхынхәра. Уи аангы икалалон убри аҕыза атагылазаашьақәа, ақәылацәа арахә ма ауахьад мариала ирцыхьашәаргы, имеибашькәа ианырымгозгы. Избан акәзар мариала ирцыхьашәаз амал уи хьзы амамызт убри ақынтә патугы рзақәмызт. Ацсуа еилкаарала ари аҕыза ахымҕацгашьа хьызрацара ацқарақәа ирҕамгылозаргы уамакгы ирықәшәомызт, уи ахатцара иантиподын, хьымзг узырго аҕычра иашьашәалан.

Хьызрацак еипш имҕапыргоз аныкәарақәа рҕоуп ацсуа хатца дзакәу, дзыцсоу анеилыркаауаз. Арт аныкәарақәа раан, уи ихымҕацгашьа ирабзоураны хьзы ирхауан, иуаажәлар рыҕнутцка еипш урт рынтытгы деицырдыруа, пату иманы, унеишь-уааишьхәагы иархәо, иажәа пхылданы дкалон. Абас хьзы згаз ахатца, ажәлар ихьз кадыршәуамызт, икан ашәа ианыртцозгы.

Дарбанзаалакгы, зыуаажәлар рҕы зажәа иахымцоз аихабацәагы дара ианраамтаз, уртгы убас хьзы дырхахьан. Данҕоу хьзы змырхаз ацсуа хатца, данбыргхагы ажәлар рус дзалацәажәомызт, аламала акәымзар уи аҕыза азин иауамызт. Дышбыргхяхьоугы ирхаз ахьз каижьуамызт, дахзызааун, данҕаз хьымзгы ихы ишеимыргаз еипштқәкьа данытахмадахагы уи ицстазаара иагәыцәны ихаракны иныкәйгон. Аусзбарахь даарцхьаргы, уи иадхәалоу акәама-цамақәа зегы рдырра анаҕсангы урт рықәныкәарагы иара изы ихадоу принципны изыкан.

Иаххәап, аусзбара азцаара ханалацәажәа иазгәататәуп, аилыргаратә процесс аан еиҕагылоу ганк, атагылазаашьа дара рзы иманшәаламхошәа анырбалак, ишрылшоз ихьз ижәла мхәазакәа, аус шыкоу издыруа, избаз азәы иажәақәа реицгара. «Народ сознает всю гадость тайных доносов, но вместе с тем, так как считает это единственным путем, могущим, иногда открыть истину, то не только пользуется услугами их, но даже народным обычаем гарантировал неприкосновенность доносчиков»¹ – хәа Краевич ишааицхауа еипш, ацсуаа рыҕнутцка ацҕьахәаҕцәа пату шрықәымзгы, атцас ирнатон азин, хьымзгык рыдымхалакәа урт ражәақәа азбараҕы реицхәара. Аха иара убри аамтазы, аусзбара иалахәу дарбанзаалакгы хьымзгы изихгомыт, иуаажәлар

¹ Краевич. Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству в Абхазии. СсоКГ. – Тифлис, 1871. IV. Ад. 32.

рѣгы дпатудахон, ацѣгъахѣаф ихъз аартра згѣагъыз еипш, иара уи и еилкаара иашьталазгы.

Ишдыру еипш ауафы ихымѣапгашьеи, ихѣыцшьеи ирыдхѣалоу иказшьа чыдарахѣа еиха иахьяарцшхо айбашьреи, ма уи иазааигѣоу аѣагылазаашьа чыдакѣеи рѣоуп. Аекстремалтѣ тагылазаашьахѣа раан ауп, ауафы ихаѣсахья асаркья ишанубаало еипш, еилффача еицакрак амамкѣа; ауаѣра, ахатцара, ашѣаргѣындара, ачархѣара ухѣа, атынч аамтакѣа раан зыѣѣырзымгоз аказшьа ачыдарахѣа рѣахьѣырырго.

Апсуаа ртрадициатѣ культураѣы ашѣыргѣындара, ауафы дзырцхашьѣо, иахѣыр лазырѣѣо акакѣны ишахѣацшугы, хьымзг дук еипш иырцхьязомызт.

«Имшѣо хѣа уаѣ дыѣкам, акызатѣык ушѣара уаиааироуп», ма «имшѣо агаза иоуп, аха ачхара, аѣыѣажара умазароуп» рхѣоит апсуаа агѣымшѣареи ашѣыргѣындареи рѣыхѣала. Аха зегъ еипшым, убри аѣынтѣ, апсуаа еиха ииашоуп хѣа иазырцхьязон, излымшо «згѣы мачу», иѣагылазаашьа заа иаартны ахѣара, анаѣс ахатцара, агѣагъра анѣаххалак, аиакѣым ахылымѣиаарц азы.

Зылшарахѣа мачыз, иаартны иѣагылазаашьа ахѣара згѣагъыз хьымзгык идхаломызт, дызѣыпцхашьаша лафѣѣак ахылѣиааргы, ипату хѣомызт, аихаразакгы иѣыпцхьямкѣа излаилшо ала иуаажѣлари, иеибашьуа иѣызѣѣеи дрыцхраауазар.

Хьымзгын, чархѣарак еипшгы иырцхьязон ашѣаргѣындара иахѣяны, айбашьра адѣы ааныжъра, аѣызѣѣа рѣажъра, ма рыпѣѣазаара ашѣартара аѣаргылара, еиха еиѣѣоу урт рѣахара. Апѣѣазаараѣы иѣалахьеит, убри аѣыза аѣагылазаашьахѣа, айбашьра иаѣѣыбналаз рыхъз, аамтакѣа иргѣылсны уи ахѣья-ѣѣьякѣа, рыхшаара рѣынзагы инаазо. Уи айбашьра «иаѣѣыбналаз», «адизертир» ихшаара роуп хѣа, иѣоуп апсуаа рыѣнѣѣѣа иахьягы маза-аргама изхѣаѣѣогы.

Апсуаа хьымзгык еипш иырцхьязон, еибашьрада, ѣагыларада ирыѣѣлаз иѣѣтара, рырахѣ рыхцара. Ихьымзгын упсы еиѣѣурхоит хѣа арахѣ кажъны абналары. Ихьымзг дуун упсы дузтымгар, иѣынхаѣѣа рахъ дузнамгар, апсуатѣас ишаѣѣнагоу анышѣ дузамтар.

Иагъараангы иѣалахьян иѣахаз рѣыза ипсыбаѣ аѣыгаразы, еиѣыз агѣып реихараѣык анѣахозгы. Рыпсы еигзомызт хьымзгык рыдымхаларц азы. Ишырхѣо ала аѣоурых иадыруѣит имаѣым ари аѣыза ахѣысѣѣа.

Апсуа ипату хызеѣо, ахьымзг изырго акакѣны, ажѣлар иара убас иахѣацшуган ахатѣа мариаала иаѣаѣѣа дырхѣынчар, урт рнапаѣы аѣалара. Аха уи иаанагомызт, апсуа хатѣа иѣѣишьыр акѣын хѣа. Апсуаа ртрадициатѣ дунеихѣацшра уи аѣыза аилкаа иаѣагылон, аѣшьра агѣмачра, шѣыргѣындарак еипш ипхьязаны. Убри аѣынтѣ ари аѣыза ашѣартара иѣагылаз ахатѣа, аѣѣыхѣтѣанынза деибашьуан, гѣышпѣылагы ага дигѣыдлон ма ихымѣа дапѣлон.

Кавказтѣи айбашьра ахыркѣашамѣаз, иѣалеит убри аѣыза хѣыск, уаѣа зымѣѣѣа мхѣаз апсуа еибашьѣѣа, шѣѣык рѣынтѣ иаанхаз жѣаѣык, раѣаѣѣа рнапаѣы иѣамларц азы, ѣыла амшын рѣарѣѣит¹.

Иара уи аамѣазгы иахпѣылоит хѣамтакѣѣак, апсуаа хатѣарак еипш ишыршьѣо, айбашьѣы иаѣа инапаѣы дѣамларц азы, аѣыхѣтѣантѣи ихызатѣ ала иѣѣанишьуагы.

¹ Инл-ипа (Хотелашвили) М.К. На конях в море // Газ. «Амцахара», №3, 2000 г.

Ацсуа аламала акэымзар иабцъар шытеитцомызт, ишытеитцозаргы хымзт измыргаша уи иашьашэалоу, иаххэап апсреи, аусзбарей реипш икоу атагыла-заашьақәа дрыниар акэын.

Ацсуа апсрафы даннеиуа, тцэууарахэа апсы днеихагылаанза, рапхьа иабцъар аштәфы игылоу аишэа иқәйтцит. Иара убастцәкьа атагылазаашьа иатаххар, хымзгык идымхалакәа апсуа ахатца иабцъар ашытатцара ахылшоз аусз-барафгы акэын.

Хазлацәажәази ма урт ирзааигәоу атагылазаашьақәеи ракэымзар, апсуаа абцъар ашытатцара агәмачреи ашәаргәындареи ирейфыргомызт.

Ихымзгын абцъар ацәызра. Зыцсы тоу иабцъар акэым, итахаз рфыза иабцъаргы рага инапафы иаанрыжьюамызт. Уи ипсыбаф штыргоз еипштцәкьа, иабцъаргы тыргон, итаацәа ирыздырхынхәон, ма акгы иапсамкәа ицены икарыжьюан, агацәа ирмышәарц азы. «Аеыбгақәа дыпсыр итаацәа дыртцәы-уоит, абцъар тахар (бжъазыр) жәлары иртцәыуартоуп»¹ – ахәоит апсуа жәапқа уи атцыхәала.

Иара убас аиґагылараан, ганк излахысуа рпатронкәа нтцәар, рабцъар рага-цәа ирмышәарц азы, ршәақькәа рышьхәақәа цены инкажыны, рахәақәа ма рқамакәа рыла рагацәа иргәыдлон. Ари афыза напышьашәла аибашьраан, иуґагылаз уага думшьозар ихәынчара даара иуадафын.

Ацсуа хатца ус баша ашьа кеитәомызт, агәымбылцъбара иламызт, ибцъар-доу дилакысуамызт, ахәсеи ахәычқәеи драцлабуамызт, иага дишьызаргы уи қәнамгала дизныкәомызт. Забцъар шытазтаз игәыдлара, ихәра, аихарак ишьра хатцарак алоуп хәа ирыпхьазомызт.

Ацсуа иапсуара амфа иаша дықәнаты хьзы игхомызт, аха цъара мацк иа-дымхаргы уи дацәхьатцыр хымзгы изихгомызт. Апсуа, апсуара ада патударан. Апсуа изы ахьз уи амалкәа ирмалын, иара изы уи зегь ирейхаз еилкааран. «Ахьз – ауафы хшыфла, цъабаала, гәамчла ирхауа хәы змам беиароуп»² – хәа азгәеитцит уи атцыхәала В.Бигәаа.

Апсуатцас иаазоу апсуа хатца дзызхәыцуа ишакәхалакгы цъара фырхатцарак абакастцари хәа акәзам, агәеилгара змоу атагылазаашьа ианатаххалаак, зхьапшрак қамтакәан уи аус амфәапгара алыршара ауп.

Апсуаа фырхатцароуп хәа ирпхьазоит, хымзгыда апсра апылара.

Ихымзгын апсуа атәы инапафы дтахар, алаба иаахар, аибашьран ишытахьла ахы иқәшәаны дтахар, уи шәыргәындарак еипш иршьон.

Апсуа хатца дыштахо идыруазаргы иабцъар каижьюамызт. Ибцъардоу ахатца уи деибашьфымызт иаргы уафы диабашьюамызт. Абцъар аныкәгашьа уеақәушәар акэын. Ус баша атра иугар қаломызт, иантугагы хьзы алугар акэын. Абцъар анеимырдоз ма хамтас азәы ианидыргалоз – «Хьзы алоугааит» хәа хәаны акэын иширтоз.

Иқаломызт умтаакәа азәы иабцъар шытухыр, аихарак уи ишакәнагам ишытоутцар ма уазныкәар, иаххэап уагәтасыр.

Апсуа иабцъар еипштцәкьа, хымзгык еипштцәкьа ипхьазон иеы ишакәым азныкәара, иаххэап дшакәтәоу ақамчы ахкьара. Апсуатцас аеыуаф дзықәтәоу

¹ Гожба Р. В настоящем мужчине скрыто дитя // Журн. «Абаза» №1, 2015. Ад. 47.

² Бигуаа В.Л. Иарбоу аусумта. Ад. 10.

иеы акамчы ахуҕба иара ацшәма ихуҕба акоюп, тақылагы еиҕырго хәа егыҕазам. Тагылазашыак иааннамкылозар, аламала ари аҕыза аусқәа шыа-каҕәарада изеилгомызт¹.

Ацсуа изы хыыз дуун ахәала аибашыраан аиааира агара. Аха иара убри аамтазгы, хәатыхла аиҕагылараан иҕахаз уи аҕара хызы иҕынхомызт, ахым-ца иашыыз иааста. Избанзар ацсуа хатца иқәнагамызт хәа рыпхыазон, еиҕа-роу аиҕагылараҕы иатцахара. Ашәақь акәзар уи ҕакала иазыҕан. Ашәақьла иршыыз, иашыҕахыла акәымзар хызы ирхауан, фырхатцак еипшгы дырпхыазон, еиҕагылоу (ашәақьи аҕамеи) рымчқәа, реиҕарамра азгәатаны.

Ацсуаа рҕы иҕалахыан тауади аамстеи аймак шыбжыалоз еипштәҕьба, ан-хацәагы даргы агәаанцъ анрыбжыалалозгы. Аха иара уи аамтазгы ацсуаа пату рзақәмызт дара ирашыашәаламыз иацлабра. Илацлабуамызт ацхәысгы. Ацхәыс ианлацәажәозгы рацъар мацк ипхьаркуан, ианеипырцуазгы ары-гырахыла иқәгыежыуан.

Ихымыздын ахәычқәа, ахәса, абыргцәа рыпҕара, аҕаацәараҕы анапышытхра, аихаразакгы изыхшаз рани раби ишакәым рызныҕәара. Аҕаацәа ракәым, ишакәым изныҕәомызт атқәагы. Ирҕкәаз рахатыр ладыркәомызт, дара зҕа-гылоу рыуадаҕрақәа ракәымзар уи инеиханы, мчыла идыргәакуамызт, иаҕах-харгы, амлеи ахыҕеи иамкырц азы изларылшоз алагы ацхыраара рыртон. «Вообще они с пленными своими обращаются очень человеколюбиво. Были примеры, что партия на обратном следовании, застигнутая вьюгою и метелью, останавливалась по несколько времени на одном месте, многие отмо-раживали себе ноги, но одежду, выданную пленным, назад не брали» – хәа азгәеиҕоит, рацхыатәи ацсуа апрофессионалтә етнограф Солонмон Ажәанба².

Арҕ еиқәахцхыазаз зегы ацсуаа хымызгык еипш иахәапшыуан, избанзар дара злиааз, излаазаз рацсуара, рдунеихәапшра иацәтәымын, иацанакуамызт.

¹ Лакырба М. Тот, кто убил лань. Новеллы. Сухуми. 1982. Ад. 7.

² Званба С.Т. Этнографические этюды. Под редакцией Г.А. Дзидзария. Сухуми. 1955. Ад. 52.

Э.М. Чкок-Эшба

К ВОПРОСУ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА В АБХАЗИИ (XIX в.)

К XIX в. православие в Абхазии находилось в тяжелейшем положении. С XI до XIX в. Абхазская православная церковь вела борьбу за свою автокефалию против Грузии, а также суннитского ислама, насаждавшегося Турцией и Ираном. Эта борьба проходила в условиях физического уничтожения Абхазской церкви и абхазского народа и поэтому церковь вынуждена была уйти в предгорье Абхазии. Кафедра абхазской православной церкви находилась в Лыхненском храме.

В начале XIX в. Абхазия попадает в орбиту геополитических интересов Российской империи. Русская Православная Церковь, будучи государственной, служила реализации этих интересов. Российское правительство стремилось поднять ослабевшее христианство, так как сильное влияние здесь православия для России было гарантией преданности населения на её южных границах.

В начале XIX в. царизм вводит церковь в свой аппарат управления. «В Петербурге исходили из идеи о том, что в империи церковно-государственные отношения должны строиться по единому образцу»¹. В 1811 г. самостоятельность восточно-грузинской церкви была упразднена, а западно-грузинская (имеретинская) церковь просуществовала самостоятельно до 1815 г. Царизм приступает к осуществлению церковных реформ методом «структурно-административного подчинения Синоду и ускоренной «православизации» обрядовых процедур»². Это стало ключевым событием, давшим начало процессам постепенной утраты церковью в Грузии своих традиционных функций, т.е. культурно-просветительской и воспитательной.

Россия осуществляла единый курс, направленный на полномасштабную интеграцию региона в имперскую систему. Однако «технология реализации этого курса варьировалась в широком диапазоне оперативных мер – от грубых силовых до изысканно-дипломатических, в целом преобладал прагматический подход»³.

Цели и задачи царского правительства были направлены, прежде всего, на утверждение среди населения начал русской государственности.

Важная роль в государственной стратегии царизма отводилась мероприятиям по возрождению в Абхазии православного христианства. Однако, ни о каком самоуправлении абхазской церкви не могло быть и речи. Возрождае-

¹ В. Дегоев. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX в.) // Кавказский сборник. Т. 1. (33). С. 32.

² Там же.

³ Там же. С. 35.

мые православные приходы включались в структуру специально созданного Грузинского экзархата РПЦ, в 1818 г. юридически оформленного.

В 1840-х годах в недрах российской администрации родилось немало планов по осуществлению в регионе христианизации. Начальник Черноморской береговой линии генерал-лейтенант Н.Н. Раевский считал необходимым усиление организационного присутствия церковного официоза. По его мнению, архимандрит должен был утвержден из русских. Архимандрит должен был быть «довольно молод, чтобы мог изучить абхазский язык, на коим говорят цебельдинцы, псхувцы, джигеты, убыхи и многие другие племена с тем, чтобы перевести на сей язык книги Священного Писания».

Наиболее удобным местом для пребывания архимандрита новый генерал-адъютант Анреп выделяет Пицунду. В новом проекте приводится согласие владельца Абхазии о назначении в этом округе русского архимандрита с условием, «иметь при себе духовника из туземцев – игумена Феофана Габуния»¹.

В это же время стали циркулировать идеи о желательности учреждения в Абхазии архиерейской кафедры. Граф М.С. Воронцов был одним из тех, кто всемирно настаивал на принятии подобного решения, видя в этом новые возможности для укрепления православия в Причерноморском регионе. Хлопоты наместника дали свои результаты. В апреле 1851 г. указом Николая I в Абхазии была учреждена архиерейская кафедра. Она явилась канонической формой управления, как особая церковная единица в составе Грузинского экзархата. Однако позициям Русской Православной Церкви в Абхазии был нанесен серьезный удар во время Крымской войны (1853-1856 гг.), когда сюда вступила турецкая армия под командованием Омар-паши.

С окончанием Крымской войны, во второй половине 1850-х и на протяжении 1860-х годов принимается ряд мер по дальнейшему упрочению позиций христианства на Кавказе. С этой целью высшая администрация на Кавказе добивается учреждения Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Немало внимания Общество уделяло Абхазии. Было решено, в частности, что его средства будут обращены преимущественно на развитие христианства в Абхазии; больше, чем в другие районы, направлять в Абхазию народных учителей после окончания ими курса в учительской школе. Особое внимание уделялось вопросам сооружения новых церквей, приходских зданий, а также возобновления старых, древних храмов. Предполагалось, что большую помощь Имеретинскому епископу Гавриилу окажет благочинный самурзаканских церквей Давид Мачавариани.

Однако в 1869 г. Абхазская епархия была упразднена, а абхазские приходы переданы во временное управление Имеретинской епархии. Епископ Абхазский Александр был переведен главой Горийской епархии с одновременным назначением викарием Грузинского экзархата. ГПЦ прикладывает все усилия для укрепления своих позиций в Сухумском отделе. Во всех абхазских прихо-

¹ ЦГИА. Ф. 1268, Оп.1э Д. 415. Л. 5об.

дах вновь стали совершаться богослужения на грузинском языке. Православное духовенство и абхазское население не понимали друг друга. Газета «Черноморский вестник» писала: «Богослужение производится и даже проповеди по церквам... на грузинском языке, совершенно непонятно ни для абхазцев, ни для самурзаканцев»¹.

В этих сложных условиях прогрессивные церковные деятели впервые со всей остротой ставили вопрос о создании абхазских национальных кадров священнослужителей. В записке о нуждах, будущем устройстве и мерах к утверждению православия в Абхазии епископ Имеретинский Гавриил предлагал назначить старшим благочинным протоиерея Д. Мачавариани², создать в Абхазии духовенство из абхазцев и направлять детей на учебу в Ставропольскую и Тифлисскую семинарии³. Так, бывший воспитанник Кавказской семинарии, абхазец Владимир Лакербай был направлен на учебу в Санкт-Петербургскую духовную академию в августе 1873 г. и находился на содержании Синода в течении одного года⁴. Совет Общества восстановления православного христианства на Кавказе в марте 1874 г. принял решение готовить в духовных семинарах детей из абхазов и постановил учредить при Кавказской духовной семинарии 5 стипендий этого Общества для абхазских детей⁵.

В 90-х годах XIX в. возникла проблема перевода на абхазский язык богослужебных книг и книг религиозно-нравственного содержания. В этих целях при Сухумской архиерейской кафедре под председательством протоиерея Давида Мачавариани в 1892 г. была организована переводческая комиссия. В нее были приглашены «отставной генерал-лейтенант, князь Г. А. Шервашидзе, смотритель Сухумской горской школы Константин Мачавариани, учитель этой школы Давид Аджамов, закончивший полный курс гимназии землевладелец Сухума Леван Авалиани, получивший образование в императорском Никитском училище садоводства, «письменный переводчик управления, начальника Сухумского округа» Виктор Гарцкия, окончивший курс учительской семинарии, словесный переводчик того же управления Константин Ладария⁶, окончивший курс в Сухумской горской школе, словесный переводчик следователя Сухумского мирового отдела Дмитрий Гулиа, из I класса Закавказской учительской семинарии и житель с. Лыхны, дворян Николай Гублиа»⁷.

¹ Газ. «Черноморский вестник», 1896. № 205.

² В 1850 г. распоряжением экзарха Грузии Исидора самурзаканским благочинным был назначен священник Д. Мачавариани. Было открыто 5 школ: в Окуме, Бедии, Гудаве, Саберио, Дихазури. Правительство передало их в ведение Общества православного христианства на Кавказе (см. К Мачавариани. Религиозное состояние в Абхазии. С. 15).

³ ЦГИА. Ф. 493. Оп. 1. Д. 182. Лл. 7-7об, 10.

⁴ ЦГИА. Ф. 493. Оп. 1. Д. 285. Л. 1.

⁵ ЦГИАГ, Ф. 433. Оп. 1. Д. 44.

⁶ См.: ЦГАА, Ф. 1. Оп. 1. Д. 4203. Л. 1. Один из первых абхазов Николай Ладария прослушал миссионерские курсы при Кавказской духовной Академии.

⁷ ЦГИАГ. Ф. 489. Оп. 1. Д. 43550. Л. 8. См.: Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми. 1979. С. 138-139, газ. «Черноморский вестник», № 256, 1898 г.

В письме на имя архиепископа Палладия и обер-прокурора Синода в 1892 г. Шабат Гублиа просил разрешения на перевод богослужебной и духовной литературы на абхазский язык. Общество обратилось снова к вопросу абхазской письменности в 1899 г. Некоторые молитвы и возгласы были переведены на абхазский язык¹. Учителям абхазских школ поставлено в обязанность заставлять учеников читать молитвы во время богослужения и петь их при возможности. На абхазском языке выходят «Краткая Священная история», «10 заповедей и Присяжный лист»².

Таким образом, русская православная церковь активно способствовала реанимированию православия в Абхазии. Это свидетельствует о том, что политические процессы, происходившие на Кавказе, приводили и к переменам в духовной жизни Абхазии.

¹ Там же. Лл. 1,8.

² ЦГАА. Ф. 1. Оп.1. Д. 4203. Л. 1.

Цициба А. Л.

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МИССИОНЕРСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА ВОССТАНОВЛЕНИЯ
ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНСТВА НА КАВКАЗЕ
В АБХАЗИИ И ОСЕТИИ**

1 июня 1860 г. начинает свою деятельность созданное в Тифлисе Общество восстановления православного христианства на Кавказе (ОВПХК) под непосредственным руководством наместника Кавказа и экзарха Грузии. Уже 2 июня 1860 г. последовало высочайшее утверждение его Устава, а 9 июня 1860 г. император Александр II в Царском Селе дал грамоту на имя Наместника Кавказского, князя А.И. Барятинского, в которой сообщалось об учреждении Общества восстановления православного христианства на Кавказе.

Сформированный временный Комитет ОВПХК принял решение начать восстановление христианской религии среди тех народов, где православная вера оказалась заглушенной мусульманством и древнейшими языческими представлениями¹. В первую очередь Общество занималось осетинским и абхазским народами, религиозные представления которых состояли из смеси язычества, христианства и ислама. Эти народы, как полагало правительство, составляли нейтральную часть горского населения, не сочувствовавшую ни православным, ни мусульманам. По своему же географическому расположению они занимали важное стратегическое положение.

В течение пятидесяти лет, после присоединения Абхазского княжества к Российской империи, царское правительство различными мерами пыталось вернуть абхазов в лоно православной церкви. Но все эти попытки оказались малоэффективными. С учреждением ОВПХК его председатель, наместник Кавказа, великий князь Михаил Николаевич Романов поручил Преосвященному Гавриилу епископу Имеретинскому принять все необходимые меры к восстановлению православия в Абхазии, оказать материальное и духовное содействие приходам, расположенным на территории Абхазии и Самурзакана². Большую помощь и содействие епископу оказывал благочинный Самурзаканских церквей Давид Мачавариани³.

Преосвященный Гавриил, епископ Имеретинский, не раз посещал Абхазию с миссионерской целью. Первый объезд абхазских приходов совершил в 1868 г. С 14 по 20 мая он побывал во многих селах Бзыбской Абхазии, а с 20 мая по 4 июня он посетил деревни Абжуйской Абхазии и Самурзакана. Ос-

¹ Платонов А.И. Обзор деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Тифлис, 1910. с. 154.; РГИА. Ф.796. Оп.139. Д.82. Л.79.

² Отчет Общества Восстановления Православного Христианства на Кавказе за 1868 год. Тифлис. 1869. С. 5; РГИА Ф.799. Оп.13. Д.101. Лл. 3-5; РГИА Ф.799. Оп.13. Д.101. Л. 19.

³ РГИА Ф.799. Оп.13. Д.101. Л. 19.

мотрел Пицундский и Драндский соборы. Во всех приходах, где он побывал, епископ отмечал, что большая часть христиан «не умели правильно и внимательно налагать на себя крестное знамение», за что священники получали от него строгое замечание¹.

В результате своих бесед с жителями абхазских сел, епископ Имеретинский пришел к выводу, что для восстановления и утверждения православия в Абхазии следует подготовить священников из местного населения, улучшить материальное положение духовенства края, открыть во всех приходах Абхазии начальные школы (как мужские, так и женские), возобновить древние храмы и монастыри Абхазии: Драндский, Моквинский, Бедийский, а в Сухуме построить новую церковь. В Пицунде учредить монастырь и школу с наделением храма землей, сенокосом и рыбной ловлей.

Предложения, высказанные Преосвященным Гавриилом, Общество приняло, и по мере возможности воплощало в жизнь. Так в течение 1869 г. священнослужители окрестили 7894 человека². Однако следует заметить, что абхазы принимали крещение не в силу внутреннего убеждения, а в результате постоянного давления светских властей и русской православной церкви. При первой же возможности они вновь возвращались к вере своих предков.

Проповедническая деятельность Абхазской миссии к концу 60-х гг. начала давать первые результаты. Новокрещённые абхазы на свои средства строили причтовые помещения, дома для священнослужителей. Общество оказывало помощь в заготовке для сооружаемых храмов иконостасов и других необходимых предметов³.

Общество восстановления православного христианства на Кавказе стремилось привлечь к проповеди православной веры местных князей и дворян. Так, во время пребывания Преосвященного Гавриила в Абхазии в октябре 1872 г. в селе Гуп большую помощь ему в христианской проповеди оказали имевшие большое влияние на местных жителей князь Мсоуст Маршания и его отец, известный во всей Абхазии Джаншита Маршания. Сам мусульманин, он убедительно уговаривал абхазов принять православную религию: «Если бы я был помоложе, я бы первый крестился в нынешний день; но мне за сто лет, и в эти годы веру переменять поздно, вам же всем пора расстаться со всеми прежними обычаями, и крещением начать новую жизнь. Времена изменились и по-старому жить было бы безумием»⁴.

С середины 70-х гг. в Абхазии усиливается антихристианская пропаганда, проводимая муллами и софтами, которые в 1875-1876 гг. резко активизировали свою деятельность. Они уверяли абхазов в скором изгнании русских из Абхазии и установлении на всем Черноморском побережье господства Оттоманской Порты и исламской веры. Священнослужители прилагали немало сил, чтобы успокоить народ. Протоиерей Мачавариани часто совершал поездки по

¹ Отчет Общества... за 1868 год. Тифлис, 1869. С. 14.

² Отчет Общества... за 1869 год. Тифлис. 1870. С. 3.

³ Там же, С. 12.

⁴ Отчет Общества... за 1872 год. Тифлис. 1873. С. 9.

приходам абхазским, убеждая христиан не верить распространяемым турецкими эмиссарами слухам.

Русско-турецкая война 1877-1878 гг. нанесла сильный удар делу религиозного просвещения абхазского народа. Были разрушены и сожжены многие монастыри, школы и церкви. Многие священнослужители были вынуждены покинуть свои приходы и искать убежище за пределами Абхазии. Большинство же участвовало в освобождении Абхазии от турецкой оккупации¹.

Одним из итогов войны явилось массовое выселение абхазов в пределы Турции. Многие сёла опустели, церкви и приходские дома оказались заброшены. Священники отказывались отправляться в покинутые абхазские приходы. Жестокость русских властей в отношении абхазов, необоснованное обвинение всего народа в измене, отсутствие достойных проповедников православия – всё это привело к тому, что определенная часть абхазов отвернулась от христианской веры.

Из отчетов епископа Сухумского Преосвященного Геннадия, старшего благочинного Самурзаканских и Абхазских церквей, а также инспектора школ Общества видно, что в 80-х гг. для просвещения и утверждения абхазов в православной вере предстояло приложить немало усилий².

Проповедуя среди абхазов христианские истины, духовенство Абхазии стремилось акцентировать внимание населения на искоренение воровства, считавшегося за род удалства, колдовства, похищения невест, почитания языческих божеств, несоблюдения в церковные дни постов³.

До конца 1898 г. ведение миссионерского дела в Сухумской Епархии находилось в ведении Епархиального начальства, так как ОВПХК не имело здесь своего миссионера. В декабре 1898 г. на своем заседании Совет Общества постановил учредить в Сухумской Епархии самостоятельный миссионерский район и перевести туда с 1 января 1899 г. миссионера Закатальского округа, священника Тарасия Иваницкого⁴. Он проводил плодотворную миссионерскую деятельность в селах Сухумского округа.

В 1899 году Т. Иваницкий совершил поездку по ряду сел Сухумского округа – Тамыш, Ачандара, Дурипш, Цхенис-Цкар и другим, где провел многодневные беседы с их жителями. Пятилетняя практика в Закатальском округе убедила миссионера, что «гораздо выгоднее посетить несколько сел и остаться там подольше, чем объехать множество селений в короткое время. В последнем случае... не бывает возможности действовать основательно и выждать результатов миссии там же, и посеянное семя пропадет легко»⁵.

В марте священнослужитель Т. Иваницкий объездил села Аацы и Шицкуара, проводя помимо частных и публичные собеседования, разъяснял населению истинность христианского вероучения и ложность мусульманства⁶. Почти целый месяц миссионер провел в селе Цхенис-Цкар. Его помощниками в деле

¹ Отчет Общества... за 1877 год. Тифлис. 1881. С. 34.

² Отчет Общества... за 1890 год. Тифлис. 1891. С. 52.

³ Отчет Общества... за 1892 год. Тифлис. 1894. С. 88.

⁴ Отчет Общества... за 1898-1901 года. Тифлис. 1903. С. 90-91.

⁵ Там же. С. 92-93.

⁶ Там же. С. 98-108.

просвещения жителей села являлись священники Киндского и Тамышского приходов. Здесь они провели 14 публичных бесед, а при всяком удобном случае проводили и частные встречи. Плодом такой работы явилось обращение 69 жителей села в православие¹. С переходом в 1903 г. в военное ведомство Тарасия Иваницкого Абхазская миссия осталась без проповедника христианского вероучения². Подходящей замены ему Обществу найти не удалось, а это незамедлительно отразилось на религиозном состоянии населения Сухумской Епархии. Отчеты ОВПХК в начале XX в. отмечали, что абхазы все больше и больше тяготеют к мусульманству. Так, жители села Абгархук Гудаутского участка, «забывшие христианскую веру своих отцов», возвели мечеть и требовали разрешения у гражданских властей открыть в ней богослужение. Такая же ситуация сложилась в селе Гуп и Акуца Кодорского округа³.

В целях борьбы с мусульманством в Абхазии в 1912 г. была образована особая комиссия по переводу на абхазский язык богослужебных книг и Святого Писания⁴. Следующим шагом, направленным против расширения влияния ислама, явилось утверждение языка абхазов в 1907 г. в двух древних храмах Абхазии – Лыхненском и Моквинском – языком богослужения⁵. Однако все предпринятые усилия абхазской миссией по восстановлению православия среди абхазов не привели к положительному результату⁶.

В Осетии положение дел было приблизительно таким же, как и в Абхазии. Являясь правопреемницей Осетинской духовной комиссии, Общество восстановления православного христианства на Кавказе оказывало всестороннюю помощь епископу Владикавказскому архимандриту Иосифу, управлявшему осетинскими приходами, в его не простой миссионерской деятельности.

Потомок атамана Черноморского казачьего войска Захария Алексеевича Чепеги, архимандрит Иосиф в короткий срок освоил осетинский язык. Это имело большое значение, так как позволило священнослужителю доносить христианские основы на родном для осетин языке. Постоянно разъезжая по осетинским приходам, он обращал внимание на необеспеченность православных храмов в большинстве осетинских аулах необходимым церковным имуществом, активно выступал против вероотступников⁷. Не оставлял своим вниманием епископ и церковное строительство. Архимандритом Иосифом при поддержке Общества восстановления православного христианства на Кавказе было возведено более десятка новых храмов, и их обеспечили церковным облачением и всей необходимой утварью.

¹ Отчет Общества... за 1898-1901 года. Тифлис. 1903. С. 93-96.

² Отчет Общества... за 1906-1907 года. Тифлис. 1909. С. 19.

³ Отчет Общества... за 1912-1913 года. Тифлис. 1915. С. 26.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2484. Л. 9.

⁶ Цимцба А.Л. Абхазская миссия Общества восстановления православного христианства на Кавказе: результаты деятельности /сборник материалов XII Международной научно-практической конференции «Научно-творческое наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность», г. Краснодар, 27 февраля 2012 г. С. 194-200.

⁷ Владикавказские Епархиальные Ведомости/ 1 октября 1902 г., № 19, Цензор Протоиерей К. Александров Владикавказ. Типо-Лит. и Книжный магазин В. П. Просвирнина. Тел. № 21-й. С. 365-370.

Результатом миссионерской деятельности архимандрита Иосифа в Осетии стало существенное улучшение религиозно-нравственного состояния местного населения, тем самым «апостол Осетии», как его иногда именовали, оставил глубокий след в истории развития христианства как в Осетии, так и на всем Северном Кавказе.

Энергичными сподвижниками святейшего были природные осетины: священники Георгий Иванович Караев, Михаил Гаврилович Сухиев (был постоянным членом Совета ОВПХК), благочинный священник Георгий Сикоев, священник Алексей Георгиевич Гатуев, благочинный протоиерей Косьма Гаврилович Токаев. Как отмечено в документах ОВПХК, «их трудам и ревности принадлежат успехи христианства в Северной Осетии»¹.

В начале 70-х гг. XIX в. большую миссионерскую работу среди жителей хумалагского прихода проводил о. Георгий Караев. Основной целью являлось стремление удержать в православной вере жителей села Хумалаг. Преподобный Караев объяснял прихожанам-осетинам, какой вред приносят старые пережитки, такие как похищения девушек, выплата калыма, двоеженство, разорительные расходы на похоронах и поминках. В 1875 г. он был переведен на службу в многонациональный приход села Алагир.

Общество восстановления православного христианства на Кавказе для удовлетворения нужд горского духовенства, принимая во внимание заслуги духовных лиц, назначило отцу Г. Караеву и еще трем священнослужителям осетинских горских приходов прибавочное жалование по 200 руб. в год².

Подобно Георгию Караеву, значительную миссионерскую работу проводил видный деятель Общества отец Михаил Сухиев. Отец Михаил трудился как в стенах храма, так и доступных общественных местах, он истолковывал прихожанам азы христианской веры, убеждая население в истинности православия. Благодаря тому, что проповеди отец Михаил Сухиев совершал на родном для осетин языке, многие принимали православную веру. Отмечая важность ведения внебогослужебных собеседований с прихожанами, отец М. Сухиев отмечал, что они располагали их «чаще и охотнее посещать церковную службу; исполнять долг исповеди и св. причастия; своевременно крестить детей; жертвовать на украшение храмов своих и устройство причтовых домов»³.

Совет Общества отмечал, что такого рода практическая деятельность приносила неплохие результаты. Впоследствии, в 1889 г., подобные внебогослужебные собеседования, которым всегда уделял большое внимание Михаил Сухиев, вводятся как обязательные, во всех храмах Владикавказской епархии, подведомственных Обществу восстановления православного христианства на Кавказе⁴.

Отец М. Сухиев часто совершал объезды своего многочисленного благочиния. С селянами отец Михаил проводил многочисленные беседы об основах

¹ А.И. Платонов. Указ. соч. С. 167.

² Отчет Общества... за 1864 год. Тифлис. 1865. С. 8.

³ Отчет Общества... за 1889 год. Тифлис. 1890. С. 94-95.

⁴ Там же. С. 92.

православного вероучения, объясняя жителям аулов. Благодаря подобной практике в 1889 г. православную веру приняли 70 мусульман¹, в 1890 г. – 40².

В отчетах Общества неоднократно отмечалась энергичная миссионерская деятельность священнослужителя Георгия Сикоева. С назначением в феврале 1870 г. в церковь Рождества Иоанна Предтечи в селе Кадгарон он стремился приложить максимум усилий, чтобы изменить отношение жителей села к православной вере и внушить уважение к священническому сану. По мнению отца Георгия, большую помощь в реализации этой задачи могло оказать возведение новой каменной церкви в селе. Благодаря его непосредственному личному участию в сборе денежных средств, в сентябре 1880 г. кадгаронцы заложили фундамент Михаило-Архангельской церкви. Возведение храма, включая колокольню, ограду, ворота и помещение для сторожа, обошлось в 12 тыс. рублей. Часть средств в размере 3000 руб. выделило, по ходатайству отца Козьмы Токаева, Общество восстановления православного христианства на Кавказе. 5470 руб. потратило на сооружение церкви Кадгаронское сельское общество, остальные средства были собраны самими кадгаронцами. Строительство храма полностью было завершено в конце 1882 г. Его вместимость составила около 300 человек.

Миссионерская деятельность священнослужителей сталкивалась с серьезным противодействием со стороны влиятельных сановников из мусульман и исламских проповедников. В отчете Общества восстановления православного христианства за 1886 год отмечалось, что «кознями и интригами разных влиятельных лиц из магометан вопрос о совращении принял такие размеры, что стал угрожать опасностью всему православному населению»³]. Во многих приходах горское население под влиянием мусульманской пропаганды массово переходило из православия в ислам.

Священники не раз совершали миссионерские поездки по труднодоступным ущельям, чтобы своими наставлениями возвратить отступников в православие.

Как видим, ораторское искусство и терпение многих миссионеров способствовали тому, что немалую часть колеблющихся горцев удалось привести в православие. В период с 1864 по 1893 года в лоно православной церкви вернулось 4118 осетин⁴.

Миссионерская деятельность не могла быть успешной без решения еще одной серьезной проблемы, с которой столкнулось Общество, как в Абхазии, так и в Осетии, – слабая проповедническая деятельность. А дело в том, что священников, из природных абхазов и осетин, с исчерпывающим богословским образованием было весьма небольшое количество. Вследствие чего не все священнослужители могли на доступном, родном для прихожан языке донести тексты Священного писания, Евангелия и других богослужебных книг.

Большинство же священнослужителей в абхазских и осетинских приходах были грузины, к тому же малограмотные, совершавшие богослужения на не-

¹ Отчет Общества... за 1889 год. Тифлис. 1890. С. 94.

² Отчет Общества... за 1890 год. Тифлис. 1891. С. 184.

³ Отчет Общества... за 1886 год. Тифлис. 1887. С. 94.

⁴ А.И. Платонов. Указ. соч. С. 170.

понятном для абхазов и осетин грузинском языке, что, в свою очередь, вело к редкому посещению прихожанами храмов.

На это еще обращал внимание после своих поездок по приходам Абхазии архимандрит Амвросий. Подобное положение дел с сожалением отмечал в своих отчетах и священник, наблюдавший за сохранением внешнего порядка и нравственным поведением братии монастыря Сухумского благочиния Дмитрий Маргания. Благочинный Д. Маргания I Сухумского благочиния указывал на то, что по своему образовательному цензу духовенство благочиния «стоит весьма не высоко». Из двенадцати священников только четверо окончили курс в духовных училищах, один в духовной Семинарии, все же остальные получили лишь домашнее образование¹. Такое же незавидное положение сохранялось и в остальных благочиниях Сухумских. В III Сухумском благочинии из четырнадцати священников семь было с домашним образованием, четверо закончили курс в духовных училищах, один – духовной семинарии и один с двумя классами училища, а двое окончили курс учительской семинарии². Помимо малообразованности духовенства, отрицательное влияние на абхазов оказывало следующее обстоятельство. Почти все священнослужители по своему происхождению «имеретинцы и мегрелы, не обладающие надлежащими знаниями ни нравов, ни обычаев, ни даже самого языка абхазского населения и помышляющие больше всего о своем переходе на родину». Абхазы смотрели на них как на чужестранцев и не могли относиться к ним с таким доверием, какое они, естественно, оказывали бы своим духовно-нравственным руководителям-абхазцам³.

Поэтому ОВПХК придавало большое значение духовно-образовательной подготовке священнослужителей. Общество по мере возможности старалось назначать миссионерами преимущественно выходцев из горских народов, получивших образование за счет Общества в духовных учебных заведениях и особенно преданных христианскому делу.

Кроме того, Совет Общества приглашал известных высокой нравственностью монашествующих лиц из монастырей внутренних губерний России для возложения на них обязанности миссионеров⁴.

Однако, что касается русских священников, то они не изъявляли большого желания проповедовать в горных областях Абхазии и Осетии из-за тяжелых природных и климатических условий и маленьких окладов. Кроме того, содержание священников оставляло желать лучшего. Вот что по этому поводу с иронией говорил позднее, в бытность свою епископом, преосвященный Иосиф: «содержание священников (400 р.), конечно, довольно велико, чтобы не умереть с голоду, но далеко недостаточно для того, чтобы жить прилично. В осетинских аулах собственно нет нищих, кроме причетников, состоящих на службе Обществу»⁵.

¹ Отчет Общества... за 1896 год. Тифлис. 1899. С. 108.

² Отчет Общества... за 1893 год. Тифлис. 1895. С. 167-169.

³ Отчет Общества... за 1896 год. Тифлис. 1899. С. 108.

⁴ А.И. Платонов. Указ. соч. С. 114.

⁵ Владикавказские Епархиальные Ведомости. 1 октября 1902 г., № 19. С. 364-365.

С определенной долей уверенности можно предполагать, что успехи в миссионерской деятельности могли быть и более значительными, если бы не крайне тяжелое положение, в котором находилось местное духовенство. Нездоровый климат, скудное жалование, неимение многими из них почти никакого помещения, высокая смертность среди священнослужителей и их семей – все это сказывалось на результатах деятельности служителей церкви¹. Так, в своих документах Общество констатировало, что жалование, выплачиваемое священнослужителям, составляло от 100 до 300 рублей в год, и только некоторые благочинные получали по 450 рублей, причетники в большинстве своем получали от 30 до 50 рублей, и только некоторые по 100 рублей в год. Миссионеры, в основном назначаемые из причетников Грузинского экзархата, не получали достойного образования, «но доброю жизнью и усердием к службе заслуживших внимание духовного начальства». Как показал многолетний опыт, эти лица, «при всем добром желании и даже при знании туземных языков, не имея научного образования и опытности в деле проповедования слова Божья, не могли оказать желаемых успехов. С другой стороны, по скудности содержания, едва достаточного на самые необходимые нужды, они находились в полной зависимости от горцев, и, следовательно, в униженном состоянии. Обстоятельство это также не могло не препятствовать развитию в горах христианства, так как горцы соразмеряют свое уважение с материальным благосостоянием каждого»².

С проблемой укомплектования сталкивалась и абхазская миссия ОВПХК, которой не хватало достаточно образованных проповедников. Образовательный уровень многих миссионеров был невысок. Абхазское духовенство состояло в основном из священнослужителей, получивших домашнее образование, за исключением трёх приходских священников: Окумского, Драндского и Очамчирского, у которых было семинарское образование. Недостаток образования они старались заменить усердием. «Большая часть из них не имеет, сколько-нибудь удобных помещений, обитают в плетёных из прутьев избушках, семьи не выдерживают таких условий, особенно дети»³.

Таким образом, это может свидетельствовать о том, что миссионерская задача Общества так и не была выполнена до конца, чему способствовали как объективные, так и субъективные причины. В первую очередь – слабая материальная база; во-вторых – недостаточное количество образованных священнослужителей из природных абхазов и осетин; в-третьих – ведение проповеди на непонятном для населения Абхазии и Осетии грузинском языке, священники миссионеры не знали ни языка, ни традиций и обычаев народа. Немаловажным являлось и то, что священнослужители, в основном, мегрелы и грузины, заботились в первую очередь не о духовном мире абхазов и осетин, а о том как можно лучше выполнить возложенную на них самодержавием задачу по «освоению» Кавказа.

¹ Отчет Общества... за 1871 год. Тифлис. 1872. С. 26-27.

² О действиях высочайше учрежденного Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Санкт-Петербург. Типография Императорской Академии Наук. 1862. С. 16-17.

³ Отчет Общества... за 1874 год. Тифлис. 1876. С. 12.

А. Я. Дбар

АБХАЗИЯ НА ПЕРВОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ И КУСТАРНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ВЫСТАВКЕ 1923 г.

Идея Всесоюзной (или всероссийской, как ее называли поначалу) сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки родилась еще в первый год советской власти; 15 декабря 1921 г., т. е. за год до образования СССР, был подписан декрет ВЦИК «О Всероссийской сельскохозяйственной выставке». Почетным председателем выставки был избран ее идейный вдохновитель Владимир Ильич Ленин, но вскоре после выхода в свет декрета, вождя пролетариата разбил паралич и он не имел возможности участвовать в организации мероприятия.

Выставка была открыта в Москве 19 августа¹ 1923 г. Для ее проведения была выбрана огромная территория на берегу Москвы-реки, на месте бывшей городской свалки мусора, где впоследствии был разбит Центральный парк культуры и отдыха имени Горького. Построено было 225 выставочных павильонов.

Это была первая масштабная выставка такого рода, проведенная в СССР; являлась, можно сказать, прообразом Выставки достижений народного хозяйства (первоначальное название – Всесоюзная сельскохозяйственная выставка), открытой в 1939 г. уже в другом районе Москвы.

На открытии выставки присутствовали многие советские государственные деятели; с торжественной речью выступил член Политбюро РКП(б) и председатель Высшего совета народного хозяйства СССР А. И. Рыков. Организатором и директором выставки был назначен А. Г. Брагин², главным архитектором и руководителем Главного Выставочного комитета – А. В. Щусев³. Проходила выставка в течение двух месяцев, закрылась 21 октября, после чего ее павильоны были постепенно снесены.

Главной целью выставки была демонстрация первых итогов восстановления в СССР сельского хозяйства, разрушенного во время Гражданской войны, определение перспектив развития новой сельскохозяйственной техники и т. п. Также выставка стремилась пропагандировать ленинский кооперативный план⁴, укрепить смычку города с деревней, союз рабочего класса с крестьянством, способствовать дальнейшему развитию дружбы народов СССР и т. д.

19 октября выставку, за два дня до ее закрытия, успел посетить В. И. Ленин, в сопровождении супруги Н. К. Крупской и сестры М. И. Ульяновой; они прое-

¹ Изначально открытие выставки планировалось на 15 августа, но дату перенесли из-за непогоды.

² Абрам Григорьевич Брагин (1893–1938) – публицист и общественный деятель.

³ Алексей Викторович Щусев (1873–1949) – русский и советский архитектор.

⁴ Статья В. И. Ленина «О кооперации», излагавшая план переустройства сельского хозяйства на социалистических началах, была впервые опубликована 26 и 27 мая 1923 г. в газете «Правда».

хали на автомобиле по всей территории выставки. Это был последний приезд в Москву тяжелобольного Ленина, проживавшего в подмосковных Горках¹.

Всего же выставку посетили более полутора миллионов человек.

Свои павильоны на выставке имели многие предприятия и учреждения СССР, целый ряд иностранных организаций, а также советские республики, включая автономные. Так, кавказский раздел выставки был составлен из экспозиций, которые представили Карачаево-Черкесская автономная область, Адыгейская автономная область, Чеченская автономная область, ССР Дагестан, ССР Армения (павильон № 36), ССР Азербайджан (павильон № 37), ССР Грузия (павильон № 38) и ССР Абхазия (павильон № 76). ССР Абхазия, несмотря на не так давно подписанные «договорные отношения» с ССР Грузией, была представлена как самостоятельная республика.

Еще до открытия выставки, газета «Голос трудовой Абхазии» сообщала, что «Согласно предложению Выставкома, ученым садоводом А. Ф. Коржинек² разработаны для Всероссийской сельско-хозяйственной выставки в Москве интересные данные о культивируемых в Абхазии плодах и овощах, предназначенных для вывоза, как в РСФСР, так и за границу... Разработанные А. Ф. Коржинек данные о промышленном плодоводстве и огородничестве Абхазии иллюстрированы рядом таблиц, наглядным изображением плодов и овощей. Помимо этого ко времени открытия и в период действия Всероссийской сельско-хозяйств. выставки из Сухума будут постепенно отправляться в Москву абхазские плоды и овощи в натуре»³.

И в самом деле, через месяц с лишним газета «Правда» подтвердила, что пять вагонов абхазских экспонатов были привезены в Москву в конце июля, а «прибывшая партия экспонатов относится к отделу садоводства и огородничества»⁴.

В дни проведения мероприятия в Москве был выпущен довольно объемистый каталог выставки⁵. В нем сообщалось, что «выставка для Абхазии, кроме показательного значения, имеет большой промысловый интерес, так как материалы ее лесного хозяйства могут заменить таковые, получаемые из Америки, Алжира, Франции и др. заграничных стран»⁶.

На этой теме «импортзамещения», если говорить современным языком, заострил свое внимание и посетивший выставку Л. Сосновский⁷; в газете

¹ См.: Ленин Владимир Ильич: Краткая биография. Изд. второе. М., 1955. С. 295.

² Адольф Францевич Коржинек (1868–1929) – садовник; работал в Сочи и Абхазии. В 1901–1903 гг. – управитель садовод в имении А. В. Усова близ Сухума, в 1904 – в имении Н. В. Игумнова близ Гагры. В 1904–1914 гг. состоял старшим садовником в имениях Н. Н. Сметцкого в Гулрыпше. Сотрудник Сухумской садовой и сельскохозяйственной опытной станции, действительный член Сухумского общества сельского хозяйства. В советское время работал в совхозе «Ильич» (п. Гулрыпш).

³ Абхазское плодоводство и огородничество // Голос трудовой Абхазии. 23 июня 1923. № 141. С. 1.

⁴ Всерос. сель.-хоз. и пром.-куст. выставка. Хроника // «Правда». 31 июля 1923. № 170. С. 3.

⁵ Всесоюзная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка: Общий каталог. Москва: [Главный] В[ыставочный] К[омитет], 1923. 268, III с., 1 л. план.: ил.

⁶ Всесоюзная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка. 1923. С. 159.

⁷ Лев Семенович Сосновский (1886–1937) – политический деятель, член Президиума ВЦИК, журналист, публицист.

«Правда» он поделился своими впечатлениями о ней: «В воскресенье¹ мы² обходили торжественно открытые павильоны Грузии, Азербайджана, Армении и Абхазии. Много там было ново и неожиданно. Но вот маленький и яркий пример.

Крошечная Абхазия – размером не более среднего российского уезда – имеет до 200 пород леса, и каждая из этих пород представляет собой громадную ценность. Дерево самшит. Идеальное по твердости и прочности дерево. Равное ему трудно отыскать. Абхазцы выставили изделия из самшита. В том числе челнок для ткацкого механического станка. И тут оказалось, что мы преспокойно ввозим челноки из-за границы, тогда как абхазцы могут не только полностью обеспечить самшитовыми челноками нашу текстильную промышленность, но еще и вывезти за границу порядочно челноков. Абхазцы любезно, но не без тонкого ехидства преподнесли лично тов. Красину на память один челнок. На память, чтобы не забыл пересмотреть вопрос о ввозе к нам челноков. Тов. Красин обещал немедленно заняться этим вопросом, как равно и другими “челноками”, на каждом шагу попадающимися на выставке.

В том же абхазском павильоне мы видели образцы пород дерева, годных на постройку самолетов. Имеется и готовый достаточно сухой материал. Между тем, мы читали и слышали несколько месяцев назад жалобы хотя бы завода «Дукс»³ на отсутствие годного лесного материала. Шел разговор о выписке из Франции подходящего леса.

Или особый вид колючих ворсовальных шишек – нечто похожее на терновник, – употребляющихся на суконных фабриках для ворсовки сукна. Из-за этих шишек тоже разговоров много было: где их взять. А в Абхазии шишки эти можно при желании получить в нужном количестве.

Еще одна «Америка». В Абхазии, оказывается, растет пробковое дерево и может быть разведено в должных размерах. Между тем, пробковая кора во все времена ввозилась извне – из Алжира (что означает – из Франции⁴) и т. п.

Далее нас поразили каучуковым деревом, начинающим водиться в Абхазии.

Все это говорит о благодатном климате в почвах Абхазии. Достаточно взглянуть на особую диаграмму: цветочный календарь Абхазии. В календаре изображено, в каком месяце и что именно цветет. Оказывается, в Абхазии постоянно что-нибудь да цветет. Даже в декабре и январе, когда у нас цветут только узоры на замороженных окнах, в Абхазии что-нибудь расцветает ярким цветом. И вот такую жемчужину мало кто знает. Мало кто знает, где находится Абхазия, кто в ней живет, чем занимается и каково место Абхазии в общем великом Союзе Советских Республик. Благодаря выставке, мы «нашли» не только челнок из самшита, но и самую Абхазию. Да и не только Абхазию»⁵.

¹ 9 сентября были открыты павильоны ССР Абхазия и других закавказских республик.

² Л. Сосновский посетил выставку вместе с Георгием Васильевичем Чичериным (1872–1936), наркомом иностранных дел СССР, и Леонидом Борисовичем Красиным (1870–1926), народным комиссаром внешней торговли СССР.

³ «Дукс» – самолетостроительный завод в Москве, основанный в 1893 г.

⁴ Алжир стал колонией Франции в 1848 г.; независимость его была провозглашена в 1962 г.

⁵ Сосновский Я. На выставке // Правда. 12 сентября 1923. № 205. С. 1.

Судя по сохранившимся изображениям, которые являются ныне важным визуальным свидетельством участия республики во всесоюзном смотре, павильон Абхазии представлял собой весьма эффектное строение, с застекленным фасадом, что являло собой тип оранжереи (или два соединенных помещения). На «абхазской» площадке были и другие строения, в частности, была возведена бамбуковая беседка, демонстрировавшая строительные возможности этого древесного материала в условиях жаркого климата. На верхней площадке, над абхазским павильоном, была расположена абхазская усадьба, состоящая из пацхи, кукурузника и буйволятника внутри пацхи; одним словом, был воспроизведен очаг и обстановка абхазского сельского двора. Вокруг же павильона, находившегося в огороженном пространстве, были посажены акклиматизированные в Абхазии растения в количестве более 500 экземпляров; они должны были дать представление об экзотической флоре республики. В самом павильоне представлены были экспонаты по лесному делу, табаководству, дельфиньему промыслу, кустарной промышленности, опытному и кооперативному делу. Сухумская химическая фабрика и центральная химическая лаборатория Сухумской садовой и сельскохозяйственной опытной станции представили образцы различных галеновых препаратов и эфирных масел. Выставлены были также печатные труды станции. Музей Абхазского Научного Общества продемонстрировал фотографии и изделия, освещающие природу и жизнь Абхазии. «Особенное внимание, – сообщается в заключение в каталоге, – в павильоне заслуживают экспонаты лесного отдела, собранные Н. С. Заклинским¹, календарь смены растительных сообществ в течение круглого года, белый уголь и образцы табаков Абхазии»².

В. П. Пачулиа в одной из своих работ писал, что «газета «Голос трудовой Абхазии» поместила статью Е. А. Эшба «Письма с выставки»³, в которой он рассказывал читателям об абхазских экскурсантах, впервые побывавших в Москве»⁴.

Некоторые колоритные подробности о работе абхазского павильона и участии в ней Е. А. Эшба сообщает в своих воспоминаниях Евгения Рафальская⁵; приводим отрывок из них:

«В том году (1923 – А. Д.) впервые была расчищена свалка на берегу Москвы реки и на том месте была открыта сельскохозяйственная выставка. Здесь были представлены все республики. Каждая показывала в своем павильоне, что она производит, какими природными ресурсами она богата. Был на выставке и абхазский павильон. Он выходил на один из прудов Нескучного сада. В нем демонстрировали табак, изделия из самшита и бамбука, заготовки из цитрусовых, в частности давно теперь забытое варенье из лимонов, орехи, фрукты – вот в основном все, чем тогда могла похвалиться Абхазия.

¹ Николай Сергеевич Заклинский (1881–1938) – лесовод.

² Первая Всесоюзная: К 100-летию Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 года. М.: КП ВДНХ, 2023. С. 160.

³ К сожалению, В. П. Пачулиа не указал, в каком номере «Голоса трудовой Абхазии» была опубликована статья Е. Эшба, которая нам пока недоступна.

⁴ В. П. Пачулиа. Абхазия – край туризма. Сухуми. 1975. С. 13.

⁵ Евгения Борисовна Рафальская (девичья фамилия – Захарова; 1897–1988) – поэтесса, мемуаристка.

Надо сказать, что в Москву я ехала с поездом, в котором отправлялась на эту выставку очередная группа абхазцев. В большинстве это были жители самых далеких и глухих горных селений. За пределами родных гор все было им новым и чужим. Они никогда не видели железной дороги и автомобилей. В поезде их возмущало, что разносят чай, которого они не пили, им не хватало мамалыги и вина. В столице они были растеряны и испуганы движением и суетой.

В Москве тогда учился один из организаторов Советской власти в Абхазии – Ефрем Эшба. Он всячески опекал своих земляков, старался показать им, что возможно. В частности закупил билеты на всю группу в Большой театр на «Бахчисарайский фонтан»¹. Его очень интересовала реакция его подопечных на представление. Я тоже была в театре и сидела рядом с Эшбой. В антрактах он переговаривался с земляками, а потом с юмором рассказывал, что они шокированы слишком легким нарядом балерин и поэтому спектакль им не нравится. А сам Эшба сказал: «не правда ли, эти балерины похожи на пушкинские стихи – такие же легкие и изящные!».

Местом встреч Сухумской колонии был абхазский павильон на выставке. Директором павильона был мой хороший приятель Николай Сергеевич Заклинский и я себя там чувствовала как дома. Сюда я и пришла, удрученная приемом, какой мне оказали в МГУ (приемная комиссия вуза не допустила Рафальскую до вступительных экзаменов из-за ее «непролетарского» внешнего вида – А. Д.). Мой рассказ слышал и Нарком просвещения Абхазии Чанба. Он, знавший мою семью, моего отца², как участника революции 1905 г., возмутился: «Какое безобразие! Завтра я сам пойду с вами в приемную комиссию!».

На следующий день мы вступили в здание на Моховой: впереди Чанба в щегольской черкеске и я, сзади два его телохранителя в черных черкесках с красными башлыками, картинно приколотыми к плечам, в сапогах-чулках. При виде этого живописного зрелища приемная комиссия растерялась и мне сказали: “Ну, хорошо, приходите держать экзамены!”³.

Участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1923 г. получило в Абхазии большой общественный резонанс. Руководство республики придавало важное значение этой акции, поэтому подготовка к организации абхазского сегмента выставки отличалась тщательностью и продуманностью. Очевидно, что было принято решение представить Абхазию на всесоюзной арене не столько курортным регионом, сколько зоной потенциальных хозяйственных возможностей и перспектив, имеющих общегосударственное значение. Не исключено, что советские власти Абхазии рассчитывали, что, заинтересовав соответствующие управления и ведомства, смогут обеспечить финансовые инвестиции в развитие народного хозяйства республики, обеспечив приори-

¹ Возможно, мемуаристку подвела память. Хореографическая поэма «Бахчисарайский фонтан» была сочинена композитором Б. Асафьевым в 1934 г.; в Большом театре балет впервые поставлен в 1936 г. (См.: Балет: Энциклопедия. М., 1981. С. 60). В 1923 г. в Большом театре ставились следующие балетные спектакли: «Баядерка», «Грот Венеры», «Испанское капричио», «Шехерезада». (См.: Балет: Энциклопедия. М., 1981. С. 86).

² Борис Николаевич Захаров (1876–1938) – известный сухумский юрист.

³ Рафальская Е. Б. Из окна вагона: Воспоминания / Сост. С. З. Лакоба. Сухум, 2021. С. 125–127.

тет жизненно важного для местного населения сельского производства над промышленным развитием региона.

Не меньшее значение имел и политический аспект участия Абхазии в выставке. Представленная на ней отдельным павильоном, она репрезентировала свой самостоятельный статус в рамках недавно образованного Союза ССР. В то же время Абхазия представляла себя как важное звено в хозяйственной системе советской страны, одновременно являя яркое свидетельство исторического успеха проводимой большевиками политики национально-государственного переустройства среди народов бывшей Российской империи.

Павильон Абхазии

Рис. 1. Павильон Абхазии // Первая Всесоюзная: К 100-летию Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 года. М.: КП ВДНХ, 2023. С. 26

Бамбуковая беседка Абхазии

Рис. 2. Бамбуковая беседка Абхазии // Первая Всесоюзная: К 100-летию Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 года. М.: КП ВДНХ, 2023. С. 26

Рис. 3. Всесоюзная с.-х и кустарно-промышленная выставка в Москве. Павильон Абхазии // [Открытка.] Издание Главного выставочного комитета. [М., 1923]

А.С. Габелая

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ССР АБХАЗИЯ В ТРУДАХ АКАДЕМИКА А.Э. КУПРАВА

Одним из интересных периодов как в истории СССР, так и в истории Абхазии являются 20-е годы XX века. Это был период, когда политическая элита советского государства во главе с В. И. Лениным вынуждена была перейти от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике, что означало фактическое возвращение к рыночным отношениям.

Что касается Абхазии, то ее «нэповский» период, как можно было бы ожидать, несомненно должен был вызвать заслуженное внимание исследователей. Однако в силу как объективных причин, когда остро ощущается нехватка специалистов во всех областях (и в том числе специалистов по 20-м годам), так и субъективных, когда мы видим наличие определенного «снобизма» со стороны историков по отношению к истории советского периода, этот интересный, во многом драматический период истории Абхазии выпадает из поля зрения современных историков-абхазоведов.

В нашей историографии немало работ, которые освещают страницы советского периода в истории Абхазии. Это вопросы политического, социально-экономического и культурного развития Советской Абхазии. Однако анализу состояния социально-экономического развития Абхазии в первые годы Советской власти посвящены в основном труды известного абхазского советолога – академика А.Э. Куправа,¹ а также других специалистов по советскому периоду: А.А. Абшилава,² Л.М. Прицкер³ и др.

Работы вышеназванных исследователей, в особенности академика А.Э. Куправа, сохраняют важное значение для современных советологов, ибо в последние годы, к сожалению, почти нет исследований по экономической и культурной жизни Советской Абхазии. Нужно отметить, что эти работы являются продуктом своего времени, соответственно, они не могли избежать идеологической направленности. Однако в силу того, что в них содержится богатый архивный материал, они являются ценными источниками для изучения социально-экономического развития Абхазии в 20-е годы XX в., и, несомненно, вызывают интерес со стороны современных исследователей-советологов.

Вопросы социально-экономического развития первых лет Советской власти — это магистральная проблема всех фундаментальных исследований

¹ А.Э. Куправа. Крестьянство Абхазии в годы восстановительного периода 1921-1924 гг. Сухуми. 1959; его же Промышленность и транспорт Абхазии в первые годы Советской власти. Сухуми. 1968; и др.

² А.А. Абшилава. История промышленности Абхазской АССР (1921-1941 гг.). Тб., 1969.

³ Л.М. Прицкер. История освоения Ткварчельского каменноугольного месторождения (1881-1935 гг.). Сухуми. 1966.

А.Э. Куправа. Среди них следует выделить монографию – «Крестьянство Абхазии в годы восстановительного периода (1921-1925 гг.)»¹.

Этот труд – первое монографическое исследование в абхазской историографии, посвященное одному из важнейших вопросов истории Абхазии советского периода. В ней автором рассматриваются основные мероприятия, проведенные в абхазской деревне в первые годы Советской власти. Все без исключения поднятые вопросы изучены автором на основании документального материала. Важность и значение этой монографии трудно переоценить, особенно в связи с тем, что многие архивные материалы, которые были использованы в работе, сгорели во время Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 гг. Высоко отозвался о монографии академик В. Данилов в книге «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС»².

Экономическое возрождение Советской Абхазии А.Э. Куправа связывает с началом новой экономической политики. По его мнению, именно осуществленные мероприятия в рамках НЭПа сыграли важную роль в улучшении экономического положения Абхазии в первые годы Советской власти³.

Каждая научная публикация А.Э. Куправа вызывала большой научный интерес, о чем свидетельствуют многочисленные отзывы ученых историков. В рецензии на его монографию «История Кооперации Абхазской АССР: 1921-1929» проф. В. Дмитренко пишет: «Работа А. Куправа – многоплановая, свидетельствующая о стремлении автора решить ряд сложных актуальных проблем истории кооперативного строительства... Автор кропотливо изучил материалы как центральных государственных и партийных архивов, так и важнейших местных архивов»⁴.

Полнота документальных материалов, использованных в работе, дающая возможность читателю проследить развитие кооперативной политики в Абхазии, ее результаты на протяжении более чем десятилетнего периода – одно из бесспорных достоинств работы.

Работа А.Э. Куправа представляется особенно ценной, ибо в ней впервые в монографическом плане исследуются проблемы становления и развития новой экономической политики во всем многообразии в одном из своеобразных национальных районов.

Автор специально обращает внимание на многообразный процесс внедрения сельскохозяйственной кооперации в крестьянское производство. «А.Э. Куправа вносит новый вклад в разработку этого вопроса в советской историографии», – пишет крупный теоретик и исследователь истории кооперативного движения в СССР проф. В. Селунская в 1970 г. о докторской диссертации А. Куправа, в основу которой легла данная монография⁵.

¹ А.Э. Куправа. Крестьянство Абхазии в годы восстановительного периода (1921-1925 гг.). Сухуми. 1959.

² В.Л. Бигуаа, А.Н. Габелия. Арвелод Эрастович Куправа: Жизнь, посвященная историческому абхазоведению: Библиография трудов. Сухум. 2000. С. 5.

³ А.Э. Куправа. Труды. Том I. Сухум. 2013. С. 45.

⁴ Арвелод Эрастович Куправа. К 90-летию со дня рождения. Сухум. 2014. С.6.

⁵ Там же. С. 6–7.

Следующая монография А.Э. Куправа «Абхазская деревня по пути социализма. Канун коллективизации. 1926-1929 гг.» (Тбилиси, 1977)¹ – является также важным исследованием по экономической жизни Абхазии конца 20-х годов XX века. Монография, прежде всего, интересна тем, что в ней автор исследует первичные формы кооперирования крестьянских хозяйств, а также описывает процесс возникновения зачатков социалистических форм сельскохозяйственного производства. В этой работе впервые была предпринята попытка освещения социально-экономической истории деревни ССР Абхазии – так сам А.Э. Куправа отзывался о своей работе².

В ней содержится большое количество архивного материала. Очень важным является то, что в работе автором впервые дается аналитическая оценка по проведенным первым мероприятиям Советской власти на территории Абхазии; приводится большое количество таблиц, которые показывают в цифрах экономические и социальные изменения, происходившие в интересующий нас период; подробно описывается процесс кредитования крестьянских хозяйств. Последнее, по мнению А.Э. Куправа, сыграло положительную роль, а именно: «Кредитование ускорило восстановление и расширение обрабатываемой табачной площади, рост числа крестьянских хозяйств... Кредит явился также средством стимулирования производства новых технических и субтропических культур»³.

Исследуя социально-экономическое развитие ССР Абхазии, А.Э. Куправа отдельно изучил состояние промышленности республики в работе «Промышленность и транспорт Абхазии в первые годы Советской власти»⁴. В первой ее части А.Э. Куправа дает характеристику состояния промышленности Абхазии до революции. Вот что пишет академик по этому поводу: «Промышленность Абхазии до революции была представлена мелкими полукустарными и кустарными предприятиями. К моменту установления Советской власти они были разрушены или бездействовали вообще...»⁵. Далее А.Э. Куправа рассматривает развитие промышленности после установления Советской власти, а именно в первые годы ССР Абхазии. Положительные сдвиги по улучшению состояния и дальнейшего развития промышленности ССР Абхазии А.Э. Куправа связывает с принятием Ревкомом Абхазии декрета о национализации промышленности (в марте 1921 г.)⁶.

Для того чтобы выяснить исходные позиции развития промышленности Абхазии в первые годы Советской власти, важно обратить внимание на работы абхазских историков, которых можно отнести к советской школе исторической науки Абхазии⁷.

¹ А.Э. Куправа. Абхазская деревня по пути социализма. Канун коллективизации. 1926-1929 гг. Тбилиси, 1977.

² А.Э. Куправа. Труды. Том II. Сухум. 2014. С. 7.

³ Там же. С. 235.

⁴ А.Э. Куправа. Промышленность и транспорт Абхазии в первые годы Советской власти. Сухум. 1968.

⁵ А.Э. Куправа. Труды. Том I. Сухум. 2013. С. 237.

⁶ Там же. С. 240.

⁷ А.А. Абшилава. Промышленность Абхазской АССР в восстановительный период (1921-1925 гг.), «Труды Абхазского института». Вып. XXXIII-XXXIV. Сухуми. 1963; Б.Ш. Ашуба. Вопросы экономики консервной промышленности Абхазской АССР. Сухуми. 1966.

Вопросы развития промышленности Абхазии в 20-е годы XX столетия рассмотрены и в некоторых общих работах по истории Советской Абхазии¹.

В абхазской историографии Советского периода развитие промышленности связывают с победой социалистической системы и ленинской национальной политики Коммунистической партии. На мой взгляд, это – чрезмерная актуализация роли Коммунистической партии, ибо в случае с Абхазией помимо политики партии и победы социалистической системы, нужно учитывать наличие сырьевой базы для развития промышленности – в Абхазии всегда было и есть достаточное количество природных ресурсов. Другое дело – как их использовать для развития промышленности.

Отдельные вопросы развития промышленности в Абхазии в первые годы Советской власти рассматриваются в работах грузинских историков Ю.М. Качаравы², М.В. Натмеладзе и Н.И. Стуруа,³ а также отдельные вопросы промышленного развития Абхазии в 20-е годы XX в. рассмотрены в обобщающих работах грузинских историков⁴. Но авторы работ касаются вопросов промышленности Абхазии в первые годы Советской власти лишь вскользь и описывают их только в контексте истории Советской Грузии. Они в основном писали, что в экономике Грузии видное место занимает промышленность Абхазской АССР.

Тем временем, на мой взгляд, целенаправленно включать экономику ССР Абхазии в экономическое развитие Грузии неверно. Такая позиция грузинской историографии имела идеологическую направленность и цель максимально игнорировать статус ССР Абхазии, что проявлялось в чрезмерной актуализации грузинского фактора в истории Абхазии. Считаю, что историю ССР Абхазии, в том числе достижения в области экономического развития, нужно рассматривать с точки зрения современной абхазской историографии. Целенаправленное искажение грузинской исторической науки истории Абхазии в XX в. – это грубое нарушение в национальной политике. Грузинская историческая наука, рассматривая историю Абхазии 20-х гг. XX в. исключительно в контексте грузинской истории, создавала условия для инкорпорации Абхазии в Грузию.

Изучая экономическое развитие ССР Абхазии, надо обратить внимание на работы А.Э. Куправа, написанные совместно с другими специалистами по советскому периоду. Например, интерес вызывают: «Расцвет экономики и культуры Абхазии» (2-е дополн. изд.). Сухуми, 1971 (совместно с Б.Е. Сагария на абх. языке),⁵ «Социологическая промышленность Абхазии: 1921-1950 гг.: Сборник документов и материалов (Сухуми, 1981; совместно с А.А. Абшилава

¹ Очерки истории Абхазской АССР. Ч. II. Сухуми. 1964; Ш.Д. Инал-ипа. Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухуми. 1965; А.Э. Куправа, Б.Е. Сагария. Расцвет экономики и культуры Абхазии. Сухуми. 1967 (на абх. языке).

² Ю.М. Качаравы. Советская Грузия в период восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.). Тб., 1958.

³ М.В. Натмеладзе, Н.И. Стуруа. Из истории рабочего класса Грузии (1921-1958 гг.). Тб., 1961; М.В. Натмеладзе. Консолидация рабочего класса Грузии (1921-1925 гг.). Тб., 1965.

⁴ История Грузии. Т. III. Тб., 1968; Очерки истории Коммунистической партии Грузии. Ч. II. Тб., 1963; Народное хозяйство Грузинской ССР (1921-1961 гг.). Тб., 1961.

⁵ Расцвет экономики и культуры Абхазии. (2-е дополн. изд.). Сухуми. 1971. (Совм. с Б.Е. Сагария на абх. языке).

и Б.Б. Берулава)¹, «Абхазская организация Коммунистической партии Грузии в резолюциях и решениях областных партийных конференций и пленумов в 1922-1930 гг.»², «Расцвет экономики и культуры Абхазии»³ и др.

А.Э. Куправа также является автором немалого количества научных статей, в которых освещаются вопросы экономического развития ССР Абхазии: «Сельское хозяйство и социальные изменения в деревне Абхазии к концу восстановительного периода» (Труды Абхазского государственного музея. Вып. 2, Сухуми, 1957),⁴ «Развитие товарооборота в Абхазии в 1921-25 гг.» (Труды Абхазского государственного музея. Вып. 3. Сухуми, 1958),⁵ «О характере производственных отношений в доколхозной советской деревне» (выступление на научной сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР, состоявшейся 18-21 апреля 1961 г. в Москве. – Сб. История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963),⁶ «Осуществление первых аграрных законов Советской власти в Абхазии». – Тезисы докладов на сессии по проблеме – «В.И. Ленин и решение аграрного вопроса в СССР». (Секция 1-я. – Наука, М., 1969),⁷ «Осуществление принципов ленинского декрета о земле в Абхазии (1926-1928 гг.)» – Сборник статей: По Ленинскому пути. (Сухуми, 1970),⁸ «Осуществление первых аграрных законов Советской власти в Абхазии», «О социально-экономической природе кооперации»¹⁰.

В недавнем прошлом благодаря усилиям д.и.н. А.Ф. Авидзба и к.и.н. С.Ш. Салакая вышли труды абхазского советолога А.Э. Куправа, куда вошли монографии по проблемам истории Советской Абхазии¹¹. Безусловно, издание этих трудов для современной абхазской исторической науки имеет важное значение.

¹ Социалистическая промышленность Абхазии: 1921-1950. Сухуми. 1981. (Совм. с А.А. Абшилава и Б.Б. Берулава).

² Абхазская организация Коммунистической партии Грузии в резолюциях и решениях областных партийных конференций и пленумов в 1922-1930 гг. Сухуми. 1971. С. 260. (Совм. с Д.В. Гогохия).

³ Расцвет экономики и культуры Абхазии. (2-е дополн. и перераб. изд.). Сухуми. 1977. 128 с. (Совм. с Б.Е. Сагария, на абх. языке).

⁴ Сельское хозяйство и социальные изменения в деревне Абхазии к концу восстановительного периода // Труды АГМ. Вып. 2. Сухуми. 1957. С. 29-49.

⁵ А.Э. Куправа. Развитие товарооборота в Абхазии в 1921-1925 гг. // Труды АГМ. Вып. 3. Сухуми. 1958. С. 195-223.

⁶ А.Э. Куправа. О характере производственных отношений в доколхозной советской деревне. (Выступление на научной сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР, 18-21 апреля) // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963. С. 142-143.

⁷ А.Э. Куправа. Осуществление первых аграрных законов Советской власти в Абхазии // Тезисы докладов на сессии по проблеме «В.И. Ленин и решение аграрного вопроса в СССР». Секция 1-я. М., 1969. С. 88-92.

⁸ А.Э. Куправа. Осуществление принципов ленинского декрета о земле в Абхазии (1926-1928 гг.) // По Ленинскому пути. Сухуми. 1970. С. 111-162.

⁹ А.Э. Куправа. Осуществление первых аграрных законов Советской власти в Абхазии // Проблемы аграрной истории советского общества /Материалы научной конференции 9-12 июня 1969. М., 1971. С. 54-57.

¹⁰ А.Э. Куправа. «О социально-экономической природе кооперации», – Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной конференции 9-12 июня 1969 г. Наука. М., 1971. С. 194-95.

¹¹ А.Э. Куправа. Труды. Том I. Сухум. 2013; его же. Труды. Том II. Сухум. 2014; его же. Труды. Том III. Сухум. 2015.

При изучении социально-экономической и общественно-политической жизни Абхазии в первое десятилетие советской власти (1921-1931 гг.) значительную ценность представляют «Материалы по истории Абхазии (1921-1931). Деревня. Сельское хозяйство»¹. Этот сборник является ценным историческим источником для исследователя-советолога. В него вошли материалы, которые были выявлены А.Э. Куправа в разных архивохранилищах бывшего Советского Союза, некоторые из которых публикуются впервые. Хронологически они охватывают 1924-1926 гг., территориально - практически все районы Абхазии. По своему содержанию эти материалы многосторонние, дают конкретные сведения по разным сферам экономической, социальной, культурной, общественно-политической жизни абхазской деревни. Их изучение поможет найти ответы на многие вопросы истории Абхазии 1921-1931 гг. В VI разделе сборника приводятся материалы, посвященные Дурипшскому сходу 1931 г. Сам А.Э. Куправа о содержании сборника пишет следующее: «В истории Абхазии первое десятилетие Советской власти – важнейший этап становления новой социалистической формации. В сплошь крестьянской республике неразрывно переплетались уклады быта почти всех предыдущих этапов общественной жизни, протекали ранее невиданные преобразования во всех областях личного и общественного быта людей. Разные слои населения этой самой многонациональной республики Советского Союза неоднозначно воспринимали и по-разному реагировали на все, что происходило. Этот период был уникальным и весьма сложным в жизни абхазского общества»².

Следующая работа А.Э. Куправа «Классовая борьба в абхазской деревне (1921-1929)» является значительным вкладом в изучение истории Абхазии в первые годы Советской власти³. Во введении освещаются методологические аспекты проблемы, дается подробная историография проблемы. В главе «Классовая борьба в деревне в период восстановления народного хозяйства (1921-1926 гг.)» автор отмечает своеобразие начального периода социалистического строительства в Абхазии и указывает на события, которые происходили в абхазской деревне, описывает классовую борьбу. В работе также прослеживается процесс создания и укрепления сельских Советов, рабоче-крестьянской милиции, народного советского суда и других органов власти. Автор также описывает изменения, которые происходили в социальной структуре абхазской деревни. В главе «Борьба с капиталистическими элементами в период подготовки условий для коллективизации (1926-1929 гг.)» автор в основном описывает процесс подготовки условий для перехода абхазской деревни к колхозному строю.

Социальные аспекты 20-х годов XX в. также были рассмотрены А.Э. Куправа и в работе, посвященной истории культурного строительства в Советской Абхазии, рассматриваются основные мероприятия, проводимые в

¹ Материалы по истории Абхазии (1921-1931). Деревня. Сельское хозяйство. Том I. Сухум. 2012.

² Там же. С. 7.

³ А.Э. Куправа. Классовая борьба в абхазской деревне (1921-1929). Сухуми, 1984.

сфере культурного развития ССР Абхазии в период с 1921 по 1925 гг.¹. Другая работа А.Э. Куправа «Культурное строительство в абхазской деревне» также представляет значительный научно-исследовательский интерес². В ней освещаются вопросы развития школьного образования; культурно-просветительская и политико-массовая работа среди крестьянства; деятельность общественных организаций по преодолению массовой неграмотности и малограмотности среди сельского населения³. Главными источниками для названных исследований являются документы и материалы Центрального государственного архива Абхазии (ЦГАА) и Партийного архива Абхазского обкома (ПААО).

Интересны для изучения первых мероприятий Советской власти в Абхазии являются и статьи А.Э. Куправа⁴, в которых обстоятельно исследовал вопросы социально-экономического развития Абхазии в первые годы Советской власти.

Труды А.Э. Куправа, безусловно, – интересны и богаты по содержанию. Однако, следует отметить, что практически во всех работах ученого прослеживается принцип партийности. Общеизвестно, что в то время ученые, в том числе А.Э. Куправа, не могли отклониться от установленных Центром принципов. Ибо в тот период это квалифицировалось как намеренный отход от проводимой партией линии, что могло привести к неприятным, а то и к самым худшим для ученых последствиям.

Именно поэтому современные исследователи должны учитывать то, при каких условиях писали тогда свои труды ученые-советологи – это важный момент для объективной оценки и анализа тех или иных работ по данному периоду.

В предисловии к III тому «Трудов» А.Э. Куправа доктор исторических наук А.Ф. Авидзба пишет: «Нужно отметить, что эти работы являются продуктом своего времени, и они, как и другие подобные издания, не могли избежать идеологической направленности, проявившейся, в частности, в чрезмерной актуализации вопросов классовой борьбы в абхазской деревне, руководящей роли грузинских большевиков и т.д.»⁵.

Вместе с тем рассуждения автора об объектах своего исследования, а также сведения, в том числе и статистические данные, содержащиеся в работах, представляют для историков непреходящую ценность, так как архивный фонд Абхазии, на основе которого созданы труды, как известно, был уничтожен грузинскими оккупантами во время Отечественной войны 2 октября 1992 г.

Отметим, что характерной чертой всех без исключения научных трудов А.Э. Куправа является использование в них богатейшего архивного мате-

¹ А.Э. Куправа. Из истории культурного строительства в Советской Абхазии (1921-1925). Сухуми. 1961.

² А.Э. Куправа. Культурное строительство в абхазской деревне. 1921-1929 годы. Сухуми. 1973.

³ А.Э. Куправа. Труды. Том II. Сухум. 2014. С. 7.

⁴ А.Э. Куправа. Из истории Советского строительства в Абхазии (Период Ревкома) // Труды АБИЯЛИ. XXX. Сухуми. 1957. С. 33-62; его же. Первые мероприятия Советской власти в Абхазии (1921-1922 гг.) // Труды АБИЯЛИ. XXXI. Сухуми. 1960. С. 3-17.

⁵ А. Э. Куправа. Труды. Том III. Сухум. 2015. С. 8.

риала и глубокий научный анализ фактов. А.Э. Куправа, бесспорно, является ведущим абхазским советологом. Он впервые защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации по истории советского периода. И самое главное – А.Э. Куправа признавал, что книги, написанные в советское время, нуждаются в переработке и переосмыслении с точки зрения современной историографии.

При всем этом, книги по истории Абхазии, написанные в советское время и освещающие историю как советского периода, так и ранние этапы нашей отечественной истории, имеют непреходящее значение. Они опираются на письменные источники, архивные материалы и документы, содержат ценные сведения и выводы, позволяют заглянуть на пройденный нашим народом путь¹.

¹ А. Э. Куправа. Труды. Том III. Сухум. 2015. С. 8.

Н. В. Баганш

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ГЕОГРАФИЯ РАССЕЛЕНИЯ АБАЗИН В СССР И НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (1926–2021 ГГ.)

К середине XIX столетия этническая территория абазин охватывала значительное пространство на северных склонах Главного Кавказского хребта – большую часть горной и предгорной зон современной КЧР (за исключением ущелья Кубани) и горную полосу нынешнего Мостовского района Краснодарского края. С юга ареал расселения абазин непосредственно примыкал к Абхазии, от которой отделялся водоразделом Большого Кавказа¹.

На завершающем этапе Кавказской войны и непосредственно после её окончания большинство абазин, в особенности ашхарцев, было депортировано властями Российской империи в Турцию; оставшиеся на Кавказе были переселены в разное время на равнину, образовав ряд укрупнённых аулов преимущественно по берегам Кубани и её левых притоков, а также в верховьях Кумы. Большинство тапантских аулов возникло в равнинно-предгорной полосе, на подконтрольной Российской империи территории, ещё в ходе Кавказской войны, периодически меняя свою локализацию. Некоторое количество абазин-ашхарцев было переселено на запад, где в пределах равнинной полосы современной Адыгеи они были расселены преимущественно вместе с адыгами. Ещё одна часть абазин ранее оказалась в пределах Кабарды, где они впоследствии подверглись ассимиляции со стороны адыгов и в материалах российских и советских переписей населения их потомки фигурировали уже как кабардинцы.

В итогах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. не имеется сведений об этнической принадлежности населения, однако представлено распределение жителей по родному языку. Всё абазинское население, проживавшее тогда в пределах Кубанской области, было учтено как абхазоязычное. Численность жителей Кубанской области, указавших абхазский в качестве родного языка, составляла 12481 человек, из которых 99,5% проживало в сельской местности. Из общей численности абхазоязычного населения Кубанской области 10370 (83,1%) человек проживало в Баталпашинском округе (в пределах нынешней КЧР), 2101 (16,8%) человек – в Майкопском округе (в пределах современной Адыгеи) и 10 (0,1%) человек – на остальной территории Кубанской области².

На момент проведения Первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. абазинское население концентрировалось в пределах Черкесского нацио-

¹ А.А. Цуциев. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С. 15.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 65. Кубанская область. СПб., 1905. С. 62,63.

нального округа, Карачаевской АО и Адыгейской АО. Общая численность абазин в СССР составляла 13825 человек, 99,0% из которых проживало в сельской местности. Все советские абазины, по данным этой переписи, проживали в границах РСФСР. В пределах Черкесского национального округа было 10993 абазина, в Карачаевской АО – 2738, на остальной территории РСФСР – 94¹.

Показательно, что абазины Адыгеи, учтённые в первичных материалах переписи 1926 г. отдельно от черкесов, по всей вероятности, были включены в состав последних при публикации окончательных итогов переписи. То же самое произошло со 111 абазинами, зафиксированными в преимущественно адыгском ауле Хумара Карачаевской АО, где они составляли 13,3% населения. Примерная численность абазин в Адыгее в 1926 г. может быть установлена путём суммирования количества абазин, зафиксированных в поселенных итогах переписи в тех аулах, где они проживали компактно.

Табл. 1. Распределение абазин по аулам Адыгеи (1926 г.)².

Название аула	Общая численность населения	Численность абазин	Доля абазин от всего населения
Джамбечий	1428	302	21,1%
Кошехабль	2460	284	11,5%
Джиджихабль	936	160	17,1%
Тауйхабль	291	127	43,6%
Шаханчерихабль	404	121	30,0%

Таким образом, 994 абазина было отмечено в первичных поселенных итогах переписи 1926 г. только в 5 аулах Адыгеи. Помимо этого, порядка 440 абазин, судя по всему, было зафиксировано в Уляпе, поскольку в информации по данному аулу фигурирует только общая численность населения (2606 человек) и численность черкесов (2159 человек)³. С.Н. Джанашия, посетивший Уляп в 1929 г., отмечал, что местные абазины-ашхарцы находились в процессе ассимиляции адыгами, на абхазском языке (апсáшэа, как называли свой язык местные ашхарцы) говорили в основном представители старшего поколения⁴. Активную языковую и этническую ассимиляцию абазин в пределах современной территории Адыгеи на рубеже XIX–XX столетий подтверждает сопоставление данных переписей 1897 и 1926 гг. Если в 1897 г. на данной территории имелось 2101 человек, для которых абхазский язык являлся родным, то поселенные итоги переписи 1926 г. зафиксировали здесь уже менее 1500 абазин, к тому же последние были включены в состав черкесов при публикации окончательных итогов переписи.

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 15. Крымская АССР, Северо-Кавказский край, Дагестанская АССР. М., 1928.

² Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д., 1929. С. 391–401.

³ Там же.

⁴ С.Н. Джанашия. Черкесские дневники. Тб., 2007. С. 73–79.

Два абазинских аула – Кумско-Лоовский (ныне Красный Восток) и Абазинка (ныне Койдан) – в 1926 г. находились в границах Карачаевской АО, остальные десять – в пределах Черкесского национального округа. В следующей таблице представлены демографические данные по каждому из абазинских населённых пунктов современной КЧР, по материалам переписи 1926 г. Аулы представлены в порядке убывания численности абазин.

Табл. 2. Абазинские аулы современной КЧР (1926 г.)¹.

Название аула в 1926 г.	Современное название аула	Общая численность населения	Численность абазин	Доля абазин от всего населения
Кумско-Лоовский	Красный Восток (Гэымлокт)	2580	2351	91,1%
Дударуковский	Псыж (Псыжэ)	2231	2010	90,1%
Лоовско-Кубанский	Кубина (Кэбина)	2009	1963	97,7%
Кувинский	Старо-Кувинск (Хьэыжэ-Ду)	1897	1707	90,0%
Лоовско-Зеленчукский	Инжич-Чукун (Инцьыгь-Чкэын)	1530	1457	95,2%
Бибердовский	Эльбурган (Албыраан)	1382	1268	91,8%
Шахгиреевский	Апсуа (Ацсуа)	1116	1006	90,1%
Клычевский	Псаучье-Дахе (Клычкыт)	1360	644	47,4%
Егибоковский	Абазакт (Абазакт)	604	404	66,9%
Кара-Паго	Кара-Паго (Карапагэа)	316	308	97,5%
Абаза-Хабль	Абаза-Хабль (Абаза-Хабла)	259	249	96,1%
Абазинка	Койдан (Кэайдан)	249	248	99,6%

По итогам Всесоюзной переписи населения 1939 г., численность абазинского населения СССР составляла 15294 человека, из которых 14740 (96,4%) проживало в пределах РСФСР, 199 (1,3%) – в Грузинской ССР, 171 (1,1%) – в Узбекской ССР, 88 (0,6%) – в Украинской ССР, 53 (0,4%) – в Казахской ССР, 29 (0,2%) – в Азербайджанской ССР, 9 – в Белорусской ССР, 4 – в Туркменской ССР, 1 – в Таджикской ССР².

¹ Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д., 1929. С. 421–427.

² Российский Государственный Архив Экономики (далее: РГАЭ). Ф.1562. Оп. 336. Д. 966–1001.

Как видно, в конце 1920-х и в течении 1930-х гг. отмечается миграция абазин за пределы основного ареала расселения, сопровождаемая началом урбанизации этноса: в сельской местности теперь проживает 94,4% абазин, тогда как в городских населённых пунктах – 5,6%¹.

Из 199 абазин, зафиксированных переписью 1939 г. в Грузинской ССР, 183 человека было отмечено в Абхазии. Большинство этих абазин (152 человека) проживало в Сухумском районе², преимущественно в горном селе Псху, где они поселились в 1929–1930 гг. при личном содействии Н.А. Лакоба, спасаясь от антикулацких репрессий в Черкесской АО³.

Из 14740 абазин, проживавших в 1939 г. в РСФСР, 10245 человек было зафиксировано в пределах Черкесской АО, 3893 человека – в Карачаевской АО и 602 человека – на остальной территории России. Примечательно, что в Адыгейской АО был отмечен только 1 абазин, что говорит о полном административном включении местного абазинского населения в состав адыгейцев⁴.

Как видно, абазинское население Карачаевской АО (жители аулов Красный Восток и Койдан) в межпереписной период 1926–1939 гг. увеличилось преимущественно путём естественного прироста на 1155 человек или на 42,2%, в то время как численность абазин в пределах Черкесской АО, наоборот, сократилась на 748 человек. Данный факт может объясняться, во-первых, ассимиляцией части абазин в адыгской этнической среде (особенно в аулах Абазакт и Псаучье-Дахе); во-вторых, более активными репрессиями в Черкесской АО на рубеже 1920–1930-х гг., сопровождавшимися депортацией абазин в восточные регионы СССР и переселением некоторой их части в Абхазию, о чём было сказано выше.

Так, в период с 1933 по 1950 гг. в пределах нынешнего Тарского района Омской области существовало 2 абазино-адыгских села: Средний Имшегал и Лаховское. Сёла были образованы репрессированными жителями Черкесской АО, выходцами из абазинских и адыгских аулов. В 1933 г. около 800 «кулаков», представителей духовенства и прочих «антисоветских элементов» было выселено из Черкесской АО в Сибирь. До места поселения добралось только 300 человек, остальные погибли в пути. Средний Имшегал получил название от соседнего старожильского коми-зырянского села Имшегал, а Лаховское было названо по фамилии одного из основателей села, абазина из аула Апсуа А. Лахова. В Среднем Имшегале был организован колхоз «Красный Черкес», который объединял оба села, расположенные в 6 км друг от друга. Абазины и адыги получили возможность вернуться на Кавказ в 1947 г., однако последние из них оставались в Сибири вплоть до 1950 г.⁵

По данным переписи 1939 г., в Знаменском районе Омской области, куда в то время входили Средний Имшегал и Лаховское, проживало 219 предпо-

¹ Российский Государственный Архив Экономики (далее: РГАЭ). Ф.1562. Оп. 336. Д. 966–1001.

² Там же.

³ Большой террор в Абхазии (Абхазская АССР): 1937–1938 гг. Том II. 2017. С. 137.

⁴ РГАЭ. Ф.1562. Оп. 336. Д. 966–1001.

⁵ С.М. Джамбекова. Урок истории для 11 класса на тему «Забвению не подлежит». URL: <https://www.alllessons.ru/history/urok-istorii-dlya-11-klassa-na-temu-zabveniuyu-ne-podlezhit.html> (дата обращения: 22.10.2023).

ложительных выходцев из Черкесской АО: 116 кабардинцев, 16 адыгейцев, 83 абазина и 4 ногайца¹. Интересно, что большинство адыгов было записано кабардинцами, тогда как на Кавказе адыги Черкесской АО в ходе проведения переписи 1939 г. были переписаны адыгейцами. Графа «черкесы» в итогах той переписи отсутствовала.

К моменту проведения переписи 1939 г. в пределах Черкесской АО появилось 3 новых абазинских аула, возникших путём переселения части жителей старых аулов на новое место. Несмотря на то что в 1926 г. появилось сразу 4 абазинских аула, только один из них – Кара-Паго, основанный выходцами из Кубины, – был зафиксирован в поселенных данных Всесоюзной переписи 1926 г. Кроме того, выходцами из Кувинского был основан аул Ново-Кувинск (Хъэыжэ-Чкэын), а сам Кувинский получил название Старо-Кувинск. Часть жителей Инжич-Чукуна основала аул Мало-Абазинск (Жазма), а выходцы из Эльбургана – аул Тапанта (Тапанта). Ранее, в 1921 г., эльбурганцы также основали аул Абаза-Хабль, а выходцы из Красного Востока – аул Койдан. Таким образом, в период с 1921 по 1926 гг. в пределах современной Карачаево-Черкесии возникло 6 новых абазинских аулов.

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в СССР проживало 19591 абазин, из которых 89,4% были сельскими жителями, а 10,6% – горожанами². Механизм урбанизации абазинского населения, запущенный в раннесоветский период, активизируется в послевоенные десятилетия, нарастая все последующие годы, что, впрочем, было характерно для большинства народов СССР.

Абазинское население СССР в 1959 г. распределялось по союзным республикам следующим образом: 19059 (97,3%) человек проживало в пределах РСФСР, 170 (0,9%) – в Грузинской ССР, 113 (0,6%) – в Украинской ССР, 107 (0,6%) – в Узбекской ССР, 56 (0,3%) – в Таджикской ССР, 43 (0,2%) – в Казахской ССР, 27 (0,1%) – в Азербайджанской ССР, 6 – в Туркменской ССР, по 4 – в Белорусской и Эстонской ССР, 2 – в Киргизской ССР³.

Несмотря на то что миграционная подвижность населения СССР в межпереписной период 1939–1959 гг. в целом неуклонно нарастала, доля абазин, проживающих за пределами РСФСР, в это время несколько сократилась, что может являться результатом возвращения, во-первых, репрессированных из мест спецпоселения; во-вторых, осевших в 1929–1930 гг. в селе Псху. Так, из 170 абазин, проживавших в 1959 г. в Грузинской ССР, 144 человека было зафиксировано в Абхазии, из которых 101 человек проживал в сельской местности⁴, тогда как в 1939 г. только в селе Псху проживало около 150 абазин.

Из 19059 абазин, проживавших в 1959 г. в РСФСР, 18159 человек было отмечено в пределах Карачаево-Черкесской АО, 367 – на остальной территории Ставропольского края, 103 – в Кабардино-Балкарской АССР, 430 – в других регионах России⁵.

¹ РГАЭ. Ф.1562. Оп. 336. Д. 966–1001.

² РГАЭ. Ф.1562. Оп. 336. Д. 1565.

³ РГАЭ. Ф.1562. Оп. 336. Д. 1566.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Поселенные итоги переписи 1959 г. позволяют проследить динамику роста численности населения абазинских аулов, однако не предоставляют детальной информации по их этническому составу: в архивном деле указывается лишь общая численность населения и преобладающая национальность в том или ином сельском населённом пункте. В деле также отсутствуют данные по аулам Апсуа, Кара-Паго и Псыж. Под влиянием ассимиляции в адыгской среде из списка этнически абазинских аулов окончательно выбывают Абазакт и Псаучье-Дахе, подавляющее большинство населения которых в 1959 г. уже значится черкесами.

Табл. 3. Абазинские аулы КЧАО (1959 г.)¹.

Район	Сельсовет	Аул	Численность населения
Адыге-Хабльский	Апсуанский	Апсуа	нет данных
	Старо-Кувинский	Абаза-Хабль	546
		Мало-Абазинск	402
		Старо-Кувинск	1363
		Тапанта	481
Эрсаконский	Ново-Кувинск	483	
Малокарачаевский	Красновосточный	Красный Восток	3767
Усть-Джегутинский	Кубинский	Кубина	1978
	Усть-Джегутинский	Койдан	866
Хабезский	Эльбурганский	Инжич-Чукун	1344
		Эльбурган	1256
Черкесский	Псыжский	Псыж	нет данных
		Кара-Паго	нет данных

По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., общая численность абазин в СССР составляла 25448 человек, из которых 82,4% проживало в сельской местности, 17,6% – в городских населённых пунктах. Распределение абазинского населения по союзным республикам было следующим: 24892 (97,8%) человека проживало в РСФСР, 196 (0,8%) – в Украинской ССР, 87 (0,3%) – в Узбекской ССР, 71 (0,3%) – в Грузинской ССР, 60 (0,2%) – в Казахской ССР, 55 (0,2%) – в Таджикской ССР, по 21 (0,1%) – в Молдавской и Туркменской ССР, 20 (0,1%) – в Азербайджанской ССР, 7 – в Белорусской ССР, 5 – в Литовской ССР, по 4 – в Армянской и Киргизской ССР, 3 – в Эстонской ССР, 2 – в Латвийской ССР². Перепись 1970 г. впервые зафиксировала наличие абазин во всех союзных республиках.

По регионам РСФСР абазинское население распределялось так: 22896 человек проживало в Карачаево-Черкесской АО, 966 – на остальной территории Ставропольского края, 275 – в Кабардино-Балкарской АССР, 755 – во всех остальных регионах России³.

¹ РГАЭ. Ф.1562. Оп. 336. Д. 3770.

² РГАЭ. Ф.1562. Оп. 336. Д. 3998–4185.

³ Там же.

Из 71 абазина, отмеченного переписью 1970 г. в Грузинской ССР, 61 проживал в Абхазии. При этом в сельской местности Абхазской АССР числилось лишь 9 абазин¹. Эти данные подтверждают факт полного возвращения на Северный Кавказ абазин, осевших в 1929–1930 гг. в селе Псху.

По итогам переписи населения 1979 г., в СССР проживало 29497 абазин, в т.ч. в сельской местности – 69,9%, в городских населённых пунктах – 30,1%. Распределение абазинского населения по союзным республикам было следующим: 28800 (97,6%) человек отмечено в РСФСР, 159 (0,5%) – в Украинской ССР, 122 (0,4%) – в Грузинской ССР, 119 (0,4%) – в Казахской ССР, 86 (0,3%) – в Узбекской ССР, 70 (0,2%) – в Таджикской ССР, 26 (0,1%) – в Азербайджанской ССР, по 22 (0,1%) – в Латвийской и Туркменской ССР, 20 (0,1%) – в Киргизской ССР, 18 (0,1%) – в Белорусской ССР, 13 – в Эстонской ССР, 12 – в Молдавской ССР, 5 – в Литовской ССР, 3 – в Армянской ССР².

Распределение абазин по регионам РСФСР за 9 лет, прошедших с момента переписи 1970 г., подверглось определённым трансформациям. В 1979 г. 24245 абазин проживало в границах Карачаево-Черкесской АО, 1984 – на остальной территории Ставропольского края, 361 – в Кабардино-Балкарской АССР, 2210 – на остальной территории России. Как видно, доля абазин за пределами Карачаево-Черкесии существенно возросла, что свидетельствует об усилившейся в 1970-х гг. миграционной подвижности этноса. Существенный рост абазинского населения был отмечен как на Ставрополье (вне Карачаево-Черкесской АО), так и в других регионах России.

Абсолютное большинство абазин, отмеченных в 1979 г. в пределах Грузинской ССР, как и прежде, концентрировалось в Абхазии (101 человек из 122). Если в раннесоветскую эпоху абaziны Абхазии были представлены преимущественно семьями, укрывавшимися в Псху от репрессий, то в последние десятилетия советской власти основную часть составляли уже «абхазские невестки» – абазинки, вышедшие замуж за абхазов и, таким образом, переехавшие в Абхазию. Доля женщин среди абазинской общины Абхазии в 1979 г. составляла 62,4%³.

По итогам последней советской переписи населения, проведённой в 1989 г., численность абазин в Советском Союзе составляла 33613 человек, из которых в сельской местности проживало 58,9%, в городских населённых пунктах – 41,1%. По союзным республикам абазинское население распределялось так: 32983 (98,1%) человека было отмечено в пределах РСФСР, 118 (0,4%) – в Грузинской ССР (из них 105 человек в Абхазии), 113 (0,3%) – в Украинской ССР, 99 (0,3%) – в Казахской ССР, 79 (0,2%) – в Узбекской ССР, 78 (0,2%) – в Белорусской ССР, 41 (0,1%) – в Таджикской ССР, 36 (0,1%) – в Азербайджанской ССР, 19 – в Туркменской ССР, 13 – в Латвийской ССР, 11 – в Молдавской ССР, 8 – в Киргизской ССР, по 6 – в Литовской и Эстонской ССР, 3 – в Армянской ССР.

Абазинское население РСФСР в 1989 г. распределялось по регионам следующим образом: 27475 человек проживало в Карачаево-Черкесской АО, 2905

¹ РГАЭ. Ф.1562. Оп. 336. Д. 4014–4101.

² РГАЭ. Ф.1562. Оп. 336. Д. 6174–6238.

³ Там же.

– на остальной территории Ставропольского края, 468 – в Кабардино-Балкарской АССР, 2135 – в остальных регионах России¹.

В последние советские десятилетия существенно трансформировался этнический состав двух сельских населённых пунктов Карачаево-Черкесии, тем самым ещё раз изменив список этнически абазинских аулов. С одной стороны, изначально этнически славянский хутор Грушка Адыге-Хабльского района, с середины 1920-х гг. полностью окружённый тремя абазинскими аулами (Абаза-Хабль, Мало-Абазинск, Тапанта), основанными выходцами из Эльбурган и Инжич-Чукуна, постепенно приобрёл абазинское этническое большинство. С другой стороны, ранее этнически гомогенный абазинский аул Койдан, оказавшись окружённым карачаевским этническим ареалом после возвращения карачаевцев из депортации и расселения их на равнине, со временем потерял абазинскую этническую доминанту.

По итогам первой Всероссийской переписи населения 2002 г., общая численность абазин в РФ составляла 37942 человека, из которых 57,1% проживало в сельской местности, 42,9% – в городских населённых пунктах. Абазинское население распределялось по субъектам РФ следующим образом: 32346 человек проживало в Карачаево-Черкесской Республике, 3300 человек – в Ставропольском крае, 514 – в Кабардино-Балкарской Республике, 1782 – во всех остальных субъектах РФ².

В связи с нарастающей урбанизацией к началу XXI в. в абазинских аулах проявилась активная депопуляция населения, при этом значительная часть абазин переселилась в городские населённые пункты и райцентры КЧР, что существенно изменило ареалы концентрации абазинского населения внутри республики. В следующей таблице представлено распределение абазин по населённым пунктам Карачаево-Черкесии, по итогам переписи 2002 г. Населённые пункты структурированы в порядке убывания в них абсолютной численности абазин. Не указаны населённые пункты, в которых численность абазин незначительна.

Табл. 4. Распределение абазинского населения по населённым пунктам КЧР (2002 г.)³.

Название населённого пункта	Общая численность населения	Численность абазин	Доля абазин от всего населения
г. Черкесск	116244	9473	8,1%
а. Псыж	6810	5392	79,2%
с. Красный Восток	3297	3142	95,3%
г. Усть-Джегута	32903	2256	6,9%
а. Кубина	2405	2068	86,0%
а. Инжич-Чукун	2046	1841	90,0%

¹ Рабочий архив Госкомстата России. Таблица 9с. Распределение населения по национальности и родному языку.

² Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. URL: <http://www.perepis2002.ru> (дата обращения: 22.10.2023).

³ База данных «Этно-языковой состав населённых пунктов России». URL: <http://lingvarium.org/russia/settlem-database.shtml> (дата обращения: 22.10.2023).

а. Эльбурган	1944	1769	91,0%
а. Старо-Кувинск	1137	898	79,0%
а. Апсуа	755	611	81,0%
а. Кара-Паго	547	525	96,0%
а. Абаза-Хабль	402	382	95,0%
а. Мало-Абазинск	388	334	86,0%
а. Ново-Кувинск	585	328	56,0%
а. Адыге-Хабль	3650	327	9,0%
с. Койдан	814	326	40,0%
а. Хабез	5781	238	4,1%
а. Тапанта	286	237	83,0%
пос. Эркин-Шахар	4152	173	4,2%
г. Карачаевск	22113	144	0,7%
с. Учкёкен	15052	137	0,9%
х. Грушка	243	129	53,0%
с. Первомайское	5322	105	2,0%
пгт рджоникидзевский	3232	94	2,9%
а. Бесленей	3175	74	2,3%
а. Али-Бердуковский	5071	72	1,4%

Таким образом, по данным переписи 2002 г., в абазинских аулах проживало 17982 абазина, что составляло только 55,6% от абазинского населения КЧР и 47,4% от всех абазин России. Помимо урбанизации, сокращение доли абазин, проживающих в абазинских аулах, связано с воздействием долговременной практики заключения смешанных абазино-черкесских браков. С одной стороны, это привело к появлению значительной доли абaziнок в соседних адыгских аулах, с другой – в равной степени способствовало понижению уровня этнической гомогенности самих абазинских аулов. Непосредственная географическая близость крупнейшего абазинского аула Псыж к Черкесску серьёзно сказалась на понижении его этнической гомогенности, а близость аула Кубина к городу Усть-Джегуте повлияла на появление в последнем крупнейшей после Черкесска городской абазинской общины Карачаево-Черкесии и России в целом. Динамика абазинского этнического присутствия в республиканской столице будет рассмотрена ниже.

Согласно итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., в пределах РФ проживало 43341 абазин, в т.ч. в сельской местности – 59,5%, в городских населённых пунктах – 40,5%, что демонстрирует некоторую дезурбанизацию этноса относительно данных переписи 2002 г. Распределение абазинского населения по субъектам РФ в 2010 г. было таким: 36919 человек проживало в Карачаево-Черкесии, 3646 человек – в Ставропольском крае, 660 – в Тюменской области, 418 – в Кабардино-Балкарии, 1698 – на остальной территории России¹. Довольно существенное присутствие абазин в Тюменской области объ-

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 22.10.2023).

ясняется тем, что нефтегазоносные районы Западной Сибири с начала XXI в. стали одним из главных центров притяжения внутренних трудовых мигрантов из регионов Северного Кавказа.

По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., общая численность абазин в РФ составила 41793 человека. Таким образом, в межпереписной период 2010–2020 гг. впервые с конца XIX в. была отмечена депопуляция абазинского населения в России. В сельской местности проживало 63,3% абазин, а в городских населённых пунктах – 36,7%. Как и в предыдущий межпереписной период, в 2010–2020 гг. вновь была зафиксирована дезурбанизация абазинского этноса. Впрочем, отмеченные депопуляция и дезурбанизация могут являться следствием некачественного проведения самой переписи в условиях пандемии COVID-19, особенно в городах и за пределами компактного ареала расселения, что подтверждается сокращением доли абазин, проживающих вне Карачаево-Черкесской Республики. По субъектам РФ абазинское население распределялось следующим образом: в Карачаево-Черкесии проживало 37664 человека, в Ставропольском крае – 2470, в Тюменской области – 382, в Кабардино-Балкарии – 297, на остальной территории России – 980 человек¹.

По данным переписи 2020 г., абазины составляют 8,0% от всего населения Карачаево-Черкесии и их доля в населении республики незначительно, но стабильно увеличивается на протяжении последних 80 лет.

Соотношение абазинского населения, проживавшего в пределах Карачаево-Черкесии и на остальной территории России, в течении рассматриваемого в настоящей статье хронологического отрезка не было стабильным. В то время как география расселения абазин внутри Карачаево-Черкесии в течении последнего столетия подверглась довольно существенным трансформациям, на общероссийском уровне абазинский этнос проявлял выраженную миграционную пассивность. Миграция абазин за пределы КЧР достигла максимума в 1970-е годы, стабилизировавшись к концу советской эпохи, а в постсоветское время, как показывают результаты трёх последних российских переписей, наметился реверсивный тренд концентрации абазин в пределах своей республики.

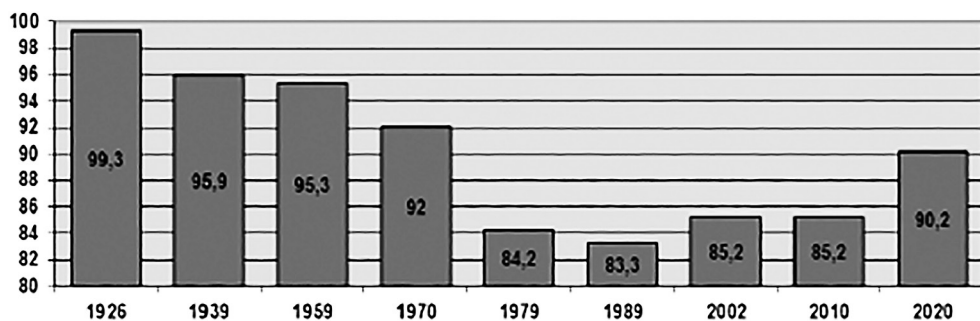

Рис. 1. Процент российских абазин, проживавших в пределах Карачаево-Черкесии (1926–2020 гг.).

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Том 5. Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 22.10.2023).

Как уже отмечалось, уровень урбанизации абазинского населения России нарастал в течение всего советского периода, особенно в послевоенные годы. Главным урбанизационным центром для абазинского народа всегда был Черкесск, в пределах которого в настоящее время концентрируется более четверти всех абазин России. В то же время российская столица никогда не являлась значимым центром миграционного притяжения абазинского населения. В следующей таблице отображена динамика абазинского этнического присутствия в Черкесске и Москве за последнее столетие.

Табл. 5. Численность абазин в Черкесске и Москве (1926–2020 гг.).

	Черкесск		Москва
	численность абазин	доля от всех абазин России	численность абазин
1926 год	нет данных	нет данных	12
1939 год	417	3,0%	10
1959 год	762	4,0%	нет данных
1970 год	2209	8,9%	49
1979 год	4535	15,8%	144
1989 год	7288	22,1%	145
2002 год	9473	25,0%	191
2010 год	10505	24,2%	318
2020 год	10617	25,4%	153

Этническая территория абазин представляет собой цепочку небольших (от одного до шести аулов) анклавов в пределах равнинно-предгорной полосы Карачаево-Черкесии. На протяжении последнего столетия административно-территориальное деление Карачаево-Черкесии подвергалось постоянным трансформациям и разбросанные отдельными анклавами на десятки километров абазинские аулы в разные периоды входили в состав различных районов.

В конце 2005 г. путём выделения абазинских аулов из состава Хабезского, Прикубанского и Усть-Джегутинского районов был образован Абазинский район с центром в Инжич-Чукуне. В состав района из-за дисперсности населения вошли лишь 5 из 13 этнически абазинских населённых пунктов. Но даже при этом Абазинский район состоит из двух территориально не связанных частей – основной территории (Инжич-Чукун, Кара-Паго, Кубина, Эльбурган) и находящегося к северу эксклава Псыж. В состав Абазинского района не вошёл ни один из трёх ашхарских аулов.

Согласно итогам переписи 2020 г., общая численность населения Абазинского района составляла 17515 человек, в т.ч. 15343 (87,6%) абазина, 812 (4,6%) адыгов, 754 (4,3%) русских, 244 (1,4%) карачаевца, 41 (0,2%) ногаец, 37 (0,2%) абхазов, 21 (0,1%) армянин и 263 (1,5%) представителя прочих этносов¹. В пределах Абазинского района проживает 40,7% абазин КЧР и 36,7% абазин РФ.

¹ Всероссийская перепись населения 2020 г. Итоги по Карачаево-Черкесской Республике. URL: <https://26.rosstat.gov.ru/folder/77775> (дата обращения: 22.10.2023).

На следующей картосхеме представлено 6 ареалов компактного расселения абазин в пределах Карачаево-Черкесии, составляющих абазинскую этническую территорию. Цифрами на схеме обозначены следующие ареалы:

1. Абазинский район (основная территория) – тапантские аулы Инжич-Чукун, Кара-Паго, Кубина и Эльбурган.

2. Абазинский район (тапантский аул Псыж).

3. Запад Адыге-Хабльского района – ашхарские аулы Старо-Кувинск и Ново-Кувинск, тапантские аулы Абаза-Хабль, Мало-Абазинск, Тапанта и хутор Грушка.

4. Ашхарский аул Апсуа Адыге-Хабльского района.

5. Тапантский аул Красный Восток Малокарачаевского района.

6. Тапантский аул Койдан Усть-Джегутинского района, в настоящее время имеющий смешанное абазино-карачаевское население.

Рис. 2. Картосхема ареалов абазинской этнической территории в КЧР.

Присутствие абазин на постсоветском пространстве вне России было зафиксировано переписями, проводившимися в новых независимых государствах в течение последних 30 лет.

Крупнейшая за пределами России абазинская община постсоветского пространства имеется в Абхазии, где, согласно данным переписи 2011 г., было зафиксировано 355 абазин¹. Увеличение численности абазинского населения Абхазии в постсоветский период связано в т.ч. с государственной политикой в области репатриации и гражданства, распространяющей на абазин право упрощённого получения абхазского гражданства и натурализации в Абхазии. Несмотря на то что значительное количество этнических абазин получило абхазское гражданство, лишь немногие из них приняли решение переехать в страну на постоянное место жительства.

К сожалению, опубликованные результаты переписей населения в большинстве постсоветских государств предоставляют информацию о численности только более или менее многочисленных этносов, к которым как правило не относятся абaziны. Помимо Абхазии, данные о численности абазин доступны для следующих постсоветских стран: Украина – 128 человек (перепись 2001 г.)², Казахстан – 27 человек (перепись 2009 г.)³, Эстония – 9 человек (перепись 2021 г.)⁴, Таджикистан – 5 человек (перепись 2010 г.)⁵.

¹ Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. Сухум, 2012. С. 86.

² Итоги Всеукраинской переписи населения 2001 г. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua> (дата обращения: 22.10.2023).

³ Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 г. URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2009/general> (дата обращения: 22.10.2023).

⁴ Statistics Estonia. Population by ethnic nationality, sex and place of residence (settlement region), 31 December 2021. URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021_rahvas-tiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emaleel/RL21428/table/tableView-Layout2 (дата обращения: 22.10.2023).

⁵ Перепись населения и жилищного фонда Республики Таджикистан 2010 г. Том III. URL: https://web.archive.org/web/20131014054442/http://www.stat.tj/ru/img/526b8592e834fcaaccec26a22965ea2b_1355501132.pdf (дата обращения: 22.10.2023).

О ЧЕМ МОГУТ ГОВОРИТЬ РУКОПИСИ?

Недавно, продолжая разбирать архив известного археолога, государственного и политического деятеля Юрия Николаевича Воронова, его вдова Светлана Владимировна нашла связанные между собой дружескими и тематическими узлами: письмо от его друга А. Салтыкова, и рукопись под названием «Каменные иконы Вороновской церкви», возможно, пассаж неопубликованной работы Ю. Воронова «Христианские памятники Аписилии» (частями она имеется в архиве ученого).

Меня данная находка тоже очень заинтересовала.

Сашу Салтыкова я через Юру хорошо знаю, как отца Александра, протоиерея церкви Кадаши (в центре Москвы), кандидата искусствоведческих наук (по иконографии) и, конечно, как своего крестного отца.

Его письмо датируется 10 марта 1982 г., а годом раньше он был в Тбилиси участником Всесоюзной археологической конференции, посвященной 100-летию V археологического съезда в Тифлисе (1881 г.), важной вехи в развитии кавказоведения, где выступил с докладом о цебельдинских алтарных рельефах. Юрий Николаевич не был туда приглашен из-за предвзятой нетерпимости к нему его некоторых тбилисских оппонентов, от которых зависело приглашение. Помню, он тогда очень расстроился еще и потому, что такие знаковые люди конца XIX века, как член-корр. Российской академии Д.З. Бакрадзе и графиня П.С. Уварова гостили в его родовом имении «Ясочка», у его прадеда Николая Ильича Воронова, известного кавказоведа, видели там цебельдинскую алтарную преграду и не только первые описали ее, но и даже провели раскопки в так называемой Вороновской церкви.

В письме А. Салтыкова говорится о датировке уникальных алтарных плит, их общекавказской интерпретации (Грузия, Армения) под сирийским влиянием.

Во второй рукописи Юрия Николаевича чувствуется не только присутствие данного письма А. Салтыкова, но и его статьи, изданной в Париже в 1985 г. к столетию этой раритетной находки. Таким образом, статья Юрия Воронова могла быть написана после 1985 г. перед началом войны народа Абхазии 1992-1993 гг. Ю. Воронов принимает датировку А. Салтыкова (втор. пол. VI – перв. пол. VII в.) до начала иконоборчества), подкрепляя ее датировкой строительства раннего яруса VI в., выявленного потом в самой более поздней Вороновской церкви, где плиты и были найдены его предками, а не кем-то другим, как пишут, цебельдинскими (аписилийскими) кувшинами VI-VII веков, изображенными в библейских сюжетах рельефов каменных местных плит, в оформлении которых можно проследить не только общекавказский (в том числе древнеабхазский) колорит («souler locale»), но и закономерное сирийское влияние, ибо местные епископы Лазики, Аписилии и Абасгии рукополагались тогда еще в Антиохии (Сирии), а не как потом в Константинополе (Византии).

P.S. Данные уникальные «каменные иконы», не менее ценная золотая Бедийская напрестольная чаша абхазского царя Баграта III (Баграт II по династии Леонидов), неповторимая Пицундская мозаика несправедливо ныне еще находятся в музее искусства Грузии, а не в Абхазии, где ранее они были найдены.

ПИСЬМО А. А. САЛТЫКОВА Ю. Н. ВОРОНОВУ

Юра, дорогой друг и – извини за стилизацию – любезнейший собрат! От всей души поздравляю Тебя с таким значительным делом, как окончание докторской диссертации и жду события – защиты. Помню, как защищалась кандидатская... И вот Ты уже без пяти минут доктор! Что же, я всегда верил в Твою научную звезду. Ты делаешь большое дело. Надеюсь скоро Тебя увидеть у нас. Вместе с тем, приношу глубокие извинения в том, что в предыдущем письме (надеюсь, оно дошло) ни словом не отозвался по этому славному поводу: писал поспешно, в сомнамбулизме, можно сказать, и это отразилось. Надеюсь, простишь мою оплошность.

Я живу, как всегда, весьма рассеянной жизнью, за многое хватаюсь и всюду отстаю, не успеваю. Но, между тем, понемножку размышляю о цебельдинских плитах. Некоторые соображения позволю Тебе сообщить.

Это именно только соображения, как и в предыдущих письмах, т.к. для систематического изучения никак не могу выбрать времени. Я до сих пор, например, не успел прочитать Айналова и Шмерлинг, что весьма постыдно. И все же решаюсь изложить нижеследующее.

Начинать следует с того, что «иконы с клеймами» – а именно к этому типу принадлежат цебельдинские плиты – такого большого размера для изучаемого времени явление не только чрезвычайно редкое, но м.б. исключительное. Традиция восходит к эллинизму и митраизму, но широкого распространения такие композиции, по-видимому, в изучаемое время еще не имели. Смысл композиций с «клеймами» – триумфальное прославление события. Это говорит о том, что цебельдинские плиты были воздвигнуты в связи с каким-то событием, память о котором нужно было увековечить.

О триумфальном замысле свидетельствуют с несомненностью, и некоторые из выбранных сюжетов, например, два всадника на второй плите, – ну, об этом Х. (Л. Г. Хрушкова. – **О. Б.**) пишет на С. 43.¹ Но само помещение в верхнем ряду двух всадников, – для икон такого типа явление, по-моему, исключительное: обычно в Византии изображались в эту эпоху ангелы, несущие крест, – символ победы. Так что изображение двух всадников является, по-видимому, выражением местных традиций, достаточно в данном случае обособленных от византийского влияния, в грузинском искусстве весьма определенного – для иконографии и иконных типов, по крайней мере.

Для максимально точной локализации памятника необходимо рассмотрение наибольшего числа деталей иконографии и существенных стилистических признаков, последние нужно отделить от второстепенных. Что касается элементов иконографии, хочу отметить такую особенность, как изображение попоны у всадника, причем особенно крупная, свисающая попона (если я правильно называю) изображена у Евстафия, внизу I плиты. Таких попон я в грузинских памятниках пока не видел. Однако очень похожая деталь имеется или имела на одном утраченном армянском памятнике, опублико-

¹ Хрушкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии V-X века. Тб., 1980. С. 43.

ванном Н. Марром вслед за Кестнером (Н. Марр. Описание Дворцовой церкви в Ани, Пг., 1916. С. 13) – это плита над пролетом северной двери, где даны два всадника с такими попонами. Что, по-моему, замечательно, это то, что Марр указывает именно на сходство с цебельдинскими плитами. Вот, что он пишет на с. 12: «Рельеф изображает двух встречных всадников, поражающих пикой один (справа) дракона, другой – неясное по очертаниям существо; их разделяет дерево. Во всадниках М. Броссе признан справа св. Георгия, а слева св. Димитрия, поражающего великана... рисунок Кестнера (шт. руки) не дает точного представления о подробностях...». И на с. 26–28: «В более или менее близких параллелях к нашему рельефу недостатка нет, но исключительный интерес представляет сходство с ним сцены на фризе того иконостаса одной из абхазских церквей, на котором в изображении жертвоприношения Авраама также проявляется сходство со сценой на капители южной абсиды нашей церкви, как мы уже указывали...» (для нас это также очень важно. – А. С.). Марр также указывает: «Рельеф с двумя фигурами на конях занимает место, освященное традицией армянских храмов VII века, но эта традиция в армянских кругах держалась долго...» (с. 26). По мнению Марра, «простотой и ясностью композиции, самостоятельностью каждой фигуры анийский рельеф бесспорно древнее» цебельдинских плит (с. 28). С последним выводом трудно согласиться. От анийского рельефа сохранился только незначительный фрагмент, где виден «круп коня с левой задней ногою и ляжкой правой ноги и верхний конец, пики» (с. 12). Этот фрагмент, также, как рисунок Кестнера не дает достаточных оснований для стилистических аналогий. Рельеф важен как иконографическая параллель армянского происхождения, причем совпадают второстепенные детали, такие, как попона, на что я уже обратил Твое внимание.

Теперь я хочу коснуться некоторых существенных стилистических признаков. Одним из них, я считаю, ту особенность, что в цебельдинских рельефах фигуры изображаются с руками без локтевого сгиба, или почти без такого сгиба. Эта особенность, на мой взгляд, сразу выделяет их из громадной массы примитивной скульптуры и, вместе с тем, указывает на возможность выделения стилей, т.е. вернее – направлений внутри примитива. Я принимаю этот признак, как один из основных, поскольку он выражает совсем иное понимание человека, чем примитив с руками, имеющими хотя и упрощенный, но определенный локтевой сгиб рук. Если судить по этому признаку, отпадают буквально все аналогии, выдвигаемые Хрушковой, т.к. она опирается, по-моему, на черты, которые можно найти в примитиве любой эпохи, т.е. не обязательно специфичные именно для данного памятника. Что же касается предлагаемого признака, его можно выделить в определенных памятниках, например, в Ахтамаре, – конечно, в рафинированном по сравнению с Цебельдой виде. Таковы архангелы Михаил и Гавриил на южном фасаде храма по сторонам Богоматери. У грузин – в Никорцминде, в сцене Вознесения в фигуре Христа (херувимов не принимаю в расчет – в их изображении анатомические особенности значения не имеют).

Т. о. существовало общее кавказское направление в пластике с этой особенностью, но оно зародилось, несомненно, намного раньше X–XI вв. У меня

здесь не хватает армянского материала, на направление, повторяю, общее, а грузинские памятники дают следующее. Это, например, один из рельефов Брдадзари, VI века, который сближается с Цебельдой также и трактовкой – упрощенных, схематизированных, а также тяжеловесностью и нерасчлененностью общих объемов (См. Н. Чубинашвили. Хандиси. Тб., 1972 табл. 37–38). Стела Марвуво, Натлис Мцемели, VI – пер. пол. VII в. также дает всадника – того же Евстафия с упрощенно выпрямленной ручкой (Там же, табл. 63–64). Фигура всадника близка к некоторым фигурам цебельдинских плит, – например, фигурам палачей в сцене распятия Петра. В этой сцене, которую Чубинашвили совершенно правильно, на мой взгляд, помещает рядом с цебельдинскими рельефами, интерес для нас представляют также изображения животных. У коня, как и в цебельдинском образе Евстафия тонкие и довольно короткие ноги, а корпус коня несколько удлинен (его круп), хотя и не так сильно, как в Цебельде; брюхо обозначено прямой линией, угадывающейся и у коня цебельдинского Евстафия. Различие между обоими рельефами состоит в двух основных моментах: большей экспрессии Марвуво и подчеркнутой аристократичности всадников Цебельды. Изображения оленей также различаются экспрессией, но схожи приемами мышления: одинаково понимание строения форм.

Цебельдинский олень имеет, по моему мнению, еще одну аналогию того же времени. Н. Аладашвили (Монументальная скульптура Грузии. М., 1977, табл. на с. 222-223) ставит его рядом с оленями Атени и Мартвили, прием, показывающий сходство с Атени (VII в.).

Приведенные аналогии заставляют склоняться в пользу датировки, предложенной Айналовым. Что касается национально-религиозной принадлежности, это стиль, по-видимому, пока не дает оснований для окончательных выводов – признаки общекавказские. В пользу армяно-сирийского происхождения говорит еще и такая деталь, как точечно-кружковый орнамент, совершенно не типичный для Грузии, но в Ахтамаре используемый для декорирования царских одеяний (царь Гагик, принц Сахак, филистмлянин, очевидно, – поражаемый Самсоном). Вот пока все. Всем приветы. Ждем. Прости плохому писанию – не здоров.

10 марта 1982 г.

Ю.Н. Воронов

КАМЕННЫЕ ИКОНЫ ИЗ ВОРОНОВСКОГО ХРАМА

В Архиве ЛОИА хранится дело, из которого следует, что первооткрывателями этих плит были хозяева усадьбы, а первым исследователем, который их описал, был член-корреспондент Российской академии наук, известный грузинский археолог Д.З. Бакрадзе. В его отчете о поездке в Цебельду 13 мая 1886 г., в частности, сказано: «Я... отправился в имение Воронова, в котором, как сообщили мне, открыты в развалинах церкви какие-то камни в рисунках... По

приезде туда мадам Воронова рассказала следующую историю открытия тех камней в старинной разваленной церкви, что вблизи их жилья на небольшой возвышенности. Заинтересовавшись церковью, она среди камней «встретила, между прочим, две плиты, покрытые скульптурными изображениями святых»¹. Далее Д.З. Бакрадзе подробно описал развалины церкви, произведя там небольшие раскопки. Затем он дал подробное описание обеих плит и сюжетов изображений, а также сопутствующих материалов; в том числе, он называет «две круглые капители от колонн с затейливой резьбой, и к тому же на одной из них два барана, рогами столкнувшиеся друг с другом, а на другой – дракон с зияющей пастью, полупоглотивший человека»². Бакрадзе первым попытался определить дату плит, отметив, что они безусловно древнее XI века. С тех пор почти все исследователи раннехристианских кавказских древностей обращаются к этим плитам (П.С.Уварова, Д.В. Айналов, И.Л. Владимиров, Н.Я. Марр, И. Константинович, Р.О. Шмерлинг, Г.Н. Чубинашвили, Ш.Я. Амиранашвили, Н. Чубинашвили, Н.А. Аладашвили, Г.В. Алибегашвили, А.И. Вольская, Л.А. Шервашидзе, Л.Г. Хрушкова, А.А. Салтыков и др.). П.С.Уварова датировала эти плиты XII-XIII вв.,³ вслед за нею Д.В. Айналов отнес их к VI-VIII вв.⁴ Затем наиболее распространенной была дата VI-VII вв.⁵ Р.О. Шмерлинг отнесла их сначала к VIII-IX вв., а затем датировала (опираясь главным образом на «точки соприкосновения» с рельефами Атенского Сиона) VII в., «притом, вероятнее, не к началу этого века, а к его исходу, или к рубежу VII-VIII вв.» (в другом месте цебельдинские рельефы названы ею: «уникальный памятник VII или рубежа VII-VIII вв.»)⁶. Л.А. Шервашидзе датировал вслед за Р.О. Шмерлинг цебельдинские рельефы также VII в. или VII-VIII вв.⁷ Наконец, Л.Г. Хрушкова на еще бо-

¹ Архив ЛОИА. Дело №6 за 1986 г. Лл. 1-16.

² Воронов Ю.Н. За строкой архивного документа // Газ. «Советская Абхазия», 17 февраля 1982 г., С. 4.

³ Уварова П.С. Христианские памятники. Абхазия, Аджария..., МАК. Вып. IV, М., 1894. С. 7-34.

⁴ Айналов Д.В. Некоторые христианские памятники Кавказа // Археологические известия и заметки. М., 1895 Т. III. Вып. 7-8, 0.243; он же. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1901. С. 202-203.

⁵ Чубинашвили Г.Н. История грузинского искусства. Тб., 1936. С. 208-209; Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М., 1963. С. 121, 178; Чубинашвили Н.Г. Ханджи. Проблема рельефа на примере одной группы грузинских стен последней четверти V века, VI и первой половины VI века. Тб. 1972. С. 87-90; Беридзе В.В., Аладашвили Н.А. и др. Искусство Грузии. «История искусства народов СССР». Т. 2, М., 1973. С. 210-211; Алибегашвили Г.В. Рельефная плита из окрестностей Сухуми. Сообщения АН Грузии. 1951, XII, № 8. С. 511-512; Вольская А.И. Рельефы Шио-Мгвиме и их место в развитии Грузинской средневековой скульптуры, Тб., 1957. С. 78 и др.

⁶ Р.О. Шмерлинг Р.О. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тб. 1962. С. 69; Она же. Грузинский архитектурный орнамент. Тб., 1954.

⁷ Шервашидзе Л.А. Резные камни..., С. 93. В 1964 г. Л.А. Шервашидзе обнаружил не три, а два фрагмента этих плит. Третий же фрагмент с фигурой человека, совершенно произвольно приписываемый Л.А. Шервашидзе своим заслугам, в действительности найден мною и А.А. Салтыковым в 1955 году южнее усадьбы «Ясочка» в засыпи дороги и, после десятилетнего хранения в усадьбе, был передан Л.А. Шервашидзе, равно как и рисунок плиты с «печатью Соломона», там хранящейся с 1886 г. доныне. Об этом я своевременно говорил Л.Г.Хрушковой, однако она со свойственной ей недобросовестностью предпочла поддержать версию Л.А. Шервашидзе.

лее широкой фактологической базе сочла возможным датировать их концом VIII – началом IX вв.¹ Наконец А.А. Салтыков недавно предложил считать эти плиты памятниками второй половины VI – первой половины VII вв.²

Основная идея рассматриваемых плит вытекает из их сюжетов. Это идея победы через жертву,³ которая ярко выражена через сопоставление сцен по принципу дополняющего противопоставления. В среднике первой плиты дополняют друг друга «Распятие» и «Воскресение» Христа; в клеймах справа – «жертвоприношение Авраама», преобразующее Искупление и «Богоявление – или Крещение» Христа Иоанном Предтечей. Изображение внизу – евхаристические сосуды подчеркивают идею Божественной Жертвы. Сцены «Отречение апостола Петра» и «Распятие апостола Петра», расположенные слева, раскрывают ту же идею победы через жертву в образе ближайшего ученика. Та же идея воспроизводится и внизу, но уже в образе мученика Евстафия Плакиды, представляющего одно из последующих поколений учеников. Идея преемственности строится следующим образом: Ветхий завет (Авраам) – Новый завет (Христос) – Церковь (Петр и Евстафий). Верх увенчивался изображением Славы Божией, от которой сохранился фрагмент.

Во второй плите идея триумфа столь же очевидна. В среднике изображены Богородица с Младенцем, слева и справа от которой мы видим сцены «Даниил во рву львином» и «Небесный Иерусалим» (по определению Айналова), дополняющих друг друга, подобно сценам на первой плите, через противопоставление. Вверху – два святых всадника, попирающие с триумфом врагов.

При поиске аналогий торжественно-высокому содержанию цебельдинских икон, в первую очередь, должны учитываться диптихи и оклады евангелий VI в.⁴, которые, впрочем, отличаются от рассматриваемых памятников иным составом сцен. В средниках там помещаются изображения Христа и Богородицы, в клеймах – новозаветные сцены, вверху ангелы победы, несущие крест. Иконографическая программа цебельдинских икон гораздо более широкая, общность с диптихами ограничивается, главным образом, самой идеей триумфализма, облеченной в сходную по схеме форму. Эта общность

¹ Хрушкова Л.Г. Скульптура... С. 84, и др. работы того же автора.

² Saltykov A.A. La vision de saint Eustach sur la stèle de Tsebelda. – Cahiers Archeologiques, 33, Picard, 1985, p. 5-17

³ Л.Г. Хрушкова считает основной идеею богоявления (Теофании), которую утверждают, по ее мнению, «Распятие и Воскресение Христа, смерть поправшего... Эта идея выражена во второстепенных элементах обеих сцен» (Указ. соч., С. 48). Однако такое толкование не подкрепляется реалиями – в «Распятии» изображена именно смерть, а в «Явлении ангела женам-мироносцам» образа Христа вообще нет. К тому же это сцены только одной из плит, а не обеих. Там же для отдельных сцен Л.Г. Хрушкова отмечает и «триумфализм».

⁴ На непреходящее значение диптихов в проблеме Цебельдинских икон указывал уже Д.В. Айналов («Эллинистические основы...», с. 202). Отметим здесь композиционно и в отношении ряда реалий (центральная фигура Богородицы с Младенцем, арки с долевой разделкой под кирпич, растительные мотивы), укороченность рук у фигур и др. Оклад Евангелия из Национальной библиотеки Парижа конца VI-VII вв. (Кондаков Н.П. Иконография Богородицы. Т. 1. СПб 1914. Рис.146), а также диптих VI века, использованный в качестве оклада Эчмиадзинского Евангелия 989 г., который роднят с цебельдинскими иконами такие черты, как поза Богородицы с Младенцем, различные сюжеты в орнаментике рамок, стремление к заполнению пространства (Там же, рис. 139) и др.

представляется очень важной для изучения плит. Упомянутые диптихи и оклады являются официальными документами торжества христианства как государственной идеологии в Византии. По аналогии цебельдинские иконы также выражают идею победы Христианства в той местности, где они созданы, т.е. в Апсилии. Важно и то, что в диптихах обычно отсутствуют тот историзм и идея жертвы, которые так просматриваются в цебельдинских плитах, где настойчивое утверждение одной идеи на разных уровнях не может быть случайностью, вызванной конкретными местными процессами; процессами, связанными с крупными изменениями в религиозной жизни Апсилии в момент создания плит.

Важное значение в определении эпохи и культурной среды, в которых создавались подобные памятники, имеют стилистические признаки. О них много сказано в литературе. Здесь приведу некоторые из этих признаков, имеющие основное значение для темы. Очень важны показатели соотношения средника и клейма. Клейма – очень крупные, по ширине почти равные среднику в каждой плите. Такое соотношение, как подметил еще Д. Айналов, представляется типичным для VI в. У диптихов и окладов Евангелий именно этого времени клейма равны, примерно, двум третям средника по ширине (Эчмиадзинский диптих и др.). Так же близки к названным изделиям VI в. общие соотношения ширины и высоты плит. Некоторая удлиненность первой плиты объясняется ее необычной индивидуальной особенностью – помещением в среднике одной под другой двух сцен (Распятие и Воскресение). Подобные вытянутые композиции искусству VI в. хорошо известны (один из древнейших в этой серии Миланский оклад и др.)¹. Л.Г. Хрушкова считает, что «в центре каждой плиты... располагаются две сцены»². Однако, в действительности, на второй плите только одна сцена, а вместо второй – заполнение орнаментом. Последнее обстоятельство очень важно – художник не сумел использовать свободное пространство для размещения сюжета, что свидетельствует об отсутствии образца, а это в свою очередь говорит, при наличии очень сложной и развитой иконографии отдельных сцен, о преобладании в распоряжении художника образцов с односюжетным средником.

Значительное место в обеих иконах занимает орнамент. Он широкой каймой окружает средники, разделяет клейма друг от друга. Особенностью его использования является то, что каждое клеймо отделено орнаментом своего, более не повторяющегося рисунка. Это исключительно своеобразный признак, который встречается весьма редко на некоторых рельефах VI в., например, из собрания Крауфорда³. Как правило, на большинстве памятников этого типа и тогда, и позднее, орнамент симметричен либо повторяется. Их своеобразное сочетание может считаться датирующим признаком.

Ряд изображений на первой плите покрыт точечно-кружковым орнаментом. Р.О. Шмерлинг увидела в этом орнаменте нарастание декоративности и

¹ Покровский Н. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. СПб, 1892. Табл. Б.

² Хрушкова Л.Г. Скульптура..., С. 46.

³ Айналов Д.В. Эллинистические основы..., С.202.

сочла достаточным основанием, чтобы отнести плиты к VII в.¹. Но такой орнамент характерен для сасанидского искусства значительно более раннего времени. В изображениях сасанидских блюд он покрывает наиболее значимые предметы, например, тиару (блюдо V века из Британского музея со сценой Бахрама V на львиной охоте) и др. В рельефах первой плиты из Цебельды этот мотив так же использован при оформлении лишь отдельных, наиболее значимых изображений: всех птиц, одежды и крыльев ангелов, Евстафия и орантов. Следовательно, значение этого мотива символическое, а не декоративное, как считала Р.О. Шмерлинг.

Мотив пальметт, использованный для оформления средника первой плиты, восходит к широко распространенному в позднеантичное время мотиву (стела Аурелиуса Януариуса из Будапешта, чаша Констанция II 343 г., окантовка двери базилики св. Сабины 422-432 гг. в Риме и др.), получившему широкое распространение в схеме, близкой к Цебельдинской плите, в VI в. (оклады, пластины и др.).² Мотив зигзага, обрамляющий средник второй плиты, как показала Л.Г. Хрушкова, имел широкое бытование во времени – от VI до XII вв.³. Приведем здесь еще один территориально близкий к нам пример – стелу второй половины VI в. из Хандиси⁴. Очень важен мотив геометризованных полупальметт, разделяющий сцены Крещения и эпизод Жертвоприношения Авраама и встречающийся на раннехристианских диптихах византийско-сирийского круга, датируемых исключительно VI в.⁵. Л.Г. Хрушкова, обойдя конкретную дату соответствующего мотива молчанием, затем обращается к крестовидному и усеченно-крестовидному мотивам, отмечая в качестве аналогии лишь одну пластину X в. из Милана⁶. Там же она отмечает, что «для грузинских памятников оба эти мотива не характерны». Между тем, во-первых, крещатый орнамент, хотя и в иной схеме присутствует на памятниках Грузии, но более позднего времени (Потолети X в.),⁷ во-вторых, оба варианта орнамента характеризуют, например, щиток византийской пряжки VII в., найденной на Северном Кавказе⁸ и попавшей туда, не исключено, через Аписию. Говоря о мотиве колосовидной плетенки и витого жгута, Л.Г. Хрушкова находит им аналогии в «орнаментике грузинской деревянной резьбы X-XI вв... и в архитектурном орнаменте того же времени»⁹, хотя соответствующий мотив именно в том облике как и на цебельдинских плитах, присутствует на многих раннехристианских памятниках, особенно будучи

¹ Шмерлинг Р.О. Малые формы... С. 69.

² Кондаков Н.П. Иконография..., рис. 114, 119.

³ Хрушкова Л.Г. Скульптура..., С.76-77.

⁴ Меписашвили Р., Цинцадзе В. Искусство... С. 236-237.

⁵ Кондаков Н.П. Иконография..., рис.115.

⁶ Хрушкова Л.Г. Скульптура... С. 77.

⁷ Шмерлинг Р.О. Малые формы..., табл. 22,2; 23,1.

⁸ Абрамова М.П. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // Советская Археология. 2. 1982. С. 146 – соответствующий комплекс датирован исследователем второй половиной VII - первой половиной VIII вв. (Там же. С. 148). Следует отметить, что типологически сходные пряжки известны и в комплексах VI-VII вв. (Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии... Табл. XV, I).

⁹ Хрушкова Л.Г. Скульптура... С.78.

популярным в VI в. (Агильбертов ковчег, диптих Эчмиадзинского евангелия, часть сирийского диптиха, ампула с изображением святого Мины V-VI вв., Константинопольское серебряное блюдо раннего VII в. и др.)¹.

В целом, на мой взгляд, стиль цебельдинских рельефов можно охарактеризовать как воспроизведение каких-то высоких образцов. Упрощенность форм в них сочетается с глубоко продуманной системой сюжетов, имеющих богословскую основу. Пластика этих рельефов вводит их в круг стел V – первой половины VII в. из Картли, группируемых вокруг стелы Хандиси Н. Чубинашвили².

Шмерлинг, пытаясь критиковать Д. Айналова, непоследовательно указала на сходство пластики плит с рельефом скачущего всадника в Атени³. Эта аналогия говорит в пользу атрибуции Айналова, т.к. Атенские рельефы датируются самым началом VII в. Н. Аладашвили удачно сопоставила олени на цебельдинских плитах с оленями рельефов из Атени⁴.

Определяющим признаком является и изображение фигуры Христа в сцене Крещения. Основные признаки фигуры: очень широкие плечи, крупная, слегка склоненная голова, узкий таз, слегка согнутые ноги, наивно-натуралистический жест рук. Это весьма своеобразный тип Христа, далекий от его канонического образа как в раннехристианском, так и в византийском искусстве. Единственная аналогия – фигура Христа в росписи Латеранского реликвария в Ватикане, происходящего из Сирии, VI в.⁵ Л.Г. Хрушкова в качестве аналогии приводит изображения в росписях Каппадокии IX в.⁶, однако они имеют лишь иконографическое сходство и только по признаку положения рук: очень вытянутые, бесплотные, они не имеют никакого отношения к стилю цебельдинских икон.

Очень интересна и сцена обращения Евстафия Плакиды на охоте. Сюжет представлен чрезвычайно развернуто: Евстафий охотится с птицей и с собакой. Изображение этих животных придает сцене определенную жанровость, невозможную для сформировавшегося канона, из которого должно быть убрано все лишнее. Между тем, во второй пол. VI – нач. VII вв. каноническое изображение Евстафия Плакиды без собаки и птицы уже сложилось (стела Марвуво). Исследователи полагают, что упомянутая птица – сокол⁷, однако, как показал А.А.Салтыков, это орел, характерный для искусства сасанидского и постсасанидского Ирана⁸. В том, что орел летит с путами следует видеть отражение поиска христианского переосмысления сюжета, его канонической

¹ Lasko P. Vvod Srednii vek. Uoblicawanje evropske Kulture, Beograd – London, 1965< Fig; Кондаков Н.П. Иконография..., рис. 139; Баже А.В., Бессонова М.А. Искусство Византии..., рис. 403; Sherrard P. Byzantium, Oxford – Niderland, 1967, p. 158 и др.

² Чубинашвили Н. Хандиси (проблема рельефа на примере одной группы грузинских стел последней четверти V века, VI и первой половины VII века). Тб., 1972. Табл.37, 38, 61, 62, 63, 64. С. 86-89.

³ Шмерлинг Р. Малые формы... С. 69.

⁴ Аладашвили Н. Монументальная скульптура Грузии. Фигурные рельефы V-XI веков. М., 1977. Илл. 213, 215.

⁵ Кондаков Н.П. Иконография..., рис. 134.

⁶ Хрушкова Л.Г., Скульптура... С.58.

⁷ Там же. С. 80.

⁸ Saltykov A.A. La vision..., p. 11-12.

переработке. В прямой связи с этими образами стоит знак вихревой розетки, помещение которой в житийной стене, безусловно, заставляет относить изображение ко времени до Трулльского собора 691-692 гг., запретившего на иконах символично-аллегорические изображения и знаки¹. За остальной аргументацией раннего характера сцены обращения Евстафия я отсылаю к очень интересной статье А.А.Салтыкова, упомянутой выше.

В литературе многократно отмечалось сирийское воздействие в стиле и содержании цебельдинских плит. Здесь нужно добавить наблюдение А.А.Салтыкова относительно обратного характера изображений: сцены «Крещения»; расположение Богоматери в сцене «Распятия» справа; поворот Евстафия влево. Историческая последовательность клейм – от «Жертвоприношения Авраама» до Евстафия Плакиды – развивается справа налево².

Особенно ясным указанием на связь с Сирией являются клейма с изображением апостола Петра, кафедрой которого считалась Антиохия – религиозный центр Сирии, где утверждались епископы для Лазики, Апсилии и Абасгии. Поэтому его изображения в иконе, в контексте других сирийских особенностей, несомненно являются выражением связи местной церковной общины с метрополией.

Эти и другие факты показывают, что полное понимание значения и положения цебельдинских плит в системе местных древностей – дело будущего. На плитах имеются черты, не известные позднее VI в., другие черты известны и тогда, и в последующие периоды, третьи – с VIII-IX вв. Однако большинство признаков – их доскональный анализ требует специальной монографии – заставляет определять время создания цебельдинских плит доиконоборческой эпохой. Попытка отнести их датировку к IX в. основана в основном на иконографических данных. Но каждому должно быть понятно, что датировать памятник по времени наиболее древней аналогии методически неправильно ввиду случайности и во многих случаях единичности состава сохранившихся произведений. Всегда закономерно предположить существование более древних, не дошедших до нас памятников. Ценность цебельдинских икон заключается в том, что ряд композиций является значительно более древними чем считалось ранее.

Аналогично решается вопрос и с реалиями, подробное изучение которых – дело будущего. Здесь отметим, что на дискове первой плиты изображено вовсе не пять хлебов, как полагает Л. Г. Хрушкова,³ только один, окруженный розетками, напоминающими цветы; что кувшины с каннелированным горлом появляются вовсе не в IX в., как полагает та же исследовательница,⁴ а много раньше, присутствуя уже в инвентаре цебельдинских могильников V в.; что форма кувшина с плоскими сторонами тулова, украшенными разными сюжетами, была хорошо известна в VII в.⁵; что сосуды типа тех, что в руках у

¹ Lbid.

² Ibid., p.9

³ Хрушкова Л.Г. Скульптура... С. 50, 69.

⁴ Там же. С.81.

⁵ Банк А.В., Бессонова М.А. Искусство Византии..., рис .137.

жен-мироносиц, хорошо представлены как в апсидальных комплексах VI в., так и среди изображений раннего VII в.¹; что украшения конского убора в виде круглых подвесок находят себе аналогию не в изображении совершенно иной сбруи на чаше IX-X вв. из Орен-калы, как утверждает Л.Г. Хрушкова², а уже среди ранневизантийского убора V-VI вв.³; что достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться, что между нашими плитами и блюдом IX-X вв. из Пермской области, за исключением естественных совпадений в репертуаре, вовсе не существует той единственной «конкретной близости», которая постулируется Л.Г. Хрушковой,⁴ и т.д.

Выявление храма VI в., который исходя из совокупности данных (древнейшая раннехристианская постройка в микрорайоне, находка обломка плиты на пути от церкви Шапки к Вороновскому храму, совпадение в размерах плит и отрезков основания алтарной преграды и др.), скорее всего, первоначально украшали рассмотренные рельефные иконы, сам по себе факт примечательный. Однако до конца этот интересный вопрос можно решить только после тщательного обследования еще не раскопанных участков вокруг обеих упомянутых церквей, что является задачей Цебельдинской экспедиции ближайших лет.

Вступление и подготовка текстов к публикации О.Х. Бгажба

¹ Sherard P. Byzantium..., p.158.

² Хрушкова Л.Г. Скульптура... С.81.

³ Mang C. V naslednica Rima. – Rani srednivek..., Tig I.

⁴ Хрушкова Л.Г. Скульптура... С.75.

Саманба Л.Х.

НАША РОДОСЛОВНАЯ

*Горит очаг, и пламя вьется,
Подбросить дров – не проворонь!
Из рода в род передается
Неугасающий огонь.*

*Хочу, чтоб все беречь умели
Огонь, пришедший из веков.
Чей отсвет лег на колыбели
И на седины стариков.*

Б. Шинкуба

Живут в селах Лыхны и Хыпста Гудаутского района Абхазии 45 дворов близкородственных носителей старинной фамилии Саманба, по патронимической линии Гыч-ипа (потомки Гыч). В 1918 г., во время первой попытки огрузинивания абхазов, фамилия Саманба была переписана как Саманджия – в таком виде сегодня она более известна.

Предки Саманбовых являются одной из ветвей абхазского племени причерноморских садзов.

Истории этой фамилии – одной из уважаемых в Бзыбской Абхазии, посвящена настоящая работа.

Традиционно Саманбовцы – крепкие хозяева, живут по законам, наработанным опытом абхазского народа – Апсуара, гостелюбивые, хлебосольные, совестливые, мужественные.

Они достаточно представлены во всех социальных слоях абхазского общества: землепашцы и виноградари, агрономы и учителя, строители и медики, работники госучреждений.

В минуты опасности для Родины доблестные мужи и дочери этой фамилии героически защищали свободу и независимость Апсны, честь и достоинство абхазов.

Как фамильную реликвию чтят имя Джинджика Саманджия, активного участника знаменитого восстания абхазских крестьян в Лыхнашта, направленного против колониального режима царизма, восстания после которого абхазов клеймили «виновным населением». Чтобы снять этот позорный ярлык, абхазские добровольцы в составе Черкесской «Дикой дивизии» участвовали в Первой мировой войне. В числе «Абхазской сотни», особо отличившихся в боях на территории Австро-Венгрии, был сын самого Джинджика Саманджия – Беса.

Саманбовцы героически защищали Большую Родину во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Сражались они и на фронтах Отечественной войны в 1992-1993 гг., которая стала одной из самых героических и трагических

страниц истории Абхазии. Многие из них пали на полях сражений, есть без вести пропавшие.

Интерес представляет прилагаемое к работе фамильное древо Саманбовых.

Работа такого плана как «Наша родословная» имеет большое значение для воспитания подрастающего поколения, духовного оздоровления народа, пережившего жесточайшую войну, возрождения добрых традиций Апсуара – своеобразной религии абхазов.

Сухум, 2006 г.

Садзы были абхазами

Приведенный ниже рассказ «Не заставляй другого делать то, что сам не можешь!» подтверждает, что старейшина абхазов, живших в Аджарии, Саманба Халил-ага был дворянином. Раз так, то Саманбовцы были дворянами, жившими в стране садзов. Для подтверждения этого и того, что у садзов и абхазов – общий корень, мы приводим выдержки из некоторых трудов: «Среди батумских абхазов встречаются садзские фамилии, которые неизвестны в Абхазии, например, Аегба, Ачугба, Аикуба, Ацыцба, Аиласырба, Чызмаа, Лахуарба, Акишба, Ашба, Акуджба, Ажаджба, Атрышба, Алишынба, Хышба, Асаманба, Аршба, Арымба, Хакушаа, Рацба, Акитасба, Ашмейба и т.д.»

Кроме этого, старики помнят до сих пор абхазские фамилии, теперь уже исчезнувшие, носители которых вышли из страны садзов и обосновались в Аджарии: Ардба, Арцва, Акишба, Ахейба, Апышцба, Аилысырба, Арымба, Хакушаа, Асмейхуа, Мажара, Псардиа, Саманба, Анапат, Лусба, Хачейпа и др. Таким образом, Саманбовцы были садзскими, абхазскими дворянами.

Л.Х. Саманба

Рассказ отца о Гыче¹

Отец мой, Лаз, проживший 111 лет и умерший в январе 1978 г., рассказал о Гыче следующее:

– Дад, Кампач (Виктор Шькутович Саманба. – **Л. С.**), как тебе известно, все мы Саманбовцы (Саманджия. – **Л. С.**), называющие себя сыновьями Гыча, живущие и в Лыхны, и в Хипсте (до 45 семейств), произошли от Гыча.

Сам Гыч был единственным сыном. Жил он между Гагрой и Адлером, но точно где, неизвестно. Гыч Саманба приехал жить в Псирдзху (Новый Афон. – **Л. С.**) один. Тогда он был совсем молод, даже бриться еще не начал.

С разрешения псирдзхинского князя, Гыч построил домик на склоне Анакопийского холма, создал семью: женился на девушке из рода Ардзинба из Дурипша, у них родилось двое сыновей: старший Швакей и младший Фат. Когда Швакей и Фат подросли, Гыч снялся с места и переехал жить в Лыхны, в поселок Алгыт, где мы ныне живем.

Швакей и Фат выросли статными и красивыми. Когда пришло время им жениться, Гыч женил их и сыграл им свадьбу одновременно. Через год, по обы-

¹ Записано Л. Х. Саманба со слов 75-летнего Виктора Шькутовича Саманба в 1996 г. в г. Гудауте.

чаю, старший Швакей отделился от родителей и стал жить самостоятельно, младший Фат остался в Большом доме. Все Саманбовцы, живущие в поселке Алгыт села Лыхны и в селе Хипста, произошли от Швакея и Фата, поэтому нас называют сыновьями Гыча.

Об изменении нашей фамилии¹

Отец также рассказал, почему изменили нашу фамилию.

– Дад, Кампач, бесспорно, фамилия Гыча была Саманба, хотя мы его потомки, по разным причинам, стали зваться Саманджия. Если ты хочешь в этом удостовериться, прочти письма на могиле моего отца Лаза, славных братьев сестры нашей Минуши, дяди нашего Гыча и его семьи. Письмена эти говорят, что Гыч – Саманба, а никак ни Саманджия. Раз так, кто мы!? Конечно же, Саманбовцы.

Дад, поразмыслите над письменами на мраморных надгробиях братьев нашей сестры Минуши! Мраморная плита у изголовья могилы одного из братьев Минуши – Артина, умершего в 1917 г., ясно говорит о том, что он был Саманба. На плите же ее другого брата Луки и сестры Анны (умерших одновременно в 1924 г. от какой-то болезни) указано: Саманджия.

Как видим, у братьев и сестер, родившихся от одних и тех же родителей, оказались разные фамилии. Иначе говоря, с 1924 года наша фамилия Саманба была изменена на Саманджия. Почему так произошло? Думаю, не ошибусь, если скажу, что это произошло из-за крещения².

Не сказав начала, не скажешь конца. Издревле на нашу Апсны из-за ее красоты, и плодородия зарились грузины, они желали огрузинить нас, чего в начале мы не очень понимали. Поняли, когда закрыли абхазские школы и стали заставлять нас учиться на грузинском языке, но было уже поздно.

Попытался бы кто-нибудь вернуть свою прежнюю фамилию – тюрьма и ссылка ждали его. Как видишь, мы до сих пор носим искаженную на грузинский, мегрельский лад фамилию. Я давно горюю об этом, но что в моих силах...

Но не по грому дождь, кто знает, может, для нас абхазов, наступят более счастливые времена, может, и нам суждено распрямить спину! Тогда весь наш род должен вернуть исконную фамилию – Саманба! Это первейшее дело, дад!

Выше я недаром сказал, что наша фамилия была искажена при крещении. В те времена грузины, используя крещение, изменили нашу фамилию. Дад, тогда попами в церквах были в основном мегрелы, вот они и записали как хотели.

¹ Записано Л. Х. Саманба со слов 75-летнего Виктора Шькутовича Саманба в 1996 г. в г. Гудауте.

² В своей книге «Культура и быт абхазов, проживающих в Аджарии» Г. Г. Копешавидзе, перечисляя фамилии, не встречающиеся в Абхазии, упоминает и фамилию Саманба. Это еще раз подтверждает, что наша фамилия была искажена. Махаджиры, осевшие в Аджарии, сумели сохранить ее первоначальную форму, а оставшиеся на Родине Саманбовцы, к сожалению, не смогли. Мы согласны с утверждением нашего старейшины Шькута Лазовича, что это произошло из-за крещения (– Л. С.).

Перехожу к другому. Удивительно, у нас есть дети, которые не зовут свою мать – «мамой», а зовут ее по имени. Дело в том, что мегрельского попа звали «мама». Поэтому матери, чтобы дети не произносили этого, приучили звать их по имени.

Дад, когда мы крестили своих детей в церкви, попы записывали их в священную книгу под другими фамилиями, похожими на мегрельские или грузинские. Мы тогда не догадывались об этом, а то разве пошли бы в церковь?! Так произошло не только с нашим родом.

Словом, дад, знайте, что так была искажена наша фамилия.

Не заставляй другого делать то, что сам не можешь!¹

Как-то раз царь Аджарии решил собрать людей разных национальностей (чоуцев, амшенцев, курдов, абхазов), живших поблизости, чтобы они помогли промотыжить кукурузу. Царь Абашидзе послал своего человека к крестьянам сказать, что завтра утром он ждет их у себя. Наутро к нему явились все, кроме абхазов, что сильно обидело Абашидзе.

Он призвал жену (он был женат на старшей дочери старейшины аджарских абхазов Халил-ага. – **Л. С.**) и сказал: «С тех пор, как поженились, мы не сказали друг другу обидного слова. Так почему твои родственники, когда я обратился к ним за помощью, остались глухи, вместе с другими не промотыжили мое поле? Оставим, что я – царь, ведь я – еще и старший их зять. Никогда не слышал, чтобы так позорили зятя?!»

Халил-ага через дочь узнал об обиде зятя. Он пригласил к себе Абашидзе и сказал ему: «Дад, ты мне зять, я хочу объяснить тебе, почему мои люди – абхазы, имея обычай взаимопомощи и сильно его уважая, не пришли к тебе. Дад, я тебя очень уважаю, не потому, что ты – царь, а за твою человечность. Кроме того, мне приятно, и не только мне одному, и всем абхамам, живущим здесь, что вы с моей дочерью живете в согласии и мире. Но сегодня абхазы оказались на твоей земле не по доброй воле, они попали в беду, однако, как бы им не было тяжело, они никогда не нарушат своих обычаев и ни перед кем не склонят головы. Скажу тебе откровенно: хоть ты и царь, но никто из них не считает себя ниже тебя. Дорогой зять, ты совершил одну большую ошибку, не могу не сказать тебе об этом. Это случилось, видимо, от того, что ты не очень хорошо знаешь наши обычаи. Такой умный человек, как ты, не должен был так поступить; надо было знать, что у нас не принято звать родных жены для таких дел. На этот раз прощают тебя, но впредь будь осторожен, не совершай более такой оплошности! Как твой народ не может нарушить своих обычаев, так и они не могут нарушить своих. Не заставляй другого делать то, что сам не можешь!».

P.S. «Во второй половине XIX в. и в начале XX в. в Аджарии известными ораторами, старейшинами, которые мирили кровных врагов, были: Ахмат Артба, Ахмат Ажиба, Саманба Халил-ага...» (*Руслан Гожба. Абхазский этюд (эссе). Сухум. 1996. (рукопись)*).

¹ Записано Л. Х. Саманба со слов Темура Ачугба в 1996 г. в г. Сухуме.

Да не стареет наш род!¹

Раз ты приехал из самого Сухума, чтобы услышать от меня какой-нибудь рассказ, поведаю я тебе о моем деде, сыне Саманба Джинджика, Фате (Саманджия. – Л. С.). Царство ему небесное. Он заслуживает доброго слова, «Бог свидетель тому». Я так говорю не потому, что он мой дед, но его доброта, человечность, воспитанность, хлебосольство, широта души и сегодня многое значат для воспитания подрастающего поколения, для всего нашего Апсуара.

Когда я застал деда, хотя он уже был в преклонном возрасте, ум его был ясен и физически он был еще крепок. Ведь у нас, абхазов, говорят, что человек стареет или через ум, или через колено. Но, слава Богу, и колено его было твердое, и ум и память еще сильны.

У деда была большая семья. Он воспитал троих сыновей – Лыч, Бес и Дата, и троих дочерей – Шахусна, Сафика и Кат. Я не буду говорить о достоинствах детей Джинджика, это займет слишком много времени, но они заслуживают того, чтобы о них помнили.

Мою бабушку звали Ханифа, была она из рода Андыба. Отца ее звали Гедлач.

Дед мой пользовался большим уважением в деревне, к его слову прислушались, потому что оно было взвешенное, мудрое, справедливое. Без него не обходилось ни одно собрание, ни один сход, где решались значимые для всех вопросы. Кроме того, он был большой оратор и замечательный рассказчик. К нему ни раз из Сухума приезжал большой ученый Симон Басариа с художником. Художник рисовал моего деда, а Басариа в это время записывал его рассказы. Правда, имени художника я не знаю.

Дед принимал участие в Лыхнинском восстании 1866 г. Кампач (Виктор Шкутович Саманба. – Л. С.) показывал мне книги, где был изображен дед как участник восстания, но откуда мне было прочитать их – я ведь неграмотен.

Когда умер дед, о нем был напечатан большой некролог в газете. Кроме того, его портрет вывесили в музее.

Теперь, дед, я расскажу тебе, как умирал мой дед. Он около десяти дней лежал в постели больной. Было ему уже за сто. Люди, прослышав о болезни деда, приходили проводить его. Так из Лыхны приехал уважаемый, достойный человек Самсон, Дзыгу-ипа (Гагулиа. – Л. С.) с двумя мужчинами, которых не помню, но знаю, что они тоже были весьма уважаемыми и достойными людьми.

Приход их взбодрил деда, он позабыл о своем недуге и сказал родным, чтобы они угостили гостей и позвали Шкута.

Пришел Шкут, его привел средний сын деда – Беса. Спустя некоторое время гости и хозяйева сидели за накрытым столом. Дед присел в постели и твердым голосом произнес тост: «Гости дорогие, да благословит вас Бог! Спасибо, что пришли проведать меня. Пусть иного горя, кроме моей смерти, не будет в вашей жизни. Я прожил долгую жизнь. Мне уже достаточно. Вам известно, что в молодости я делал все, что было в моих силах, для села, родных, детей и взрослых. Но как видите, старость приковала меня к постели, но, думаю, недолго я

¹ Записано Л. Х. Саманба со слов Дикрана Кетия в 1996 г. в с. Лыхны (Алгыт).

буду в тягость семье, самое большее еще неделю. На мое счастье ты, Самсон, посетил меня со своими друзьями, есть кому рассказать мою исповедь. Но прежде хочу объяснить, почему я послал за Шкутом.

Да, Шкут еще молод, но он смышлен, находчив, знает, что и где сказать, уже теперь видно, что в будущем станет достойным человеком. Думаю, он сделает для нашего рода больше, чем сумел я. До сих пор мы не были хуже кого-то, любили труд, были гостеприимны, в слугах ни у кого не ходили, ценили независимость, если кто косо посмотрит на нас, тому платили должным образом, словом, вели себя как достойные абхазы. Думаю, и впредь наш род не будет хуже кого-то, когда Шкут, хоть он и молод, возглавит его. Я поручаю ему отныне делать для нашего рода то, что делал я в свое время. Посох свой я передаю ему, пусть он после долгих лет жизни, на пороге смерти, как и я, отдаст его тому, кто дальше возглавит наш род. Пусть этот мой посох станет связующим звеном между разными поколениями нашего рода, да не стареет наш род, не иссякнет он!»

Шкут, по своей молодости, стесняясь, подошел к старику, поцеловал его в грудь, поблагодарил и взял посох. Гости тоже подошли к старику, обняли его, сказали, что это правильный выбор, и что не сомневаются, что Шкут, хоть и молод, достойно справится с этой нелегкой задачей.

Не прошло и недели, дед умер. С того дня Шкут был предводителем рода до своей смерти. Его слово, его наказания служили путеводной нитью не только для всего нашего рода и всей деревни; без его участия не принималось ни одно судьбоносное решение.

Шкут умер в январе 1978 г. в возрасте 111 лет. В день похорон были холод и стужа, каких обычно у нас не бывает. Но несмотря на это, собралось много народу, оплакав его, как положено. Было произнесено много речей в честь уважаемого всеми человека и с почестями проводили его в последний путь.

Как и дед, Шкут, почувствовав приближение смерти, позвал своего старшего сына Кампача, который жил в Гудауте и был директором школы, и сказал ему: «Дад, Кампач, мне недолго осталось жить. Но стоит ли сетовать на судьбу, благодаря Богу, я прожил долгую здоровую жизнь и ухожу, не зная горя по поводу вас, моих детей и внуков, для меня это самое большое счастье, дад, пусть мои слова не расстраивают тебя, дай Бог, чтобы вы все прожили так, как я.

Мне думается, что я справился с наказом, не опозорил старейшину нашего рода, и он не «перевернется в гробу». Раз так, то не опозорил и других предводителей нашего рода – Тыча, Швакуа, Фата. Я скоро умру – так подсказывает сердце. Дад, Кампач, как я уже говорил, ты не особенно горюй и семью тоже не заставь горевать. Так создан мир: родившийся в один день, также в один день умирает. Не забывай об этом. Я только прошу об одном, чтобы все люди умирали в моем возрасте.

Дад, Кампач, все это я говорю не затем, чтобы ты расчувствовался. Дад, с сегодняшнего дня нашему роду нужен предводитель. Я думал о многих наших ребятах, немало среди них толковых и достойных, но выбор свой остановил на тебе, потому, что ты образован и старше своих братьев. Думаю, другие не обидятся. На мой взгляд, ты больше других заслуживаешь быть предводителем, видит Бог, я так говорю не потому, что ты мой сын.

Дад, Кампач, я понимаю, что быть директором большой школы нелегко, требует труда и здоровья. Не менее значимо и дело твоего рода. Прошу тебя, как бы не было трудно, совместить два этих дела, сделать невозможное для своих людей. Ты прекрасно знаешь, Кампач, как почетно и ответственно служение народу, людям, человек, занятый только собой, не заслуживает уважения. Будьте достойны ваших отцов!

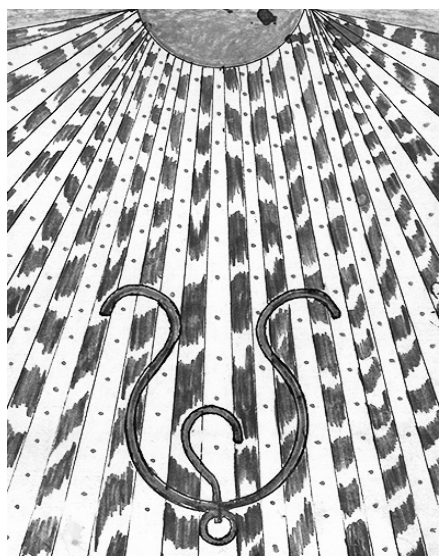
Дад, Кампач, когда доживешь до моих лет, будешь знать, что делать. Пусть тебе сопутствует удача!». С тех пор Кампач возглавляет наш род.

Дад, как тебе известно, Кампач во всем районе пользуется уважением, на каждом собрании ему дают слово, потому что знают, что он скажет мудро и справедливо. Своему же роду он – надежная опора. Шкут, как и его отец, не ошибся в своем выборе.

Как я помню Шкута, это был вежливый человек, находивший общий язык и со старшими, и с младшими. Во всем Шкут был собран, аккуратен.

Никогда не бывало, чтобы он выпил допьяна. Где бы ни было – будь то свадьба, или поминки, или у него дома, он пил водку 20-граммовой рюмкой и вино 100-граммовым стаканом. Не потому, что он жалел вино или водку, слава Богу, их у него всегда было вдоволь, да еще трех-четырёхлетней давности. Но он считал, что таким образом гостю оказывается большее уважение, большее внимание. «Уважь гостя, пообщайся с ним, не принуждай его напиваться, чтобы назавтра ему не стало плохо. Если ему будет плохо, какая цена твоему хлебосольству?!» – говорил он.

И сегодня, когда Шкута нет в живых, есть много, чему нам следует у него поучиться. Все, что он в свое время воспитывал в своих однофамильцах, будет только помогать нам расширять и углублять Апсуара.

Фамильный символ.
Знак собственности, т.е. товар-
ный знак, геральдика.
Этот знак напоминает цветок,
цветок. Но цветочкообразный якорь,
этот символ морского культа.
Очевидно, когда в древности эта
фамилия была связана с морем;
были мореходы и в знак того, что
они всегда связаны с морем, они ириски
знак от моря. Морской знак, знак якоря,
многие корабли, и многие знак якоря
применили, и они разные, стало ясно, что
из многообразия, тоже есть, оказавшись
почти многие с морем
Габния-изра С. С.

Фамильный символ – знак собственности, т.е. товарный знак, геральдика. Этот знак напоминает цветок, также якорь – символ морского культа. Очевидно, в древности эта фамилия была связана с морским делом...

Текст и рисунок С. С. Габния

РОДОСЛОВНАЯ САМАНБА

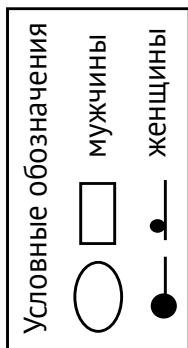

Схема № 1

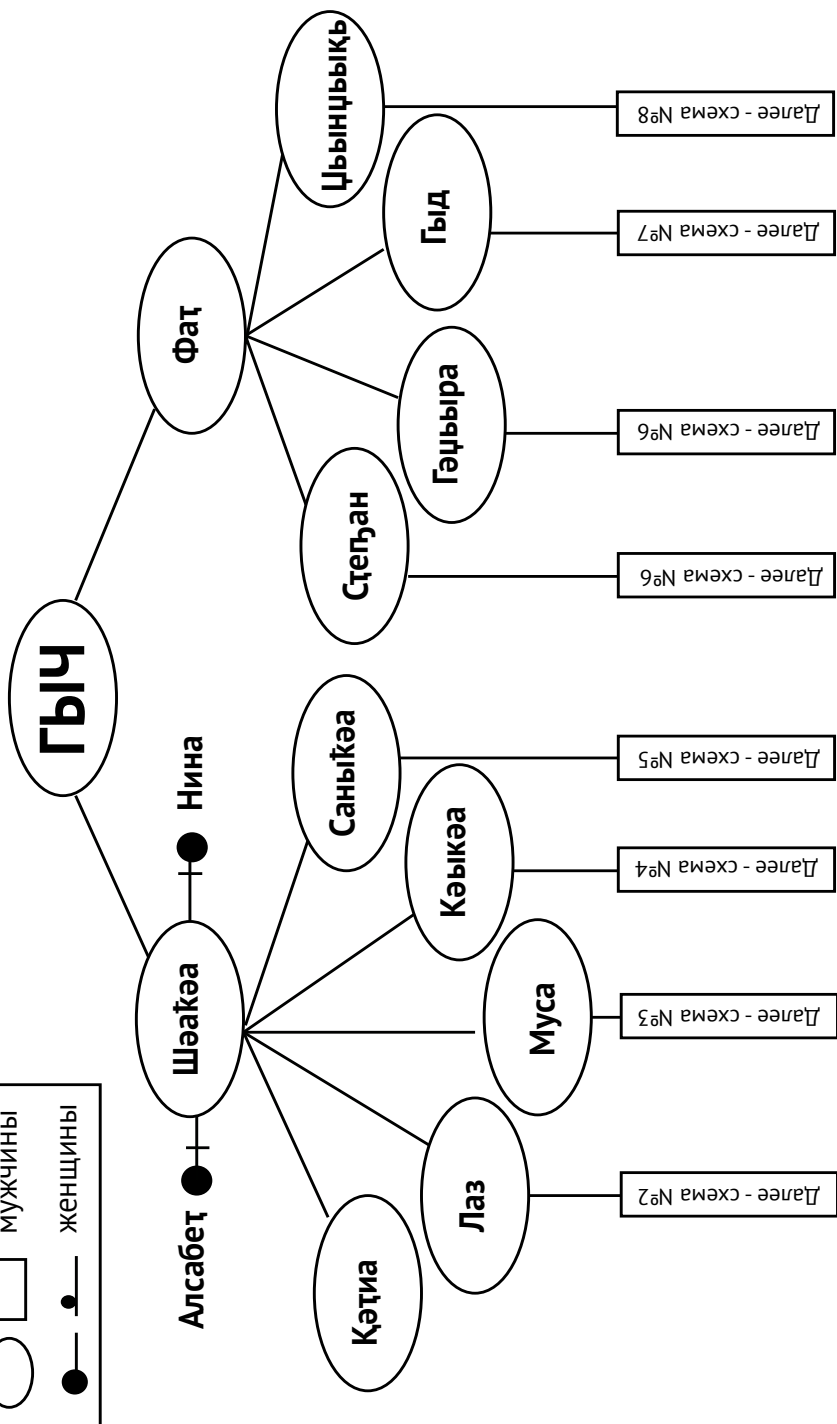

Схема №2

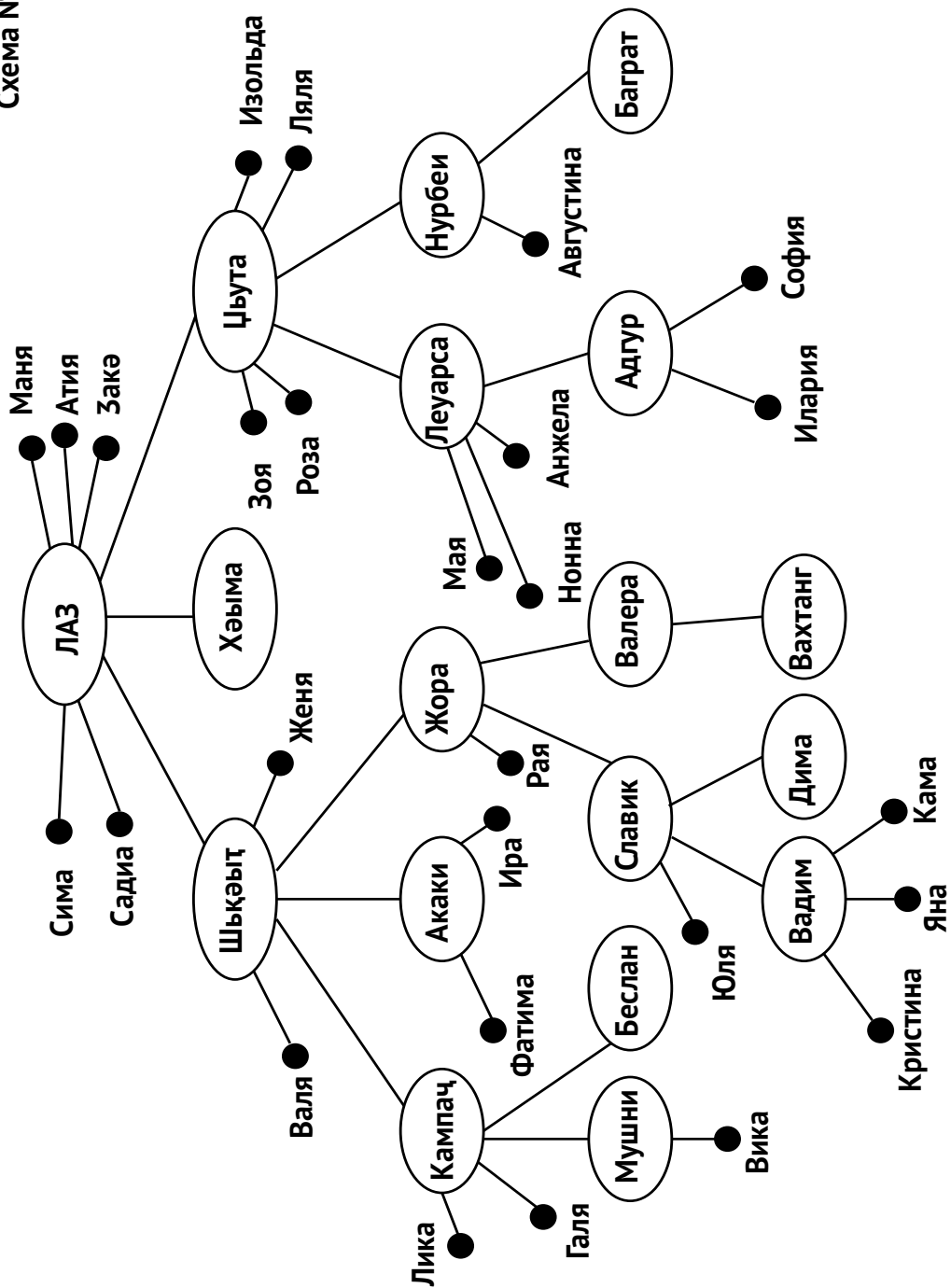

Схема №3

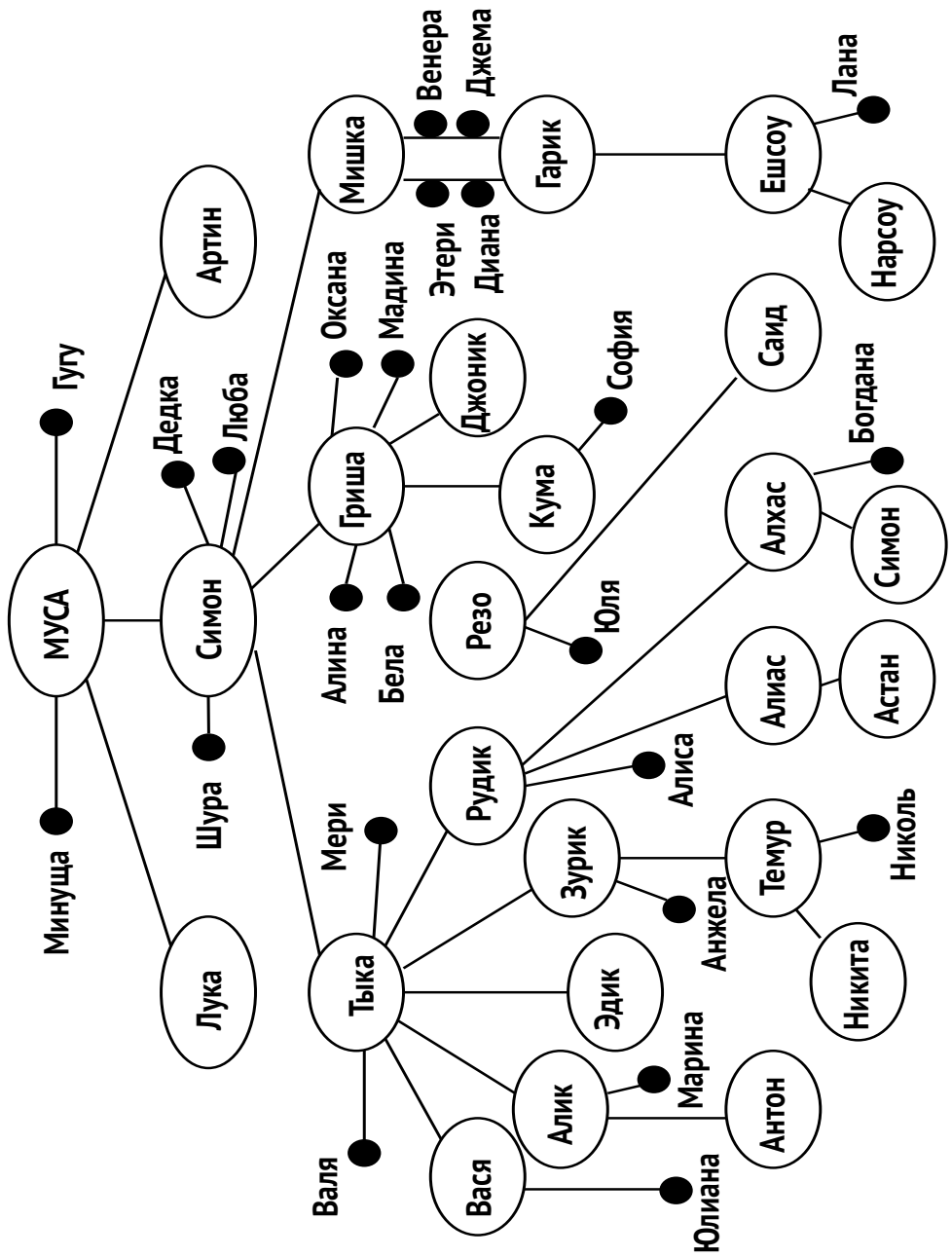

Схема №4

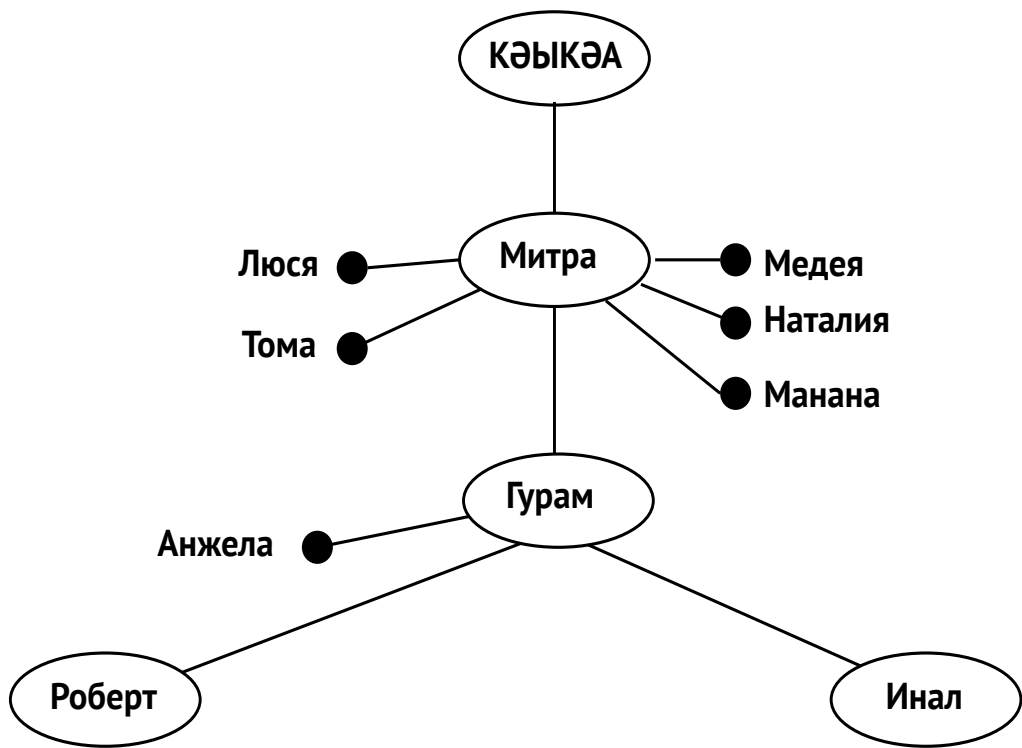

Схема №5

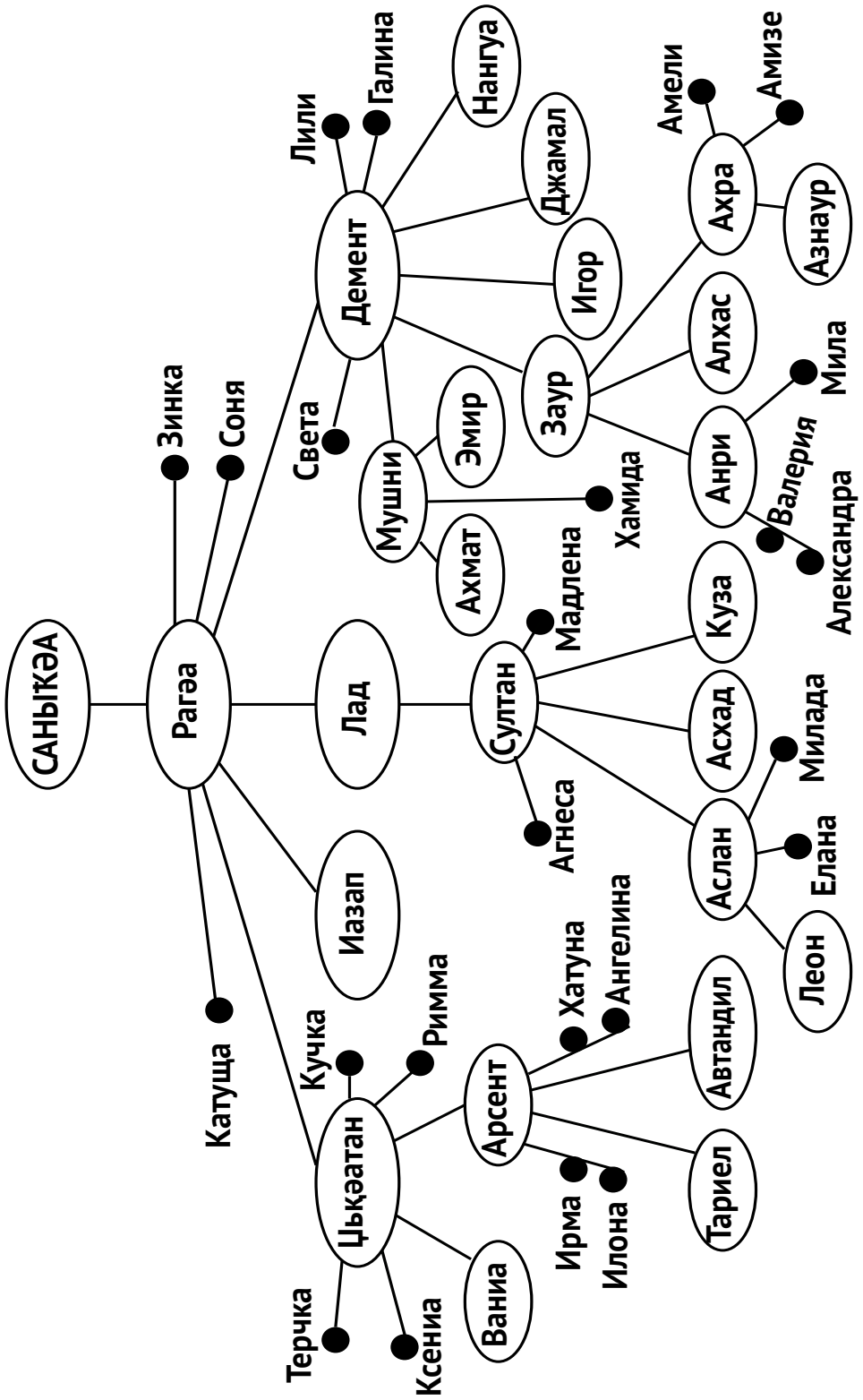

Схема №6

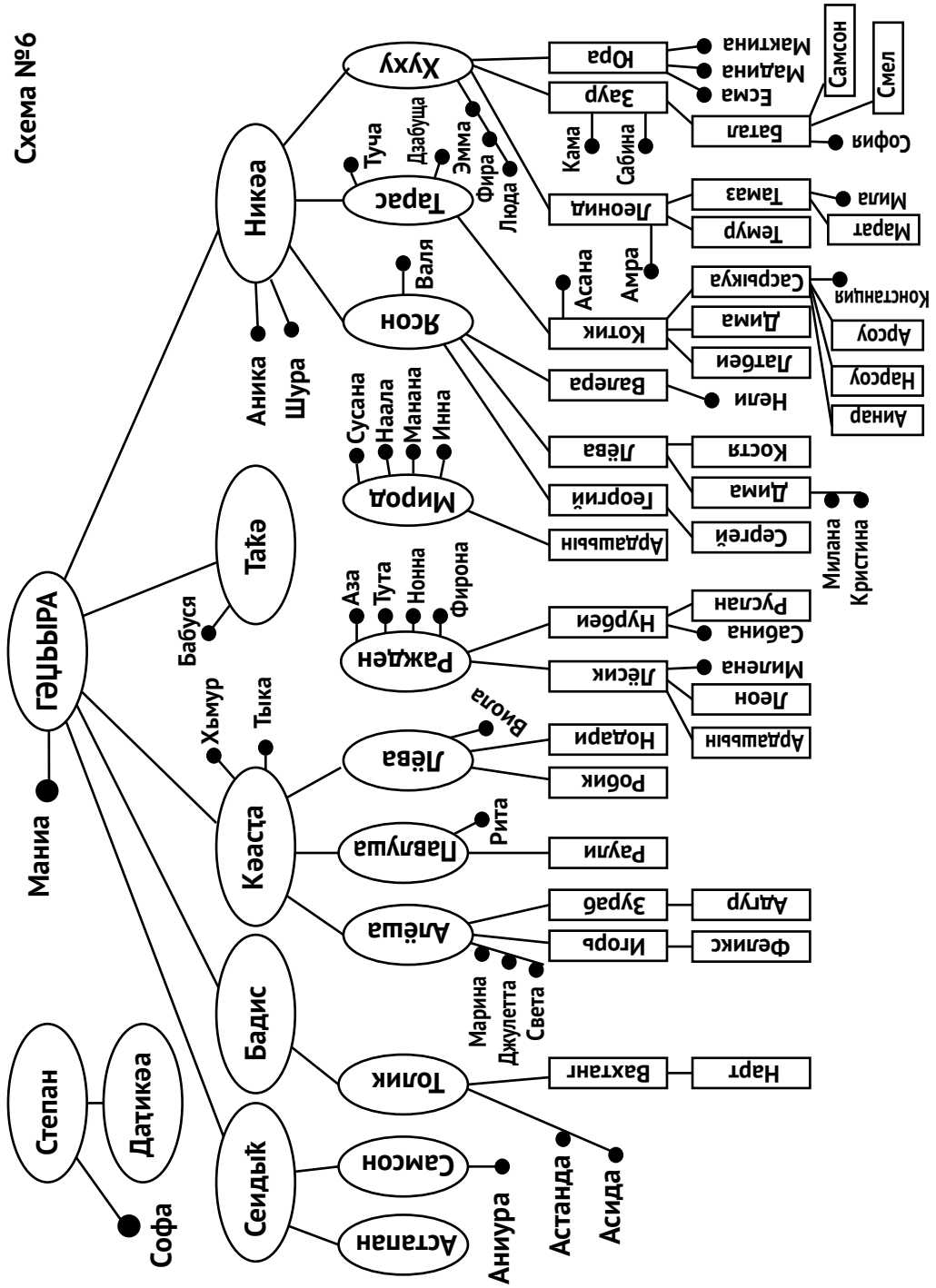

Схема №7

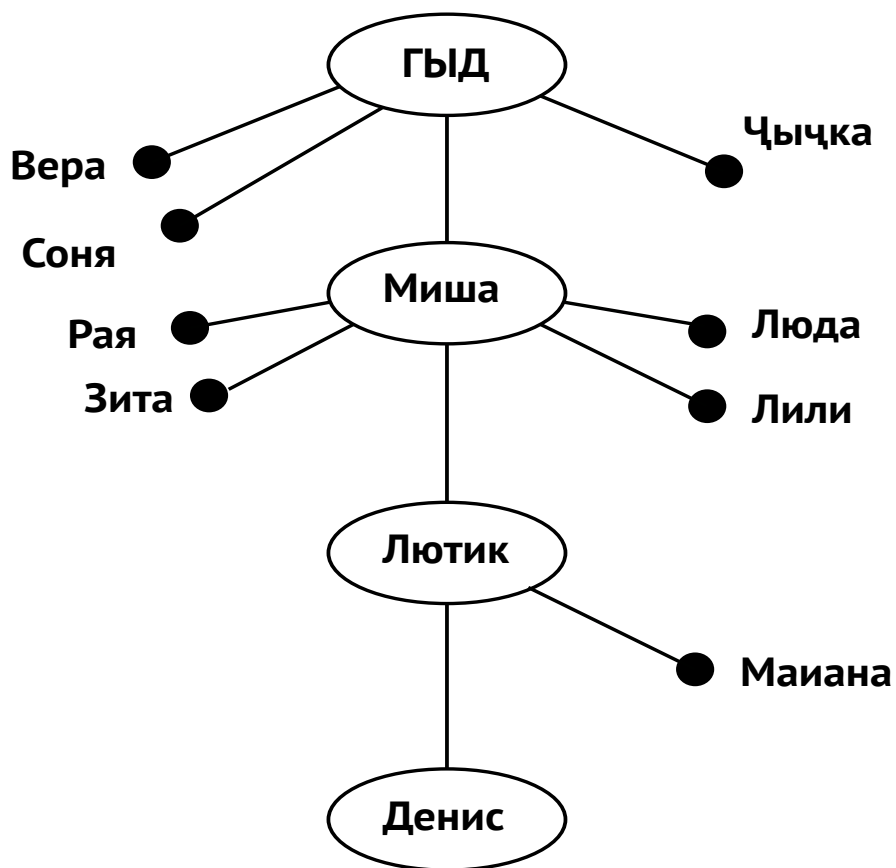
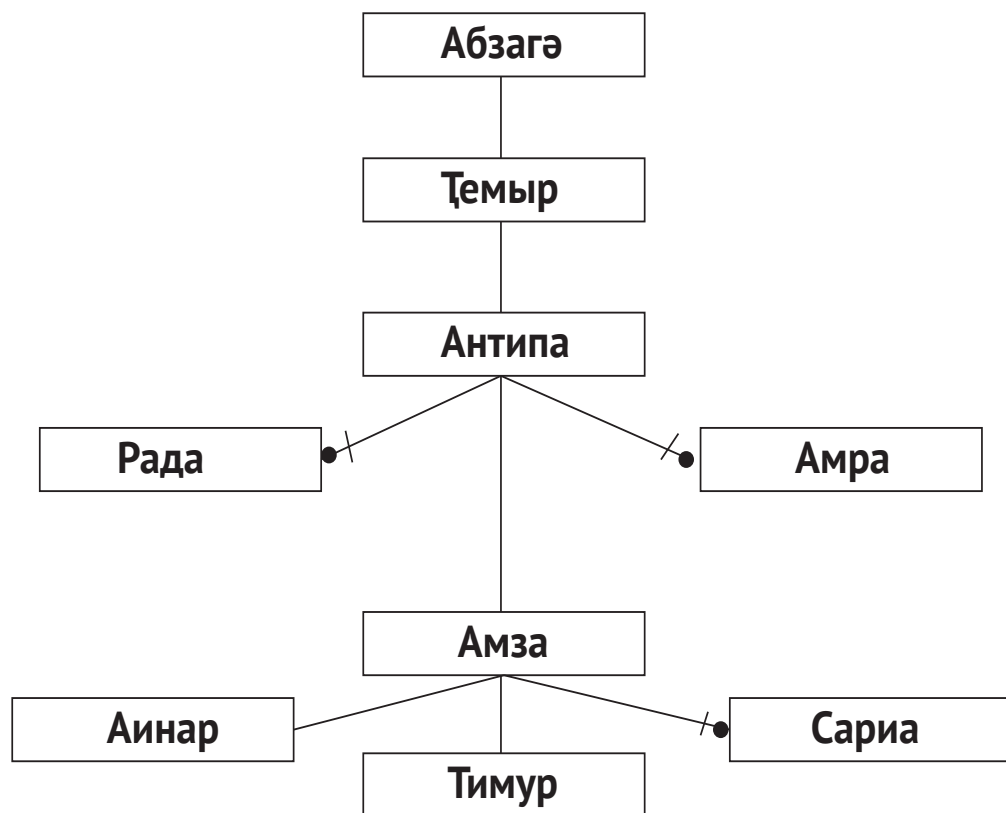
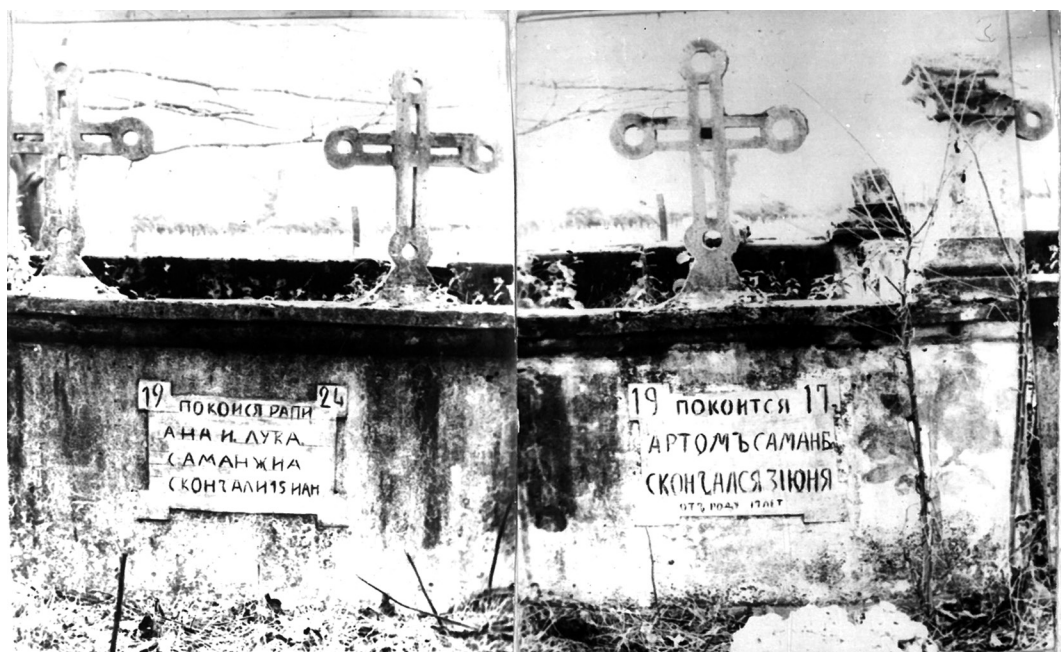
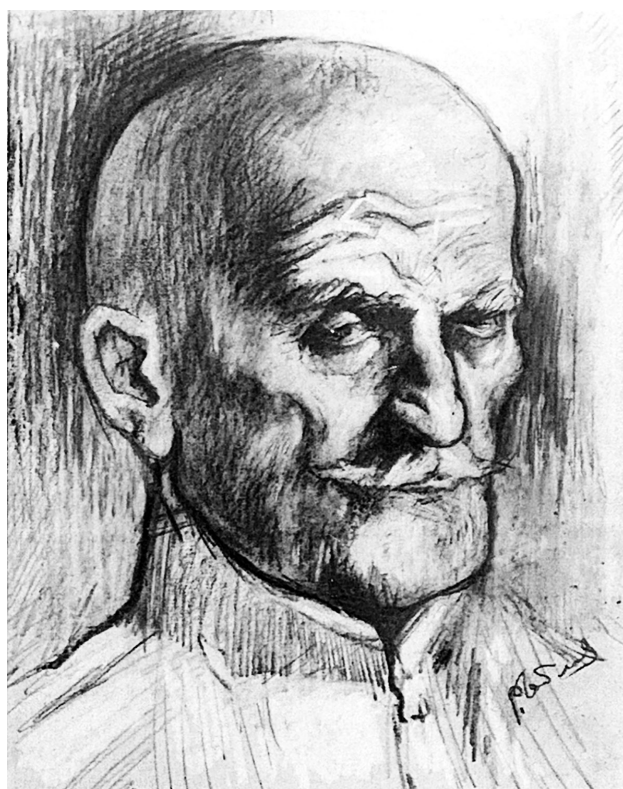

Схема № 9

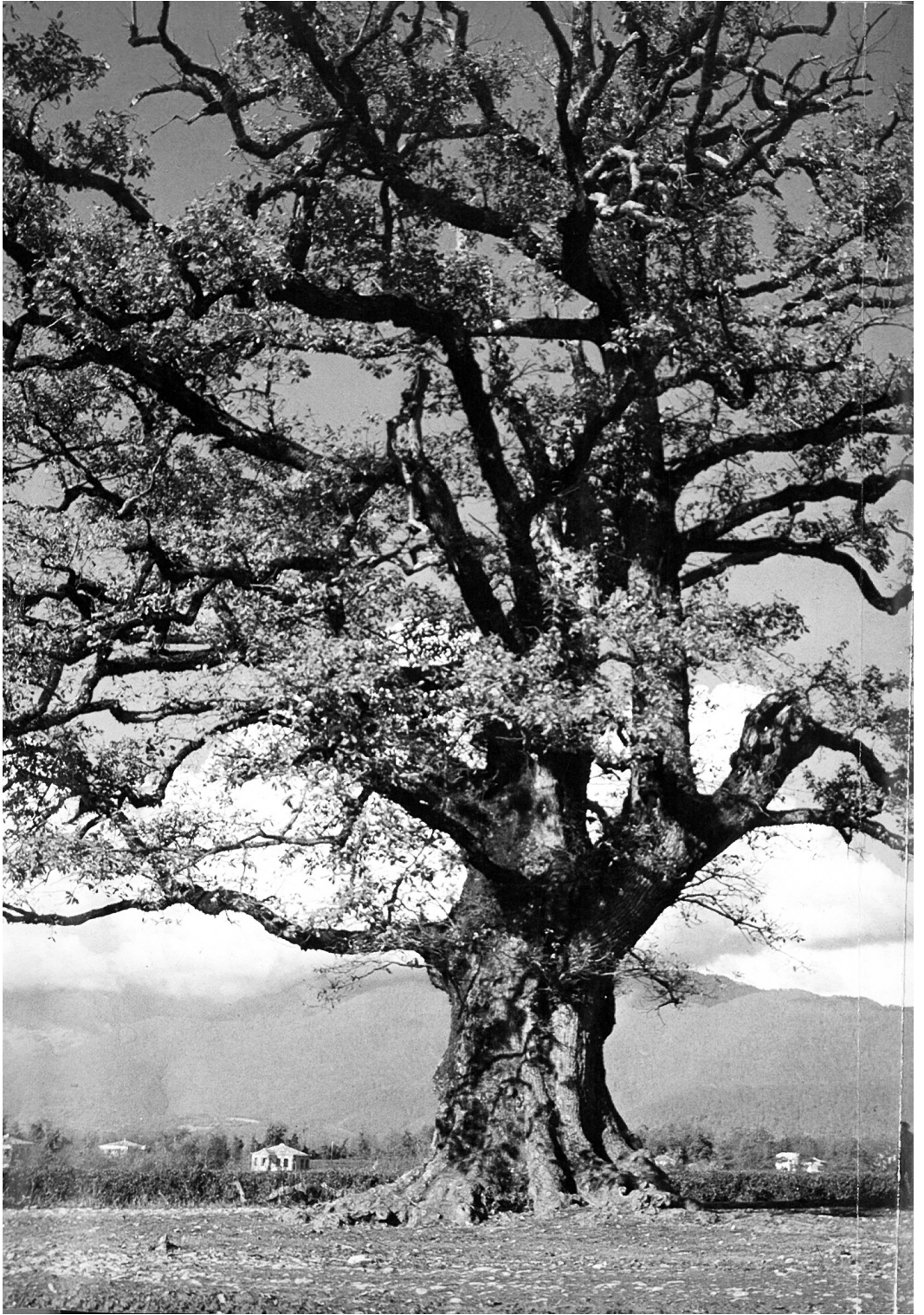

Асаманбақәә ххнбао Шьқәнт Лаз-иҭә лмкәала ххновшьтра,
 зәнжәу хәә ззихәәз аоһрақәә аһу ақьашана асахьа.

Джинджик Сманджия

И.И. Пимпия

ОБРАЗЫ ВОЙНЫ В АБХАЗСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Война исследуется через изучение человека в определенный исторический этап его жизни. Сохранение исторической памяти раскрывает роль, значение и последствия конфликтов не только для социума, но и для представителей определенной культурной традиции. В связи с этим нужно помнить также о культурной памяти, как механизме, в котором «война» воспринимается, как «предмет воспоминания и комментирующей обработки» [3, С.11].

Для того, чтобы определить терминологическую базу предметной области «образ войны» необходимо проанализировать само понятие, которое представляет собой комплекс представлений о войне. С.Ю. Жданова и С.Л. Мишланова доктора кафедры психологии развития и лингводидактики ФГБОУ ВПО «ПГНИУ» пришли к выводу, что образ войны в различных семиотических системах выступает в качестве субъекта восприятия, от статуса которого зависят закономерности формирования самого образа. В ходе исследования выявлено, что «важными содержательными характеристиками образа войны выступают интеллектуальный и эмоциональный компоненты. Интеллектуальные компоненты образа включают в себя рациональное, логическое осмысление явления. Эмоциональные компоненты отражают чувства и эмоциональное отношение к войне» [8, С.14]. Отстаивая свои интересы, абхазы, вовлеченные в конфликт с грузинами задолго до возникновения Отечественной войны 1992-1993 гг., находились даже не на границе «точек пересечения информационных потоков», а являлись творцами тех или иных решений, от которых зависит характеристика образа.

Одним из исследователей темы «памяти» и «образа войны» является Н. А. Антипин, выполнивший и защитивший в Челябинском государственном университете диссертацию «Русско-японская война в культурной памяти российского общества. 1904–2000-е гг.». Им подмечено, что «изучение трансформации образов войны в культурной памяти содействует пониманию механизмов репрезентации прошлого в общественном сознании, роли власти и общественных институтов в этом процессе, что, в свою очередь, наглядно показывает «изменчивость» прошлого, зависимость содержания образов исторических событий от современности» [2, с.3]. Исходя из этого тезиса, можно говорить не об отдельных видах памяти, а о влиянии различных культурных факторов на понимание и осмысление прошлого. Историческая память, понимаемая как историческое сознание, как правило, становится частью историографии.

Культуролог Е.А. Бегунова пишет, что общество пытается восстановить память культуры не через живую память, а через историческую реконструкцию. «Историография упрощает память людей актами выборочной, серийной ар-

хивации, она изучает свидетельства очевидцев наравне с документами, подчас не несущими в себе никакой живой памяти, она цензурирует и адаптирует морально не выносимые свидетельства прошлого» [6, с. 57].

Историки не единственные, кто хотят преуспеть в области этой тематики. Исторический подход состоит в поисках происхождения современных феноменов, независимо от наблюдаемого явления или события, будь это объект научно-технического прогресса или институциональной формации. Изучение исторической, культурной памяти концентрируется на западе в направлении «*memory studies*» и объединяет представителей целого ряда социально-гуманитарных специальностей: культурология, антропология, философия, история, социология и др. Однако ключевым понятием для истории является – время, представления о нем и вместе с этим смысл и назначение истории.

Зарождение исторического мышления связано с изучением войн. Здесь можно согласиться с профессором Европейского университета г. Санкт-Петербурга И.И. Курилла, который в своей монографии «Прошлое в настоящем» справедливо замечал, «что отец истории Геродот описал в своем сочинении Эллада историю войн греков с персами. Он не занимался проверкой информации, которую он включал в свой текст. А вот британский теоретик истории 20 века Р.Дж. Коллингвуд считал настоящим «первым» историком – грека Фукидиду, который в своей истории Пелопонесской войны применял для проверки и уточнения, полученных им сведений перекрестный опрос свидетелей, сравнивал, отмечал те, которые противоречат остальным данным. Это был первый метод исторической науки. Геродот и Фукидид написали труды о войнах, т.е. первые истории были историями войн» [11, С. 58]. Сказанное свидетельствует о том, что война порождает такие ощущения и ассоциации, воспоминаниями о которых хочется делиться дальше. Раскрывая специфику мировоззрения того времени следует говорить о традиционных ориентирах, составляющих основу античной религиозной философии и культуры. Религия, как часть жизни, становится предметом философской рефлексии. Автор статьи «Война и религиозное сознание в Греции» в вестнике Санкт-Петербургского университета О.В. Кулишова считает, что «война является важной составляющей античного мира и связана с традиционным комплексом религиозных представлений и сакральных действий. К важнейшим ее аспектам следует отнести значение важнейших культов богов, связанных со сферой войны, а также роль и структуру религиозных ритуалов в военное время» [10, С.1]. Мы знаем, что Абхазия испытала на себе культурную колонизацию греков [5, С.1]. При этом следует помнить, что метод единства исторического и логического в понимании культуры, а, вместе с тем, и формирование человеческой мысли опирается на основные этапы исторического развития представлений о культуре и ее понимания. Для европейской культурологии их составляют Античность, Средние века, Новое время [7, С. 26].

Доктор исторических наук А.Ф. Авидзба в «Проблемах военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992-1993 гг.)» ссылается на абхазского ученого Е. Аджинджал, который сообщает о том, что «почитаемым божеством в языческом пантеоне абхазов в прошлом был покровитель вой-

ны и военного дела Ареиааи». Миссия этого бога состоит в защите родных мест и своих сородичей от иноземных захватчиков. «В представлении абхазов в прошлом божество Ареиааи, постоянно находясь на месте боя, помогало своим воинам и делало противников кровобоязливыми. Местом восседания божества считались перевалы и высокие холмы (Дзына, Джирхуа и др.), на которых абхазы в виде жертв оставляли стрелы, мечи и другие атрибуты военного снаряжения» [1, С. 5]. В продолжении аргументирования данной теории, Аслан Фазлыбеевич подмечает также, что «известный абхазский фольклорист С. Зухба, анализируя работу Е. Аджинджал, замечает, что имя Ареиааи похоже на имя бога войны в древнегреческой мифологии Ареса, и допускает возможность созвучия и взаимосвязи между древнеабхазским Ариеааи и древнегреческим Арес. Интересно заметить, что в общих сведениях об абхазской мифологии у абхазского ученого, проживавшего в Турции, О. Бегуаа богом войны у абхазов фигурирует Арыс, находящий разительное сходство с наименованием древнегреческого бога войны – Аресом. В абхазской мифологии также божеством, защищающим людей от опасностей, подстерегающих их на войне, на охоте, в пути, является Аергъ» [1, С. 5].

Отголоски религиозного сознания находят отражение в событиях осени 1992 г., когда во время войны множество представителей абхазского народа во главе с Председателем Верховного Совета Абхазии и будущим главнокомандующим ее Вооруженными силами Владиславом Григорьевичем Ардзинба посетили святыню Дыдрипш (близ с. Ачандара), являющуюся одним из 7 мест силы, для божественного благословения.

Интерпретация фактов нередко переходит на уровень соединения с прошлым, что обуславливает возникновение категории «культурная память». Доктор философии Т.Э. Рогозина раскрывает этот термин следующим образом: «Культурная память» – это имманентное свойство социокультурного организма (общества), состоящее в его способности сохранять себя во всех своих модификациях, воспроизводя условия своего собственного существования на всех этапах развития. Культурная память необходима для сохранения и передачи социально значимого опыта, выступает одновременно и как способ сохранения прошлого в настоящем, и как условие преемственности исторического процесса» [12, С.14]. Исследователь Е.А. Бегунова указывает, что у культурной памяти есть такие черты: «институциональная формализация, символическое устройство (включая письменную фиксацию), наличие специалистов – носителей традиции. В зависимости от характера той или иной культуры память обращается либо к космическим мифам, либо к историческим легендам. В истории культуры «важнейшим событием является канонизация, замораживание памяти, когда течение традиции останавливается созданием канона» [6, С.58]. В традиционном обществе люди жили первобытными представлениями о мире и представлениями божественных писаний.

Культурная память собирает историю о нравах, привычках и образе жизни любого народа. Реальное отражение находит в мифологии, символах и знаках повседневной жизни, в языке, в практиках рассказывания, в материальных вещах, в проявлении гражданской позиции и вероисповедании. Это

лишь некоторые доказательства того, что культурная память – это огромное прошлое, собирающее в себе историю отдельного этноса, нации, а вместе с ней и государства.

Формированию памяти предшествуют сложившиеся языковые практики, в научной среде изучаемые, как нарративы. Человек проживает свою жизнь историями, и даже не совсем конкретными историями, а «как» он о них рассказывает. Вопрос «как» подтверждает качественную характеристику субъекта в части рассказывания. Нарративы находят отражение в литературных источниках. Последнее время популярность приобретают такие методы исследования, как интервью. Устная история может явиться действенным методом изучения войны. Через интервью люди могут рассказать про войну с другой стороны – «не отшлифованную идеологией и политикой, про ее повседневную жизнь, которую нельзя воспеть как героическую в пафосных фильмах и книгах, но которая и составляет подвиг «человека воюющего». Именно об этом меньше всего пишут и говорят историки [13, С.231].

Первые представления абхазов о войне находят свое отражение в мифологии, где она представляется, как «подвиг народа». Как нечто сакральное, война приобретает смысл схожий с «языческими» моделями отстаивания своих национальных интересов. Опираясь на концепт Мирча Элиаде о мифе, Бегунова пишет, что мифологичность присуща человеку. Если сравнивать современного человека и первобытного, то первый считает себя результатом истории, тогда как второй видит своё происхождение следствием воплощения некоторой сакральной истории, мифологических событий во времена начала всех начал [6, с.57].

Мифология абхазов представлена песнями, сказаниями, пословицами, сказками, легендами, преданиями. Все эти формы устного народного творчества формируют отношение народа к традиционным ценностям в части создания определенных образов. Сборник статей и материалов Ш.Д. Инал-Ипа «Памятники абхазского народа» собрал героические сказания о ста непобедимых богатырях нартах, рожденных одной матерью, и архаический миф о легендарном племени ацанов – карликовых богборцев [9, С.152]. Проживая свою жизнь не иначе, как воины, легендарные нарты сочетают в себе не только физическую силу, но и развитый интеллект.

Средневековье и Новое время в Абхазии так же насыщены войнами, крупными конфликтами, которые оставили заметный след в культурной памяти народа. Культурная память абхазов в период 19-21 веков включает в себя не только ситуации войны и вооруженных конфликтов, но и конфликты идентичностей и этнических сообществ. Повседневная память абхазов отражает более чем вековой конфликт с Грузией. Доктор исторических наук Т.А. Ачугба в работе «Этническая история абхазов XIX – XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты» свидетельствует: «На рубеже XIX и XX веков с выявлением практических шагов грузин по демографической аннексии опустевших земель Абхазии, по грузинизации абхазов, и в конечном итоге, по разоблачению политических целей духовных отцов грузинского народа по включению Абхазии в пределы будущего грузинского государства, зародился грузино-аб-

хазский этнополитический конфликт, который длится уже более века. С этого периода этническую историю абхазов следует рассматривать исключительно в контексте грузино-абхазского противостояния» [4, С. 94]. Эти мысли подтверждает и профессор Абхазского университета А.Ф. Авидзба, который считает, что «абхазо-грузинский конфликт является конфликтом ценностей, конфликтом идентичностей» [1, С. 5].

«Образ войны» возникает в истории абхазов на основе мифологического и религиозного сознания народа. Осмысление прошлого происходит под влиянием различных культурных факторов. Согласно результатам обсуждения в фокус-группе студентов исторического факультета АГУ выявлено, что формированию культурной памяти у его участников способствуют нарративы о проживании в условиях войны или подготовки к ней. Таким образом, можно говорить о «перманентном» состоянии «военного положения» как одного из главных составляющих культурной памяти абхазов.

Библиографический список

- Авидзба А.Ф. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992-1993 гг.). Книга I. Сухум. 2013. 640 с.
- Антипин Н.А. Русско-японская война в культурной памяти российского общества. 1904–2000-е гг. Кандидатская диссертация. 07.00.02// Защищена 29.11.2013 г. /Челябинск.
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах прошлого/Пер. с нем. М.М. Сокольской. М. 2004. 368 с.
- Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум. 2010. 356 с.
- Бжагба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум. 2007. 392 с.
- Бегунова Е.А. К определению понятия культурной памяти в зарубежной гуманитаристике // Вестник КемГУКИ 39/2017. Кемерово. С. 53-60.
- Драч Г.В., Штомпель О.М., Штомпель Л.А., Королев В.К. Культурология: Учебник для вузов. Спб., 2014. 384 с.
- Жданова С.Ю., Мишланова С.Л. Образ войны в различных семиотических системах // Вестник ПГТУ. Пермь. 2015. С. 11-17.
- Инал-Ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора. Нарты. Ацаны // Сборник статей и материалов. Сухуми. 1977. 200 с.
- Кулишова О.В. Война и религиозное сознание в Греции в V веке до н.э. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Вып. 1(№2). 2003. С. 1-13.
- Курилла И.И. История, или Прошлое в настоящем. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 168 с.
- Рагозина Т.Э. Культурная память. Историческая память // Наука. Искусство. Культура. Донецк. Выпуск 3(15). 2017. С. 12-21.
- Щеглова Т.К. Устная история: Учебное пособие. Барнаул: АлтГПА. 2011. 364 с.

М. Г. Дбар

О РЕФЕРЕНДУМЕ 3 ОКТЯБРЯ 1999 ГОДА И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ

Независимое Абхазское государство было создано в ходе национально-освободительной борьбы. Отечественная война в Абхазии 1992-1993 гг. завершилась в сентябре 1993 г. изгнанием войск Госсвета Грузии из Абхазии.

Обретение независимости требовало скорейшего правового закрепления завоеваний Абхазии. 26 ноября 1994 г. Парламент Республики Абхазия, принял новую Конституцию, которая провозгласила о создании народом Абхазии суверенного, демократического, правового государства – Республики Абхазия (Апсны).

3 октября 1999 г., в один день с выборами президента Республики Абхазия, было проведено и всенародное голосование (референдум). На него вынесен был вопрос: «Одобряете ли вы Конституцию Республики Абхазия, принятую Верховным Советом Республики Абхазия 26 ноября 1994 г., провозглашающую Абхазию суверенным, демократическим, правовым государством, субъектом международного права?».

Необходимость проведения референдума была продиктована, в первую очередь, тем, что международное сообщество не признавало факт самоопределения абхазского народа и поддерживало территориальную целостность Грузии.

Продолжалась террористическая война Грузии против Абхазии, велась также жесткая полемика по поводу возвращения беженцев в Гальский район. Еще 4 апреля 1994 г. в Москве было подписано «Четырехстороннее соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц». В соглашении предусматривалось, «что иммунитет беженца не распространяется на лиц, совершивших военные преступления или преступления против человечности; тяжкие уголовные преступления; ранее принимавших участие в боевых действиях и находящихся в составе вооруженных формирований».¹

Однако В.Г. Ардзинба в своем интервью Абхазскому радио в январе 1999 г. отмечал: «Около 1200 человек в свое время получили разрешение на возвращение в свои дома. Затем процесс возвращения беженцев был сорван. («Шестидневная война» 20-26 мая 1998 г.) Грузинская сторона опять взорвала ситуацию, использовав возвращение беженцев для развёртывания диверсионно-террористической деятельности в Гальском районе Абхазии».²

¹ А.Ф. Авидзба. Становление независимого Абхазского государства и Российская Федерация (1993-2008 гг.) // <http://www.kavkazoved.info/news/2013/08/12/stanovlenie-nezavisimogo-abhazskogo-gosudarstva-i-rossijskaja-federacija-1993-2008-i.html> (дата обращения: 03.04.2023).

² Интервью В.Г. Ардзинба Абхазскому радио // Газ. «Республика Абхазия», 13-14 января 1999 г. / Мы шли на смерть, чтобы жить. Сухум. 2011. С. 376.

Несмотря на такое поведение Грузии страны СНГ продолжали также оказывать ей однозначную поддержку. Так, 2 апреля 1999 г. в Москве на саммите глав СНГ было принято «Решение о дальнейших шагах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузия». В документе, в частности, подчеркивалось: «Государства-участники содружества будут и впредь оказывать полную поддержку суверенитету и территориальной целостности Грузии».¹

На этом фоне, 19 июля 1999 г. на сессии Народного Собрания РА было принято Постановление «О назначении выборов Президента Республики Абхазия» на 3 октября 1999 года.² 20 июля Генеральный секретарь ООН К. Аннан назвал предстоявшие выборы своего рода народным референдумом. Но уже в резолюции СБ ООН от 30 июля выборы Президента Абхазии были объявлены неприемлемыми и незаконными.³

Тем не менее, 25 августа ЦИК Абхазии зарегистрировал В. Ардзинба кандидатом в Президенты РА. А 30 августа 1999 г. был издан Указ Президента Республики Абхазия о проведении «Всенародного голосования (референдума)».⁴

А. Ф. Авидзба в своей статье «Акту о Государственной Независимости РА – 20 лет» приводит ответ В. Ардзинба на вопрос о необходимости проведения референдума: «Я, как Президент, должен знать ответ на вопрос – поддерживает ли народ Абхазии курс руководства республики на строительство суверенного, независимого, демократического государства. Грузинской прессой и рядом представителей международных организаций все время муссируется мнение о том, что якобы «строительство суверенного, независимого государства разделяют лишь Ардзинба и его окружение, а мнение у народа другое. Это уже само по себе требует ответа».⁵

Тем не менее, как справедливо отмечала видный ученый и общественный деятель Тамара Платоновна Шакрыл, референдум был «необходим не для того, чтобы убедиться самим во всеобщем желании народа. В этом никто не сомневается. Нам референдум нужен для того, чтобы мировое сообщество знало подлинное желание народа Абхазии».⁶

Накануне абхазского референдума МИД России заявил о том, что «решение Абхазских властей о проведении референдума о независимости может отрицательно повлиять на процесс урегулирования». Министр иностранных дел И.С. Иванов отметил, что Россия, как и все мировое сообщество, не признает независимость Абхазии и провозглашенную в ноябре 1994 года Конституцию.

¹ А.Ф. Авидзба. Акту о Государственной Независимости РА – 20 лет. // Материалы первой научной конференции аспирантов и молодых ученых «Наука и молодежь: актуальные проблемы абхазоведения». Сухум. 2021. С. 4.

² Газ. «Республика Абхазия», № 62, 21-22 июля 1999 г.

³ А.Ф. Авидзба. Акту о Государственной Независимости РА – 20 лет. // Материалы первой научной конференции аспирантов и молодых ученых «Наука и молодежь: актуальные проблемы абхазоведения». Сухум. 2021. С. 5.

⁴ Газ. «Республика Абхазия», № 100, 1-2 сентября 1999 г.

⁵ А.Ф. Авидзба. Акту о Государственной Независимости РА – 20 лет. // Материалы первой научной конференции аспирантов и молодых ученых «Наука и молодежь: актуальные проблемы абхазоведения». Сухум. 2021. С. 6.

⁶ Газ. «Республика Абхазия», № 115, 1-2 октября 1999 г.

Он подчеркнул, что «проведение референдума, если он состоится, не изменит нашей позиции».¹

В противовес МИДу, директор Федеральной пограничной службы России К. Тоцкий заявил, что «перспективы прекращения блокады Абхазии с российской стороны вполне реалистичны», он также сообщил: «В недрах различных российских ведомств, действительно разрабатываются соответствующие нормативные акты, которые позволят России безболезненно снять блокаду с самопровозглашенной республики».²

Как оказалось, Тоцкий был прав. В ходе одной из встреч с избирателями Гульрипшского района В.Г. Ардзинба обнародовал следующую новость: «9 сентября правительство РФ приняло Постановление под номером 1029 за подписью В. Путина, которое признавало утратившим силу постановление КМ РФ от декабря 1994 года о введении ограничений на р. Псоу».³

Однако, вскоре, несмотря на то, что абхазская сторона не раз констатировала о непричастности к подготовке и засылке боевиков в Чечню, где к тому времени начиналась «Вторая Чеченская кампания», с 17 часов 1 октября на р. Псоу были вновь введены ограничения пропускного режима: запрет перехода границы вновь распространялся на мужчин в возрасте от 16 до 60 лет и транспорт без специального разрешения. Таким образом, пропускной режим по р. Псоу, который функционировал в нормальном режиме неполные 10 дней – с 21 сентября по 1 октября 1999 г., был вновь ужесточен.

Несмотря на такое давление, 3 октября 1999 г. выборы в Президенты РА и референдум «О независимости», как уже было отмечено, все же состоялись.

На выборах в Абхазии присутствовало более 70 наблюдателей от Государственной думы (что показывает отсутствие в политических кругах тогдашней России единства по этому вопросу), Приднестровской Молдавской Республики, Краснодарского края, Карачаево-Черкесии, Южной Осетии, Адыгеи, Нагорного Карабаха. Они отмечали высокую активность населения и отсутствие значительных нарушений, которые могли повлиять на результаты выборов и референдума.

4 октября 1999 г. с информацией о результатах выбора президента Республики Абхазия и референдума перед абхазскими и зарубежными журналистами выступил председатель Центризбиркома по выборам Президента Республики Абхазия и проведению референдума В. Цугба. Он отметил, что приняли участие в голосовании 87,7% занесённых в списки избирателей. В поддержку конституции, вынесенной на референдум, процент проголосовавших составил 97,5 – то есть Конституция была одобрена. В. Цугба подчеркнул, что цифра 214.503, характеризующая списки избирателей, – это почти 60% избирателей, которые числились на момент переписи 1989 г. «Следовательно – отметил он – доводы наших оппонентов относительно нелегитимности выборов абсолютно не обоснованы».⁴

¹ Газ. «Республика Абхазия», № 115, 1-2 октября 1999 г.

² Газ. «Республика Абхазия», № 101, 2-3 сентября 1999 г.

³ «Мы шли на смерть, чтобы жить». Сборник интервью и выступлений В.Г. Ардзинба. Сухум. 2011. С. 445.

⁴ Газ. «Республика Абхазия», № 116, 6-7 октября 1999 г.

Когда после Президентских выборов и референдума 3 октября 1999 г., В. Г. Ардзинба спросили, каким образом он собирается строить свою политику, исходя из того, что ни выборы в президенты, ни референдум не были признаны мировым сообществом, Владислав Григорьевич ответил: «Задачи остаются прежними – это строительство независимого суверенного демократического государства».¹

На основе итогов референдума, 12 октября 1999 г. сессия Народного Собрания приняла Акт о государственной независимости Республики Абхазия. Таким образом, референдум 3 октября 1999 г. и его итоги были призваны продемонстрировать международному сообществу решимость абхазского народа и всех граждан Абхазии на строительство независимого государства.

¹ «Мы шли на смерть, чтобы жить». Сборник интервью и выступлений В.Г. Ардзинба. Сухум. 2011. С. 450.

НАНЕИ МАНАНЕИ ЛАКАШЬИАПҶАЦӘ РАХЬ АСАЛАМ ШӘКӘҚӘ

Агәала рацәа зцу ашәкәқәа

Ниже приведены письма, написанные Нане и Манане Лакашия, которые во время войны находились в Гудауте. Они были отправлены из г. Ткуарчала и с. Бедиа, где остались их отец, мать, брат, сестра, племянники, племянница... Здесь опубликовано 23 письма 9 авторов – родных Наны и Мананы Лакашия.

Может быть, в них содержатся не много информации о конкретных исторических событиях, но уже одно то, что они были написаны во время войны людьми, разделенными ею и не имевшими возможности общаться непосредственно, делает их важными историческими источниками. Их авторы проявляли свое беспокойство о родных. Письма, безусловно, являются конкретными, ибо их авторы писали, в первую очередь, для успокоения своих родных и самих себя, а не для того, чтобы сохранить какие-то сведения для истории. В условиях повседневной тревоги за близких думы об истории и ее источниках отходят на второй план.

Эти письма, не являются военной корреспонденцией, тем не менее могут быть важным источником для изучения истории войны, ибо история войны – это не только боевые действия противоборствующих сторон и геополитические игры заинтересованных сторон, но и судьбы людей, их переживания и психологическое состояние общества...

Наконец, нужно иметь в виду и то, что в этих письмах мысли и думы тысяч людей, которые мечтали о конце войны, о наступлении того момента, когда можно будет встретиться со своими родными.

Не все письма датированы, но по возможности они приводятся в хронологическом порядке.

Цақа иаагоуп Аңснйтәи аибашьра аан аиҳәшьцәа Нанулии Мананеи Лакашьи-апҶацәа рахь рҕынхацәа ирыѿѿуаз асалам шәкәқәа.

Лакашьиа Нанули Тонто-иҶа диит ноиабр 5, 1956 шықәса рзы Очамчыра араион Бедиа ақытан. Далгеит Ақәатәи аҳәынҭқарратә апедagogигатә институт афилологиятә факультет (1977). Аус луан Актәи Бедиатәи абжьаратә школ аҶы Аңсуа бызшәеи алитературеи, аҶоурыхи рырҶаѿыс. 1980 шықәса инаркны аус луан Аңсуа хәынҭқарратә университет ақны. 1989 шықәса раахыс Аңсуа хәынҭқарратә университет апедagogикеи апсихологиеи акафедра дарҶаѿын, нас дадоцентын. Аңснйтәи Ацьынцьтәылатә еибашьра (1992-1993) аан аус луан Ашьхарыуаа Жәлар рконфедерация Гәдоуҭатәи аштаб аҶы. Нанули Лакашьиа Аңсуа университет аҶы еиҶкааз адиссертациятә хеилакқәа ѿба рҶы Ҷарауаѿ мазаныкәгаѿс дықан. Уи дравторуп 25 инареиҳаны аңсуа жәлар рпедagogика азҶаарақәа аазырҶшуа анаука методикатә усумҭқәа. ЛыҶстҶазаара далҶит Ҷхынчкәын мза 2021 ш.

Лакашыиа Манана Тонто-иңха далгеит Аңснйтәи аҳынтқарратә университет афилологиатә факультет. Аус луан Актәи Бедиатәи абжъаратә школ №1 аңсуа бызшәеи алитературеи рырџафыс. 1989 ш. инаркны аус луан И. Гь. Паскъыр ихъз зху абиблиотекаҕы. Аңснйтәи Аңынцътәылатә еибашьра (1992-1993) аан аус луан Ашьхарыуаа Жәлар рконфедерация Гәдоутатәи аштаб аҕы. Гәдоутә агоспиталь анадьрты инаркны ахәцәа ацхыраара рылтон. Изныкымкәа Нхыц-Кавказынтәи итәахаз рыңсыбафқәа ртәацәа рахь изгоз Аңснйтәи адегация далахәын. 1995 ш. рзы аусура далагеит ААУ анаукатә библиотекаҕы, 1996 ш. инаркны иара убри абиблиотека абиблиографиятә кәша еиҳабыс.

Абрака аҳәара атәхуп хәа сгәы иаанагоит ацарауаф, аибашьфы, Леон иорден занашьоу Шьазина Цьапуаңха аибашьра ианалага адрьфәены, август 15, 1992 ш. рзы лымшындә ианылцаз афакт: «Абра (Акәа, Ацха кәпшь. – А. А.) хшеилыхоз инеит Емма Кьыллха, Тали Цьапуаңха, Цира Габниаңха, Нанеи Мананеи Лакашыиаңхацәа, хәхышәыхәо акрыказар хәаит хәа»¹. Убри амшындәкәа рҕы август 17 рзы атипография ахьгылоу Акәа алцырҕаҕы икәз ахтысқәа дрыхцәажәо Шь. Цьапуаңха илыфәоит: «... еилафынтрахеит, икәз хзеилыргомызт. Ашьтәхь имахцә данкны, акәадабаа иҕашы азәы дрыманы аанда иаахыцит. Нанеи сареи хәфны хнеит. Ихәра ҕызәзәааны иҕахәара ханалага, шәикәай, уиакара изыкацара атәхым хәа изытрысуан ацкәынцәа. Ари аакырҕуа жарналист Б.»² иакәын»³.

Ашәкәкәа авторцәа:

Чкадуаңха-Лакашыиа Евдокия Томо-иңха (1924-2006) – диит Очамчыра араион ақытә Бедиа. Аус луан Актәи Бедиатәи абжъаратә школ №1 алагартатә классқәа рырџафыс. Хәфык ахшара лаазеит, аафык амаҕацәа драндууп. Аңсны зәаңсазтәыз арџафы хәа ахъз лыхцәоуп.

Лакашыиа Иура Тонто-иңха Нанеи Мананеи Лакашыиаңхацәа рашьа – диит шун 1946 ш. Акәатәи аиндустириалтә техникум далгеит, Аңснйтәи Аңынцътәылатә еибашьра (1992-1993) аветеран. Иңсҕазаара далцит апрель 5, 2022 ш. рзы.

Лакашыиа Нары Тонто-иңха, Нанеи Мананеи Лакашыиаңхацәа рәхәшья – диит февраль 28, 1959 шықәса рзы Очамчыра араион Бедиа ақытан. Далгеит Ткәарчалтә абжъаратә школ №5, Аңснйтәи Аҳынтқарратә университет афилологиатә факультет далгеит (1981). Аус луан Актәи Бедиатәи абжъаратәи ашкол №1 аңсуа бызшәеи алитературеи арџафыс.

Цьынцәаллха-Лакашыиа Дарецян Лаврент-иңха, Нанеи Мананеи Лакашыиаңхацәа ртәаца, Иура Лакашыиа иңшәмапхәыс – диит ианварь мза 1956 ш. рзы. Хәфык ахшара дрануп. Лыңсҕазаара далцит ианварь 25, 2022 ш. рзы

Цьынцәаллха Цьулетта Лаврент-иңха – Нанеи Мананеи Лакашыиаңхацәа ртәаца ләхәшья. Лыңсҕазаара далцит октиабрь 26, 2020 ш.

Лакашыиа Темыр Иура-иңха, Нанеи Мананеи Лакашыиаңхацәа рашьа иңа. 1990 ш. рзы дтәлеит Аңснйтәи аҳынтқарратә ауниверситет, афилологиатә факультет «Аңсуа бызшәеи алитературеи» рзаанат ала. Далахәын Аңсны

¹ Шьазина Цьапуаңха. Амшындәкәа. Шәипхъаз згымхаша аибашьра... Акәа. 2023. Ад. 12.

² Арака зыгбахә хәоу ақыртүа журналист Александр Берулава иоуп. Ара иаагоу ахтыс ашьтәхь уи ихы дақәйттәын, анафсан Акәа еиҕекааз аокупациятә мчрақәа рҕы аус иуан, аңсуаа рганахәала ицбараны ихы мөапигон. Аибашьра атыхәтәантәи амшкәа раан дыршьит.

³ Шьазина Цьапуаңха. Амшындәкәа. Шәипхъаз згымхаша аибашьра... Акәа. 2023. Ад. 17.

ацъынцътэылатэ еибашьра (1992-1993). Деибашьуан Мрагыларатэи афронт афы. Ианашьоуп «Ахацъаразы» аорден. 1997 ш. ААУ афы ицара хиркэшеит.

Лакашьиа Демур (Цакэа) Иура-ицъа, Нанеи Мананеи Лакашьиаицъацэа рашьа ицъа. 1991 ш. рзы далгеит ашкол. 1992 ш. рзы дтэалеит Ацъынцътэи Ацъынцъарратэ университет Ацъоурыхтэ факультет. Ацъсны Ацъынцътэылатэ еибашьра (1992-1993) далахэын, дахыцъхьазалан Мрагыларатэи афронт ахцатэи аполк. 1997 шықэса инаркны 2001 шықэсанза аус иуан Ацъынцъатэи рускъа Акэатэи ацъаша афы. Иахьа аус иуеит Ацъынцъатэи аускъа ацъынцъарратэ аиспекцияафы, амилиция дамаиоруп.

Лакашьиа Ирма Иура-ицъа, Нанеи Мананеи Лакашьиаицъацэа рашьа ицъа. 1981 ш. далгеит Ацъсуа ацъынцъарратэ университет Абиология-географиятэ факультет. Аус луан Бедиатэи абжъаратэ школ афы абиологияеи ахимиеи рырцъафьс, Акэатэи а-19-тэи абжъаратэ школ афы (№6). 2006 шықэса раахьс ахэыцъацъа «Ажэцъыс» аазафьс аус луеит. Аазафь актэи акатегория акавалификация ланашьоуп. Дтэаацэароуп, длаазоит ацъа.

Шадания Мурман Грант-ицъа – Лакашьиа Нары Тонто-ицъа лыцъшэма, Нанеи Мананеи Лакашьиаицъацэа рымацъ.

Арцъ ашкэцъа ирныцъшеит аибашьра еицъэнашаз аицъынхацэа азэиазэи рехьызаара. Убри ацъынцътэ уамашэа иубартэ икама ашкэцъа равторцэа ирацэаны рхы иахьадырхо алабжъара-азеицъшара: «Шэхы шэеицъацъа!». Лымкала иазгэатэатэуп цъа сгэы ианангоит ан - Евдокия Чкадуа-Лакашьиа - лышэцъацэа. Урцъ уанрыцъхьо рацъхьаза убла иаахгылоит имфэацъысуа зегьы лара илхароушэа, адунеи хылфаалазшэа ахылцъхьазо. Иацъхэап, актэи лышэцъа афы илыфэоит: «Зегь зхароу сара соуп, 67 шықэса ахьнысцъаз»; афбатэи афы - «Сара сымцъсит, ижэбоит»; ахцатэи афы - «Ак зцъэмыз сакэын сара, сабанзааиуаз 67 шықэса», ацъшбатэи афы - «Икацъари, абри азы акэзаап 67 шықэса знысцъаз сара». Ара иубартэоуп ан инылцъаз шырацэалшьоз, лара илзааигэоу ауаа уи акара рызнымцъар цъа, урцъ рыцэгыара абара дшацэашэоз. Аха убри аамцъазы узавсуам ан, егьа илцэыуадафэаргьы, лгэы шылцъсахуаз, ашкэцъы ззылкуаз - лыцъацэа - ргэырфэа лырмацъыр шылцъахьы. Ахэбатэи ашкэцъа афы илыфэуан: «Уацъа исылшом, шьцъа шэысзыцъауам, мап, исцъэеит цъа исыцъароуп..., даара сгэы сырзэцэоит, анцэа сцъэоит».

Абрака иаагоуп 9 авторцэа ирыфэфьыз 23 салам шэцъы. Шэахэ. атаблица

№	Авторцэа	Аиш. рыхьхьазара
1	Чкадуаицъа-Лакашьиа Евдокия Томо-ицъа	7
2	Лакашьиа Иура Тонто-ицъа	1
3	Лакашьиа Нары Тонто-ицъа	4
4	Цъынцъалцъа-Лакашьиа Дарецъан Лаврент-ицъа	2
5	Цъынцъалцъа Цбулетта Лаврент-ицъа	3
6	Лакашьиа Ирма Иура-ицъа	3
7	Лакашьиа Тэмыр Иура-ицъа	1
8	Лакашьиа Демур (Цакэа) Иура-ицъа	1
9	Шадания Мурман Грант-ицъа	1
10	Зегьы	9
		23

АИБАШЬРА ААМТАЗТЭИ АСАЛАМ ШӘКӘКӘ

ЕВДОКИА ЧКАДУАЦХА-ЛАКАШЬИА – НАНЕИ МАНАНЕИ
ЛАКАШЬИАЦХАЦӘА РАХЬ

Асалам шәкәы №1

4. XI. 1992 ш.

Нана, Манана, шәан дшәыкәыхшоуп!

Хара бзиа хәкоуп, шәахцәымшәан, нан, шәара шәоуп гәырџас ихамоу. Исхәара сыздырзом, уи шыта шәара ижәдыруеит. Нана, Манана хашәкәы шәмоузеи?

Мацара еилыскаарц истахыз шәуада атызшәа, арахь еилкаашья егьхамазам. Нана, Манана кәышрыла исхәарызеи, зегь узантџом.

Манана, Рамаз Апаллон-ипа Самсониа¹ итызшәа хәа акыр жәдыруазар ианышәтца.

Нана, Манана, ах шыри знык шәызбандаз, уаха акагы стахзам, нан. Нана, зегь зхароу сара соуп, 67 шықәса ахьныстџаз.

Нана, наиабр 5, бымш иира, бан дбыкәыхшоуп.

Срыцхашәшьа, ишшәылшо ашәкәы сзышәыџла, срыцхауп.

Шәан дшәыкәыхшоуп!

Асалам шәкәы №2

9. XI. 1992 ш.

Нана, Манана! Шәышцәкоу, нан, шәан дшәыкәыхшоуп. Шәшыкоу сара издыруеит. Нана, Манана, а-3-тәи ашәкәы хәуит, хәргы есқынгы хәџеит, ишәоуу сыздырзом. Нана, Манана, иақәыз абас акәзаап хразкы, сара сымпсит, ижәбоит.

Нана, Манана, хара бзиа хәкоуп, шәахцәымшәан. Амала сзыргәакуа шәуада азбахә хара еилкаашья хәмазам.

Нана ибасхәарызеи, бан дбыкәыхшоуп, шәхы шәеичаха.

Нана, Иура снейеит хәа игәы иџоуп, аха ишыкаитцара хәа сыздырзом. Сара соуп зынза изтаха, аха ишызура сыздыруам.

Нана, икахтарызеи, хәхәапшып ишыкало. Ахахаи, шәхы шәеичаха. Нана Ира² лызбахә анышәтца. Шәеицыками?

Манана, бара боуп сзыкәгәыгуа, бан дбыкәыхшоуп! Изыџра сыздыруам, ауатах ахабар хара еилкаашья хәмазам. Иааурызеи шәара шәыказ, зегь калап.

¹ Самсониа Рамаз Апаллон-ипа шытрала Бедиатәын, айбашья калаанза дынхон Акәа.

² Ирина Шоҟа- ипха Агрба – аҟсуа тоурыхтцааџ, аҟоурыхтә наукакәа ркандидат, аполитикатә ахәынтқарратә усзуџ. Аҟснытәи Аҟынцәтылатәи еибашья аан аус луан Ашьхариуаа Жәлар рконфедерация Гәдоутатәи аштаб аҟы. Нхытц Кавказтәи иааз, хатәгәапхарала аҟсуаа ирыдгыланы еибашьяуаз ауааи, агәыпкәеи, ирызкыз ателедырратаракәа маҟымкәа дравторуп.

Аотэы егъа сымоуп, аха ианыстара хэа сыздырзом. Манана, Самсониа Ра-
маз Апаллон ичкэын ихабар цъарак ижэдыруазар ианышэтца.

Манана, шэан дшэыкэыхшоуп?

Нарирааггы зегъ бзиа икоуп. Шэылцэымшэан.

Шэан.

Асалам шэкэы №3

14. XI. 1992 ш.

Манана, бан дбыкэыхшоуп, шэышэкэы хауит а–3–тэи 14. XI. 1992 ш.

Манана, зегъ еилкаауп шэшыкоу, нан, хашцакалари!

Манана, бара боуп сзыкэгэыгъа нан, бан дбыкэыхшоуп!

Манана, хара зегъ бзиа хакоуп, шэара шэоуп гэырѳас ихамоу.

Манана, изурызеи, ак зкэымыз сакэын сара, сабанзааиуаз 67 шыкэса, аха
Манана ижэдыруа зегъ анышэтца игэакуеит ауаа.

Манана ауатах саргэакуеит, аха иааурызеи, бан дбыкэыхшоуп, издыруада
аразкы хамазар еибгахар. Бан дыпсааит, иаабрыхыз.

Манана, Иреи Тали¹ шэеибабозар, шэара шэеипш гэхъаас ишсымоу сыз-
рахэ, егырт шэѳызцэа ишэыцкэоу зегъы.

Нарирааггы зынза бзиа икоуп, ескынгы шэызбахэ рхэоит. Идухеит
ахэыцкэа. Шэахэшыа Наризегъ реизгара даѳуп рыцха, сахэшыцэа рзы хэа. Са-
ра сааста дгэырѳоит, шэан дшэыкэыхшоуп! Манана, шэан дшэыкэыхшоуп,
шэы шэеичаха.

Манана шэпансионат адрес анышэтца, ара аштаб акны иааадыртит апочта.
Бан.

Асалам шэкэы №4

14. XI. 1992 ш.

Нана! Бышцакоу, бан дбыкэыхшоуп?

Шэышэкэы хауит 14. XI. 92 ш., даара хгэыргэеит, аха зеипш гэыргъароу са
сзы бара ибдыруеит. Нана, икахтари, абри азы акэзаап 67 шыкэса зныстцаз сара.

Нана, шэара ижэдырп шэы шныкэыжэго, цкъа шэхэыц, бан дбыкэыхшоуп.
Нана, Ира лылакэа сызгэыдкыл, исызлашэхэ шэара шэеипш лара лзгы сыш-
гэырѳо.

Нана, шэы шэеичаха, шэан дшэыкэыхшоуп! Хара зегъ бзиа хакоуп, шэым-
шэан. арахь икоу атагылазаашыа шэаргы ижэдыруеит, аха хара хкыта ак...²

Нана, издыруада Чиқэа лызгабцэа, ма лымахэцэа уахь ижэбозар, ианышэ-
тца. Нана ижэдыркэоу уа икакэоу зегъ анышэтца.

¹ Тали Шэаликэа-ипца Цъапуа – ацсуа тарауаѳ, афилологиа тэ наукакэа ркандидат. Аполи-
тикэтэ, ауаажэлартэ, ахэынцкэартэ усзуѳ. Ацынцэтэылатэ еибашыраан ацсуа архэтэкаэа
медиахэшыас дрыцын, нас февраль 1993 шыкэса инаркны артэ хроника авидео ианылтцон.
Тали Цъапуа-пха лара ианылтцаз ахроника иалхны иахъазы еикэыршэоуп 50 инареиханы са-
атк-саатк иназынапшуа ицо адокументалтэ фильмкэа. Урт аибашыра атоурых атцааразы, хэы
змам хытхыртакэоуп. Тали Цъапуа-пха «Ацсны Афырхатца» хэа ахъз лыхтцоуп.

² Ажэа еилкаам.

Нана, хқытаҕы хыык тахеит, Харчлаа Заур Б.¹, Самсониа Сограт Е.², Хоҕыаа Роман А.³. Уажы тынчроуп, шөымшөан хара хыи ишөартазам.
Знык шөыизбазшөа сыкандаз, уаха акагы стахзамызт!
Уаха изыоуа хөа сыздырзом. Бан дбыкөыхшоуп!

Асалам шөкөы №5

Нана, Манана, шөышцакоу?
Шөышөкөы хмоужьтеи акыртцеит, икалазеи, уаха исылшом, шыта шөыс-
зычхауам, мап, исхөеит хөа исычхароуп.
Хара хар хамазам шөахцөымшөан, бзиа хакоуп зегы.
Иура апозициа далоуп, Темыр арациаҕы аус иуеит.
Бедиа аҕагылазаашыа цөгьоуп, аха макыана хар хамам, шөымшөан.
Нана, Манана, иааурызеи, шөара шөбара соуандаз, ак стахзамызт, зегь хау-
рын. Шөара шөхы шөеичаха, шөара шөсымаз, уаха акагы стахзам, сызкөыхшоу
шөара!
Зегь бзиа хакоуп. Нари лхөыцкөа лыманы дыпцхакны дыкоуп иахышөартам
атыц аҕы, Урыстөыла дзымцеит. Нари хыаас дкашөымтцан, зынза иахышөартам
дыкоуп. Сара Бедиа ашөарта гөҕөакөа аныказгы цыаргы сеитамтцит.
Шөан дшөыкөыхшоуп, ишөасхөара сыздыруам, даара сгөы сыргөҕөоит, ан-
цөа сихөоит.
Муса⁴, шөара пату шөыкөызтцо, аоны дыкан, ихалшоз ала апату икөахцөит,
2 нызкь маат истөит. Днеизма шөара шөахь? Ашөкөы ианышөтца.
Иура апост аҕы дгылан, убас арадио акынтө Нана лцөажөабжь рахөит ара-
циаҕы. Иура уахь днеиаанза ацөажөара далгахьан, даара игөы архөыцит.
Шөан дшөыкөыхшоуп, ак гөырөас икашөымтцан, зегь хауеит иахцөызыз,
мацара атынчра калааит.
Нана, Манана, шөан дшөыкөыхшоуп, зегь бзиа хакоуп. Белла⁵ азҕаб длоуит,
зынза бзиартаны дыкоуп.
Сазыцшуп аҕак.
Шөан, изыоуа 100 ш. нызтца.

Асалам шөкөы №6

Нана, Манана! Ихауит Виктор Көакөаскыыр⁶ ишөтакөаз, нан. Иабашөтахыз,
шөышөкөкөа ижөоуа ауп хзыргөыргьо. Нана, Манана еилкаауп, идыруп шөыц-

¹ Харчлаа Заур Бацгыа-ица дтахеит октиабр 26, 1992 ш. азы ак. Аөгөара, Очамчыратөи ажөылара акынтө ианхьатц ашытахь.

² Самсониа Сограт Еснат-ица дтахеит октиабр 26, 1992 ш. азы ак. Аөгөара, Очамчыратөи ажөылара акынтө ианхьатц ашытахь.

³ Ара зызбахө хөоу Хөацыаа Омар Арвелод-ица иакөзар калап, уигы дтахеит октиабр 26, 1992 ш. азы ак. Аөгөара, Очамчыратөи ажөылара акынтө ианхьатц ашытахь.

⁴ Дауров Муса – Ашыхарыуаа Жөлар рконфедерация ахатарнак. Аибашыраан Бедиа Иура Лакашыиа иөнаҕа дыкан

⁵ Зыхөба-Ториа Белла Гьаргь-ипца – Нанеи Мананеи Лакашыиапцхацөа рахөшыацха.

⁶ Виктор Көакөаскыыр – ажурналист, апоет, аибашыра аан алашара иахыынзалнаршоз Ткөарчалтөи атөлөхөацшра дикторс дыкан. Аибашыра ашытахь агазөт «Алсны капшь» аҕы аус иуан.

стазаашъа зеипшроу, нан, аха иааурызеи, иҳачҳап, уаҳа қсихәа ыказам. Есқынғы аора ҳафуп, аха ашәкәы шәоуоу сыздырзом.

Ҳара бзиа ҳакоуп, хәас ҳкәшәымтқан. Макъана ҳа ҳқыта кыс амазам.

Нана, Манана шәахыыкоу анышәтца, шәахыыоноу, цыхъа апансинат афы инсыжыит ихәеит Иура, уажәы шәахыыоноу анышәтца. Виктор днеирц ауп, уи инапала инастиуеит, амала Нана бара исзынтца еихарак ишәтаҳу. Нана ианышәымтцозар, шәан дыпсааит.

Нана Ира лызбахә ианышәтцала, шәара шәеипш гәхәас дсымоуп, уа дыказар лылақәа сызгәыдышәкыл.

Нана, Манана, Бацьи¹ Руслани² рхабар жәбахъазар ианышәтца. Чута³ уеизгы илхабгеит, Гәдоутәка ишцоз лара лтаца, лмота, лтаца лаҳәшә авертолет анкаҳа, итахеит.

Нана, Манана, кәышрыла шәхы шәеичаҳа.

Нана, шәеихабы уа дыкоума?

Вахтанг Гуарамиа⁴ иашәхә ашәкәы иоыртәы, итаацәа гәакуеит.

Сшәыхәоит шәоыцъагы еихарак ишәтаҳу ашәкәы ианышәтца, инахтиуеит. Нарираа бзиа икоуп, аха сара сеиха лара дгәырфоит, есыены дгәырфоит, дызбоит, шәымшәан.

Сара изыоуагы сыздыруам, шәара зегъы сзанышәтцала срыцҳами! Ахәычкәа хәа шәгәакуеит - Темыр, Демур, Ирма зегъ бзиа икоуп. Иура инапафы икоуп шәымшәан, Ирма лгәы лыхъуеит хәа шәзыцәшәо, бзиа дыкоуп, шәымшәан, шәаб хар имам, саргы «аибашъра» сцоит хәа дтәоуп.

Шәгәыдыскылоит, шәан дшәыкәыхшоуп!

Асалам шәкәы №7

19.XI. 1993 ш. анеиоф⁵

Нана, Манана! Ө-гәык змоу хәа ишьтан дыздыруаз зегъы. Иқәлацәа, иоызцәа бзиа ибон, иаргы бзиа дырбон. Август 14, 1992 шықәсазы х-Апсны какач, х-Апсны цшза ақыртәуа гыгшәыгкәа ақәлеит. Ацкәын гәымшәа Румен ицсадгыл ахъчаразы дцеит аибашъра. Румен хъатрак камтәкәа деибашъуан еиуеицшым афронткәа рфы. Ацхәа дыхәны дааит иоыныка, дышхәызгы деицәеит афронтахъ.

Атцыхәтәан данцоз иан илыкәфитит агәашә дынтытцуаз - Сан бымшәан! Ө-гәык сымоуп, акы бара ибзынсыжъуеит хәа. Апсны аиааира 12 мшы шагыз сентиабр 19 рзы Ахалдаба афронт афы ацшыхәоцәа-акылцшцәа дтадырхеит Румен агәымшәа.

Сентиабр 19 Нурии Заиреи рашта лашъцеит. Нури игызбжьи, Заира лытцәтәаабжьи иахытцәеит ақыта.

¹ Нармания Нателла (Баць) – шьтрала Бедиатәын, дынхон Ақәа. Апснытәи Ацъынцътәылатә еибашъра даветеранын.

² Нармания Руслан - шьтрала Бедиатәын, дынхон Ақәа.

³ Нармания Чута – Нателлеи Руслани раҳәшәа.

⁴ Гуарамиа Вахтанг – шьтрала Бедиатәын, дынхон Ақәа.

⁵ Арыцхә шыақәыргылоуп ашәкәы ацакы ала.

Абас ипсадгьыл ахьчаразы дтахеит, фырхатцарала ихы дамеигзакәа ачкөын гәеилыхха-гәымшәа Кәакәаскьыр Румен Нури-ипа¹.

Шәан.

ИУРА ЛАКАШЬИА - НАНЕИ МАНАНЕИ ЛАКАШЬИАПҶАЦӘА РАХЬ

Асалам шәкәы²

3. XI. 1992 ш.

Нана, Манана! Икои, шәышцакоу, кәышрыла шәыказ, хара хар хамам, шәымгәырфан ха хзы.

Ара макьана хәычык ишәартуоп, аха ххы хәхьчоит.

Нана, Манана хқытафәы ачкәынцәа тахеит, Заур Харчилаа, Еснат Самсониа ипа, Али Хоцьяа ипа. Ус ақытафәы макьана ишәартам.

Абаапсы, шәхы шәыхьча, арахь шәымгәырфан.

Манана, шәымаҗәкәа акыр шәызнагама? Акәатәи ауаҗах азы акыр шәды-руазар иахзанышәҗа.

Изыофызеи уаха, ирласны анцәа хәибарба. Шәгәыдыскылоит!

Абзиараз,

шәашья Иура.

НАРИ ЛАКАШЬИАПҶА - НАНЕИ МАНАНЕИ ЛАКАШЬИАПҶАЦӘА РАХЬ

Асалам шәкәы №1³

3. XI. 1992 ш.

Нана Манана! Шәәхәшья дшәыкәыхшоуп!

Ашәкәы Иура ианио сихьзеит, ажәәкәак аора сахьзеит.

Изышәцәыззои, шәартуоп ха хфәы, аха зегь азәыкны еидгылоуп.

Хара хар хамам, цьарггы ацара сҗахым, зегь Бедиа икоуп, урт ныжьны цьарггы ацара сҗахым. Иахзынкылом Цакәеи Темыри, Иуреи Мурмани усгы апозициафәы игылоуп.

Нана, Манана, шәәхәшья Нариа дшәыкәыхшоуп, шәыгәхьяазгоит, шәхы шәеичаха, срыцхауп.

Асалам рышәт, рылакәа сызгәыдкыл Тали, Иреи, Нона Ашәцхәи⁴, шәоыз-цәа зеггы еицу.

Еиҗах ажәәкәак аора сҗахын, аха сдырцакит, ашәкәы згоз дыпшын.

Шәәхәшья Нариа.

¹ Кәакәаскьыр Румен Нури-ипа дтахеит цәыббра 19, 1993 ш. ақ. Ахалдаба, атцыхәтәантәи ажәыларан.

² Иура Лакашья исалам шәкәи Нариа лышәкәы №1 қбаадк афәи ианын.

³ Нариа лысалам шәкәи Иура ишәкәи қбаадк афәи ианын.

⁴ Ашәцхә Нона Нури-ипцәа.

Асалам шәкәы №2

11. XI. 1992 ш.

Нана, Манана! Икои, ишәымой, шәышпакақәоу?

Җара шәхазтаауазар, ҳакоуп, хар ҳамам. Ахәыцқәа еибгоуп, аонгы зегь еибгоуп.

Нана, Манана, ишәасхәари, шәәхәшья дшәыкәыхшоуп, шәхы шәыхья, уака уиакара ишәартамзар, еигьуп уа шәыказар, ицәгыарахар, уантәи нақ ухытц-гәышьяп, хзыниаз ауп.

Манана, сеиламгеит ауп акәымзар, уаха икастцара хәа ак сыздырам, гәы-рәак умазар иучхагәышьяп, зегь рзы икало ха хзынгы икалап, аха ҳаибабара атәы сыздырам, аха хгәы хмышьтып, сызлашәыхәо шәеацәышәыхья, дры-цхашәшья шәан, саргы ак сзыхәан хәа сыкам, ахәыцқәа ргарта сымазар, стәа-рымызт ас, аха ишцазури?

Арахь еиха ишәартазар калап уажәы, аха хара шәәхцәымшәан, шәхы шәыхья, зынза иамузар ак схәыцып.

Нани, Манана, Иурараа анаа сгәыргәагәышьеит, аха шәара шәанызым-ба сшыкала шәара ишәдырп. Нани, Манана сшәыхәоит шәхы шәеичаха, шәәыцьяггы шәгәы шәыргәгәала.

Шәәызцәа икада? Уа Талираа, Ира уака шәеицыкома, асалам зеггы, шыри ишцастаху шәа шәфы, аха калашья амам уажәы.

Нана, Манана, ауатах атәы кыр жәдыруама, уахь узцом.

Ишәшәузеи? Иура данцоз дысцәыбналан дцеит акәымзар, сыматәа зегь на-сымтиуаз, зегь ишәызхагәышьон, сара иазызуазеи!?

Җара хзы шәымгәырәан, шәбара саргәатеиуеит. Еитах сшәыхәоит шәхы шәыхья, абаапсы. Асалам зеггы, хара хшәымгәырәан. Диана лоуп сыцсы зку, данаауа хәа сыцшуп. Уи лыхьзала ишәықла, нас арахь исзаалгалап.

Абзиараз, шәәхәшья **Нари**.

Асалам шәкәы №3

15. XI. 1992 ш.

Нана, Манана! Шәәхәшья дшәыкәыхшоуп!

Исоуит еикәырццакны шәысалам шәкәқәа өба, амза 8, 11 рзы ифыз, сышәкәы шшәоузггы еилсыргеит.

Икои, шәышпакақәоу? Сызтцарақәа ртакқәа зегь кашәымтцеит, Акәа ау-атах атәы кыр жәдыруама? Ишәшәузеи, ишәхозеи?

Манана, вертолиотла азә инапала сыматәақәа шәзынастир, шцажәбо? Нас еилкааны еихарак ишәтаху, ишыкастцара.

Манана, шәыгәхьяаганы сыцсуеит, сызнеир цәгья избом, инагатәуггы шәы-зназгарын, аха сыздырам сшеикәшәо. Ира, Тали, Нонна зегь асалам сызрыт.

Шәхы шәыхья абаапсы сшәыхәоит, хара хьяас хкашәымтцан. Шьята зегь ртәы кәапца икоуп, рыфатә ыкоуп, рыжәтә зхәаз еипш, шәара шәахьякам ауп иахгәырәо, мама ласы-лассы дныкоит са сахь. Аурақәа таргалт, зегь кәапца икоуп, хара хшәымгәырәан.

Мурман избәхә заныбымтазеи хәа ибѡыз, Мурман аѡны дтѡом, ақыта рыхъоит, ес-хәымш аѡны дыкам, ақыта иалоуп, зны-зынла ица ихълоит, аха ихгоит. Сара хар сывам. Миланеи¹ Иракли² аймхәаршәа ртоуп «коклюш», цшымзуп, уажәы еиҫа еиҫгуп, шәысалам шәкәкәа анҫаулак игәыргъоит, еиҫа иаргәыргъеит аконфеткәеи ажвачкеи рызбахә, аха нас икәышми ус рхәеит: «Мы ничего не хотим, лишь бы живые приехали».

Милана адхызкәа дрылоуп, жәаха ус халхәеит: «Я сон видела, как будто бы, лажәакәа роуп изыѡуа – наш дом взорвали, нас убили, чужие победили, - что это означает» хәа дтәауеит.

Ант акәыдыршьшьыгакәа ххоуп уажәы-уажәы, уи иацәшәоит. Белеи лхатцеи ааскәа ара икан, ииасны ианцоз даадгылеит, дкәапца дыкоуп, шәы-гәхәалгоит.

Ира³, Фантираа⁴ зегь бзиа икоуп. Ира, санхуцҫа, ѡымз цуеит ара дыко-ишьҫеи, уажәы Тата⁵ даан, длыццеит, деиҫтахынхәуеит. Гули⁶ лтәы егьхазды-рам, Кәтол икан, уажә уа азәгы дахым, Цыгьарда ицаны икоуп рхәеит.

Манана, уаҫа ибасхәари, Диана дхатц-хатцуа хписмокәа дырзыпшуп, аус гәгәа хзыкалтоит, ла лоуп исзаазго аписмокәа.

Нана, Манана, шәхы шәыхьча, шәгәыдыскылоит!

Шәахәшьа Нари.

Ипцоу зегь ртатцәахра саҫуп, ак алымкаакәа зегь, ашьынкеи аҫабарзақьы, изыкамлеи ѡ-тоннак, зехьынцъара истиит, Ткәарчалаа рхәы ѡымш-хымш истиуан.

Шәгәыдыскылоит зегьы! Абзиараз!

Нари.

Асалам шәкәы №4⁷

16. XII. 1992 ш.

Манана, Нана! Исоуит шәышәкәы, ахәыцкәа рзы аҫамтакәа, ахәыцкәа гәы-ргъеит, аха иаазтгы еиҫа хәигәыргъон рхәеит. Цәгьала ишәызгәакуеит.

Манана Нана дышпакоу, лнапала ашәкәы ѡны исзаалтиаит, дычмазѡума, апхыз цәгьа лыдызбалеит. Абаацсы Манана шәхы шәыхьча срыцҫауп, ак ана-ашәыхь мышкы сыпсы тастѡом, схәыцкәагьы дрыцҫауп, аха...

Нана, Манана, Урыстәыла ацараз сыхиан, аха авертолиот ипдыржәаз⁸ хар-шәеит, хәаанахкылеит, макъана икоу хбап.

¹ Шадания Милана Мурман-ицҫа – Нари Лакашьиапҫа лыпҫа.

² Шадания Иракли Мурман-ица – Нари Лакашьиапҫа лҫа.

³ Лакашьиа Ира Тонто-ицҫа – Нанеи Мананеи Лакашьиапҫацәа рахәшьа.

⁴ Зухәба Руслан (Фанти) Гьаргь-ица – Лакашьиа Ира лҫа.

⁵ Шадания Тата – Лакашьиапҫа Нари ланхәпҫа

⁶ Шадания Гули – Лакашьиа Нари ланхәпҫа

⁷ Нари №4 лысалам шәкәи Мурман ишәкәи қбаадк аҫы ианын.

⁸ Ткәарчалынтә Гәдоутака ахтәацәеи ахәцәеи аазгоз Урыстәылатәи авертолет ақыртцәа итадырхеит декабр 14 1992 ш. Гулрыпцшь араион Лаҫа ақытан аҫауаҫы. Убаскан иҫахеит 85 ѡык, аа-ѡык асабиацәа ари адунеи ақәпшра рмазеит. Ари Апснытәи айбашьра аамтазтәи еиҫа ихьантакәаз ахтыскәа ируакуп. Убри амш Апсны иазгхартоит Аибашьраан иҫахаз ахәыцкәа ргәалашәара иамшны.

Санхэыпцхацэа Татеи Гулеи рхэыцкэеи дарей Урыстэыла ицахэеит, Ира дцоу сыздырам, Очамчыра дыккоуп.

Сара сахыцо атыпгыы алсххэеит, Краснодар Мурман иуацэа рфы. Аха макъа-наз хцом, амоахь ак хэхьыр хэа дшэеит Мурман.

Иура цъара ахьатра игэы итам. Зегь кэапца иккоуп, шэырцэымшэан шэан. Мама, папа, ахэыцкэа зегь бзиа иккоуп.

Манана, бара мыжда, изыбтахыз иаабтииз, сара цъара азэ дсыкэшэар царакэак настиуеит. Манана сбыхэоит ифы ибтаху аматэа исцэыбымзакэа, цъара псыхэак катцаны асумка итархианы, апарагы исымоу ааизганы ишэзынастиуеит. Сбыхэоит ифы еихарак шэзыргэакуа.

Авертолиот ипжэаз хара хтэкэа азэгы дтагэышыамызт, аха зегь ха хтэкэа рами, алагырыз халатэоуп. Бедиаагы татэан: Света¹, Рабидо ипцхэыс, лыцкэын Геннади ипцхэыси ихэычи. Амитэ рзыкалеит.

Нана, бышцаккоу бара, бычмазаоума, апхыз быдызбалеит. Нана сбыхэоит шэеибахьча бахэшьеи барей, срыцхауп.

Нана, Манана, зегь асалам сызрыт бфызцэа, хаздыруа иаадыруа шэгэы шэыргэгэала, ашыкэс фыц азы хаибабойт хэа иаххэо камлар калап, избанзар, сгэанала, уажэоуп аибашьра ианалага. Даара истахуп Иура Темураа алаигар, ибдыруеи икало, акытакэа мобилизация акатцара иафуп, егырт акытакэа, ус харшырым.

Ира, Фанти, Бела, Жора² зегь хар рымам, даргы ашэкэы рфит, ишэоуу сыздыруам.

Зегь шэгэыдахкылоит, шэгешэыргэгэа, ахатцамцхэысра уажэоуп ианатаху. Мурман асалам шэитойт. Хихьчойт акытаа. Шэгэыдыскылоит, Нарй.

ДАРИЦЪАНЦЪЫНЦЪАЛПЦХА – НАНЕИ МАНАНЕИ ЛАКАШЬИАПЦХАЦЭА РАХЬ

Асалам шэкэы №1³

Мшыбзиақэа Нана, Манана. Икои, шэышцакакэоу, Нана дышцаккоу, уи чыдала сызцаауа бара ибдыруеит.

Манана, уа ханыказ аибашьра захьызы сыздырзомызт, аибашьра ахата ароуп⁴.

Манана, ибасхэарызеи агэырфа хашьойт, 5-фык, 10-фык анымпсуа мшыыкам. Нани Матуа лашьцэа фыцба⁵, Шудиа⁶ лашьа ица Чырхина⁷ захьызы,

¹ Нармания-Гамисония Светлана – дтахейт Лата декабрь 14 1992 ш. итархаз авертолиот афы.

² Зыхэба Гьаргы (Жора) – Зыхэба Руслани Белеи раб.

³ Дари лысалам шэкэы №1 Ирма лышэкэы №2 кьаадк афы ианын.

⁴ Аибашьра ианалага амш аены Демур Адснытэи ахэынцкарратэ университет аталаразы апышэара иман. Аибашьра ианалага Демур иани иарей Гэдоутака ицейт. Фымз инарзынапшуа уа икан. Ашьтахь Иура дцаны вертолиотла Ткэарчал иааигейт, нас Бедиака ицейт.

⁵ Матуа Зураби Омари Нури ицацэа тахейт октиабр 27, 1992 ш. ак. Очамчыра, Очамчыратэи ажэыларан.

⁶ Цьопуа- Аршба Шудиа

⁷ Цьопуа Аслан (Чырхына) Астамыр-ица – дтахейт октиабр 22, 1992 ш. Очамчыратэи ажэыларан.

Ткээрчалтэи хгэылацэа, урт ишшыыз уагоу иибаша, октиабр мзазы индыртцэеит иреигъыз ахэычкэа 40-оык. Очамчыра иақэлеит, аха рымч азымхеит¹.

Манана, уахь шэара ажэабжь иаха ижэдыруеит, ха хэы зынза угэы цоит. Акыс телевизорк ма хэзызырфоуан, алашарагы хамам, егыккалом рхэеит.

Манана шэкэышыз, уи шэара ишэыгхом. Ира дкэапза дыкоуп лхэычкэеи лареи. Абзиараз шэгэыдыскылоит!

Дари.

Асалам шэкэы №2²

10. IV. 1993 ш.

Асалам шэымоуп Бедиантэи!

Ихауит ижэоыз ашэкэкэа, Муса иааигеит. Даара хаигэыргэеит, кыртцуан шэызбахэ хмахаижьтеи.

Манана, Нана, шэышпакакэоу шэгэабзиара, хара макъаназ хакагэышьоуп, папа хар имам, мама усгы ашэкэы шэзылфит. Манана Нари лызбахэ шэаргэакуеит, уи Ткээрчал дыкоуп, ахэычкэеи лареи бзиа икоуп, Урыстэылака илтахымхеит ацара, Мурман даара итахын ицарц. Афатэ-ажэтэ ыкоуп, уа ахэычкэа ирыцуп лхэеит, ларгы даара ибзианы дыкоуп. Белла апха длоуит, дкэапза дыкоуп. Стелла макъаназ ус дыкоуп.

Манана, Бедиа ашкол аклуб ацентр зегы цэгъала ишьтартцеит. Чхортол аонкэа блуп, ха хтэкэа ирблит, аснариадкэа аахеит, ф-танк, пушкак цыржэеит.

Мишвел ахэ дузза дара иркуп макъаназ, атанк рзыкэгылоуп, уахынтэ ихысуеит.

200-оык Мхедрионаа Агэубедианза ижэылеит, аха егырылымшеит, шытахька ихьатцит. 25-оык ршыт, ихэыз рацэан. Хар егырмышьт, амонастыр ифнатэаны ихысуан, амонастыр зака хы ақэшэаз хыпхьазара амам, анцэа ихьчеит хэчкэынцэа!

Мурмани Иуреи рпост акоуп. Темыр драдиступ, арациа дадтэалоуп. Фанти Патрахэйтца дгылоуп. Руслан Кацъаиа³ Мишвел дгылоуп, хар ахьгылоу.

Манана, ас иаахтны изоыр стахымызт, аха атцабырг бдыруз. Чичико⁴, Игор⁵, уртгы Пақэашь еибашьуеит. Анцэа имч ала ха хтэкэа зегы еибгоуп.

Ромка драдиступ, уи Ткээрчал аштаб афы дтэоуп.

Ирма Ткээрчал дыкоуп, ахысбыжкэа лзычхауам, аснариадкэа рыбжьы цэгьоуп, излахалшо ала ацхыраара хэфуп, бжеихан хара имфакэа рхэы хгоит.

¹ Очамчыратэи ажэыларэ – Мрагыларатэи афронт архэтакэа ақ. Очамчыра ахақеиттэразы имфэпыргаз ажэыларэ; имфэпган ф-этапакны – октиабр 11, 26, 1992 ш. рзы. Актэи аетап аан уи арра-политикатэ зтэарақэа рызбара хыкэкыс иаман – Кырттэыла апарламент ахь алхарақэа ралмыршара. Афбатэи аетап аан аплан иарбан хганк рыла Очамчыра ажэларэ, амшында ихьтцуа Гэдоутатэи адесант ацхыраарала. Аха амш цэгъа иахкэаны адесант зызхымтзэеит, аха ажэыларэ мап ацэырымкит. Очамчыратэи ажэыларэ маншэаламхеит, Мрагыларатэи афронт архэтакэа ртыпкэа рахь игьежыт. Итахазы иткэази рхыпхьазара 30 оык иреихан.

² Дари лысалам шэкэы №2 Темыр ишэкэи кьаадк афы ианын.

³ Кацъаиа Руслан Иван-ипа – Лакашыа Иура иаб иахэшыапа.

⁴ Зыхэба Чичико – Лакашыа Иура иаб иахэшыапа

⁵ Зыхэба Игор Чичико-ипа.

Манана, айбашыра нтэару, шэара уахь ейха ажэабжькэа жэдыруеит. Цакэа ицьабакэо рацэазоуп, Темургы иаргы ирыгуп цэгьалатцэкэа, баапсыла игэныргоит айбашыра. Темыр ифызак дтахеит хэа иахаит, даара игэы ихьуан.

Манана, уаха ибасхэарызеи, уахык мацара Бедиа быкэзар, даара хрыцхабшон. Убриакара ачхара гэгэацэкэоуп. Анцэа иоуп гыгэыртас ихамоу.

Бзиала, шэгэдыдыскылоит!

Дари.

Нана, Манана. Дали Шьакаиа-пха¹ аштаб афы дыкэоуп, Темыр ифы. Пату икэоуп.

ЦЬУЛЕТТА ЦЬЫНЦЬАЛПЦХА – НАНЕИ МАНАНЕИ ЛАКАШЬИАПЦХАЦЭА РАХЬ

Асалам шэкэы №1

5. III. 1993 ш. иахыгамкэа²

Нанули, Манана. Я решила написать Вам письмо, вы, наверное, удивитесь. Манана, короче у нас всё нормально, в Бедии тоже, я знаю, как вы переживаете там, честно говоря, девочки, здесь уже все мы почти смертники, каждый день убивают ребят с нашего паселка, уже не на что надеятся.

Манана, ускак сзыоуам, схы еилагар хэа сшэоит, изыоуа закэугы сыздыруам. Абыржэы хэацхэа Шьынкэба дышны дааргеит.

Манана, Гоча убра дахыкэо зынза ххы еилагоит, аписьмо хауит.

Манана, убри ада ус шэымамызшэа иахызыоуагы сыпхашьоит, аха шэыхылапш сшэыхэоит Манана, уи шэара дышэцэыпхашьоит ейха. Манана, Иура еипштэкэа шэихылапш сшэыхэоит, апхыз баапскэа хбоит.

Манана лтаацэа рахыгы илфит, аха сара шэара иаха сшэыкэгэыгуеит.

Даур Воуба дыббозар, убригы акаамет узаарыцхаит хэаны иахэ.

Шэара, Нанеи барей шэышпакакэоу, рыцха, агэырфа шэамгеи. Ишэфои, ишэжэуеи уа!? Дуниа³ дыкан ара, Мака⁴ хара хкны дыкэоуп, егырт Бедиа икоуп. Уахь ашэартаракэа ыкан, аха зегь еибгахеит, анцэа инапы иануп зегы.

Манана, изыоуа закэу сеидроу, иахэа апхыз баапс хбеит, Гоча ипсы тоуп хэаны хакам. Ихылакгы хафны хакандаз, ихьуа хзымдыруа уака. Манана еицэа сбыхэоит, былапш ихыз сшэоит. Хара хачкэынцэа тацэит, сыздыруам, уажэшьта автомат зкуа сыздыруам. Арахь Гага дыббар, Руслан Шынкэба⁵ дыршыт хэа иашэхэ.

Асалам шэкэы №2

Дорогие Манана, Нана! Вчера Даур⁶ приехал и сказал, что вас каждый день видит. Ну, что Манана как Нанули, как ваше здоровье, наверное, уже холодно там у вас, есть ли теплые вещи?

¹ Шьакаиапха Дали – шьтрала Бедиатэын, Ацьынцэтылатэ еибашыра дэалахэын.

² Арыцхэ шыақыргылоуп ашэкэы атцакы ала.

³ Дуниа-Евдокиа Чкадуа-Лакашыа.

⁴ Мака-Ирма Лакашыапцха.

⁵ Шынкэба Руслан Шамел-ипа, Ткэарчалтэын, дтахеит март 5, 1993 ш. рзы Лабра.

⁶ Воуба Даур Цьумка-ица.

Вы, наверное, уже знаете какая трагедия у нас в Ткварчели, четверых ребят с нашего поселка убили зверски. 16 ребят с города сожгли в Санардо, это где-то в районе Бедии.

Ну теперь Манана. Дари с детьми позавчера была на плакание.

У них всё хорошо, вы за них не переживайте, они получили какое-то письмо от вас, так что вы за них особо не переживайте. Честно говоря, мы все за вас переживаем здесь. Мы то пока не чувствуем войну, но, по-моему, уже сюда перебрасывают ребят, так что здесь уже страшновато. Отсюда все перебираются туда. Я за детей боюсь, но, что поделывать.

Манана, как там Ева¹ и др., вы их видите, наверное, или же вы уже не едете туда? Если увидишь их, передай, что всё нормально. Манана я тебе голову заморочила, наверное.

Больше нечего писать, если кто будет ехать, черкани что-нибудь, всё-таки как там обстоят дела. Мы все надеемся на лучшее, но не знаю... Имгәыгкәа ипсхьада.

Давай, я передаю письмо, всего хорошего, берегите себя. Бог даст скоро увидимся. Целую, Джульетта.

Асалам шәкәы №3

Нана, Манана! У нас всё нормально, не переживаете ни за кого. Юра вчера был здесь, мы все за вас переживаем, будьте осторожны ради бога. Передай Еве, чтобы она не переживала.

Всё нормально, не переживайте ни за кого. Дома всё хорошо. Мы все за вас переживаем.

Джульетта.

Если, что хотите Дауру передавайте, он нам сообщит как-нибудь.

ИРМА ЛАКАШЬИАПЦҲА - НАНЕИ МАНАНЕИ ЛАКАШЬИАПЦҲАЦӘА РАХЬ

Асалам шәкәы №1

10. IV. 1993 ш.

Иҳазгәакьоу хмамидацәа! Икои, шәышпакақәоу, шәхамбеишьтеи даараза шәыгәхьаазгоит, аха хзыниаз ауп. Шәара ашәкәы Муса ишәтаз иҳауит апрель 6 рзы, усқан сара Ткәарчал сьқан. Мамида иансалхәа, шәара шәаазшәа убри акара сеигәыргьейт, агазетқәа соуит.

Мамида, хара хәкоуп макьаназ, Бедиа 5–нтә иақәлахьейт, аха хара хтәқәа макьанас азәгы егырмышьит, уажәы апрель 3 рзы ахысра иалагеижьтеи иафәымтцьит, дара ртанки рпушкеи цыржәейт.

Ари февраль азы иқаз ақәылара ағы папучи уахь дықан, убри акара ахысрақәа ықан, зегы цсуп хәа хәқан. Папучи дмаакәа Мзианор² дааишьтит, ахәыцқәа Ткәарчалка ицааит хәа, аха Темыр данымца, хара хәбацоз, мама хазы далацсуа. Нас хәычык ианеиқәтәа Темыур алада дцеит, Бебигы уахь

¹ Аршба Ева.

² Шаданиа Мзианор Мушьни-ица.

дишьталеит, нас саатк рыла Темыраа аоныҥа иааит, дара 30-оык шьуп, 5-оык амонастыр аҕы ижуп.

Уажэы Темыр арациаҕы ауыс иуоит.

Мамида, шэара ишэымоузеи, уаҕа изеидшроуеи атагылазаашья?

Уажэы маҕоык тахама, аха уашьтан иҕало сеидру.

Мамида, даараза шэыгэхьяаргоит зегьы. Зегьы асалам шэзынартиуеит. Беби хэчык лыбҕа лыхьуеит, уаанза ишлыхьуз. Белла Зыхэба ахшаара азҕаб длоуит, Теиа лыхьзуп. Урт зегьы икэапза иҕоуп.

Мамида, шаҕа цуаз шэышэҕэы хмоуишьтеи, еиҕа ишэыоыз акы ҳауит. Хара зегьы ибзианы ҳаҕоуп, Бабаду хар имам, Цакэа апост ахь иҕахуп, аха маҕыаназы аоны дыҕоуп.

Апрель 5 рзы ҳашколи, ҳаклуби аснариадқэа аахеит, хэычыкгы иҕеит.

Нари Тқарчал дыҕоуп, лхала оынтэ аоныҕа даахеит. Хқэапза ҳаҕоуп лхэит.

Икеи Миланеи ҳаргы иҕэхьяаргоит, аха иабаҕоу. Мурман апост аҕы еицгылоуп папучи иареи. Уажэы аабыкыа сушка хын, Ацхыда иакэнажбит, ауаа азэҕы агьырмыхьит.

Ира Агрба асалам ҳазлышэҕ, егьыртгы.

Зегьы иаабоит закэ тагылазаашьюу ҳазтагылоу, анцэа дыҕазар иаарлас ҳаибабароуп зегьы. Мамида, ианышэыоуа апсуа жэеинраалақэа агазет иагэылпқаны исзаашэҕи. Хара аоны ибзианы ҳаҕоуп, азлагара тадыргылеит ҳашьтахь. Мурман икамбашь еимгуа хара ҳэы иҕоуп, аснариад аахар хэа дшэеит.

Уи аҕара ажэа шэасыргом, аха шэара шэшыҕо зегь анышэҕта.

Нана, зны арадио ала бцэажэозаарын, папучи быбжыы иахаит.

Нана даараза шэыгэхьяалгоит, ханбеибабо шыри ианбаҕало убри аамта. Ари шэахахьазар акэхап, Цьумка Харчилава¹ иабхэында дшыршьыз.

Хара хзы шэымгэырфэан, мамида. Чукеи лахь ашэҕэы ижэоыз ҳауит апрель 9 рзы, сара Тқарчал сыҕоуп, шьуртгы исычхауам ианхысуа.

Нана ателевизор аҕынтэ баабон, Пицунда шэаныҕаз, Шанибов² бидтэалан банаабоз, убриакара ҳаигэыргэеит, амала Беби бахылымбаз лгэы иалан.

Мамида, ашэанцэа шыфноу жэдыруазар акэхап шэаргы шэуатах. Уахь ианнеи зегь рацхья ателевизор шыргаз, уи ҳазхэаз Ира Шадания³ лоуп. Нас шэҕыла Валиа захьзу илхэеит «я кое-что припрятала» хэа. Убри анлаха ашьтахь беби дгэаҕуан, аха уажэы ибзианы дыҕоуп.

Нана, абри исыоуа аншэоуа, шэаргы атак сзыжэоы шэоыцьягы, шэара шэаабом, аха ишэыоуа сапхьалап. Уаха исыфори, абзиараз.

Шэҕэыдыскылоит иҕэҕэаны шэоыцьягы!

Сазыпшуп ишэыоуа атак! Абзиараз!

Асалам шэҕэы №2⁴

Нана, иҕои, шэышпаҕақэоу, хара маҕыаназ хар ҳамам. Беби зны-зынла дгэырфэалоит, Нана ак лыхьит, мамзар илыфолон хэа, сара иласхэоит аха

¹ Харчилаа Цьумка Максим-ипа.

² Шанибов Муса Мухамед- ипа – Ашьхарыуа Жэлар аконфедерация апрезидент.

³ Шадания Ира Гранто-ипҕа – Лакашыиапҕа Нариланхэпҕа.

⁴ Ирма лышэҕэы №2 Дари лысалам шэҕэи №1 қбаадк аҕы ианын.

лымамзар акәһап, мамзаргы илыѿолоит хәа. Мамида, хара ишыжәбо ала, ача хамазам, аха мама ашыла ашә агәылатцаны иахзылзоит, ачоуп амзар зеггы хара ихамоуп, аха хара абыста хашыцылт. Хара аоны зеггы ибзианы хакоп.

Бабаду¹ ибоит закә аамтоу хазтагылоу, уиггы ибзианы дыккоуп, амала игәгәаны дгәырѿоит. Ари мамараа Гудаутантәи ианаа дамхатцәуеит бабаду, нас шәара шәызбахә ихәеит, урт акала ибзианы икарцеит ихәеит ара иааизггы, ргәы иахапжәар каларын ихәеит, даара шәыгәхьяаигоит мамида, аха икахтцари.

Ари аписмо анышәыѿуа Нариллахь Миланеи Иракли ран илархәоит быбжы рдуны бапхья хәа.

Зны-зынла игәгәаны шәаныгәхьяазго шәпатреткәа хрыхәапшоит.

Мамида, Ткәарчал «Зариа» ианақәрыжбуаз асамолиоткәа хәа хкынтәи ицеит, убри акара илакәны ипыруан, хара хантенна убыскак итцасит, рыбжкәа убри акара игәгәан, ѿ-цырак ыкан. Уажәы аабыкья ѿ-вертолиотк хәа хкынтәи Ткәарчалка ицеит, убри акара илакәны ипырит, ианаауаз хәаоны ацацхәх хцеит Цакәеи сареи, нак ианцозггы акы хәа хкынтәи ипырит, ускан ианцоз хамшәазеит, иахдырит Ткәарчал ишдыртәаз.

Хара хзын шәымгәырѿалан. Хара хар хамам.

Мамида, Бедиантәи иргақәаз хәа ишәхәо абарт роуп Какачиа Иалта, Хоцьяа Мегона, Хоцьяа Цьамал, Норманиа Игор². Иршьит Харчлаа Заур, Самсониа Сограт, Роман Хоцьяа. Ихәцәо азә ида егырт хар рымам. Мегона Грозника дыргеит, Иалтеи Игори ирыбаргузеи. Абарт командирс дрыман Пачулиа Борис³, уи «Дед» хәа иархәон, уиггы дыршьит, нас арт ипсқәаз ус ипсызггы ирыбыргыз, Сограт, Роман, Заур, Борис егыртггы ихәны ишыказ ирблит ишыхәхәоз, зегь реиха дыблын Сограт, уи инапалоуп дызлардырыз, ихы шьуртггы имаза-мызт, апсцәа зеггы 18-ѿык хастадион афәи иаргеит.

Нана, даараза шәыгәхьяазгоит, ианбакалои ирласны хәибабара? Шәгәыдыскылоит шәѿыцаггы игәгәаны. Абзиараз.

10 мш тцеит алашара хәамаижьтәи. Асалам шәыртәит Чақәули⁴ Цьамилеи⁵.

Ирма.

¹ Лакашья Тонто Ким-ица – (1918-1994) – Нанеи Мананеи Лакашьяипхәцәа раб. Диит Бедиа ақытан Очамчыра араион. Ацынцтәылатәи еибашьра Дуузза (1941-1945) аветеран. Аибашьра акнытә дхынхәит ахәра гәгәақәа иманы. Аибашьраан иааирцшыз ифырхатцаразы ианашьоуп еиуеипшым ахамтақәа. Аибашьра ашьтахь ацья ибон аколнхара «Апсны кәпшь» афәи. Ицьябаа азы амедал «Ацья аветеран» ианашьоуп.

² Какачиа Иалта, Хоцьяа Мегона, Хоцьяа Цьамал, Норманиа Игор – Очамчыратәи ажәылар иалахәын.

³ Пачулиа Борис Тарашь-ица диит латцарамза 1945 ш. азы Цәкәашь ақытан. Далгеит Цәкәашьтәи ашкол, ақытафәи аус иуан. Аибашьра иалагаанза Апснытәи аоныцакатәа архәтақәа зхала икоу аполк, Апсуа гвардия хәа ззырхәоз далахәын. Дрылахәын апшыхәратә усмѿацгәтәкәа. Аибашьра актәи амш инаркны Гәымстәтәи афронт афәи дейбашьуан, жьтаарамза 1992 ш. азы Мрагылартәи афронт ахь диасит, агәып «Дед» дакомандактафәын. Дтахеит жьтаарамза 26, 1992 ш. рзы ақ. Аегәара, Очамчыратәи ажәылар акынтә ианхьатц ашьтахь. Дантаха ашьтахь (1993) Апсны афырхатца хәа ахьз ихтцоуп.

⁴ Милаиа Чақәули – Харчлаа Цьамила лан.

⁵ Харчлаа Цьамила – Зурик Сарапион-ица Цьынцьал ипшәма.

Асалам шәкәы №3

Нана, Манана, икои, шәышпакақәоу, ҳара хар ҳамам, макъаназ ҳацсы тоуп, зегъы шәыгәхьяауп иҳамоу, аха иҫахтцари.

Ари айбашьра иалагеишьтеи ақытақәа зегъы ирықәлахьеит, ирбылхьеит, ҳара макъаназы ҳакоуп, аха ҳара хгәылацәа Очамчыра иакәлоит анырхәа, Бедиантәи 7-оык ргеит, урт дтас ирымаз ачеченцәа ирпыларц акәын, аха ақәоура гәгәа, ашторм иоунамышьтит, нас урт иҫартцоз, ихынхәны ишаауаз Аегәара ахатәиртаҫы ирцылеит ақыртцәа, ҳара хтәқәа рмашьына бжыысын, абудка машьынала иаауан, уаҫа зынза 35-оык татәан, урт рҫынтә иршьит 18-оык. Бедиантәи 3-оык рхәит, 3-оык акы рмышьит. Иршьқәаз Харчилава Заур, Самсониа Сограт, Хоцъаа Роман.

Арт зегъы иабаныстцоз аха, мамида Нана даараза шәыгәхьяагоит зегъы. Милана есымша исалхәалоит абас «хоть бы тет Нанули и Мамана были бы здесь».

Ҳара иҫахтцара ҳаздыруам, аха папучи Темури апостахьнтә ианаауа еиҫа хгәы дыргәгәоит. Ишәыоыз шәажәақәагъы.

Мамида, еиҫа шәгәы шәеаныз шәара, ҳара иҳақәлозаргъы цъара хцап. Мамида, шыри ханбеибобо зегъы. Нани Мананеи даараза шәыгәхьяазгоит, аха иҫахтцари. Мамида, шәгәыдыскылоит шәоыцъагъы игәгәаны, аха еиҫа шәхы шәыхьча.

Еиҫа шәгәыдыскылоит шәоыцъагъы! Абзиараз!

Ирма.

ТЕМЫР ЛАКАШЬИА – НАНЕИ МАНАНЕИ ЛАКАШЬИАПҫАЦӘА РАХЬ

10. IV. 1993 ш.¹

Салам шәымоуп иҳазгәакъоу хмамидацәа Нанеи Мананеи!

Темыр соуп изыоуа, иҳауит шәышәкәы, дааразагъы ҳаигәыргъеит. Шәгәы-бзиарақәа шпакоу, еилкаауп аамта цәгъа хаштагылоу, аха иахаури, иҳахцап, ижәдыруеи цъара бзиарак калар. Ҳара ара актъы ҳаздыром, шәара ишәдырхап еиҫа. Ҳара кыр ххахгахьеит.

Декабр мза 25 рзы Чхортолынтәи иҳажәлеит, оымш хайбашьуан, ибзиазангъы хеилгеит. Уи ауха папучигъы уа дықан, акыр ихигеит. Ҳара хтәқәа рганахь ала азәы иоуп ирхәыз. Дара ишьқәазгъы, ихәқәазгъы ықан.

Нас мартаз Санардонтәи иҳақәлеит, аха усқан еиҫа игәгәаны атехникала иҳажәлеит, Патрахәытца абаа еихсуан. Фантигъы папучигъы уа иқан, фымш еибашьуан. 30 оык ршьит, игәгәаны ирхәит, ҳа хтәқәа хоык роуп ирхәыз.

Нас аабыкьа ҳа хтәқәа Чхәартол ирыжәлан, танки пушкеи дыржәеит, Мишьвель ахәы ргеит, уа итәоуп уажәы. Бохопонтәи танкла иҳалахысуеит.

Мурман, Нарии ахәыцқәеи уахь иоуижьтит. Ус иахыҫаитцаз бзиоуп, мамзар акаамет хәхьуан уажәы атыхәтәа. Мамида, Бедиа ақыта ацентр ыҫазам, иалгахьеит иахьалахысуа. Уаха исыоури, ақъаадгъы нтәеит, мамзаргъы еиҫагъы зыоуан. Нана, Ира аҫхьа днаргыланы, зегъы асалам сызрыт бөызцәа.

Абзиараз, шәгәыдыскылоит!

Темыр.

¹ Темыр ишәкәи Дари лысалам шәкәы №2 қбаадк аҫы ианын.

ДЕМУР (ЦАКЭА) ЛАКАШЬИА – НАНЕИ МАНАНЕИ ЛАКАШЬИАПЦАЦЭА
РАХЬ

11. IV. 1993 ш.

Салам шэымазааит ихазгэакьяцэоу хмамидацэа Нанеи Мананеи!

Цакэа соуп изыоуа. Икои, шэышпако, шэгэабзиара, хара хтэы шэхэозар, хар хамам. Мамида Наридохьыкоу макьаназ ишэартам, Мери лтаацэарафэы дыкоуп, ишэартоу хэа акыр калар лара илхэоит, уа хатцак дыкоуп, ихэычкэа ахьитцэахуа истцэахуеит хэа ауп ишихэо, акагъазы шэылцэымшэан. Аоныхагы оынтэ даахьеит, ибзианы дыкоуп.

Бедиа атагылазаашья цэгьоуп, оынтэ-хынтэ ижэылахьеит, аха акгы рзыкамтцеит.

Папучи уахь дныкэоит, Темыр драдиступ, беби бабадуи хар рымам. Фантигы сменала дныкэоит, Патрахэтца абаахь дныкэоит.

Белла апца длоуит Теиа лыхьзыртцеит, Стелла хар лымам. Мамида дычмазыоын, аха уажэы далцит, ибзианы дыкоуп. Бебираа ргон, хар рымам, Ромка драдиступ аштаб афэы, ахэычкэа хар рымам. Гоча уезгы уахь дыкоуп.

Мамида, акагъазы шэымшэан, шака ыко акара оба аццаны ирхэоит, ииашоуп ихалахысуеит, аха хара макьаназ акагы хпырхагам, ацентр афэоуп иахькахауа. Мурман ифэы оынтэ итахаит, аха акгы канамтцеит, иара хара хэы дыкоуп, шэицэымшэан. Мчыбжьыкахь оынтэ асменахь дцоит, нас хара хэхь даауеит, аоныха дадтцаалоит.

Мамида, шэара уахь еиха ажэабжькэа жэдырузар акэхап, хара акгы хэхауам ухэансхэан ада. Мамида, уаха исыфрахэа акагы ыкам, аказы шэымшэан, иашан ирлас хаибабап ишырхэо ала. Иара Шьота-ипца апца днаргыланы бфызцэа азгабцэа асалам ду сызрыт. Шэгэыдыскылоит зегы!

Мамида, акы азы стцаарц стахуп, Темыр иоыза бзиа дтахеит хэа ауп ишахдыруа, Адгур Ажиба хэа ачкэын, убри асписок данызар уеизгы ашэкэы шэыоыр иантца. Шэгэыдыскылоит еица. Абзиараз! **Цакэа**

Мамида, амза 1 азы ишэоыз ашэкэы, амза 10 рзы ихауит.

МУРМАН ШАДАНИЯ – НАНЕИ МАНАНЕИ ЛАКАШЬИАПЦАЦЭА РАХЬ

16. XII. 1992 ш.

Манана, Нана, у нас пока в селении всё нормально, мы беспокоимся за вас. Хотел вывести детей в Краснодар, но после случившиеся с вертолетом временно отложили. У вас дома тоже живут ничего, сама знаешь, круглосуточно охраняем деревню и надеемся на скорую победу. Что больше писать, пиши побольше о наших парнях односельчанах, кого там видишь. До скорой встречи. Ждём ответа.

Мурман.

*Акытхь иазихриеит, апхьажэа иоит,
азгэатакэа ацийеит Аслан Аоэба*

**О забытых документах и авторе
(К 65-летию депутата Д.А. Барганджия)**

Вниманию читателей предлагаются два интересных (исторических) документа «О новой избирательной системе и палатах парламента (предложения к размышлению)» и «Обоснование необходимости принятия новой конституции», которые сохранились в архиве и были представлены в конституционную комиссию 11 сентября 1994 г., то есть накануне принятия 26 ноября 1994 г. новой Конституции Республики Абхазия. Автором этих предложений был депутат Верховного

Совета – Парламента РА Даур Андреевич Барганджия, которому в этом году исполнилось 65 лет. В сложный период 1991-1996 гг. он играл видную роль в деятельности парламента как вдумчивый политик и экономист: возглавлял подкомиссию по экономической реформе, в военное время был заместителем председателя (председатель – К.К. Озган) парламентской комиссии по экономическим вопросам; в ноябре-декабре 1992 г. разработал законопроект по реорганизации деятельности парламента и правительства, образованию Государственного комитета обороны (ГКО) и МИДа Абхазии.

Особо следует отметить его участие и основное авторство в выработке Постановления Парламента «Об общественно-политической ситуации в Абхазии» от 22 августа 1995 г., в результате принятия которого наша страна избежала непоправимой ошибки (См.: Ведомости Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия. № 1. Сухум. 2008. С.62-65).

Многие депутаты парламента хорошо помнят эту яркую личность и его вклад в разработку основополагающих документов государства, в том числе в сфере налоговой политики. Проявил он себя и на дипломатическом поприще, принимая участие в сентябре 1993 г. в непростых Сочинских переговорах и в ноябре 1996 г. по поручению Президента В.Г. Ардзинба – в прямой встрече в Тбилиси с Э.А. Шеварднадзе (вместе с К.К. Озганом).

Все это стало возможным благодаря редкому дарованию и аналитическим способностям Даура Барганджия (родился в Сухуме 17 февраля 1958 г.), получившего фундаментальное образование в Московском государственном институте международных отношений МИД СССР (1975-1980) на факультете международных экономических отношений. После защиты кандидатской диссертации в МГУ преподавал в Абхазском государственном университете. Изучая китайский язык и свободно владея английским, в 1990-1991 гг. стажировался в Дании на экономическом факультете Копенгагенского университета. После войны был министром экономики Абхазии, председателем Национального банка РА...

С конца 1990-х гг. Даур Андреевич Барганджия работает и живет в Москве.

О НОВОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ И ПАЛАТАХ ПАРЛАМЕНТА

(предложения к размышлению)

Основной недостаток старой избирательной системы – национальные квоты. Если это сохранить – значит дать повод для критики. Здесь предлагается дать вариант решения проблемы абхазского представительства в парламенте без введения квот:

1. Парламент состоит из трех палат:

- национальная палата;
- народная палата;
- палата национальностей.

В каждой палате по 15 человек. Права блокирования решений парламента палате не дается, т.е. принятие решений по вопросам, отнесенным к ведению всего парламента в целом происходит путем общего голосования.

2. Национальная палата.

Только из числа лиц, знающих абхазский язык. Делопроизводство и сами заседания ведутся на абхазском языке. Это практически единственно возможный вариант введения делопроизводства на абхазском языке в парламенте и поэтому это так важно. Необходимость такой палаты в том, что абхазский язык, культура, традиции и т.д. так пострадали, что требуется работа на законодательном уровне. Компетенция национальной палаты – проблемы абхазского языка, культуры, связь с диаспорой, родственными народами и т.п., т.е. чисто национальные дела, которые не затрагивают прямо интересы других этнических групп.

3. Народная палата. Обычные выборы по избирательным округам, как это всегда у нас было, в зависимости от числа поданных голосов независимо от национальности. Полномочия палаты (компетенции) – экономические проблемы, экология, медицина и др. может быть, ещё что-то.

4. Палата национальностей. 3 абхаза, 3 русских, 3 армянина, 3 грузина, и еще 3 места – для греков, эстонцев, евреев и др. мелких групп. Компетенция – проблемы этнических общин, прав человека, межнациональных отношений и др., можно еще продумать.

5. Выборы в национальную палату и палату национальностей – по спискам – по всей территории Абхазии. Первые 15 человек, набравшие больше всего голосов, – проходят (в палате национальностей – соответственно – первые 3 места по национальностям).

6. Любое решение палаты, даже в пределах компетенции, может быть отменено решением всего парламента.

7. Абхазское представительство в национальной палате (15) и палате национальностей (3) в сумме составляет 18 человек. Для того чтобы получить более 50 % во всем парламенте, нужно выиграть всего лишь 5 мест (одну треть часть) в народной палате, что практически можно считать обеспеченным. Кроме того, будут еще голоса союзников из других этнических групп.

8. Таким образом, даже не устанавливая никаких квот, можно практически гарантировать нужное абхазское представительство в парламенте.

9. Мне неизвестно, есть ли в мировой практике трехпалатный парламент, может быть, и нет, но в мире нет, наверное, такой страны, где существовало бы одновременно несколько крупных и почти равных по численности национальных общин, как у нас. Во всяком случае, вряд ли кто-то сможет сказать о недемократичности парламента, апартеиде или еще какой-нибудь гадости.

10. Возможный недостаток – сложность структуры и направления, а также появление трех дополнительных должностей – спикеров палат. Однако эти недостатки все же не так уж значительны, тем более, что спикером национальной палаты может быть по должности вице-президент (например, американский вице-президент по должности спикер сената), а спикер парламента – одновременно спикер народной палаты.

11 сентября 1994 г.

Д. А. Барганджия

ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ ПРИНЯТИЯ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ

Парламентская республика – вообще редкая форма правления в мире. Среди стран СНГ ее уже нет, последняя была – Белоруссия. Это самая децентрализованная система управления и для ее осуществления необходимы традиции и благоприятные внешние условия. Ясно, что этого у нас нет.

Конституция 1925 года содержит целый ряд статей, отражающих то время и неприменимых сейчас. Например – лишение права голоса эксплуататорских классов, церковнослужителей, классовое общество и другое. Любому человеку / тем более с Запада/ ясно, что многие положения старой Конституции сегодня не могут действовать, противоречат другим законам и даже здравому смыслу. Можно сказать, что мы строим правовое государство и уже не можем жить с устаревшей конституцией. Можно также сделать перевод на английский старой и новой конституций и распространить их на переговорах и везде, где нужно.

Важно опередить Грузию в принятии Конституции, чтобы они нас не вписали автономией, а мы затем уже будем принимать Конституцию. Сегодня же это почти не повлияет на переговоры. Наоборот, и в старой конституции говорится об Абхазии как о суверенном государстве, кстати, мне лично эта формулировка очень нравится и неплохо было бы ее перенести в новую конституцию. Можно также сделать дополнение к статье о суверенном государстве в том плане, что Республика Абхазия может на основе межгосударственных соглашений с другими странами делегировать часть своих полномочий или суверенитета на добровольной основе. Таким образом, никто не может обвинить нас в том, что мы уже по конституции отделились. Закладывается

возможность как договора с Грузией, так и с Россией и кем-либо другим. Мы как бы объявляем о полном суверенитете и тут же говорим, что держим дверь открытой для добровольных соглашений.

Видимо, лучше всего с этим вопросом не тянуть, и принять новую Конституцию на сессии в октябре, чтобы был хотя бы месяц до истечения мандата миротворческих сил, хотя, скорее всего, мандат в любом случае будет продлен. Но поскольку можно прогнозировать изменение политической ситуации, лучше иметь время, чтобы сформировать президентские структуры и сделать кадровые назначения и др. Выборы в первый раз лучше тоже провести на сессии, а перевыборы парламента наметить где-то на апрель-май.

11 сентября 1994 г.

Введение и подготовка текстов к печати С.З. Лакоба

**СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА
ПРИ ИНСТИТУТЕ АРХЕОЛОГИИ РАН ПО ЗАЩИТЕ
ДИССЕРТАЦИИ О.Х. БГАЖБА НА СОИСКАНИЕ
УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА
ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК на тему:
«История железообрабатывающего производства
на Западном Закавказье (I тыс. до н. э. – середина II тыс. н. э.)»**

Итог предшествовавшего этапа научной деятельности О. Х. Бгажба

24 марта 1995 г. на заседании Диссертационного совета при Институте археологии РАН степень доктора исторических наук была присуждена О.Х. Бгажба за представленную им работу «История железообрабатывающего производства на Западном Закавказье (I тыс. до н. э. – середина II тыс. н. э.)». Единогласный положительный результат тайного голосования свидетельствовал о единодушном признании коллег достоинств представленной диссертации, о сделанном диссертантом существенном исследовательском вкладе и подтверждении научной значимости обоснованных им выводов и положений.

На последующих страницах помещена стенограмма этого заседания. При всем предельно формализованном характере данного документа он представляет немалый интерес, так как дает некоторое представление о процедуре защиты диссертаций и присвоения научных степеней, сложившейся в советской практике конца прошлого столетия. Это побудило нас обратиться к его публикации и комментированию.

Стенограмма является аутентичной (стенографической) записью всего происшедшего и сказанного на заседании Диссертационного совета. После расшифровки стенограмма с сопутствующими документами отправлялась в Высшую аттестационную комиссию (ВАК) СССР, которая, как правило, утверждала решение Диссертационного совета, либо – такие случаи имели место – его отменяла.

Между тем действующая система присуждения ученых степеней уже давно подвергается небезосновательной критике. Периодически вспыхивающие дискуссии указывают на ее несовершенство, раздаются призывы к реформированию системы и ее модернизации, к поиску более адекватных правил и критериев присуждения научным работникам квалификационных статусов и степеней. Однако ничего более толкового за это время предложено не было, поэтому основные нормативы, учрежденные Постановлением Совета народных комиссаров СССР «О научных степенях и званиях» (1932 г), продолжают действовать и поныне, несмотря на принимавшиеся в дальнейшем многочисленные изменения и дополнения. Стенограмма заседаний Диссертационного совета, фиксирующая основные моменты процедуры защиты, продолжает оставаться одним из основных документов, на основании которого ВАК принимает окончательное решение.

Важный побудительный мотив к публикации данного документа связан с тем, что все упомянутые в стенограмме лица – это виднейшие ученые, составлявшие элиту советской археологической науки того времени. Каждый из участников заседания являлся выдающимся специалистом и знатоком своей области исследований, при этом широчайшая научная эрудиция, масштабное археологическое мышление, ясное представление об основных тенденциях современного историко-гуманитарного знания позволяли им быть авторитетными экспертами и по смежным направлениям, в том числе выступая в качестве членов Диссертационного совета при Институте археологии АН СССР по защите диссертации абхазского ученого.

Ценность стенограммы также в том, что она содержит тексты выступлений главных «действующих лиц» – диссертанта (О.Х. Бгажба), принявших участие в дискуссии официальных оппонентов (М.Н. Погребовой, М.Г. Мошковой и В.А. Кузнецова), а также изложение отзыва ведущего учреждения (Государственный музей Востока). Эти выступления оказались не формальными словесными отписками, а весьма глубокими по содержанию научными «эссе», составлявшие у диссертанта основные положения и выводы его исследования, а у остальных – аналитический разбор представленной к защите диссертационного труда.

О.Х. Бгажба выступил с исследованием, посвященным истории железообрабатывающего производства на Западном Закавказье в периоде I тыс. д н.э. – середины II тыс. н.э. Проблематика диссертации оказалась близка и интересна многим участникам заседания. Овладение технологией металлургического производства было огромным шагом в хозяйственном развитии человечества, в расширении его технологических возможностей, в приращении и усложнении его орудийной оснащенности. Это вызывает неизменный интерес специалистов самого широкого профиля к проблеме генезиса металлургии, равно как и к локусам ее первоначального зарождения, ибо очевидно, что технологический прогресс обеспечил ускоренное социокультурное развитие обществ, овладевших искусством плавки металла.

О.Х. Бгажба представил свое исследование, посвященное 2500-летней истории металлургического производства в Западном Закавказье, основываясь преимущественно на материалах, происходивших с территории Абхазии. В то же время диссертант привлек огромный массив иных источников – от античных нарративов до памятников абхазского фольклора, от результатов лингвистических изысканий до данных металлографических анализов, обнаруженных во время раскопок многочисленных артефактов, что в контексте диссертационной тематики имело особую доказательную силу. Именно эта мощная и богатая источниковая база дала возможность одному из оппонентов указать, что «несомненным достоинством работы является комплексный характер исследования», равно как и другим рецензентам диссертации увязать ее положительные стороны с «огромным количеством привлеченного интереснейшего материала и исключительной широтой подхода».

Как свидетельствует стенограмма, основные положения, вынесенные О.Х. Бгажба на защиту, были связаны с обоснованием его схемы историко-культурно-технологического развития железообрабатывающего производства в Запад-

ном Закавказье. Предлагая новаторскую дату начала железного века в регионе VII-VI вв. до н.э., диссертант выдвинул не менее новаторский тезис, согласно которому традиции железообработки в Западном Закавказье следует рассматривать в рамках единой малоазийской металлургической провинции. Реконструируя динамику железообработки в регионе на протяжении последующих эпох вплоть до развитого Средневековья, автор детально проследил за эволюцией технологических приемов, описал ассортимент и предложил типологию производимых изделий. Анализируя материал на широком историческом и хронологическом фоне, О.Х. Бгажба отмечает глубокие влияния на хозяйственную жизнь местного населения культурных импульсов Великой греческой колонизации, трансконтинентального наследия Великого Шелкового пути, высокоразвитой доминанты византийского мира, передовых основ европейской цивилизации, привнесенных в Западное Закавказье гетуэцами. Значительную часть диссертационного исследования заняли материалы, свидетельствующие о высоком уровне железообработки в Абхазии, в которой эта отрасль хозяйства заняла одну из ведущих позиций в экономике, оставив также значительный след в социальной и духовной культуре местного населения.

Большинство позиций диссертанта нашло поддержку у оппонентов и членов Диссертационного совета. В то же время звучали и критические оценки, в том числе несогласие с некоторыми идеями соискателя, на что О.Х. Бгажба была дана возможность ответить. Очевидно, что любая масштабная и новаторская работа вызывает живые и плодотворные дискуссии, оправданиям которым служат лишь цели приближения к более точному и адекватному научному знанию. В этом отношении по стенограмме можно проследить за возникшей полемикой, в рамках которой были оглашены мнения оппонентов и рецензентов диссертационной работы.

Завершая вводную часть, отметим, что документ представляет для нас интерес и своим главным действующим лицом, своим эпонимом. Олег Хухутович Бгажба (род в 1941 г.) – является крупнейшим абхазским ученым, старейшиной научного сообщества Абхазии. Академик АНА, доктор исторических наук, профессор О.Х. Бгажба внес неоценимый вклад в историческую науку, в археологию Абхазии, в познание путей многовекового исторического и культурного развития абхазского народа.

Выходя на защиту докторской диссертации, О.Х. Бгажба подводил важный итог предшествующего этапа научной деятельности. К этому времени в творческом багаже ученого был огромный исследовательский задел по изучению экономики и хозяйства древней и средневековой Абхазии. Олег Хухутович был известен как автор нескольких монографий, большого количества статей и публикаций, ему принадлежало сенсационное доказательство производства в Абхазии изделий по технологии дамасской стали, но главное, О.Х. Бгажба, вместе с Ю.Н. Вороновым, прославились своими раскопками в Цебельде, открывшими миру апсильскую культуру раннесредневековой Абхазии.

Представляя на суд коллег свою диссертацию, О.Х. Бгажба стремился подтвердить научную значимость проведенных им исследований и сформулированных на их основе выводов. Кроме того, была еще одна причина, по которой дис-

сертанту было важно защититься именно в Институте археологии АН СССР. Он не был здесь «чужим». По ходатайству Абхазского института в течение десяти лет Х.О. Бгажба приезжал и в качестве прикрепленного сотрудника работал в лаборатории естественно-научных методов, где под руководством доктора исторических наук, профессора Б.А. Колчина (1914-1984) изучил новационную для того времени методику металлографического анализа. О.Х. Бгажба провел около 500 анализов железных и стальных изделий из Абхазии (начала 1 тыс. до н.э. — середины II тыс. н. э.), результаты этой работы в значительной степени составили фактографическую и доказательную базу диссертационного исследования.

Единогласное присуждение диссертанту искомой степени было признанием вклада ученого в познание важной проблемы истории металлообработки в Кавказском регионе. В то же время состоявшаяся докторская защита имела и другой, символический смысл. Впервые после окончания Отечественной войны 1992-1993 гг. ученый из Абхазии представлял в ведущем российском научном центре результаты своих исследований. Это свидетельствовало, что катастрофический урон, который война нанесла Абхазии и ее науке, преодолен. Абхазская наука выходила на новые рубежи. О.Х. Бгажба, получив заслуженную степень доктора исторических наук, успешно продолжил и продолжает свою научную деятельность по сей день.

Оригинал публикуемой ниже стенограммы хранится в научном архиве Института археологии Российской академии наук. Текст нам был передан при дружеском и заинтересованном содействии Александра Юрьевича Скакова (1971-2023), который долгие годы был связан крепкими профессиональными и личностными контактами с научным сообществом нашей страны. А.Ю. Скаков много работал в Абхазии, возглавляя археологическую экспедицию на памятнике Джантух в Ткуарчале. В 2015 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Абхазия». Настоящая публикация является одновременно данью нашей благодарной памяти Александру Юрьевичу.

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д. 002.18.01 ПО ЗАЩИТЕ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
ПРИ ИНСТИТУТЕ АРХЕОЛОГИИ РАН

24 марта 1995 года

Р. М. Мунчаев¹ (Председатель Диссертационного совета)

На повестке дня заседания совета защита диссертации Бгажба Олегом Хухутовичем на тему: «История железообрабатывающего производства на

¹ Мунчаев Рауф Магомедович (1928-2021) – археолог, доктор исторических наук, профессор, член-корр. РАН; работы по неолиту, энеолиту и эпохе ранней бронзы на Кавказе и Ближнем Востоке; в 1991-2003 гг. – директор Института археологии РАН, председатель Диссертационного совета при Институте археологии РАН.

Западном Закавказье (I тыс. до н. э. – середина II тыс. н. э.)»¹ на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.06 – археология.

В составе совета 21 человек, присутствуют на заседании 16 членов совета, из них докторов наук по специальности защищаемой диссертации – 15:

1. Мунчаев Р.М.	докт. ист. наук	07.00.06
2. Сергеева З.М. ²	канд. ист. наук	07.00.06
3. Амирханов Х.А. ³	докт. ист. наук	07.00.06
4. Афанасьев Г.Е. ⁴	докт. ист. наук	07.00.06
5. Бадер Н.О. ⁵	докт. ист. наук	07.00.06
6. Виноградов А.В. ⁶	докт. ист. наук	07.00.06
7. Кошеленко Г.А. ⁷	докт. ист. наук	07.00.06
8. Косарев М.Ф. ⁸	докт. ист. наук	07.00.06
9. Кызласов И.Л. ⁹	докт. ист. наук	07.00.06
10. Масленников А.А. ¹⁰	докт. ист. наук	07.00.06
11. Мошкова М.Г. ¹¹	докт. ист. наук	07.00.06

¹ Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук опубликован: О. Х. Бгажба. Избранные труды. Сухум. 2023. С. 290-328.

² Сергеева Зоя Михайловна (род. в 1936 г.) – археолог, кандидат исторических наук, сотрудник Института археологии РАН; исследователь восточнославянских древностей VIII-XIII вв.

³ Амирханов Хизри Амирханович (род. в 1949 г.) – археолог, доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. РАН; специалист по палеолитическим культурам Кавказа, Центральной и Восточной Европы, Аравии и Ближнего Востока; заведующий отделом Института археологии РАН.

⁴ Афанасьев Геннадий Евгеньевич (род. в 1946 г.) – археолог, доктор исторических наук; кавказовед, специалист по аланской проблематике и раннесредневековым древностям Восточной Европы; в 1992-2010 гг. был заместителем директора Института археологии РАН.

⁵ Бадер Николай Оттович (1935-2015) – археолог, доктор исторических наук; исследователь палеолитических и мезолитических памятников Европы и Ближнего Востока; научный сотрудник Института археологии РАН.

⁶ Виноградов Александр Владимирович (1931-2004) – археолог, доктор исторических наук; круг научных интересов был связан с изучением каменного века Приаралья и северных районов Средней Азии; научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

⁷ Кошеленко Геннадий Андреевич (1935-2015) – археолог, доктор исторических наук, член-корр. РАН; историк античности и эллинистического Востока, вел раскопки в Северном Причерноморье, на Кавказе, в Средней Азии, в Афганистане, активно внедрял в практику методы подводной археологии; в 1979-2008 гг. возглавлял отдел классической археологии в Институте археологии РАН.

⁸ Косарев Михаил Федорович (1931-2017) – археолог, доктор исторических наук; специалист по археологии бронзового века и традиционному мировоззрению народов Западной Сибири; научный сотрудник Института археологии РАН.

⁹ Кызласов Игорь Леонидович (род. в 1951 г.) – археолог, доктор исторических наук; специалист по археологии Южной Сибири и Центральной Азии, работы по древним системам письма тюркских народов; научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН.

¹⁰ Масленников Александр Александрович (род. в 1948 г.) – археолог, доктор исторических наук; научные интересы связаны с историей и археологией античного Причерноморья и Средиземноморья, историей Боспорского царства; научный сотрудник Института археологии РАН.

¹¹ Мошкова Марина Глебовна (род. в 1928 г.) – российский археолог, доктор исторических наук, профессор; специалист в области скифо-сарматской археологии, один из основателей

12. Седов В. В. ¹	докт. ист. наук	07.00.06
13. Смирнов К.А. ²	докт. ист. наук	07.00.06
14. Фролова Н.А. ³	докт. ист. наук	07.00.06
15. Чернецов А.В. ⁴	докт. ист. наук	07.00.06
16. Янин В.Л. ⁵	академик РАН	07.00.06

Имеется общий и специальный кворум и в соответствии с п.33 Положения ВАК заседание совета считаем правомочным. Есть предложение открыть заседание совета. (Предложение принимается единогласно).

Работа выполнена в Абхазском институте гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук	Погребова М.Н.
доктор исторических наук	Кузнецов В.А.
доктор исторических наук	Мошкова М.Г.

Ведущая организация – Государственный музей Востока

Слово для сообщения о материалах личного дела диссертанта предоставляется ученому секретарю совета кандидату исторических наук Сергеевой Зое Михайловне.

З.М. Сергеева

(Знакомит с материалами личного дела диссертанта и отмечает соответствие их требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий» ВАК).

советской школы сарматоведения; в 1993-2002 гг. – заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии РАН: оппонент на защите О.Х. Бгажба.

¹ Седов Валентин Васильевич (1924-2004) – археолог, доктор исторических наук; крупнейший специалист в области этногенеза и ранней истории славян, финно-угров, балтов; 1988-2004 – заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН, 1993-2004 – ответственный редактор ежегодника «Археологические открытия».

² Смирнов Кирилл Алексеевич (1931-2001) – археолог, доктор исторических наук; изучал археологию эпохи раннего железа лесной полосы Центральной России и Поволжья, взаимоотношения насельников лесной полосы и населения степи, исследователь Дьяковской культуры раннего железного века; 1978-2001 – ученый секретарь Института археологии РАН.

³ Фролова Нина Андреевна (1936-2015) – археолог, доктор исторических наук; нумизмат-антиковед, главной сферой интересов было монетное дело Боспора и городов Северного Причерноморья; научный сотрудник отдела нумизматики Государственного исторического музея, хранитель коллекции античных и византийских монет.

⁴ Чернецов Алексей Владимирович (род. в 1945 г.) – археолог, доктор исторических наук, профессор; специалист по археологии и истории древней и средневековой Руси; с 1991 г. – заведующий отделом славяно-русской археологии Института археологии РАН.

⁵ Янин Валентин Лаврентьевич (1929-1920) – археолог, доктор исторических наук, профессор; академик АН СССР; крупнейший исследователь русского Средневековья, внес выдающийся вклад в изучение новгородских берестяных грамот; 1978-2016 – заведующий кафедрой археологии ИГУ, в 1962-2019 возглавлял Новгородскую археологическую экспедицию.

Р.М. Мунчаев

Есть ли вопросы по материалам личного дела диссертанта? Вопросов нет.
Олег Хухутович, Вам предоставляется слово для изложения основных положений диссертационной работы.

О.Х. Бгажба

Уважаемый председатель, уважаемые члены Диссертационного совета, уважаемые коллеги и все присутствующие в этом зале!

Проблема генезиса и развития железообрабатывающего производства в Западном Закавказье – одна из актуальных, сложных и многообразных проблем современной исторической науки. Она до сих пор решается без комплексного исследования и учета отдельных звеньев в рамках всей металлургической провинции. Особый интерес в изучении железообрабатывающего производства на Кавказе представляют материалы из Абхазии, входящей в регион Западного Закавказья. Здесь до настоящего времени сохраняются в промежуточной форме многие атрибуты поклонения абхазскому богу-кузнецу Шьашвы, в частности сакральные кузницы, где поныне могут решаться конфликтные вопросы между спорящими сторонами, проходят обряды, связанные с исцелением больных, а проклятие, произнесенное над наковальней, является самым страшным наказанием. Поэтому без всестороннего и углубленного исследования истории железообрабатывающего производства Западного Закавказья невозможно создать конструктивную общекавказскую концепцию зарождения и развития одной из ведущих и определяющих отраслей древней «промышленности».

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе комплексного анализа источников воссоздать реальную историческую картину развития железообрабатывающего производства Западного Закавказья, начиная с появления первых железных предметов и на протяжении почти 2500-летнего периода установить закономерности развития данного производства, культурно-исторические связи в этой сфере экономики, а также место в системе общекавказского кузнечного дела.

Основные проблемы: 1) дать общую историко-технологическую и историко-культурную характеристику железообрабатывающего производства Западного Закавказья; 2) выявить истоки местной металлообработки; 3) определить характер и качество сырья, используемого в кузнечном деле; 4) выяснить последовательность технологических операций; 5) определить уровень кузнечного ремесла в различные периоды истории региона, а также характер структуры и организации производства; 6) показать черты общности и различия местной металлообработки в сравнении с рядом близких и синхронных культур.

Источники, на которых основывается исследование, разнородны: исторические (древневосточные, античные, средневековые) письменные источники, археологические (2500 экз. кузнечных железных и стальных изделий из 33 памятников древней и средневековой Абхазии); данные более 400 металлографических анализов (аналитическая часть работы выполнена в лаборато-

рии естественно-научных методов Института археологии РАН); этнографические и фольклорные материалы, связанные с кузнечным ремеслом абхазов и других соседних народов Кавказа.

Значительное место в исследуемой коллекции железного и стального инвентаря древней и средневековой Абхазии занимают материалы, добытые мною в результате археологических раскопок погребений колхидской культуры, крепостных комплексов Цибилиума, Рогатория, упоминаемых византийскими историками Прокопием и Агафием.

В соответствии с характером источника в работе используются как историко-археологические, так и естественно-научные методы, что представляет возможность решения не только частных историко-технологических, но и общих историко-культурных проблем, связанных со всесторонним исследованием железообрабатывающего производства.

Апробация результатов исследования осуществлена на расширенном заседании отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований АНА и в лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН. Основные положения диссертации изложены в научных публикациях, включающих монографические исследования, а также докладах, сделанных на разных уровнях, в том числе международных.

Главным результатом проведенного исследования является впервые разработанная для Западного Закавказья историко-культурно-технологическая схема развития одного из основных видов древней «промышленности» железообрабатывающего производства, созданная на базе комплексного анализа источников и охватывающая такие важные этапы в истории региона, как ранний железный век, Античность и Средневековье. На этой основе из массы коллекций удалось выделить традиционные и инновационные приемы в железообработке, которые служат хорошим подспорьем для хронологии и интерпретации материалов.

В отличие от наблюдаемого полного типологического обновления всего ассортимента изделий (в том числе железных) через каждые 200-250 лет подобная своеобразная «смена моды» не может быть с достаточным основанием распространенной на технологию металлообрабатывающего производства, ибо традиционные приемы кузнечества, на примере колхидских материалов, могли быть изначально более устойчивыми, например (приемы термообработки), а изменения в облике местной материальной культуры, естественно, могли происходить за счет обмена изделий с соседними территориями, развитии технологий и организации производства, совершенствования социальной структуры и т.д.

Проблемы более частного порядка, постановка и попытка наиболее обоснованных решений которых осуществлена в настоящем исследовании, сводятся к следующему:

1. В работе на основе проведенного типолого-технологического исследования наиболее выразительных комплексов железного века Западного Закавказья и соседних территорий, получена дополнительная аргументация в пользу отнесения начала широкого освоения железа не ранее VIII в. до н.э., а VII-VI вв. до н.э. – по существу начало железного века для региона. Вместе с тем так-

же показано, что между колхидской и кобанской культурами на типолого-технологическом уровне железной продукции существует много общего, что позволяет рассматривать ее в рамках единой малоазийской металлургической провинции.

2. Впервые дана динамика развития местного железообрабатывающего производства на фоне Великой греческой колонизации Черноморского побережья Кавказа. Резкое увеличение ассортимента кузнечных изделий, а также разнообразие и появление новых технологических приемов, причем с устойчивым сохранением традиционных (цементация, мягкая закалка, закалка с отпуском и т.д.) скорее всего, связывается с образованием и расцветом античных городов в древней Колхиде, которые, естественно, являлись и крупными ремесленными центрами по части металлообработки.

3. Впервые показан высокий уровень железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (II-VII вв.) – регионе, который являлся в этот период времени восточной провинцией римско-византийского культурного мира. Новый подъем в развитии кузнечного ремесла у апсиллов – одного из древних предков абхазов, увязывается не только с новым расцветом крепостей и поселений городского типа, но и функционированием с VI в. через данную территорию трех ответвлений «Великого шелкового пути».

4. Дана реалистическая картина развития железообрабатывающего производства Абхазии в периоды Абхазского царства (VIII-X вв.), «царства абхазов и картвелов» (XI-XIII вв.) и гегуэзской колонизации (XIV-XV вв.). По сравнению с периодом расцвета цебельдинской культуры (II-VII) ассортимент железных и стальных изделий в начальный период Абхазского царства (VIII- IX вв.) несколько обедняется. Это явление может быть связано не только с недостаточной археологической изученностью или опустошительными арабскими набегами в VIII в., но и с социально-экономическими предпосылками в данном регионе (наличие пастушеского хозяйства, служившего основой для «горского феодализма»). И только к X в. здесь начинается очередной подъем, характеризующийся обогащением ассортимента изделий из черного металла и появлением новых технологических приемов, который достигает наивысшего уровня в гегуэзское время (XIV-XV вв.), что в очередной раз следует связать с активизацией городов и выходом средневековой Абхазии на широкую международную арену через проходивший по данной территории транзитный торговый путь, соединявший Гегуэю с Золотой Ордой.

5. Комплексный анализ источников показал, что основные традиционные технологические приемы в железообработке Западного Закавказья зародились еще в период расцвета позднебронзовой колхидской культуры и не претерпели существенных изменений, несмотря на несомненное влияние высокоразвитой технологии греко-римско-византийско-гегуэзского культурного мира в разные периоды истории аборигенного общества и нисколько не отставали в развитии данного производства от Восточного Закавказья.

6. Приведенные фольклорные и этнографические материалы (в частности, об абхазском нартском кузнеце Айнаре, о культе железа и кузнечного ремесла, тесно связанного с языческим богом абхазов Шьашвы, об организации и

структуре производства железа и др.) своими корнями уходящие в далекое прошлое, воз можно, к древним хаттским кузнечным традициям, подтверждают мысль о высокой культуре железного дела и той позитивной роли, которую сыграло Западное Закавказье (вместе с Абхазией) в истории производства черного металла и техники его обработки на Кавказе.

Западное Закавказье, являясь в начале I тыс. до н.э. одним из основных древнейших путей диффузии железной индустрии из Малой и Центральной Азии в Европу (западно-закавказский или восточно-причерноморский путь), сыграло существенную роль в распространении способов производства черного металла и навыков его обработки на Северный Кавказ, в Поволжье, а через Северное Причерноморье и в Карпатский бассейн, в то время как другой путь (средиземноморский) шел на Грецию и Балканы. Так, на позднебронзовых руинах циркумпонтийской провинции в VIII-VI вв. до н. э. возник ряд центров новой, уже железной металлургической провинции, одним из крупнейших очагов которой был, как показано в работе, Кавказ. И в последующие периоды истории (Античность, Средневековье) Западное Закавказье, являясь естественным мостом между европейским и переднеазиатским культурными мирами, безусловно, всегда продолжало оставаться, в силу соответствующих эколого-географических условий, местом аккумуляции, трансформации и распространения тех или иных достижений человеческой деятельности, в том числе и в железообрабатывающем производстве.

Материалы диссертации и сделанные на их основе историко-культурные и историко-технологические выводы учтены в рамках учебного пособия «История Абхазии», выдержавшего два издания (последнее в 1993 г.). По данной проблеме в Абхазском государственном университете им. А.М. Горького читается спецкурс. Результаты настоящего исследования могут быть использованы при написании истории черной металлургии и металлообработки, в сводных монографических изысканиях по археологии, в краеведческой деятельности.

Спасибо.

Р.М. Мунчаев

Какие будут вопросы к диссертанту? Вопросов нет.

Слово предоставляется ученому секретарю совета для сообщения о поступивших отзывах.

З.М. Сергеева

В деле имеется выписка из протокола № 6 расширенного заседания Института ГИ им. Д.И. Гулиа АНА, при участии отделов истории, этнографии, фольклора, искусства того же Института; кафедр истории России и зарубежных стран, истории, археологии и этнологии Абхазии Абхазского государственного университета; Управления охраны памятников истории и культуры Республики Абхазия; отдела археологии и этнографии Абхазского государственного музея от 7 апреля 1994 г., подписанная зав. отделом археологии Абхазского Института ГИ им. Д.И. Гулиа АНА, докт. ист. наук Шамба Г.К., утвержденная

директором Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии, докт. ист. наук Ардзинба В.Г. (Содержание выписки излагается).

Имеется выписка из протокола заседания лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН, подписанная уч. секр. лаборатории, канд. ист. наук Авиловой Л.М., утвержденная Директором Института археологии РАН докт. ист. наук Мунчаевым Р.М. (Содержание выписки излагается).

УТВЕРЖДАЮ

директор Института археологии РАН
1994 г.

Р.М. Мунчаев

выписка

из протокола заседания лаборатории естественно-научных методов
Института археологии РАН от 7 июня 1994 г.

Председатель Е.Н. Черных¹
Секретарь Л.М. Авилова²
Присутствовало 12 человек

Повестка дня: Обсуждение диссертационной работы О.Х.БГАЖБЫ «История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.)» на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Слушали: доклад О.Х. Бгажбы, отзывы официальных рецензентов к.и.н. Н. Н. Тереховой³ и д.и.н. Е.Н. Черных.

Выполненная и представленная О.Х. Бгажбой работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора исторических наук.

В работе О.Х. Бгажбы исследуются вопросы генезиса и развития железообработки на территории Абхазии как региона Западного Закавказья начиная с раннего железного века и до периода Средневековья включительно. Подобная широкомасштабная работа для территории Абхазии предпринята впервые. Исследование основано на комплексном изучении кузнечного производства древности с привлечением различных источников: прежде всего исторических и археологических, а также этнографических, фольклорных и лингвистических. Подобная широта исследования отражает то важное место,

¹ Черных Евгений Николаевич (род. в 1935 г.) – археолог, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН; исследует древнейшие хозяйственные системы, становление горнометаллургического производства у народов Евразии; 1984-2019 – заведующий Лабораторией естественнонаучных методов Института археологии РАН.

² Авилова Людмила Ивановна (род. в 1951 г.) – археолог, доктор исторических наук; исследует социальные структуры, древнейшую обрядность и хронологию обществ эпохи энеолита и бронзы Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока; 1984-2004 – ученый секретарь Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН.

³ Терехова Наталия Николаевна (род. в 1933 г.) – археолог, кандидат исторических наук; работы в области изучения древних экономик, освоения металлов; с 1980 – заведующая группой металлографических исследований Института археологии РАН.

которое занимал культ кузнечного дела в древней Абхазии, что ярко отражено в культуре и эпосе абхазского народа.

Особое место в диссертационной работе занимает применяемый автором метод металлографического анализа древних изделий из черного металла. Это дало автору возможность ставить и решать ряд историко-технологических и историко-культурных проблем, выйти на важные и интересные социально-экономические вопросы.

Автор выявляет характерные черты местного кузнечного производства начиная с первого появления железных предметов в материалах колхидской культуры периода раннего железного века. Им прослежены технико-технологические изменения, происходившие в железообрабатывающем ремесле Западного Закавказья в период античной колонизации и сложения средневековых государств. О.Х. Бгажба делает важнейший вывод о том, что характер кузнечного производства здесь определялся социально-экономическим уровнем развития региона, и его своеобразный облик мало менялся под воздействием внешних культурных импульсов (греческая, римская и византийская колонизация, гегуэзские фактории).

О.Х. Бгажба дает последовательную характеристику черной металлообработки различных исторических эпох, выделяя наиболее существенные черты и приемы ремесла. Так, наиболее ранние приемы обработки (VIII-VII вв. до н.э.) – цементация железных заготовок, а в VII-VI вв. до н.э. уже широко применяется дифференцированная термообработка, в том числе закалка. Та же линия развития продолжается в период греческой колонизации.

В позднеримский и ранневизантийский периоды (III-IV вв. н.э.) наиболее показательной является группа мечей, изготовленных в технике сварочного Дамаска, в целом техника кузнечества продолжает прежнюю линию развития (цементация и термообработка). Эпоха Средневековья (VIII-XV вв.) не вносит принципиально новых достижений, т.к. ранее появившаяся техника сварки, пакетирования и наварки стального лезвия так и не стала характерным приемом ремесла древней Абхазии.

Проникновение исходных знаний и импульсов производства и обработки железа в Абхазию О.Х. Бгажба считает результатом контактов с Малой Азией, где он в соответствии с моноцентристской теорией происхождения помещает прародину использования железа. Наряду со Средиземноморьем Западное Закавказье являлось, по мнению автора, путем, по которому знания о черном металле распространились из Малой Азии в Европу.

Специальная часть диссертации посвящена социально-экономической характеристике кузнечного ремесла Западного Закавказья, при этом широко используются богатые данные этнографии и фольклора. О.Х. Бгажба обращается к проблемам совмещения занятий ремеслом и земледелием, статуса кузнеца в общине, дифференциации и специализации кузнечного производства.

В целом исследования автора демонстрируют, что основные технико-технологические приемы в железообработке Западного Закавказья зародились в период поздней бронзы и не претерпевали существенных изменений, несмотря на имевшие место воздействия высокоразвитого сред-

неземноморского мира в разные периоды истории. Динамика развития железообрабатывающего производства в Абхазии тесно связана с городами и поселениями городского типа, превратившимися со временем в ремесленные центры.

Текст автореферата соответствует содержанию диссертации.

Постановили:

1. Рекомендовать диссертационную работу О.Х.БГАЖБЫ к защите на Ученом совете Института археологии РАН на соискание ученой степени доктора исторических наук.

2. Рекомендовать в качестве официальных оппонентов д.и.н. М.Г. Мошкову – широкого специалиста по периоду железного века, д.и.н. М.Н. Погребову – известного специалиста по археологии Кавказа, и д.и.н. В.А. Кузнецова – известного ученого.

Предварительное согласие оппонентов имеется.

3. В качестве ведущего учреждения рекомендовать Музей искусств народов Востока.

Основные печатные работы О.Х. Бгажбы по теме диссертации:

1. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII-XV вв.). Сухуми. 1977.
2. По следам кузнеца Айнара (из истории кузнечного ремесла древней и средневековой Абхазии VIII в. до н.э. – XV в. н.э.). Сухуми. 1982.
3. Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии (8 в. до н.э. – 15 в. н.э.). Тб., 1983.
4. Мечи из дамасской стали в Абхазии // ИАИЯЛИ. Вып. 13. Тб., 1985.
5. Материалы по археологии Цебельды (итоги исследования Цибилиума в 1978-1982 гг.). Тб., 1985. (В соавторстве).
6. Главная крепость Апсилии. Сухуми. 1986. (В соавторстве).
7. Крепость Цибилиум – один из узлов кавказского лимеса юстиниановской эпохи // Византийский временник. 1987. № 48. (В соавторстве).
8. Древнейшие железные изделия из Гюэноса // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИА АН СССР. Вып.191. 1987. (В соавторстве).
9. Обработка железа в древней Колхиде // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989. (В соавторстве).
10. Кузнечные изделия из памятников цебельдинской культуры // Советская археология. 1990. №3.

Выписка верна
ученый секретарь лаборатории
к. и. н. Л.И. Авилова

Отзыв ведущей организации – Государственного музея Востока обсужден на заседании Сектора Кавказа Отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея народов Востока 7 марта 1995 г., подписан и. о. зав. отделом истории материальной культуры и древнего ис-

кусства Государственного музея Востока, канд. ист. наук Носковой Л.М.¹, ст. научн. сотр. ОИМК и ДИ, канд. ист. наук Кожуховым С.П.,² ст. научн. сотру. ОИМК и ДИ, канд. ист. наук Эрлих В.Р.³, утвержден Генеральным директором Государственного музея искусства народов Востока Набатчиковым В.А.⁴ (Отзыв оглашается).

«УТВЕРЖДАЮ»

Генеральный директор Государственного музея народов Востока

В.А. Набатчиков

10 марта 1995 г.

ОТЗЫВ

на диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук Бгажба Олега Хухутовича «История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье» (I тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.)

В истории древних культур Евразийского континента Кавказ занимает одно из ключевых мест. Расположенный на стыке древневосточных цивилизаций и степного пояса, он издавна служил мостом между различными народами и культурами. Огромен и собственный вклад населения Кавказа в мировую культуру. Особенно это относится к традиции древней металлообработки. К сожалению, до последнего времени не существовало обобщающих работ, которые на основе естественнонаучного и историко-археологического анализа давали бы полную и объективную картину развития древних производительных сил. Рецензируемая работа отчасти заполняет этот пробел, являясь комплексным исследованием черной металлургии у населения Западного Закавказья (главным образом Абхазии) на протяжении 2500 лет. По широте хронологического диапазона и количеству привлекаемых материалов работа является уникальной для всего Кавказского региона.

Диссертация состоит из Введения, трех разделов, которые, в свою очередь, делятся на главы, Заключение, списка использованной литературы и Приложения, включающего рисунки и подписи к ним.

Во Введении дано обоснование проблематики диссертации, указан круг привлекаемых источников и методов исследования.

Актуальным проблемам древней металлообработки Западного Закавказья посвящен раздел I. Кроме подробного обзора источников, в нем рассмотрены

¹ Носкова Людмила Михайловна – археолог, кандидат исторических наук; исследует средневековые археологические памятники Причерноморья и Северо-Западного Кавказа.

² Кожухов Сергей Петрович – археолог, специалист по вооружению и военному делу народов Северо-Западного Кавказа в раннесредневековый период.

³ Эрлих Владимир Роальдович (род. в 1961 г.) – археолог, доктор исторических наук; работы по археологии Кавказа эпохи поздней бронзы и раннего железа, истории Абхазии; научный сотрудник Отдела материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока, член Диссертационного совета при АБИГИ им. Д.И. Гулиа АНА.

⁴ Набатчиков Владимир Александрович (род в. 1940 г.) – доктор философских наук; в 1985-2005 гг. – Генеральный директор Государственного музея Востока.

хронология и периодизация изучаемого периода. Анализ проведен с большой тщательностью и обоснованностью. Следует согласиться с мнением автора, что фактическое начало железного века в древней Колхиде относится к VII-VI вв. до н.э., когда производство широкого ассортимента железных вещей становится массовым, вытесняя бронзовые изделия (с. 68).

Некоторые положения диссертанта, связанные с началом производства железа на Древнем Востоке и особенно о прямом влиянии древних хаттов на железоделательное производство абхазо-адыгских племен пока недостаточно подкреплены фактами и остаются в области гипотез, тем более что даже лингвисты, сторонники родства хаттского и абхазо-адыгских языков высказываются об этом весьма осторожно, как о явлении вероятном, но не доказанном окончательно (Дьяконов И.М., Старостин С.А., 1988, с. 164, 205). Также и мнение ряда исследователей (Аншба А.А., Салакая Ш.Х., Гадагатль А.М.) о том, что наиболее древние пласты нартского эпоса можно найти в абхазской и адыгской версиях, не разделяется некоторыми авторитетными специалистами (Ж. Дюмезиль, Абаев В.Н.). Во всяком случае, нет оснований считать древних хаттов и халибов античных источников одним народом и называть их хатто-халибами, как это часто делает автор. Думается, уместнее было бы говорить лишь о древней традиции железообработки в указанном регионе, а проблему взаимоотношения этих культур оставить лингвистам и специалистам по древней истории Малой Азии.

Во втором разделе работы, состоящем из 4 глав, автор на основании анализа историко-технологических характеристик железных и стальных изделий выявляет особенности кузнечного ремесла в изучаемом регионе, а также место и роль Абхазии в развитии железоделательного производства на Кавказе. Большинство выводов автора хорошо аргументированы, но с некоторыми из них трудно согласиться. Так, например, на стр. 129 диссертант дает типологию железных топоров-молотков, хотя было бы логично использовать уже существующую типологию топоров Закавказья, предложенную М.Н. Погребовой (Есаян, Погребова, 1985). Непонятно также, почему все железные предметы, найденные на территории Абхазии, автором однозначно рассматриваются как продукция местного производства (с.146), в то время как некоторые из них могли появиться в результате обмена, например, меткий меч (с. 146, ан.257). В работе никак не обосновано местное, т.е. Западнокавказское производство всех предметов, составляющих ее источниковедческую базу.

Замеченный автором факт, что акинаки, найденные в Закавказье и на Северном Кавказе, изготовлены в традиции местной кузнечной технологии (с. 156), объясняется тем, что, согласно господствующей в настоящее время в скифском оружейоведении точке зрения, мечи скифского облика (акинаки) имеют кавказское происхождение. (Черненко Б.В. 1984, Лесков А.М.1984, Шрамко Б.А. 1984, Мелюкова А.И.1989, Махортых С.В. 1991, Эрлих В.Р. 1994), и, следовательно, кавказские акинаки и не могут быть изготовлены по степной скифской технологии.

Чрезвычайно интересен раздел III, посвященный социально-экономической характеристике кузнечного ремесла Западного Закавказья, в частности, структуре и организации производства. Весьма плодотворным кажется широкое привлечение автором этнографических и фольклорных материалов, что позволило не только реконструировать технологический процесс, включая подготовительные операции, но и оценить социальную сторону железоделательного ремесла, роль кузнеца в традиционном обществе, его сакральные функции и постепенное выделение мастера из общины, отделение кузнечного ремесла от других видов хозяйственной деятельности, в том числе связанных с добычей и подготовкой сырья, и его внутренней специализации. Вместе с тем отдельные положения автора противоречат одно другому. Так, предположение о существовании уже в скифскую эпоху у колхидцев и кобанцев института «бродячих мастеров» (с.220) противоречит заключению автора о том, что подлинное выделение ремесла в Абхазии произошло лишь около VIII-X вв. н.э. в эпоху феодализма, (с.237), и что кузнец в течение длительного времени был тесно связан с общиной и зависел от нее и в производственном отношении (помощь кузнецу при добыче сырья, обжиге угля и т.д.) (с. 248-249).

Также и заключение автора о том, что в Колхиде такие предметы вооружения, как «мечи, топоры, наконечники копий изготавливались по скифским образцам» (с.231), представляется не вполне верным. Ибо все предметы, о которых идет здесь речь, имеют свои прототипы на Северном Кавказе и здесь заимствуются скифами. И если вклад Северо-Западного и Центрального Предкавказья в сложение категорий вещей несомненен, роль Западного Закавказья в этом процессе пока не ясна. В частности, в диссертации не упоминается, известны ли в Абхазии такие важные для данной темы находки, как биметаллические кинжалы, бронзовые прототипы железных вещей (топоров, наконечников копий и т.п.).

В Заключении подводятся итоги работы, главным из которых является впервые разработанная «историко-культурно-технологическая схема» древнего производства черного металла в Западном Закавказье (с.257), получены дополнительные обоснования в пользу датировки перехода от позднебронзового к раннежелезному этапу (VIII-VII вв. до н.э.). Очень важным представляется демонстрация развития местной железообработки на фоне греческой колонизации, а также включение Западного Закавказья в единую колхидо-кобанскую металлургическую провинцию, объединявшую, кроме Западного Закавказья, Северный и Центральный Кавказ. Однако, как представляется, не вполне ясен вклад собственно Западного Закавказья в рамках этой единой провинции в сложение конкретных форм оружия, характерных для раннего периода железообработки.

Столь широкое использование методов естественных наук (металлографии, химического анализа и т.д.) в сочетании с археологическими, историческими, этнографическими и фольклорными материалами позволило автору дать объективную картину истории железоделательного ремесла как с точки зрения его объективных производственных характеристик, разверну-

тых во времени, так и выяснить его место в структуре древнего и средневекового общества.

В целом, несмотря на отдельные спорные положения и недостаточную освещенность некоторых вопросов, что объясняется, видимо, огромным количеством привлеченного интереснейшего материала и исключительной широтой подхода, диссертационная работа О.Х. Бгажбы является очень своевременным и ценным вкладом в историю Кавказа, как по количеству привлекаемого материала, так и по широте и комплексности его анализа. Она соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, а автор Бгажба О.Х. заслуживает присуждения ему искомой степени доктора исторических наук.

Автореферат соответствует диссертации.

Отзыв обсужден на заседании Сектора Кавказа Отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея народов Востока 7 марта 1995 г.

И.о. заведующего Отделом истории материальной культуры и древнего искусства Государственного Музея Востока, кандидат исторических наук Л. М. Носкова

Старший научный сотрудник ОИМК и ДИ.
Кандидат исторических наук

С. П. Кожухов

Старший научный сотрудник ОИМК и ДИ,
Кандидат исторических наук

В. Р. Эрлих

На автореферат диссертации поступили следующие положительные отзывы:
1. ст. научн. сотр. Института археологии НАН Украины, канд. ист. наук Вознесенской Г.А.¹;

2. Отдела Востока при участии сотрудников Отдела археологии Государственного Эрмитажа, и. о. зам. зав. отделом Востока Зеймаль Т.Н.²

Других отзывов нет.

Р.М. Мунчаев

Слово для ответа на замечания, отмеченные в отзывах предоставляется диссертанту.

О.Х. Бгажба

Я благодарю уважаемых коллег из Государственного музея народов Востока за отзыв в основном положительный, который содержит ряд ценных заме-

¹ Вознесенская Галина Алексеевна – украинский археолог, работы по истории металлообработки в Древней Руси и Восточной Европе, применению естественнонаучных методов в археологических исследованиях.

² Зеймаль Тамара Ивановна (1929 – 2009) – археолог, исследователь древностей Таджикистана и Средней Азии; научный сотрудник Государственного Эрмитажа.

чаний, с частью их я согласен, другие учту в процессе дальнейшей работы, на некоторые позволю себе ответить.

Я не называю хаттов и халибов одним и тем же народом (между ними более чем тысяча лет), а лишь отмечаю вслед за Вяч. Вс. Ивановым, В.Г. Ардзинба и другими этимологическое тождество этнонима халибы с названием железа у хаттов и протоабхазо-адыгов. Что касается типологии топоров - молотков, то она сделана мною в 1992 г. в книге «По следам кузнеца Айнара», поэтому я не пользуюсь типологией М.Н. Погребовой и С.А. Есяна, составленной в 1985 г. Мне не видится противоречие в том, что, несмотря на общинный характер ремесла, кузнец мог покинуть общину в силу каких-то причин, связанных с нормативным фактором. Кстати, подобное явление могло происходить и гораздо ранее, в эпоху бронзового века, что, на мой взгляд, не связано с подлинным отделением ремесла, происшедшим в период образования классового общества.

Я благодарен коллегам Отдела Востока Эрмитажа за отзыв на автореферат диссертации и на некоторые замечания хочу сказать следующее.

Я нисколько не умаляю значение урартского очага металлургии для Закавказья. Это видно из текста диссертации. Мало того, разделяю мнение Р. Плейнера, что Урарту является «ключом к раннему железному веку Ирана и Закавказья». Вместе с тем черный металл и его технология проникли в Урарту, по моему мнению, из Малой Азии, хаттско-хеттского очага древнейшей металлургии железа.

Традиционная преемственность внутри самого железообрабатывающего ремесла может, на мой взгляд, как раз свидетельствовать о неизменной автохтонности населения Абхазии на протяжении всего рассматриваемого почти 2500-летнего периода. Конкретно этногенетические вопросы я не рассматривал, ибо это самостоятельная тема, выходящая за рамки настоящего исследования, хотя они присутствуют, например, в 1-й главе 2-го раздела, 2-й главе 3-го раздела.

Благодарю Галину Алексеевну Вознесенскую, специалиста по металлографии, изучавшую в свое время кавказские материалы, за отзыв на автореферат диссертации и хочу сказать, что, возможно, с моей стороны допущено некорректное выражение, но я не вкладывал в термин домашнее производство тот смысл, что «кузнец – металлург обеспечивал потребность в сырье и металлических изделиях только свою семью и дом», а рассматриваю кузнеца-металлурга, когда последний трудился, находясь в рамках общины, и тогда, когда выделился из нее.

Р.М. Мунчаев

Слово предоставляется официальному оппоненту доктору исторических наук Погребовой Марии Николаевне.

ОТЗЫВ

о диссертации О.Х. Бгажбы Бгажба Олега Хухутовича «История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.)», предложенной на соискание ученой степени доктора исторических наук

Профессиональное изучение древней металлургии не только раскрывает особенности сложения и развития этой столь важной отрасли производства, но и позволяет во многом дополнить и скорректировать представление об истории создавших ее народов.

Автор рецензируемой работы изучил железные изделия /всего 400 анализов/, изготовлявшиеся в Западном Закавказье на протяжении около двух с половиной тысяч лет. Ему удалось проследить эволюцию и особенности этого производства, подробнейшим образом рассмотреть технологические операции, применявшиеся в Древности и Средневековье при обработке железа и стали, выявить приемы, применявшиеся при изготовлении тех или иных категорий вещей, осветить вопрос об источниках сырья и т.п. Работа такого объема для данного района произведена впервые и значение ее очевидно. Нужно добавить, что проблема железообрабатывающего производства в Западном Закавказье рассматривается на широком европейско-азиатском фоне.

Диссертация состоит из трех разделов, введения и заключения и дополнена многочисленными таблицами, рисунками и картами. Собственно историко-технологической характеристике посвящен раздел II, в свою очередь разделенный на 4 главы.

В разделе I рассмотрена археологическая и историческая ситуация в регионе (гл.1) и разобраны источники (гл.11) – письменные (древневосточные, античные, средневековые и др.), упоминающие железо в том или ином контексте, археологические, включающие общую характеристику соответствующих археологических памятников и категории назализированных вещей, металлографические – этот раздел представляет собой скорее историографию содержащих металлографические исследования работ, а также этнографические и эпические, напрасно, правда, названные фольклорными.

Раздел III посвящен социально-экономической характеристике кузнечно-го дела в Западном Закавказье. Подобная структура представляется вполне оправданной и демонстрирует широту охвата темы.

Несомненно, и результаты многочисленных металлографических анализов, сделанных автором, и общие выводы работы будут широко использоваться и уже используются специалистами по каждому из исторических периодов, охваченных исследованием О.Х. Бгажбы. Положительная сторона

¹ Погребова Мария Николаевна (1931-2015) – археолог, скифолог, доктор исторических наук; работы в области истории, археологии и искусству Кавказа, Ближнего Востока и евразийских степей II-I тыс. до н.э.; научный сотрудник отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН; в 2015 г. присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Абхазия».

работы – и то обстоятельство, что исследование не замыкается в административных границах Абхазии, а рассматривает Западное Закавказье в целом, что для изучаемой эпохи не только целесообразно, но и совершенно необходимо. Везде, где это возможно, и отдельно в специальной главе /раздел II, глава 4/ автор сравнивает свои материалы с восточно-грузинскими и северокавказскими, что также способствует созданию более целостной картины.

Не касаясь собственно металлографического аспекта исследования, остановлюсь на некоторых вопросах, непосредственно с ним связанных.

Так, весьма важно определение времени начала широкого распространения железа в Западном Закавказье и принципов периодизации памятников эпохи раннего железа. Следует согласиться с автором, что в Западном Закавказье в силу ряда причин, специально освещаемых в работе /с. 119 сл./, внедрение железного производства происходило не ранее VIII в до н.э., повсеместно же железо здесь, как, впрочем, и на всей территории Закавказья, начинает доминировать лишь в VII-VI вв. до н.э. Как представляется, совершенно справедливо и аргументированно автор отвергает ранние даты начала железного производства в Западном Закавказье, предлагавшиеся Д.А. Хахутайшвили. Естественно, что, решая эти вопросы автор опирается не только на результаты своих анализов, но и в большей степени на археологический контекст. К сожалению, однако, работа построена так, что соотнести анализируемые вещи с конкретными археологическими комплексами чрезвычайно трудно. И, прежде всего, это относится к наиболее интересному в данном случае хронологическому отрезку, т.е. VIII в. до н.э. Автор имеет дело с памятниками, функционировавшими в течение нескольких веков, как правило, VIII-VI вв. до н.э., и выделение комплексов именно VIII в. требует дополнительного обоснования. Не помогают в данном случае и таблицы /см. рис. 2, 4/, т. к. они явно не совпадают с текстом – вещи, отнесенные в тексте к VIII в., в таблице оказываются в памятниках, датированных не ранее VII в. до н.э.

Нет четкости и в определении принципов периодизации этого раннего этапа, датированного в целом VIII – 1-й половиной VII вв. до н.э. (с. 128). Позднее этот этап в свою очередь делится на три периода (с. 161), причем два последних – 2-я половина VIII – VIII вв. до н.э. и конец VII – 1-я половина VI в. – характеризуются разными технологическими приемами. Последнее замечание было бы очень любопытно, но предложенная периодизация, исходя из всей совокупности археологических источников, представляется сомнительной. Если бы автор изложил итоги несомненно проведенного им археологического анализа, подобного недоумения не возникало бы.

В целом же исследование О.Х. Бгажбы наглядно демонстрирует технологическое разнообразие и высокий уровень развития железоделательного производства уже на раннем его этапе. Типологический анализ железных вещей приводит автора к убедительному заключению о существовании уже в это время нескольких центров железообработки (с. 138). Очень важны наблюдения относительно близости железообрабатывающего производства у колхидских и кобанских племен и вывод о том, что именно через Закавказье на Северном Кавказе осуществлялось знакомство с технологией получения железа и стали.

Вообще, рассматривая место и роль Западного Закавказья в железообрабатывающем производстве на Кавказе (раздел II глава 4), автор широко использует работы своих коллег, исследовавших восточно-грузинские, а также и особенно северокавказские и скифские материалы, что, конечно, вполне оправдано. В этом случае хотелось бы пожелать автору лишь несколько большей четкости в выделении того значения, которое имеет для всех этих вопросов изученный им материал.

Обращаясь к памятникам более поздних периодов, автор демонстрирует использование тех технологических схем, которые создавались в ранний период, отмечая в то же время появляющиеся инновации, изменения в преимущественном использовании тех или иных технологий и т.п. (с. 156, 234 и др.).

Весьма интересным представляется вывод относительно преобладания местной металлургии и в период появления в Западном Закавказье греков, а затем римлян и византийцев. Как показывает автор, местными кузнецами перенимались лишь отдельные приемы. Важно заключение, что на иноземных воинов работали местные мастера.

Наблюдения над техникой производства и вытекающими из нее условиями труда позволили автору прийти к интересным выводам социально-экономического характера. Так, заслуживают внимания основанные, в частности, на факте использования менее трудоемкой и снизившей себестоимость техники предположения об отделении в ареале Цебельдинской культуры металлообрабатывающего ремесла от прочих отраслей (с. 236). Уровень оружейного ремесла позволил допустить наличие там же специализированного оружейного дела (с. 236), а также существование, начиная с этого периода, разных категорий кузнецов (с. 245 сл.). Проследивает автор и существование на протяжении длительного времени сельских и городских кузнецов.

Широко используя этнографические параллели, почерпнутые как на Кавказе, так и за его пределами, автор обосновывает положение о сезонности железоделательного производства на ранней его стадии, определяет отношения общины с уже выделившимся из нее кузнецом, описывает институт бродячих кузнецов и т.п.

Этнографические, эпические, фольклорные материалы широко использованы при описании сакральной роли кузнеца в традиционном обществе.

Исследование О.Х. Бгажбы несомненно является ценным вкладом в изучение древней и средневековой истории Западного Закавказья. Высказанные замечания носят в основном редакционный характер и могут быть устранены при подготовке рукописи к печати.

Представленная работа отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Автореферат отражает ее содержание. Данная диссертация является итогом многолетних исследований автора, хорошо известных специалистам. На основании всего вышесказанного обращаюсь к Ученому Совету с просьбой присвоить О.Х. Бгажбе ученую степень доктора исторических наук.

Доктор ист. наук, ведущий н. сотр. ИВ РАН
9 марта 1995 г.

М.Н. ПОГРЕБОВА

Р.М. Мунчаев

Слово для ответа официальному оппоненту предоставляется диссертанту.

О.Х. Бгажба

Я благодарен уважаемой Марии Николаевне, известному кавказоведу и востоковеду, за содержательный отзыв и ценные замечания. Часть из них учту при публикации моей диссертационной работы. На некоторые постараюсь ответить.

У оппонента вполне естественно создается неопределенное впечатление по поводу очень важного хронологического периода, т.е. VIII в. до н.э., потому что в таблицах (2,4) даются только те материалы, которые проанализированы мною, а единичные материалы VIII в. до н.э., к сожалению, не подвергались микроструктурному исследованию, но о них тем не менее говорится в тексте.

Я также согласен с замечанием оппонента, что необходимо быть более четким в определении принципов периодизации раннего этапа, датируемого в целом VIII – 1-й половиной VII вв. до н.э. Но попытка деления этого этапа на три периода сделана мною на основе типолого-технологического анализа археологического материала древней Колхиды.

Р.М. Мунчаев

Мария Николаевна, Вы удовлетворены ответом диссертанта?

М.Н. Погребова

Да.

Р.М. Мунчаев

Слово предоставляется официальному оппоненту доктору исторических наук Мошковой Марине Глебовне.

М.Г. Мошкова

ОТЗЫВ

о докторской диссертации О.Х. Бгажбы «История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.)».

История любого материального производства всегда будет предметом пристального внимания и изучения для археологии, независимым от влияния внешней конъюнктуры. Безусловно, на первое место здесь должна быть поставлена история металлургического производства, обусловившего подлинную революцию в развитии производительных сил. С учетом того, что металлургия и сейчас играет ведущую роль в экономической структуре любого развитого общества, а масштабы производства металлов (и, прежде всего, стали) определяют технико-экономический уровень страны, научное познание истории этого производства представляется крайне важным. Особо актуально технологическое-металлографическое исследование древней черной металлургии, позволяющее увидеть ее историю «изнутри», что недостижимо

(или почти недостижимо) при помощи традиционного визуально-типологического метода, столь характерного для многих археологических работ. Мы слабо изучаем металл и источники сырья в их взаимосвязи. В качестве примера позволю себе напомнить, что применительно к колхидской и кобанской культурам Кавказа конца II-I тыс. до н.э. мы до сих пор не имеем полного ответа на вопрос о происхождении массы олова, необходимого для производства «классической» бронзы.

Совершенно особое место в истории древней металлургии занимает Кавказ. Уже в эпоху бронзы он был крупнейшим металлургическим очагом на юго-востоке Европы и, согласно Е.И. Крупнову (см. его: Кавказ в древнейшей истории нашей страны. ВИ, 1966, 5), поставлял степным племенам катакомбной культуры около 95 процентов бронзовых изделий. Не менее важна роль металлургии Кавказа в эпоху освоения железа. Согласно письменным источникам, искусными мастерами добычи и плавки железа были племена халибов. Древнейшее упоминание о них, как народе кузнецов, принадлежит Эсхилу и относится к VI в. до н.э., а в III в. до н.э. Евдокс пишет: «Из земли халибов вывозится железо, которое хвалят за пригодность к закаливанию» (ВДИ, 1947, 3, с. 274), т.е. к производству стальных изделий. Позже халибы, по Страбону, именовались халдеями и занимали территорию Колхиды, т.е. части Западного Закавказья. Грузинские археологи считают, что именно эти древнегрузинские племена являются «открывателями и искусными металлургами железа» (И.А. Гзелишвили. Железоплавильное производство в древней Грузии. Тбилиси, 1964, с. 108), отсюда технология производства железа распространилась по всему Кавказу.

Обращение О.Х. Бгажбы к данной проблеме вполне обосновано, ибо построено на массовом археологическом материале (2500 предметов), частично (более 400) исследованных металлографически. В главах I и II рассмотрена проблема сырья и его качества, последовательность технологических операций, в древнем кузнечном производстве, проблема производства стали, убедительно продемонстрирован континуитет железоделательного производства в Западном Закавказье с времени его возникновения до позднего Средневековья, сделан существенный вывод о бытовании единой металлургической провинции для колхидской и кобанской культур на основе химико-технологических анализов их черного металла. Археологически очень важен (и это хотелось бы подчеркнуть особенно) вывод диссертанта о том, что начало широкого освоения железа и, следовательно, начало раннежелезного века в Западном Закавказье можно с достаточной степенью достоверности отнести к VIII-VII вв. до н.э. Сказанное смыкается с хронологической схемой В.И. Козенковой, по которой производство железного оружия у кобанцев начинается в VIII в. до н.э. (Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. «Наука». 1989. с. 266), но разительно расходится с датировками железоплавильных сыродутных печей Грузии Д.А. Хахутайшвили, относящим их к XIX-XVIII вв. до н.э. О.Х. Бгажба убедительно полемизирует с Д.А. Хахутайшвили, необоснованно удревнившим вышеупомянутые плавильные печи. Научная полемика диссертанта ведется не только аргументированно,

но и весьма корректно. Разумеется, это не означает, что мы отрицаем древние истоки железоделательного производства в Западном Закавказье, о чем пишет и сам автор диссертации. Речь идет о коррекции дат, на что и обращает внимание диссертант.

О.Х. Бгажба приходит к еще одному важному выводу – о времени появления на Кавказе стали. Металлографический анализ 64 предметов предантичного времени (VIII-VII вв. до н.э.) доказал широкое распространение стали разных сортов, получаемой при помощи термообработки. Подробно рассмотрены технологические приемы. Чрезвычайно интересно заключение диссертанта о том, что термообработанные изделия отсутствуют на греческих поселениях; видимо, технология производства стали эллинами еще не была освоена. Однако на север Кавказа секреты выработки стали проникают довольно быстро, наиболее ранние стальные предметы здесь известны в Келермесских скифских курганах рубежа VII-VI вв. до н.э. (Б.А. Шрамко, Л.А. Солнцев, Л.Д. Фомин. *Металл скифов – железо и сталь. Методы естественных и технических наук в археологии. Тезисы докладов.* М., 1963. с.35-36). Появление стали у скифов есть очевидный результат влияния именно закавказского металлургического очага, чему могли содействовать скифские походы на юг.

Кузнечному производству позднеантичного и средневекового времени посвящена глава III диссертации. В основе ее лежат материалы цебельдинской археологической культуры, металлографическому анализу подвергнуты 150 предметов как из погребений, так и из культурных слоев крепостей Цибилиум, Шапки, Себастополиса-Сухума. Подтверждено более широкое по сравнению с предшествующей эпохой распространения стали, как сырцово-цементированной. Раскрыты технологические схемы, на чем мы не останавливаемся, но отметим присутствие таких сложных технологий, как наварка стального лезвия на железную и более пластичную основу, сварочным дамаск. Серия мечей из дамасской стали, найденная на территории Абхазии, диссертантом убедительно (на наш взгляд) связана с присутствием здесь в IV-V вв. двух римских легионов. В этой связи было бы весьма интересно в исследовании О.Х. Бгажбы затронуть еще во многом загадочный комплекс начала IV в. из кургана № 13 у с. Кишпек в Кабардино-Балкарии (Р.Ж. Бетров. *Курганы гуннского времени у селения Кишпек. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг., т. 3, Нальчик, 1987*). Допустимо думать, что в Кишпеке мы имеем дело либо с офицером римского происхождения, попавшим на Северный Кавказ из причерноморских римских гарнизонов, либо с местным воином, служившим в качестве наемного федерата в тех же гарнизонах. Металлографический анализ короткого меча (точнее кинжала) из Кишпека не сделан, его технология осталась, к сожалению, неизвестной.

Наименее репрезентативной в отношении металлографического исследования оказалась в диссертации средневековая эпоха (90 предметов), хотя номенклатура кузнечных изделий именно этой эпохи обширна. Соответственно и раздел главы III, посвященный периоду с VIII по XV вв., получился незаслуженно лапидарным, хотя основные технологические процессы и приемы

показаны, как и их специфические черты. Возможно, следовало бы шире использовать исследования Б.Е. Деген-Ковалевского о Чуберской железоплавильне в соседней Сванетии (ИГАИМК, вып. 120, 1935) и результаты раскопок Нижне-Архызского городища X-XII вв., культурно связанного с близлежащей Абхазией и давшего единственный на Северном Кавказе железоплавильный каменный горн (В.А. Кузнецов. Нижне-Архызское городище X-XII вв. – раннефеодальный город Алании, Новое в археологии Северного Кавказа. М., «Наука». 1986. с. 234).

Автор диссертации далее реконструирует структуру и организацию кузнечного производства в Абхазии, отмечая постепенную специализацию мастеров (глава I раздела III), но не останавливается на специальном рассмотрении вопроса о кооперации труда металлургов-кузнецов с трудом других ремесленников (например, ювелиров при производстве оружия и т.д.). Для социальной характеристики металлопроизводства средневековой Абхазии это было бы существенно. В заключительной главе исследования рассмотрено отражение кузнечного дела в фольклоре и этнографии абхазов и других народов Кавказа, что обеспечивает всестороннее привлечение источников, дополняющих археологический материал. Почитание кузнечного дела и кузнецов, специальные инициации и пр., столь ярко выраженные в Абхазии – Западном Закавказье, ретроспективно подтверждают глубочайшие корни железообрабатывающего производства в этом регионе. В заключении диссертации О.Х. Бгажба делает обоснованный вывод о высокой культуре «железного дела» и позитивной роли Западного Закавказья в истории черной металлургии на Кавказе и вне его.

Мне представляется, что диссертация О.Х. Бгажбы вкупе с докторской диссертацией Ю.Н. Воронова «Восточное Причерноморье в железном веке» является в настоящее время наиболее полным, аргументированным и объективным исследованием проблемы, вокруг которой долгое время шли споры околонучного характера. В этом я вижу основную заслугу О.Х. Бгажбы, представившего свой многолетний труд в качестве докторской диссертации. Соискатель выступает перед нами как давно сложившийся исследователь.

Думаю, что работа выиграла бы, если бы диссертант более четко провел сравнительный анализ различных металлургических очагов в эпоху раннего железного века. Поскольку эта процедура имеет значение для определения путей распространения техники железообработки.

В качестве удачи автора следует рассматривать III раздел его работы. На основании всего комплекса технологического исследования, реконструкции исторической ситуации в Западном Закавказье, а также глубокого использования этнографического и фольклорного материала, О.Х. Бгажба рисует, на мой взгляд, достаточно достоверную картину истории кузнечного ремесла, структуры и организации этого производства на исследованной территории.

Представленная диссертация является, несомненно, вкладом в изучение металлургии черного металла – а именно железоделательного производства – на землях доселе малоизученного Западного Закавказья. Обнаруженная

близость типологических и технико-технологических характеристик железообрабатывающего производства в рамках как колхидской, так и кобанской культур утвердила существование на этой территории единой металлургической провинции.

Высказанные замечания ни в коей мере не снижают ценности проведенного исследования. У меня нет сомнений в том, что О.Х. Бгажба достоин присуждения степени доктора исторических наук, о чем я и прошу членов Специализированного Ученого Совета Института археологии РАН.

Докт.ист.наук

Вед. науч. сотр. ИА РАН

М.Г. Мошкова

Р.М. Мунчаев

Слово для ответа официальному оппоненту предоставляется диссертанту.

О.Х. Бгажба

Я благодарю уважаемую Марину Глебовну Мошкову, известного специалиста по скифо-сарматской тематике, за положительный отзыв, советы и замечания, которые я учту в дальнейшей работе, на некоторые хочу ответить.

Я определяю эти конкретные 4 меча и кинжал из сварочного Дамаска как продукцию римскую, об этом сказано в тексте, но в то же время не исключаю, что местные кузнецы, находясь и работая в канабах Себастополиса и Питиунта, вполне могли познакомиться с подобной технологией от римских ремесленников, тем более, что мастера из урочища Пышта в Эшерах пытались ее имитировать.

Что касается сближения Западного и Восточного Закавказья в технологии изготовления железных изделий особенно интенсивно со второй половины VIII-VI вв. до н.э., то в моей работе это явление объясняется не только территориальной близостью регионов, но и их принадлежностью единой металлургической провинции.

Р.М. Мунчаев

Марина Глебовна, Вы удовлетворены ответом диссертанта?

М.Г. Мошкова

Удовлетворена.

Р.М. Мунчаев

Слово предоставляется ученому секретарю совета Зое Михайловне для зачитания отзыва официального оппонента доктора исторических наук Кузнецова Владимира Александровича¹, который, к сожалению, не мог присутствовать лично на защите.

¹ Кузнецов Владимир Александрович (род. в 1927 г.) – археолог, историк, доктор исторических наук; крупнейший алановед, исследования по средневековой истории Кавказа; с 1965 г. являлся научным сотрудником в Северо-Осетинском институте истории, филологии и экономики.

З.М. Сергеева

(Оглашает отзыв официального оппонента д.и.н. Кузнецова В.А.).

ОТЗЫВ

о диссертации О.Х. Бгажбы «История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.)», представленной на соискание учёной степени доктора исторических наук.

Применение естественно-научных методов в археологии и, в частности, технико-технологических, насчитывает не одно десятилетие. А накопление как источниковедческих баз, так и аналитического материала в этой области знаний делает все более фундаментальными и интересными новые разработки, особенно в сфере металлургии и металлообработки, определяющих уровень развития производительных сил общества.

Именно к таким работам относится представленная к защите диссертация О.Х. Бгажбы «История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.)». Она, во-первых, посвящена исследованию железных изделий мало изученной территории Западного Закавказья и, во-вторых, охватывает колоссальный хронологический период в две с половиной тысячи лет. Последнее обстоятельство позволяет проследить и понять динамику развития железоделательного производства данного региона от момента его зарождения до становления практически «промышленного» производства всевозможных стандартных железных изделий. Автор пытается также установить закономерности этого развития, культурно-исторические связи в этой области производства и место кузнечного дела Западного Закавказья в системе всего Закавказья, Северного Кавказа и Северного Причерноморья.

Несомненным достоинством работы является комплексный характер исследования, в котором были привлечены данные археологии, металлографии, этнографии, лингвистики и фольклора.

Диссертация насчитывает около 340 страниц текста со списком литературы и более 50-ти страниц приложения в виде разнообразных карт типологических таблиц и микрофотографий металлографических образцов. Изученная автором коллекция железного инвентаря составляет 2500 экз., из которых металлографическому анализу было подвергнуто около 400 изделий из 33-х археологических памятников, датируемых с VIII в/ до н.э. по XV в. н.э.

Довольно подробная разбивка текста на разделы и главы соответствует поставленным во введении задачам.

Первый раздел вводит читателя в круг источников, используемых диссертантом – археологических, металлографических, письменных (в частности, древневосточных, античных, ранневизантийских и средневековых) и этнографических.

Обзору источников, совершенно справедливо, предпослана глава о хронологии и периодизации тех археологических памятников, которыми оперирует автор. Разбирая различные точки зрения О. Х. Бгажба принимает те хроно-

логические схемы и шкалы, которые представляются ему наиболее аргументированными, не предлагая своих версий, поскольку это тема специальной работы. На основе принятой им хронологии, диссертант предлагает периодизацию всех используемых в работе материалов.

Общие рамки и реперы основных вех периодизации не вызывают никаких принципиальных возражений. Однако в тексте, где автором дается дробная периодизация, внутри крупных массивов, не всегда можно разобраться в предпочтении диссертанта тем или иным датам (стр.17-19). А в раннеантичном периоде (VI-I вв. до н.э.) на странице 19 вообще выпал I в. до н.э. Правда, на стр. 234, т.е. почти в конце работы, мы узнаем, что материалами конца I в. до н.э. – I в. н.э. автор не располагает ввиду общего упадка в это время культуры Западного Закавказья и соответственно кузнечного ремесла.

В этой части работы хотелось бы видеть более чёткие формулировки, поскольку позиция автора нередко тонет в массе излагаемых взглядов и концепций, в частности, по хронологии и периодизации памятников Западного Закавказья.

Говоря о главе по источникам, необходимо отметить полноту их набора и прекрасное знание диссертантом широкого круга литературы в этих областях знания. Так в параграфе, посвященной письменным источникам, представляется очень интересной и вполне вероятной версия, предложенная лингвистами и разделяемая О.Х. Бгажбой об этимологическом тождестве хаттского и протоабхазо-адыгского названий железа и генетическом родстве этих языков. Это указывает на очень древние истоки железодельного производства у западнокавказских народов. А тот факт, что кузнечное ремесло и культ кузни занимали исключительное положение в устной и письменной традиции этих народов, говорит в пользу справедливости предложенной концепции.

Археологические источники, используемые автором, представлены полнотой с указанием принятых диссертантом датировок, поэтому выглядят очень досадными нестыковки количественных данных на стр. 47-48 и на рис. 2,3 (речь идет об основном массиве памятников, проанализированных самим автором). Так из Севастополиса и Замка Баграта в тексте указан 31 образец, а на рис. 2-41, имеется и целый ряд таких же неточностей. Столь же исчерпывающая характеристика дана в работе и металлографическим источникам как на территории Западного Закавказья, так и окружающих областей в широком хронологическом диапазоне. После этого обзора становится очевидным, что успешное осуществление исследования О.Х. Бгажбы стало возможным только благодаря серьезным результатам, уже достигнутым в изучении железных изделий из Восточного и Центрального Закавказья, Малой Азии, близлежащих территорий Черноморья и Средиземноморья – древнейших очагов металлургии, а также железодельного производства у скифов, славян и финноугорских народов.

Наиболее подробно диссертант останавливается на своих работах по материалам Абхазии, характеризуя каждую из них. Хотя мне кажется, что было бы гораздо целесообразнее представить здесь концепцию автора и суммиро-

вать достигнутые им конкретные результаты, на которые он опирался в своих дальнейших исследованиях.

Очень жаль, что прилагаемые автором карты (рис.5,6) – схема расположения железорудных проявлений и железоплавильных мастерских на территории Грузии (рис.5) (легенды с расшифровкой нумерации нет) и схема расположения железорудных проявлений на территории Абхазии (рис.6) остались практически немymi. Нет на них и ссылок в тексте. Не указаны на карте (рис.6) и условные границы выделенных автором регионов Абхазии – Западного, Центрального и Восточного. Думаю, что диссертанту необходимо было нанести на карту (рис. 6) с соответствующей легендой все памятники, откуда происходит продукция кузнечных мастерских, изученная автором и упомянутая в тексте.

Сердцевиной диссертации является раздел II, посвященный металлургическому и металлообрабатывающему производству Западного Закавказья в Древности и Средневековье. Большое внимание здесь уделено вопросу о времени и путях появления черной металлургии в Западном Закавказье. Автор видит древнейшие центры металлургии железа в Малой и Передней Азии. В 9-8 в. до н.э. именно из этих регионов происходит усиленный экспорт железа и его индустрии. Одним из основных древнейших путей диффузии железной индустрии в Европу явилось Западное Закавказье (так называемый закавказский или причерноморский путь). Но только к VII-V вв. до н.э. железные изделия уже доминируют во всех этих областях (с.114). Именно с этого времени, как справедливо отмечает О.Х. Бгажба, можно говорить о регулярном употреблении железных изделий, что стало возможным благодаря овладению на местных металлургических базах различными способами производства и обработки стали (мягкая сталь, метод цементации и т.д.). И только к этому времени, как пишет автор, можно относить начало «железного века», т.е. его полную победу над «веком бронзовым».

Мне кажется, в этой части работы, где говорится о металлургических центрах Закавказья, автору было необходимо подчеркнуть, что с I тыс. до н.э., т.е. с начала вытеснения бронзы железом, которое происходило особенно интенсивно со второй половины VIII-VII вв. до н.э., становятся все менее разительными различия между Западным и Восточным Закавказьем, которые были очень велики в эпоху ранней и средней бронзы. Сближение между ними фиксировалось уже с начала I тыс. до н.э., благодаря контактам между Западным Закавказьем и Восточной Грузией.

Основой второго раздела работы является технико-технологическая характеристика всех категорий железных изделий, подвергшихся в ходе исследования металлографическому изучению. Полученные результаты рассматривались согласно принятой автором периодизации, что позволило обнаружить динамику развития железоделательного производства. Она выразилась как в совершенствовании технологических схем и навыков кузнецов (получение цементированной стали, цементация самого изделия – поверхностная или локальная наварка стального лезвия, термообработка, отсутствие перегревов и т.д.), так и в постепенном увеличении наименований в ассортименте изде-

лий. Если в VIII-VII вв. до н.э. насчитывается только 3 наименования, в VII-V вв. до н.э. – 7, то во II-VII вв. н.э. их уже 28, а в XIV-XV вв. н.э., несмотря на разрушительное действие арабского нашествия (VIII в. н.э.) – более 30.

Одним из важных выводов работы является утверждение автора о существовании древнеколхидского металлургического очага и о том, что Западное Закавказье не отставало в развитии железоделательного производства от Восточного, что неоднократно утверждалось рядом археологов и металловедов.

Но, к сожалению, в этом самом важном и интересном разделе работы много досадных оплошностей. Часто скачут хронологические рамки отдельных периодов (например, на стр. 166 позднеантичное и раннесредневековое время I-VIII вв., на стр. 167 – I-VI вв.) Очень трудно, а иногда и невозможно сопоставить описание в тексте отдельных типов различных категорий с представленными рисунками, поскольку ссылки даются суммарно: как орудия труда рис.25-27, оружие рис.28-37 и т.д.

Не всегда в работе четко сформулирована позиция автора по тому или иному вопросу. Для меня так и осталось неясным, как определяет О.Х. Бгажба 4 меча и кинжал, сделанные в технике сварочного Дамаска (стр.179): то ли это предметы импорта, то ли изготовлены приезжими или местными ремесленниками (с.182). Правда, в публикации автора, В.Н. Тереховой и Л.С. Розановой (1990) они рассматриваются как привозные, а среди местных изделий есть лишь попытки имитации дамаскской стали. Приходится сожалеть, что многие выводы и важные наблюдения автора тонут в описательной части текста.

О.Х. Бгажба – зрелый, вдумчивый исследователь, автор многих статей и нескольких монографий, хорошо известный в археологии Кавказа. Он один из организаторов специального «металлургического» Башкапсарского полевого археологического семинара, к сожалению, не получившего развития из-за известных политических коллизий последних лет.

Принимая изложенные выше основные положения диссертации и не останавливаясь на частностях, не имеющих принципиального значения, я высоко оцениваю работу О.Х. Бгажбы и считаю его достойным присуждения ему исковой степени доктора исторических наук.

Доктор исторических наук,

Заслуженный деятель науки Российской Федерации

и Республики Северная Осетия

В. А. Кузнецов

Р.М. Мунчаев

Слово для ответа на отзыв официального оппонента доктора исторических наук Кузнецова В.А. предоставляется диссертанту.

О.Х. Бгажба

К сожалению, Владимира Александровича, известного кавказоведа, нет на защите, приходится заочно благодарить его за проделанную работу над моей диссертацией, за положительный отзыв. Я учту все его замечания. Хотелось сделать некоторые пояснения.

Я не считаю, что эллинам не была знакома термообработка.

С большим знанием дела описывается закалка в знаменитой сцене ослепления Полифена (IX, 391-393): глаз циклопа, пронзенный Одиссеем и его спутниками с помощью обожженного на костре ствола оливы, издает шипение, подобно тому, «как шипит большой топор или тесло, которое кузнец погружает в холодную воду, врачая его, ибо это придает силу железу». Я имею в виду лишь греков-колонистов, т.е. уже местных греков, о чем свидетельствуют железные материалы из Гюэноса и Эшерского городища и др.

Что касается меньшей репрезентативности средневекового материала, то его, когда проводились мною металлографические исследования, просто-напросто еще не имелось в наличии.

Р.М. Мунчаев

Есть ли желающие выступить неофициальным оппонентом по диссертации Олега Хухутовича? Нет.

Олег Хухутович, Вам предоставляется заключительное слово.

О.Х. Бгажба

Я хочу выразить благодарность всем членам Диссертационного совета, его председателю, официальным оппонентам, коллегам из Государственного музея народов Востока, из Отдела древнего Востока Эрмитажа, Института археологии Украины, имеющим непосредственное отношение к сегодняшней защите. Вместе с тем хочется отозваться теплым словом и о самом Институте археологии РАН, с которым связан более, чем 30 лет. Думается, что это уже не узкая, а широкая хронология. К моему великому сожалению, среди присутствующих в зале коллег не вижу тех, которых хотел бы очень видеть, – это, прежде всего, Е.И. Крупнова – моего научного руководителя по кандидатской диссертации, Б.А. Колчина – моего научного консультанта, симпатичного мне и всем А.Кузу и многих других, увы, ушедших в мир иной. И, конечно, большая благодарность лаборатории естественно-научных методов, особенно кабинету металлографии за большую помощь и долготерпение. В стенах этой лаборатории проходила вся моя сознательная научная жизнь и, кстати, апробации настоящей диссертации. Также благодарен моему Абхазскому институту и руководству Республики Абхазия, которые всячески оказывали помощь в моей работе.

В заключение желаю присутствующим в зале мира, здоровья, творческих успехов и, конечно, незапланированных удач во всех жизненных сферах, что весьма существенно в наше сложное время.

Р.М. Мунчаев

Для проведения тайного голосования предлагается счетная комиссия в следующем составе: доктор исторических наук Афанасьев Г.Е., доктор исторических наук Смирнов К. А., доктор исторических наук Виноградов А.А.

(Счетная комиссия утверждается единогласно).

Объявляется перерыв для тайного голосования.

Р.М. Мунчаев

Слово предоставляется председателю счетной комиссии доктору исторических наук Афанасьеву Г.Е.

Г.Е. Афанасьев

(Оглашает протокол счетной комиссии).

Результаты голосования:

За ходатайство перед ВАК о присуждении Бгажбе Олегу Хухутовичу ученой степени доктора исторических наук подано голосов – 16, против – нет, недействительных бюллетеней – нет.

(Протокол счетной комиссии утверждается единогласно).

Р.М. Мунчаев

Открытым голосованием нам нужно принять заключение совета и утвердить классификационные признаки диссертации Бгажба О.Х., проекты которых розданы членам совета. Есть ли замечания, дополнения? Нет.

(Заключение совета по диссертации Бгажба О.Х. и классификационные признаки утверждаются единогласно).

Р.М. Мунчаев

От имени членов совета поздравляю Вас, Олег Хухутович, с успешной защитой диссертации и желаю дальнейших творческих успехов.

Председатель Диссертационного совета Д 002.18.01 доктор исторических наук Р. М. Мунчаев

Ученый секретарь совета кандидат исторических наук

З.М. Сергеева.

Введение и комментарии Ю.Д. Анчабадзе

ПРОТОКОЛ № I

заседания счетной комиссии, избранной специализированным советом
Д002.18.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени
доктора наук при Институте археологии АН СССР

от «24» марта 1995 г.

Состав избранной комиссии пред. Афанасьев Г.Ф. члены
Виноградов А.В. Смирнов Н.А.
(фамилия, имя, отчество)

Комиссия избрана для подсчета голосов при баллотировке _____
Бгажбы Олега Хухутовича
(фамилия, имя, отчество)

на соискание ученой степени доктора исторических наук

Приказом Председателя Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР от
«26» ноября 1990 г. № 650-а состав специализированного совета утвержден в коли-
честве 21 человек^а

Присутствовали на заседании 16 членов совета.

Из них докторов наук по профилю рассматриваемой диссертации 15

роздано бюллетеней членам совета 16

осталось неиспользованных бюллетеней 5

оказалось в урне бюллетеней 16

Результаты голосования: за ходатайство о присуждении учёной степени
доктора исторических наук Бгажбе О.Х.

подано голосов: за 16

против нет

недействительных бюллетеней нет

Председатель счетной комиссии _____
Члены счетной комиссии _____

Ю.Д. Анчабадзе

ЦЕННОЕ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Рец. на: Армяне Причерноморья: энциклопедия / научный редактор и составитель И.В. Кузнецов, руководитель проекта, редактор Х.В. Мхитарян. Том 1. – М.: УП Принт, 2020. – 492 с.

Энциклопедические издания по-прежнему остаются весьма востребованным жанром справочной литературы, при этом, несмотря на широкие возможности электронных средств получения информации, книжные публикации не лишаются актуальности и читательского спроса. Нет сомнения, что чрезвычайно востребованным окажется и рассматриваемое издание, выполненное в рамках уникального научно-исследовательского и публикационного проекта, посвященного одной из диаспорных групп армянского народа.

Рассеяние, в результате которого во многих странах и регионах мира образовалась армянская диаспора (спюрк), является существенной чертой, во многом определившей исторический путь Армении и ее народа. Ранние миграции армян зафиксированы еще в начальных веках новой эры, однако самый массовый исход связан с трагическими событиями геноцида 1915 г., когда, спасаясь от катастрофы, миллионы армян были вынуждены покинуть исконные зоны проживания в Восточной Анатолии. Рассеявшись по миру, беженцы частью освоили новые зоны проживания, частью влились в старожильческие армянские общины, что в целом обусловило достаточно сложную структуру и разнородный состав отдельных частей спюрка.

Между тем, куда бы не водворялись армяне, они неизменно занимали нишу созидательного и производительного труда, внося вклад в социальное, экономическое и культурное развитие окружающего социума. В то же время они никогда не забывали свои этнические корни, не порывали связи с исторической родиной, стойко сохраняя в спюрке национальную идентичность и культурные особенности. В этом двуедином служении видится особый феномен армянской диаспоры, многие черты которой освещены на страницах энциклопедии «Армяне Причерноморья».

В свет вышел пока том I энциклопедии, тем не менее общие концептуальные и эдиционные принципы издания достаточно очевидны, что позволяет высказаться о них в рецензионном обзоре.

Географические рамки энциклопедии обозначены землями, примыкающими к бассейну Черного моря (древнего Понта Эвксинского). Действительно, армянское присутствие в понтийской зоне отмечается с достаточно давних времен, при этом миграционные перемещения, порой существенно менявшие границы расселения народа, тем не менее оставляли неизменным присутствие армянского «цвета» в многоцветии этнической карты этого ре-

гиона. В то же время формальный территориальный принцип вряд ли может представлять значимую доминанту для объединения этих весьма разных диаспорных сегментов в некую целостность. Последняя базируется на других исторических основаниях.

Чл.-корр. РАН, профессор С.А. Арутюнов отметил в «Вводном слове», что «основные “точки роста” армянского этнического достояния находились, особенно после утраты последних остатков национальной государственности, не в “корневой” части этноса, то есть не в области исторической прародины, а именно в диаспорных ответвлениях, от Венеции до Калькутты». Составитель и редактор энциклопедии И.В. Кузнецов конкретизировал это положение применительно к понтийской зоне армянского спюрка, указав, что «расселившись от Константинополя и Аккермана до Трапезунда и Артвина, они представляли для армянского народа альтернативный проект развития». В этом проекте для сохранения национальной идентичности армянам суждено было максимально раскрыть свой творческий потенциал, развивая самые разные сферы социокультурной деятельности, о чем ярко повествуют статьи «Энциклопедии».

При этом важно подчеркнуть еще одну важную роль, которую армяне Причерноморья сыграли в историческом развитии региона. Выстраивая жизнестроительные стратегии, армяне часто выбирали сферы деятельности, связанные с неготиацией, коммерцией и торговлей. Это делало необходимым частые перемещения и поездки по региону, что, помимо прочего, наделяло их функциями своеобразных коммуникаторов и ретрансляторов многообразной информации, представлявшей общественный интерес в среде их контрагентов. Кроме того, пребывание в местной среде обуславливало знание армянами индигенных языков и принятия на себя дополнительных функций толмачей и переводчиков, как в обыденных контактах, так и в дипломатических сношениях между политическими игроками в регионе, что также способствовало интегративным процессам в причерноморской зоне и статусной идентификации проживающих здесь представителей армянских общин.

«Энциклопедия» в значительной степени освещает эти тренды исторического развития армянской диаспоры.

Из представленных в издании сюжетных блоков выделяются материалы, посвященные отдельным диаспорным группам. В соответствии с исторически сложившимися особенностями расселения они рассматриваются в рамках крупных ареальных зон проживания в соответствии с административно-территориальной и государственной принадлежностью.

Для нас особый интерес представляет помещенная в этом блоке статья «Абхазия» (авторы М.Г. Минасян, И.В. Кузнецов), в которой представлены разносторонние сведения об армянской общине нашей страны. В статье отмечается, что первые контакты армян с абхазами относятся еще к ранне-средневековому периоду, однако современное армянское население начало формироваться с последней трети XIX в. Его большинство составляют амшенские армяне, переселение которых поэтапно происходило в 1880-1920-е гг. из

Трапезундского вилайета Турции (санджаки Трабзон и Джаник, каза Орду). Другой значительной по численности группой являются выходцы из Артвина, впервые появившиеся в Абхазии в 1905–1909 гг. Наконец, в советский период, в особенности после Второй мировой войны, сюда подселились многие семьи из Ахалкалакского р-на Грузии. В настоящее время, отмечается в статье, армяне проживают во всех районах Абхазии, исключая Гальский, но особенно много их в Гагрском и Гульрипшском районах.

Поселившись на новом месте, армяне начали активно обустраивать свою экономическую жизнь. Наиболее значительных успехов они добились в лесной промышленности, садоводстве, но, прежде всего, в табаководстве, которое очень скоро превратили в весьма прибыльную экспортную культуру, выдвинув из своей среды ряд удачливых предпринимателей и торговцев (в 1898 г. в списке предпринимателей по Сухумскому округу из одной только Цебельды значилось 18 армянских фамилий).

Революционные потрясения 1917-1921 гг. раскололи армянскую общину. Среди армян оказалось немало сторонников абхазских большевиков, и, в частности, активных участников Абхазской коммуны 1918 г. – в статье приводится факт, как «Е. Эшба с балкона гостиницы “Ориенталь” приветствовал арм[янский] отряд, прибывший на помощь абх[азским] повстанцам». В то же время в образованном летом 1918 г. Армянском национальном совете (председатель Христофор Авдалбекян) большинство принадлежало социал-демократам; еще один полюс политических ориентаций армян Абхазии представляла партия «Дашнакцутюн».

В периоде 1920-1930-х гг. обращено внимание на вклад армян в хозяйственное строительство республики. По-прежнему стратегическое значение имело табаководство, где армянские колхозники в тяжелейших трудовых условиях добивались выдающихся успехов (К. Бостанджян, А. Кереджян, А. Матевосян и др.). В статье говорится о культурном развитии армянской общины. Авторы считают, что наиболее успешной оказалась образовательная система. «К 1941 здесь имелось уже 128 арм[янских] школ, и хотя в дальнейшем многие из них закрыли, тем не менее, по-прежнему, армянские школы Абхазии представляют собой самую широкую сеть во всем Причерноморье». Замечательным событием в культурной жизни армян было открытие Армянского театра (основатель – Э.М. Шагинян). Начала развиваться армянская литература (А.С. Джидарян), в альманахе «Советский писатель Абхазии» имелся раздел на армянском языке. По сведениям авторов, «в 1930-е также выходили машинописные альманахи “Шепор” и “Крунк”». Возникли и начали действовать армянские фольклорные группы «Крунк» и «Амшен». К сожалению, часть этих достижений ликвидировали уже в конце 1930-х гг.

Авторы не обходят стороной проблему политических репрессий в Абхазии, в которых пострадало, в том числе армянское население, многие видные представители которого были репрессированы и казнены, как например, П.А. Сейсян, проходивший по т.н. «лакобинскому» процессу.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. призвала на фронт все многонациональное население страны. Закономерно, что в энциклопедии упомина-

нуты имена героев из Абхазии М.М. Бостанджяна, А. Р. Мелетяна, Э. Г. Гараняна, А. Х. Чакряна, А.В. Шушаняна и др.

Послевоенный период, на мой взгляд, освещен недостаточно подробно (в соотношении с другими разделами статьи), тем не менее авторы обозначили ряд важных констатаций. Изменившаяся структура народного хозяйства Абхазии снизила значение табаководства, что вынудило армян освоить другие трудовые сферы – цитрусоводство, курортный бизнес, хотя, как отмечают авторы, армян это коснулось «не так сильно, как грузин и абхазов». В то же время усложнилась социально-профессиональная структура армянской общины – она стала более урбанизированной, появилась значительная прослойка высококлассных специалистов в самых разных областях трудовой деятельности: на страницах энциклопедии представлены историк-архивист А.О. Тулумджян, математик И. Аветисян, филолог Ж. Эрукян; названы известные всей Абхазии профессиональные династии, например, «врачей в семьях как амшенских армян (Чакряны, Топчяны, Кейяны, Чаляны), так и артвинцев (Магакяны, Тавадяны, Азнаурияны)», или музыкантов (семьи Яврян, Митичян). Дальнейший импульс получила литературная жизнь. В 1954 г. создается литературное объединение «Севцовян Айгебац» («Черноморская заря»), при нем активно работают писатели А. Гурунян, Т. Сарецян, З. Кешишян, Л. Торосян и др. Сегодня объединение возглавляет А. А. Сарецян, поэт, писатель и журналист, член Союза писателей Армении и Абхазии, редактор еженедельной газеты «Амшен».

Мне представляется упущением отсутствие полноценных сведений о зародившемся в конце 1980-х гг. общественном движении среди армян. О культурно-благотворительном обществе «Крунк» упомянуто лишь в связи с тем, что в начавшейся абхазо-грузинской войне оно сыграло «немалую роль в привлечении армян на абх[азскую] сторону». Это, действительно, так, но на «абхазской стороне» армяне были еще задолго до начала войны: авторы верно указывают на «опасения армян А[бхазии] по поводу поднимавшего тогда голову груз[инского] шовинизма». Кроме того, реалии грузинского вторжения в августе 1992 г. не оставляли ни у кого сомнений в сущности происходящего («мародерство груз[инских] солдат в первые дни войны, в частности события в с. Лабра»).

Раздел, посвященный Отечественной войне народа Абхазии 1992-1993 гг., достаточно полный, он дает основное представление о вкладе армянских граждан страны в победу, выразившийся, прежде всего, в создании Армянского батальона во главе с В.А. Косяном, в патриотической деятельности А.Г. Тополяна, Р. Давтяна и др. В энциклопедии указано, что 25 армян было удостоено звания Героя Абхазии, в их числе С. Керселян, А. Кесян, А. Косян, С. Матосян, В. Раганян, Г. П. Трапизонян и др., а также посмертно – Мисак Еремян, Артур Исаханян, Оганес Барцикян; многие были награждены орденом Леона и медалями.

Современный этап развития армянской общины Абхазии описан кратко и несколько схематично. Впрочем, наиновейшая современность всегда представляется динамичным, турбулентным состоянием, которое с известными

натяжками поддается «конвертации» в энциклопедически выверенное знание. В целом же статья «Абхазия», на мой взгляд, выполнила свою познавательную функцию, представив для читателя в энциклопедическом обобщении историю и эволюцию армянской общины нашей страны.

По данной выверенной схеме построены и другие статьи энциклопедии, в которых представлены сведения о крупных территориальных общинах армян. Таковы, например, статьи «Аджария» (автор И.В. Кузнецов), «Анапа» (В.И. Колесов, С.С. Мирзоян, Х.В. Мхитарян), «Анапский район» (И.В. Кузнецов), «Армавир» (С.Н. Кгиторов, В.И. Колесов, С.С. Мирзоян, Х.В. Мхитарян) и др.

Блок статей посвящен отдельным селам – основанным армянами, с преобладающим армянским населением, или его значительной долей в составе жителей. Важным концептуальным решением является присутствие в «Энциклопедии» статей об исчезнувших армянских поселениях, в основном Восточной Анатолии, что дает возможность читателю получить информацию о границах и ареалах армянского исторического присутствия в Причерноморье. Наконец, важным представляется интерес авторов энциклопедии к специфическим зонам местожительства армян. Предположу, что в последующих выпусках энциклопедии будет содержаться специальная статья о Тбилиси, но в рассматриваемом томе присутствует статья «Авлабар» (И.В. Кузнецов), в которой дана характеристика древнего квартала грузинской столицы, тесно связанного с историко-культурным и фольклорно-этнографическим наследием его армянских жителей.

Этнографический быт армян Причерноморья отличается богатством и разнообразием артефактов материальной и духовной культуры. Очевидно, этот аспект также найдет отражение в статьях энциклопедии, во всяком случае в рассматриваемом томе представлен блок статей, посвященный ряду ярких этнографических реалий понтийских армян. В этом ряду, например, описание народного театрального представления зимнего календарного цикла «Алелук», стремительного народного танца «Алмаджук», характеристика персонажа народной демонологии «Алк». Из других этнографических реалий рассмотрены элементы пищевой модели амшенцев «Абур», «Аганц», «Апохт», женский одежный комплекс «Антари», характерное явление хозяйственной жизни городских армян «Амкар» и др. (автор статей этнографического блока И.В. Кузнецов).

Составители энциклопедии включили в статейный тезаурус материалы о культурных институциях, в рамках которых в известном смысле организовывалась социальная жизнь причерноморских армян. В этом отношении интерес представляют статьи об армянской (армяно- и русскоязычной) прессе: газетах «Агос», «Ардзаганк», «Аревелк», журналах «Азгагракан хандес», «Амшен» и др. (И.В. Кузнецов), партиях и общественных организациях, в разных формах и направлениях деятельности, представляющих армянские интересы: «Арменаканы» (Л.А. Карапетян), «Айартун» (И.В. Кузнецов) и др. На страницах тома можно встретить материалы, посвященные историческим событиям, во многом определявшим геополитическую ситуацию в Причерноморском регионе и, следовательно, непосредственно воздействовавших на судьбы местного

армянского населения; см., например, статьи об Адрианопольском (1929 г.) и Александропольском (1920 г.) мирных договорах.

Между тем, форма подачи некоторых информационных материалов вызывает вопросы и возражения. Так, в ряде случаев обращает на себя внимание явная избыточность содержащихся сведений. Например, в 11-страничной статье «Аджария» собственно «армянский» материал начинается лишь с 7 страницы; предшествующие отданы сведениям о древней и средневековой истории края, которая никак не «привязана» к нынешнему армянскому населению, не имеет никакого отношения. Вынужден заметить, что баланс общих сведений допустим лишь в энциклопедиях универсального типа; в специализированных изданиях внимание читателя должно быть сосредоточено лишь на спецификации объекта. Как ни парадоксально, но в энциклопедиях избыточность информации порой столь же неуместна, как и ее скудость.

В структуре энциклопедии присутствуют, на мой взгляд, весьма спорные решения. В частности, в алфавитную последовательность статей в качестве врезок включены «дополнительные» тексты – это достаточно обширные отрывки из воспоминаний, образцы литературного творчества героев, выписки из исторических документов или научных сочинений и т.д. Полагаю, что в рамках принятой концепции энциклопедии эти включения призваны дополнить, конкретизировать или расширить и т.д. представления о конкретном объекте, или герое. Но, во-первых, непонятны соображения, по которым в одном случае потребовалось информационное «расширение», а в другом оказалось ненужным. Во-вторых, специализированные задачи энциклопедических изданий состоят в том, чтобы дать читателю лишь необходимый информационный минимум, объем и детализированность которого напрямую соотносится со «значимостью» объекта; желание же читателя дополнить и расширить свои представления удовлетворяются прилагаемыми к статьям списками литературы. Всякого рода врезки, вставки и т.п. являются все тем же избыточным материалом, который разрушает структурную ткань энциклопедии, перемещая ее в другой жанр справочно-информационных изданий.

Значительный объем энциклопедии отдан персоналиям. Причерноморские армяне выдвинули из своей среды многих ярких представителей, проявивших себя в самых разных сферах социальной деятельности. Их биографии нашли достойное отражение на страницах издания. Понятно, что объемы соответствующих статей не равны и наиболее крупные закономерно посвящены знаковым фигурам понтийского спюрка. Так, чрезвычайно насыщенные и интересные тексты, посвященные всемирно известному Ивану Константиновичу Айвазовскому (автор статьи Т.Г. Тавадьян) и его брату – ученому, просветителю, архимандриту Гавриилу Константиновичу (С.С. Казаров). Яркие биографические очерки посвящены гениальному ученому Виктору Амазасповичу Амбарцумяну (М.О. Саркисян), выдающемуся актеру Петросу Иеронимовичу Адамяну (авторство статьи не указано), предпринимателю и меценату Микаэлу Овсеповичу Арамянцу (М.О. Саркисян), крупнейшему кубанскому предпринимателю Ивану Овакимовичу Аведову (С.Н.

Ктиторов), выделяется серия статей о представителях славных родов Абамеликов/Абамелеков-Лазаревых (М. Гогитидзе, Г. Бежиташвили, С.М. Саядов, И.В. Кузнецов) и Аргутинских (Р.М. Абрамян, И.В. Кузнецов, С.С. Казаров, М. Гогитидзе, Г. Бежиташвили).

При этом ряд статей посвящен не персоналиям, а отдельным фамилиям причерноморских армян. Этот прием дал возможность представить читателю многие группы понтийцев, связанных узами родственной близости, во многом определивших их солидарные действия в разных сферах социальной действительности, например, в сфере профессиональных интересов и т.п., хотя, конечно, многие однофамильцы избирали самые разные пути в жизни и в профессии. В то же время, получая известность, прежде всего, в личном качестве, своей позитивной деятельностью они одновременно прославляли весь род, принадлежность к которому вызывала чувство семейной чести и гордости, основанной на авторитете и уважении окружающих. Таковы фамилии Агабаловы (И.В. Кузнецов), Айвазовы, Акобжановы, Алабердовы, Аладжаловы, Аракеловы (все – В.И. Колесов) и многие другие.

Впрочем, охватить всю биографическую мозаику энциклопедии – задача практически невыполнимая. Ее составляют люди самых разных судеб, профессий и индивидуальностей, которые в целом свидетельствуют о талантливости, трудолюбии, жизнестойкости и патриотической самоотверженности армянского народа.

Вполне оправдано, что в поле зрения авторов энциклопедии находятся также потомки понтийцев, проявившие себя далеко за пределами региона. В этом отношении значительную информацию несет серия статей И.Я. Гаюк об армянских деятелях в Польше и в Украине, а также статьи, в которых прослежена жизнь и профессиональная деятельность американского продюсера Джорджа Авакяна (А.Р. Геворкян), американского художника, графика, иллюстратора Константина Ивановича Аладжалова (С.М. Саядов), выдающегося деятеля католической церкви, патриарха АКЦ и Киликийской Армении Григоре-Петроса XV Агаджаняна (В.З. Акопян), французского писателя и драматурга Артюра Адамова (И.М. Ямпольский). По всему, в томе должна была присутствовать статья «Азнавур, Шарль», но авторы по непонятным причинам в отсылке предлагают читателю познакомиться с ней под номинацией «Шарль Азнавур». Зато, к счастью, из I тома никуда ни делась статья «Абдулла фрер» (Н.И. Кузнецова), повествующая о братьях Абдуллахян, оставивших богатейшее фотографическое наследие, и ряде других представителях спюрка.

Отдельного благодарственного слова заслуживает иллюстративная часть энциклопедии. Авторами собран и введен в оборот богатейший и в большинстве уникальный изобразительный материал, позволивший зримо документировать многие стороны жизни и культуры причерноморских армян.

В то же время энциклопедия, к сожалению, демонстрирует пример крайне неудачных текстов. Прежде всего, это относится к статье «Абаза». Обращаясь к ней, читатель вправе ожидать содержательного разговора об этом термине и получить фундированную информацию, основанную на анализе

его исторического, этнонимического, географического, этнокультурного и др. содержания, что показало бы сложные явления и процессы, протекавшие в регионе Северо-Западного Причерноморья в Средние века и в Новое время. Вместо этого в статье содержатся вздорные этимологические «изыскания», которые резко снижают научный и познавательный потенциал энциклопедии.

Бросятся в глаза и другие недоработки. Малозначащие на первый взгляд, они тем не менее нежелательны в справочно-энциклопедических изданиях, например, разнобой в указаниях на место рождения персоналий – встречаются варианты: род. в Тифлисе (ныне – Тбилиси, Грузия); в Тифлисе (совр. Тбилиси); в Тифлисе Рос. имп. (ныне – Тбилиси, Грузия). В данных случаях желательна некая унификация. Вызывают досаду ошибки, которые никак не должны присутствовать в энциклопедии. Так, в 1920 г. город носил наименование Сухум, а не Сухуми, которым он стал лишь в 1936 г.; в 1916 г. с Грозным никак не могла ассоциироваться Чеченская республика, а в 1940 г. такого субъекта, как РСО (Республика Северная Осетия-Алания) не существовало. Замечательный польский художник армянского происхождения Т. Аксентович был членом венского «Сецессиона», а не «Сецессии». Встречаются небрежности в подрисовочных подписях, во всяком случае, недопустимо указывать, что герой, запечатленный на фотографии с римским понтификом, находится «в компании с нов. Папой Иоанном XXIII». Не всегда понятна логика постатейного размещения иллюстраций. Так, неясно, как свидетельствуют о жизни армян в Абхазии размещенные в соответствующей статье фотографии, под которыми читаем «Крейсер “Тесей” в Батуми», «Нем. ген. Фр. Кресс фон Крессенштайн и полковник Готт в Худже, Палестина», или живописное изображение маршала Советского Союза Л.П. Берия.

Уверен, что следующие тома энциклопедии будут проходить более тщательную и дотошную подготовку.

Выход же I тома энциклопедии «Армяне Причерноморья» можно только приветствовать. Ставшее результатом творческих и организационных усилий большой группы специалистов, издание аккумулировало огромный интеллектуальный и исследовательский опыт по изучению истории и современного состояния одной из частей великой армянской диаспоры. В целом это значительное достижение кавказоведческой энциклопедистики.

Е.Г. Гегия

О ВОСПОМИНАНИЯХ ЕВГЕНИИ БОРИСОВНЫ РАФАЛЬСКОЙ

Рец. на: Рафальская Е.Б. Из окна вагона. Воспоминания // составитель Лакоба С.З. Сухум. 2021.

В 2021 г. в Сухуме издана книга Е. Рафальской (1893-1988) «Из окна вагона», в которой приводятся фрагменты ее воспоминаний (в 2-х частях)¹. Ранее они хранились в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Составителем и автором предисловия рецензируемой работы является известный абхазский историк С.З. Лакоба. Это второе издание из серии «Неизвестная Абхазия. XX век».

В своих мемуарах Е. Рафальская затрагивает важные вехи в истории Абхазии: революцию 1905 г., установление Советской власти в 1921 г., репрессии 1937 г., годы Великой Отечественной войны.

Надо отметить, что С.З. Лакоба был лично знаком с Евгенией Борисовной, а подготовленное им издание ее мемуаров дало возможность нам увидеть известные события по-новому. Е.Б. Рафальская оказалась в Сухуме еще маленькой девочкой. Таким она помнит Сухум своего детства: «...Вдоль набережной стояли маленькие двухэтажные здания: наверху гостиница, внизу – кофейня или кондитерская. А за пределами города тянулись болота, которые доходили до самого маяка на низкой песчаной косе, выступающей в море»².

Отец ее Б.Н. Захаров был видным адвокатом, играл большую роль в РСДРП, но не состоял ни в одной партии. Он участвовал в революционных событиях 1905 г., после чего был арестован и помещен в Сухумскую тюрьму, где оказался в одной камере с Г. К. (Серго) Орджоникидзе. После установления Советской власти в 1921 г. Б.Н. Захаров работал юрисконсультантом СНК Абхазии, затем в Союзе табаководов Абхазии («Абтабак»). В годы НЭПа, в 1923 г. Захаров, будучи юристом Совнаркома Абхазии, по заданию Н.А. Лакоба выезжал в Константинополь для правового урегулирования некоторых торгово-экономических вопросов...³. Мать Е. В. Владимирова (окончила Петербургский медицинский институт) занималась общественной и педагогической деятельностью, умерла от туберкулеза в 1912 г.

В своих воспоминаниях Е. Рафальская рассказывает, что для многих город Сухум служил пристанищем, как в дореволюционное время, так и после революции. Так, в семье Б.Н. Захарова гостили или жили их знакомые, спасавшиеся от преследований. «В дореволюционное время в Сухуме скрывались многие, находившиеся на нелегальном положении. Нравы там тогда были идил-

¹ Рафальская Е.Б. Из окна вагона. Воспоминания. \\ Сост. Лакоба С.З. Сухум. 2021.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 7.

лические. Можно было годами – жить без прописки...»¹. Среди их гостей были: известный большевик – М.И. Васильев-Южин, издатель и главный редактор «Шиповника» – Соломон Юльевич Копельман, известный русский и советский писатель – Алексей Толстой и др.

После Октябрьской революции (1917) и ликвидации Временного правительства некоторые его члены также переехали в Сухум. Среди них был известный политический и государственный деятель России – А.А. Демьянов². Среди приехавших в годы революции в Сухум были, и известные режиссеры Н.Н. Евреинов и Наталия Бутковская. Они открыли в Сухуме театральную студию.

4 марта 1921 г. в Абхазии была установлена Советская власть. 31 марта 1921 г. ревком Абхазии объявил об образовании ССР Абхазия. Тогда нередко об Абхазии говорили, как о «счастливой Аркадии»³, однако политический террор 30-х гг. XX в., имевший место в советском государстве, не мог обойти ее стороной. В своих воспоминаниях Е.Б. Рафальская свидетельствует, что в «Сухуме происходило что-то непонятное. Шли гонения на старых деятелей коммунистической партии Абхазии. При загадочных обстоятельствах погиб в Тбилиси Нестор Лакоба – бессменный руководитель Абхазского правительства. Тело его с почетом привезли в Сухум, похоронили не на кладбище, а в Ботаническом саду, а спустя некоторое время объявили «врагом народа», выкопали прах и сожгли, развеяв пепел по ветру»⁴.

Отец Е. Рафальской, Захаров Б.Н. также был арестован в 1937 г. и приговорен к 10 годам концлагеря. Его обвинили в «связи с Лакобой», 1 мая 1938 г. он скончался.

Находясь в Сухуме в 1942 г., Е. Рафальская стала свидетелем бомбежек. «В день первой бомбежки к вечеру город был почти пуст, а окрестности, в том числе и наше Остроумовское ущелье, заполнены напуганными растерявшимися людьми»⁵. В декабре 1943 г. Е.Б. Рафальская уехала в Москву. Ее воспоминания, безусловно, содержат интересные сведения и являются важным источником по истории Абхазии.

¹ Рафальская Е.Б. Из окна вагона. Воспоминания. \ \ Сост. Лакоба С.З. Сухум. 2021. С. 23.

² Демьянов А.А. Записки об Абхазии и Грузии (1918–1921 гг.) // Сост.: С.З. Лакоба. Сухум, 2021.

³ С. Данилов. Трагедия абхазского народа. \ \ Материалы по истории Абхазии. Вып. 1. Сухуми 1990. С. 10.

⁴ Рафальская Е.Б. Из окна вагона. Воспоминания. \ \ Сост. Лакоба С.З. Сухум. 2021. С. 132.

⁵ Там же., С. 148.

Д. К. Гогия

ОТВЕТЫ НА НЕКОТОРЫЕ ИЗМЫШЛЕНИЯ «ИСТОРИКА» ИЗ ПАРИЖА БАДРИ ГОГИЯ

13 сентября 2020 г. на странице Бадри Гогия в социальной сети Facebook появилась статья под названием «Заметки о присвоении мегрельских этнонимов (АБХА и ПСУА) абазинскими колонистами и появлении народа апсуа»¹, в которой делается попытка возродить антинаучную гипотезу грузинского литературоведа Павле Ингороква. В ней, как известно, утверждалось, что абхазы (эндоэтноним Апсуа), пришли на территорию современной Абхазии в XVII в. с Северного Кавказа, а древние абхазы - собственно грузины. Заметим, что такая гипотеза была опровергнута в академической науке и нигде в научном мире не поддерживается, однако находятся «специалисты» по истории Абхазии, которые пытаются возродить эту не имеющую никакого будущего гипотезу. Одним из таких одиозных «специалистов» является Бадри Гогия.

Хотя в научном академическом мире советуют не обращать внимания на антинаучные статьи, но они часто выкладываются на различных сайтах и способствуют формированию неправильных положений по различным вопросам истории Абхазии.

Мы подготовили некоторые комментарии, чтобы показать, каким образом такие «специалисты» вводят в заблуждение своих читателей.

Обращаем внимание на то, что Б. Гогия, называя разных позднесредневековых авторов, таких как Павел Аллепский, Арканджело Ламберти, Якоб Рейнеггс, Жан Шарден, П.С. Паллас и др., не дает точных ссылок на их работы. Однако это не мешает нам обратиться к самим названным источникам и установить насколько точно данный автор цитирует те или иные источники.

Начнем с Якоба Рейнеггса.

Бадри Гогия: *«Даже в конце XVIII века отмечалось (Яковь Рыйнеггс), что абхазы себя не считали аборигенами».*

Наши комментарии: С работой Якоба Рейнеггса, врача и дипломата XVIII в., жившего в Грузии, «Общее историко-топографическое описание Кавказа» мы хорошо знакомы. В его книге есть глава под названием «Абхазы» (Die Abghazsier). В ней дается важная информация о народах Кавказа, в том числе об абхазах. Вот что он пишет: *«...Бесонта, а также вся юго-западная часть Курдских гор, принадлежат могущественной воинственной древней нации, которая называет себя абхазами, а свою страну – Аваса».*²

¹ https://www.facebook.com/story.php?story_fbid=10220732367690787&id=1584791269&mibextid=2JQ9oc&paipv=0&eav=AfbBfQE1J23mDCUyEq6NeMrkZIANAnIW1f5OVVLhQDyi5Zn1vkPMVjxcj8s4521F5Y0&rdr

² Jacob Reineggs. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha. 1796. S.4.

Далее Я. Рейнеггс сообщает: «Географ Страбон называл этот народ халдеями, а Плиний описывал их как армено-халибы. Черкесы и другие народы называют их авасами и ауасами. Однако народ, проживающий на Кубани и называемый абадзехи, считает себя колонией, давно отделившейся от абхазов, и называют их страну Великая Аваса, а свою собственную – Малая Аваса. Мнения самих абхазов о своих корнях различаются. Некоторые считают, что они действительно произошли от армян; другие же, напротив, утверждают, что их предки пришли из Египта. Как бы там ни было, как в Великой, так и в Малой Авасе жители говорят на одном и том же языке, хотя и с различным произношением, а также имеют схожие манеры. Этот язык совершенно не похож на армянский, а скорее напоминает диалект черкесского».¹

Учитывая, что в те века еще не было научной школы по изучению истории абхазского народа, вполне понятны такие путанные, а иногда неверные данные о происхождении абхазов. Ничего больше о происхождении абхазов, в том числе о их якобы прищлости в Абхазии, Якоб Рейнеггс не писал. Более того, он называет этот народ «могущественной древней нацией», а абадзехов, один из черкесских субэтносов, выводит с территории Абхазии.

Бадри Гогия: «*Это ассимиляторская теория подтверждается не только картами (например, составленная Гастальди в 1561 г.), но и сведением Павла Аллепского (XVII в.), по которому есть две Абхазии (Абхазана): одна полностью языческая, а вторая – еще нет*».

Наши комментарии: Исходя из упоминания Абхазии в работе П. Аллепского как «Апхазана» автор пытается доказать, что слово «Абхазия» имеет мегрельские корни, от слова «апха» плечо и «зана» обозначение древнего народа в юго-восточной части Черного моря, который увязывают с лазами.

На самом деле в работе Павла Аллепского все далеко не так, как это пытаются представить Б. Гогия. Павел Аллепский лично посещал и путешествовал по Грузии, а потому его словам с большой долей вероятности можно верить. В его работе XVII в. о Грузии говорится: «*В грузинской земле суть пять государств. Первая именуется Имерет... Второе государство – Кахет... Третье государство – Картел, и столица сего есть в Тефлизе... Четвертое – Менгрелиа... Пятое – Гуриа, вне Грузии, который разделяет река великая Корион (Риони)*».²

Летописец пишет, что граница грузинских земель тянется от реки Алазана до «Опхазии», т.е. до Абхазии и не включает последнюю в состав грузинских земель. В другом месте, описывая земли Мегрелии, он сообщает: «*Мегрельская земля в длину десять дней от реки Конские (Цхенисцкали) до Опхатцкого государства, где же бе престол был опхазиев*».³

Имея в виду гору Эльбрус П. Аллепский писал: «*Живут в той горе 300 языков. Начинается от Апхазии. Апхазана суть два государства; одно государство в подданстве у Дадьяна Менгрельского, и суть христиане именем, но некрещены.*

¹ Jacob Reineggs. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha. 1796. S.5.

² Антология литературы православных арабов. Том 1. М., 2020. С.320-322.

³ Там же. С. 322.

Поклоняются святым иконам и почитают церкви, а тово ради некрещены, что нет у них ни владыки, ни священников».¹

В данном отрывке речь идет о Большой и Малой Абхазии, которые возникли, возможно, в эпоху завоевания Западного Кавказа Османской империей и известны во многих источниках, начиная с XVII в. Большая Абхазия – это Абхазское княжество, Малая Абхазия – это Садзен или Джигетия. Хотим заметить, что многие авторы эпохи позднего средневековья писали название Абхазии по-разному. Нами зафиксированы следующие написания: Abasches, Abascie, Abassa, Abassie, l'Avogafie, l'Abcassia, Awhasia, Abgaz, Afkas и т.д. Всего – более 15 вариантов. Попытка вывести название «Абхазия» от мегрельского слова «апха» на основе неверного написания Павлом Аллепским («Апхазана») лингвистически ничтожна. Потом надо учитывать и то, что у самого П. Аллепского встречаются несколько вариантов написания названия Абхазии в силу того, что он слышал по-разному от жителей Мегрелии, Гурии, Картли.

Бадри Гогия: *«Петр-Симон Паллас в той же эпохе писал, что абхазы происходят из северо-западной части Кавказских гор».*

Наши комментарии: Работа П.С. Палласа очень важна для изучения истории народов Кавказа, однако для нас остается загадкой, почему некоторые грузинские «историки» приписывают этому исследователю кавказских народов то, о чем он не писал.

Говоря об Абхазии и абхазах, П.С. Паллас подробно описывает народ «Абазы» и делит территорию его расселения на две части: «Малую» и «Большую Абаза». При этом Малой Абазой он называет расселение абазин на Северном Кавказе; а Большой Абазой – часть Северного Кавказа и современное побережье Краснодарского края и Абхазии.

Именно об абазинах Северного Кавказа С.П. Паллас писал: *«Все абазины, или абсне (самоназвание этого народа – абсне), на русском, татарском и черкесском языках – абаза, по-грузински – абхазети. Шесть племен Алти-кесек называются черкесами Табанта, а все другие – куш-хасип, то есть люди, живущие за горами... Они являются, по-видимому, коренными жителями Северо-Западного Кавказа, и прежде занимали пространную область, из которой были вытеснены и прижаты к горам черкесами, которые продолжительными разбоями и истреблениями уменьшили их численность в значительной степени... ..Более того, совершенно точно, что в стране за горами, населенной другими абазинскими племенами из Большой Абазы, вдоль побережья Черного моря до Искурии, или древней Диоскурии, этот оригинальный язык с несколькими его диалектами является преобладающим языком. Даже в отдаленные времена они были, по-видимому, хищническим народом, и очень возможно, что пиратство, на которое жалуется Страбон, как происходящее из этих мест, было совершаемое именно абазинами».²*

¹ Антология литературы православных арабов. Том 1. М., 2020. С. 327.

² Кавказ: Европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик. 2010. С.261-262.

Как видим, П.С. Паллас, в первую очередь, говорит об абазинах, которые, по его мнению, являлись коренными жителями Северо-Западного Кавказа, а ранее занимали более обширные территории. Таким образом, Бадри Гогия приписывает П.С. Палласу то, чего он не говорил. Бадри Гогия не следует забывать, что Абхазия расположена в северо-западной части Западного Кавказа.

В научном мире давно установлен факт миграции двумя волнами абазин на Северный Кавказ с территории Абхазии, ранее мигрировали носители современного диалекта тапанта, а позже – ашьхарцы.

По этому поводу в документах XVIII в. зафиксировано следующее: *«третья малая часть Абхазского народа есть та, которая в прежнем столетии на северную сторону гор перешла...»*¹; *«...за ними находится округ, называемый Бескессек Абаза; жители его переселились из Абазы и отдались под покровительство черкесов»*.²

Такие сведения можно обнаружить во многих исторических материалах прошлых веков. К примеру, во второй половине XX в. Сергей Анисимов писал: *«В XVII в. часть абхазского народа перешла на северный склон Главного Кавказского хребта, в долины рек, составляющих левые притоки Кубани. Здесь они получили название абазы или абазинцев и живут и поныне, хотя в очень небольшом числе»*³.

Грузинский историк А. Гугушвили сообщает: *«Примерно в XVII веке часть абхазов перешла в горы Кубанской (ныне Краснодарской) области, на северные склоны Кавказского хребта, где они до сих пор живут под именем абазинцев»*.⁴

Доктор исторических наук, археолог Е.П. Алексеева пишет: *«В XIII-XIV вв. началось массовое переселение абазин на Северный Кавказ. Продолжалось оно до XVII в. включительно. Первыми переселялись тапантовцы, затем – шкарауовцы. К середине XVII в. в верховьях Кубани и Зеленчуков, а также в Пятигорье жили пять подразделений абазин-тапантовцев: лоовцы, бибердовцы, дударуковцы, клычевцы и джантемировцы. Из шкарауовских подразделений здесь обитали баговцы и кызылбековцы. По-видимому, переселение шкарауовцев на Северный Кавказ продолжалось и во второй половине XVII в. В источниках XVIII в. на Северном Кавказе упоминаются все шесть шкарауовских подразделений – там, кизилбек, баг, чегрей и масылбай-башилбай»*.⁵

Исследователь В.А. Кузнецов, опираясь на разные исторические источники, сообщал: *«Примерно в XIV-XV вв., входившая в состав абхазов этническая группа абаза-абазины (видимо, часть абазгов), переселилась на Северный Кавказ, получив название «тапанта», что по-осетински звучит как «равнинники». Вслед за ними на север Кавказа перемещается еще одна абхазская группа «шхарау». Они и образовали современный абазинский народ Северного Кавказа, имеющий абхазское происхождение. Местность Абаза упоминает в связи с походом Тимура по Северному Кавказу персидский автор начала XV в. Низам ад-Дин*

¹ Месяцослов исторический и географический, на 1779 год. СПб., 1779. С.159.

² Гловани Ксаверио. Описание Черкессии в 1724 г. Тифлис. 1893. С.8.

³ С. С. Анисимов. Абхазские Альпы. М., 1930. С.20.

⁴ Gugushvili A - Caucasia and the Caucasus. Journal of The Royal Central Asian Society. 2011. С.183

⁵ Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. Черкесск. 1980. С. 49.

*Шаами. Так часть абхазского этноса оказалась на Северном Кавказе в окружении адыгских племен».*¹

Сегодня в научной среде по истории Западного Кавказа нет сомнений о миграции абазин на Северный Кавказ с территории Абхазии, что подтверждается письменными, археологическими и лингвистическими данными.

Бадри Гогия: *«Из-за отсутствия древней истории современных ему абхазов, Джифорд Палграв в 1876 г. не охотно верил автохтонству абхазов и писал: «они знают, что они абхазы и ничего больше».*

Наши комментарии: Уильям Гиффорд Пэлгрейв, которого упоминает Бадри Гогия, был офицером британской разведки, путешественником, членом ордена иезуитов. Его работа «Essays on Eastern Questions» мало знакома абхазской общественности в силу отсутствия перевода на абхазский или русский языки. Восьмая глава данной работы посвящена Абхазии и абхазам, а именно абхазскому восстанию в 1877 году. Мы специально подготовили перевод, и приведем полный отрывок, где рассказывается об истории происхождения абхазов. Думается, и абхазским читателям будет интересно, что о них писал английский разведчик:

«О древней истории абхазского народа до наших дней дошли лишь крупинцы информации. Спустя две тысячи лет мы обнаруживаем в греческих книгах упоминание об абхазах, населяющих узкую полосу земли между горами и морем в центре восточного побережья Понта Эвксинского, то есть на территории, описанной в более поздних документах и соответствующей современной Абхазии. Но откуда на ней появились люди, которые сейчас являются ее коренными жителями? В какой колыбели находятся истоки этого народа? Из каких «семей Земли», по терминологии немецких ученых, произошло небольшое племя, численность которого вряд ли превышала когда-либо сто тысяч человек? Ответов на эти вопросы мы не можем найти ни в прошлом, ни в настоящем.

Высокий рост, белая кожа, светлые глаза, каштановые волосы, любовь к спорту и атлетическим состязаниям, казалось бы, указывают на скандинавское происхождение.

*Однако восточные правильные черты и язык, который не имеет заметного сходства ни с одним известным наречием, но при этом содержит семитские постфиксы и намного превосходит самые чистые варианты арабского языка и иврита по количеству гортанных согласных, говорят в пользу родства с другими народами. Кроме того, их характер, в общих чертах сочетающий отвагу, предприимчивость и врожденные предпринимательские способности с детской хитростью и полным отсутствием организованности, создающей нации, исключает их сходство с европейцами и даже турками; скорее, он напоминает о так называемых семитских народностях юго-западной Азии. Однако ни одна традиция не дает нам ключа к разгадке тайны их происхождения; при этом народ, исключивший гласные звуки из своей письменности, почти не оставил документов. Они знают, что они абхазы, и этого достаточно».*²

¹ В.А. Кузнецов. Введение в кавказоведение. Владикавказ. 2004. С.16-17.

² W. G. Palgrave. Essays on eastern questions. London. 1827. P. 256.

Как можно заметить, У. Г. Пэлгрейв никак не сомневался в автохтонности апсуа (абхазов) на территории Абхазии и даже наоборот, утверждает, что их упоминают еще греческие источники и с тех пор прошло 2000 лет, как и то, что поздние летописцы помещают их в том же месте, т.е. на территории современной Абхазии, он так же делает вывод, что своими корнями апсуа (абхазы) восходят к территории Древнего Востока.

Здесь со стороны Бадри Гогия налицо откровенная фальсификация истории абхазского народа и попытка приписать английскому путешественнику и разведчику то, чего он никогда не писал.

Упоминаемые так же Арканджело Ламберти и Жан Шарден вообще ничего не сообщали о происхождении абхазского народа, они лишь зафиксировали период реконквисты в истории Абхазии XVII в., с которым Бадри Гогия и некоторые грузинские «специалисты», явно незнакомы, так как, видимо, очень плохо читают, тем более – анализируют, нарративные источники по истории Абхазии.

Хотим напомнить, что еще в 1938 г. на латыни была опубликована рукопись начала XV в. под названием «*Libellus de Notitia Orbis. Ioannes De Galonifontibus*». В 1978 г. в академическом журнале «*Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*» венгерский переводчик Лайош Тарди опубликовал статью под название «Кавказские народы и их соседи в 1404 году», что являлся переводом той самой рукописи XV века.

Рукопись принадлежит архиепископу Иоанну Голонифонтибусу, который долгое время жил на востоке, был хорошо осведомлен о народах Кавказа и, как следствие, сообщает интересные данные, в том числе и об абхазах. Например: «...Абхазия - малая, холмистая страна. Она располагает множеством животных и прекрасным вином. Они не употребляют хлеб или пшеницу, они никогда не имели их, они варят перемолотое просо в глиняных сосудах, без соли, и вот это они едят вместо хлеба... Они не интересуются проблемами души и в вере они следуют грузинам. Они имеют свой собственный язык»¹.

Думается, комментарии здесь излишни.

Можно и продолжить, но, думается, этого достаточно. На этих примерах видно, что статья Бадри Гогия по истории Абхазии носит явно фальсификаторский характер, не имеет ничего общего с исторической наукой и не представляет никакой ценности.

Источники и литература

1. Антология литературы православных арабов. Том 1. М., 2020.
2. Анисимов С.С. Абхазские Альпы. М., 1930.
3. Гловани Ксаверио. Описание Черкессии в 1724 г. Тифлис. 1893.
4. Месяцослов исторический и географический, на 1779 год. СПб. 1779.
5. Кавказ: Европейские дневники XIII—XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик:, 2010.

¹ Tardy Lajos. The Caucasian Peoples and their neighbours in 1404. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, Tomus XXXII. Budapest. 1878. P.93-94.

6. Кузнецов В.А. Введение в кавказоведение. Владикавказ. 2004.
7. Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск. 1980.
8. Gugushvili A - *Caucasia and the Caucasus*. Journal of The Royal Central Asian Society. 2011.
9. Tardy Lajos. *The Caucasian Peoples and their neighbours in 1404*. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Tomus XXXII. Budapest. 1978.
10. Palgrave W.G. *Essays on eastern questions*. London. 1827.
11. Jacob Reineggs. *Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus*. Gotha. 1796.

СПИСОК ОСНОВНЫХ АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

- ААУ – Апснытәи ахәынтқарратә университет
АБИГИ – Абхазский институт гуманитарных исследований
АБИЯЛИ – Абхазский институт языка, литературы и истории
«Абтабак» – Акционерное общество – Союз табаководов Абхазии
АГМ – Абхазский государственный музей
АГУ – Абхазский государственный университет
АИО – Абхазское историческое общество
АКАК – Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией
АКЦ – Армянская Католическая Церковь
АлтГПА – Алтайский государственный педагогический университет
АМАН – Адыгская Международная Академия наук
АНА – Академия наук Абхазии
АО – Автономный округ
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
БСЭ – Большая Советская энциклопедия
ВАК – Высшая аттестационная комиссия
ВДИ – Вестник Древней истории
ВДНХ – Выставка достижений Народного хозяйства
ВИ – Вопросы истории
ВРК – Военно-революционный комитет
ВС РА – Верховный Совет Республики Абхазия
ВЦИК – Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет
Вып. – Выпуск
ГКО – Государственный комитет обороны
ГПЦ – Грузинская православная церковь
Д. – дело
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
ЗКОИРГО – Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества
ЗКОСХ – Записки Кавказского общества сельского хозяйства
ИАИЯЛИ – Известия Абхазского института языка, литературы и истории
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ИВ РАН – Институт востоковедения Российской Академии наук
ИГАИМК – Известия Государственной Академии материальной культуры
КемГУКИ – Кемеровский государственный университет культуры и искусств
КМ РФ – Кабинет Министров Российской Федерации
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КЧР – Карачаево-Черкесская Республика
Л. – Ленинград, лист
Лл. – листы

ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии
М. – Москва
МГУ – Московский государственный университет
МИД – Министерство иностранных дел
НАН – Национальная Академия наук
НИИ – Научно-исследовательский институт
НИЦ – Научно-исследовательский центр
ННИКЗ – Национальный Новоафонский историко-культурный заповедник
НЭП – Новая экономическая политика
ОВПХК – Общество восстановления православного христианства на Кавказе
ОГПУ – Объединённое государственное политическое управление
ОИМК и ДИ – Отдел истории материальной культуры и древнего искусства
ОК – Объединенная комиссия
ООН – Организация Объединённых Наций
Оп. – опись
ОР – Отдел Рукописей
ПААО – Партийный архив Абхазского обкома
ПГГУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
РА – Республика Абхазия
РАН – Российская Академия наук
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАЭ – Российский Государственный Архив Экономики
РГИА – Российский государственный исторический архив
РКП(б) – Российская Коммунистическая партия большевиков
РНБ – Российская Национальная Библиотека
РПЦ – Российская православная церковь
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
РСО – Республика Северная Осетия-Алания
СБСЕ – Совет по безопасности и сотрудничеству в Европе
СМА – Священная Митрополия Абхазии
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СНГ – Содружество Независимых Государств
СНК – Совет Народных комиссаров
СОГК – Союз объединённых горцев Кавказа
СПб – Санкт-Петербург
ССР – Советская Социалистическая Республика
Тб. – Тбилиси
Ф. – Фонд
ФГБОУ ВПО «ПГНИУ» – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
ЦАМ – Церковно-Археологический Музей
ЦГАА – Центральный государственный архив Абхазии
ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии
ЦИК – Центральная избирательная комиссия
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК КП(б) – Центральный Комитет Коммунистической Партии (большевиков)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Авидзба Аслан Фазлыбеевич** – доктор исторических наук, член-корреспондент АНА, академик АМАН, профессор АГУ, заведующий отделом истории АБИГИ, Председатель правления фонда «АИО». E-mail: aslanavid@mail.ru
- Авидзба Василий Шамониевич** – кандидат филологических наук, член-корреспондент АМАН, главный научный сотрудник отдела литературы АБИГИ. E-mail: v.avidzba@yandex.ru
- Авидзба Виктор Владимирович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии АБИГИ, доцент АГУ.
- Анчабадзе Юрий Дмитриевич** – доктор исторических наук, член-корреспондент АНА, академик АМАН, профессор, ведущий научный сотрудник отдела истории АБИГИ, заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН. E-mail: anchabadze@list.ru
- Аргун Алхас Валекоевич** – кандидат исторических наук, директор Национального Новоафонского историко-культурного заповедника «Анакопия». E-mail: hasafon@mail.ru
- Багпаш Нури Валерьевич** – кандидат географических наук, доцент кафедры географии АГУ, старший научный сотрудник отдела этнологии АБИГИ им. Д.И. Гулиа. E-mail: nbagapsh@gmail.com
- Барганджия Даур Андреевич** – кандидат экономических наук, доцент, депутат ВСРА (1991-1996).
- Бгажба Олег Хухутович** – доктор исторических наук РАН, академик АНА, академик АМАН, профессор АГУ, главный научный сотрудник отдела истории АБИГИ, учредитель фонда «АИО».
- Воронов Юрий Николаевич** – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Международной Славянской Академии, депутат ВСРА (1991-1996).
- Габелая Аслан Суликович** – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории АБИГИ.
- Гегия Елана Геннадиевна** – младший научный сотрудник отдела истории АБИГИ. E-mail: gegiya.elana@mail.ru
- Гопия Денис Карлович** – аспирант АБИГИ, E-mail: denisgopiya@mail.ru
- Дамения Ирина Хухутовна** – кандидат исторических наук, член-корреспондент Петровской Академии наук, директор «Издательства “Юридический центр”». E-mail: damenia@rambler.ru
- Дбар Алексей Ясонович** – научный сотрудник отдела источниковедения АБИГИ. E-mail: apsnyteka@yandex.ru
- Дбар Мрана Геннадиевна** – младший научный сотрудник отдела истории АБИГИ. E-mail: dbar.mrana@yandex.com
- Дорофей (Дбар Дмитрий Заурович), архимандрит** – доктор теологии, ведущий научный сотрудник отдела истории АБИГИ, доцент кафедры истории, археологии

и этнологии Абхазии АГУ, председатель Совета Священной Митрополии Абхазии. E-mail: dbardorotheos@gmail.com

Касландзия Наала Валерьевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии АГУ, старший научный сотрудник отдела истории АБИГИ. E-mail: naala2011@mail.ru

Лакоба Станислав Зосимович – кандидат исторических наук, академик АМАН, профессор АГУ, главный научный сотрудник отдела истории АБИГИ, Председатель фонда «АИО», депутат ВСРА (1991–1996). E-mail: stanl@bk.ru

Маан Омар Владимирович – доктор исторических наук, член-корреспондент АНА, профессор АГУ, ведущий научный сотрудник отдела этнологии АБИГИ. E-mail: omar656@yandex.com

Пимпия Инна Игорьевна – соискатель АГУ. E-mail: pimpiya@mail.ru

Салакая Сослан Шотаевич – кандидат исторических наук, доцент АГУ, старший научный сотрудник отдела истории АБИГИ, директор НИЦ «Абхазская энциклопедия». E-mail: ssalakaya@yandex.com

Салтыков Александр Александрович, протоиерей – кандидат искусствоведческих наук, старший научный сотрудник Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва.

Саманба Леонид Хигович – доктор филологических наук, профессор АГУ, ведущий научный сотрудник отдела языка АБИГИ.

Цимцба Адгур Людвигович – кандидат исторических наук, доцент АГУ.

Ччок-Эшба Эльвира Михайловна – старший научный сотрудник отдела истории АБИГИ.

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ИКА «ВРЕМЕНА»

Уважаемые коллеги!

«Аамтақәа» – «Времена» – историко-культурный альманах

Учредитель – НИЦ «Абхазская энциклопедия».

Направления: энциклопедистика, исторические и социо-гуманитарные науки.

Рабочие языки – абхазский и русский.

Издается не реже одного раза в год.

Приглашаются к сотрудничеству ученые, аналитики, эксперты, работающие в названных сферах. Для публикации предоставляется один распечатанный экземпляр работы и ее электронная версия (электронные адреса указаны ниже). На титульном листе указываются Ф.И.О. автора, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, контактные телефоны, адрес электронной почты.

Объем статей – до 1 печатного листа (40 тыс. знаков (с учетом сносок)). Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5. Абзацы обязательны. Ссылки на литературу – постраничные, автоматические. Сноски ставить перед точкой в конце предложения или сразу после кавычек при прямой цитате. Наличие пробела между словом и знаком сноски не допускается. Страницы указываются буквой – С.

Для статей на абхазском языке – аннотация на русском языке.

Также издание планирует ведение следующих рубрик:

- «трибуна молодых»
- хроника научной жизни;
- мемуаристика и биографистика;
- памятные и юбилейные даты ученых, научных изданий, исторических и культурных событий.

Редакционная политика издания определяется редколлегией.

Эл. почта: aslanavid@mail.ru, agrbailona8@gmail.com

Тел.: +7(940) 925-39-73, +7(940) 927-43-42.

P.S. В первый номер нашего издания статьи и материалы были представлены с разным стилистическим оформлением, хотя изначально редколлегия объявляла о своих приоритетах и пожеланиях. Тем не менее редколлегия не стала возвращать статьи авторам из-за уважения к ним. В то же время, надеемся, что при предоставлении публикаций в наше издание в дальнейшем будут учитываться критерии, которые приведены выше.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии	5
От главного редактора.....	7

– 30 лет Победе –

А.Ф. Авидзба. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В АБХАЗИИ 1992–1993 гг.	14
---	----

– Вопросы энциклопедистики –

Ю.Д. Анчабадзе. ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЭНЦИКЛОПЕДИСТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ АБХАЗИЯ	18
--	----

– Вопросы энциклопедистики –

В.Ш. Авидзба. АБХАЗИЯ В «БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ».....	24
--	----

– Проблемы периодизации и хронологии истории Абхазии –

О. Х. Бгажба. ОТ ВОЖДЕСТВА К ЦАРСТВУ. Из истории абхазской государственности в I тыс. н.э.	31
--	----

– Проблемы периодизации и хронологии истории Абхазии –

С. Ш. Салакая. О ПЕРИОДИЗАЦИИ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ АБХАЗИИ....	36
---	----

– История в лицах –

Н.В. Касландзия. ОБРАЗ ЦАРИЦЫ РУСУДАН В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ	38
--	----

•• История в лицах ••

И.Х. Дамения. К. Г. ЧАЧБА (ШЕРВАШИДЗЕ) И ЗАГОВОР В ГРУЗИИ 1832 ГОДА	48
--	----

– Историческая география –

Д.К. Гопия. ТОПОНИМИКА РЕГИОНА СУХУМ-АКУА ПО СРЕДНЕВЕКОВЫМ НАРРАТИВНЫМ И КАРТОГРАФИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ.....	53
--	----

– Локальная история –

Архимандрит Дорюфей (Дбар). ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС БЖИЛЮА (БЖЬЫЛЦА-НЫХА) В С. АНХУА: ТОПОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ	86
---	----

– Локальная история –

А.В. Аргун. СЕЛО АНХУА. Историко-культурологический очерк..... 116

– Этнология –

О. В. Маан. ТРАДИЦИОННОЕ САДОВОДСТВО АБХАЗОВ..... 173

– Аетнология –

В.В. Аџба. АХЪЗИ-АХЪЫМЗГИ ИРЫДХԶАЛОУ ЗԾААРАԶԶԱԿ ԱԾՏԱԱ
ՐԴԱԴԻՑԻԱԹԻ ԿՄԼԵԿՄԱԲԵԿԻ 186

– Духовная культура –

Э.М. Чкок-Эшбаю. К ВОПРОСУ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА
В АБХАЗИИ (XIX в.)..... 192

– Духовная культура –

А. Л. Цимцба. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МИССИОНЕРСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО
ХРИСТИАНСТВА НА КАВКАЗЕ В АБХАЗИИ И ОСЕТИИ 196

– ССР Абхазия –

А. Я. Дбар. АБХАЗИЯ НА ПЕРВОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ
И КУСТАРНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ВЫСТАВКЕ 1923 г. 204

– Историография –

А.С. Габеляя. ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ССР АБХАЗИЯ В ТРУДАХ АКАДЕМИКА А.Э. КУПРАВА..... 211

– Демография –

Н. В. Багани. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ГЕОГРАФИЯ
РАССЕЛЕНИЯ АБАЗИН В СССР И НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ (1926–2021 гг.) 219

– Научное наследие –

ПИСЬМО А. А. САЛТЫКОВА Ю. Н. ВОРОНОВУ..... 232

Ю.Н. Воронов. КАМЕННЫЕ ИКОНЫ ИЗ ВОРОНОВСКОГО ХРАМА.
(О чем могут говорить рукописи? – Вступление и подготовка текстов
к публикации О.Х. Бгажба)..... 235

– Генеалогические исследования –

Л.Х. Саманба. НАША РОДОСЛОВНАЯ. О фамильном древе рода Саманба 243

– Новейшая история Абхазии: настоящее о прошлом –

И.И. Пимпия. ОБРАЗЫ ВОЙНЫ В АБХАЗСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ.... 261

– Новейшая история Абхазии: глас народа –

М. Г. Дбар. О РЕФЕРЕНДУМЕ 3 ОКТЯБРЯ 1999 ГОДА И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМ
ЗНАЧЕНИИ 266

– Ахытцхыртақәеи адоқәментқәеи –

НАНЕИ МАНАНЕИ ЛАКАШЬИАЦХАЦӘА РАХЬ АСАЛАМ ШӘКӘКӘА.
(*Агәала рацәа зцу ашәкәкәа. – Аңхьажәеи акомментариакәеи Аслан Аәзба*)..... 270

– Источники и документы –

Д. А. Барганджия. О НОВОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ И ПАЛАТАХ
ПАРЛАМЕНТА..... 288

Д. А. Барганджия. ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ ПРИНЯТИЯ НОВОЙ
КОНСТИТУЦИИ. (*О забытых документах и их авторе. – Введение и подготовка
текстов к печати С.З. Лакоба*)..... 290

– Источники и документы –

СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА ПРИ
ИНСТИТУТЕ АРХЕОЛОГИИ РАН ПО ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИИ
О.Х. БГАЖБА НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА
ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК НА ТЕМУ: «История железообрабатывающего
производства на Западном Закавказье (I тыс. до н. э. – середина II тыс. н. э.)»
(*Итог предшествовавшего этапа научной деятельности О. Х. Бгажба. –
Предисловие и комментарии Ю.Д. Анчабадзе*)..... 292

– Рецензия –

Ю.Д. Анчабадзе. ЦЕННОЕ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.
*Рец. на: Армяне Причерноморья: энциклопедия / научный редактор и
составитель И.В. Кузнецов, руководитель проекта, редактор Х.В. Мхитарян.
Том 1. – М.: УП Принт, 2020. – 492 с.* 325

– Рецензия –

Е.Г. Гегия. О ВОСПОМИНАНИЯХ ЕВГЕНИИ БОРИСОВНЫ РАФАЛЬСКОЙ
*Рец. на: Рафальская Е.Б. Из окна вагона. Воспоминания // составитель
Лакоба С.З. Сухум. 2021* 333

Д. К. Гопия. ОТВЕТЫ НА НЕКОТОРЫЕ ИЗМЫШЛЕНИЯ «ИСТОРИКА» ИЗ ПАРИЖА БАДРИ ГОГИЯ.....	335
Список основных аббревиатур и сокращений	342
Сведения об авторах.....	344
Сведения для авторов ИКА «Времена».....	346

А А М Ғ А Қ Ә А

Ағоурьх-культуратә альманах

№ 1–2

—

В Р Е М Е Н А

Историко-культурный альманах

№ 1–2

Корректор **Л. Пачулия**
Компьютерная верстка **Н. Гунба**

Формат 70x108 1/16. Тираж 100. Физ. печ. л. 22. Заказ № 6.

 Республика Абхазия.
РУП «Дом печати»,
г. Сухум, Эшба, 168.